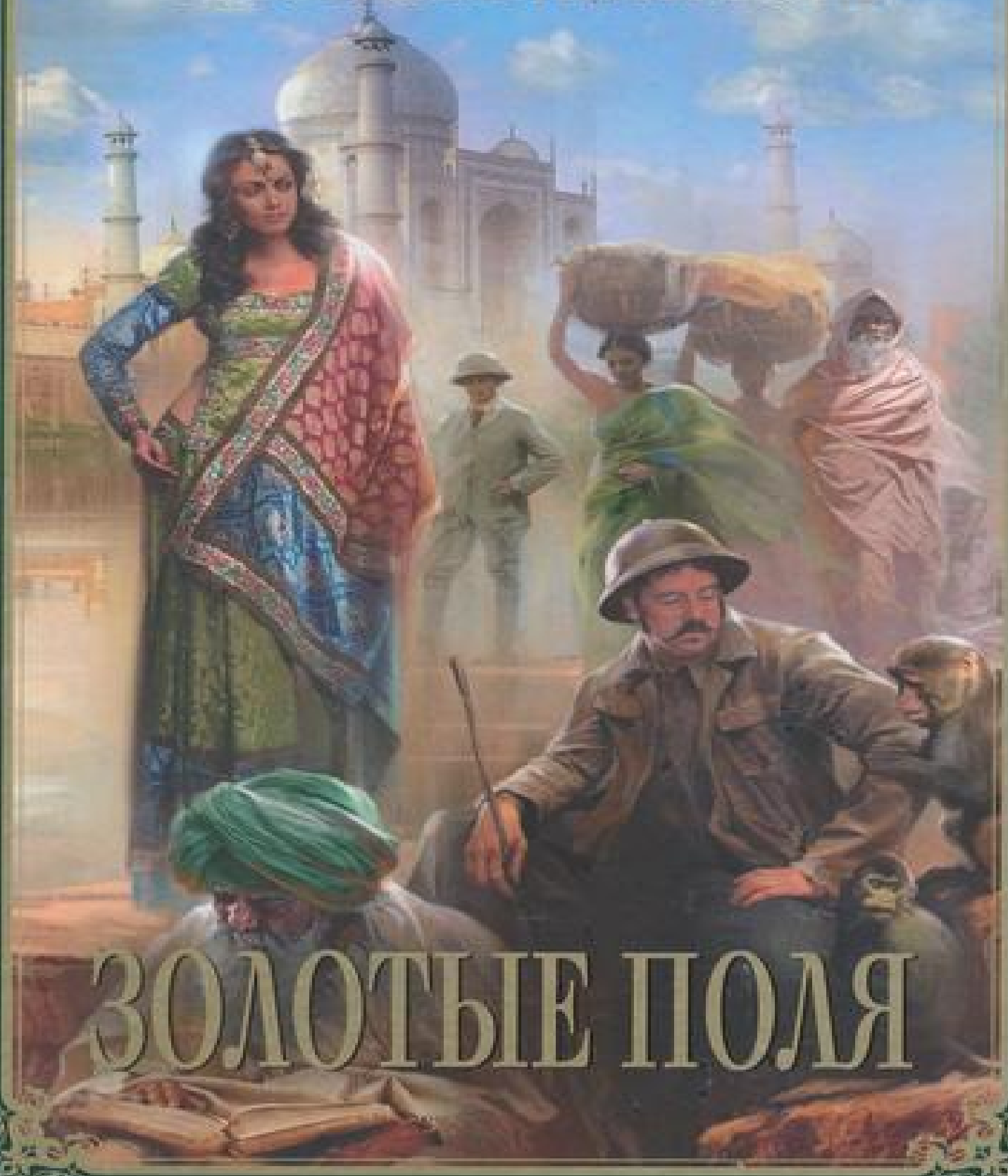

КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ФИОНА МАКИНТОШ

ЗОЛОТЫЕ ПОЛЯ

Annotation

Золотые Поля. Золотые рудники. Великолепная природа тех мест завораживает. А женщины, живущие там, удивительно красивы. Но золото, добытое там, одних сделало очень богатыми людьми, а других — свело в могилу.

Второе десятилетие XX века. Оказавшись далеко от дома, в Индии, двое молодых англичан становятся друзьями. Один из них — харизматичный и беспринципный покоритель женских сердец Джек Брайант; другой — честный и преданный Нед Синклер. Вместе они отправятся завоевывать легендарные Золотые Поля. Но кровавая тайна и любовь к одной женщине поставят их отношения под угрозу. И теперь они могут все обрести или все потерять...

«Золотые Поля» признаны американскими критиками одним из лучших романов, опубликованных в 2010 году.

Впервые на русском языке!

- [Фиона Макинтош](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
- [От автора](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
-

Фиона Макинтош

«Золотые поля»

*С любовью
посвящаю эту
книгу моим
родителям, Фреду
и Монике Ричардс,
а также всей
нашей большой
семье. Мы
разлетелись по
всему миру, но
кровные узы
связывают нас с
Джеймсом и Мей
Паттон, Джеком и
Элизабет Ричардс.*

ЧАСТЬ I

Воскресенье, 19 октября 1919 года

Несмотря на свирепый ветер стылого осеннего утра в Корнуэлле, Джека Брайанта пронизывал совсем другой, внутренний, холод. Прокравшись под подкладку плотной куртки, под старую рубашку, он пополз по спине Джека в тот момент, когда его грубо втолкнули в хижину на вершине холма, с которой открывался вид на городишко под названием Ньюлин.

В этой хижине прежде останавливались корнуэлльские рыбаки, но теперь она пустовала. Джек помнил, как еще мальчишкой с этой же самой высокой точки наблюдал за работой мужчин. Завидев косяк, они оглушительно сообщали новость в пятифутовые громкоговорители. Немедленно начиналась гонка. Кто скорее окружит добычу! В крупном косяке могло быть до трех миллионов сардин. Джеку их работа казалась лучшей на свете, ведь он всегда любил море и часто подумывал, как хорошо было бы родиться сыном рыбака. Но это была всего лишь несбыточная мечта, и добывал Брайант не рыбу, а олово — вдалеке от моря и людей, в подземных рудниках. Но шахты были обречены. Война, во время которой пользовался спросом вольфрам, продлила их существование, но с наступлением мирных дней им окончательно пришел конец.

Из Корнуэлла стали уезжать люди, в особенности молодые. В поисках лучшей жизни они ехали в чужие края. Раньше кремнистое побережье, от Края Земли до Лизарда, кишело людьми — мужчинами, женщинами и детьми. Многие промышляли тем, что грабили потерпевшие крушение корабли, и часто уходили с неплохой добычей. Даже местные священники нет-нет да принимали в этом участие. Но о том Корнуэлле, каким он стал после войны, будут вспоминать как о пустынном крае. Над голой землей возвышались гранитные здания с новейшим оборудованием внутри, способным опустить человека под землю на глубину трех тысяч футов и с легкостью поднять на поверхность добытую им руду. На фоне неба вырисовывались четкие силуэты дымовых труб. Языки огня обозначали места, где тысячи мужчин трудились ниже уровня моря, врубались в британскую землю,

добывая жалкие средства к существованию, в то время как владельцы шахт жирели и богатели с каждым днем.

Однако молодому Джеку приходилось не так тяжело, как его товарищам. По шахтерским стандартам семья Брайантов считалась богатой. Тем более нелепым казалось, что он очутился здесь, с парой головорезов по правую и левую руку, с нависающим над ним долгом, которого ничего не стоило избежать.

Резкий, исполненный одиночества крик чайки оторвал Джека от его путаных раздумий и вернул к опасной действительности. Он помигал, приспособившись к полумраку, прогоняя пляшущие перед глазами световые пятна. Здоровяки-шахтеры втолкнули его глубже в мрак хижины. Выражение их лиц напоминало гранит, из которого она была вырублена. Хватка у них оказалась под стать лицам. Но Брайанта пугала не их сила, которую он ощущал, и не мрачное молчание. К этому он приспособился еще тогда, когда Уолтер Рэлли явился требовать деньги. Нет, страх возник в тот момент, когда его втолкнули в большой черный автомобиль Рэлли и Джек понял, что его повезут не в букмекерскую контору в Труро, а в это отдаленное, богом забытое место на вершине холма. Странно думать, что отсюда до Маркет-Джустрит в Пензансе, где Брайанта похитили, всего пара миль.

Когда Джек обрел четкость зрения, страх пронзил его с новой силой. Он увидел дрожащего полуголого человека, привязанного к деревянному стулу посреди комнаты. От шума, сопровождавшего появление Брайанта, узник вздернул голову и сразу же неразборчиво забормотал. Джек узнал человека, но слов разобрать не мог. По правде сказать, он слышал лишь тяжкие удары собственного сердца да голос, очень похожий на отцовский баритон, с теми же самыми интонациями усталого недовольства.

— Здорово, Джек, — произнес обладатель голоса, выступая из теней.

— Уолтер, я...

— Не стоит зря сотрясать воздух, — ответил человек. — Должен сказать, я возмущен твоей дерзостью. По-моему, ты не оказываешь мне должного уважения.

— Прошу тебя, Уол...

Рэлли поднял руки. Сэр Уолли — так его все звали, но не в лицо.

— Я придумал кое-что получше, — продолжал Рэлли. — Вы, ребята, не слабого десятка. Я еще помню, что любимым развлечением у вас было устраивать побоища камнями между деревьями. На моей памяти парни из одной банды с Южной шахты убили пса просто потому, что решили вымазать флаг в крови, показать, что не шутят.

Говоря, он подошел к Джеку и оказался так близко, что мог до него дотронуться. Джек видел блестящие от бриллиантина седые волосы букмекера, аккуратно убранные назад так, что полностью открывался высокий лоб. Запах бриллиантина смешивался с ароматом одеколona. Отец назвал бы Рэлли денди, сказал бы, что он пахнет как женщина. Когда Рэлли улыбнулся, ямочка у него на щеке углубилась. Но всякое дружелюбие исчезло из облика сэра Уолли, когда он несильно, поджимая губы и зло прищурившись, ударил Джека по лицу.

— Когда устные предупреждения не действуют, юный Джек Брайант, остается обратиться к базовым инстинктам. Вы, оловянные, понимаете только язык жестокости.

Повинуясь кивку Рэлли, его люди отпустили Джека. Тот подавил желание встряхнуть плечами, сбросить их руки, да и еще одно, куда более сильное — развернуться и броситься наутек. При всем своем врожденном оптимизме Джек прекрасно понимал, что не успеет добежать и до порога, как его свалят.

— Я принесу деньги, Уолтер. — Брайант старался говорить спокойно.

— Кто бы сомневался. Просто я не желаю больше ждать. Ты, Джек, из новой породы. Вы не понимаете ответственности и этим отличаетесь от своих родителей. Те вкалывали, платили за жилье, заботились о семье; если брали в долг, то всегда отдавали.

— Может быть...

Тут сэр Уолли снова ударил Джека по щеке.

Кровь у того закипела, но он подавил ярость и произнес, глядя в пол:

— Прости, я не хотел.

— Знаю, малыш. Не пойми меня неправильно, — взметнулся вдруг Рэлли. — Ты мне нравишься, напоминаешь меня самого в молодости. Но на тебя нельзя положиться. Ты чересчур беспечно относишься к чужим деньгам. Тебе ведь отец про это говорил, да?

Джек промолчал.

Уолтер Рэлли, по-видимому, оценил это и продолжил:

— Ты слишком легкомысленно обращаешься с тем, что принадлежит не тебе. Это правда, что от тебя понесли две девицы? Я слышал, старик Пирс охотится за тобой... или за обручальным кольцом, — Рэлли издал короткий смешок. — Надеюсь, она того стоит, Джеки. По крайней мере, хорошенькая, чего нельзя сказать о Вивиан Харрис.

У Джека отвисла и вновь захлопнулась челюсть, а Уолтер все не смолкал:

— Не стоит так удивляться. Я взял себе за правило знать о своих должниках все. О девицах скажу, что, честно говоря, мне наплевать, кому ты морочишь голову... Вот только со мной у тебя такие попытки не пройдут.

— Рэлли, у меня нет прямо сейчас, но я получу...

Эта фраза не произвела на букмекера никакого впечатления.

— Опыт показывает, что ничто так не прочищает должникам мозги, как то, что ты сейчас увидишь. — Лицо сэра Уолли приблизилось к физиономии Джека. — Больше того, я абсолютно уверен, что после этого ты вернешься домой, схватишь материнское жемчужное ожерелье, а может, серебряную флягу отца, одним словом, все, что найдешь, лишь бы за это можно было выручить четырнадцать фунтов, и со всех ног бросишься в ломбард. Подозреваю, после этого мы дела больше вести не будем. Зато ты выплатишь мне долг, а я преподам тебе ценный урок. У тебя неделя, дружок. — Он повернулся к полуголому человеку, привязанному к стулу. — Вот тут у нас сидит и терпеливо дожидается своей участи Джордж. Он работает на побережье грузчиком. Поэтому от него так воняет рыбой, — Уолли сморщил нос. — Его жена Глэдис торгует ею по деревням вразнос. Чтобы купить ей новую бобровую шапку, наш Джордж не против потерпеть!.. — (Тот зарыдал.) — Из-за своего долга он угодил в пренеприятнейшее положение. Сейчас я продемонстрирую тебе, как мы поступаем с теми, кто не желает со мной расплачиваться.

Джордж опять забормотал что-то бессвязное, смесь мольбы и отчаяния. В этот момент по безмолвному сигналу Рэлли руку Джорджа мертвой хваткой стиснул один из шахтеров, от которого несло застоявшимся пивом и табаком. В руках второго материализовался

зловещего вида тесак для рубки мяса. Узник разразился новой серией воплей.

Больше всего Джеку хотелось закрыть глаза, но он знал, что все представление устроено для него. Сэр Уолли вряд ли даст ему возможность пропустить шоу. Так что Джек Брайант мысленно улетел настолько далеко от Корнуэлла, насколько могли его унести крылья воображения. Вот он на корабле, направляется на золотые прииски в Африке или в Америке или на медные рудники в Австралии, этом великом континенте, расположенном на противоположной стороне земного шара. Джек постарался ощутить, как свежий ветер треплет ему волосы, как приятно кошелек оттягивает карман и какой радостью наполняется сердце при мысли о новой жизни.

Внимание Брайанта было мгновенно возвращено в реальность внезапным пронзительным воплем Джорджа. С тошнотворным глухим звуком тесак отхватил ему указательный палец правой руки. У всех на глазах бесполезный кусочек плоти упал на влажный земляной пол. К горлу Джека подступила желчь, и лишь усилием воли ему удалось подавить рвоту. Джордж был не в состоянии так себя контролировать. С окровавленной рукой и посеревшим лицом, дрожащий, он сложился на полах, и горячая жидкость хлестанула наружу. Мясник ловко отскочил в сторону.

— Ах, Джордж, — мягко, тоном близкого друга, проговорил Уолли. — Как насчет еще одного, а?

Тот забился, трясая головой, рыдая, принялся молить о пощаде.

— Один, чтобы преподать урок тебе, — объяснил Уолли. — Второй, чтобы Джек как следует уяснил, что его ждет, если он проигнорирует мое предупреждение. — Переведя взгляд на парня, он рассмеялся. — Ты не сможешь обводить шахтеров вокруг пальца, Брайант, если лишишься его. Без пальцев от тебя не будет никакого толку... Не больше, чем от красивого калеки, у которого за душой ровно столько, сколько тебе досталось от отца. — Уолли обратился к своему спутнику: — Давай отрежем ему второй палец, так же чисто и аккуратно, как первый, — Джордж завопил, а Ралли продолжил: — Можешь отправляться, Джек. Ты знаешь, как тебе поступить. Не пытайся меня надуть, парень, или мне придется нанести визит твоей мамочке, и ее чудным вышивкам придет конец раз и навсегда.

Пулей вылетев из хижины, Джек бросился бежать. Перепрыгнув через каменную стену, он несясь вниз по склону, дыша как можно глубже, пытаясь таким образом унять тошноту. В конце концов Брайант проиграл битву, и у самого подножия его вырвало в кусты утренней овсянкой.

Джека все еще колотило, но он не стал медлить. Утерев рот рукавом, ладонью отведя назад густые темные волосы, он пустился бегом по поросшей вереском, усеянной валунами заболоченной местности, стремясь как можно скорее достигнуть ферм, расположенных в низине, от которых рукой подать до Пензанса, где его ждет безопасность. Все это время в голове у Джека мелькали образы отрезанных пальцев, умирающих собак и разгневанной толпы, жаждущей побить его камнями.

Впереди, на широком участке насыпной дороги, именуемой Тароувер-роуд, там, куда обычно перед отправкой на бойню сгоняли скот, толпились люди. Джек ненавидел Бред-стрит со скотобойней на ней и по дороге в кинотеатр «Савой», где не раз знакомился с молоденькими женщинами, с отвращением перепрыгивал сточные канавы со струящейся в них кровью забитых и умирающих животных. В спешке, охваченный страхом, Джек совсем забыл, что октябрьский праздник урожая в полном разгаре.

Празднество, посвященное плодам земли и моря, в сущности, дарам жизни в целом, сейчас проходило пышнее, чем когда-либо. Людей переполняло счастье от сознания, что наконец-то воцарился мир. Но к вину радости примешивалась горечь — слишком многие погибли в этой войне.

Пристроившись с краю, робея, Джек постепенно приходил в себя. Непереносимый ужас рассеивался просто оттого, что кругом были люди в праздничных нарядах. Они смеялись, громко говорили. Общее настроение передавалось и ему, и Джек чувствовал, что начинает успокаиваться. Прокашлявшись, он избавился от комка в горле, от которого ранее чуть не задохнулся, и осмотрелся. Никто не обращал на него никакого внимания.

Благодарный судьбе за возможность затеряться, он смешался с толпой. Бродя среди людей, Брайант заметил, что между честными тружениками то и дело попадает народ совсем иного сорта: бродяги, уличные жулики, одним словом, охотники за легкой добычей.

Карманникам, цыганам и даже колдуньям неизменно удается неплохо поживиться на таких празднествах.

Вот гадалка со своей палаткой бок о бок со знахарем, утверждающим, что может вылечить все — от подагры до бородавок. Здесь же пара танцоров на ходулях в пестрых костюмах. Шагая по Куинз-стрит, они горстями бросают конфетти в детей, бегущих вниз. Джек знал, что в ближайшие несколько часов будет все: лазанье по столбам, бой быков, цирковые наездники. Не обойдется также без лоточников, уличных проституток и развлечений вроде стрельбы по голубям в поле, демонстрации уродливых животных, а то и людей.

Ближе к вечеру, когда даст себя знать количество выпитого, а поведение кутил станет агрессивным, в толпе появится традиционный мрачный странник в пышной черной пелерине, остроконечной шляпе и злобной маске с огромными щелкающими челюстями. Погоняемая мужчиной в женском платье, странная фигура, приплясывая, пойдет по улице, а замыкать шествие будут музыканты в не менее причудливых нарядах, играющие на разнообразных инструментах. Этот древний ритуал символизировал плодородие. Почти всех зрителей забавлял вид страшной танцующей фигуры, но Джек с детства ее ненавидел. Она казалась ему скорее вестником несчастья, дурным предзнаменованием, а вовсе не символом плодородия и изобилия.

Решив, что для успокоения разгулявшихся нервов не помешает выпить, он направился в «Голову турка» на Чепел-стрит. Считалось, что паб получил свое название в 1233 году, когда турки напали на Пензанс. Джек достаточно часто слышал эту историю от хозяина паба Джонса. В свое время здесь любили выпивать контрабандисты, потому что потайной туннель выходил отсюда прямо в порт.

Джек наклонился, толкнул низкую черную дверь и переступил порог заведения. В теплом дымном воздухе, согретом камином, растопленным углем, висел запах пива. Эта знакомая атмосфера произвела на него успокоительное действие.

— Брайант, ты сегодня рано, — заметил хозяин, протирая высокую пивную кружку. — Пинту горького?

— Лучше разбавь наполовину светлым, — со вздохом ответил Джек.

Хозяин ухмыльнулся и заметил:

— Похоже, ты хочешь сохранить ясную голову.

— Нет, просто устал от твоего разведенного эля и высоких цен.

С начала Первой мировой войны правительство требовало от хозяев питейных заведений разбавлять пиво, чтобы оно почти не оказывало опьяняющего эффекта.

— Три пенса, — заявил хозяин, наполняя кружку. — Удивляюсь, почему это ты, один из всех, не гуляешь?

Джек не клюнул на наживку, предпочел взять свою кружку и удалиться к столу в дальнем углу. Ему показалось забавным, что в такой день в «Голове турка» царят редкие тишина и спокойствие. Буйные завсегдатаи веселятся на празднике. Брайант кивком поприветствовал двух престарелых шахтеров, устроившихся за соседним столом, и уселся.

Мысли Брайанта обратились к выдвигаемым против него обвинениям по поводу беременных девиц. Он и сам не знал, правда это или нет. Особы, о которых упоминал Рэлли, были далеко не робкие фиалки. Как любила говаривать престарелая бабушка Джека, чтобы хлопнуть, нужны две руки. С обеими все было по добровольному согласию, а одна и вовсе много месяцев преследовала парня. Он не мог отрицать, что по пьяной лавочке валялся на сеновале с Элен Пирс. Если начать разбираться, то за последние несколько недель такие встречи у нее были и с другими, имена которых Брайант мог назвать.

Нет, старики Пирс или Харрис — мелочь. Проблему представляет карточный долг Джека. От злости на себя он разом выхлебал почти полкружки. Как можно было допустить, чтобы это случилось? Брайант вспомнил об изуродованных руках бедняги Джорджа. Не говоря уже о боли, неизвестно, сможет ли калека работать. Времена теперь тяжелые.

Джек ненавидел Рэлли, но больше всего — отца и то вечное выражение недовольства, с которым тот смотрел на своего единственного сына. Теперь у старика появится еще один повод для критики. Опять разгорится ссора, и мать прорыдает весь вечер в своей комнате.

* * *

Выходя из паба, Джек налетел на хозяина бакалейной лавки из Сент-Джаста, центра округа, к которому принадлежала его родная

деревня Пендин.

— Здравствуйте, молодой человек! — воскликнул старик.

Брайант кивнул и заявил:

— Мистер Грейнджер, мои извинения.

— Торопишься?

— Да, мне еще идти восемь миль. Простите меня. — При мысли о предстоящем долгом пути Джек вздохнул.

— Все в порядке, дружок, ты мне ничего не отдал. Если хочешь, могу тебя подбросить.

— Благодарю вас.

— Вдвоем ехать веселее.

— Давайте я помогу вам. — С этими словами Джек потянулся к объемистой коробке в руках старика.

— Ты хороший мальчик. Это подарок на день рождения миссис Грейнджер. Ей уже так давно не покупали ничего нового. Я подумал, стоит побаловать ее в этом году.

— Это шляпа? — любопытствовал Брайант, которого весьма устраивала разговорчивость старика.

— Она о ней мечтала. — Грейнджер заторопился к машине.

Он принадлежал к числу нескольких дюжин обладателей новых и весьма популярных автомобилей, выпускаемых фирмой «Моррис Каули» в Оксфорде.

— Залезай, — пригласил Грейнджер. — Ты, наверное, частенько ездешь в такой?

Джек аккуратно поставил шляпную коробку на колени и ответил:

— Не то чтобы очень. Отец считает, я должен сам пробивать себе дорогу.

— Твое время придет. Тем большее удовольствие ты тогда получишь. Кому еще твой отец оставит свое добро?

Джек пожал плечами. Он был убежден, что тот скорее пожертвует всё церкви, чем передаст имущество единственному сыну.

Поездка прошла вполне приятно. Постоялый двор в Ньюбридже еще был открыт. Когда они выехали из деревни и свернули на Северную дорогу, машина стала с ревом взбираться на крутой холм. Чуть-чуть ниже вершины пристроилась часовенка. На самом верху пронзительный ветер обжигал щеки, но Брайант думал о своем. Он стал по-настоящему замечать, что происходит вокруг, только тогда,

когда на спуске они проезжали мимо карна, то есть могильного холма, сложенного из камней. Он назывался Кенидьяк, или Ухающий Карн. Неповторимый звук оторвал Джека от размышлений. Скорбный вой раздавался, когда ветер задувал в узкие щели между камнями.

Миновав карн, машина поехала дальше, по направлению к маяку. В ста ярдах впереди показался ряд домишек с горящими окнами. Там жили со своими семьями работники маяка. Они не только были стражами Пендина, но и обслуживали лодки из Вольф-Рока, что за Краем Земли.

— ...Британии. Ты знал об этом?

— Прошу прощения?.. — Джек только сейчас заметил, что машина затормозила.

— Это самый западный город Британии.

— Я не знал.

— Мне нравится здесь, у маяка. А тебе?

— Да. Наверное, в другой жизни я выбрал бы себе море.

— Правда?

Джек кивнул и продолжил:

— Был бы моряком, рыбаком. Мне очень нравилось бы и то и другое.

— Вместо этого ты исследуешь иные глубины, — заметил Грейнджер.

— Да, но бум далеко позади. Это не настоящая индустрия. Она процветала только во время войны, а теперь полностью рухнет.

Грейнджер кивнул, вдыхая резкий соленый воздух, и заметил:

— Но ты не пропадешь, сынок. Твоя семья хорошо защищена.

Джек опять предпочел не поправлять старика и проговорил:

— Спасибо, что подбросили, сэр. Отсюда я дойду.

— Может, пинту-другую в «Гербе Сент-Остелла»? — Грейнджер весело подмигнул.

— Нет, благодарю вас, лучше пойду сразу домой. Надеюсь, миссис Грейнджер понравится сюрприз.

Чтобы предотвратить протесты, Брайант вышел из машины.

— Кого мне еще баловать теперь, когда мы потеряли обоих сыновей? — На лице Грейнджера мгновенно появилось смущенное выражение.

Джек уже привык к моментам неловкости, возникающим, когда люди заговаривали о парнях, погибших в этой войне. Он не стал дожидаться, пока Грейнджер начнет рассыпаться в извинениях.

— Она это заслужила. — Брайант поднял руку в прощальном жесте.

К счастью, Грейнджер не стал затягивать сцену, а завел машину и был таков.

Защищаясь от пронзительного осеннего ветра, вознамерившегося, похоже, оторвать кожу Джека от костей, молодой человек плотно запахнул полы куртки. На смену жгучему осеннему холоду — здесь, на вершине холма, он точно был именно таким — придет со своими морозами зима. Пряча голову в воротник, он приготовился к встрече с отцом и к совсем иному холоду.

В сумерках двухэтажный дом на холме походил на гигантскую сгорбленную тень, погруженную в одинокие размышления в отдалении от скопления других таких же, в которых обитают добрые жители Пендина. Джек любил это величественное здание, перестроенное его отцом для своей молодой жены. Тот превратил скромное обиталище в прекрасное сооружение, окруженное ухоженным садом. Чарльз Брайант выбрал для стройки гранит, который добывали в карьере поблизости, меньше чем в миле отсюда. Он сам помогал доставлять камень на повозках, а затем распорядился, когда массивными серо-коричневыми глыбами — некоторые толщиной в два фута шесть дюймов — выкладывали фасады пристроек. Большие окна по фасаду смотрели вниз, на деревню. Над шиферной крышей гордо возвышались не меньше четырех каминных труб. Джек знал, что в этот вечер по крайней мере три из них будут попыхивать, потому что отец терпеть не мог, чтобы мать мерзла. По вечерам дом производил мрачное и удручающее впечатление, но днем, при ярком солнечном свете, цемент между гранитными глыбами так блестел, что казался светящимся. Даже шиферные перемычки между окнами начинали сверкать.

В памяти Джека навсегда запечатлелось, как отец нежно поцеловал мать, когда в первый раз перенес ее через порог нового жилища. Эта его мечта — укрыть свою семью в безопасном месте — произвела на сына глубокое впечатление. Он надеялся, что им никогда не придется разлучаться с любимым домом.

Когда Брайант вошел, в доме стояла полная тишина. Лишь тиканье часов на каминной полке напоминало о том, что в этих стенах находятся живые люди.

Джек бросил ключ на буфет, и из гостиной показалась пожилая женщина. Миссис Шанд была родом из Пенрина, но в последнее время ей было проще жить с ними — тем более что дома ее все равно никто не ждал, — хотя Джек предпочел бы, чтобы мать на это не соглашалась.

— Здравствуйте, миссис Шанд, — приветливо произнес он, игнорируя ее привычную неодобрительную мину. — Есть какой-

нибудь суп?

— Я накрыла вам в гостиной, — быстро произнесла она и опять поджала губы.

— А где?..

— Старшего мистера Брайанта нет дома, — ответила миссис Шанд, по-видимому, ничуть не обеспокоенная тем фактом, что перебила молодого хозяина. — Миссис Брайант ужинает в столовой с миссис Хей. Та отмечает первый год траура по сыну.

Джек нахмурился.

— Он погиб под Ипром.

Парень знал, что на Ипре отдал жизнь и сын самой миссис Шанд, когда немцы в первый раз использовали против союзников отравляющий газ. Она словно винила всех уцелевших молодых людей в Корнуэлле за то, что они живы, а молодой Томми Шанд погиб.

— Пожалуй, не стану им мешать, миссис Шанд.

— А как же суп?

— Я не так уж голоден, — солгал он. — Устал, пойду сразу спать.

— Спокойной ночи.

Джек молча поднимался по лестнице. Он устал, но был доволен хотя бы тем, что ему не придется в этот вечер видеть суровое лицо отца, и помедлил на площадке перед комнатой родителей. Молодой человек задавался вопросом, почему отец не перебрался в соседнее помещение, по обычаю других богатых джентльменов. Этот небольшой зал все равно назывался отцовским, и обстановка здесь была хмуроватая, изысканная, викторианская.

Затаив дыхание, Джек тихонько переступил порог комнаты, которую считал материнской. При этом он проследил, чтобы не наступить на разболтавшуюся половицу. Та неминуемо издала бы громкий скрип. Чисто женское святилище, украшенное бледными узорчатыми тканями, изящное и уютное. Все это представляло собой полную противоположность тому, что считал красивым Чарльз Брайант, но его это, по-видимому, не смущало. Он обращался с женой нежно, как с хрупкой птичкой.

В минуты гнева и отчаяния Джек находил успокоение в мысли, что родители любят друг друга по-настоящему. Он всегда будет плодом этого чувства. Чарльз исполнял любое желание Элизабет Брайант, но это ее не избаловало и не сделало требовательной. Парень знал, что

самым большим ее желанием было ничем не замутненное счастье в доме. Чарльз не мог дать ей этого именно потому, что здесь жил Джек.

Молодой человек вздохнул. Иногда он начинал ненавидеть себя за то, что стал таким проклятием их жизни. Брайант на цыпочках пересек комнату, обставленную в стиле Эдуарда VII, и приблизился к туалетному столику матери. Его освещала прекрасная лампа цветного стекла — недавнее приобретение, дань модным вкусам Элизабет. В некоторых домах, гораздо более богатых, уже года два как пользовались электричеством, однако Брайанты провели его одними из первых. Чарльз не мог упрекать жену за желание приобщиться к новой роскоши.

Джек в точности знал, что ищет. Не жемчуга, как предполагал Рэлли, а прекрасные часы с бриллиантами, которые Чарльз подарил Элизабет незадолго до появления на свет Джека. Как-то сын услышал ее замечание, что они, мол, немного вычурные, но его самого всегда восхищал вид платинового корпуса, усыпанного крохотными сверкающими бриллиантами, зачаровывала мысль о том, что нечто столь изысканное создается из камней, добытых из глубин земли. Это привлекало Брайанта как искателя и добытчика подземных сокровищ.

Сняв крышку с резной серебряной шкатулки для драгоценностей, Джек принялся осторожно перебирать украшения. Вот и часы. Он не сомневался, что пройдут недели, если не месяцы, пока мать хватится часов, потому что она их редко носила. К тому времени он успеет выкупить вещицу и вернуть ее законной владелице, которая ничего даже и не заподозрит.

При приглушенном свете лампы бриллианты поблескивали, а крошечный циферблат, сделанный из голубой раковины, казался черным. Так же черно в эту минуту было у него на сердце. Наматывая на длинные пальцы тонкий плетеный ремешок, Джек решил, что это будет в последний раз. Больше он не подведет родителей, отныне будет честно трудиться и жить в соответствии с идеалами отца.

Поглощенный этими душевными размышлениями, Джек не услышал звука шагов. Кто-то поднимался по лестнице, и, если бы не предательский скрип доски, его поймали бы с поличным. Услышав пронзительный звук, он застыл на месте от страха. У него была секунда, чтобы спрятать изысканные часы в карман и придать лицу невинное выражение.

— Джек, дорогой, это ты? — послышался голос Элизабет Брайант.

— Здравствуй, мама. Выглядишь чудесно, как и всегда, — спокойно произнес он, поцеловал ее в щеку и с удовольствием вдохнул аромат духов.

— Спасибо, милый. — В неярком свете глаза Элизабет лучились. — Я вполне понимаю, почему девушки так тебя любят, мой мальчик, — произнесла она, обхватывая его лицо ладонями.

— Миссис Хей ушла?

— Попудрить нос. По-моему, я слышала, как ты пришел. Мне казалось, ты вернешься позже. А почему?..

Он поспешил заговорить и спросил, осматриваясь, прерывая ее на полуслове:

— Тебе не попадались мои кожаные перчатки? Понятия не имею, куда я их подевал, но у меня нет никакого желания провести еще один такой день. Пальцы заледенели!

Она рассмеялась тихо, мелодично. Сыну так это нравилось, что он часто говорил что-нибудь специально, чтобы вызвать такую реакцию матери.

— Но почему тебе пришло в голову искать здесь? — поинтересовалась Элизабет.

Он заулыбался и ответил:

— От отчаяния, наверное. — В словах Джека было больше правды, чем она могла себе представить. — Помнишь, вчера я приносил сюда цветы в вазе?

Ложь была так убедительна, что он сам в нее поверил и бросил взгляд на вазу с лилиями. Ее принесла миссис Шанд, а молодой человек лишь открывал ей дверь.

— Дорогой, боюсь, перчаток здесь нет. Но цветы божественные, спасибо тебе. Джек, у тебя усталый вид. Да и эта растрепанная шевелюра!.. Не мешало бы причесаться. Как у всех Брайантов, волосы у тебя такие густые.

— Но ты всегда говорила, что именно они делают нас красивыми.

— Это правда. Но надо же тебя за что-то и покритиковать, чтобы ты не возгордился чересчур.

Он улыбнулся и спросил:

— А как у тебя прошел день?

Сын заметил в волосах матери новые седые пряди, элегантно зачесанные назад. Она не пожелала сделать модную короткую стрижку с кудряшками, и Джеку это было приятно. Ему нравилась ее прическа, пусть и обнаруживавшая то, что женщина всеми силами пыталась скрыть. Ей шел уже шестой десяток. До того как Элизабет в тридцать семь лет произвела на свет Джона — Джека — Брайанта, у нее было несколько выкидышей. Родить первого ребенка в таком возрасте — довольно поздно, но мать с неистощимой энергией взялась за свою новую жизненную роль.

— Папа отправился в Труро. Наверное, он останется там на ночь, — произнесла она, глядя в темное окно.

— Да? А что там случилось?

— Ничего нового, — вздохнула Элизабет Брайант. — Дела.

Джек кивнул. Он знал, что отец не посвящает ее в подробности.

— Но все в порядке?

— Да, дела давно не шли так хорошо, — рассеянно произнесла она, глядя в зеркало и поправляя волосы.

Элизабет сохранила завидную стройность, и платье сидело на ней прекрасно.

— Неужели? — На лице Джека появилось удивление. — Мне казалось, что сейчас наступили не лучшие времена для поставщиков шахтного оборудования.

— Совсем наоборот. Недавно он подписал новый контракт по поставке оборудования за границу. Все это отправится очень далеко — в Африку, в Индию. Кто бы мог подумать, что бизнес пойдет так успешно! — Она пожала плечами. — Это все, наверное, благодаря его опыту и знаниям.

— Кто бы сомневался. Все же он заставляет меня работать как простого шахтера, — проворчал сын.

— Джек, дорогой, пожалуйста, не надо. Мы много раз об этом говорили. Ты забываешь, когда отец был в твоём возрасте, ему пришлось несладко. Он долбил породу!

— Ты это, видимо, к тому, что моя работа не имеет никакого смысла, — отвечал молодой человек.

— Нет, я не это имела в виду. У тебя есть преимущество — ты получил отличное образование в горной школе и теперь занимаешь очень ответственную должность, хотя тебе не исполнилось и двадцати.

— Это не производит на него впечатления. К тому же не стоит обманываться, меня только потому назначили на эту должность, что многие мужчины погибли.

— Может, и так. Все же у тебя в руках жизни этих людей. Не забывай, что они от тебя зависят!

Ее любовь и поддержка были безграничны. Джек не сомневался, что именно благодаря этому отец всегда выглядит таким сильным, уверенным в себе.

— Мама, у этих шахт нет будущего. Малайское и боливийское олово дешевле. Они платят шахтерам серебром, а олово продают за золото. Индустрия в Корнуэлле такая же мертвая, как шахтеры, похороненные на французских полях...

— Перестань!

— Почему? Разговоры о войне смущают тебя так же, как и отца?

Вот она, истинная причина ярости, бурлящей в старике. Он опять направил свой гнев на мать, менее всего его заслужившую.

— Джек! — В ее голосе звучала обида. — Ты пошел добровольцем, как и все молодые мужчины. Но тебя уговорили остаться, потому что нужно было, чтобы кто-то находился в Корнуэлле и поддерживал шахты в рабочем состоянии.

— Некоторые смотрят на это иначе, особенно мой собственный отец.

— Он понимает. Это зависело не от тебя. Военная промышленность отчаянно нуждалась в вольфраме.

— Чем тогда объяснить появление белых перьев^[1], которые я с завидной регулярностью обнаруживаю в моем снаряжении?

— Джек!..

Он покачал головой с таким выражением, как будто его это больше не волнует, и спросил:

— Сколько еще времени мне этим заниматься?

— Просто отец хочет, чтобы ты ценил то, что у нас есть, не относился к этому как к чему-то само собой разумеющемуся, не забывал свои корни. А ты, Джек, бросаешь все это ему в лицо. Что-то темное заставляет тебя отворачиваться от всего, чему он стремится научить, желает дать...

— Отец только потому разбогател, что шахтные магнаты хотели наложить лапу на земли деда. Но это ведь была и моя земля. Дедушка

сам так сказал. Я присутствовал при этом. Своими ушами слышал!

— Ты прав. Благодаря земле дедушки твой отец смог выбраться из шахты, за что я буду вечно ему благодарна. Но не забывай, он заставил эти деньги работать, они принесли нам в десять раз больше. Твой отец проницательный бизнесмен, и пока ты будешь вести себя так неразумно, он не доверит тебе богатство семьи.

— Так это наказание?

— Нет, дорогой. Это взросление, принятие на себя ответственности. Он считает, что в шахте ты занят честным делом. Мне кажется, что неуступчивее шахт нет ничего.

Молодой человек промолчал и сердито посмотрел в сторону.

— Джек, мне пора к гостю. Я просто хотела повидать тебя, прежде чем ты ляжешь спать. Не сердись и не заставляй меня тянуться, чтобы поцеловать тебя. Ты стал таким высоким.

Он еще раз сам ласково поцеловал ее, а она нежно коснулась рукой его щеки.

— Твоему отцу я не позволила бы целовать себя, будь у него такая щетина. Ну же, пообещай мне, что будешь вести себя как он хочет. Ты сам удивишься, до чего же хорошо все может обернуться.

Джек уже достаточно ненавидел себя — бриллиантовые часы прожигали дыру в его кармане. Провожая взглядом мать, которая плавно выскользнула из комнаты, он подумал, что ему следует благодарить судьбу за то, что Элизабет на его стороне. Все же негодование в душе парня вскипело с новой силой.

* * *

Джек вышел из дома на рассвете. Желая как можно скорее покинуть дом, он плотно запахнулся в рабочую куртку. Парень хорошо выспался, так что перспектива вставать и идти на работу его радовала. Шерстяные штаны практически не пропускали холода, но в воздухе чувствовалось приближение зимы. Натягивая куртку поверх любимой фланелевой рубашки, он еще раз пожалел, что не дождался, пока будут готовы пироги. Это помогло бы согреть руки, да и желудку не помешало бы.

Когда он вышел из дома, следом потянулся аппетитный аромат. Желудок Джека вознегодовал, но он решил, что лучше пойдет голодным. Брайант не мог видеть миссис Шанд с ее осуждающим выражением лица и решил, что лучше сегодня рискнет пообщаться с подземными гномами. По поверью, распространенному во всей Британии, эти крошечные существа населяли шахты. В Корнуэлле этих гномов считали душами погибших рудокопов. Они стучат в стены забоев, предупреждая людей об опасности. Шахтеры всегда оставляли для них под землей крошки от принесенных с собой пирожков.

Зарывшись подбородком в шарф, Джек почувствовал, как щетина цепляется за шерсть. Обогнув холм, он двинулся в городок. Кругом мерцали окна шахтерских домишек. Брайант свернул налево, на центральную улицу и зашагал по ней мимо «Герба Сент-Остелла» и дальше, по направлению к Гивору, откуда к шахте тек непрерывный поток мужчин, которым предстояло заступить на новую смену. Ни с кем не здороваясь, Джек быстро свернул на тропинку, которая вела к Левантской шахте. Тут в лицо ему ударил свирепый ветер с Атлантического океана. В этот рассветный час море казалось темным мазком, но в воздухе ощущалась соль, а над полями стелился дым, вытекающий из множества труб.

Левантская шахта являлась частной собственностью, причем отнюдь не доходной, даже во время войны. Со своими косыми стволами и жалкими раздевалками, она в большой мере оставалась предприятием прошлого столетия. Отец не раз говорил, что ее надо закрыть — уж после войны-то точно, — но мышьяк, побочный продукт производства олова, требовался на других шахтах, так что она продолжала худо-бедно перебиваться.

Средняя зарплата была самая жалкая. Учитывая десятичасовой рабочий день, который постепенно превратился в четырнадцатичасовой, мили, которые надо было проходить по дороге на работу и с работы, болезни и ужасные условия труда, Джек диву давался, как большинство шахтеров все-таки ухитрялись выживать. Его работа инженером на поверхности оплачивалась гораздо лучше и представляла собой легкую прогулку по сравнению с трудом людей, которых он опускал в шахту.

В Сент-Джасте жилы были уже, чем в большей части других горнодобывающих предприятий Корнуэлла. Это означало, что

шахтеры работали по одному, металлическим зубилом, по которому били тяжелым молотом, пока не уставала рука, и тогда ее меняли. В некоторых местах породу в забое взрывали порохом. Люди часто работали в темноте. В оловянных рудниках были узкие переходы и плохая вентиляция, поэтому даже от сальных свечей, поставляемых компанией семьей Джека, не было особой пользы. В пыльной, душной атмосфере они горели, только если их поворачивали с боку на бок. Почти все шахтеры предпочитали тушить свечи, чтобы подышать толикой дополнительного кислорода. Шесть свечей, выдаваемых им еженедельно — обычно их вешали на шнурок на шею, — относили домой, семье.

Джек в очередной раз порадовался преуспеванию своей семьи, благодаря которому он был избавлен от ежедневного тяжелого труда в глубине шахты, когда каждый день не знаешь, вернешься ли к концу смены на поверхность. Глядя на все окружающее, было нетрудно корить себя за нытье, в особенности учитывая, что он мог в любой момент воспользоваться электричеством — просто включить свет или подогреть воду.

— Эй, Джек, — послышался знакомый голос.

Обернувшись, Брайант увидел коренастого Билли Дженнера. Тот ускорил шаг, нагоняя его. Парни, как когда-то их отцы, дружили с детства.

— Привет, Билли.

— Я слышал, тебя хотят заполучить в шахте Южная Крофти, — начал Билли, подстраиваясь к широкому шагу Джека.

— Моя слава идет впереди меня, — усмехнулся тот. — Пока я остаюсь в Леванте. Ближе ходить.

— Тебе надо быть осторожным. За тобой охотится Деннис Пирс. Говорят, его Элен уже на третьем месяце.

— Что бы там ни плели, ребенок не мой.

Билл покосился на друга.

— Да, конечно. Я был с ней, но только один раз, клянусь. Она сладкая штучка, и ты это знаешь.

— Что ж, я не возражал бы попробовать такое лакомство.

— С Элен Пирс надежда есть даже у коротышек.

— Брайант, кто сказал, что ты мечта любой женщины? — Билли хлопнул Джека по плечу.

Тот рассмеялся, и через несколько секунд между молодыми людьми завязалась шуточная борьба. Это было как раз то, в чем нуждался Брайант, чтобы разрядить напряжение вчерашнего дня. Наконец Билли сдался, и Джек рывком поставил своего невысокого соперника на ноги. В стылом воздухе их дыхание вырывалось паром.

— Взгляни на меня. Неужели ты всегда должен побеждать? — возроптал Билли.

— Странный вопрос. А теперь посмотри-ка туда! Не разглядеть даже, где сходятся небо и море. Разве это не вызывает у тебя желания поплыть, посмотреть, что там дальше?

С утеса, на котором они находились, Билли посмотрел на море и согласился:

— Наверное, вызывает.

Джек вздохнул и заявил:

— Элен Пирс беременна не от меня. Я однажды сходил с ней в кино, а после этого мы не встречались. Наверное, она просто мечтает. — Он подмигнул другу. — Девица захватила меня в минуту слабости...

— Ясное дело, но все же будь начеку. Сегодня, кажется, вторым инженером выходит Пирс.

— Меня он не волнует, а тебе следовало бы подумать о будущем.

— Только не заводи опять эту шарманку, Джек. Я не поеду за границу в поисках золотых гор, которые, как ты считаешь, там меня дожидаются.

— Наше будущее в Австралии или в Азии.

— Тебе можно не тревожиться о завтрашнем дне.

— С чего такая уверенность?

— Да, действительно. Постараюсь об этом вспомнить, когда в следующий раз увижу тебя разъезжающим на том шикарном автомобиле или...

— Билли, разве я не здесь, рядом с тобой? Как и ты, в рабочей одежде. От дому до шахты мне идти больше мили. Я честно отрабатываю жалованье. Мне надоело извиняться за свою семью!

— Хорошо-хорошо. Успокойся. Я не хотел тебя обидеть. Но у меня нет желания уезжать из Корнуэлла. Здесь мой дом.

— Вот и прекрасно. — Джек устал от самого себя и от собственной неутолимой ярости. — Пошли, не стоит опаздывать. Сам

знаешь, каким бывает капитан Уолтер по понедельникам.

Тропа, по которой они шли, проходила в опасной близости от гребня скалы. Джек взмахнул рукой в прощальном жесте, когда Билли стал спускаться по ступеням, вырубленным в вертикальной стене. Ста пятьюдесятью футами ниже того места, где стоял Джек, каменная лестница заканчивалась входом в шахту. Сегодня Билли предстоит трудиться на глубине, на разработке богатых жил, разделяющихся на мириады горизонтальных туннелей. А он, Джек, будет спускать приятеля и его товарищей в эти жаркие, душные, тускло освещенные забои, где те проработают всю восьмичасовую смену.

Джек еще раз напомнил себе слова матери. Он один из немногих счастливичков. Если Брайант смирится, будет упорно работать и заслужит доверие отца, то кто знает?.. Может, не пройдет и года, как все повернется совершенно иначе. Парень дал себе клятву, что сегодняшний день станет поворотным в его жизни.

Октябрь 1919 года

Все чувства Неда Синклера были обострены до предела. Его глаза готовы были вот-вот вылезти из орбит, так он вращал ими во все стороны в попытках охватить как можно больше зрелищ. Нос подрагивал, возбуждаемый экзотическими ароматами, а слух поражали мычание коров и грохот трамваев на кишаших машинами улицах Рангуна.

Они только что прибыли на корабле в Бирму и теперь ехали в отель «Стрэнд», откуда открывался вид на реку Иравади. Отец Неда вскоре после окончания войны покинул семейный очаг в Северном Бервике, Шотландия, и направился на Дальний Восток. Теперь он уже почти год как жил в Бирме, и Неду не терпелось поскорее с ним увидеться. За время разлуки в его молодой жизни произошло много важных событий, и все это время он был лишен отцовской поддержки и руководства. Конечно, у многих ребят его возраста возникала похожая ситуация. Лорна, мать Неда, была глубоко огорчена, когда, вернувшись с фронта, муж решил проводить большую часть времени вдали от семьи, но сумела скрыть свои чувства. Она объяснила Неду, что Уильям уехал в далекую страну на заработки, чтобы дать им возможность после мрачных военных лет пожить лучше, обеспечить детям светлое будущее.

Нед искренне считал, что его мать святая. Еще она была очень красива, полна бледной, хрупкой прелести. Он знал, что похож на нее изящным телосложением, тонкими симметричными чертами лица и большими голубыми глазами. Мягкие золотые локоны, какие у него были в детстве, с годами потемнели и приобрели цвет мокрого песка, из которого он так любил строить замки в Милси-Бей, где родился отец. В те времена он был единственным ребенком. Прошло целых девять лет, прежде чем появилась на свет Арабелла. Но они уехали из Шотландии еще до ее рождения, а потом вернулись на короткое время, всего на год. Это было еще до войны. Затем отец оставил семью и уехал вместе со старыми друзьями жены, жившими в северной части Англии. Лорна была родом из Йорка. Приезжий шотландец поразил ее воображение, когда ослепительной кометой пронесился по городу. Он

временно работал учителем. Последние одиннадцать месяцев мать Неда преподавала в частной школе в Сент-Олбансе. Поскольку семья постоянно переезжала, образование Нед получил по большей части домашнее, так что в конце концов присущий ему с детства шотландский акцент полностью исчез. Белла тоже говорила на чистом английском. Нед гордился своим шотландским происхождением и часто сожалел, что утратил ту особенную манеру говорить, которая так восхищала его в отце.

В эту минуту сестра сидела рядом с ним.

— Прекрати, Белла. Мне уже некуда двигаться, — заявил он и нахмурился.

Мать устало посмотрела на него. Путешествие из Эдинбурга через Ливерпуль в Рангун на борту корабля «Глостершир», принадлежащего компании «Бибби», тянулось нескончаемо, так что теперь даже на разговор им, казалось, не хватало энергии. Сиденья машины пахли кожей. Обычно Неду нравился этот аромат, но сейчас к нему примешивались кислый запах пота, тошнотворно-сладкий — цветов и земляной — от бредущего по дороге скота. Воздух отяжелел от влаги, и Нед чувствовал, как по лбу у него течет пот. Мокрая рубашка прилипла к спинке сиденья, ее впору было выжимать. Он почесал шею под тесным накрахмаленным воротничком.

— Нед, ты вдвое старше ее; уже мужчина, — мягко произнесла мать. — Твой отец будет так горд, что ты получил специальность электрика.

— Не уверен, что здесь от этого будет толк, — без тени горечи заметил он.

— Я знаю, дорогой, но очень рада, что ты согласился поехать с нами и не разбивать семью. Мы уже почти приехали. Дай-ка сюда шляпную картонку, тогда у тебя освободится место.

Он послушно передал матери драгоценный груз — ее новенький капор, который ей предстояло носить ежедневно, чтобы защитить от палящего солнца свою безупречную, белую как молоко кожу. Оставалось надеяться, что этого будет достаточно. Следовало бы купить ей в Порт-Саиде колониальный шлем, как советовала одна спутница на корабле. Но почти все их сбережения ушли на билеты. Когда они направились прогуляться по набережной, где вся атмосфера способствовала расставанию с немногими оставшимися фунтами, мать

не поддавалась искушению. После Порт-Саида температура неуклонно повышалась. Море было неподвижно, даже легчайший бриз не проникал в их скромную каюту.

Человека, который встретил их вместо отца, звали Фрейзер. Это был долговязый неуклюжий шотландец, еще один оппортунист, явившийся сюда в надежде сколотить состояние на рубинах, которые добывали на знаменитом участке к северу от Мандалая.

— Вы давно знаете моего отца, мистер Фрейзер? — Начав таким образом разговор, Нед намеревался произвести впечатление на мать.

Кроме того, он видел, что сама она слишком изнурена дорогой, чтобы вести светскую беседу.

Фрейзер улыбнулся, откинул назад рыжие волосы, носовым платком, и без того мокрым, вытер красный лоб и ответил:

— Мы познакомились в Северной Африке, в учебном подразделении. Я родом из Глазго, а он — из Эдинбурга, но оба мы сыновья Шотландии. Следующие два года мы, как могли, помогали друг другу, подстраховывали во время боев. Тогда мы поклялись, что если не вернемся домой в деревянном ящике, то отправимся вместе сюда, на поиски счастья.

— Вы женаты, мистер Фрейзер? — осведомилась Лорна Синклер, вышитым полупрозрачным платком промокая верхнюю губу, на которой блестели бисерины пота.

— Нет, миссис Синклер. До войны мне не довелось познакомиться с подходящей девчонкой. Но так случилось, что в прошлом году я встретил девушку, она приезжала сюда навещать семью. Теперь я поеду домой и попрошу ее выйти за меня замуж. Мэри настоящая красавица, и одному богу известно, что она во мне нашла. — Он криво ухмыльнулся.

— Как она относится к тому, чтобы ехать жить в колонию?

— Думаю, не станет возражать, если это не на слишком долгое время, — пожал плечами Фрейзер. — Мэри очень хочет семью и детей, хотя я сомневаюсь, что она так уж жаждет жить в Рангуне или Мандалае. Но с тех пор, как бирманское правительство сдало мне в аренду этот небольшой участок...

Лорна понимающе улыбнулась, но Нед слишком хорошо знал свою мать, чтобы обмануться этим жестом. Он и раньше подозревал, что она молча возлагает вину за отсутствие мужа на Фрейзера с его

блестящими идеями. Мать никогда в этом не признавалась, но Нед чувствовал, что решение мужа уехать на заработки в Бирму глубоко ее потрясло и обидело. Нет, как и прежде, она не станет ничего говорить, но теперь объект ее возмущения обрел плоть и кровь.

— А как идут дела у моего отца? — Задавая этот вопрос, Нед откинул упавшую на глаза русую прядь.

— Приближается сезон дождей. Вот еще одна причина, почему я решил отправиться домой. — Фрейзер улыбнулся, заметив выражение лица Неда. — Станет гораздо жарче, а воздух будет еще более влажным, чем сейчас. Да и дожди здесь бывают просто убийственными. Но вы привыкнете. — Он вздохнул. — Признаюсь, я добился некоторого успеха, да и ваш отец, я считаю, тоже наконец попал на хорошую жилу. Его энтузиазм неиссякаем, Нед. Он задержался именно потому, что хочет привезти своей семье сюрприз.

— Мы были бы рады просто увидеть его, мистер Фрейзер, — заметила Лорна. — Насколько мне известно, муж учился, чтобы быть преподавателем, а вовсе не старателем или торговцем.

— Мы ведь уже почти приехали, да? — жалобно пролепетала Арабелла.

Ее бледное личико с редкими веснушками покраснелось от жары. Выраженное ею неприкрытое раздражение было тем чувством, которое испытывали и остальные, только старались скрыть.

— Почти приехали, Белла, милочка, — растерянно отвечала мать, глядя в окно на коричневую реку, несущую вдоль дороги свои волны.

— Билл не поскупился, миссис Синклер. Думаю, вам и детям в «Стрэнде» понравится.

Она повернулась, одарила его ледяным взглядом и сказала:

— Безусловно, мистер Фрейзер. Еще раз благодарю вас за то, что вы были настолько любезны и согласились встретить нас вместо Уильяма.

Нед не мог дождаться, когда это путешествие закончится.

* * *

«Стрэнд» — старейший отель Рангуна, распахнувший свои двери на пороге нового столетия. Его построили братья Сарки, те самые,

которые открыли и другие знаменитые в Азии отели, включая сингапурский «Раффлз».

Нед улыбнулся высокому, великолепно одетому мужчине в тюрбане, который приветствовал их у главного входа. Даже если бы мать попросила его пройти еще двадцать шагов, Нед, наверное, не смог бы этого сделать. Было около полудня, и жара достигла испепеляющего градуса. Но сумрачные своды холла приглашали отдохнуть, а милосердные вентиляторы на потолке создавали прохладную воздушную волну.

— Нед, поторопи, пожалуйста, Беллу, — попросила мать, и не успел он взять сестру за маленькую, худенькую ручку, как они уже вступили в прохладное, блистающее огнями здание.

Нед рассматривал тиковые паркетные полы, высокие потолки и расписные стенные панели перед стойкой администратора. Расставленные повсюду букеты напитывали воздух цветочными ароматами, персонал беззвучно и умело занимался своими делами. Пока мать с помощью Фрейзера договаривалась о доставке багажа в забронированный для них просторный номер, Нед отвел Беллу в сторону. Он понятия не имел, как долго они пробудут в отеле и, если уж на то пошло, в Бирме, но был счастлив, что убежал от шотландской зимы. Хотя в этот момент Нед отдал бы что угодно, лишь бы щеку ему обожгло знакомое прикосновение мороза.

Друзья всеми силами старались отговорить мать Неда от поездки. Он припоминал их небылицы, начиная от тех, в которых детей нанизывали на шампуры и жарили на открытом огне, до других, в которых змеи воровали младенцев из колыбелей. Нед поднимал эти рассказы на смех, уверяя мать, что друзья просто завидуют смелому духу отца и той светлой перспективе, которая перед ними открывается благодаря его предприимчивости.

Он почувствовал облегчение, когда мать наконец-то согласилась поехать, уверяя детей, что Уильям никогда не пойдет на то, чтобы подвергнуть свою семью какой-то опасности. Сейчас Нед еще раз пожалел, что отец не встретил их на пристани — хотя бы ради душевного спокойствия жены, сына и дочери.

Развлекая Беллу, он позволил ей постоять у него на ботинках. Они были изрядно потерты, и Нед заметил, что состояние кожаных сандалий девочки также оставляет желать лучшего. В своем легком

дымчатом полотняном платье она выглядела самой стильной из них всех. Мягкое полотно в мелкую зелено-белую клеточку надувалось от поднятой вентиляторами воздушной волны, пока он водил сестру по просторному помещению с паркетными полами, шикая, когда ее хихиканье становилось чересчур громким. Он все еще не привык к пышной короткой стрижке сестры. Ему не доставало прежних длинных волос Беллы, ниспадавших золотыми локонами, но мать настояла на своем, доказывая, что в тропиках короткая стрижка гораздо практичнее.

До слуха Неда донеслись приглушенные взволнованные голоса. Повернувшись, он увидел, что его мать в обмороке на руках мистера Фрейзера, а вокруг суетится персонал.

* * *

Европейский доктор настойчиво предлагал свои услуги Лорне Синклер. Сама она в полубессознательном состоянии лежала в номере под наблюдением доктора Фрица и его жены.

Арабеллу отослали на кухню, помочь принести блюдо с пирожными к чаю. Нед заверил ее, что мама просто немного ослабела от жары. Девочка успокоилась и отбыла в сопровождении красивой темноглазой горничной.

По напряженным лицам окружающих Нед понял, что дела обстоят вовсе не хорошо, а потом ему все разъяснил старший управляющий:

— Мастер Синклер, простите, что сообщаю вам такие ужасные новости, но с вашим отцом произошел несчастный случай. — Посмотрев в пол, управляющий прокашлялся. — Боюсь, сэр, что он погиб.

Единственное, что Нед потом мог припомнить из обстоятельств этого разговора, — слабый аромат орхидей, которым пахло из массивной вазы, стоявшей неподалеку. С тех пор этот запах всегда ассоциировался у него со смертью.

— Погиб? — повторил он, не в силах охватить смысл этого слова.

Его собеседник торжественно кивнул и заявил:

— Наши самые искренние соболезнования.

Нед почувствовал, что теперь, когда сестру увели, а матерью занимается доктор, он должен подготовиться к тому, чтобы выслушать подробности. Двери одной из трех комнат, составлявших их номер, закрыли, и он остался в обществе нескольких мужчин с торжественными лицами, среди которых был Фрейзер с посеревшей физиономией.

Управляющий выпрямился, набрал полную грудь воздуха и произнес с нарочитой деловитостью:

— Мистер Синклер, это мистер Пол Ханниган, шеф полиции.

— Вы уверены, что это правда? — В поисках ответа Нед вглядывался в их ничего не выражающие лица.

Было странно, что его называли мистером Синклером. Он привык, что так обращаются к отцу.

Ханниган кивнул.

— Это было что-то вроде оползня, сынок. Мы считаем, что твой отец поскользнулся на склоне, упал и ударился головой, а потом, уже без сознания, скатился в мелкий водоем, образовавшийся на дне карьера. Похоже, он утонул. Его обнаружили местные — бирманские шахтеры. Комиссар полиции просит принять его глубокие соболезнования.

Несмотря на хаос, царящий у него в голове, физически Нед оцепенел до полной неподвижности. Внезапно оказалось, что он не в состоянии даже шевельнуть губами. Мать и Белла беспомощны, сейчас они нуждаются в отце сильнее, чем когда-либо прежде. Нед почувствовал, как в душе у него вздымается ярость на отца, который бросил их на чужбине одних и без гроша за душой.

Ханниган воспринял его молчание как разрешение продолжать.

— Тело доставят в Рангун при первой возможности. — Тут он повернулся к Фрейзеру: — Сэр, если я правильно понял, вас, как друга семьи, попросили отложить ваш отъезд до прибытия трупа. Это так?

При слове «труп» Нед вздрогнул.

— Да, конечно. Я побуду с миссис Синклер и детьми до тех пор, пока Билл... и... это... помогу во всем остальном.

Из комнаты Лорны показался доктор, и взоры всех присутствующих обратились на его серьезное лицо. Неду сразу понравился этот проворный человечек — еще тогда, когда он предложил свою помощь в холле. Особенно парню импонировало то,

что доктор обращался непосредственно к нему, а не к окружающим взрослым людям.

— Она успокоилась, Эдвард. Я был вынужден прибегнуть к довольно сильным седативным средствам, но ее состояние в течение последующих нескольких часов внушает мне опасение. Слабость, жара и духота, в дополнение к этому ужасному известию, могут сыграть очень плохую роль. Чтобы смотреть в лицо реальности, ей необходимо набраться сил. Надеюсь, вы понимаете.

— Понимаю, — автоматически отозвался Нед. А что еще он мог сказать? — Благодарю вас, доктор.

— Моя жена с радостью останется с ней до конца дня. Я сам буду неподалеку, чтобы регулярно справляться о ее состоянии. — Он нахлобучил очки повыше на орлиный нос. — Мне очень жаль, сынок, что с твоим отцом так получилось. Вы в чем-нибудь нуждаетесь?

Нед проглотил комок в горле. Сочувствие в добрых глазах доктора едва не стало последней каплей.

— Доктор Фриц, вы были к нам очень добры, — начал он, чувствуя, как дрожит голос, но исполнившись решимости достойно вынести все, что выпадет на его долю.

— Пожалуйста, не нужно об этом. — Фриц сжал плечо Неда.

Лучше бы он этого не делал. От мягкого прикосновения в душе юноши поднялась целая буря чувств, а ему надо было сохранять сдержанность и оставаться сильным.

— Как насчет ближайших родственников? Кто-нибудь?..

— У нас никого нет, — прервал его Нед.

Все неловко задвигались. Управляющий отеля задумчиво запустил руку в бороду, а Фрейзер зашагал по комнате.

— Никого? — не веря своим ушам, повторил Фриц. — У ваших мамы и папы не осталось никого в живых, ни родителей, ни братьев и сестер?

— Они оба единственные дети в семье, а наши бабушки и дедушки уже умерли, — покачал головой Нед.

Четверо мужчин не знали, что сказать.

— Не стоит беспокоиться об этом сейчас, мистер Синклер, — произнес Ханниган, первым приходя в себя. — Прежде всего, надо позаботиться о вашей доброй матушке и сделать все необходимое. Я немедленно свяжусь с клубом эмигрантов.

— Благодарю вас, — отозвался Нед. — Гм... Можно мне заглянуть к маме, доктор Фриц?

— Разумеется. Она спит, но все равно входи. — С этими словами доктор жестом пригласил Неда зайти.

При этом движении Неда присутствующие, словно по команде, вышли из оцепенелого состояния. Все, включая доктора, пообещали заглянуть позже.

— Мистер Фрейзер! — позвал Нед, когда четверо мужчин покинули номер. — Можно вас на два слова?

— Разумеется, — сразу согласился Фрейзер, хотя было видно, что ему до крайности неловко. — Нед, я не знаю, что сказать. Твой отец уцелел на полях сражений, а тут вот...

— Не надо ничего говорить, — отклонил соболезнование Нед, поражаясь собственному самообладанию. — Я и сам еще не до конца осознал, что это произошло на самом деле. Мне все время кажется, произошла ужасная ошибка. Сейчас распахнется дверь, войдет отец и подхватит маму на руки. Мы так долго ждали этой встречи... — Нед прокашлялся и глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Ради матери и Беллы надо оставаться сильным. — Мистер Фрейзер, я хотел бы поговорить с вами о деньгах.

Тот отступил и сказал:

— Нед, прости, но больше я ничего не могу вам дать.

— Я не прошу денег в долг, мистер Фрейзер. — Синклер ожидал этого. — Я хотел бы узнать, в курсе ли вы финансового положения отца? — (Тут Нед нахмурился.) — Послушайте, в каком смысле вы сказали, что больше не можете нам ничего дать?

— Я дал вашему отцу в долг все, что у меня было. — Фрейзер, явно смущенный, провел рукой по волосам. — Видите ли, его первый участок оказался чистой воды провалом, но он не хотел отступать, особенно после того, как мне в первый раз повезло. Пока я не вернусь в Англию и не получу кое-какие доходы за прошлый год, у меня у самого не будет ни гроша.

— Вы хотите сказать, что отец ничего не заработал? — Нед чувствовал, как по всем его членам разливается паника.

— Он наделал долгов. И это все. Но, Нед, я не требую эти деньги обратно. Не сейчас. Ваш отец всегда думал, что удача за углом, что успех вот-вот придет. По правде сказать, я разделял его мнение. Никто

не мог предвидеть, что произойдет такое. — Фрейзер вздохнул. — Ему не повезло.

Сорвав пиджак, Нед швырнул его на спинку стула. У него перехватило дыхание, он распустил галстук и расслабил тесный воротничок.

— У матери ничего нет, мистер Фрейзер. Отец забрал все сбережения. Все, что у нас есть... было, — поправился он, — так это его перспективы.

— Может быть, в Англии вы могли бы... — В лице Фрейзера как в зеркале отразилась беспомощность Неда.

— У нас в Англии нет никого. И ничего. — Нед заскрипел зубами. — Война всех превратила в нищих. Это был наш единственный шанс начать новую жизнь.

— Мне очень жаль. Может, тебе сейчас лучше посидеть с матерью? А я пойду скажу, чтобы привели сестру. Мне кажется, вам нужно время, чтобы прийти в себя. — Он чуть заметно попятился к двери. — Мы скоро опять поговорим.

Нед кивнул. Ему очень хотелось свалить вину за случившееся на друга отца, он был уверен в том, что мать именно так и поступит, но понимал, что Фрейзер ни в чем не виноват.

— Я еще загляну, — пробормотал тот.

Испытываемое им облегчение, казалось, можно было пощупать.

Прошло три дня. Люди приходили и уходили со своими соболезнованиями и извинениями, но Нед был как в тумане и едва их замечал. Он сосредоточился на том, чтобы держать себя в руках и занимать Беллу. Несмотря на все его усилия, она волновалась из-за внезапного заболевания матери, продолжающегося отсутствия отца и общего уныния, сопровождающего то, что должно было стать радостным воссоединением семейства.

Неослабевающая жара будто душила в зародыше всякую попытку рационально мыслить, обескровливала решимость Неда оставаться сильным.

Он посмотрел на сестру и устыдился, заметив, какой неухоженной она внезапно стала. Мать, несмотря на ограниченность в средствах, всегда следила, чтобы они были аккуратно одеты в чистые, починенные вещи. Но платье девочки, которое Лорна так старательно готовила к встрече с отцом, теперь порвалось и испачкалось. Если уж на то пошло, Белла определенно нуждалась в ванне. Все, что она ела на кухне, куда ее водила девушка-горничная, оставило свои следы на ее одежде и на ней самой.

— Давай-ка нальем тебе ванну, Белл, — нарочито-жизнерадостным тоном предложил он несколькими часами ранее.

— Но ведь обычно это делает мама. Когда она проснется, Нед?

Он не нашел ответа, но уговорил сестру поиграть в большой ванне, а миссис Фриц любезно согласилась посидеть с ней и даже оказалась настолько смелой, что вымыла девочке голову. Белла сначала воспротивилась, но жена доктора Фрица обладала поразительным умением успокаивать и уговаривать.

Лорна Синклер словно не замечала всеобщей доброты, проявляемой в отношении ее семьи, — начиная от великодушного предложения управляющего даром оставаться в отеле столько времени, сколько понадобится, чтобы как-то спланировать ближайшее будущее, до бесплатных услуг доктора и подносов с едой, которые безмолвно появлялись в ее комнате и уносились нетронутыми. Нед предполагал, что тело Уильяма Синклера со дня на день доставят в Рангун. Однако никаких распоряжений не делалось, потому что мать

не произнесла ни слова с тех пор, как пришла в сознание. Говоря о кататоническом состоянии, в котором она пребывала, Фриц использовал термин «истерия», но, на взгляд Неда, эта была безмолвная скорбь — глубокая, исполненная отчаяния, опасная.

Он старался уговорить ее пробудиться к жизни, внушить, что семья в ней нуждается, заверить, что они справятся. Сын не умолкал, уговаривая мать, выдвигая идеи — начиная с того, что он возьмется за разработку отцовского карьера на севере, до плана сократить расходы и даже продать вещи из только что доставленных сундуков и таким образом сэкономить на обратную дорогу. Но Лорна, казалось, ничего не замечала, не реагировала, когда Нед брал ее за руку или целовал в щеку. Почти шесть лет его жизни прошли без отца. Тот рисовался ему в облаке героизма, он мечтал увидеть Уильяма — сначала, во время войны, как солдата, после ее окончания как исследователя новых земель и искателя приключений, — но все же основу его жизни составляла Лорна. Она настаивала на получении им образования вне школы, подталкивала сына, который знал, что, наверное, благодаря ей оказался самым юным квалифицированным электриком Британии.

На огромной гостиничной кровати Лорна казалась еще более хрупкой, чем всегда. Нед тосковал по материнскому утешению, по ее ласковым прикосновениям, но наедине с собой корил себя за эти чувства. В конце концов, ему уже почти восемнадцать — он мужчина. Гораздо существеннее то, что в матери нуждается Белла. Тот факт, что мать не поворачивалась на звук их голосов и не реагировала на проявления нежности, пугал обоих. Она стала полностью недоступной.

Нед с тревогой ожидал момента, когда щедрость хозяина отеля и всех окружающих истощится, — а такой день наступит. Что он им тогда скажет? Карманы у него пусты, а тех нескольких фунтов, что остались у матери, надолго не хватит. Необходимо найти какой-то способ вывести Лорну из ступора. Может быть, надо прибегнуть к шоковому воздействию? Он решил, что утром проявит твердость, не отступит, даже если придется устроить ей встряску.

Спальня матери соединялась с их комнатой. Накануне решающего дня он тихонько, стараясь не шуметь, опустился на широкую кровать. Нед был совершенно измучен. Арабелла, в эгоизме детского сна,

раскинулась чуть ли не поперек кровати. Он с облегчением вздохнул: еще один день пережит.

Засыпая, Нед сказал себе, что с завтрашнего дня все пойдет иначе. Теперь он глава семьи и, как таковой, будет принимать решения.

* * *

Нед проснулся внезапно, разбуженный резким звуком. Жара не спадала, и постель с его стороны была влажной. На простыне отпечаталось мокрое пятно в форме тела, как будто с того мгновения, как голова юноши коснулась подушки, он не пошевелился. Но где Белла? Встревоженный отсутствием сестры, он выбрался из постели и направился в комнату матери.

Вентилятор не работал, воздух был таким неподвижным, что казалось, будто на плечи давит тяжелое одеяло. Самые жестокие шотландские морозы не лишают человека разума, здесь же Нед решил, что впадет в яростное безумие, если проживет подольше в атмосфере этой влажной, вытягивающей жизненные соки жары.

Дверь в спальню матери оказалась приоткрытой. Внутри Нед обнаружил Беллу. Свернувшись под широкой простыней, она крепко спала. Щеки девочки покраснелись, со своими пухлыми розовыми губками она походила на ангела. Но облегчение Неда мгновенно растворилось, когда он понял, что матери рядом с нею нет. Нехотя проверив встроенный шкаф, он не обнаружил матери и там.

Странно. Часики Лорны на тиковом прикроватном столике показывали около полуночи. Он спал меньше получаса. Куда она могла деться? Последний раз, когда он видел мать, та лежала на спине, глядя в потолок. За краткое время его дремоты Белла отправилась на поиски Лорны и пристроилась рядом с ней, сама же мать по неведомой причине исчезла из комнаты.

Нед направился в гостиную. Включив потолочный вентилятор на полную мощность, он с облегчением прислушался к негромкому ровному звуку, зевая, поднял жалюзи, питая неисполнимую надежду на то, что с реки подует бриз и в мыслях у него прояснится. На юношу резко обрушились звуки ночи, запах грязных вод Иравади и ароматы острой кухни. Как всегда, все запахи перебивал самый сильный,

испускаемый орхидеями, высаженными под окном. Спросонья Нед стал следить за ночной жизнью Стрэнда, широкой улицы, на которой располагался отель. Трамваи, автомобили, велосипеды, рикши и священные коровы теснились, пробивая себе дорогу в нескончаемом людском потоке. То и дело воздух прорезали звуки рожков, порой на поверхность общего шумового потока выбивался отдельный голос — крик, взрыв смеха.

Внимание Неда привлекла суeta неподалеку от отеля. Авто тормозили, отчего нетерпеливые сигналы рожков внезапно слились в хор, трамвай подпрыгнул, зазвенел стеклами и замер. Отовсюду стекались люди. Несколько секунд Нед разглядывал происходящее и хмурился, потому что с высоты не мог разглядеть, что случилось. Но тут раздался настойчивый стук в дверь.

Появился главный управляющий отеля, лицо которого было таким, что Неда охватил ужас, пока непонятный.

— Мистер Синклер, — дрожащим голосом произнес управляющий. — Это ваша мать, сэр. Она вышла на проезжую часть. Ничего нельзя было сделать.

Поднявшись по лестнице в машинный зал, Джек предпочел не обращать внимания на белое перо, положенное на видном месте. Сооружение непрочно пристроилось в скале, на него беспрестанно обрушивались удары свирепых ветров Атлантики. Снаружи со смены возвращались шахтеры, каждый с фетровой шляпой в одной руке и со свечой — в другой. Почти всех покрывала темно-розовая пыль, въевшаяся в кожу и в одежду во время предыдущих смен. Ничто не избавит их от этих следов прикосновения земли. Только после горячей ванны перед камином, обычно накануне церковной службы, красноватый налет смывается с кожи. А на одежде он так и останется.

Растворив окно, Джек вдохнул резкий воздух. Зима будет холодная, что добавит силы эпидемии гриппа, свирепствующей по всей Британии. «Испанка» начала свой убийственный марш на полях сражений Западного фронта. В Корнуэлле пока еще не было ни одного подобного случая, но это вопрос времени, и ходили слухи, что скоро власти начнут опрыскивать улицы. Джек не сомневался, что Пензанс не минует убийственное прикосновение болезни.

Молодой человек перевел взгляд на ладонь, в которой лежало перо, знак обвинения в трусости. Переполняемый горькими чувствами, он отпустил его по ветру, а вместе с ним — и собственное отчаяние, заставляя себя, как и всегда в подобных случаях, опустошить сознание.

Истина заключалась в том, что, когда Джек сосредоточивался на деле, у него в сознании всегда возникала пустота. Мать права. Опускать людей в шахту, а затем, в конце смены, поднимать их — это сопряжено с гигантской ответственностью. Он руководил также доставкой руды на поверхность, где женщины, прозванные «Бел Мейденс», разбивали ее. Эта задача не допускала ни малейшего отвлечения. Умение контролировать себя было самой сильной стороной Джека. Когда он поступил в шахтерскую школу, преподаватели быстро распознали это, а также и то, что никто лучше его не разбирается в механике и самом передовом горнодобывающем оборудовании. Но еще более важным был его живой ум. В ту пору, когда перед индустрией маячила перспектива мрачного будущего, потребность в умных молодых людях была острее, чем когда-либо.

Поэтому обучение Джека прошло в ускоренном темпе. Магнаты индустрии нуждались в высококвалифицированных кадрах, чтобы вытащить из долговых ям старые шахты и поднять новые как в стране, так и за ее пределами.

В настоящее время его инженерные навыки требовались для управления машиной, именуемой «человеческой», с помощью которой людей перемещали с одного уровня ствола шахты на другой. Само собой, опуститься на нужную глубину еще не означает оказаться в самом забое. Сойдя с подъемника, шахтеры по улью туннелей углубятся в непроглядную тьму. На самые нижние уровни, куда машина не может их опустить, они будут добираться с помощью лестниц.

Говорили, что горнодобывающая промышленность в Леванте насчитывает два века. Изначально здесь добывали медь, затем левантские шахты стали производить олово.

Машину, на которой в это утро работал Джек, сконструировали любитель веселой жизни, корнуэлльский изобретатель Ричард Тревисик и его коллеги-инженеры. Люди ступали на деревянные площадки, и Джек опускал их, некоторых на глубину восьмисот футов. Обычно машину обслуживали три человека, по одному на смену. Джек осознал, что сегодня их будет только двое. К тому же смена предстоит длиннее обычной. Не то чтобы парень так уж рвался домой, но он жаждал избавиться от спрятанного в кармане предмета, присутствие которого заставляло его чувствовать себя виноватым. План Джека заключался в том, чтобы как можно скорее рассчитаться с сэром Уолли, а в конце недели серьезно поговорить с отцом о будущем. Он решил смириться, работать честно и ответственно, но в равной мере исполнился решимости заручиться наконец-то поддержкой отца в своем намерении оставить эту работу. В семейном бизнесе Джеку под силу было играть массу ролей, но пока что отец не давал ему ни одной.

Сегодня утром, где-то в интервале между выходом из дома и появлением в машинном здании, Джек дал себе слово оставить шахтерское ремесло. Если это решение не получит одобрения Чарльза Брайанта — что ж, парень заключил договор сам с собой. В таком случае он покинет Корнуэлл, а если надо, то и Британию, и уедет в поисках счастья в другое место.

Как только молодой человек пообещал это сам себе, у него словно гора с плеч упала. Внезапно угрозы Рэлли, вечное недовольство отца, белые перья по утрам — все утратило свою важность. Теперь у него есть план на будущее.

Джек даже заулыбался, но ему почти сразу испортили настроение.
— Брайант! А я тебя разыскиваю.

Пирс. Джек придал лицу нейтральное выражение. Он сразу взял на себя инициативу разговора — тактический прием, усвоенный им от отца. Некоторым вещам у него безусловно стоит поучиться.

— Мистер Пирс, я не тот, кого вы ищете. Что бы там ни говорили, но Элен беременна не от меня. — Джек тщательно выбирал слова, чтобы не создавать впечатление, что он в чем-то обвиняет девчонку. — Я первый раз сводил ее в кино две недели назад, — добавил Джек, занимая оборонительную позицию и разводя мускулистые руки в примирительном жесте.

— А со слов моей Элен получается иначе. Она на третьем месяце!

— Мистер Пирс, но дело не во мне. Даю слово.

— А оно должно что-то значить?

— Мое слово не хуже любого другого, и я не бросаю слов на ветер.

Пирс стал надвигаться, его лицо было наполнено той же неистовой яростью, с которой обрушивались на побережье Сент-Джаста океанские волны. Сжав кулаки, он сгорал от желания нанести удар.

Джек не хотел драться с Пирсом, особенно сегодня, когда, впервые за долгое время, настроение у него улучшилось. Однако отступить он тоже не стал. Пирса вряд ли можно было назвать коротышкой, но и сам Джек был ему более чем под стать.

— Элен говорит, что ребенок твой, значит, он твой. — Старший мужчина ткнул пальцем, похожим на сосиску, в грудь Джека.

— Это лишь потому, что Элен хочет, чтобы он был мой, мистер Пирс.

— Ты надменная свинья, Брайант. Я, конечно, вижу почему. Но при всех своих росте и силе, ты все равно трус, увиливающий от исполнения долга. Ну-ка, повернись, я посмотрю на желтую полосу у тебя на спине! Не знаю, что она нашла в таком маменькином сынке.

— Я и сам не знаю, что она во мне нашла. — В груди Джека вскипела ярость. — Так что, может, я дам вам список парней, которые за последние месяцы имели дело с вашей дочерью, и вы лучше выберете кого-нибудь из них?

Злоба Пирса перелилась через край, он замахнулся и прорычал:

— Значит, Элен говорит, ты красивый? Это я скоро поправлю, ублюдок.

В этот момент в машинном зале появился управляющий шахты.

Джек так и не успел ответить на удар Пирса, кулак которого не попал в челюсть — парень ловко увернулся, — но угодил в скулу. Теперь он сидел за пультом управления с распухшим глазом, наливающимся синевой, и ноющей шеей. Но больше всего пострадала его гордость.

К счастью, управляющий увидел лишь, как Пирс распускал руки, так что вся вина пала на него. Его заставили остыть и отправили домой. Ему урезали зарплату и велели возвращаться в дневную смену. До тех пор на его место рядом с Джеком встанет управляющий.

Остаток утра прошел спокойно. Подъем предшествующей смены и спуск новой, в которой был и Билли, прошли без сучка без задоринки. Остаток рабочего времени Джек провел, проверяя состояние главного махового колеса и выполняя рутинные процедуры по обслуживанию механизма. Предоставленный сам себе, он с головой ушел в работу, и это было именно то, в чем он в данный момент больше всего нуждался.

— Подними людей на передачу смены и можешь идти. Не задерживайся, Брайант. Мне все равно, как ты выглядишь. Я хочу, чтобы не было продолжения того, что случилось ранее.

— Хорошо, — произнес Джек, подавляя желание потереть ноющие места. — Капитан Дженнер... мне... гм... мне очень жаль, что так случилось.

Прозвучал гонг.

— Ладно, Брайант. Не надо ничего объяснять, сынок. Пора их поднимать. Сегодня они будут мокрые, бедолаги.

— Сделаем. — Благодарный за то, что его избавят от необходимости встречаться с шахтерами, Джек натянул рукавицы и взялся за рычаги.

Дженнер собрался уходить, когда явился Пирс, чтобы сменить Джека.

— Больше не поднимай волну, Пирс. Если услышу или увижу что-нибудь неподходящее, лишишься работы уже не на одну смену.

Тот кивнул и заявил:

— Мне больше нечего сказать Брайанту.

— То-то же.

Джек, не обращая внимания на появление Пирса, приступил к манипулированию рычагами. Целью этого процесса было заставить паровой двигатель начать наматывать стальной трос, с помощью которого из забоя поднимают десятки людей. Джек представлял, как они вытирают пот со лба и устало переходят с боковых платформ, именуемых полками, на центральные, чтобы те неторопливо подняли их на поверхность. Десять футов соответствовали одному такту двигателя. Это был медленный процесс.

Джек выглянул в окно: вот-вот появятся первые шахтеры. Они будут грязными, измученными и мокрыми от пота, от тяжелой работы и жара в туннелях. Джек никогда не забывал позаботиться о том, чтобы каждую бригаду поджидала вода, нагретая в цементной ванне, вырубленной в полу сушилки. Одежда шахтеров раскладывалась здесь на огромных трубах, по которым пар из бойлеров поступал к главному двигателю шахты. Все огромное помещение оставалось сухим и теплым, и шахтеры смогут немного отдохнуть, прежде чем собраться с духом и отправиться домой под пронизывающим ветром с моря.

Ожидая сигнала окончания смены, Джек думал о том, какое чувство облегчения испытывают, должно быть, Билли и его товарищи в конце работы, когда после стольких часов в непроглядном мраке смотрят вверх и видят свет.

Послышался сигнал. Пора приниматься за работу. Джек взялся за рычаги, но тут ему показалось, что от механизмов донесся непривычный звук, похожий на негромкий гул. Нахмурившись, он стал соображать, являются ли его источником противовесы или опоры. Брайант замер, прислушиваясь, но новых звуков не последовало. Он опять взялся за рычаги. Джек представлял себе работу подъемника, рисовал, как платформы, нырнув, замирают и на них один за другим поднимаются люди. Так все и шло. Он чутко прислушивался, ожидая,

когда прозвонит звонок, служащий сигналом к возобновлению движения, чтобы в ответ поднять шахтеров ближе к их семьям.

Джек еще раз бросил взгляд на шкалу. Двигатель работал ровно, с частотой, как и полагается, четыре с половиной поворота в минуту. Загадочный звук, который Джек услышал раньше, наверное, больше не повторится.

Затем внезапно, без какого-либо предупреждения, мотор загудел и стал работать быстрее. Размышлять времени не было, оставалось только реагировать.

В мгновение ока Джек превратился в раба машины. Он стал делать в точности то, чему его учили во время долгих тренировок, пока он не дошел до того, что смог бы выполнить все это с закрытыми глазами. Не колеблясь и доли секунды, Джек дал двигателю задний ход, чтобы отключить подачу пара. Брайант поступил абсолютно правильно, но никакими своими действиями не смог бы повернуть время вспять и исправить дефект, теперь уже неустранимый, который, наверное, появился не за один день, а формировался на протяжении какого-то времени.

Прошло несколько секунд, тянувшихся, как вечность, прежде чем гигантское венечное колесо совершило три четверти своего обычного поворота и, тяжело содрогаясь, замерло. Этого он и добивался. По машинному залу прокатился самый непривычный из всех звуков, когда-либо раздававшихся здесь, — визг тормозящих механизмов. Потом комната страшно завибрировала. Роковая трещина распространялась по невидимому металлу, срывала заклепки и сварные швы, раздирала все. Через несколько мгновений двигатель лишился своего груза.

Джек, охваченный ужасом, отскочил в тот момент, когда двадцать четыре тонны людей и механизмов, смятые в кучу, полетели отвесно вниз ужасной лавиной из древесины, металла и шахтеров.

В дверь ворвался Дженнер. Он что-то кричал, но Джек не мог понять его. Пирс прилип к окну, вглядываясь, безуспешно пытаясь разглядеть, сколько человек еще оставались на поверхности.

— Двигатель сломался, — не веря собственным словам, бесчувственными губами вымолвил Джек. — Ему конец, — произнес он, слишком травмированный, чтобы позволить себе представить картину, в эту секунду разворачивающуюся у них под ногами.

— Брайант! — заревел Дженнер.

Джек, оглушенный, с помертвевшими губами, посмотрел на капитана. Его лицо было таким же белым, как надетая на нем рубашка. Несмотря на холод, по лбу Брайанта тек пот.

— Двигателю конец, сэр, — повторил он.

— Тогда всем в шахту! — проревел капитан. — Там сейчас будет кровавая баня!

* * *

Под поверхностью происходило нечто, по всем признакам напоминающее ад. Мужчины и юноши, корчась, умирали под тоннами породы, механизмов и оборудования. Те, кому повезло, погибли мгновенно, став жертвой сокрушительного удара на нижних уровнях или попав под валуны и гигантские деревянные опоры. Еще более удачливые цеплялись за то, что могло выдержать их вес, позволить им добраться до старомодных приставных лестниц, которые сейчас раскачивались взад-вперед, также грозя в любую минуту обрушиться. Почти все были обречены на медленную, одинокую и мучительную смерть в ожидании спасения, которое придет слишком поздно, или на новую, жалкую жизнь, для некоторых — без конечностей, для других — без зрения. Теперь они больше не смогут зарабатывать и превратятся в вечную обузу для своей семьи.

Грохот катастрофы разнесся на много миль вокруг — до самого Сент-Джаста, и в Левант стали стекаться женщины. Они бежали с младенцами на руках, с маленькими детьми, цепляющимися за их юбки. Горестные вопли нарушили новую, уже зловещую тишину вокруг шахты. Они словно отвечали чайкам, оглашавшим пустынный берег своими криками, в которых чудилась насмешка.

К моменту, когда Джек и остальные спасатели спустились по лестницам в шахту в отчаянной попытке спасти раненых и умирающих, без вести пропавшими считались более ста человек. Первые вздохи облегчения раздались, когда на призыв спасателей ответили примерно двадцать шахтеров. Каждый из них держался, прильнув к боковой платформе, лестнице, боясь пошевелиться в чернильной темноте, чтобы не упасть или не соскользнуть. Некоторые получили слишком тяжелые травмы и не могли сделать вообще ничего.

Джек Брайант работал как одержимый, отказываясь от пищи, даже от глотка воды. Только повинуясь прямому приказанию капитана, он выпил сладкого чая с молоком. Парень опрокинул кружку, разгневанно, бешено сверкая своими серо-голубыми, как море в шторм, глазами. Пирс сообщал всем, кто желал слышать, что непосредственным виновником гибели такого количества людей является Джек.

Тот игнорировал поток оскорблений, который обрушивался на него всякий раз, как он поднимался на поверхность с очередной жертвой на плечах. Сейчас не время заботиться о своей и без того подмоченной репутации, хотя в какой-то момент Джек обратил внимание на отца. Стоя возле отвала пустой породы, рядом с охваченными тревогой родственниками, желчно поджав губы, тот впился в сына злобным взглядом.

Чарльз Брайант прибыл в шахту с ящиками новых свечей и фонарей, чтобы наладить освещение. Теперь он наблюдал, как его мрачный сын появился, неся человека, искалеченного до неузнаваемости.

Джек игнорировал отца и тех, кто швырял в него оскорблениями. Напоминая одержимого, он спускался и поднимался по лестницам, желая найти и спасти как можно больше уцелевших горняков. Особенно он искал одного человека и не мог успокоиться, пока не обнаружит его.

Билли Дженнер был жив. Джек заметил приятеля на уровне «сто десять». Того придавило огромным куском деревянной опоры. Мягкие золотистые волосы Билли были в запекшейся крови и темно-красной

пыли от земли, предъявившей на него свои права. Джек, сердце которого зануло при виде друга, оказавшегося в таком разбитом состоянии, позвал на помощь. Мужчины, услышав, что еще один горняк найден живым, мгновенно подоспели. Джек настоял, что сам понесет Билли. Он тащил его как можно осторожнее, избегая толчков, и не мог удержаться — слезы прокладывали чистые дорожки на его щеках, измазанных грязью.

Он уговаривал приятеля экономить энергию, но тот все бубнил ему на ухо:

— Надо было тебя послушаться, Джек. Лучше бы мы уплыли куда-нибудь вместе. В экзотическую страну, где разгуливают темноволосые, темноглазые красотки.

— Не разговаривай сейчас, Билли. Побереги силы, — отозвался Джек, усилием воли заставляя свой голос звучать твердо.

Всего несколько часов назад они отпускали шутки, разговаривая о будущем. Сейчас Джек сомневался, что у Билли оно есть, хоть и готов был на что угодно, лишь бы спасти его.

Но тот, по-видимому, уже все понял и пробормотал еле слышно:

— Болит, Джек. Болит везде. Не давай мне потерять сознание, не позволяй умереть здесь. Я хочу еще увидеть облака.

— Ты не умрешь. Я тебе не позволю. Я вынесу тебя наружу, и ты вдохнешь свежий корнуэлльский воздух с моря. Договорились?

— Договорились, Джек. Я тебе верю. Ты ведь знаешь, друг, что я тебя люблю?

— Не разнюнивайся.

— Все же это надо было сказать. — Каждое слово давалось бедняге с трудом. — Мы братья, хоть и не по крови. И не по виду, — Билли издал слабый, с присвистом, смешок.

В этом звуке чувствовалась такая слабость, что Джек запаниковал.

— Не надо разговаривать, Билли, слушай меня и держись. Там тебя ждут мама и сестра. И отец. Он ранен, но поправится. Вы оба понравитесь. Отправитесь вместе на рыбалку. И я с вами.

— До поверхности далеко, — простонал Билли.

— Я тебя туда вынесу. — Джек скрипнул зубами, закидывая неподвижное тело Билли на плечи. — Держись за меня, держись как следует.

— Я не знаю...

— Ты справишься! Когда все это закончится и ты придешь в форму, мы поцелуем на прощание корнуэлльскую землю и отчалим. Поплывем в Австралию, Билли! Там жарко и сухо. Золото у самой поверхности. Да, золото и, говорят, даже бриллианты. Еще опалы, жемчуга... — Он почувствовал, как тело друга обмякло. — Билли!

— Да... — чуть слышно отозвался тот.

— Мы почти добрались, — солгал Джек. — Я уже вижу небо, Билли, солнечный свет, в лицо дует ветерок. А у австралийских женщин даже все зубы на месте!

Билли сделал попытку рассмеяться, но получился стон.

— Джек, наверное, тебе придется делать это за нас двоих. Золото добывать... Давай, Джек, отправляйся на поиски богатства для нас обоих.

Билли умолк, а Джек с мрачной решимостью, со ртом, искаженным от натуги, охваченный тревогой, усиливающейся с каждым трудным шагом, продвигался дальше. Лишь за пару футов до конца его подхватили протянутые сверху руки и рывком подняли на поверхность.

Схватив ладонь Билли, он инстинктивно прижал ее к своей щеке и накрыл собственной большой пятерней.

— Мы скоро увидимся, друг. Видишь, мы выбрались. Ты сейчас на поверхности. О тебе позаботятся, тебя вылечат. Ты поправишься. Договорились, Билли?

— Спасибо, Джек, — шепнул тот, приподняв трепещущие веки.

На его потрескавшихся, кровоточащих губах появилась мягкая улыбка. Джек не стал вытирать слезы.

Последний свой вдох Билли сделал несколько мгновений спустя, еще до того, как до него, пробираясь сквозь толпу, успела добраться мать. Джек сказал себе, что друг просто отдыхает, запомнил лицо Билли, теперь успокоившееся, нежно поцеловал друга в лоб и пошел прочь. Начиная свой очередной спуск, он услышал крики, но сказал себе, что это могут быть вопли любой матери — слишком много сегодня пострадало сыновей Корнуэлла.

Джек не решился остановиться. Не допустил, чтобы в его сознание проникла мысль, что это кричит мать Билли, оплакивая свое любимое дитя. Нет, Джек не желал поверить, что Билли умер. Он

приказал себе не останавливаться, искать мужчин, попавших в лапы машины, и не успокаиваться, пока не найдет их всех.

Несмотря на его мужественные усилия, многие из тех, кого он вынес, умирали вскоре после того, как попадали в объятия семьи. Как будто они держались ровно столько, сколько надо, чтобы ощутить прикосновение свежего ветерка и увидеть лица любимых, — а потом уходили.

С каждым новым погибшим трещина в сердце Джека делалась чуть шире, а мрак — непроглядней.

* * *

Пять дней спустя более тридцати семей в округе Сент-Джаст хоронили своих мужчин; пятеро погибших были из родной деревни Джека. Все в ней словно застыло, скованное горем. В окрестностях повсюду проходили похороны, а над многими другими семьями, где мужчины уцелели, нависла беда скорой нищеты. Женщины радовались, что их отец, брат или сын жив, но знали, что теперь, серьезно раненный, он превратится в инвалида и не сможет больше кормить семью.

Один девятилетний мальчик провел на глубине, на отметке «девятьсто», почти трое суток в полной темноте. Он лежал там, не теряя сознания, придавленный трупом отца. Когда его вытащили на поверхность, выяснилось, что физически ребенок почти не пострадал. Однако он утратил способность говорить.

Пострадавшие со сломанными ногами и руками, ушибами, особенно с невидимыми повреждениями чувствовали себя виноватыми и не привлекали внимания к собственным горестям. О головных болях, тошноте, головокружениях, даже нескольких случаях того, что, по мнению членов семьи, было безумием, не говорили. Все эти последствия казались людям совсем неважными по сравнению со смертями.

Над улицами Сент-Джаста нависло тяжелое облако скорби. За каждым поворотом поджидало несчастье и разбитые жизни.

Джек со дня катастрофы разве что не жил в шахте, не желая общаться с семьей и надеясь, что сумеет отбить нападение своих

внутренних демонов, посвящая каждый час, данный ему Богом, спасению пострадавших.

Но сегодня Пендин хоронил одного из своих сыновей. Джек пришел домой, чтобы как следует вымыться, побриться и переодеться в темный костюм. Теперь неожиданно оказалось, что пиджак на нем, высоком и широкоплечем, висит. Матери дома не оказалось, а громкое тиканье старых часов звучало не как всегда — успокоительно, а словно бы зловеще, усугубляя тяжесть и без того напряженной атмосферы.

Джек поглубже вздохнул, пригладил блестящие от бриллиантина волосы, прочистил горло и постучал в кабинет отца.

Чарльз Брайант появился не сразу, а когда открыл дверь, Джеку бросилось в глаза, что, несмотря на идеально скроенный черный сюртук и белоснежную рубашку, он тоже производит впечатление человека, сломленного ударом судьбы. На мгновение в душе парня затлеяла надежда, что каким-то образом благодаря этой ужасной катастрофе возродится та особая связь, что может существовать только между горняками.

— Отец, я...

— Не сейчас, хорошо?

Джек умолк. Ему захотелось наброситься на отца с кулаками за то, что тот пренебрег даже этой хрупкой возможностью помочь друг другу.

Они молча двинулись вниз по склону. Отец и сын походили друг на друга даже походкой, только Джек был выше ростом.

— Твоя мать пошла вперед, помогать родственникам.

Сказать было нечего. Джек заметил, что даже птицы умолкли. Все же день выдался прекрасный — холодный прозрачный воздух, безветрие, яркое солнце. Билли должны были предать земле в церкви Уэсли. По предположениям Джека, сказать ему последнее «прости» явится вся деревня.

Джим, дядя Билли, приветствовал их у церковных ворот. Джеку ни к чему было гадать, почему так вышло. Он заметил, что люди, пришедшие выказать уважение и соболезнование, заметили его появление, но ни в одном взгляде не проступало и тени симпатии. Матери не было видно нигде.

— Джим, — торжественно произнес Чарльз, поднимая шляпу.

— Чарли, — отозвался тот, игнорируя Джека. — Гм, послушай, Чарли, — начал он в явном замешательстве. — Спасибо, что пришел.

Брайант кивнул, словно не понимая, с чего это старый друг благодарит его за то, что само собой разумеется.

— Чарли, прости, но мне кажется, что Джеку не стоит сейчас здесь находиться. — Он потупился. — Ты, Чарли, само собой, заходи. Это не... — Не в силах закончить, Джим лишь пожал плечами.

— Не охота на ведьм, ты хочешь сказать? — вскинулся Брайант. — С каких пор мы знаем друг друга, Джим?

— Чарли, послушай...

— С каких пор, я тебя спрашиваю? — повторил Брайант, голос которого, и без того глубокий, внезапно стал еще ниже.

— Да уже изрядно.

— Мы вместе выросли. Вместе спускались в шахту. Ты был крестным у моего сына, а я — у твоего племянника. А когда тебе в прошлом году понадобились деньги в долг, к кому ты обратился? — Теперь Чарльз говорил тише — именно этого тона Джек боялся больше всего, потому что он означал, что отец разозлился по-настоящему. — Мы мужчины Пендина, Джеймс Дженнер. Мы не отворачиваемся друг от друга.

— Дело не во мне, Чарли. И не в тебе. — На лице Дженнера отобразилось смятение. — Просто момент неподходящий. Все считают, что твой сын...

— Мой сын — профессионал, — оборвал его Брайант, наклоняясь к Дженнеру так, что их лица оказались в нескольких дюймах. — Он закончил горную школу с самыми высокими оценками за всю ее историю. Ты, без сомнения, знаком с заключением комиссии, согласно которому Джек действовал в полном соответствии с протоколом. Дальнейшее расследование подтвердит, что катастрофа была результатом несчастного случая. Да ведь трещина в металле образовалась в главном стволе, черт возьми! Это не имеет никакого отношения ни к мотору, ни к подъемнику.

Джек всеми силами старался скрыть изумление. Едва дыша, он поглядывал на спорщиков, на отца, бледного от сдерживаемой ярости.

— Деннис Пирс был там, — прошипел Дженнер.

Чарльз ткнул Джека в грудь и заявил:

— Спроси его о том, что вы все хотите знать.

— Что?.. — Было видно, что Дженнер ошеломлен.

— Спроси Джека, да не забудь смотреть ему при этом в лицо.

Дженнер в глубоком замешательстве поднимал глаза все выше и выше, пока не уперся взглядом в Джека.

Но не успел он и слова вымолвить, как Джек пришел ему на помощь. Он прокашлялся и сказал:

— Мистер Дженнер, клянусь жизнью моей матери, сэр, Элен беременна не от меня. Я предохранялся, и ей это известно.

Дженнер весь вскинулся и осведомился:

— Ты говорил это Пирсу?

— Он не дал мне и слова вымолвить.

— Чарли, здесь очень страдают. Мать Билли... Одним словом, ей уже не оправиться.

— У матери Билли пятеро сыновей, Джим. У меня один. Он не сделал ничего плохого. Джек — такая же жертва несчастного случая, как и многие из пострадавших. То, что у него целы руки и ноги, не означает, что он не скорбит так же глубоко, как и любой другой. Он был там, отвечал за безопасность этих людей. Подвело шахтное оборудование, а вы хотите обагрить эти руки кровью тридцати человек. Что за позорище!

— Причина глубже, Чарли. — Говоря это, Дженнер смотрел на людей, целые семьи, молча стекавшиеся к церкви. — Он не ходил на войну, а вот теперь еще это. Это...

Голос отца Джека стал лютым как зима.

— Ты знаешь, что его не взяли, и тебе известно, почему так вышло. Нельзя сказать, что Билли сражался на передовой, но почему-то никто не обзывает его за это трусом.

— Лучше оставим это, — вмешался Джек. — Я попрощаюсь с Билли позже.

Дженнер посмотрел на парня со смешанным выражением благодарности и беспомощности, но тот больше ничего не сказал. Его отец на прощание испепелил Дженнера взглядом.

— Я этого не забуду. — С этими словами он развернулся и зашагал прочь.

Джек заспешил за отцом, не зная, что сказать, и гадая, почему они идут не вверх, к дому, но забирают вбок, к морю.

— Иди за мной. — Это было все, что произнес Чарльз Брайант.

Озадаченный и обрадованный неожиданной поддержкой отца,
Джек молча пошел за ним.

Когда они оказались на вершине скалы, отец опять удивил сына тем, что снял пиджак, аккуратно его сложил и водрузил сверху шляпу. Он постелил свой белый накрахмаленный носовой платок и опустился на него, тщательно следя за тем, чтобы не испортить стрелки на брюках. Как и все мужчины семьи Брайант, Чарльз был высок ростом и широк в плечах, но внезапно Джек в первый раз обратил внимание на то, что эти плечи начали слегка округляться. Странно, что он заметил это только сейчас, так же как и новые морщинки под глазами. Серебряные нити в волосах Чарльза, прежде редкие, так предательски быстро распространились на всю шевелюру, что Джек поразился, насколько реальный отец старше того образа, который он привык видеть в своем сознании. Как могло случиться, что перемены прошли мимо него?

Он присоединился к отцу. Они посидели плечом к плечу, и в этом общем молчании им было хорошо как никогда.

Вид моря всегда бодрил Джека. В этот день вода была волшебно-прекрасной и меняла цвет от сапфирового на глубине до светящегося изумрудного близко к поверхности, там, где волны набегали в крошечной лагуне на песок, разбивались о валуны и исходили пеной, блистая в солнечном свете.

— В детстве я приходил сюда помечтать о дальних странах, что лежат за Краем Земли, — начал отец, внезапно выводя Джека из тихой задумчивости. — Обычно мы бывали здесь с Джимом Дженнером. Закусывали свежеиспеченными пирогами и часами говорили обо всех тех путешествиях по миру, которые совершим, когда вырастем.

Джеку с трудом верилось, что его отец, всегда серьезный, мог питать столь яркие и дерзновенные мечты.

— Сколько тебе было тогда?

Отец вздохнул, затем рассмеялся и ответил:

— Нам стукнуло, наверное, лет по шесть, когда мы начали ходить сюда без взрослых. Мы решили, что лучше всего быть пиратами — не теми, которые берут на бордаж корабли, севшие на мель неподалеку от берега. Нет, мы решили, что, в соответствии с нашими возвышенными представлениями, станем чем-то получше.

— Честными пиратами, — подсказал Джек, отчего улыбка отца стала еще шире.

— Да, честными. Мы стали бы захватывать только богатые торговые суда из Испании и Италии... которые придут, чтобы напасть на Корнуэлл. Озолотив наши семьи, мы отбыли бы в экзотические страны.

— Торговые суда, которые одновременно нападают!

— Мы ведь были совсем малышами. К восьми годам я уже спускался в шахту с отцом и дядей. В те времена мы работали в Южной Крофти.

Джек слышал об этом от деда, но ни разу не обсуждал эту тему с отцом.

— А как вы очутились в Леванте?

— Перебрались сюда всей семьей в тысяча восемьсот семидесятом году или около того.

— Так, значит, твой дядя Джеми погиб в Леванте?

Задумавшись, отец всосал губами воздух, потом сказал:

— Дядя Джеми погиб в Южной Крофти зимой тысяча восемьсот шестьдесят девятого года, за два дня до Рождества.

Джек помнил эту историю, хотя и несколько смутно. Ему также было известно, что после гибели Джеймса Брайанта от несчастного случая в шахте отцу Чарльза достался от брата домик с неплохим участком на побережье.

Чарльз заговорил опять, прерывая воспоминания Джека и глядя на море:

— «Забери мальчика из шахты», — часто говаривал дядя Джеми отцу. Но мы не могли себе этого позволить. Мужчины нашей семьи на протяжении многих поколений были шахтерами и добывали олово.

— А потом вы продали дом, — подсказал Джек.

Брайант вздохнул и посмотрел на свои большие руки, уже не покрытые трещинами и ссадинами. Теперь ему регулярно приводили их в порядок и полировали ногти в салоне для джентльменов в Кэмборне.

— Верно, потом мы продали дом. Меня всегда возмущало, в какой нищете жили шахтеры. Как ни молод я тогда был, но все же понимал, что мы делаем лондонских толстосумов еще более богатыми, в то время как наши семьи перебиваются с хлеба на квас. Ведь в те времена

у шахтеров не было никаких прав, ни забастовок, ни лоббистских группировок. Тогда никто и не слыхивал о таких вещах. Мы знали лишь, как работать в шахте по двенадцать часов. — Лицо отца исказила гримаса. — Да умирать, не дожив и до сорока.

Джек кивнул, но промолчал.

— А потом появилась мама. Такое хрупкое создание. До сих пор не могу взять в толк, как на нее нашло выйти замуж именно за меня. Она имела возможность подобрать гораздо более удачную партию. У мамы ведь образование, поэтому она могла найти себе прекрасного мужа.

— И нашла, папа, — произнес Джек. — Посмотри, что ты ей дал. — Юноша уже не помнил, когда они в последний раз вот так беседовали с отцом.

— Вот именно из-за нее я и решил сделать все возможное, чтобы вырваться из шахты. К тому времени мы все жили в дядином коттедже. Это, конечно же, было лучше, чем продуваемая всеми ветрами, осыпающаяся хибара, которую снимали мои родители, но все же перспективы выглядели не слишком многообещающими.

— Пока не выяснилось, что под домом залегает жила. — Джек словно снова стал ребенком, которому родители в очередной раз читают сказку, слышанную так часто, что он уже выучил ее наизусть и подсказывает, что будет дальше.

— Верно. Твой дедушка не хотел продавать дом, Джек. Между нами разгорались отчаянные споры. Я говорил ему, что своим упорством он отказывает в будущем мне, да и моему сыну тоже. Тебе к тому времени было года три-четыре.

— Я так и не понял, как тебе удалось его убедить. Дедушка ведь был такой настырный.

— Я напомнил ему слова дяди Джеми, который просил его забрать меня из шахты. К тому же в груди у меня так сипело и хрипело, что этого невозможно стало не замечать. Наверное, это и оказалось последней каплей. Владельцы шахты предложили ему столько, что у него глаза на лоб полезли. Как ты знаешь, он все отдал мне.

Повернувшись, Джек уставился на профиль отца. У него у самого был такой же, с выступающей линией нижней челюсти, характерной для сильного человека.

— Нет, я этого не знал.

— Дедушка не желал иметь ничего общего с деньгами. Он до конца дней так и спускался в шахту. Ни одной душе не обмолвился, сколько получил, и меня заставил поклясться, что я никому не скажу. Все, значит, досталось мне в двадцать семь лет. Дед велел мне использовать эти деньги со смыслом. Так я и поступил, прекратил работать в тот же день, но, видишь ли, к тому времени шахта была уже у меня в крови. Я не мог полностью порвать с ней и стал искать способ как-то связать свою новую деятельность с горной промышленностью. Самой лучшей мне показалась идея поставлять сырье крупным компаниям. Именно я выдвинул предложение выдавать людям бесплатные свечи.

— Правда? — Джек удивленно нахмурился.

— Я никогда не забывал, каково там, в забое. Ты скажешь, что я так и не достиг своей главной цели, не сделал так, чтобы людям внизу было светлее, но когда они все-таки решают поджечь фитиль у какой-нибудь моей свечки, то она горит как следует. Хотя это дурачье предпочитает работать в темноте.

— Но разве это не было способом открыть новое производство?

— Правда. Но все, что я делал, включая открытие в Кэмборне офиса по выдаче небольших займов, имело целью облегчить жизнь шахтерам. Видишь ли, Джек, я всегда помню о своих корнях.

— Я понял. — Внезапно Джека осенило, куда клонит отец.

— В самом деле? Неужели?

— Да. Ты хотел, чтобы я не удалялся от наших корней, помнил, что за нами многие поколения шахтеров.

— Ты прав, Джек. — Лицо отца смягчилось, морщины на лбу разгладились. — Среди нас не водилось контрабандистов или пиратов. Мы были шахтерами, добывали олово. Мне удалось уйти от грязи и беспросветной нищеты, дать хорошую жизнь маме и какие-то перспективы тебе, но шахта у меня в душе. Мне хотелось бы, чтобы она была и у тебя в душе тоже. Я мечтал, чтобы ты стал высококвалифицированным специалистом, горным инженером. Чтобы однажды... — Отец умолк.

Сердце Джека взыграло. «Передать мне дело?» — думал он, затаив дыхание.

— Но все изменилось, — продолжал отец, на лице которого появилось знакомое выражение неудовольствия. — Ты умен, Джек. Ты гораздо толковее всех Брайантов, которые жили до тебя. Я хотел, чтобы ты стал специалистом в горной промышленности и однажды твердой рукой повел корабль нашей компании по волнам нового века, со свежими идеями, опираясь на знание основ. Я надеялся, что с твоим инженерным мастерством ты сумеешь... — Он осекся и вздохнул. — Но тут начались карты, пьянство, пирушки...

— Я могу прекратить это в любой момент! — От полноты чувств Джек схватил отца за рукав. — Половина моих проблем происходит от расстройств. Ты был шахтером и вырос как сын горняка, я же — в доме с экономкой, обставленном прекрасной мебелью! Когда мои друзья стали спускаться в забой, ты послал меня учиться. Ты настоял, чтобы я приобрел профессию вместо освоения основ семейного ремесла, а после этого запихал меня в шахту! Ты сам сделал так, чтобы мне не оставалось ничего иного, кроме как пойти по дурной дорожке. Если ты хотел, чтобы я стал шахтером, то надо было оставаться в доме дяди Джеми, а не продавать его!

Чарльз Брайант воззрился на то место, где ладонь сына смяла ткань у него на рукаве. Джек мгновенно убрал руку, сожалея о вспышке чувств, уже вроде бы оставленных за спиной.

— Ты ставишь мне в вину собственные недостатки? Упрекаешь за неприятности, в которых погряз из-за себя же самого?

— Я упрекаю тебя в том, что ты используешь меня, таким способом облегчая собственное чувство вины.

— Вины?.. — повторил отец со смешанным чувством изумления и возмущения.

— Ты ведь так и не приспособился к своему новому статусу в жизни, верно? — Джек почувствовал, что после стольких лет настал наконец момент истины. — Ты сам вытащил себя из грязи и стал преуспевающим бизнесменом. Я снимаю перед тобой шляпу, потому что ты сумел сделать это, не заслужив презрения твоих бывших товарищей-шахтеров или пренебрежения людей, с которыми имеешь дело теперь.

— Не надо швырять в меня такими словами, — отозвался отец.

— Тогда, наверное, тебе не следовало давать мне образование, — прорычал Джек, сдирая галстук и распуская воротник сорочки. —

Неужели ты думал, что я буду счастлив так вот работать всю жизнь? На шахте, когда я сплю на накрахмаленных простынях, выглаженных служанкой, и раскатываю на роскошном автомобиле с шофером? Подумай об этом! Ты заставляешь меня терпеть постоянные нападки как расплату за твой успех. Ты бросил меня, при этом надеясь, что, заставляя сына работать в шахте, тем самым сохраняешь верность своим корням. Нет ничего достойного в том, чтобы демонстрировать, что твой единственный наследник вкалывает на шахте. Из этого для меня получается только унижение, и ты — его главный зачинщик.

Глаза отца приобрели цвет гранитной скалы, на вершине которой они находились, и Джек знал, что такие же изменения произошли с ним самим. Как часто говаривала мама, они ходили друг на друга, будто две горошины в стручке. Над их головами в высоте парила чайка, ожидая воздушной струи, которая вознесла бы ее наверх. Джек почувствовал себя таким же одиноким, какой казалась ему эта птица.

— Как же, по-твоему, мне стоило бы поступить с тобой? — осведомился отец. — Я вырастил тебя...

— Да, но ты меня ненавидишь. Я для тебя воплощаю то, что несут с собой деньги.

По лицу отца было видно, что он опешил. Помолчав, Чарльз внезапно встал и принялся отряхиваться.

— Это нелепо. Я сделал тебя тем, что ты есть!

Боль разочарования проникла Джеку в самое сердце. Он окончательно утратил надежду на то, что между ним и отцом возможно открытое и честное объяснение.

— Так ты гордишься мной, тем, чем я стал?

Вместо ответа Чарльз Брайант склонился и стал поднимать с земли пиджак и шляпу, избегая при этом смотреть Джеку в глаза.

— Ты не виноват в том, что произошло на шахте.

— Я не нуждаюсь в твоих подтверждениях, чтобы это знать, хотя воспоминание о том, как ты за меня заступился, навсегда унесу с собой.

Мгновенно вспыхнув, взгляд отца встретился с взором Джека. В стальной глубине глаз Чарльза заблестали такие же искры.

— Унесешь с собой? О чем ты?

В тоне отца Джек почувствовал знакомый оттенок презрения и ответил:

— Я намерен сделать то, что следовало бы осуществить гораздо раньше. Уехать.

— Из дома? — Отец издал короткий, жесткий смешок. — Да ты и недели не протянешь самостоятельно. Я же вижу, как ты тратишь карманные деньги...

— Не просто из дома, папа, — тихо, со странным спокойствием поправил Джек, который смотрел на отца прямо, не мигая. — Я уезжаю из Корнуэлла. Мне не нужны твои карманные деньги.

— Что? — заревел старик. — Не будь глупцом. Твое будущее...

— Не здесь, — печально закончил Джек. — Все это длилось слишком долго. Я сержусь сам на себя за то, что не осознал этого раньше.

— Но как же семейное дело? — спросил Чарльз.

— А что с ним?

— Я ведь не молодею, — почти взмолился отец.

— Я тоже, — вздохнул сын.

— А как же мама?

— Она нас любит. — Джека поражала удивительная ясность, наступившая у него в мыслях. — Это не изменится. Как и то, что мы с тобой постоянно ссоримся.

— Послушай...

— Нет, папа. Я не буду больше слушать твои правила и поучения насчет того, как мне строить свою жизнь. Я не святой, понимаю, что подвел тебя и не имею права на то, чтобы ты предоставлял мне какие-то возможности. — Поднявшись, Джек окинул взглядом панораму Пендина, потом печально посмотрел на отца. — Не говоря уже о том, что грязь липнет. Ты достаточно часто повторял мне это. Люди, среди которых мы живем, никогда не изменят своего мнения обо мне. Я злодей. Я виноват во всех смертях во Франции, на мне лежит ответственность за все загубленные и изуродованные жизни в Леванте, и я же отец незаконнорожденного ребенка Элен. Тебе действительно есть чего стыдиться. — Сунув руку в карман, он извлек из него материнские бриллиантовые часики. Убедившись, что они не потерялись во время кошмара на шахте, Джек почувствовал изумление и благодарность. — К списку моих прегрешений можно добавить и кражу. Я взял это несколько дней назад.

Отец словно утратил дар речи.

Поведав ему всю эту отвратительную историю, Джек беспомощно покачал головой и добавил:

— Я хотел расплатиться с ним побыстрее, чтобы он не преследовал тебя и маму.

— Он угрожал твоей матери?

Джек прежде вряд ли слышал, чтобы в голосе отца звучало такое чувство, а потому рассказал отцу все, что мог вспомнить, и закончил так:

— Прости меня, я, честное слово, не хотел, чтобы так получилось.

— С сэром Уолтером я сам разберусь. — Губы Чарльза исказила гримаса презрения.

Это напомнило Джеку обо всем том, что он искренне любил в отце: его спокойную силу, свойственное ему умение брать в свои руки контроль над ситуацией, нетерпимость к угрозам по отношению к своей семье.

— Так куда ты намерен отправиться? — кашлянув, спросил Чарльз.

— Наверное, в Лондон. Если получится, устроюсь грузчиком, заработаю на билет. Я всегда хотел куда-нибудь уплыть.

— А дальше что?

— Не знаю. Ты сделал из меня горняка, папа. Может, в Австралию? Говорят, там сейчас новая золотая лихорадка. Еще и опалы добывают, и бриллианты.

— В Австралию? Но ведь это на другой стороне земли! И что, черт побери, ты согласишься в опалах и бриллиантах?

— Я быстро учусь. — Джек придвинул ладонь с часами на них ближе к отцу. — Возьми их.

Старший Брайант не прикоснулся к часам.

— Я купил их в тот год, когда ты родился. Голубой циферблат — как глаза у моего сына, сверкающие бриллианты — как моя жена.

— Я и не знал, что ты так сентиментален, — с невольной горечью отозвался сын.

— Ты много чего обо мне не знаешь.

— Положи часы ей в шкатулку.

Не глядя на часы, лежащие на ладони Джека, отец извлек из нагрудного кармана конверт кремового цвета.

— Нет, если ты решил уехать, заведи их с собой. Так ты нас не забудешь. А пока возьми это.

Джек нахмурился.

— Деньги. Я собирался в Кэмборн, выдать людям жалованье, расплатиться по счетам.

— Так сделай это.

Чарльз покачал головой. Ветер с моря усилился, подхватил волосы Джека, растрепал черную шевелюру, нуждавшуюся, по мнению матери, в подравнивании. Он заметил, что волосы отца, не менее густые, но идеально уложенные с бриллиантином, не шелохнулись.

Джек молча смотрел на толстый конверт. Отец шлепнул его ему на ладонь. Это было мгновение самого тесного за все время физического контакта между ними. Они почти касались друг друга, но их разделял конверт.

— Там, кажется, слишком много. — Джек подозревал, что внутри скрыто небольшое состояние.

— Возьми его!

— Зачем? Чтобы облегчить твою совесть? — Джек пожалел об этой фразе сразу, как только она у него вырвалась.

— Нет. Твою, — покачал головой Чарльз.

Они смотрели друг на друга, внизу волны с рокотом разбивались о камни, над головой с криками кружили уже несколько чаек. Джек чувствовал, что отец тоже, как и он сам, хочет приблизиться, что-то сказать, но пропасть между ними, бескрайняя, как Атлантический океан, оказалась слишком велика.

— Ты зайдешь со мной домой упаковать вещи?

— Мне не нужны вещи. — Он бросил взгляд на конверт. — А если что понадобится, я могу купить.

Тихо вздохнув, отец принялся натягивать сюртук. При виде его темно-красной подкладки Джек вспомнил о недавнем кровопролитии.

— Но ведь надо же попрощаться с мамой... объяснить ей.

Джек лишь покачал головой, слишком взволнованный даже для того, чтобы ощутить, как жестоко кусает его холодный бриз.

— Не могу.

— Ты разобьешь ей сердце.

— Тогда ты, папа, излечи ее. Скажи ей, что я ее люблю и однажды вернусь. Но я не могу встречаться с ней сейчас — не хочу уезжать с воспоминанием о ее слезах, разочаровании и огорчении из-за моего отъезда. Лучше буду вспоминать, как она улыбалась во время нашей последней встречи.

Отец не отвечал. Джек не мог сказать, выражает ли лицо Чарльза гнев или глубокую скорбь.

— Я напишу маме, — наконец произнес он. — В письме мне будет легче объяснить. Обещаю, что так и поступлю.

— Сделай это, — угрюмо, хрипло, с глубоким чувством отозвался отец и протянул сыну руку.

Постояв, Джек один раз пожал протянутую ладонь, потом, стараясь не смотреть отцу в глаза, повернулся и пошел прочь. Больше сказать было нечего, и он не стал оглядываться.

* * *

На следующий день, ближе к ночи, в офис Уолтера Рэлли нанесли визит несколько человек. Момент они выбрали умело — когда телохранитель Рэлли соснул в задней комнате. Ни Громила Харрисон, ни Рэлли так и не узнали, каким предметом их ударили. Когда Рэлли далеко не сразу очнулся, оказалось, что он в машине, с повязкой на глазах.

Уолтер набросился на своих спутников с крикливыми вопросами. Он не мог видеть, но все же понял, что его сопровождают четверо. Уолли очень встревожило, что, несмотря на посулы — Рэлли предложил за свое освобождение целое состояние, — на всем протяжении пути они хранили каменное молчание.

Когда машина остановилась, ему сунули в рот кляп и вытащили наружу. Он сообразил, что его ведут дальше на запад. Эти предположения подтвердились, когда в лицо Уолли пахнуло холодом — знакомый порыв ледящего атлантического ветра.

Повязку с его глаз сорвали, и он увидел четверых мужчин с лицами, вымазанными сажей.

— Куда вы меня затащили, черт возьми? Это Левант? — воскликнул он.

— Здравствуй, Рэлли, — произнес пятый человек, который появился из-за отвала и не скрывал своей внешности.

Он показался Рэлли знакомым. Да, это был местный бизнесмен.

— Брайант? Ты? — произнес Рэлли, щурясь в почти полной темноте.

Единственным источником света была луна.

— Наши извинения, Рэлли. Я иногда забываю, что только мы, шахтеры, видим в темноте, — произнес этот тип, и его люди рассмеялись.

— Что происходит? — Кокни Рэлли звучал совершенно неуместно на этом каменистом пустынном берегу. — Ты не шахтер, Чарльз Брайант, — бросил он, тыкая в его сторону пальцем.

— А вот в этом ты заблуждаешься, Рэлли.

— Чего ты хочешь?

Из всей компании Брайант меньше других походил на головореза, но внезапно в его облике появилась такая угроза, что Рэлли понял: он самый опасный. Прежде Уолли никогда не замечал, какой же здоровенный этот Чарльз. Словно скроенные на заказ костюмы это скрывали. Сейчас он стоял перед Рэлли, с черной гривой, хмурый, с закатанными рукавами. Отец, наверное, как и его дуралей сын, ростом выше шести футов. Так в чем же все-таки дело? Подозрения Рэлли подтвердились, когда Брайант заговорил.

— Сын говорит, что ты на днях хотел преподать ему урок, — начал он ровно, но угрожающе.

— Я просто немного поучил его ответственности. Тебе следовало бы поблагодарить меня, Брайант. Твой сын поступает безрассудно, и я решил, что пора напомнить ему о его обещаниях. Я сделал то, что тебе следовало бы сделать гораздо раньше. — Он сразу понял: зря сморозил эту колкость, забыл, что рядом нет здоровяков-телохранителей, да и Брайант вряд ли устроил это представление лишь для того, чтобы его слегка пожурить.

Внутренности Рэлли, до этого момента словно сплетенные от страха в тугой комок, сейчас будто потекли. Он много раз наблюдал такое, когда давал кому-нибудь урок. Взрослые мужчины от страха мочились под себя, а иной раз случалось и кое-что похуже.

— Уверен, ты поймешь, — заключил Брайант.

— Что?.. — Уолтер прослушал, о чем тот только сейчас говорил, и сделал попытку воззвать к разуму. — Послушай, Брайант, твой сын мне должен деньги. Все просто и ясно. Ты ведь согласен, что мужчина должен платить свои долги?

— Да, разумеется. Сколько он тебе должен?

Этого Рэлли не ожидал. Он задумался, не сказать ли, что двадцать, но потом решил не рисковать. Брайант — кто угодно, но только не дурак. Лучше попытаться мирно выйти из игры.

— Забудем об этом, — предложил он, выдавливая самую дружелюбную из всех улыбок, кривую от страха и пронзительного ветра. — Пусть заплатит, когда сможет... Даже, если хочет, по частям.

— В самом деле?

— Ага. Точно. Обещаю... Провалиться мне на этом месте. Не стоит ссориться из-за пустяков, Брайант. — Покосившись, он встретился взглядом с одним типом из четверки, похожим на мрачно ухмыляющегося тролля.

Они незаметно зашли сзади и теперь окружали его широкой дугой.

— Оставим это, а?

— К сожалению, не могу, — отозвался Брайант, и Рэлли показалось, что внутри него заперта стая птиц. Она рвется на свободу, хлопает крыльями и бьется о сердце, о легкие.

Внезапно ему стало нечем дышать, хотя он отчаянно втягивал в себя воздух.

Брайант продолжил:

— Я, видишь ли, согласен, что мой сын должен платить долги. Но пока он в отсуствии, я сам за него заплачу. Пусть лучше он будет должен мне. — Рэлли зачарованно наблюдал, как Чарльз запустил руку в карман и извлек, по-видимому, пачку банкнот. — Скажи-ка, сколько точно он тебе должен.

Первый раз с того времени, как Рэлли привезли на территорию шахты, в его душе зажглась искра надежды. Он видел деньги, то, как Брайант приложил большой палец к пачке, готовясь отсчитать купюры. Может, этим все и ограничится, пострадает только самолюбие Рэлли?.. Он тут же дал себе обещание уехать на некоторое время в Лондон, если выберется отсюда. Черт бы побрал этих шахтеров! Он представил себе, как закажет пинту горького в «Ягненке» или Ковент-Гардене и,

внутренне улыбаясь, приложится к кружке. Наплевать на Джека! Деньги старшего Брайанта ничем не хуже. Главное, чтобы платили, решил Рэлли, а к мелочам придирается не надо.

— Он должен мне четырнадцать фунтов, — отчетливо произнес Уолтер.

Эта фраза вырвалась у него так же уверенно, как и облачко пара изо рта.

— Четырнадцать, — повторил Брайант, отсчитывая банкноты. — Пусть будет пятнадцать. Включая долговой процент.

— Справедливо. — Рэлли не выказал никаких чувств.

— Я порядочный человек.

Уолли взял деньги, не считая, даже не взглянул на них, сунул в нагрудный карман и заявил:

— Значит, дела утрясены. Это все можно было решить за кружкой пива, Брайант. Ни к чему...

— Не совсем. Видишь ли, есть еще небольшой вопрос по поводу угроз моей жене. Его надо решить. Я заплатил долг сына, Рэлли, и теперь намерен взыскать с тебя то, что ты должен мне.

— Что? — Уолтеру показалось, что вся кровь в его теле отлила к ногам. — Не понимаю.

— В таком случае я объясню. Джек все мне рассказал. Кое-какие факты я проверил сам. Джордж Томас некоторое время не сможет работать, а то и утратит трудоспособность навсегда. Ты говорил разные вещи о шахтерах Южной Крофти. В частности, обо мне. — Отблеск свечи упал ему на лицо, на котором теперь играла зловещая улыбка.

Так, без намека на искренность, могла бы оскалиться маска.

— Ты, по-моему, варвар, Рэлли.

Тот пытался придумать оправдание, но ничего не шло в голову. Слова покинули его, испуганные угрозой, сквозившей в темных глазах Брайанта.

— Послушай, Чарльз...

— Не пытайся говорить со мной так, будто знаешь меня. Если бы дело обстояло так, то ты не сомневался бы и в том, что моя жена добра и прекрасна. Она заботится обо всех. В отличие от тебя, делает добрые дела и раздает значительную часть тех денег, что я зарабатываю, тайно, под видом анонимных пожертвований церкви, разным шахтерским

благотворительным организациям. Моя Элизабет принадлежит к числу лучших людей этого мира и не заслужила того, чтобы на нее упал хотя бы обрывок твоей поганой тени.

— Я хотел его просто поугубить. Я говорил не всерьез, Брайант. Я...

— Нет, ты говорил всерьез, сказал Джеку, что считаешь себя человеком слова. Так что у меня нет никаких сомнений в том, что ты открыто угрожал моей жене. Теперь я заставлю тебя за это заплатить.

— Постой! погоди! — закричал Уолли, когда Брайант кивнул четверым мужчинам.

Полукруг вокруг него стал сужаться.

— Вот каково это, Рэлли. Вот за что ты платишь своим животным. Именно так они поступают с беспомощными людьми, угодившими в твои игорные дома.

Изогнувшись всем телом, Уолтер через плечо бросал на Чарльза отчаянные взгляды, а его тем временем тащили прочь.

— Брайант, подожди! Выслушай меня. Прошу.

— У Джорджа пятеро детей, Рэлли. У тебя ни одного, что, я думаю, для мира только к лучшему.

Началось знакомое Рэлли невнятное бормотание, только теперь источником его был он сам. Оно исходило из него непрерывным потоком страха. Губы Уолли складывались в слова мольбы, которым никто не внимал.

Люди Брайанта толкали его к скале. Он подумал, что сейчас слетит с нее, именно в этот момент не выдержал и намочил штаны. Уолтер не раз видел, как это происходило с его должниками. Однако тут он понял, что его ведут не к обрыву, а заставляют спускаться по склону, и начал спотыкаться на ступеньках, вытесанных в камне.

Дыхание Рэлли стало поверхностным, зачастило. Он начинал понимать. Холод должен был бы продирать его до костей, но он ничего не чувствовал.

— Куда меня ведут? — завопил Уолтер.

— В место, слишком хорошо знакомое большинству этих ребят, Рэлли. Недавно здесь приключилась массовая гибель, так что твой призрак будет в компании людей, из которых ты годами пил кровь.

Рэлли сам удивился смелости, взбурлившей вдруг в нем, от которой он заговорил совсем по-другому:

— Когда все это закончится, Брайант, я приду за тобой и твоим семейством. Тогда я начну с твоего сына, а тебя заставлю смотреть.

— Мой сын уехал, он больше не в Корнуэлле. Его долг тебе заплачен. Ты сейчас отправишься туда, где твои вопли не будут услышаны. А когда все закончится, никто даже не узнает, где твое тело.

— Тело?.. — вырвалось у Рэлли чуть ли не шепотом. — Брайант...

Не обращая внимания на новую серию криков, Чарльз спокойно продолжал говорить:

— Посмотрите на него, ребята. У каждого из вас на этого человека есть зуб. Теперь вы имеете шанс отомстить. Где найти деньги, вам известно. Вы знаете, я человек слова.

С этими словами Чарльз Брайант зашагал прочь, не желая быть свидетелем безобразной сцены. На душе у него было тяжело из-за всего, что только что произошло, но осознание того факта, что бесчинствам злодея положен конец, успокаивало его. Пусть пятнадцать фунтов семьи Брайантов сгниют в кармане этого типа.

Он изгнал из сердца ненависть, позволил ему наполниться скорбью из-за потери сына. Чарльз знал, что больше никогда не увидит Джека, и всеми фибрами души сожалел о своей неспособности сказать ему, что на самом деле не переставал его любить и им гордиться, несмотря на все недостатки и небезупречное поведение. Чарльз Брайант все понимал. В том, что сын едва не пошел по дурной дорожке, виноват только он сам, не самый лучший отец. Джек прав. Из-за довлеющего над ним чувства вины Чарльз незаметно для себя стал пренебрегать сыном, а теперь из-за этого же ощущения пошел ради него на убийство.

Тело Уолтера Рэлли так и не было найдено. Левант предъявил свои права на еще одну душу, последнюю.

Не по своей вине Нед и Арабелла оказались брошенными на произвол судьбы и милость добрых людей, а через какое-то время — в океан бездомности. Вечером последнего дня в «Стрэнде» Нед изложил сестре подкрашенную розовым версией того, что с ними произошло, и Белла, кажется, поняла, что их родители ушли на небеса. Не вдаваясь в подробности, Нед лишь сказал ей, что папа умер от сердечного приступа, а мама — во сне, от горя. Белла плакала, но он знал, что сестра обожает представлять себе, как романтически-нежно любят друг друга ее родители, и надеялся, что благодаря этой хитрости ей легче будет утешиться. Ему оставалось только гадать, осознала ли она, что теперь у них на свете нет никого, кроме самих себя.

Поначалу местная пресвитерианская церковь делала все возможное, чтобы помочь шотландским сиротам, но дни шли, щедрость прихожан истощалась, и в конце концов оказалось, что у Синклеров один путь — в приют, под так называемую временную опеку.

Нед громко протестовал, когда была высказана идея отдать его в знаменитый местный приют для мальчиков, а Беллу — в аналогичное учреждение для девочек. Он наотрез отказался разлучаться с сестрой, с пылом доказывая, что за последние недели на их долю выпало достаточно потрясений. Те люди, которые его поддерживали, — главный управляющий отеля, доктор Фриц, глубоко озабоченный их судьбой, некоторые члены Европейского клуба — не остались равнодушными, но Нед почувствовал, что они уже были бы не против, если бы жизнь брата и сестры «вернулась в нормальное русло».

Нед стоял на своем, убеждая всех, что Белла должна остаться с ним, потому что не мог и подумать о том, что с ней станет, если она одним махом потеряет всех близких до единого. Уже и сейчас он замечал у нее явные признаки нервного расстройства. Напряжение дошло до предела, и тут Фрейзер, который спал и видел, как ему покинуть Рангун, но хотел это сделать с чистой совестью, предложил поместить их в один приют, принимающий всех детей, независимо от расовой и социальной принадлежности. Приют десять лет назад основала группа жен собственников рисовых плантаций. В порыве

изначального благотворительного усердия, движимые желанием приносить пользу и оставить в Рангуне свой след, эти люди организовали строительство, набрали детей и некоторое время руководили заведением. Однако по мере того, как их мужья зарабатывали все больше, а сами дамочки приобретали вкус к богатству, филантропический энтузиазм угасал, а когда потух совсем, они поручили руководство приютом некоему доктору Бренту.

Так что не прошло и трех недель после трагического случая с отцом и последующего самоубийства матери, как брат и сестра Синклер оказались в небольшом, окруженном фикусами, неухоженном на вид поселении под названием «Всебирманский детский дом». Здесь четыре десятка мальчиков и девочек получали кров и постель, двухразовое питание и своего рода образование. Финансирование было скудное и поступало от экспатриантов — отцов с нечистой совестью, давным-давно покинувших матерей-бирманок, чтобы вернуться в Великобританию и там жениться, — а также от трудовой деятельности самих воспитанников, которые плели корзины, продаваемые в Рангуне.

Попутной машины, чтобы подбросить их, в тот день не случилось. Поэтому путешествие было совершено в повозке, запряженной кобылой, из чего следует, что на место они прибыли изнемогающими от жары, пыли и жажды. Всю дорогу Белла не отпускала руку Неда. Если бы не сестра, Нед предпочел бы пуститься в жизненное плавание самостоятельно, нанявшись на какую-нибудь плантацию.

Заведение состояло из трех главных одноэтажных зданий и дюжины разнокалиберных домиков поменьше, разбросанных примерно на двух акрах. Деревья поодаль росли густо, и Нед подумал, не начало ли это знаменитых бирманских джунглей. У каждого домика была облезлая веранда и потрескавшиеся оштукатуренные стены. Битые окна свисали с петель, а облупившаяся краска лишь завершала картину запустения. Было видно, что к изначальному архитектурному замыслу позже присоединились неудачные дополнения, так что простая элегантность, некогда присущая главному зданию, теперь нарушилась ненужными колоннами и неуместным портиком.

Навстречу им выбежали дети, где-то с десятков. Радостно улыбаясь, они лепетали что-то на бирманском языке. Неду показалось,

что всем им лет от пяти до семи, хотя чуть позже показался и мальчик заметно старше. Он держался на расстоянии, но все равно поднял руку в робком приветственном жесте. Потом парнишка неуверенно заулыбался, и брат сообразил, что Белла у него за спиной уже машет мальчику рукой. Насколько Нед мог судить, он был старше ее, но младше его самого. При черных волосах кожа у мальчика была цвета кофе с молоком, что заметно отличало его не только от темнокожих товарищей, но и от Синклеров.

На главной веранде женщина в глухом крахмальном облачении с высоким воротничком, ладонью прикрывая глаза от солнца, ждала, когда новоприбывшие выйдут из экипажа.

— Мистер Фрейзер? Я матрона Brent.

— Ага, здравствуйте. Ну выходи, Нед. Пойдем представим тебя и Беллу! — произнес Фрейзер добродушно, но Нед почувствовал, что его сопровождающий нервничает, больше всего ему хочется быстрее покончить с формальностями и оказаться в другом месте. — О вещах не беспокойся, — добавил он, когда Нед помогал выходить Белле, после чего, переключившись на местный диалект, стал отдавать распоряжения вознице.

Нед позабыл о старшем мальчике, но обрадованные малыши бежали рядом с ними до самого главного здания, смеясь и распевая по пути. Сундуки с вещами остались на хранении в отеле до тех пор, когда все окончательно утрясется, и внезапно Нед почувствовал, какое все вокруг чужое. Знакомы только одежда, что на нем, да рука Беллы.

Крепко сжимая эту маленькую ладошку, он огляделся. Более унылая картина не привиделась бы ему и в страшных кошмарах. В Британии почти везде основным цветом был зеленый, а свет — мягким. Здесь же с раскаленного добела неба, от одного вида которого у непривычного человека мог развиваться нервный тик, нещадно палило солнце, при этом воздух был настолько влажен, что этот самый человек запросто рухнул бы в коричневую грязь от изнеможения. Только листва, темная и густо-зеленая, напоминала, что здесь есть жизнь. Все вокруг казалось ветхим и разваливающимся.

Название деревни Нед не в состоянии был произнести, впрочем, он почти пропустил его мимо ушей. Не имея представления о том, где они находятся, он уже мечтал как можно скорее покинуть это место.

Но пока что пестрая кучка когда-то беленных домиков, не сулящих большой роскоши, могла дать Белле чувство безопасности.

Пока они шли к матроне Brent, Фрейзер бросил на юношу смущенный взгляд и произнес:

— Вам здесь недолго придется быть, Нед, обещаю.

Тот предпочел промолчать и сосредоточился на миссис Brent.

— Добрый день, Эдвард, — поприветствовала она. — А также Арабелла, если не ошибаюсь. Можете называть меня матроной.

Нед издал нервный смешок, Белла же сочла необходимым сделать реверанс этой женщине с самодовольным лицом.

Внезапно Неду захотелось закричать, что они здесь случайно, но вместо этого он спросил:

— Я здесь самый старший? — и вежливо протянул руку.

Она не пожалала ее, но улыбнулась молодому человеку жесткой, быстрой улыбкой, не касавшейся серьезных глаз.

— Да. Но вам следует познакомиться с Робби. — Через плечо Неда она стала высматривать старшего мальчика, Нед же воспользовался паузой, чтобы отбросить с глаз непослушную прядь волос.

Почему он отказался, когда мама еще на корабле предложила постричь его? Никогда больше не проведет она своими нежными пальцами по волосам сына, он не почувствует прохладу ее руки, когда мать случайно заденет ему лоб, не увидит ласковой улыбки. Усилием воли Нед изгнал из мыслей образ матери.

— Подойди сюда, Робби, — позвала Маргарет Brent, и старший мальчик, пробираясь бочком, приблизился к ним.

Он был строен, и в нем явно текла смешанная кровь.

— Робби пятнадцать лет. Он с нами дольше всех остальных детей. Уверена, Робби обрадуется новым друзьям из Англии.

Нед протянул руку, и Робби ее пожал, при этом его веселые темные глаза просияли радостью, а рот растянулся в широкой белозубой улыбке.

— Приятно познакомиться, — сказал Нед.

Белла последовала его примеру.

— Ты как принцесса из моей любимой книги, Арабелла, — выдохнул Робби.

Нед мгновенно исполнился к нему теплыми чувствами, поскольку тот не мог сказать его сестре ничего более приятного.

— Так меня никто не называет, — с обезоруживающей искренностью отозвалась она. — Для всех, кроме Неда, я Белла. Он называет меня Белл.

— Так еще красивее. — Лицо Робби вновь озарилось внутренним светом.

— Что ж, — прервала его Маргарет Brent. — Дети, расходитесь. Робби, усади их плести корзины. Эдвард, Арабелла, мистер Фрейзер! Полагаю, вам надо познакомиться с мистером Brentом. Он ждет гостей. Но сначала надо вас напоить. Вы, должно быть, хотите пить? Ниун!

Появилась худенькая девушка. Невысокого роста, в изношенной одежде, она двигалась удивительно легко и изящно.

— Это Ниун. Она прожила здесь много лет, а потом решила остаться, чтобы помогать, особенно на кухне.

В ответ на робкую улыбку молодой женщины все тоже заулыбались.

— Она немного понимает по-английски, но не говорит, поэтому лучше не обращайтесь к ней с вопросами. Ниун отведет вас на кухню, и там вы напьетесь. — Повернувшись к девушке, матрона быстро заговорила по-бирмански, потом вновь обратилась к гостям: — Мистер Фрейзер, будьте любезны проследовать со мной. Доктор Brent ждет нас к чаю.

Следуя за Ниун, которая улыбалась и жестами приглашала идти за ней, Нед с радостью скрылся в прохладной части дома.

Спустя несколько минут он, опередив спутниц, оказался у слегка приоткрытой двери и услышал часть разговора между Фрейзером и человеком, про которого решил, что это доктор Brent.

— Паспорт, другие семейные документы? — осведомился Brent.

— К сожалению, ничего.

— Что вы такое говорите, мистер Фрейзер!.. Эта несчастная с детьми пересекла океан. Ее не выпустили бы из Британии без документов.

— Понимаю. Но в спешке ничего не удалось обнаружить. Должно быть, бумаги где-то у них в вещах. Я позабочусь, чтобы их прислали.

— Я сам могу связаться с управлением отеля, — снисходительно отозвался доктор Brent. — Теперь касательно денег...

До Неда донесся вздох Фрейзера.

— Я даю вам эти деньги, доктор Brent, чтобы вы хорошо позаботились о детях до тех пор, когда я найду в Британии людей, готовых принять на себя всю ответственность за них. Надеюсь, мы понимаем друг друга? Их не надо помещать в разряд безденежных детей.

— Разумеется, — отозвался Brent. — Все же мне хотелось бы лучше понять, каков их статус.

Фрейзер издал еще один вздох и ответил:

— Насколько мне известно, у данной семьи есть друзья на юге Англии. Я разыщу этих добрых людей и постараюсь убедить их взять в свой дом Синклеров, по крайней мере Беллу. Нед же к тому времени сможет и сам о себе позаботиться. В конце концов, ему скоро восемнадцать.

— Но кто оплатит им проезд? Пожалуйста, не рассчитывайте...

— Я не рассчитываю. Я найду им деньги на дорогу, но того, что я дал вам сейчас, должно хватить на три месяца.

— Да, этого хватит.

— Я с вами свяжусь.

— До встречи. — В голосе доктора не прозвучало и тени искреннего чувства.

До Неда донеслись голоса. Его нагнали Белла и Ниун в сопровождении матроны Brent.

Она заметила юношу и сказала:

— Ты можешь сейчас познакомиться с мистером Brentом.

Стуча в дверь, Нед внутренне насупился. Значит, три месяца. Он до сих пор думал, что это вопрос недель. Вдруг чувство ответственности у Фрейзера испарится, как только он поймет, что избавился от них?

— Входите, — раздалось хрипловое приглашение.

Крепко взяв сестру за руку, Нед вошел в комнату.

— Ах, Синклеры, — произнес Brent из-за письменного стола, заваленного документами и книгами, с пишущей машинкой посередине, в каретку которой были вставлены листы, переложенные копировальной бумагой.

Огромное венецианское окно выходило на территорию заведения, но взгляд Неда был прикован к Бренту, человеку очень грузному. Вставая, тот задел за угол стола, на котором стоял кувшин с чистой водой. Вязанная из цветных нитей, украшенная бисером скатерть сверкала, точно усыпанная бриллиантами. Беллу привлекли бусины. Она много раз видела похожие изделия в Британии, но никогда — в таком ярком солнечном свете. Скатерть была единственным красивым предметом в помещении, во всех остальных отношениях неприглядном. Кисло пахло потом Брента, на его бледно-голубой рубашке проступили темные пятна.

— Добро пожаловать в наше скромное, но уютное заведение, — произнес он.

Глядя в его темно-голубые глаза, глубоко сидящие в мясистых складках кожи, Нед почему-то вспомнил о блеклом гравии на галечном берегу, какие бывают в Англии.

— Мы не будем злоупотреблять вашей щедростью, доктор Брент, — отозвался Нед, довольный тем, что говорит так твердо и решительно. — Я планирую вскоре обеспечить нашу независимость.

— Замечательно, — отвечал Брент.

— Да. Я немедленно напишу домой и обращусь за помощью к друзьям моих родителей. Где мистер Фрейзер?

— Он заторопился. Насколько я понял, на пароход. А что, он не попрощался? — Брент присвистнул. — Мои извинения. Он объявится не раньше чем через четыре-пять недель. — Хозяин кабинета уперся взглядом в девочку. — Какая ты милочка, Арабелла.

— Благодарю вас.

Сердце Неда опять заныло, когда он увидел, как вежливо и старательно сестра сделала реверанс.

— Значит, вы доктор? — осведомился парень.

Жесткий взгляд Брента сверкнул, потом он произнес:

— Призванный к миссионерскому служению здесь, в Бирме, где моим умениям может быть найдено самое лучшее применение. Разумеется, ты уже не в том возрасте, чтобы находиться здесь, Эдвард.

— Я понимаю. Это еще одна причина, почему мы не намерены долго злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Арабелла может оставаться столько, сколько надо. Меня просто беспокоит, что у нас нет ни одного воспитанника твоего возраста. Так

что тебе не с кем будет дружить, хотя Робби давно мечтает о товарище постарше. Но я согласен, долго это продолжаться не может.

«Хоть в чем-то достигнута договоренность», — подумал Нед.

— Что ж, Эдвард, пожалуй, тебе стоит пойти, осмотреться. Устройся в дортуаре, познакомься с детьми. Арабелла может пока остаться здесь, у меня. — Он издал добродушный смешок. — Кажется, мой кувшин с водой ее заморозил.

— Сегодня у нее был нелегкий день, мистер Brent. Если не возражаете, она лучше побудет со мной.

— В таком случае, до свидания, — холодно отозвался Brent.

Всякое добродушие в его тоне и манере испарилось.

Нед кивнул, схватил сестру за руку и потащил ее прочь из затхлой атмосферы этой комнаты.

Некоторое время спустя Нед с Беллой забрели в курятник. Вид птиц в клетках напомнил им их собственную ситуацию.

— Зачем мы здесь, Нед? — спросила девочка, ангельское личико которой обрамляли свалывшиеся, влажные кудри.

— Мне нужно всего несколько дней. — Он обнял сестру, желая утешить не только ее, но и себя.

— Для чего? — Широко раскрыв темно-голубые глаза, так похожие на отцовские, она серьезно смотрела на него. В этом взгляде было так много доверия.

— Чтобы решить, что делать.

— Ты ведь не умрешь? — Белла вглядывалась в его лицо, словно ища в нем ответ.

Улыбнувшись через силу, он ударил себя в грудь и ответил:

— Вот уж нет!

— Я скучаю по маме. — На глазах у нее опять показались слезы.

— Я знаю, Белл, дорогая. — Чувствуя полную беспомощность, он неосознанно копировал манеру матери, когда она утешала детей. — Я не могу ее вернуть и тоже по ней скучаю. Я отдал бы что угодно, лишь бы уберечь тебя от всего этого.

На него нахлынуло чувство вины. Что подумала бы мама, если увидела бы Беллу в таком неухоженном состоянии?! С самого младенчества сестра не выносила, когда какая-нибудь деталь ее одежды оказывалась испачканной или измятой.

— Давай поедem домой, Нед. — Белла шмыгнула носом.

Он задумался. Какие бы трудности ни ожидали их под серым небом Шотландии, там, по крайней мере, все будет свое, знакомое: дома, люди, еда и запахи. У него есть специальность. Он найдет работу, может, в состоянии будет даже оплачивать домработницу с проживанием, чтобы присматривала за Беллой. Электрики сейчас будут пользоваться большим спросом, так что заработок гарантирован. Главное — вернуться. Уже какой-то план.

— Белл, мы поедem домой очень скоро. Но тебе придется немного потерпеть, потому что надо придумать, как мы это сделаем. Мне понадобится несколько дней. Понимаешь?

Она ответила торжественным кивком и переспросила:

— Несколько дней? А после этого мы сможем отправиться домой? — Это было сказано с такой тоской, что старший брат оказался не в силах лишить ее надежды.

— Да, — пообещал он, чуть ли не складывая пальцы крестиком за спиной.

* * *

Прошла примерно неделя после этого разговора, и они подружились с Робби Джеймсом.

Он разыскал их за ужином, на котором Бренты, как выяснилось, не имели привычки присутствовать.

— Кого ты ищешь? — спросил Робби, неспешно приближаясь к Неду.

Тем временем Ниун и две женщины постарше раздавали детям еду. Ниун клала в чаши крошечные рисовые пирамиды и заливала их водянистым бульоном.

— Доктора Брента.

— Его сегодня нет, а матрона ужинает у себя в комнате.

— Они когда-нибудь едят с детьми?

— Нет. Никогда. Иногда появляются, требуют, чтобы мы молились, благодарили за хлеб насущный, как вы, англичане, говорите, или чтобы пели. Доктору Бренту нравится смотреть, как мы поем.

В тоне Робби Неду послышалось что-то странное, но он не уловил, что именно. Может, он просто еще не научился понимать бирманский юмор или не привык к своеобразной манере Робби.

— Спасибо, что так хорошо обращаешься с моей сестрой, — сказал Нед.

Оба посмотрели на Беллу. Она ковырялась в своей чашке, при этом на ее лице было написано, что еда ей не слишком по вкусу.

— Нравится ей или нет, есть все равно надо, — заметил Робби.

— Да, с тех пор как умерла мама, она худеет на глазах. — Нед благодарно улыбнулся Робби. — Если бы не ты...

— Мисс Беллу легко любить. Она как ангел, — ответил тот с улыбкой.

— Ей нелегко пришлось. — Произнеся это, Нед мгновенно устыдился. Здесь ведь все не мед пьют.

Но Робби, по-видимому, ничего такого не заметил и заявил:

— Тебе тоже надо есть.

— Что это? — Нед заглянул в горшок.

— Я могу тебе сказать название, но ты его не выговоришь.

Ниун рассмеялась, мило улыбнулась и произнесла на своем неуверенном английском:

— Это вкусно.

Теперь Неду уже совсем неловко было отказываться, хотя содержимое горшка производило не слишком аппетитное впечатление. Кроме того, надо подать пример Белле.

Он протянул Ниун свою чашку. Из горшка, представляющего собой половину кокоса, девушка зачерпнула немного риса, положила ему в чашку и залила вязкую массу водянистым, почти бесцветным бульоном. Когда еду положили Робби, оба подсели к Белле.

— Все в порядке? — мягко спросил Нед.

— Я не голодная. — Она вздохнула.

— Вам кажется, что вы не голодны, мисс Белла, но ваш живот хочет, чтобы его накормили, — серьезным тоном возразил Робби.

— Мне нравится, как вы говорите, — хихикнула она.

— Что такое? Разве я плохо говорю по-английски?

— Замечательно, — подтвердил Нед и улыбнулся вместе с Беллой.

Ему тоже нравился певучий голос Робби.

— Я покажу детям, как играть в колыбель для кошки.

С этими словами Белла продемонстрировала парням длинную шерстяную нить. Надергав обрывки откуда придется, она связала их вместе.

Робби нахмурился и спросил:

— Играть во что? Колыбель для кого?

— Для кошки, — хором отозвались Белла и Нед.

Он вопросительно уставился на них. Белла притворно тяжело вздохнула и отложила ложку. Не прошло и нескольких секунд, как у нее на пальцах образовалась плетеная «колыбель». Дети, до сих пор со стороны во все глаза наблюдавшие за беседой этой троицы, мгновенно сгруппировались вокруг.

Нед заулыбался. Хорошо, что Белла так оживилась. С театральным апломбом он подsunул пальцы под сетку на руках Беллы — и вот уже «колыбель» у него на руках!

Сначала дети все как один поразевали рты, а потом разом захлопали и засмеялись.

Робби внимательно наблюдал за происходящим и поинтересовался:

— Как вы это сделали?

— Это такая игра, — объяснил Нед. — В Британии, наверное, все дети с пяти лет умеют в нее играть! — Он рассмеялся.

«Колыбель» тут же перенеслась обратно, на руки Беллы. Даже Робби смотрел на это как зачарованный. Нед задумался, какое будущее ждет здесь этого мальчика. Наверное, он тоже останется в приюте и будет работать за кусок хлеба и крышу над головой, да еще ради того, чтобы чувствовать, что кому-то нужен. Это Нед мог понять. Наблюдая за Беллой, лицо которой сияло, он почувствовал, как на него накатывает волна печали. Бирма не должна стать для Беллы домом, и уж конечно им не должен стать приют.

— Пойду прогуляюсь, — произнес он и резко поднялся.

Белла не возражала. Ей явно доставляло удовольствие быть в центре внимания, и брат понял, что некоторое время она не будет по нему скучать.

Робби разыскал Неда позже, когда тот выполнял возложенные на него матроной Brent обязанности. Он должен был наводить порядок и мыть полы в спальнях старших мальчиков. До отбоя оставалось больше часа. Нед уже привык заниматься уборкой в это время — можно спокойно что-то сделать и заодно поразмыслить. Он уже подмел пол и как раз взялся за швабру, когда появился Робби.

— Привет, Нед! — Робби внес в комнату и поставил на пол собственные ведро и швабру.

Нед улыбнулся и спросил:

— Как там Белл?

— Учится танцевать бирманские танцы. — Мальчик покачал головой. — Очень симпатичная девочка.

— Она любит наряжаться и танцевать, — сказал Нед. — Спасибо, что так хорошо с ней обращаешься.

— Не за что.

Робби принялся мыть пол рядом с Недом. Подстроившись к движениям Неда, он махал шваброй в лад с ним.

— Мне это легко. Если бы мы были старше, я убежал бы с ней, — произнес он, сопровождая свои слова картинным взмахом тряпкой. — Ты читал «Зорро»?

Нед отрицательно покачал головой.

— Отличная книга. Мне доктор Brent дал почитать.

— Очень мило с его стороны. Мне он не показался таким уж добрым.

— Он вовсе недобрый! — прочувствованно воскликнул Робби.

Нед наострил уши, но Робби повернулся к нему спиной, шагнул в сторону и попросил:

— Расскажи о своей стране. Ты ведь из Англии?

— Вообще-то из Шотландии, — начал Нед, наконец-то получивший возможность вслух говорить о доме. — Шотландия расположена на самом севере Британских островов, — начал он, прислоняя швабру к стене и пальцами изображая треугольник. — Я жил в поселке неподалеку от Эдинбурга, нашей столицы. Она старинная, с булыжными мостовыми и георгианскими зданиями в Новом городе. В Старом городе есть замок, который видно отовсюду — Нед знал, что теряет своего слушателя, но ему было все равно, ведь ему самому хотелось потеряться в воспоминаниях. — В Шотландии большую часть года холодно, мокро и облачно. — Тут Робби нахмурился, а Нед продолжал: — Там не как здесь, не пахнет орхидеями и пряностями. Я жил в городе у моря, у нас всегда пахло солью, рыбой, яблочными пирогами, еще угольной сажой из каминов, а летом — недавно подстриженными газонами и розами. Там часто шел дождь, но я никогда не был мокрым. А здесь кожа вечно влажная и липкая, — с искренним раздражением добавил он.

— Тебе здесь не нравится, Нед?

Нед хотел пощадить чувства нового друга, но желание сказать правду возобладало.

— Не нравится. Я хочу вернуться в Шотландию. Там я сумею найти приличную работу. Прости, я не хотел быть неблагодарным или грубым. Я понимаю, здесь твой дом, — произнес он, и внезапно в нос ему ударил запах дезинфицирующего средства, перекрывающий «аромат» мокрых тряпок.

Робби ответил ему неподвижным взглядом и заявил:

— Это место мне не дом, Нед. Просто я здесь живу, вот и все. Когда я тут очутился, мне было столько же, сколько твоей сестре. Но вы должны уходить отсюда как можно скорее, пока она не сошла с ума... Даже прежде, чем ей исполнится десять.

— Что ты имеешь в виду? — Нед замер на месте.

— Когда я гляжу на Беллу, она мне кажется такой слабой.

— Слабой?

— Нет, это не совсем правильное слово. Что-то такое, что может сломаться.

— Хрупкой?

— Точно, именно это я и имел в виду. Мой английский... Прости меня, иногда я не могу найти правильного слова.

— Робби, ты говоришь на моем языке лучше, чем многие люди у меня на родине. Кто тебя научил?

— Вначале мама. Она родилась в Западной Бенгалии, но с ней произошло что-то нехорошее в Калькутте. Мать так и не рассказала мне, что именно. В конце концов она оказалась здесь, в Рангуне.

— Ты замечательно говоришь по-английски.

— Спасибо. Мама настаивала, чтобы я учил его, потому что у меня отец англичанин. Но мне надо больше читать. Доктор Brent требовал, чтобы я говорил только по-английски, так что постепенно у меня стало лучше получаться.

— Я помогу тебе с чтением, и Белл тоже. — Ему хотелось расспросить Робби, как получилось, что его родители — англичанин и женщина из Калькутты, но Нед решил, что это будет нетактично с его стороны.

— Это много для меня значит. — Робби просиял от удовольствия. — Здесь, в приюте, они говорят, что учат детей чтению и письму, но на самом деле их больше заставляют плести корзины и зарабатывать деньги, а то и просто делать всякую работу по хозяйству. Мне повезло, что у меня есть доступ к книжным полкам доктора Brentа — когда он в хорошем расположении духа, конечно. Надеюсь, Белл понравится меня учить.

Это напомнило Неду о предостережении Робби. Он вздохнул и сказал:

— Белл такая юная. Вряд ли можно обвинять ее в том, что она выглядит хрупкой.

— Это только начало, Нед. — Робби посмотрел на него странным глубоким взглядом. — Худшее впереди. Я тебя не обманываю.

— О чем ты?

Робби принялся яростно тереть пол тряпкой и ответил:

— Слушай, ты и Белла мне нравятся. Мы только что познакомились, но я вижу, что мы можем подружиться. Понимаешь?

— Нет. Говори яснее. Мне сейчас не до игр.

— Это не игра! — С этими словами Робби выглянул в окно спальни. — Никогда не знаешь, не подслушивает ли кто-нибудь.

— Я уже вообще не знаю, что думать.

— Тебе нравится доктор Brent?

— Не особенно. Нет, если честно, вообще не нравится. В нем есть что-то зловещее.

— Зловещее?

— Ну, в общем... — Нед изобразил гримасу отвращения. — От его вида мне делается не по себе.

— Точно! Мороз идет по коже. Инстинкты тебя не обманывают. Так что послушайся их и постарайся поскорее отсюда выбраться.

— Выбраться?

— Прочь отсюда как можно скорее. — Робби уже шептал.

— Из приюта? — Нед нахмурился. — Но мы ведь только что приехали.

— Да, из приюта, но не только. Вообще из Бирмы. — Робби уже выходил из себя. — В городе очень беспокойно. Ходят слухи о восстании. Такие люди, как вы, которые останавливаются в «Стрэнде» и ходят в клубы, представления не имеют о том, что происходит на улицах, в настоящем Рангуне.

— В самом деле? — едко отвечал Нед. — Меня вряд ли можно причислить к «таким людям». Мой отец во время войны служил в пехоте, а потом подался на заработки. Мать занималась преподаванием. Теперь наши родители погибли, у меня нет ни пенни и абсолютно никакой поддержки!

— Ладно-ладно, успокойся. Прости. Но ты у нас недавно. Не понимаешь, что здесь не важно, как ты жил дома, где, может быть, вовсе не был богатым. Уже одно то, что ты британец, здесь, в колонии,

означает, что ты другой. К тебе относятся иначе. Я бы с радостью с тобой поменялся.

— Но мы ведь оба в приюте!

— Да, но ты высокий, красивый и голубоглазый, знаешь, кто были твои мать и отец, помнишь, как они выглядели. В документах написано, что все члены твоей семьи — британцы.

— Сейчас мне это не очень-то помогает.

Робби ответил взглядом своих глаз цвета темного шоколада, любимого сорта отца, но Нед не мог вспомнить тот вкус.

— Что такое? — раздраженно спросил он.

— Если хочешь выжить, то отбрось всю ожесточенность. Никто тебя не поддержит, да и ты сам не сумеешь ничего сделать, если будешь жалеть себя.

— Ты говоришь как специалист по выживанию, — проворчал Нед, отшвыривая тряпку.

— А я такой и есть. Я рассказывал, что моя мать из Калькутты. Так уж получилось, что ей пришлось приехать сюда и работать на рисовых плантациях. Она была очень красивая, с чудесным голосом. Я до сих пор помню, как она пела. Кто мой отец, я не знаю. Одни говорят, он был солдатом. Со слов других — собственник плантации, из тех, что развлекаются с хорошенькими работницами-индианками. Так или иначе, но можно, пожалуй, с уверенностью утверждать, что мой отец англичанин.

— А кто тогда ты?

— Таких, как я, называют англо-индусами, Нед. Полукровками, — печально улыбнулся Робби.

— Судя по имени, ты такой же шотландец, как и я.

— Это правда. Я с гордостью ношу имя Роберта Джеймса. Хотя, наверное, мне дали первое подвернувшееся, лишь бы было легко произносить.

— А о семье матери тебе что-нибудь известно?

— Ты ведь не знаешь, что такое кастовая система в Индии?

Нед отрицательно покачал головой.

— Как бы это объяснить попроще? В обществе Индии множество перегородок. Люди, находящиеся на разных уровнях, никогда не пересекаются. Члены одной касты не хотят разговаривать с представителями другой. Некоторые не желают даже находиться

неподалеку от представителей низшей касты, которых не подобает замечать.

Нед не верил своим ушам.

— Думаешь, я вру?

— По-моему, ты преувеличиваешь.

— А я считаю, что тебе еще очень много предстоит узнать, — отвечал Робби. — Принадлежать к какой-нибудь касте — это одно. Быть полукровкой, не иметь своей группы означает жить в пустыне. Родственники моей матери — просто слуги в английских домах, и все же они считают меня ниже неприкасаемых. Я для них как грязь.

— Но, Робби...

— Почему, по-твоему, я здесь? Отец нас бросил. Родственники матери не желали ничего знать. Когда мне было примерно столько, сколько сейчас Белле, моя мать умерла от дизентерии. Я знаю, каково сейчас твоей сестре.

— А что стало с тобой?

— Со мной-то? Я жил на улице, но уцелел. Это самое главное. Показывал туристам, как добраться туда или сюда, носил багаж. Я хотел зарабатывать деньги, а не просить. Дал себе слово, что никогда не стану карманником. Я не люблю воров. Однажды на моих глазах произошло воровство. Жертвой был торговец рубинами. Мы с ним как раз договаривались о цене, за которую я помогу ему донести кое-какую поклажу, как на него напал вор. Я не мог с этим смириться — он собирался убежать с бумагами клиента и моей оплатой. Тогда я подставил ему подножку и набросился на него.

— А дальше?

— Дальше? Торговец в порыве благодарности решил мне помочь. Лучше бы денег дал! — Робби невесело рассмеялся. — Но он с кем-то поговорил, и не успел я и глазом моргнуть, как очутился тут. А потом я начал быстро расти. — Робби вернулся к работе и стал тереть пол, рассерженно и неуклюже.

— Нам еле-еле удалось прожить день так, чтобы Белл не расплакалась. Не хочется опять ее тревожить. Все эти местные дела нас ведь не касаются.

— Ты в самом деле думаешь, что твои британские друзья тебе помогут? Они уже и думать про тебя забыли.

— Но мистер Фрейзер сказал, что...

— Я знаю, но твой мистер Фрейзер как мой торговец рубинами. Тот тоже клялся, что вернется и заберет меня, — с тех пор прошло пять лет. Твой мистер Фрейзер скоро будет на другой стороне земли, Нед. Он и думать забыл о Синклерах. Вы сами должны о себе позаботиться.

— Как ты?

Робби это задело, он повернулся, разгневанно посмотрел на Неда и заявил:

— Я планирую уйти отсюда. Если хотите, отправляйтесь со мной — ты и Белла. Или же ты можешь гнить здесь и смотреть, как Белла превратится в игрушку Брента.

В игрушку? Нед подумал, что ослышался.

— Не переспрашивай, не трать зря сил. У меня есть опыт. Он не привередливый, Нед. Ему только надо, чтобы жертва была юной... и желательно белой. Белла станет для него отличной добычей.

Неда захлестнуло смятение, он не мог поверить в то, что услышал.

— Доктор Брент использовал тебя...

— Да.

Волосы на шее Неда встали дыбом.

— Не знаю, что сказать... Я... Робби, мне очень жаль.

— Не надо ничего говорить. Но не допусти, чтобы Белла стала его новой жертвой. Она идеальна для него, достаточно маленькая, чтобы развлекаться с ней годами.

Голова у Неда все еще шла кругом от всего услышанного, но последняя фраза Робби вызвала у него такую ярость, что он не смог сдержаться.

— Замолчи!

— Он будет притворяться другом, вести себя как добрый палочка, даже...

Робби так и не закончил фразу. Кулак Неда врезался ему точно в подбородок. В следующее мгновение подросток свалился наземь. Нед смотрел на своего товарища, потерявшего сознание. Он не мог рационально мыслить, чувствовал, как в жилах у него стучит ярость. Но постепенно его дыхание замедлилось, эмоциональная волна стала спадать.

Оседая, она изменилась, буйная ярость переплавилась в нечто твердое и непоколебимое, как камень. Тяжким и темным облаком она застыла у него в сердце и кое-что ему сказала.

«Уходи, — заявила ярость Неду. — Хватай Беллу и беги на все четыре стороны!»

Нед сидел у постели. Ему было очень неловко. Белла держала Робби за руку, а матрона Brent в белом накрахмаленном облачении неодобрительно наблюдала за происходящим.

— Тебе нечем заняться? — осведомилась она.

— Я закончил убирать спальню, — отозвался он.

Ворвалась работница изолятора с очень обиженным видом. Наверное, где-то требовалось безотлагательное вмешательство матроны. Нед испытал облегчение, когда та, шурша оборками, исчезла за дверью. Он знал, что долго оставаться здесь будет нельзя.

Одно веко Робби слегка приподнялось. Судя по сверкнувшему лукавому взгляду, он все это время притворялся, что еще не пришел в сознание.

— Ушла?

Белла хихикнула. На Неда накатила волна облегчения, не только потому, что Робби, очевидно, в достаточно хорошем состоянии, если может шутить, но еще и оттого, что Белла весела. Способность Робби вызывать к себе расположение растопила ее печаль. Неду оставалось лишь диву даваться, как легко завоевывается душа ребенка веселостью, а также простой дружбой другого малолетки.

— Как твоя голова? Никаких ран не видно, — сказала Белла.

— Моя голова?..

— Там, где ты ударился, — подсказал Нед, подталкивая руку Робби так, чтобы тот потер подбородок, в который угодил его кулак.

Но не успел тот ответить, как в спальню влетел доктор Brent. Он был такой крупный и тяжелый, что своим появлением создал сквозняк.

— Ах, Робби, как хорошо, что ты снова с нами. — Brent улыбнулся во весь рот, при этом щеки у него каким-то удивительным образом сложились сами с собой.

Нед заметил, как его взгляд задержался на бедрах Белл в тех местах, где ее платье слегка задралось, когда она пристраивалась на кровати. Он подхватил сестру и поставил ее на пол, стараясь при этом, чтобы его жест выглядел как можно более естественным.

— Нам пора, Робби. Мы вернемся, как только...

— Не стоит из-за меня уходить, Эдвард, — запротестовал Brent, широкое лицо которого блестело от пота. — Кстати, нам надо побеседовать.

Он передвинулся к Робби, так что Нед оказался затертым между доктором и дверью, а потому впился взглядом в сестру. Его глаза запрещали ей делать что-либо, кроме как спокойно стоять рядом с ним.

— Так что произошло, молодой человек? — Brent был весь такой круглый, гладкий, в рубашке с темными пятнами от пота и объемных льняных брюках.

— Я поскользнулся, — быстро ответил Робби.

Нед ловко подхватил нить рассказа:

— Мы мыли спальню.

— Ну да. Ты захотел показать мне, как танцевать шотландский танец, — улыбнулся Робби.

— Ты театрально поскользнулся на мокром полу и, что поразительно, не угодил в ведро, но зато ударился головой о стенку, — продолжил Нед.

Робби застонал, потирая затылок, и заявил:

— Но я готов встать и немедленно приступить к моим обязанностям, доктор Brent.

— Хорошо, — кивнул тот. — Что ж, матрона Brent через некоторое время навестит тебя и примет решение. — После чего доктор повернулся к девочке: — А вот и ты, моя дорогая Арабелла. Приятно видеть, что ты опять улыбаешься.

Тут Нед злобно покосился на него.

— Знаешь, я думаю, тебе пора брать уроки.

— Уроки?

— Надо давать тебе какое-то образование. Мы ведь не хотим, чтобы ты росла дикаркой? — Он фыркнул. — Я возьму тебя под свое крыло и сам буду учить.

Робби выразительно глянул на Неда.

— Фактически... — начал было доктор.

— Я сам могу ее учить, — прервал его Нед. — Мои родители были преподавателями. Я умею читать, писать, правильно считаю. Не беспокойтесь о Белл.

— Но я волнуюсь! — Brent выпрямился. Он говорил вроде бы легко, но в его тоне чувствовалось напряжение. — Ты забываешь, что я

за нее отвечаю.

— Вы?

— Ты несовершеннолетний, Эдвард. Тебе еще нет двадцати одного года. Не думаешь же ты, что мистер Фрейзер сделал тебя опекуном сестры? Боюсь, это невозможно.

— Фрейзер? — Нед едва удержался, чтобы не закричать. — С чего вы решили, мистер Brent, что этот человек отвечал за меня или мою сестру? Он не был даже близким знакомым моей матери.

— Но мистер Фрейзер заплатил за ваше пребывание здесь. Следовательно, он взял на себя роль опекуна, — негромко рассмеялся Brent.

— Опекуна? Да он дожидаться не мог, когда от нас избавится, и очень ясно дал понять, что у него нет денег на наше содержание!

— Вот именно. Этот приют, Эдвард, предназначен для детей, лишившихся обоих родителей. Ты и твоя сестра были формально переданы мне ответственным взрослым человеком, не пожалевшим времени и усилий на то, чтобы хорошо вас устроить. Как директор этого приюта, именно я принимаю решения относительно вашего будущего. Мы не держим у себя молодых людей твоего возраста. Обычно от нас уходят в пятнадцать или около того. Юный Робби почти уже достиг выпускного возраста... но еще не совсем.

— Но мистер Фрейзер сказал, чтобы мы ждали известий от него, — в тревоге пролепетал Нед.

— Не сомневаюсь, что именно так он и говорил. Но мы не можем допустить, чтобы ты оставался здесь до тех пор, когда это произойдет. Я переговорил с директором школы для мальчиков в Рангуне. Он предлагает нам помощь в поиске работы. Наверное, тебя можно устроить учеником электрика, так ведь?

— Мое ученичество уже закончено, доктор Brent.

— Эдвард, я не намерен продолжать этот спор. Как я сказал, так и будет. Школа в Рангуне не станет постоянным местом твоего пребывания. Мистер Джеймсон оказал мне услугу, но мы не можем держать здесь юношу твоего возраста. Тебе следует благодарить меня за то, что я замолвил за тебя словечко. Джеймсон предлагает бесплатно еду и постель на ближайшие три месяца. За это время можно что-то решить насчет твоего будущего. Арабелла же будет иметь хороший уход здесь, где она окружена детьми своего возраста. Заверяю тебя, что

буду лично следить за ее обучением и благополучием. Что еще я могу сделать?

Очередной яростный взгляд Робби подсказал Неду, что не надо продолжать этот разговор. Поэтому Нед дал Бренту то, чего тот хотел, и постарался усыпить всякую подозрительность. Повесив голову, он изгнал из взгляда всякий след сопротивления и вызова.

— Вы, наверное, правы. Мне нужно время, чтобы осознать наше положение. Надеюсь, мистер Фрейзер напишет вскоре после того, как его корабль прибудет в Англию. Простите мне мою невоспитанность.

Брент совершенно изменился. Хищническая повадка исчезла, уступив место теплой улыбке и добродушию.

— Я очень рад, что ты все так правильно понимаешь. Это производит на меня самое приятное впечатление. Теперь ты говоришь как разумный молодой человек, каковым я с самого начала тебя и считал. Ты принял мудрое решение, учел интересы Арабеллы. Я устрою, чтобы завтра тебя отвезли в Рангун. А теперь почему бы тебе не взять выходной и не провести денек с сестрой? Встретимся за ужином.

Нед удивил сам себя, когда сумел изобразить улыбку, усиливая таким способом показную искренность своих слов.

— Так иди и погуляй с сестрой. А я тем временем перемолвлюсь парой слов с Робби.

Посмотрев на друга, Нед заметил, как тот сжался, когда на него упал взгляд Брента. Лишь бы то, что он увидел в этом голодном взгляде, не имело самого плохого смысла, того, что оно могло означать!

* * *

На рассвете Робби обнаружил Неда сидящим под гигантским фикусом. Даже легчайшее дуновение не колебало полога из накладывающихся друг на друга листьев в форме сердца. Уже ощущалась угнетающая жара.

Мальчики обменялись молчаливым приветствием, потом Робби сел рядом с Недом на землю и сказал:

— Хорошее место. Тебя здесь не так-то легко увидеть.

— Рад, что тебе нравится, — негромко произнес Нед.

Робби протянул ему один из двух спелых красных плодов манго, которые принес с собой. Нед смотрел, как тот, начиная с надрезанной верхушки, снимает кожицу и впивается в золотистую плоть.

— Знаешь, в прохладные месяцы, когда дует ветерок, эти листья так шелестят, что кажется, будто идет тихий дождь.

— А ты, я смотрю, поэт? — усмехнулся Нед, однако по-доброму, потому что видел в Робби слишком много такого, что напоминало ему его самого.

Он принялся за свой плод, и ему тут же пришлось облизать запястье, потому что потек сок.

— Просто я стараюсь с помощью воображения уйти от всего этого, — объяснил Робби.

— Почти никто из англичан никогда не пробовал такой фрукт, — заметил Нед.

— Расскажи, какие фрукты едят в Шотландии.

— Яблоки, груши, крыжовник, ревень, чернику, летом, само собой, клубнику, голубику, весной вишню, а осенью сливы, — склонив голову набок, ответил Нед.

— Что? Вы обходитесь без бананов, джекфрутов, гуайявы, дынь, ананасов и папайи?

— Я даже не знаю, что такое джекфрут или папайя, — рассмеялся Нед.

— Мы из разных миров, верно?

Это была правда.

— Ты когда-нибудь пробовал сочную, спелую летнюю клубнику?

Робби покачал головой.

— Это все равно что побывать в раю. Я однажды собирал клубнику с отцом. Мы должны были принести домой две большие корзины, набрали их, но отдали маме всего две клубнички. — Он вздохнул. — Мне нравилось делать что-то вместе с отцом. «Мой маленький мужчина» — так он меня называл. Отец научил меня кататься на велосипеде, ловить рыбу, правильно лазить по деревьям, показал, как заклеить шину, если проколется, и как завязывать шнурки.

— Вы, похоже, были очень близки с отцом.

— Нет, не особо. У меня сохранились лишь отрывочные воспоминания. Я целых пять лет его почти не видел. Когда он ушел на

войну, я был младше тебя... — Нед умолк, прокашлялся и продолжил: — Мы собирались начать бизнес по добыче драгоценностей, хотя я получил специальность электрика. Мама на этом настояла. Она считала, что необходимо иметь профессию.

— Это правильно, — согласился Робби.

— Да. Мой отец был мечтателем, Робби, и посмотри, куда его фантазии нас завели. Я не буду таким, как он. Я собираюсь быть как можно более практичным. Когда я женюсь, то отдам жене всего себя — любовь, деньги, время. Я хочу иметь семью, но здесь этого не получится, только зря тратить время.

— Ты молодой и красивый. Тебе нетрудно будет найти жену.

— Спасибо. Но хватит обо мне, скажи лучше, как ты себя чувствуешь.

— Нормально, — последовал бесстрастный ответ.

— Прости, что ударил...

— Забудем об этом. Где Белла?

— В спальне девочек, спит. Она так устала. Скоро проснется. Она очень хочет научиться плести корзины. Ей это гораздо интереснее, чем читать по слогам.

— Можешь не беспокоиться, никто ее здесь особенно учить не будет, что бы там Brent ни говорил. Она поняла, о чем шла речь?

— Частично. Мне кажется, она слышит только то, что хочет. Бедняжка!.. Разве можно ее за это винить?

Робби кивнул, помолчал, отшвырнул обсосанную косточку манго и сказал:

— Нед, ее нельзя здесь оставлять.

— Догадываюсь. Расскажи все. Перестань говорить намеками.

Последовало такое долгое молчание, что Нед забеспокоился, не из-за того ли это, что Робби обиделся, но тут он заговорил, и в конце рассказа Нед пожалел о том, что спрашивал с такой настойчивостью.

— Он приходит за мной хотя бы раз в неделю. Наверное, с тех пор как вырос, я стал для него менее привлекательным, но ему нравится напоминать мне, что я в его власти, — закончил Робби.

Нед хотел сглотнуть и не мог. Он вытер липкие руки о штаны, выдавшие лучшие дни.

— Он и сейчас это делает?

Робби кивнул и добавил:

— Хотя в последнее время его интерес пробуждается лишь иногда... как это было часа два назад.

— Что? — Нед отшатнулся и вскочил, в груди у него боролись гнев и отвращение. — Это же омерзительно!

— Не вини меня, Нед. Я был совсем маленьким, когда он все это начал.

— Нужно кому-то пожаловаться!

— Кому, к примеру? Проснись, Нед. Мы здесь ничего не можем.

— Что же делать? — Нед едва не рычал. — Без денег я чувствую себя таким беспомощным.

— Нет, ты не беспомощный. Просто нужно собраться с духом.

— О чем ты?

— О том, чтобы убежать.

— Это ты уже говорил, — произнес Нед, уставившись на него.

— Я чувствую, что зря трачу время. — Робби поднялся.

Нед остановил друга, положив руку тому на плечо, и проговорил:

— Послушай, Робби. Я знаю, что ты сочтешь меня неблагодарным, но мне кажется, ты забыл, что мы всего лишь несколько недель назад сошли с корабля.

— Да, и за это время ваши родители погибли. У тебя малышка сестра, ни гроша за душой, вы в чужой стране, так далеко...

— Ты дразнишь меня? — Нед не верил своим ушам.

— Я не осмелился бы. Сегодня ты уже ударил меня так, что я потерял сознание. Нет, Нед, послушай меня. Всем наплевать! Это тяжело принять, но мне тоже нелегко было усвоить этот урок. Единственный, кто тебе поможет... это ты сам. Ну, теперь еще я.

— Почему?

— Потому что я, как и ты, возмущен миром, где стал сыном англичанина, который не признал меня, и матери-бенгалки, умершей на моих руках. Я разозлен тем, что один в этом равнодушном мире, где люди насмеются надо мной за то, что у меня не такой цвет кожи. Но больше всего я в ярости на человека, который имеет надо мной полную власть. Сегодня он использовал ее в последний раз.

Нед прекратил шагать из стороны в сторону, остановился и спросил:

— Что ты хочешь предпринять?

— Убежать. Сегодня.

— Почему так скоро? — поинтересовался удивленный Нед.

— Я уже несколько месяцев обдумываю это, больше не останусь тут ни на день.

— Значит, обратно на улицу?

— Нет. Там он меня выследит. Я слишком хорошо его знаю.

— Тогда куда?

— В Индию.

— В Калькутту?

— Нет, — презрительно фыркнул Робби. — Направлюсь на юг, в место под названием Бангалор.

— А что там, в Бангалоре?

— Не «что». Кто. В этом прекрасном городе живет английский доктор по фамилии Уокер. Я познакомился с ним здесь, в Рангуне. Он и его жена ос... оза... — как это вы говорите? — да, озарили мою жизнь. Мистер Уокер — наполовину индус, из Бомбея. Они дали мне свой адрес. — Он постучал по голове. — Я храню его здесь. Эти люди сказали, что двери их дома всегда будут для меня открыты.

К этому времени лицо Неда выражало полное недоумение.

— Робби, отсюда до Бангалора сотни миль пути. Как ты собираешься совершить это путешествие, неужели без денег и пешком?

— Я готов на все, так что пойду и пешком, но с Беллой это может быть трудно. Придется найти способ поплыть на корабле.

— Подожди! Не втягивай в это Белл... или меня.

Робби пристально посмотрел на него и отрезал:

— Отлично. Отправляйся в свою школу в Рангуне, Нед. Если ты согласен оставить Беллу в руках этого... дьявола, то это твое решение. — Робби сплюнул. — Ему дела нет до того, что он разрушает ребенку жизнь, а ты начинаешь ненавидеть себя и весь мир. Когда она станет постарше и забеременеет от него, он отошлет ее куда-нибудь подальше. Ты ее никогда больше не найдешь...

— Закрой свой грязный рот!

— Я говорю одну только правду. Ты должен забрать отсюда Беллу.

— В Индию?

— Куда угодно. А почему не в Индию? Суда отплывают туда даже чаще, чем в Англию. Доктор Уокер поможет вам вернуться домой.

— И как ты предлагаешь мне добраться до Рангуна с девятилетним ребенком на руках? Нести сестру на спине?

— Хоть бы и на спине! — Глаза Робби сверкнули. — Ты должен это сделать. Я уйду. Больше он до меня не дотронется. Тебе решать, пойти со мной или остаться здесь. Но ты знаешь, на что идешь!

— оставь меня одного, Робби. Мне надо подумать.

— Подумай, только не слишком долго. И смотри не пропусти ужин. Я знаю, Brent не доверяет нам. Он угадал, что мы сегодня вдали.

* * *

Ужин прошел без особых событий. Нед явился к раздаче риса, подаваемого на листе банана с маринованными бобами и несколькими не слишком острыми кусками неизвестного мяса. Он устроился на полу рядом с Беллой. Его больше не шокировала необходимость есть на полу и пальцами, а не с помощью столовых приборов. В глубине души Нед даже получал удовольствие от того, что в Англии сочли бы откровенным нарушением столового этикета. Еще на борту корабля одна доброжелательная спутница-англичанка предупредила их, что местные дикари едят пальцами. «При этом никогда не знаешь, где эти пальцы побывали до того», — присовокупила она со смешком. Но сейчас, имея возможность в непосредственной близости наблюдать, как едят местные жители, он не мог не оценить изящную отточенность их движений. Требовалось умение, чтобы зачерпнуть толику риса, добавить немного карри и бобов таким образом, чтобы получилась аккуратная, аппетитная порция. При этом ладони у них всегда оставались чистыми, не тронутыми едой. Наблюдая за Робби и детьми, Нед дал себе слово освоить это искусство.

Но сейчас он не испытывал голода, только жажду. Поднося ко рту чашку с водой, он поймал взгляд Brentа, который в этот вечер решил ужинать с детьми. Тот рассматривал Неда с острым интересом. От его глаз, пусть небольших и глубоко посаженных, не укрывалось ничего. Нед едва не поперхнулся водой, когда прикинул, что за эти годы пережил его друг. А когда он представил, как эти жирные, похожие на сосиски пальцы тянутся к Белле, его едва не стошнило.

— Ты не хочешь есть, Нед? — тихонько спросила сестра, к пальцам которой прилип рис.

— Ешь, — выдавил он.

Нед был рад тому, что у сестры есть аппетит. За последние пару недель присущая ей ангелоподобность сменилась пугающей худобой. Это была тень того ребенка, который шалил рядом с ним в машине в роковое утро их прибытия в Рангун.

Склонившись над своей порцией, она принялась выбирать то небольшое, что могла есть. Белле не пришлось по вкусу восточная еда. Взгляды Неда и Робби пересеклись поверх ее головы. Синклер едва заметно кивнул, и Робби понял, что тот согласен на побег.

Парень напомнил себе о необходимости сохранять выдержку и положил на лист банана немного риса. Мясо было сухим — бирманцы не увлекались соусами. В отличие от Беллы, которая не ела мяса вообще, обычно искала для себя что-нибудь в гарнирах и сегодня тоже добавила к рису лишь несколько фруктовых ломтиков, он любил острые добавки, особенно маринованные бобы. Однако на этот раз даже их Нед проглотил с трудом. Он беспрерывно говорил, рассказывал детям какие-то истории. Робби переводил, сопровождая свои слова обильной жестикуляцией, от которой малыши хихикали. Даже Белла несколько раз улыбнулась, однако все это время юноша чувствовал, как щеку ему жжет взгляд Брента.

Лежа на койке, Робби повернулся к другу. Единственным источником света в спальне мальчиков была крошечная свеча с добавленными в нее пряностями для отпугивания насекомых.

Однако этот аромат ничуть не мешал ящерицам, которые проникали в спальню сквозь трещины в штукатурке и форточки, сновали по помещению и вновь исчезали. Бледное сияние свечи привлекало ночных насекомых, которые бились о стекло, исполненные решимости проникнуть внутрь.

По расчетам Робби выходило, что было примерно десять тридцать вечера. Все дети уже в спальнях, а те немногие взрослые, которые ночуют не дома, разошлись по своим лачугам или другим помещениям, выделенным для них. Опыт подсказывал ему, что к полуночи крепким сном будут спать все, кроме одного. Доктор Brent был, как он сам часто себя называл, «совой». Тут, словно аккомпанируя его мыслям, где-то вдали ухнула эта самая птица. Робби знал, что Нед не спит, ожидая от него сигнала, означающего, что можно приступать к осуществлению следующей части их плана.

Робби задумался над гигантским значением тех событий, которым он сейчас давал ход. Больше побег не являлся делом, касающимся только его одного. Теперь в него вовлечены Нед и Белла. Эта девочка похитила его сердце. Как глупо и смешно! Он знал это, но чувствовал всем сердцем, что она — настоящий дар, ниспосланный ему богами. Ради нее Робби решился полностью изменить свою жизнь. Чтобы спасти Беллу от нависшей угрозы, он освободится сам и совершит то, к чему готовился уже несколько лет.

Ему всегда казалось, что английские девочки должны быть непременно толстушками, но Белла оказалась изящной и двигалась грациозно — этим она больше походила на индианок, вызывавших его восхищение. Робби нравилось, что кожа у нее словно светится изнутри, он любовался веснушками, рассыпанными по рукам и лицу Беллы так, словно боги сбрызнули ее золотым дождиком. Уже в самый первый миг, когда Робби увидел Беллу, ему захотелось прикоснуться к ее чудесным волосам, и тогда же он понял, что она станет объектом грязного внимания Brenta.

«Никогда не становись жертвой» — эти слова проговорила его мать на смертном ложе. Тогда он не понял их смысла, но в последнее время они приходили ему на ум все чаще, особенно с тех пор, как появились Синклеры.

Тяга Брента к Робби ослабела после сезона дождей в прошлом году. Муссоны совпали с появлением волос на его теле. Теперь Brent использовал свой слюнявый рот и жирные пальцы только для того, чтобы напомнить Робби, что он по-прежнему полновластный хозяин всей жизни парня. Он не раз повторял, что если кто-нибудь проведает об их особой дружбе, то Робби не жить. Brent заверял, что никто даже не найдет его трупа — одни стервятники, что прилетят клевать его мясо.

Но Робби больше не боялся стервятников. Настоящий хищник здесь, он начальствует в приюте. А его собственное существование — это живая смерть. Нет, теперь его единственная цель — вырвать Беллу из лап Брента. Если ради этого придется умереть, то он пойдет на это с радостью.

— Нед, — шепнул Робби.

— Я думал, ты спишь. Знаю, еще не время, но...

— Нед, сегодня уходить нельзя, — выпалил Робби.

— Что?

— Ш-ш-ш.

— Ты сам все затеял!..

— Слушай меня, — прошипел Робби, вытянул руку и постучал по кровати Неда. — Brent знает.

— Да? Откуда?

— Сегодня он наблюдал за нами, причем очень внимательно. Само собой, наши планы ему неизвестны, но этот тип очень проницателен, Нед. Я знаю, что говорю. Сегодня он не будет спать, станет дожидаться, пока мы себя выдадим. Для этого Brent и явился сегодня на ужин — чтобы показать, что следит за нами.

— Ты не забыл, что завтра меня отправляют в город?

— Нет. — Робби подтолкнул Неда в грудь, чтобы тот улегся в постель. — Не садись. Доверься мне. Он притаился там и поджидает, пока мы что-то сделаем. Я знаю. Brent не должен увидеть даже, как движутся наши тени.

— Надеюсь, у тебя есть запасной план.

Робби еще раз посоветовался с самим собой и заявил:

— Есть, но для его выполнения надо, чтобы ты доверил мне Беллу.

— Говори дальше.

— Ты должен сделать так, как хочет Brent: уехать в Рангун.

— Ни в коем случае. Я не брошу здесь Белл. — Нед рассерженно откинулся на спину и подсунул руки под голову.

— Нед, дослушай до конца. Завтра отправляйся. На месте ты должен будешь сам сообразить, как удрать. Беги в тот же день. Это самое лучшее, пока ты новенький и все стараются быть к тебе подороже. Тебя обязательно на некоторое время оставят одного, дадут тебе освоиться. Воспользуйся и беги.

— Куда же мне отправляться?

— Ты когда-нибудь обращал внимание на рынок в конце Стрэнда?

— Припоминаю, но смутно.

— Приходи туда. Найди способ. Школа находится в деловой части Рангуна, главное для тебя — сориентироваться и добраться до отеля, а оттуда до базара ты уже дойдешь. Я тебя разыщу. Обещаю.

Нед погрузился в молчание. Робби затаил дыхание.

— Хорошо, — наконец произнес Синклер. — Не знаю, как я это сделаю, но буду там.

— Приходи в галерею, где торгуют продуктами. Пройди ее насквозь, в конце увидишь цветы. Среди них Белле будет не так страшно.

— Все это подводит нас к вопросу о том, как ты предполагаешь вывезти отсюда мою сестру и доставить ее в город.

— Нед, я уже сказал, ты должен довериться мне.

— Откуда мне знать, что ты не...

— Ниоткуда! — огрызнулся Робби. — Но я приведу ее к тебе, обещаю. Она мне верит. Ты тоже не должен сомневаться.

— А что мы скажем ей?

— Предоставь это мне. Самое главное, завтра, когда будешь уезжать, прими несчастный вид. Возьми с Беллы всякие обещания — как обычно в таких случаях. Она будет плакать, Нед, сам понимаешь, так что приготовься. Но все равно поезжай. Да и сам поплачь обязательно, так, чтобы видно было, что у тебя сердце разрывается.

Немного злости тоже не повредит. Но после всего этого — отправляйся. Так, по крайней мере, один из нас окажется в городе.

— Чертовы москиты! — рявкнул Нед, шлепнув себя по лицу. — Разве нельзя повесить сетки? Видел, как у Белл искусаны ноги?

— Она привыкнет, — беззвучно вздохнув, ответил Робби и улегся на спину.

По ночам зудящие насекомые кружили у него над головой, но он редко обращал на них внимание.

— А малярия? Мама прихватила с собой хининовые таблетки размером как для лошадей. Она говорила, их надо принимать.

— Пока что малярия — самая незначительная из ваших проблем.

— Робби, когда вы отсюда выберетесь?

— Завтра к вечеру, Нед, мы все опять будем вместе.

— Не знаю, что и думать, — бросил он.

— Не думай ни о чем. Просто спи. Завтра нам предстоит нелегкий день.

Нед проснулся ни свет ни заря. Он толком не спал, лишь дремал урывками, между тревожными мыслями о том, что принесет завтрашний день, смотрел на заляпанный, покрытый плесенью потолок спальни. Простыни были влажными, его лодыжки начинали зудеть от свежих укусов moskitov.

Ему недоставало покоя и домашней мягкости. Внезапно он страстно захотел ощутить кожей лица ледяной ветер, почувствовать шерстяное прикосновение шарфа, обмотанного вокруг шеи. Шотландия. Увидит ли он ее когда-нибудь опять? Неду казалось, что родная страна очень-очень далеко.

— Робби? — позвал он.

— Что? — Судя по голосу, тот тоже не спал.

— Надеюсь, ты принял правильное решение.

— Именно так. А ты действуй, как договорились. Будь убедительным. Смотри не проболтайся никому, особенно Белле.

Нед уселся. Вспугнутый его движением, в ногах кровати подхватился геккон и скрылся.

— Беспокойся лучше о своей части дела, — сумрачно произнес он и отправился в умывальню.

Завтрак состоял из поджаренного риса, смешанного с каким-то незнакомым горошком, и горьковатого, но ароматного зеленого чая, к которому Нед уже начинал привыкать, но все равно ему не хватало любимого вкуса крепкого свежесваренного черного чая с сахаром и молоком. Он посмотрел на сестру. Та едва притронулась к еде.

— Ты хорошо выспалась, Белл?

— Не очень. Матрона стала мне как будто мама.

— Это как? — переспросил он, дуя на чай.

— Вчера вечером она взяла меня спать к себе в дом. Но мне больше нравится с девочками.

— Ты спала в доме Brenta? — Нед почувствовал, как по всем его жилам пронесся ледяной страх.

Она кивнула.

— Там так же неудобно, как в спальне. Когда мы уедем, Нед? Мне здесь не нравится. Давай отправимся домой.

Мысли Неда метались. Брента нигде поблизости видно не было.

— Белл, вчера вечером ты видела доктора Брента? — Ожидая ответа, он едва дышал.

— Нет. Я спала в комнате с матроной.

В тревоге Нед провел рукой по ее растрепанным волосам и решил, что нужно объяснить ей.

— Послушай, Белл.

Она смотрела на него своими доверчивыми глазами.

— Я сегодня поеду в Рангун.

— А мне можно с тобой?

— Нет, дорогая. Мне надо разузнать кое-что про школу.

— Но ведь ты уже закончил школу.

— Правда, но теперь все изменилось. Сама знаешь. Они хотят помочь мне найти работу, чтобы мы могли продержаться некоторое время, пока решим, что делать дальше. — Он ненавидел сам себя за то, что говорит ей эту заранее придуманную ложь. — Мне предлагают пожить там, в школе.

— Но это значит, что я буду здесь, а ты в городе.

— Это ненадолго, честное слово.

— Но, Нед... — Ее глаза наполнились слезами.

Он не хотел сцены здесь. Схватив сестру за руку, брат как можно мягче вывел ее из столовой, где дети заканчивали завтракать.

— А теперь, Белл, слушай внимательно и верь мне. Ты мне веришь?

Девочка кивнула, но вид у нее был несчастнее некуда. Только бы не заплакала. У Беллы слезы всегда недалеко, но разве можно ее за это винить? Она здесь долго не протянет.

— Ты веришь Робби?

— Я верю вам обоим. — Девочка разве что ножкой не топнула.

— Обещай, что сделаешь все так, как скажет Робби.

— Почему?

— Потому что мы приготовили тебе сюрприз, — выпалил он, на ходу придумав ложь, которая могла бы облегчить выполнение плана.

— Хороший сюрприз? — Лицо Беллы просветлело.

— Да. Но ты не должна никому говорить, поняла?

— Согласна! — Ее глаза сияли.

Неду мгновенно вспомнилось выражение лица отца, когда тот заключал сделку, он печально улыбнулся и сказал:

— Хорошая девочка. Значит, я сегодня утром уеду. Я знаю, тебе от этого станет грустно, но это все из-за сюрприза. Потом вы с Робби отсюда ускользнете, и мы встретимся в Рангуне.

— Зачем?

Надо было найти короткое объяснение, которое не пугало бы сестрицу.

— Мы все пойдем есть мороженое, — ответил он.

Этот ответ возымел мгновенное действие.

— В самом деле?

— Но ты не должна никому говорить, особенно доктору Бренту и матроне. Понимаешь?

Она с серьезным видом кивнула.

— Это очень важно: никому не говорить. Просто делай все, что скажет Робби, и мы скоро встретимся. Хорошо?

Белла утвердительно затрясла головой, при этом закачались ее кудри, сейчас совсем лишившиеся своего блеска.

— А у нас не будет неприятностей?

— Нет, потому что нас не поймают. Мне очень тяжело расставаться с тобой, пусть даже ненадолго. Но будет лучше, если я поеду в город первым и там все подготовлю. — Нед даже удивлялся, как на словах у него все получается так легко.

— А почему это такой секрет?

— Белл, если ты кому-нибудь расскажешь, то все захотят отправиться с нами, а доктор Брент ведь не отпустит всех детей в Рангун, понимаешь? Так что это только для тебя и Робби.

— А можно будет сходить на могилу?

Этого вопроса Нед боялся больше всего. Ему тоже хотелось побыть немного на могиле родителей, устроенной англичанами, живущими в Рангуне, но он подозревал, что именно там Брент кинется искать их в первую очередь. Нет, им не следует посещать место упокоения родителей.

— Конечно можно.

— Ой, тогда поскорее бы! А как мы вернемся?

— Все спланировано. Не беспокойся ни о чем. Ну, пора! Пойду скажу им, что я готов к отъезду.

— Нед...

— Разыщи Робби до начала уроков. Он скажет тебе, что делать. Перед тем как мне уезжать, мы еще увидимся. — Он крепко ее обнял. — Ну давай. Не опаздывай на урок, — сбивчиво, потому что у него внезапно запершило в горле, добавил он и слегка подтолкнул сестру.

Белла нехотя пошла, сначала медленно, потом ускоряя шаг. Когда она присоединилась к остальным детям, Неду бросилось в глаза, как разительно Белла отличается от них со своей бледной кожей и золотистыми волосами. Нет, здесь им не место. Он увезет ее из Рангуна, и они уплывут на корабле в такое место, где Brent ее не достанет, — даже если ради этого ему придется отдать жизнь.

* * *

— Эдвард! Спасибо за пунктуальность, — любезно поприветствовал Неда Brent.

В кабинете доктора стоял высокий смуглый мужчина с черными, зачесанными назад волосами, блестящими от масла. На нем был аккуратный летний костюм.

— Гораций Фостер.

Несмотря на имя, этот человек явно имел англо-индийское происхождение.

Нед кивнул ему, а Brent пояснил:

— Мистер Фостер — заместитель директора школы. Он любезно согласился сопроводить тебя обратно в Рангун.

Подыгрывая, Нед заговорил как можно вежливее:

— Вы весьма добры, сэр. Мне очень хотелось бы завершить мою подготовку по специальности электрика.

Фостер покачал головой из стороны в сторону. Эта особенность как понял Нед, была характерна для индусов, потому что Робби тоже часто так делал.

— Разумеется, мы сделаем все, что в наших силах.

— Благодарю вас, сэр. — Нед посмотрел на Brentа. — Конечно, мне хотелось бы регулярно встречаться с сестрой. Кроме меня, у нее никого из родных не осталось...

— Мы понимаем это, Эдвард, — голосом масляным, как волосы его компаньона, ответил Brent.

— Еще вот что, — продолжал Нед. — Совсем скоро должно прийти письмо от мистера Фрейзера. Он сообщит, как нам вернуться в Англию.

— Конечно, — отозвался Фостер, но едва заметный взгляд, которым обменялись его собеседники, сказал парню, что ни один из них в это не верит.

По правде сказать, он считал так же, но полагал, что надо как можно дольше поддерживать у тех, кто считает, что они имеют над его небольшой семьей какую-то власть, впечатление, что их будущее — не в Рангуне.

— Итак, пора отправляться, Эдвард, — бодро заключил Brent. — Полагаю, ты позавтракал?

— Да.

— Отлично. А с сестрой еще не попрощался?

— Нет, и не хочу. Я сказал ей, что мы скоро встретимся.

— Разумеется, — последовал ответ.

— Но мне хотелось бы попрощаться с Робби. Он с самого начала стал нам другом, и за завтраком я не усп...

— Тогда поторопись. Встретимся во дворе через пять минут.

Кивнув, Нед покинул относительную прохладу кабинета — маленькая приятность, которой можно было пользоваться благодаря сироте, большим пальцем ноги управлявшему камышовым вентилятором. Сейчас, в виде исключения, Нед был рад вновь оказаться на жестокой жаре. Неподалеку поджидала запряженная повозка. Где-то поблизости должен быть кучер.

Из-за повозки показался Робби и спросил:

— Пора?

Его широко открытые глаза смотрели настороженно, но издали казалось, что он просто вальяжно прогуливается в своих шортах, которые были для него велики, и бледно-голубой рубашке, явно на размер меньше, чем ему надо.

Нед кивнул и тихонько произнес:

— Они вот-вот выйдут. Ты считаешь, у нас получится?

— Да, если ты будешь действовать по плану. Делай все в точности так, как я сказал.

— Но как мы найдем корабль или...

— Вон, идут. Теперь поступай так, как договорились. Не волнуйся. Лучше всего сделай печальную мину. Я не подведу, Нед. Улыбнись. Обещаю, что доставлю тебе Беллу.

— А, Робби! Прощаетесь? — послышался голос Брента.

— Пока. — Нед протянул другу руку. — Присмотри вместо меня за Белл. Я скоро приеду в гости.

Синклер не сомневался в том, что его голос звучит фальшиво, но Робби отлично вошел в роль и сказал:

— Надеюсь, у вас будет возможность посетить могилу.

— Да, я собираюсь, причем как можно скорее. Пока, Робби. — Они обменялись рукопожатием, и Нед отвернулся. — До свидания, доктор Brent. Пожалуйста, сообщите, когда придет письмо от мистера Фрейзера.

— Не сомневайся, мой мальчик. Можешь положиться на меня. Вот немного денег. Мистер Фрейзер оставил на сохранение, и теперь я возвращаю это тебе.

Нед тупо уставился на конверт.

— Ну, вперед. — Brent взмахнул руками в жесте, похожем на пастушеский, словно направляя им Неда в повозку. — Спасибо, Гораций.

Фостер, уже в тропическом шлеме, ответил торжественным кивком и принялся давать инструкции кучеру. Повозка накренилась и тронулась. Нед замахал рукой. Ему было и тяжело из-за того, что приходилось покинуть сестру, и радостно, потому что первая часть их плана наконец-то начала исполняться. Обратной дороги не было.

Он прочистил горло и спросил:

— Сколько нам ехать, мистер Фостер?

— Если по дороге, то минут сорок. — Фостер говорил по-английски с мягким индийским акцентом.

— Мы поедем прямо в школу?

— А ты как думал?

Нед решил, что не стоит больше стараться завязать разговор с этим суровым человеком.

Путешествие тянулось, вместе с ним молчание, и вскоре Фостер задремал. Голова у него покачивалась в такт движению повозки. Кучер с самого начала пути не произнес ни слова и, по всем признакам, не

намеревался этого делать. Нед достал конверт, который вручил ему Брент, и надорвал бумагу пальцем.

Внутри оказались три фунта, два в десятишиллинговых банкнотах, а остальное в монетах. В этой части света такая сумма, конечно же, — небольшое состояние. Но Нед знал, что это такое. Брент откупается. Теперь он сможет сказать Фрейзеру или любому другому человеку, который заинтересуется судьбой Синклера, что сделал для юноши все, что только мог.

Тут повозка забуксовала и остановилась. На базаре продавцы за своими прилавками уже начали готовиться к вечеру. В уши ударили сигналы клаксонов и мычание скотины, вдалеке загрохотал трамвай.

Фостер вздрогнул, очнулся и спросил:

— Что, приехали?

— В школу? — Нед нахмурился. — Не вижу...

— Нет, Синклер. В магазин. Мне надо кое-что купить.

Внезапно он разразился длинной и выразительной тирадой на бирманском. Кучер, выслушав, кивнул и спрыгнул на землю.

— Ты можешь подождать нас здесь?

— Да. — Нед испытывал некоторую растерянность. — Может быть, я могу помочь?

— Не надо, просто жди и присматривай за повозкой. Мы скоро вернемся. Хорошо?

— Отлично.

Фостер исчез в большом обветшалом строении, где продавалось, казалось, все — от горшков и сковородок до свежих продуктов оптом.

Выбравшись из повозки, Нед стал хмуро разглядывать вход в сумрачные недра магазина. Вот мелькнула спина Фостера. Тот направлялся к прилавку, расположенному в дальнем конце торгового зала. Нед безумно огляделся. Кучера видно не было. Сердце у Неда заколотилось, как молот, во рту внезапно пересохло. Вот он, шанс! Лучшего не будет. Во время всего жаркого пути парень пытался представить себе, как убежит, но и в самых безумных мечтаниях ему не могло привидеться, что его оставят вот так, без присмотра, и он сможет раствориться в городской толпе.

Не стоит больше предаваться размышлениям. Как часто повторял его отец, много думать опасно. Иногда надо действовать, полагаясь на инстинкты. Этот довод был, безусловно, в духе приключенческих

наклонностей родителя. Багажа у Неда нет. Только три фунта да одежда на нем.

Боги, похоже, вняли его молитвам и ответили улыбкой. Прошло несколько секунд, и лошадь, привязанная к повозке, уже стояла одна, а Нед несся во весь опор из тюрьмы к свободе.

Несколько минут спустя из дверей показался Фостер. Прищурившись, он посмотрел против яркого солнечного света, поморгал, растянул розовые губы так, что они утончились на смуглом лице. Кучер, выйдя вслед за ним, шлепнул в повозку два огромных мешка с рисом.

— Похоже, он воспользовался приглашением, мастер? — побирмански спросил он, улыбаясь беззубым ртом.

— Похоже, — отвечал Фостер. — Доктор Brent будет доволен.

* * *

Неду казалось, что он может бежать без конца. Он намеренно петлял, совершал неожиданные повороты на кишачих народом улицах Рангуна. Уже давно ему не попадалось ни одного белого человека.

Наконец Нед замедлил бег и остановился. Привалившись к стене, он тяжело дышал и внезапно осознал, что вокруг царит странная тишина. Он оставил за спиной столько улиц и переулков, что теперь понятия не имел, где находится. Однако со стороны главных городских магистралей доносились звуки уличного движения, и это его успокаивало.

На расстоянии показался человек в шлеме. Нед запаниковал, бросился в ближайшую дверь, миновал что-то похожее на водоворот шафрановой ткани, свернул и оказался в самой середине группы мальчиков в красных и оранжевых одеяниях. Эти дети с бритыми головами и темными миндалевидными глазами, в которых при виде незнакомца отразилось удивление, тронули его тем, что во весь рот заулыбались. Болтая и смеясь, они походили на стайку чирикающих воробышков.

Озадаченный Нед постоял немного, а потом понял, что попал в монастырь. Вокруг него мужчины — совсем юные, постарше, старики — в спокойном молчании выполняли различные ритуалы. Вдоль

вьющегося лабиринта коридоров с выложенным камнем полом располагались помещения, образованные пространством, разделенным деревянными перегородками. Продвигаясь по коридору, Нед оказался в месте молитв и размышлений. По пути, молча дивясь тому, что видел, он заметил монаха, совершающего традиционное омовение. Он лил воду себе на голову из небольшого сосуда. Если этот человек и заметил чужака, то ничем этого не показал и не прекратил своего занятия. Поблизости несколько человек угощались из горшка с рисом, приправляя его тем, что на вид казалось жидким карри.

От запаха еды в животе у Неда заурчало. Ему очень хотелось есть, но в данных обстоятельствах это было неважно. В отличие от монахов, он сможет перекусить, не прося милостыни, — именно этим, как он думал, они сейчас и займутся. Вся толпа потоком устремилась к выходу. Монахи беспрестанно улыбались, было видно, что его внезапное появление нисколько им не досаждало. Это выглядело так, словно из дверей монастыря хлынула разноцветная река. Под влиянием импульса и внезапного, за последние дни забытого чувства безопасности Нед остановил одного монаха.

— Простите, сэр!..

Тот кивнул, по всей видимости, не понимая слов.

Порывшись в кармане, Нед достал шиллинг и вложил его в ладонь монаха.

— Для вас, для всех здесь, — объяснил он, сопровождая свои слова широким взмахом руки.

Нед знал, что дал много денег. Наверняка им всем хватит на еду, по крайней мере на один день.

— За это прошу вас помолиться за мою семью, — воззвал он и сложил ладони перед грудью.

Темноглазый серьезный собеседник проговорил несколько слов по-бирмански. Нед ничего, конечно, не понял, но тон, каким они были произнесены, оказался бесконечно успокоительным.

Внезапно Неду полегчало. Все получится. Они сумеют вырваться из лап Брента и навсегда покинуть Рангун. Он поднял глаза к небу, где похожие на суфле облака скользили по идеально синему простору, вышел на улицу и вновь пустился в путь. Вскоре Нед уже бежал во весь опор, и сердце его наполняла решимость.

Когда Нед добрался до крытой части рынка, его едва не оглушили вопли животных. Он не отличался чрезмерной брезгливостью, но смотреть, как режут живые существа, ему было тяжело. Под ногами потоками текла кровь, и ботинки при ходьбе хлюпали.

Он опять побежал — слепо, задевая встречных плечами, наступая на ноги. Запах крови, казалось, шел отовсюду, а от криков испуганных животных и занятых своим делом людей у Неда мутилось в голове.

Наконец он достиг более спокойного участка, где торговали благовониями. Подвешенные к потолку длинные спирали из какой-то смеси, содержащей ароматный порошок и обожженной в печи, разворачивались в куполообразные структуры, напоминающие улей, и могли гореть часами.

От запаха он на бегу чихнул, чем вызвал смех хозяина лавки. Миновав большие серые каменные плиты, сложенные штабелями, он нахмурился и остановился, чтобы перевести дыхание. Девочка за прилавком демонстративно растирала что-то на камнях. Покончив с этим, она стала втирать образовавшуюся пудру в щеки. Нед знал, что она делает. Он много раз видел, как сироты в приюте пользуются танакой, пастой золотого цвета, добываемой из коры деревьев. В основном этим увлекались девочки. Паста не только обладала приятным запахом и косметическими свойствами, но и охлаждала, благодаря чему служила отличным профилактическим средством от солнечных ожогов.

Отдышавшись, Нед возобновил бег и был остановлен лишь сильнейшим запахом пряностей. Согнувшись, руками упираясь в колени, он глубоко втягивал воздух. Нед был насквозь мокрый, рубашка пристала к телу, светлые брюки тоже стали липкими и неудобными. Где-то на бегу он потерял шлем, и теперь глаза ему застило потом.

— Сэр? — слышатся мелодичный голос. — Вам плохо?

Подняв глаза, он увидел встревоженное личико молоденькой женщины. Она была не бирманка — наверное, китаянка, с бледной гладкой кожей, отливавшей золотом. Ее черные волосы блестели под стать кошачьим глазам и были завязаны в длинный хвост.

Миниатюрная и изящная, она походила на восточную фарфоровую куклу.

— Я в порядке. — Нед выпрямился. — Пить хочется, — признался он, инстинктивно изображая пьющего человека.

Женщина приподняла руку в мягком жесте и сказала:

— Пожалуйста. — Потом она исчезла в дверях лавочки, которая, как понял Нед, была чем-то вроде чайной.

Подобные заведения попадались в Рангуне на каждом шагу и были излюбленным местом встреч. Вскоре молодая китаянка показалась опять, с полупрозрачной фарфоровой чашечкой в руках.

— Попробуйте. Горячий, но освежает. — Сопроводив свои слова кивком, она мягко улыбнулась, что взбодрило его не меньше, чем затем ее напиток.

Это была красавица.

В чашке оказался зеленый чай. Многие так его любили, что клялись им. Нед же предпочитал черный, но в данный момент выпил бы любой, лишь бы доставить удовольствие девушке.

— Благодарю вас.

Подув на бледную жидкость и ощутив травяной аромат, он отхлебнул и почувствовал горьковатый, земляной вкус жидкости.

— Вот и молодец, — произнесла она на неуверенном английском.

Разве можно было ей противиться? Выпив до дна, Нед потянулся за деньгами.

— Нет, что вы, сэр. Это подарок от меня. Сейчас лучше? — спросила девушка.

— Гораздо лучше, спасибо. — Он ткнул пальцем себя в грудь. — Нед.

— Ли Ли, — ответила она и добавила: — Привет! — Это английское словечко далось ей с трудом.

— Привет, Ли Ли, — смущаясь, ответил Синклер.

Она издала очаровательный смешок, но тут на Неда упала тень. Появился пожилой мужчина и быстро заговорил с девушкой по-китайски. Она почтительно поклонилась. Человек бросил недружелюбный взгляд на Неда. Не требовалось знать китайский, чтобы понять, что от него требуется. Он вернул чашку.

— Спасибо, Ли Ли. Теперь мне совсем хорошо.

Улыбнувшись, хотя на этот раз уже степенно, она опять поклонилась так же почтительно, как и в первый раз.

— Желаю хорошего дня, сэр, — тщательно выговаривая слова, произнесла она и стала отступать к лавке.

— Э-э, Стрэнд?.. — хватаясь за последнюю надежду на то, что очаровательная китайская девушка ответит, спросил Нед, однако мужчина сурово зазвал Ли Ли в помещение.

Нед продолжил путь. Остановливаясь у различных чайных и закусовых, он в конце концов нашел человека, говорившего по-английски, и тот указал ему дорогу к знаменитой центральной магистрали города.

Наконец юноша оказался на Стрэнде. Перед ним возвышалась гостиница. В первое мгновение сердце у него подпрыгнуло, таким знакомым показался отель и все вокруг, однако на Синклера тут же накатила скорбь. Это место никогда больше не будет наполнено счастьем.

В прохладном холле он с чувством дежавю приблизился к стойке администратора. Ему не хотелось внутренне опять переживать тот ужасный момент, когда жизнь его самого и всей семьи непоправимо изменилась.

По правде сказать, он ненавидел этот отель, да и весь Рангун.

— Да, сэр? — произнес мужчина за стойкой, умело притворяясь, что не замечает растрепанного вида Неда.

Тот прокашлялся и сказал:

— Меня зовут Эдвард Синклер. Некоторое время назад я у вас останавливался. Могу я поговорить с главным управляющим?

— Его нет на месте, мистер Синклер. В настоящий момент он в Индии.

Надежды Неда рухнули.

— Возможно, я могу его заменить? Я помню вашу семью. Я Фрэнк Джонс, заместитель управляющего.

Он произнес все это на безупречном английском. У Синклера создавалось впечатление, что перед ним британец. Вместе с тем, подобно Робби, со своей такой же смуглой кожей и густыми темными волосами, заместитель управляющего выглядел иностранцем.

— Благодарю вас, мистер Джонс. Не могли бы вы разменять немного денег?

— Разумеется.

— У меня две десятишиллинговые банкноты. Спасибо. — С этими словами он вручил Джонсу купюры, украшенные изображениями короля Георга V рядом с Британией и ее большим щитом.

— В местной валюте это большая сумма, сэр. Могу я положить ее в конверт?

Нед кивнул.

— Стоит ли мне предостеречь вас, сэр, на случай, если вы намерены носить этот конверт в кармане?

— Я буду осторожен. Мистер Джонс, я могу рассчитывать, что вы никому не расскажете, что видели меня сегодня здесь?

— Мы здесь, на Стрэнде, очень щепетильны, сэр.

— Хорошо. Надеюсь, так оно и будет. Не подкажете ли, сколько может стоить билет до Калькутты?

Они с Робби уже договорились, что их целью будет Бангалор, из чего следовало, что плыть надо до Мадраса.

Джонс с непроницаемым лицом вручил ему деньги. Но Нед был уверен в том, что вопрос его удивил.

— Э-э, вы имеете в виду, пароходом, сэр?

— Да.

— Точно сказать не могу. Само собой, всегда можно договориться. Буду рад...

— Такой необходимости нет, но все равно благодарю вас. Наши сундуки!.. Могу я узнать, где хранится наш багаж?

— В кладовой. Мистер Фрейзер просил подержать его до дальнейших распоряжений.

— Можно мне на него взглянуть?

— Разумеется.

На звонок тут же явился идеально одетый человек.

— Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

— Вы уже очень помогли, благодарю вас. По поводу сундуков я извещу вас позже.

— Понимаю. Можете хранить их у нас столько, сколько вам понадобится.

Пятнадцать минут спустя, пережив новый порыв отчаяния, вызванный созерцанием жалкого содержимого двух сундуков, Нед достал из них лишь кое-какую одежду для себя и Беллы да одну из своих рубашек для Робби. Главная причина, по которой он рискнул заглянуть в отель, заключалась в желании взять паспорта. Отец говорил матери, что для путешествия понадобятся новые документы. Он получил свои в начале войны, когда союзники решили, что надо, чтобы у людей были документы с указанием страны происхождения. Так что Лорна, заплатив шесть пенсов, получила новомодный дорожный паспорт с описанием ее внешности, собственной подписью и детальной характеристикой младших членов семьи — Эдварда и Арабеллы Синклер.

Это была большая удача, что работники отеля нашли кожаную сумочку Лорны с бумагами, в числе которых были и эти очень важные дорожные документы, и поместили ее в сундук. Насчет того, где находятся документы отца, оставалось только гадать, но Нед не располагал временем на длительные размышления. Достав молитвенник матери и ее крохотные часики, он сунул в карман вышитый ею носовой платок, все еще хранивший аромат одеколона «4711»^[2], привезенного отцом из Европы. После этого Нед просмотрел книжки Беллы. Брать все было невозможно. Мама любила читать дочке «Алису в Стране чудес», но Нед знал, что Белла втайне предпочитает «Питера Пэна» и «Ветер в ивах». Тут ему попался на глаза последний подарок отца — «Книга джунглей» Редьярда Киплинга. Глава семьи считал, что чтение этой книги пробудит в малышке интерес к жизни в далеких странах. Нед сунул под мышку эту книгу.

Запирая сундуки, он пережил ужасные минуты. Прежде они были воплощением начала новой эры в мирной жизни семьи, теперь же при одном взгляде на них Нед начинал думать о смерти и испытывал прилив скорби. Он знал, что сейчас закрывает их последний раз в жизни, и это было все равно что навсегда захлопнуть дверь в привычный и знакомый мир. Отныне каждый его поступок будет шагом в неведомое.

Робби казалось, что он балансирует на краю обрыва, готовясь к прыжку. Он уже обегал всю территорию в поисках Беллы, желая объяснить ей все и в то же время зная, что нельзя говорить ничего. Его обычно живое лицо сейчас было лишено всякого выражения, и это привлекало внимание.

— Робби, — раздался знакомый голос. — Минутку, пожалуйста.

Сердце молотом заколотило в груди у мальчишки, но он заставил себя держаться естественно.

— Да, доктор Brent? — откликнулся Робби, едва не наскочив на человека, вызывающего в нем отвращение.

— Где Арабелла Синклер? На уроке ее нет.

— Не знаю, доктор Brent. Я выполняю поручение матроны.

— Мне безразлично, чем ты занят, мальчик, — отрезал Brent, потом изменил тактику. — Сегодня утром между ней и ее братом разыгралась трогательная сцена.

Робби лишь молчал и моргал.

Brent склонил крупную голову набок и заметил:

— Вы, похоже, подружились.

— Да, доктор Brent, — кивнул мальчик. — Они, наверное, первые английские дети, с которыми я познакомился.

— Что ты намерен делать теперь, когда Эдвард уехал?

— Переживу. У нас было не много общего.

— Если не считать Арабеллы, — лукаво заметил Brent.

— О чем вы?

— Бросается в глаза, как Эдвард ее любит.

Усилием воли Робби заставил себя стоять спокойно, не сглотнуть и никаким другим движением не выдать свою тревогу.

— Она ведь его сестра, — осторожно заметил он.

— Но ты, как мне кажется, питаешь к ней те же чувства, а тебе она не сестра, так что твое восхищение носит гораздо более опасный характер. Такая любовь может толкнуть на что угодно, на любой поступок.

На этот раз Робби все-таки сглотнул, однако глаз не отвел. Сделать это означало бы выдать себя с головой. Из последних сил он

попытался изобразить равнодушие, которого не чувствовал.

— Мне нравится Белла, доктор Brent, но...

— Белла, говоришь? — Brent стал надвигаться. — Не слишком ли интимно для того, кого едва знаешь?

Вырвав свой взор из хватки насмешливых глаз Brentа, Робби увидел, что прибыла повозка из прачечной.

— Мне надо бежать, доктор Brent. Матрона велела, чтобы я сегодня поехал с чокрой дхоби^[3]. Я должен передать записку.

Оглянувшись, Brent наблюдал, как сын дхоби слезает с козел. В задней части повозки были свалены тюки белья.

— Передай дхоби, что я пну его в тощую задницу, если он еще раз вернет некондиционное белье. Пусть только попробует так сделать — и работы от мемсаиб ему больше не видеть.

— Передам, доктор Brent. Матрона сказала, чтобы я следил за всем, что они делают, и докладывал ей, — солгал он.

— Хорошо. — Движением, представляющим собой пародию на интимность, Brent взял Робби за подбородок. — Запомни, что я сказал. Оставь Арабеллу в покое. Не морочь ей голову разговорами о жизни вне приюта. Должен признаться, я весьма удивлен тем, что ты не предпринял попытки уехать вместе с ее братом.

— Но ведь здесь мой дом, — таким тоном, словно слова Brentа его задели, произнес Робби. — Больше мне некуда пойти.

Он покосился на повозку дхоби. Время уходит. Нужно отделаться от Brentа, или весь план пойдет насмарку. Он вознес безмолвную молитву богам, чтобы Белла оказалась там, где должна быть, скрытая от глаз любого, кому вздумается пуститься ее искать.

— Прежде чем поедешь, принеси мне воды, хорошо?

— Конечно. Я наполню заново ваш кувшин.

Робби бросился бежать — сперва к мальчику чокры. Тот стоял у своей повозки, запряженной волами. Робби велел ему немного подождать. Теперь сердце у него едва не выскакивало из груди. План пришел в движение. Сейчас самое главное — держать себя в руках и поддерживать в Белле убеждение в том, что все происходящее — только игра.

Обогнув дом Brentа, он подбежал к крохотной пристройке. Матрона с утра отбыла, чтобы проследить за покупкой месячного запаса сушеных овощей и мяса. Ее не будет еще по крайней мере час.

Теперь в доме и поблизости не должно быть никого, кроме самого Брента, да и тот пожалует не раньше чем к полднику. Так рассчитывал Робби.

— Белла? — шепнул он.

— Я здесь. — Она показалась из-за пристройки.

— Эй, Белла! Молодец. — Он испытал огромное облегчение. — Помнишь наш план?

— Конечно, — игриво отвечала она. — Ты спрячешь меня в простыне с бельем, и мы убежим.

— Правильно. — На нервной почве мальчишке казалось, что в животе у него бьется стая птиц. — Но помни, Белла, ты должна молчать. Нельзя будет ни говорить, ни стонать, ни чихать. Любой звук тебя выдаст — и доктор Brent придет в ярость. Ты еще не видела его рассерженным.

— Что он тогда сделает? — спросила девочка, и глаза у нее расширились.

— Тебе ничего. Но мне? Наверное, выпорот или отошлет куда-нибудь навсегда. Он терпеть не может, когда его не слушаются.

— Ой, Робби, давай тогда не будем этого делать.

— Нет, послушай! Будет очень весело. Мы встретимся с Недом, поедим мороженого и вернемся, так что никто ничего и не заметит.

— Тогда давай быстрее. Завяжи меня в простыню.

Кивнув, Робби развернул заранее припрятанную связку простыней.

— Ни звука, Белла. Выходи только тогда, когда я скажу тебе, что можно.

— Я знаю.

— Когда услышишь мой голос, Белла. Обещаешь?

— Обещаю.

Белла была такой крошечной, что походила на эльфа. Ее ручки и ножки с легкостью складывались, так что вскоре она оказалась упакованной в простыни. Робби завязал узел. Перед ним будто оказалась прекрасная бабочка, готовая выйти из кокона.

— Сиди так, словно ты отдыхаешь, — предупредил он. — Локти и колени не должны выпирать. Представь себе, что ты — это простыни. — (Тут девочка хихикнула.) — А теперь тихо, Белла. Больше ни слова, пока мы не доберемся до места.

Она больше не издавала ни звука. Робби перекинул связку через плечо. Хорошо, что он выполнял достаточно много тяжелой работы, поэтому стал выносливым и мускулистым. Прежде чем уходить, он посмотрел на собственное отражение в оконном стекле. Вид вполне естественный. Успокоив дыхание, он пошел, напоминая себе, что главное — уверенность. Глядя на него со стороны, никто не должен заподозрить, что происходит что-то необычное.

Как ни легка была Белла, Робби все-таки ощущал спиной ее вес. Он заставил себя идти медленно, чтобы она не билась о его спину. Робби дошел уже почти до самой повозки, когда раздался голос, которого он боялся больше всего на свете.

— Прошу прощения, доктор Brent? — отозвался он, кладя белье на землю.

— Подойди сюда, мальчик!

Ему пришлось идти к врагу. От Brentа его отделяло футов тридцать, но мальчишке показалось, что такого длинного пути он не проделывал никогда. Жара уже стала испепеляющей. Надо было побеспокоиться о шляпе для Беллы — если она выдержит жару внутри этой связки простыней. В душе у Робби взмыла волна паники, во рту пересохло. Он был убежден, что у него на лице большими буквами написано, что он провинился. Brent все знает, это точно, и теперь заставит Робби заплатить.

— Что это ты делаешь? — осведомился директор приюта.

Невероятным усилием Робби сохранил самообладание и ответил:

— Я говорил вам, доктор Brent. Матрона просила проследить, чтобы чокра взял все белье, потому что последние пару месяцев он халтурил. Я помогаю грузить вещи.

— Вижу. У тебя взволнованный вид, Робби. К тому же еще утро, а ты уже мокрый от пота. Что-нибудь случилось?

Робби сделал медленный вдох и пояснил:

— Честно говоря, я не очень хорошо себя чувствую, доктор Brent. Я плохо спал. Наверное, вчерашний дхал^[4] вредно на меня подействовал.

— Больше никто не жаловался.

— Пройдет. Попью побольше.

— Кстати, по-моему, я просил тебя принести мне воды.

— Я просто подумал, что сначала помогу нагрузить повозку.

— Мне кажется, что тебе по какой-то причине страшно неймется уехать на этой повозке.

Робби внутренне застыл. Ему оставалось лишь надеяться, что страх не отразился мгновенно у него на лице. Впрочем, теперь он уже и сам его не чувствовал, внутри у него все онемело.

— Я... не хочется подводить матрону, — запинаясь, пробормотал мальчик.

На ходу у него родилась еще одна ложь. Последняя попытка. Если Brent догадается, что это блеф, то ничего другого в запасе нет.

— Она сказала, что если я выполню все поручения до того, как дхоби отправит обратно выстиранное белье, то смогу сходить в храм и принести пожертвование моей матери.

— В самом деле? С какой стати такая щедрость, Робби?

— Потому что в последнее время я много ей помогал. Еще она хвалила меня за то, что я подружился с Синклерами.

— Действительно?

Робби кивнул.

— Что ж, в таком случае, я переговорю с матроной. Не следует так часто тебя выделять, тем более что ты и без того долго пользовался моей благосклонностью.

В ушах у Робби стучало, голова ныла от невыносимого физического напряжения. Если это продлится еще хотя бы недолго, то его просто разорвет на глазах у Brentа.

— Арабелла Синклер так и не явилась на занятия. Я приказал слугам искать девочку. Ты ее не видел?

— Видел. — Робби подивился сам себе. — Я сказал ей, чтобы она поспешила в класс. Белла пряталась в картонной коробке, в спальне. Она плакала, доктор Brent, и я, как мог, утешил ее, но вы сами видите, у меня не очень много времени. Я тороплюсь.

— Так-так, и?.. — Доктор пощелкал пальцами перед носом у Робби.

Голова мальчишки резко откинулась назад, но он сумел сказать:

— Она, наверное, уже в классе, с остальными детьми.

— Хорошо. Молодец. А теперь, принеси-ка мне мой кувшин с водой, да побыстрее, джалди, джалди!

Робби покосился на узел с бельем. Тот лежал на самом солнцепеке, но в этот момент Робби ничем не мог помочь Белле.

Он бросился на кухню. Айя^[5] занималась тем, что, сидя на полу спиной к двери и ловко удерживая ногами камень, перетирала на нем чеснок, имбирь и лук. При этом она негромко что-то напевала.

Мальчик спросил, принесли ли воду из колодца.

— Есть немного кипяченой, совсем чуть-чуть, — ответила она. — Остальное остывает.

Кивнув, Робби приблизился к большой бадье с холодной кипяченой водой. Его отчаяние, годы, которые он провел, страдая и мечтая освободиться, желание избавиться от нищеты и защитить Беллу от рук чудовища по имени Brent — все это слилось вместе, образовав темный, воспаленный нарыв ненависти. Тот съест его изнутри, если он не исцелится, отомстив. Имелся только один способ утолить эту жажду.

Вода.

Робби уже снял крышку с бадьи с кипяченой водой, но теперь тихонько, едва дыша, вернул ее на место. Неужели он это сделает? Надо было заранее все обдумать, но время работало против него. Решайся, Робби.

Он поспешно наполнил кувшин сырой водой из другой бадьи и, не дав себе и минуты на размышление, побежал в кабинет директора.

— Вот, доктор Brent.

— Какой ты потный, Робби! Нет, я ни разу не видел тебя в таком плохом состоянии.

— Пройдет.

— Нет, это нельзя так оставлять, — возразил Brent. — На-ка, выпей. — Он налил стакан воды из кувшина.

Робби вытер лицо рукавом и сказал:

— Я не хочу пить, доктор Brent.

— А судя по твоему виду, очень хочешь.

— Я могу напиться по пути. Мне правда надо...

— Пей, Робби. Я настаиваю, — не отставал Brent.

Выбора не было. Продолжать противиться Brentу означало поставить крест на собственном будущем и на судьбе Беллы. Этого нельзя допустить. Надеюсь, что рука у него не дрожит, он потянулся за стаканом.

— Чин-чин, — с искрой веселости произнес Brent. — Выпей и отправляйся. Не могу же я допустить, чтобы ты скончался от

обезвоживания. — Он рассмеялся.

Мальчик, собравшись с духом, осушил стакан.

— До свиданья. — На этом Brent решил успокоиться.

Робби вышел наружу. Солнце еще не достигло зенита, паля откуда оно превращает землю в растрескавшуюся пустыню, но все же вошло достаточно высоко, чтобы довести белокожую девочку, непривычную к жаре, до преждевременной смерти.

Он бросился к узлу. Тот все еще лежал на земле. Робби не мог сказать Белле ни слова, потому что внезапно оказалось, что чокра рядом, закидывает в повозку другие узлы.

Он вскинул на плечо простыни с Беллой, стараясь, чтобы это выглядело легко и естественно. Но в последний момент, перед тем как опустить узел на грудь других в повозке, Робби замер.

— Белла? — тихонько позвал он, прислушиваясь, надеясь хоть на какой-то ответ.

Он посмотрел на мальчика-чокру. Тот нетерпеливо поглядывал на него, ожидая, чтобы Робби забрался рядом с ним на козлы.

Из узла не раздавалось ни звука. Это молчание было зловещим.

Покружив по городским улицам, громоздкая повозка, запряженная волами, наконец-то благополучно прибыла в прачечную. От тревоги за Беллу Робби задыхался и едва не падал в обморок.

Он спрыгнул с повозки как раз в тот момент, когда из сумрачных недр прачечной показался сам дхоби, который тут же набросился на сына с упреками, обвиняя его в том, что тот слишком задержался в приюте. Робби воспользовался моментом и снял с общей кучи узел с Беллой. Пока он демонстративно пристраивал его на спине, отец с сыном тоже нагрузились бельем и, продолжая пререкаться, скрылись в дверях прачечной.

Это был шанс. Покачиваясь под тяжестью ноши, мальчишка бросился к стене здания, опустил узел на землю и принялся лихорадочно его развязывать. При переноске ткань затянулась, и это было нелегко. Паника, давно одолевавшая Робби, достигла пика.

— Белла! — закричал он. — Ответь.

Послышался слабый стон. Он испытал такое облегчение, что его бедное сердце, которое до этого тяжело колотилось, сейчас на миг остановилось. Робби прокусил ткань, разодрал верхнюю простыню — вот и золотой ангел! Жива, вся в поту, с мягкими волосами, льнущими к лицу как змеи.

— Белла, — шепнул он ей в ухо.

— Нед? — Она опять еле слышно застонала.

— Это Робби. Вылезай. Ты можешь встать?

Ее веки затрепетали, поднялись и тут же упали. Она была не в себе, и Робби опасался солнечного удара, который бывает смертельным.

— Белла, обхвати меня руками за шею. Пожалуйста, Белла. Помоги мне.

Он напрягся, поднял ее и направился к двери прачечной. Там увиливая от людей с утюгами и подлезая под свисающие на каждом шагу простыни и сорочки, мальчишка принялся искать дхоби, громко звать его.

Из задней части прачечной показался пожилой мужчина и строго осведомился, что ему надо.

Робби объяснил на хинди, что он как раз заносил внутрь белье для стирки, когда эта маленькая мемсаиб упала в обморок. Две женщины бросились на помощь Робби, не преминув, правда, заметить что-то насчет его бледной кожи и, значит, западной крови. Наверное, их даже удивило, что он так хорошо говорит на их языке.

Все принялись обмахивать Беллу. Кто-то принес воду.

— Кипяченая? — Робби прикрыл рот девочки, но жена дхоби оттолкнула его руку и заявила:

— Конечно!

Животворящая вода просочилась в распухшие губы Беллы, та постепенно вернулась к жизни и открыла глаза. Сначала, при виде такого количества смуглых лиц, склонившихся над ней, она испугалась, но потом ее взгляд упал на Робби и девочка успокоилась.

Глаза Беллы были налиты кровью, но она нашла в себе силы улыбнуться и пролепетала:

— Здесь мы будем есть мороженое?

Дхоби, по-видимому, понял последние два слова и заулыбался, обнажая немногие оставшиеся зубы.

Робби продолжал придерживаться версии, что он просто случайный человек. Между ним и всей семьей дхоби завязалась дискуссия. Возможно ли, что Белла случайно отбилась от семьи, заблудилась, а потом от жары упала в обморок?.. Все покачивали головами из стороны в сторону. По всей видимости, никому такая история не представлялась невероятной.

— Что же делать? — произнес дхоби.

Белла опять закрыла глаза. Было очевидно, что от нее подсказки не дожидаться.

Робби ждал этого момента и заявил:

— Я доставлю ее в Рангун.

Но его собеседник нахмурился и воскликнул:

— Пха! Как ты найдешь ее семью в Рангуне?

— Очень просто. Девочка англичанка, так что в большом отеле, который называется «Стрэнд», наверняка что-то знают о ее родителях. Помогите мне довести ее туда. Там я разберусь.

Дхоби, похоже, еще сомневался, но жена принялась его подталкивать и сказала:

— Поторопись, дурень. Запрягай волов, отвези девочку в отель. — Женщина помахала пальцем перед носом мужа. — Если она умрет здесь, нас ждут большие неприятности.

Угроза произвела на дхоби гальванизирующее действие. Он принялся отдавать приказы чокре, а тот — непрерывно кивать то отцу, то Робби.

— Я отвезу вас прямо сейчас, — сказал он.

Белле помогли встать. Та нетвердо стояла на ногах и жаловалась на головокружение, но Робби видел, что боги вняли его молитвам — Белла поправится. Однако угроза того, что матроне Брент вздумается пройти мимо прачечной, никуда не делась.

— Пошли, Белла, — шепнул мальчишка. — Нужно встретиться с Недом. Выпей еще воды.

— Не могу. Я чувствую, как она качается внутри. Меня вырвет. Наверное, надо сходить в туалет.

Робби чуть не рассмеялся. Его нервы были так натянуты, что у него едва не началась истерика оттого, что Белла думает, будто в месте вроде этого может быть кран с водой и прочее.

— Мы сейчас поедem в «Стрэнд». Сможешь удержаться до тех пор, пока окажемся там? — спросил он, представляя себе, какую посудину принесут хозяева, если он попросит.

Это будет похуже, чем в приюте.

Она кивнула.

— В отеле прохладно, — успокаивающе произнес Робби, подводя ее к повозке и помогая забраться. — Теперь мы заслоним тебя от солнца. — Он прикрыл девочку большим куском ткани. — Опять оно на тебя светит. — Мальчишка бросил взгляд на небо, откуда били свирепые лучи. — Это очень опасно.

Волы с усилием тронули с места, и повозка выехала на улицу, где царила суматоха. Прощальное восклицание дхоби потонуло в какофонии городских звуков.

* * *

Нед бесцельно бродил по базару. За прошедшие часы он успел примелькаться торговцам, и некоторые улыбались ему из-за прилавков.

Он насытил бунтующий желудок чашкой бледно-золотого бульона, подернутого шелковой пленкой. Противиться искушению было свыше его сил. Он наблюдал, как бульон варился в большом горшке. Это длилось больше часа, так что ясно было, что есть суп безопасно, а от экзотического аромата у него текли слюнки.

В отличие от матери и Беллы, Нед ничего не имел против остроты чили и незнакомых вкусов имбиря и чеснока. Во время их путешествия к столу стали подавать блюда индийской кухни вскоре после того, как пароход миновал Суэцкий канал. Таким образом пассажирам давали возможность приспособиться к пряностям и травам, с которыми им, вероятно, придется столкнуться во время пребывания на Востоке.

Неда приводили в восторг яркие цвета карри, рис, пересыпанный шафраном и хрустящим золотистым луком, жареный кишмиш и орешки, формой напоминающие почки, под названием кешью. Однажды вечером, во время пышного ужина, названного «Банкетом махараджи», на который все явились одетыми в лучшие наряды, он с изумлением заметил, что огромные блюда с рисом обернуты полосками крошечных посверкивающих листиков. Они были сделаны из фольги, похожей на серебряную.

Старый официант заверил его, что это настоящее серебро, и добавил:

— Если бы этот банкет давался для настоящего махараджи, то листья были бы на сто процентов золотые.

— В самом деле? — Нед не поверил своим ушам.

— Чистая правда. Для этих людей золото значит все. Сами увидите. Даже самые бедные носят свои деньги на себе. На запястьях деревенской женщины вы увидите золотые браслеты в двадцать четыре карата. Они даже едят золото!.. Но это только высшая знать, — добавил официант, постучав себя по носу.

Заплатив выуженными из кармана анна^[6] и следя за тем, чтобы показывать только самые мелкие монеты, Нед купил несколько бананов. Еще в отеле он скотчем закрепил конверт с купюрами на груди. Парень не собирался тратить эти деньги ни на что, кроме как на билеты, чтобы уехать отсюда.

Утолив голод, он продолжал бродить, все время держась поблизости от прилавков, где торговали цветами. Нед потерял счет

кругам, выписанным им в этой части базара. Он то и дело метал настороженные взгляды направо и налево, следя, не подкрадывается ли опасность, но в первую очередь надеясь увидеть Робби и Беллу.

Это было величайшее чудо! Долго копившиеся чувства достигли пика, вырвались из глубины его души и выплеснулись в победоносном крике, когда из-за прилавка с цветами, ковыляя, показались две знакомые, слегка потрепанные фигурки.

* * *

Нед заставил обоих съесть по чашке бульона, поскольку у них маковой росинки во рту не было с самого завтрака. Белла, по-видимому, забыла про обещанное мороженое, а может быть, ей расхотелось. Она была бледна, с сухой и горячей кожей, больше не липкой. Робби смотрелся получше, но создавалось впечатление, будто он что-то скрывает.

Когда тот сделал последний глоток супа, Нед задал главный вопрос:

— Как обстоят дела с Brentом?

— Не беспокойся о нем.

— Не беспокоиться? Ты шутишь, что ли? Сейчас он уже, наверное, догадался.

— Догадался? — Робби усмехнулся, потом его тон резко изменился на печальный: — Он с самого начала все знал, Нед. Слишком легко Brent отпустил нас. Неожиданностью для него стало лишь то, что мы взяли с собой Беллу. От этого он на стенку полезет.

— Почему ты думаешь, что он знал?

— Теперь это уже неважно. Мы здесь. Ему не сразу придет в голову искать нас в доках, а к тому времени, когда он сообразит, надеюсь, будет уже поздно. Если удастся найти подходящее судно, лучше всего отбыть сегодня.

— Как мы это сделаем? — Нед нахмурился.

— Найти корабль нетрудно. Но надо заплатить за билеты.

— У меня есть деньги.

Тут уже настала очередь Робби удивляться.

— Мне дал Брент, — пояснил Синклер. — Наверное, он чувствовал себя виноватым.

— Нет. Он хотел, чтобы ты уехал, Нед. Как ты не понимаешь? Брент даже дал тебе на это денег. — Робби издал вздох отчаяния. — Он знал и дал тебе уйти. Мне, наверное, тоже, но только вначале он обрек нас... тебя — на скитания в неизвестности, а меня... — Мальчик умолк.

— Мне все равно. — Нед тряхнул головой. — Сейчас мы здесь, отделились от него. Надень-ка вот эту сорочку. Она для тебя великовата, зато чистая. Я уже переоделся. Белла, а тебе надо сменить платье. В этом ты будешь выглядеть гораздо приличнее.

— Это можно сделать вон там. — Робби указал на прилавок, за которым пожилая женщина торговала цветами.

Подведя их туда, он заговорил с ней по-бирмански и объяснил, что малышке-англичанке надо переодеться. Можно ли, ради соблюдения правил приличия, позволить ей надеть другое платье за прилавком?

Женщина ответила, и Робби перевел Неду:

— Она велит вначале купить что-нибудь. Мол, ты целый день здесь ошиваешься, и кому нужны неприятности. Дай мне несколько анна.

Взяв у Неда монеты, Робби протянул их женщине. Она через плечо указала на заднюю часть прилавка, но запретила парням сопровождать Беллу.

— Сестренка, переоденься в это платье. Оно ведь твое любимое, да?

Она не протестовала.

— У нее измученный вид, — заметил Нед. — Да и ты сам не слишком-то хорошо выглядишь.

— Немного побаливает живот. Пройдет.

Когда Белла появилась из-за прилавка, она выглядела уже гораздо лучше. Ее внешний вид не обманул бы ни одну англичанку, но в команде корабля таковых не будет, так что моряки с готовностью возьмут девочку на борт. Обмакнув старую рубашку в цветочную воду, Нед вытер лицо сестры. Робби натянул свежую сорочку.

— Белл, взгляни, что я принес. — Нед протянул ей книгу и улыбнулся, когда услышал тихое, но восторженное повизгивание.

Робби впился взглядом в книгу.

— «Книга джунглей», — разъяснила она и показала ему. — А другие?

— За ними мы можем вернуться потом, — сказал Нед и поспешил добавить, чтобы отвлечь ее: — А пока я принес эту. Ну что, готовы?

Его спутники кивнули.

— Веди, — сказал он Робби, стараясь не концентрироваться на том, что Белла не вспоминает о мороженом и никак не отреагировала на известие о том, что они отправляются на корабль.

Робби мысленно взмолился, чтобы она не заболела сейчас. Когда они повернулись, чтобы идти, старуха позвала их из-за прилавка.

— Вы не взяли никаких цветов, — перевел Робби. — Вот! — С этими словами он выбрал веточку с крошечными желтыми цветами и протянул ее Белле. — Это национальный цветок Бирмы, называется падуак. Это цветок розового дерева.

Женщина что-то быстро заговорила, обращаясь к нему.

Мальчишка поблагодарил ее и перевел:

— Он означает любовь и нежность, но также силу.

Принимая цветы от Робби, Белла раздумянулась. Она оглянулась и улыбнулась пожилой женщине. Та рассмеялась и сделала жест в сторону Беллы.

Девочка потянула Робби за руку и спросила:

— Что она сказала?

— Пожелала тебе всегда быть счастливой, — отозвался Робби, хотя Нед подозревал, что женщина сказала что-то далеко не столь невинное.

— Пошли. На корабль, — сказал Синклер, довольный тем, что Белла повеселела, хотя вид Робби по-прежнему его смущал.

Неду неясно было, что у него на уме, кроме того, друг был очень бледен. Его снедала странная тревога — казалось, даже более сильная, чем та, которую испытывал сам Нед.

— За тобой точно не следили? — попробовал надавить он.

— Точно, — слишком отрывисто отозвался Робби и двинулся вперед, рассчитывая, что Синклеры без дальнейших расспросов последуют за ним.

В вопросе выбора судна пришлось положиться на Робби. Нед не знал языка, но больше всего они нуждались в уличном инстинкте мальчишки, отточенном за годы бродяжничества. Нед с Беллой поджидали в тени дерева, пока Робби, все подмечая своим острым глазом, проводил разведку в доках, кипящих бурной деятельностью. Суэта не затихала ни на минуту, и прошло не меньше часа, прежде чем показалась тонкая фигура Робби.

— Так что? — нетерпеливо спросил Нед.

— Похоже, нашел. Пассажирское судно под названием «Аронда». Сравнительно хорошие условия. Регулярно ходит в Мадрас, ближайший рейс — сегодня во второй половине дня.

— Мы можем на него попасть?

Робби кивнул, потом потупился и сказал:

— Нед, в переводе с местных денег это будет стоить примерно фунт на каждого. Я знаю, Brent дал тебе какую-то сумму, но она вам понадобится. Отправляйтесь вы. Да у меня и документов нет. Я уже договорился...

— Мы поедем все, Робби.

— Послушай...

— Нет. Я старший. Я распоряжаюсь деньгами. Если надо, мы истратим все до последнего цента, но уедем из Рангуна навсегда. Деньги говорят сами за себя, так что проблему твоих документов мы решим. Никто не станет сходить с ума из-за подростка. Что будет дальше, увидим. Сориентируемся. Но сейчас мы все сядем на корабль. Мы все будем делать сообща.

— Хорошо, если ты уверен. — У Робби слегка задрожал подбородок.

— Мы тебя здесь не оставим.

Мальчик англо-индийского происхождения улыбнулся, но его глаза были полны печали.

— Тогда пошли. Судно отходит в шесть. Три фунта — взятка, за эти деньги пустят и меня тоже. Прости. Пришлось пообещать по фунту за каждого. Я сказал, что будете вы двое, но если мы заплатим, то вряд ли они будут возражать и против троих. Если мне не разрешат

устроиться с вами в каюте, я смогу, наверное, разместиться с командой. Каюта маленькая, но только для вас. Обычно в нее не пускают пассажиров, придерживают для персонала.

Робби выторговал им спальную каюту. Она представляла собой каморку, где едва умещались пара железных коек и умывальник. Но после приюта это место казалось дворцом. Белла немедленно, не раздеваясь, юркнула под одеяло и тут же уснула.

Нед был рад, что она наконец-то может отдохнуть. Он запер ее в каюте, предварительно нацарапав записку, в которой строго-настрого наказал сестре никому не отпирать. Взяв ключ, он отправился на палубу. Нед написал также, чтобы сестра оставалась в каюте до его возвращения. Однако, скорее всего, эта предосторожность была излишней. Белла спала так крепко, что вряд ли что-нибудь могло бы ее разбудить. Нед отправился на палубу на поиски Робби.

Корабль отчалил, и Нед зачарованно смотрел, как удаляется берег. Только когда судно отплыло достаточно далеко, он смог расслабиться и поверил, что они и в самом деле ушли от Brenta.

* * *

Почти два дня прошли в непрестанной радости. Они опять на корабле, в море! Ни правил, ни распоряжений, ни угроз, ни страха. Боль от утраты родителей не утихала ни на миг, все же радость оттого, что Рангун и все, там пережитое, остались позади, была сильнее.

Нед даже не поинтересовался, как Робби удалось обойти вопрос документов. Но что бы он там ни наговорил, его слова сработали, и ему даже позволили плыть в каюте. Он был более чем счастлив спать на полу и решительно возражал всякий раз, когда Нед предлагал делать это по очереди.

Они питались с пассажирами второго класса. Вряд ли кто-нибудь обращал внимание, что на судне едут трое подростков без взрослых. Нед начинал думать, что он сам уже выглядит взрослым. Ему уже некоторое время хотелось отпустить бороду, и сейчас он исполнил свое намерение. По-видимому, это производило должное впечатление. Ему нравилась и борода, и то, что к нему обращаются «мистер Синклер».

Теперь Нед — глава семьи, он доставит Белл и Робби в Бангалор — и баста. За первые два дня в море это словцо стало их любимым.

Потом начались серьезные боли, и с Робби случился первый приступ диареи.

Белла обнаружила Неда на его обычном месте на палубе, откуда он смотрел на воды Андаманского моря, за которым раскинулся Индийский океан. Его не привлекала игра, которой развлекались многие пассажиры, — метание колец, не интересовался он и другими развлечениями. Нед предпочитал найти уединенное место и там мечтать о будущем, о том, как сделает в Индии состояние и они все вместе — он, Белла, Робби — уедут в Шотландию.

— Привет, красавица.

Брат пожалел, что не прихватил для сестры побольше одежды. Кстати, Белла иной раз бывала весьма привередлива, но недостаток одежды или игрушек странным образом почти не сказывался на ее поведении. Ему стало грустно, что девочке приходится так быстро взрослеть. Она все еще часто бывала усталой, и он тревожился из-за возможных последствий солнечного удара. Зато на корабле подавали мороженое, и Нед радовался, что все-таки сдержал данное сестре обещание. Когда Белла подошла ближе, стало видно, что она чем-то встревожена.

— Нед, пойдем скорее. Тебе надо пойти. Что-то с Робби. Он заболел.

Нед пробежал пальцами по ее локонам и почувствовал, что они густо пересыпаны солью. Волосы девочки заметно отросли, так что вскоре, из-за непрерывного ветра на палубе, их надо будет завязывать в хвост.

— Чем заболел?

— Не знаю, но чем-то плохим. — Белла изо всех сил схватила брата за руку и повлекла его за собой. — Он все время бегал в туалет, но теперь говорит, что скоро уже не сможет вставать. Его рвет.

Нед ускорил шаг и спросил:

— Давно это с ним?

— Началось сразу после того, как ты ушел, утром.

Он достал из кармана часики матери, взглянул на них и произнес, понимая, что утратил счет времени:

— Прошло целых три часа.

Нед ринулся вглубь корабля, туда, где в самом сердце трюма пряталась их крошечная каюта. Когда Нед ворвался в дверь, ему в нос ударил тяжелый запах болезни.

Он подавил позыв к рвоте и приказал Белле:

— Подожди снаружи!

В сердце Синклера пробудился знакомый страх. Еще один осторожный взгляд внутрь каюты подтвердил худшие подозрения. Робби не просто не в себе, он серьезно болен.

— Белл, беги и разыщи кого-нибудь из команды. Найди кого угодно и приведи сюда как можно скорее. Нет, дорогая, не плачь. Сейчас ты должна быть сильной ради Робби. Ему нужна помощь, причем срочно. Скажи, что необходим доктор. Давай, Белл. Беги!

И она побежала.

Прикрыв дверь и защищаясь от запаха носовым платком, Нед присел на койку рядом с Робби и позвал его по имени.

Посеревшее лицо мальчика вдруг обратилось к нему. Губы у него потрескались.

— Нед, послушай, — произнес он сдавленно. — Меня уже не спасти.

— Что за ерунда! Что ты такое говоришь?

— Я знаю, чем заболел. — Робби измученно застонал. — Не говори Белле. Не хочу, чтобы она видела, как мне станет еще хуже. Это скоро закончится, обещаю.

— Робби, ты сам не понимаешь, что говоришь.

— У меня холера, Нед! — выкрикнул мальчик со сверхчеловеческой силой в голосе и оттолкнул руки друга.

Это сработало.

Нед как ошпаренный отскочил от Робби.

— Холера? — Само это слово будто бы уже содержало в себе опасность. — Откуда?

— Не приближайся ко мне. Если будешь осторожен, ты ее не подхватишь. Не подпускай ко мне Беллу. Вы оба должны перейти в другое место. Скажи им, чтобы выбросили меня за борт — да они и сами будут на этом настаивать. Мне все равно. Вещи пусть сожгут. Нед, держись.

Синклеру показалось, что весь мир покатился неизвестно куда. Безудержные слезы — таких он не проливал даже тогда, когда погибли

родители, — набегали на глаза и туманили зрение.

— Как это случилось?

— Он захотел пить, угрожал Белле, поэтому я выпил.

— Что? Робби, я не понимаю. Давай я принесу тебе воды. Ты этого хочешь?

При новом приступе Робби зажмурился. Боль миновала. Он вновь открыл глаза, но они были налиты кровью, слезились, а сухая кожа горела.

— Нед, я принес Бренту некипяченой воды. — Новый позыв к рвоте заставил его склониться над тазом.

Нед беспомощно отвел глаза. Звук и запах вызывали у него тошноту. Откинувшись назад, он прижался спиной к стене и обхватил руками голову. Нед не понимал, что происходит. Когда он утром покидал каюту, Белла и Робби спокойно спали. Как могло случиться, что всего за несколько часов их друг пришел в такое состояние?

— Тебе лучше выйти. — Робби без сил откинулся на подушку.

— Расскажи до конца! — воскликнул Нед. — Я должен знать.

От слабости мальчик едва мог говорить, однако покорно закончил свою повесть:

— Брент захотел, чтобы я принес ему воды, но перед этим угрожал мне и Белле. Я не мог этого вынести, Нед, и должен был как-то его остановить. Он чудовище. — Робби рассмеялся, но это больше походило на надтреснутый кашель. — Только мне его никогда не перехитрить.

— Все равно не понимаю. — Нед покачал головой.

— У меня не было выбора, — прошептал Робби. — Только так я мог защитить нашу тайну... твою сестру.

— О чем ты?

— Это холера, Нед. Я видел, как люди погибают от нее. Ничего нельзя поделать. — Он медленно повернул голову и теперь смотрел Неду в лицо.

Его глаза уже запали, как у трупа.

— Не пройдет и нескольких часов, как я умру. Главное, доберитесь до Бангалора. — Он назвал адрес доктора Уокера. — Запиши на чем-нибудь, Нед. Обещай, что сделаешь это.

Дверь распахнулась, в проеме показались Белла и два члена команды. Почувствовав запах, они мгновенно попятнулись.

— Что за черт?..

— Он говорит, это холера. — Нед поднялся.

— Холера! Выйдите из каюты. Это точно?

Робби заплакал и спросил:

— Нед, ты записал адрес? Обещай, что запишешь.

— Я не забуду, Робби. Я выучил его наизусть, как ты.

Член команды оттаскивал Неда прочь и, указывая на Беллу, кричал на своего дородного товарища:

— Уведи отсюда ребенка и предупреди корабельного доктора. Капитана надо тоже немедленно поставить в известность.

— А как же Робби? — пронзительно воскликнула Белла, когда ее потащили прочь.

Нед беспомощно посмотрел на моряка.

— Прости, парень. Но рисковать нельзя. Посмотри, что здесь творится.

Робби опять стало рвать. Он испачкался.

— Он умрет быстрее, чем через час. Я не первый раз такое вижу, — мрачно произнес моряк. — Девочка — твоя сестра?

Нед был так поражен, что едва нашел в себе силы кивнуть.

— Ясно, а тебя зовут Нед?

— Эдвард Синклер. Мою сестру зовут Арабелла. А он — Роберт Джеймс.

— Хорошо, парень. Тебе и твоей сестре надо прямиком к доктору. По пути ни к чему не прикасайтесь. Пошли. Здесь опасно. — Он оглянулся. — Эй, Робби, дружок, сейчас придет доктор. Держись.

Мальчик с усилием повернул голову. Его кожа, когда-то смуглая, теперь приобрела землисто-серый оттенок, а губы распухли.

— Прощай, Нед.

— Робби... — По щекам Неда заструились предательские слезы.

— Жалко, что не удастся вместе поехать в Шотландию, — шепнул Робби. — Не надо слез, Нед. Никогда я не был так счастлив, как в эти два дня с вами.

— Прости. — Нед вырвал ладонь из руки матроса, который мягко тянул его прочь из каюты. — Прости, Робби.

— Теперь Белла в безопасности. — С этими словами Робби откинулся назад.

Энергия покинула его тело. Но тут мальчишку скрутил новый приступ боли, он повернулся на бок, и из его тела хлынула всякая мерзость.

На этот раз моряк преуспел в том, чтобы вывести Неда из каюты.

— Ключ?

— Что? — Внезапно Нед словно перестал понимать, что происходит.

Ключ на веревке бесполезно свисал у него с ладони.

Моряк посмотрел на ключ, размышляя, брать его или не брать, потом, очевидно, передумал.

— Запри дверь, дружище, и помолись за твоего друга. Как я сказал, он не протянет и часа.

* * *

Смерть Робби констатировал Гренфелл, корабельный доктор, как раз тогда, когда почти все пассажиры обедали. Синклеров перевели в другую каюту. Там медсестра вымыла Беллу, а матрос-шотландец проследил, чтобы Нед тоже с головы до ног отдраил себя жидким дезинфицирующим раствором и ярко-красным карболовым мылом, от чего кожа у него стала огненной и горела, будто ошпаренная. Их немногие одежды немедленно выбросили за борт, а вместе с ними — и все пожитки.

Брат и сестра лишились последних клочков того, что напоминало им о той жизни, которую они знали до Рангуна.

Теперь, когда бедный верный Робби покинул их, добрый доктор Гренфелл разъяснял Неду, волосы которого все еще были влажными после обработки:

— Холера уносит свои жертвы болезненно, но милосердно быстро. — В его темно-синих глазах светилось сочувствие. — Робби, кажется, был англо-индийского происхождения?

— Он не знал своего отца, но считал себя англичанином. Его мать была бенгалка, — сказал Нед.

Гренфелл мягко улыбнулся, и по глазам его было видно, что это искренне. Нед не мог определить возраст врача, но подумал, что он ненамного старше его отца. Наверное, лет сорока с лишним.

— Мои родители жили в Бенгалии, — сказал доктор. — Оба были миссионерами.

Нед видел, что тот хочет вовлечь его в разговор, помочь выйти из шока. В мягком тоне Гренфелла была одна лишь доброта, и Нед почувствовал, что ему можно доверять.

— Где Белл?

— Спит. Я дал ей кое-что, потому что она устала, а от слез не делается лучше.

— Спасибо.

— Как ты себя чувствуешь?

— У меня внутри как будто все онемело.

— Понимаю. Никаких болей, желудочного расстройства, жажды?

Нед покачал головой и спросил:

— Как это могло произойти так быстро?

— Именно так оно и бывает. У большинства заболевших агония длится несколько часов. Я уверен, вас с Белл это не коснется, если вы только...

— Мы не пили ничего, кроме кипяченой воды.

Гренфелл сочувственно сжал ему плечо и заявил:

— А теперь объясни мне, как у нас на борту очутились три «зайца».

Тяжело облокотившись локтями о колени и упершись головой в ладони, Нед начал рассказ. Сначала нехотя, но постепенно разговорившись, он поведал доктору сокращенную версию их истории. Полностью умолчав о безобразии, связанном с Брентом, он в качестве основного движущего мотива их поступков привел нежелание оставаться в приюте, стремление попытаться счастья в Индии и оттуда уже добраться до Британии. Так ему показалось проще. Однако Нед рассказал доктору о гибели их родителей и о том, как они из-за этого страдают.

Закончив, Нед откинулся на спинку стула. В горле у него пересохло, однако слез не было.

Некоторое время Гренфелл молчал. Нед подумал, что такая печальная повесть, конечно же, усваивается не сразу. Даже для его собственного слуха это звучало как отрывок из романа: драматическая гибель родителей, экзотическая обстановка, дерзкое проникновение на судно в качестве безбилетных пассажиров.

Он качнул головой и добавил:

— Это все правда. Нам не довелось даже взять с собой наши немногие пожитки. У нас нет ничего и никого, кроме друг друга.

— Я очень сочувствую тебе в твоих утратах, Нед. Несправедливо, что вы, такие юные, так страдаете.

— Что будет с Робби?

Гренфелл принялся снимать с шеи стетоскоп и сказал:

— Капитан в ярости из-за того, что на борту обнаружился «зайцы». Всех, разумеется, тревожит возможность распространения холеры. Мы недостаточно знаем об этой болезни. — Доктор жестом указал на стеклянную фляжку, приглашая Неда допить чистую воду. — В Англии было две, нет, три крупные вспышки азиатской холеры. Доктора перепробовали все, от бренди до кровопусканий. Но люди предпочитали запира́ть двери и молиться. — Встав, Гренфелл принялся обрабатывать дезинфицирующим раствором инструменты, которыми пользовался, осматривая Неда. — Прямо сейчас пандемия холеры свирепствует в Бенгалии. Она длится уже два года, и до сих пор никто не придумал способа ее остановить. Известно, что для предотвращения заражения важна гигиена.

Обдумывая слова доктора, Нед нахмурился и спросил:

— Значит, если мы с Белл будем соблюдать все меры предосторожности, то не заболеем?

— Именно. Я считаю, что с вами все будет в порядке. Если у Робби симптомы появились лишь сегодня утром, значит, он заразился еще до того, как вы сели на судно. Прости за жесткость, но я должен думать о других людях на корабле.

— Понимаю, — заверил его Нед.

— Если бы кто-то из вас подхватил инфекцию, то мы уже видели бы ее признаки. Хотя иногда бывает, что люди заражаются, но симптомов у них нет.

— Непонятно.

— Это болезнь, Нед. Она может быть сколь угодно противоречивой, — с печальной улыбкой произнес доктор. — Мы переведем вас в свободную каюту рядом с моим кабинетом, чтобы я мог за вами наблюдать. Если вы во время путешествия будете хорошо питаться, много пить и дышать свежим воздухом, то ваше здоровье не пострадает.

— А что скажет капитан?

— Ну... — подмигнул доктор. — Вряд ли у него поднимется рука высадить двух вежливых, цивилизованных, славных юных английских граждан. Не тревожься, что-нибудь придумаем.

— А Робби? — тихо повторил Нед.

— Боюсь, сынок, тело придется выбросить за борт. Другого способа похоронить его в море нет.

— Могу я присутствовать?

— Если поторопишься.

— Белла, наверное, тоже захочет пойти. После гибели наших родителей ей не позволили на них посмотреть. Она и сейчас уже иногда не знает, что и думать. Уход Робби — это трагедия, но мне кажется, она должна видеть, как это произойдет, чтобы понять, что его действительно больше нет.

— Это я оставляю целиком и полностью на твое усмотрение. Кстати, поздравляю с наступающим днем рождения, — произнес Гренфелл, указывая на паспорт.

— Какое сегодня число? — На лице Неда появилось смущенное выражение.

— Двадцать шестое ноября.

— Я утратил счет времени!

— Не слишком веселый у тебя получается день рождения, Нед.

— Может быть, девятнадцатый год моей жизни будет счастливее этого.

— Правильное отношение. Какие у тебя планы, когда сойдешь на берег?

— Есть один друг Робби, с которым я хотел бы связаться. Он Доктор. Живет в Бангалоре.

— Ах, что за чудесный город этот Бангалор. А есть ли у тебя кто-нибудь дома, в Британии, кому ты хотел бы передать весточку?

— Никого, ни одного человека. У нас не осталось родственников. — Внезапно на Неда накатило чувство безнадежности.

— Понятно. А теперь послушай внимательно, — начал Гренфелл. — Завтра мы прибываем в Мадрас. Пойти вам, я вижу, некуда...

Нед уныло покачал головой.

— Тебе ведь надо думать о сестре. Поедем ко мне домой. Следующие восемь недель я проведу на берегу. Я знаю, жена будет в восторге от гостей — в особенности таких, — а вы тем временем сможете осмотреться и решить, что делать дальше. Кроме того, никогда не следует проводить день рождения в одиночестве. — Гренфелл по-доброму улыбнулся.

Нед едва верил своим ушам. Этот человек проявлял невероятное благородство и щедрость. Не зная, что сказать, он лишь молча смотрел на доктора.

Гренфелл положил руку на его плечо и продолжил:

— У нас нет детей, Нед. Думаю, жена будет очень рада возможности побаловать Беллу — хотя бы недолго. Так что у нас это не вызовет никаких затруднений. Мы будем рады пообщаться с вами. Мне просто совесть не позволяет отпустить вас, не предложив помощь.

— Вы невероятно добры.

— Не беспокойся. Свое содержание ты сможешь отработать. У нас найдется много занятий для молодого и сильного человека вроде тебя. Кстати, теперь, когда тебе исполнилось восемнадцать, ты можешь рассчитывать на получение одной из бесчисленных свободных вакансий в правительственных учреждениях Мадраса.

— Может быть, мне удастся заработать денег на проезд домой. Но сначала я должен сдержать обещание, которое дал Робби, и найти в Бангалоре доктора Уокера.

— Хорошо, договорились. Когда ты устроишься, я помогу тебе разыскать его.

Нед встал, и складки грубой, плохо сидящей на нем одежды, которую ему наспех подыскали, расправились. Он протянул доктору руку.

— Спасибо за вашу доброту. Я никогда этого не забуду.

— Добро пожаловать в Индию, Нед, — кивнул доктор.

Апрель 1920 года

Джек Брайант стоял на палубе «Налдеры» и наслаждался сигаретой «Огденз Робин». Он позволил себе это дорогое удовольствие, настоящую роскошь, как и проезд вторым классом на борту самой современной сверкающей морской красавицы, принадлежащей компании «Пенинсула энд ориент лайнс». Доки Тилбэри остались за кормой несколько недель назад, но удовольствие, которое Джек испытывал от пребывания на просторах океана, ничуть не уменьшилось. Оно скорее даже усилилось, отчасти потому, что он, как и другие пассажиры, привык к пребыванию на борту и к своим соседям.

Все были вежливы и любезны, особенно женщины. Они демонстрировали настоящее безрассудство, отдавая дань легкомысленному круизному настроению, которым, скажем, год назад Джек не преминул бы в полную меру воспользоваться. Но создавать себе проблемы на борту океанского судна, откуда некуда будет скрыться, ему не хотелось. Именно по данной причине он в этот благоуханный вечер оказался на палубе, где в одиночестве курил, в то время как остальные танцевали внизу.

Вкус сигареты ему нравился. Годами он противился общей тенденции, не желая пользоваться жевательным табаком. Почти все корнуэлльские горняки употребляли его, поскольку только так и можно было насладиться табаком в шахте. Ему казалось, что трубка скорее пристала мужчинам постарше, вроде отца. Джек, конечно, делал самокрутки, но это новомодное удовольствие бледнело по сравнению с сигаретами, к тому же ему нравились пестрые пачки, рекламируемые в каждом магазине, на любом углу и щите для наклеивания плакатов. Вытащить из кармана пачку и вытянуть из аккуратного ряда одну сигаретку было куда приятнее, чем копать в жестянке, разрыхляя табак, а потом заворачивать его в клочок бумаги.

Глубоко вздохнув и ощущая губами соленый вкус, он задумался о своем решении плыть в Австралию. Горная индустрия этой страны переживала бум, и Джек слышал, что южная часть этого гигантского континента, богатая медью, привлекала множество его братьев-

шотландцев. Он работал грузчиком в доках Тилбэри, жил в дешевом пансионе, но как только до него дошли слухи о прибытии «Налдеры», Джек только о ней и думал. Это совпало с получением письма от отца, в котором тот сообщал, что австралийские и индийские горнодобывающие компании занимаются вербовкой в Корнуэлле, так что Джеку стало казаться, что плыть на борту «Налдеры» — его судьба. В этот же день Брайант принял решение и зарезервировал место на самый первый рейс этого судна. «Налдера» пересечет весь мир и прибудет в сверкающую бухту Сиднея. Все путешествие займет как минимум шесть недель. Действительно ли лучше отправиться в Австралию, чем в Индию? Он не знал точно, а потому предпочел заранее не договариваться о работе. Игнорируя советы отца, Джек решил, что если в Австралии действительно такое изобилие рабочих мест, то ничто не помешает найти работу и по прибытии. Сперва он сможет немного осмотреться, по-настоящему узнать эту великую солнечную страну, о которой так много слышал. Если что-то ему не подойдет, то на оставшиеся деньги вернется в Индию, высадится, скорее всего, в Мадрасе и направится в тамошние горячие регионы.

С таким планом на уме и небольшим чемоданчиком, составлявшим весь багаж, он и взошел по трапу. Его койка размещалась в двухместной каюте, которую делил с ним мужчина постарше по имени Генри Берри. Это был хрупкий человек, страдающий нервным тиком. Плечо у него примерно каждую минуту подергивалось. Он представился просто государственным чиновником, служившим в Индии, — без, как он сообщил, семьи или перспективы иметь жену. Генри сказал, что возвращается после отпуска, который берет раз в два года, проводит в Англии, а теперь с радостью возвращается в душный, безумный, процветающий бомбейский порт. У Джека создалось впечатление, что Генри доволен своей работой и не так уж сильно страдает от жары, а больше всего ему нравится жизнь, которую он ведет в колонии. Даже на скромную зарплату государственного служащего Берри мог позволить себе нанять слуг и выстроить такой стиль жизни, о котором дома ему оставалось бы только мечтать.

Именно Генри был первым, кто заставил Джека усомниться в верности его представления об Австралии.

— Ты в своем уме? Австралия? Это же пустыня. Я слышал, там можно ехать несколько дней и не встретить никого, не считая туземцев. У них ядовитые насекомые размером с тарелку, а в море водятся странные существа. Укусы некоторых из них смертельны. Крокодилы в реках, змеи на полях и убийственное солнце. Не забывай, что большую часть тех немногих европейцев, которые там все-таки обитают, составляют осужденные, привезенные туда из Англии! Это значит, Джек, что работать тебе придется рядом с ворами и убийцами. С типами, которые с готовностью перережут глотку за кусок хлеба, — возвысил голос Генри, довершая драматическую картину, которую он столь живо изобразил. — Нет, жизнь там слишком тяжела, чересчур трудна, чтобы стоило на это идти. Стране предстоит долгий путь, прежде чем существование там станет хотя бы отдаленно напоминать цивилизованную жизнь в Британской Индии.

Джек подумал, что не следует подчиняться представлениям одного человека, и спросил:

— Так, значит, по-твоему, мне лучше сойти в Индии?

— Будет безумием этого не сделать, старик. — Генри откинулся на подушку и стал смотреть в потолок.

Джек, лежа на своей койке, принял ту же позу. Подложив руки под голову, он лежал, с удовольствием ощущая покачивание корабля, прислушиваясь к урчанию двигателя.

Повернувшись на бок, Генри оперся о локоть и сказал:

— Знаешь, подальше к югу есть место под названием Золотые Поля Колара. Там семь шахт, вокруг каждой — процветающий поселок, где живут эмигранты. Я однажды там был, собирал кое-какую информацию для правительства и не поверил своим глазам. Такую удивительную жизнь они ведут там, посреди зарослей индийского кустарника! Великолепные клубы, ежедневные вечеринки, пикники и танцы. А женщины, Джек! Роскошные девушки. Ты когда-нибудь слышал об англо-индусах?

Джек давал себе обещание некоторое время воздерживаться от общения с женщинами, но мгновенно оживился и повернулся лицом к Генри.

— Люди англо-индийского происхождения — интересное явление. Они результат смешанных браков между англичанами и местным населением. Грустно признавать, но сыновья от этих браков

слишком шикарны. Рядом с ними и их смуглой красотой мы, бледные англичане, совсем не смотримся... Но вот женщины!.. — Генри вздохнул. — Эти девушки выглядят совершенно экзотически, притом они обладают очарованием английских леди и так же прекрасно воспитаны.

— Почему же ты не женился на одной из этих красоток, Генри? — ухмыльнулся Джек.

— Ах, да ты взгляни на меня. Мой статус, конечно, привлекает некоторых, однако девушки не так-то рвутся покинуть семью и жить в Бомбее. Вот если бы в Лондон! — Он взмахнул рукой. — Тогда другое дело! Англо-индийцы ведут себя более по-английски, чем мы, коренные британцы. Они говорят об Англии как о родном доме, а ведь большинство этих молодых женщин знают о ней только из журналов и со слов родителей.

— Ты не ответил на мой вопрос, Генри.

Тот мгновенно увял, шлепнулся на кровать и признался:

— Я не слишком-то умею обращаться с женщинами, Джек. Рядом с ними мой тик усиливается. А по тебе видно, что они слетаются на тебя, как мухи на мед. Ты, наверное, перебрал их целые сотни! — с завистью добавил он.

Громко рассмеявшись, Джек перевел разговор на другую тему:

— Так что, на этих шахтах много работы?

— Предприятия отчаянно нуждаются в хороших сотрудниках! Именно я недавно занимался подготовкой рекламного текста для компании «Джон Тейлор и сыновья». Он им был нужен, потому что в этом году они планировали вербовать работников в Англии.

— Если можно полагаться на то, что недавно написал мне из Корнуэлла отец, они уже начали.

— То-то и оно, старик. Семь шахт, есть даже железная дорога, и работают не на угле. Все электрифицировано. Именно поэтому вся область процветает, а численность европейцев растет.

— Мне кажется, ты сам не прочь был бы там жить, Генри.

Тот вздохнул и согласился:

— Это правда. Чудесное место. Люди живут там в такой изоляции от окружающего мира, что кажется, будто находишься в английской деревушке. Бомбей бывает порой таким... Одним словом, иной раз в нем чувствуешь себя как в сумасшедшем доме. Но я покривил бы

душой, если бы не признался, что люблю и Бомбей тоже. Если мне повезет, я получу назначение в Бангалор или в Нилгири, это подальше к югу. Но в Коларе человек никогда не бывает одинок. Все друг друга знают, и жизнь там хорошая, легкая, Джек.

— Ты говоришь так, как будто тебе платят за то, чтобы ты расхваливал это место.

— Нет, просто я завидую твоей беззаботности и тому, что ты можешь выбирать, когда, где, что и как.

— И женщин, — с улыбкой добавил Джек.

— И женщин, — эхом отозвался Генри.

— Мне кажется, что насчет девушек ты просто не прилагаешь достаточно усилий.

— Ты прав, конечно. Моя проблема в том, что я хочу жену красавицу, но ни одна по-настоящему хорошенькая девушка на меня не посмотрит.

— Ерунда, — усмехнулся Джек, стараясь не обращать внимания на то и дело дергающееся плечо Генри.

— Нет, это правда. Несимпатичные, в очках, толстушки и сварливые — вот что мне остается. Если я лишен права на красоту и изящество, то предпочитаю оставаться холостяком.

— Генри, ты меня удивляешь. Поцелуй пухленькой девушки значит ничуть не меньше, чем красотки. Любая может быть по-своему привлекательна. Лишь бы любила... — Он вздохнул. — Да, это самое главное.

Генри выразительно усмехнулся и заявил:

— Дело в том, Брайант, что тебе ведь никогда не приходилось обнимать толстуху, целоваться, не обращая внимания на кривые зубы или веснушки. Пожалуйста, не отрицай этого.

Джек и не думал опровергать обвинение, но дело в том, что его слова были сказаны от всей души. Он отдал бы что угодно за то, чтобы его по-настоящему полюбили.

Джек потушил сигарету. Правда заключалась в том, что не только Генри пел дифирамбы Индии. Почти все его попутчики не могли дождаться, когда сойдут на берег этой страны, для многих из них она стала уже вторым домом.

Напротив, даже те люди на корабле, которые направлялись в Австралию, заверяли его, что жизнь там далеко не сахар. Да, люди

наживали себе состояния на меди и особенно на золоте, но большая золотая лихорадка уже на исходе. Теперь эти состояния тратятся или, что точнее, инвестируются в скотоводство и земледелие, которые только зарождаются. Джек не имел ни малейшего представления о том, как выращивать сельскохозяйственные растения или разводить скот. Правда, один человек с вожделием рассказывал об огненных опалах, обнаруженных в месте под названием Кубер-Педи. Но в общем и целом сияние, которым до сих пор в его воображении была окружена Австралия, теперь заметно поблекло. Никакой клубной жизни, вечеринок, экзотических красавиц с изысканными манерами, слуг!.. Одни гигантские расстояния, которые надо преодолевать под адским солнцем, пыль да пьянство в очень молодой и неустроенной колонии... или, как некоторые поправляют, в группе таковых.

* * *

— Вы всегда один, мистер Брайант. — Голос с хрипотцой прервал ход его мыслей.

Отвернувшись от перил, на которые до сих пор облакачивался, он увидел женщину, на которую несколько раз обращал внимание в ресторане.

— Добрый вечер, мисс... Боюсь, я не знаю, как продолжить.

— Евгения Росс, — лениво протянула она. — Не дадите огоньку? — Ее взгляд переместился к незажженной сигарете в черном мундштуке театрального вида, слишком длинном для нее.

Улыбнувшись, Джек потянулся в карман за спичками, сожалея, что у него пока еще нет новомодной зажигалки вроде тех, которые он видел в Лондоне. Парень пообещал себе, что однажды, совсем скоро!..

Он зажег спичку, сложил руки над огнем и не удивился, когда собеседница обхватила его руку своей и притянула поближе.

Улыбнувшись так же лениво, как до того говорила, она отпустила его и сказала:

— Благодарю вас, мистер Брайант. Могу я называть вас Джон?

— Это мое имя, — ответил он. Забавляясь, Брайант в то же время был настороже. Евгения показалась ему опасной, главным образом, правда, для себя самой. — Хотя друзья зовут меня Джеком.

— Джек? Гм, вам подходит. Хорошее имя для озорника.

Не отвечая, он просто улыбнулся.

— Джек, вам не кажется неучтивым лишать одиноких женщин на корабле своего общества?

При слабом палубном освещении молодой человек не мог разглядеть, зеленые у нее глаза или серые, но в любом случае в них скакали чертики. Кроваво-красная помада блестела, а когда она улыбнулась, быстро и натянуто, сверкнул ряд идеально ровных зубов. В позе Евгении, в ее размалеванном лице или манере поведения не было ничего естественного. Тут он заметил, что она все еще ждет ответа.

— В настоящий момент я не самая лучшая компания.

— Да? Отчего же?

— Слишком много мыслей, — ответил Джек, прислонившись к поручню.

— В таком случае несколько па в танцзале развлекут вас.

— Не сомневаюсь — если бы я хотел развлечься.

Она улыбнулась, словно почуяв соперницу. Демонстративно проведя рукой по кружеву у себя на блузке, Евгения, не мудрствуя лукаво, положила ладонь ему на живот. Брайант чуть не расхохотался. Девушка была совсем юная и, наверное, видела в каком-нибудь фильме, как главная героиня проделывает такой же маневр.

— Куда вы направляетесь, Джек? Надеюсь, в Сидней. Тогда мы сможем наслаждаться обществом друг друга на протяжении всей поездки.

Именно в это мгновение Джек принял решение. Он никогда впоследствии не забывал этой минуты. Рок, судьба или что бы там ни было, но оно пересекло ему дорогу в облике Евгении Росс и толкнуло его с одного пути на другой.

— Вообще-то нет. — Брайант мягко отвел ее руку. — Я схожу в Бомбее.

На лице Евгении появилось удивленное выражение, и Джек сообразил, что она, вероятно, уже поинтересовалась местом его назначения у корабельного эконома.

Придя в себя и недовольно надув губки, Евгения произнесла:

— В самом деле?

— Я только недавно решил.

— Что же, — жизнерадостно отозвалась она. — Все равно у нас осталось для танцев больше двух недель.

— Я польщен, мисс Росс, честное слово, но сомневаюсь, что моя невеста это одобрит.

Девушка вздрогнула, будто ужаленная.

— Господи, Джек, могли бы сказать о ней раньше! — Она взялась за перила и со вздохом устремила взгляд на море. — Так вы, значит, проводите тут вечер за вечером в одиночестве, курите и думаете о ней?

— Что-то вроде того. — Теперь настала его очередь улыбаться.

Она с вызывающим видом обдала его клубом дыма.

— Сколько вам лет? — поинтересовался он.

— Мне почти восемнадцать, и да будет вам известно, что я вполне могу быть с мужчиной.

Да уж, в своих предположениях он определенно попал в яблочко. Юную Евгению нужно было защищать от ее собственного воображения.

— Знаете, мисс Росс, в тех местах, откуда я родом, «быть с мужчиной» означает нечто совсем отличное от того, что вы себе рисуете в своих детских фантазиях.

Со вздохом, долженствующим выражать крайнюю досаду, она швырнула сигарету на палубу, затушила ее ногой и заявила:

— Сама не знаю, что меня дернуло к вам подойти.

— Я тоже не знаю и определенно не напрашивался на такое внимание.

— Я скажу другим женщинам на корабле, чтобы они игнорировали вас, мистер Брайант.

— Вы очень меня обяжете, мисс Росс. Спасибо. — Он усмехнулся.

— На самом-то деле вас ведь дома не ждет тоскующая невеста? — Глаза у нее сузились так, что стали напоминать линию рта.

— Там меня ничего не ждет, и уж точно не женщина.

Это признание, похоже, ее умиротворило. Умолкнув, они смотрели на озаренный луной океан. Снизу плыли волны музыки. Обоим было на удивление хорошо.

— Смотрите, Джек!.. — произнесла она взволнованно. — Вон падает звезда, в вашу сторону. Так что она предназначена вам.

— Я вижу. — Подняв голову к ночному небу, он зачарованно смотрел на звезду.

Эта ее мысль своей неожиданностью доставила ему удовольствие.

— Надеюсь, это что-то значит.

— Это знак. Наверное, Индия принесет вам удачу... Может быть, любовь.

Посмотрев на нее, Брайант склонился, нежно поцеловал ей руку и сказал:

— Я буду помнить об этом, благодарю вас.

Она улыбнулась в ответ, на сей раз искренне.

— Знаете, вы и в самом деле очень хорошенькая... А без губной помады и румян были бы еще лучше.

— Благодарю вас. — Внезапно Евгения забеспокоилась, принялась нервно поправлять локоны своих коротко постриженных и завитых волос. — Пожалуй, мне стоит вернуться к другим девушкам. А то подумают еще, что я слишком уж преуспела с вами.

— Так зачем же их разочаровывать? Не желаете потанцевать, мисс Росс? — С этими словами он предложил ей руку.

Хорошо все-таки, что Брайант раскошелился перед рейсом на смокинг.

Сначала она словно бы не поверила, но потом улыбнулась, просунула свою бледную ладошку ему под руку и негромко сказала:

— Очень мило с вашей стороны.

— Вы ведь путешествуете без отца?

Она хихикнула и ответила:

— Нет. Он ждет меня в Бомбее. Да и мама тоже — оттуда мы все вместе поплывем в Сидней. Сейчас я на корабле с подругой и моей тетушкой в качестве нашей дуэньи.

Джек облегченно вздохнул и предложил:

— Один танец, мисс Росс.

Она легонько похлопала его по руке и заявила:

— Один танец каждый вечер до самого Бомбея. — В ее взгляде светилась надежда. — Чисто по-дружески, я обещаю. Договорились?

— Договорились, — улыбнулся Джек.

Один за другим потянулись долгие чудесные дни, слившиеся для Джека в сон, полный искреннего удовольствия. Выход на берег на Мальте, где корабль остановился пополнить запасы провизии, превратился в веселую экскурсию с Евгенией и ее компанией. Как только «Налдера» бросила якорь в Большой гавани, ее сразу окружила стая суденышек, с которых предлагали все, от свежих фруктов до стирки с выполнением в этот же день. Леди направились напрямик в Валетту, в Страда Реале, в знаменитые кружевные мастерские, Джек же не смог воспротивиться искушению взглянуть на так называемых маринованных монахов — забальзамированных членов ордена кармелитов. Возбужденные пассажиры вернулись на борт с покупками, многие с кораллами и изделиями из серебра. Джек купил одну лишь почтовую карточку. На рисунке тушью и акварелью изображалась гавань и главная торговая улица. Он отослал открытку родителям, написав на обороте, что здоров и наслаждается путешествием. Все его действия романтического характера ограничивались вежливыми поцелуями ручки Евгении, но он сдержал свое обещание и каждый вечер танцевал с ней один танец, так что они стали близкими друзьями.

Самым, наверное, захватывающим событием для него и еще нескольких путешественников стало первое в жизни пересечение экватора^[7]. Джека и еще семерых мужчин из числа пассажиров второго класса окрестили экваториальными девственниками и посадили на палубе. Там их побрил Нептун, которого весьма комично изображал корабельный эконом. Присутствовали, разумеется, и все придворные Нептуна. Пассажиры проследили за тем, чтобы супругу морского владыки и ее дочерей играли самые крупные моряки с самими роскошными бородами и живописными татуировками.

Под общий хохот Джека и остальных сначала обмазали пеной с помощью — он нисколько не сомневался в этом! — кистей для дегтя, потом побрили пилой и окунули в гигантскую бадью с соленой водой к неопишному восторгу визжащей аудитории. Евгения, находящаяся среди прочих, хохотала как безумная.

Порт-Саид стал остановкой, которую все ждали. Этот первый по-настоящему восточный порт был вехой в ходе путешествия, за которой на судне воцарилась совершенно новая атмосфера.

Пассажиры сменили теплую одежду на летние костюмы. Джек в очередной раз помянул добрым словом лондонского портного, сумевшего убедить его в необходимости застаться легким светлым костюмом при поездке в колонию.

По приказанию капитана женщин в Порт-Саиде не пускали на берег без спутников, так что, откликнувшись на призыв целиком женской компании Евгении, Брайант отправился с ними в качестве защитника в город, кишаций, по слухам, головорезами, карманниками, нищими попрошайками и волшебниками всех мастей и национальностей.

До сих пор Джек полагал, что переполненные улицы Лондона подготовили его к пребыванию в большинстве городов, но Порт-Саид не походил ни на что, ему знакомое. На ум приходил праздничный день в Пензансе, только народу было гораздо больше, а буйство красок поражало. Их компанию сопровождала толпа мальчишек, надрывно убеждающих гостей в том, что они за грош покажут им лучшие магазины, помогут купить самые дешевые сувениры и превосходные товары. Не отставали и нищие, а также бродячие поставщики чего угодно, от вышивок до фарфора.

Считалось, что всем, отправляющимся в Индию в первый раз, необходимо посетить знаменитый магазин «Симон Артц». В нем торговали абсолютно всем, но особенно он прославился как центр, где можно подобрать топи, или колониальный шлем, — головной убор, без которого, как говорили, не обойтись никому, ни мужчине, ни женщине, если они имеют намерение отправиться в тропики.

— Никогда не выходите на индийское солнце с непокрытой головой, — подчеркнула Агата, тетушка Евгении, проверяя на прочность шлем, который девушка подобрала для Джека. — Вы только несколько дней будете чувствовать себя глупо, а потом уже сами не захотите с ним расставаться.

В магазине толпились люди, которых он знал, но было много и незнакомых лиц.

— Это пассажиры первого класса, — предупредила тетя Агата. — Они тоже покупают топи фирмы «Бомбей баулерс». Если ты не носишь

его, то считается, что ты не принадлежишь к избранным. А быть англичанином и не принадлежать к избранным, когда в Индии так немного нас, правящих миллионами, — это почти предательство.

Джек с улыбкой заплатил за шлем, но только после того, как тетя Агата сбила цену с помощью слов вроде «нелепо» и «грабеж». После магазина он предложил женщинам освежиться под тенистыми сводами главного торгового центра порта. Напиток был прохладен, а компания приятна, но от путешественников по-прежнему не отставала навязчивая орда, изводя их призывами купить шаль, вазу или липкие сладости.

В конце концов они были откровенно рады вернуться на борт «Налдеры», где, как оказалось, за время их отсутствия произошла метаморфоза. Офицеры переоделись в белоснежные мундиры. Европейцы в своих новых шлемах имели откровенно нелепый вид, но этот вопрос не подлежал обсуждению. Что касается женщин, то они неожиданно оказались облаченными в муслин и прозрачные ткани. Горячие супы сменились холодными, обращали на себя внимание и новые, более рискованные блюда в меню, острые, с содержанием бобовых, вроде чечевицы, или с добавлением соусов, которые в начале путешествия показались бы странными.

Наконец, когда судно одним долгим гудком просигналило о своем отбытии, возбуждение на борту стало еще заметней, что объяснялось предстоящим плаванием по чуду индустриальной революции — Суэцкому каналу.

Джек не возражал бы против того, чтобы добраться до Южной Атлантики через такие места, как открытый всем ветрам остров Святой Елены — место упокоения Наполеона, или по менее освоенным водам в районе мыса Доброй Надежды и далее — мимо Африканского Рога. Но инженерное чудо, которое представлял собой Суэцкий канал, почти вдвое сокращающий время путешествия в Индию, разумеется, тоже манило его.

— Тоска по дому никогда не проходит, Джек, — говорила тетя Агата.

Стоя на палубе и держась за поручни, они наблюдали, как порт медленно исчезает вдаль. Джек пытался отвлечься от ощущения, что он выглядит предельно глупо в этом своем топи, похожем на шлем пожарника.

— Но могу вас уверить, Индия соблазнительна и к ней вырабатывается привыкание.

— Да, я уже чувствую.

— Ваш сосед по каюте!.. — Она неожиданно сменила тему. — Не скрою, Джек, мне импонирует его скромность, однако этому человеку нет, наверное, еще и тридцати, а он уже инспектор округа. Вы представляете себе, какой властью он обладает?

Оторвав взгляд от берега, Джек воззрился на тетю Агату и переспросил:

— Властью?

Она рассмеялась и пояснила:

— В его распоряжении тысячи людей. Он, как маленький диктатор, заправляет деревнями, устанавливает правила и законы, я уже не говорю о том, что суд тоже вершит.

Это сообщение действительно удивило Брайанта.

— Я знаю, что Генри нравится его работа, но он никогда не рассказывал подробностей. Я понятия об этом не имел.

— Сказать вам по правде, он живет как король. Правительство обеспечивает его домом с верандой, слугами, даже, наверное, машиной и шофером.

— Но он говорил, что у него скромный доход.

— Вполне вероятно. Но дело не в доходе! Для него все бесплатно. Дома он был бы клерком в каком-нибудь тоскливом учреждении и жил бы довольно скучно. Такие люди, как Генри и мой муж Уильям, которые вкусили Индии, ни за что на свете не согласятся ее покинуть. Эта страна дает им настоящий смысл жизни.

— Звучит довольно драматично.

— Джек, я реалистка. В Англии Уильям в лучшем случае дослужился бы до бухгалтера. Мне, наверное, тоже пришлось бы трудиться в каком-нибудь магазине или мастерской. Наша дочь Дженнифер оставила бы школу и пошла бы работать к модистке или цветочнице. Она познакомилась бы с приятным молодым человеком — можно не сомневаться, тоже клерком, только из другого департамента, — и весь круг повторился бы заново. — Она взволнованно коснулась его руки. — Не поймите меня неверно, в этом нет ничего плохого. Но Уильям осмелился мечтать. — В голосе тети Агаты звучало ликование.

Джек улыбнулся. Она ему действительно нравилась.

— Он привез меня в Индию, и теперь я не могу представить себя ни в каком другом месте. Наша жизнь здесь чудесна, а Дженнифер обручена с прекрасным молодым офицером.

Джек начинал понимать, что имел в виду Генри, когда говорил о своем отношении к Индии.

— Прямо как в сказке.

— Только на самом деле. — Тетя Агата улыбнулась. — Но знаете, Джек, большинству людей, живущих и работающих здесь, присуще обостренное чувство долга. Мой муж, например, искренне верит в величие нашей империи и считает своим долгом посвятить жизнь британскому правлению в Индии. Многие из тех, кто путешествует первым классом, смотрят на это точно так же. Такие люди часто посылают своих детей, родившихся в Индии, учиться домой, в Англию. Те проводят там несколько лет, не видя родителей, а потом их забирают из этих блестящих школ. Они возвращаются в Индию и все годы учебы ждут не дождутся этого дня. Так же и дочери. Вы слышали шутки о рыболовном флоте?

— Слышал, но не совсем понял.

— В Индии много свободных приличных мужчин. Английские старые девы едут сюда пачками, желая развлечься и найти мужа с перспективами. Отсюда и пошло это название — «рыболовный флот». Да, они ловят мужей. Юную Евгению тоже можно было бы в этом обвинить. Ведь она родилась в Индии. Как и у большинства подобных людей, эта страна у нее в крови.

Джек обратил внимание на многозначительность ее взгляда, поднял руки и заявил:

— Я не ищу жену, тетя Агата.

— Так и она говорит. Но не беспокойтесь, я не стану ни о чем спрашивать... как бы мне этого ни хотелось, Джек.

Признательный ей за такт, он наклонился, поцеловал женщину в щеку и сказал:

— Благодарю вас.

Она осмотрелась, подмигнула и заявила:

— Легка на помине.

Показалась Евгения в тонком летнем одеянии, в новом топи, неустойчиво сидевшем у нее на голове, без какого-либо макияжа, как

он с удовольствием отметил.

— Зачем вы это купили? — Джек тихонько постучал костяшками пальцев по ее новому шлему. — У вас же наверняка остался купленный во время первого путешествия?

— Конечно, хотя он долго был мне слишком велик, потому что тогда мне было только три года. Со временем шлем стал мне подходить. Но вы кое-что увидите, когда отправитесь домой. Как только судно покинет Порт-Саид и войдет в Средиземное море, все на борту начнут кидать свои топи в море. Это обычай.

— Неужели? — засмеялся Джек.

— Да. Это символ того, что Мать Индия осталась позади.

— Что за люди!.. — покачал головой Джек. — Покидая Лондон, вы рыдаете, а потом называете Индию матерью.

— Джентри^[8] рассматривают Индию как продолжение их собственного дома, то есть Британии, — с нарочито-аристократичными интонациями произнесла она.

Все засмеялись.

— Ну, мои дорогие, думаю, мне пора прилечь перед обедом. — Тетя Агата собралась уходить. — Вы пообедаете с нами, Джек?

— Благодарю вас. Могу я привести Генри?

— Разумеется, — сказала тетя Агата, уходя. — Увидимся позже. Евгения, не сгори.

Та повернулась к Джеку и спросила:

— Разве обязательно, чтобы этот вечно подергивающийся тип обедал с нами? Он действует на меня раздражающе.

— Генри вздрагивает, потому что восхищается вашей красотой.

— Правда? — воскликнула она, моментально устыдившись. — Но ведь он даже не смотрит в мою сторону.

— Это потому, что он вами восхищается.

— А вот вы, между прочим, смотрите всегда прямо в глаза!

— Потому что мы с вами друзья.

— Мы могли бы быть большим...

Он утомленно посмотрел на нее и сказал:

— Поверьте мне, не прошло бы и нескольких месяцев, даже недель, как вы уже плакали бы из-за меня.

— Но почему?

— Евгения, пожалуй, будет лучше не...

— Не говорите! Простите меня. Я не буду больше вас дразнить. Начну болтать с мистером Берри, мы с вами станем танцевать каждый вечер, а в Бомбее я вас отпущу. Обещаю. Не покидайте нас и не переставайте быть моим другом.

— Хорошо, благодарю вас, но я соглашаюсь только потому, что мне было бы жаль расстаться с тетей Агатой.

— Я, кажется, ненавижу вас, Джек Брайант.

— Рано или поздно все приходят к этому заключению.

Он сказал это ради шутки, но задумался, не слишком ли много в ней правды.

* * *

На плавание по каналу ушел целый день, большую часть которого Джек провел на палубе, в топи, щурясь в ярком солнечном свете и наблюдая за детьми, которые носились по берегу канала и кричали что-то пассажирам. Некоторые путешественники бросали им мелкие монеты. В городе Исмаилия, примерно на середине пути, судно окружила целая флотилия лодок, которая преследовала корабль. Здесь продавалось все — от башмаков до обезьянок.

Город Суэц оказался для Джека чем-то вроде нижней точки кривой. Сам не зная почему, он думал, что это место должно быть особенным, а увидел скучный городишко, лишенный каких-либо развлечений. Сходить на берег было почти незачем, разве что ради прогулки верхом на осле.

За пару дней плавания в Красном море Джек по-настоящему ощутил, что оказался в месте с совсем иным климатом. Отдаленные берега выглядели иссушенными, покрытыми коричневой пылью. В течение дня становилось невыносимо жарко, даже морской бриз оказался таким теплым, что его трудно было выносить. Джек задавался вопросом, не могут ли люди от жары сойти с ума.

На первый взгляд это казалось невозможным, однако после Адена температура решительно пошла вверх. День за днем стояла беспощадная жара, вынуждающая пассажиров спать на палубе. Даже при паре вентиляторов, работающих на потолке двухместной каюты,

Джек и Генри изнемогали от зноя. Берри уверял, что температура в их каюте достигала 38 градусов.

— Отныне, старина, мы будем по ночам спать на палубе, — сообщил Генри неделю спустя.

Матросы, растянув парусину, устроили своего рода разделитель, чтобы дать леди возможность уединиться. Мужчины теперь носили шорты. Джеку это казалось забавным, но он отчаянно жалел, что не прихватил их с собой.

Все было странным, незнакомым. Море вокруг тоже изменилось, даже ночное небо выглядело иначе, а по мере приближения к Индийскому континенту ветер все чаще доносил волны острых ароматов, служивших дополнительным подтверждением того, что Джек и так уже почувствовал: прежняя жизнь осталась позади.

* * *

Наконец настал день прибытия в Бомбей. Среди пассажиров царило радостное возбуждение, но Джек не спешил сходить на берег. Все эти четыре недели «Налдера» была добра с ним, и он почувствовал в ней друга. Честно говоря, уже во время экскурсий, в Мальте или Порт-Саиде, после дня, проведенного на берегу, Брайант чувствовал себя как дома каждый раз, когда приходила пора подниматься по трапу, возвращаясь на корабль.

Джек уже попрощался с тетей Агатой и двумя ее подопечными девицами. Он не хотел сцен со слезами, а что-то подсказывало ему, что Евгения легко не сдастся. Джек и в самом деле не испытывал к ней романтических чувств. Брайант не признавался себе в этом, но он никогда и ни к кому не ощущал ничего похожего на то, что наполняло его родителей. Джек считал, что это была настоящая любовь, и хотел ее почувствовать.

Ему показалось, что Генри и Евгения могут прийти к этому, если не упустят возможность, и потому Брайант шепнул девушке:

— Не позволяйте Генри уйти. Он поклоняется вам, а такое отношение не купишь.

Теперь Джек с нетерпением ждал, когда корабль войдет в естественную гавань Бомбея с тремя закрытыми доками,

пристроенными, со слов Генри, британцами. С верхней палубы бомбейский причал представлялся мешаниной цветов и звуков. Люди, работающие в доках, обменивались гортанными криками. Волы, запряженные в повозки, набитые чемоданами и всем прочим, ревели, таща свой нелегкий груз. Темнокожие люди носились взад и вперед. Их бешеная активность будто бы не имела ни начала, ни конца. Мужчины со светлой кожей отдавали приказания. Началась погрузка и разгрузка «Налдеры».

Разумеется, это было не единственное судно в порту. Джек увидел еще несколько кораблей, выстроившихся в доках и требующих внимания целой армии тружеников. Те суетились, как муравьи, занимаясь своим делом.

Джек почувствовал запах готовящейся еды, но не мог угадать, что это. Во время путешествия он познакомился с приправами ярких цветов и со странными названиями, от куркумы до тамаринда. Последний он даже решился попробовать, слегка поморщившись при виде черной пасты, похожей на деготь или кашу из фиников. Взяв чуточку, Джек принялся жевать эту массу, но был вынужден остановиться, такой вкусовой взрыв произошел у него во рту. Он с удивлением узнал, что тамаринд является компонентом вустерского соуса, которым британцы приправляют блюда, например уэльские гренки с сыром, или даже добавляют в напитки вроде «Кровавой Мэри». Редко на каком столике «Налдеры» недоставало бутылочки «Ли энд Перринз»^[9].

Пахло также и людьми, причем даже сильнее, чем рыбой и разнообразной продукцией, приготовленной из нее, хотя именно этот аромат пронизывает все в любом порту отсюда до Лондона. Сразу за доками начинался город с беспорядочно выстроенными домами и улицами. Вдоль эспланады тянулись газовые фонари, вдалеке виднелись элегантные викторианские здания и большие белые Дома с верандами.

Генри бубнил в ухо Джека:

— Всего десять лет назад у нас появились первые электрические трамваи. Мне сказали, что следующими станут автобусы. А там и до автомобилей недалеко. Город пухнет, как на дрожжах. Это торговый центр всего континента, поэтому количество железных дорог тоже растет не по дням, а по часам, и все пути сходятся в Бомбее.

Откуда-то донеслась волна нестройной музыки. Странные звуки незнакомых инструментов влились в какофонию визжащих осей, ревущих волов и орущих моряков. Гибкие смуглые люди легко управлялись с канатами, будто ловкие насекомые, опутывали ими контейнеры. Взгляд Джека привлекли пассажиры. Толпа приезжих непрерывным потоком стекала по трапу. Сойдя на берег, они вносили внезапную ноту бледности в насыщенную, наводящую на мысль о драгоценностях цветовую гамму, которой индусы, по-видимому, отдавали предпочтение.

— Захватывающее зрелище, правда?

Пораженный Джек покачал головой и согласился:

— Ты прав. Это так необыкновенно, что даже немного пугает. Я никогда не видел ничего подобного.

— Первый раз все это чувствуют. Со мной было точно так же. Однако привыкаешь довольно быстро. Странное дело, вскоре все уже кажется привычным и даже домашним. — На его лице появилась добрая улыбка. — Я уже интересовался, но все-таки какие у тебя планы, старина?

— По-прежнему сам не знаю, — пожал плечами Джек. — Всем, кто в этом заинтересован, я намерен сообщить, что не поеду в Австралию, как бы мне ни хотелось побыть еще на корабле.

Генри от восторга хлопнул в ладоши и заявил:

— Молодец парень! Ты не пожалеешь. Но что теперь?

— Ты меня заманил, Генри. Думаю, я последую твоему совету и направлюсь на золотые прииски Ко... — Он замялся, забыв, как правильно произносится название.

— Колара, — подсказал Берри. — В таком случае тебе сначала надо в Бангалор.

— Отлично. Представления не имею, где это.

— На юге. Благодаря старому доброму британскому индустриальному волшебству теперь ты можешь добраться туда на паровозе.

— Замечательно. — Это слово Джеку сразу пришлось по сердцу.

— Более того, мы можем поехать вместе. Такой вариант тебе подходит?

— В самом деле? — На Джека накатила волна облегчения.

Генри заулыбался. От волнения правое плечо у него часто-часто подергивалось. Он протянул Джеку лист бумаги.

— Я получил приказ прибыть в Бангалор.

— Назначение?

— Нет, не то, которого я ждал. Просто непродолжительный визит для подготовки очередного доклада о состоянии горных станций^[10] на юге. Но это значит, что я могу сопровождать тебя до самого Бангалора, возможно, даже устроить тебе пару собеседований с работодателями на шахтах.

— Генри... у меня нет слов.

— Пустяки. — Берри жестом указал на берег. — Добро пожаловать в Индию, старина.

* * *

Позже, в относительной прохладе бара на Марин-драйв, потягивая джин с тоником, к которому он приобрел вкус во время путешествия, Джек вспоминал долгий день гуляния по городу.

Кроме культурных достопримечательностей Генри с гордостью продемонстрировал Джеку все британские здания, начиная от первой бумагопрядильной фабрики и кончая медицинским колледжем, не пропустив, разумеется, свой любимый центральный вокзал, известный под названием Виктория Терминус.

— Это мне смутно напоминает Сент-Панкрас^[11] с его викторианской архитектурой и красным кирпичом, — произнес Джек, и Генри улыбнулся.

— Это оттого, что Викторию моделировали по образцу Сент-Панкраса. Никогда нельзя полностью уйти от Лондона, верно? Вокзал великолепен, не правда ли? Поразительное смешение величественной готики с элементами индийской архитектуры! Инженер, работая, взял за основу акварель, выполненную чертежником!

Город потряс Джека, и теперь, окидывая взглядом береговую линию в форме полумесяца — характерную приметку Аравийского моря, он понимал, почему англичане толпами устремляются в Бомбей.

Этот город подходит для любителей насыщенной социальной жизни, людского шума и деловой лихорадки, то есть не для Джека. В конечном итоге, Лондон был для него лишь пересадочным пунктом на пути к цели, а жить в столице он точно не хотел бы. Кипящий Бомбей при всем своем многоцветии тоже ему не подходил. Он надеялся, что в маленьком городке, расположенном в Золотых Полях Колара, найдет что-то более близкое к той простой жизни, к которой Брайант привык в Пендине. При этом Джек ощущал, как лоб у него покрывается бисеринами пота, и задавался вопросом, сумеет ли он вообще когда-нибудь приспособиться к жизни в Индии.

— В Бомбее мы можем наслаждаться роскошью моря. Сейчас не жаркий сезон. В мае зной бывает невыносимым, а в июне приходит муссон, и тогда дождь идет часто. Говоря «дождь», Джек, я имею в виду настоящий ливень, но он короткий и отнюдь не кажется лишним. Там же, куда ты направляешься, климат умеренный. Бангалор расположен на большой высоте и обдувается прохладными бризами.

— Жду не дождусь, когда окажусь там.

— Тебе понравится в Бангалоре. Утром я разузнаю насчет билетов на поезд. Возможно, нам удастся попасть на вечерний.

Они подняли стаканы и в унисон воскликнули:

— За удачу!

Апрель 1920 года

В Бангалор Нед отправился один. В первый раз после того, как их семья покинула Англию, рядом с ним не было Беллы. Сестра и Милли Гренфелл мгновенно пришлись друг другу по душе, и вскоре эта дама стала для Беллы кем-то вроде любимой тетушки. Нед радовался, что в жизни Беллы опять появилась женщина, исполняющая роль матери. Прежде он провел много бессонных ночей, думая о том, как сумеет в одиночку воспитать девочку.

Воспоминание о смерти матери, конечно, присутствовало, напомидало никогда не уходящее облако печали, однако Гренфеллы сумели вернуть в юные жизни Синклеров чувство спокойствия. Доктор жил в большом старом доме, расположенном в границах района, известного в Мадрасе как Белый город. Это было первое безопасное место, в котором Белле довелось оказаться с тех пор, как пятью месяцами ранее Синклеры сели на корабль, чтобы отправиться в Рангун. Нед был уже достаточно взрослым, чтобы понять, что в представлении Беллы этот период равняется целой жизни. Также он не мог не осознавать, что огромная спальня с большими окнами, прикрытыми ставнями, красивая постель с чистым белым бельем, регулярная еда, большой сад для игр и слуги, выполняющие всю домашнюю работу, — все это вместе было для нее более чем привлекательным.

У Неда не было никаких причин думать, что Белла станет возражать, если он решит отправиться в Бангалор. Если на то пошло, Нед был практически уверен в том, что его отбытие пройдет для нее незаметно. Гренфеллы вели полную, активную и насыщенную удовольствиями жизнь, но им не хватало кого-нибудь, на кого можно было бы расточать любовь. Белла с легкостью приняла эту роль желанного ребенка, и Нед увидел, как за несколько недель, протекших с того дня, как они вошли в дом Гренфеллов, сестренка полностью приспособилась к новому существованию. Ее невозможно было вырвать из любящих объятий Милли, да в этом и не было нужды, как сказал он обеспокоенному доктору Гренфеллу, когда начал всерьез заговаривать о необходимости двигаться дальше.

— Здесь она в безопасности и счастлива, — заверил он доктора, когда тот наконец спросил Неда, не чувствует ли тот необходимость оставить Беллу у них. — Мне страшно не хотелось бы опять нарушать порядок ее жизни, если только вы оба не возражаете, чтобы она пожила у вас. На самом деле это мне следовало бы обращаться с просьбой к вам и миссис Гренфелл, а не наоборот.

— «Не возражаете»? — с мягкой иронией повторил Гренфелл. — Мы вне себя от счастья, что она появилась в нашей жизни. К тебе это тоже относится, Нед. Мы полюбили вас обоих. Тебе обязательно надо уезжать?

— Я должен разыскать доктора Уокера. Я обещал Робби, что найду его.

— Конечно. Я понимаю тебя и рад, что ты уважаешь желание друга. Но ты возвратишься в Мадрас?

— Планирую. Но извините ли вы меня, если я скажу, что предпочел бы не связывать себя обещанием? Это неблагодарность с моей стороны, да?

— Разве что чуть-чуть, если не обращать внимания на контекст, — улыбнулся Гренфелл. — Я знаю, что у тебя беспокойная душа. Думаю, после всего, что с вами случилось, тебе надо разобраться в себе. Надеюсь, путешествие в этом поможет. Ты ведь теперь мужчина. Я покинул дом в семнадцать лет. Вспоминая об этом сейчас, я могу лишь качать головой — так это расстроило моих родителей, в особенности бедную мать. Кажется, семнадцать — очень мало. Однако это, конечно, не так. Тебе необходимо найти свою дорогу в жизни. Мы с Милли все понимаем. Но, думаю, важно, чтобы ты знал: здесь ты всегда будешь дома.

— Не знаю, как благодарить вас за вашу доброту. Одежда, содержание — вы с нами так щедры. Конечно, я стану высылать деньги на Беллу, как только...

— Что за вздор! Белла ни в чем не будет нуждаться. А теперь послушай меня, Эдвард. Мы хотим, чтобы ты принял вот это. — Взяв со стола конверт, он протянул его Неду.

Тот понял, что конверт набит рупиями, моментально застыл и промямлил:

— Я не могу взять...

— Можешь и возьмешь. Этот вопрос не обсуждается, молодой человек. Мы с женой подумали и решили, что если придется тебя отпускать, то нужно, чтобы ты имел достаточно средств на дорогу и непредвиденные расходы.

— Я не могу, — покачал головой Нед. — Вы уже так много сделали. То, что Белла будет в безопасности, значит для меня все. Я пробуюсь сам.

— Тогда пусть это будет долг. И хватит об этом. Заплатишь, когда сможешь. Но нам надо обсудить вопросы более важные, чем деньги. — Он вручил Неду сложенный листок бумаги. — Думаю, тебе понадобится это.

— Адрес доктора Уокера?

— Да, тот самый, который ты назвал. Он и вправду живет в Центральном Бангалоре.

— Похоже, мне остается только благодарить вас. — Глаза Неда просияли.

Гренфелл поднял руку, останавливая его, улыбнулся, пресекая неминуемый поток протестов, и сказал:

— Есть еще кое-что. Думаю, настала пора признаться. Я связался с доктором Уокером.

— Что?

— Надеюсь, ты не обидишься. Я написал ему, и он мне ответил. Я не стал рассказывать ему о Робби. Думаю, это лучше сделать тебе. Но я сообщил ему, что ты его ищешь. Я намеренно обрисовал все в самых общих чертах.

— Так, значит, он меня ждет?

— Еще как. Не только ждет, но и обещал, что поможет тебе найти работу, устроиться... Если ты захочешь. Здесь многие делают себе состояние, молодой человек.

— Что ж, я больше не рвусь из Индии, — улыбнулся Нед. — Мои Родители похоронены в этой земле, сестра счастлива. Пожалуй, стоит попытаться стать чем-то здесь, где так много работы... Не то что дома, в Англии.

— Вот и прекрасно. Итак, молодой человек, пожалуй, стоит сообщить о нашем решении дамам? А потом, думаю, следует сразу же заказать тебе билет в купе первого класса до Бангалора.

* * *

После того как вагон, казалось, бесчисленное число раз отцепляли и заново прицепляли и нескончаемых ожиданий в неведомых захолустьях, Нед в конце концов оказался на платформе в Бангалоре. Во время путешествия декорации практически не менялись: пыль, иссохшая коричневая земля. Это зрелище дополнялось лишь вспышками света на переездах со шлагбаумами. Люди, экипажи, тяжело нагруженные поклажей повозки, запряженные волами, размахивающие руками дети ждали, пока паровоз с вереницей вагонов пропыхтит мимо. Один раз, желая сориентироваться, Нед опустил окно и наполовину высунулся наружу. В глаза ему бросилась картина, от которой он испытал почти шок. Группа мужчин в обтрепанной одежде ехала на крыше вагона.

Была вторая половина дня, наступал вечер, и вокзал Бангалора кишел людьми, среди которых то и дело попадались солдаты и офицеры. Нед еще раньше узнал, что Бангалор, по сути, представляет собой военную базу, однако в данном случае военные превратили город в элегантный, удобный центр развлечений и удовольствий, которым он теперь являлся. Сами британские военные, их жены, семьи и огромный аппарат государственной службы, разросшийся за годы расцвета британского правления, вели завидный образ жизни в городе, охлаждаемом, благодаря высокогорному положению, прохладными вечерними бризами. Именно Бангалор стал первым в Индии городом, в котором провели электричество, а это означало такое облегчение быта, о котором на прочих частях континента не могли и помыслить.

Рангун удивлял его во многих отношениях, но Нед не имел возможности оценить это так, как в Мадрасе. Благодаря времени, проведенному с Гренфеллами, теперь он был готов к толпам, нищим, беспорядочному движению, шуму, грязи и непонятным явлениям почти на каждом углу.

Теперь, на вокзале, продираясь сквозь толпу, домогающуюся подачки, он, как уж мог, старался не обращать внимания на слепых, безногих и тому подобных бедолаг. Некоторые из них были искалечены так ужасно, что на них больно было смотреть. Опыт научил Неда, что стоит один раз сунуть руку в карман и достать хотя

бы пару монет, чтобы подать нуждающемуся, как он тут же станет объектом осады со стороны других, исполненных решимости завоевать его благосклонность. Но ему бросилась в глаза совсем молоденькая девушка, почти девочка, слишком юная, чтобы быть матерью. Прислонившись к колонне, она одной рукой прижимала к груди младенца, другую, со сложенной в чашечку ладонью, протянула вперед, прося подаяния и не поднимая глаз. Но больше всего внимание юноши привлек жизнерадостный щенок. Он вертелся вокруг, прыгал, обнюхивая прохожих, и это зрелище побудило Неда к действию. Сунув руку во внутренний карман, где лежали несколько медных монет, заранее предусмотрительно заготовленных на такой случай, он аккуратно вложил девушке в руку деньги, составляющие рупию. Нед знал, что для нее это небольшое состояние.

Используя одну из немногих фраз, усвоенных от доктора Гренфелла, который редко проходил мимо бедных, не подав милостыни, он прошептал на тамильском «поешь», надеясь, что она поймет.

Так, наверное, и вышло, поскольку девушка прижала руку с монетами к сердцу и забормотала что-то, по-прежнему не поднимая глаз. Когда ее ладонь вновь раскрылась, денег в ней уже не было. Нед улыбнулся. Как ни молода она и в каком бы отчаянном положении ни находилась, ей хватило ума спрятать деньги от других, таких же голодных и несчастных.

Он продолжил путь, стараясь не реагировать на призывы нищих, которые разве что не трясли его. Приблизившись к выходу из здания вокзала, Синклер рискнул обернуться и увидел, что юная мать исчезла. Когда Нед вышел на главную улицу, его тут же обдало узнаваемым ароматом поджариваемого арахиса, и это напомнило ему о голоде. Он испытывал сильное искушение купить фунтик, но желудок у него еще не совсем привык к острой пище. Поэтому Нед решил не рисковать и пока не покупать еду у уличных торговцев. Со времени отъезда из Шотландии он уже потерял стоун^[12], и одежда на нем висела. Нед отрицательно покачал головой и в ответ на призывы молодого человека, который стоял у дороги, ножом зловещего вида резал гуайяву и ловко, как фокусник, обмакивал ее в соль и молотый чили. Из рта у Неда еще текли слюнки, когда он жестом подозвал из толпы возниц одного и, прижимая к животу кожаную сумку, подаренную ему

Гренфеллом, дал жилистому старику рикше адрес доктора, который проживал неподалеку, на Шешадри-роуд.

Пошатнувшись от напряжения и громким криком предупредив, что начинает движение, рикша стронул повозку с места. Неду было несколько не по себе из-за того, что его тащит человек, по возрасту годящийся ему в дедушки. Стараясь отделаться от этого чувства, Синклер откинулся под балдахином и предоставил волне первых впечатлений о городе-саде Бангалоре беспрепятственно омыwać себя.

Доктор Уокер оказался именно таким приветливым и обаятельным, каким его рисовал Робби. Копна отливающих металлом седых волос и глубокий низкий голос придавали всему его облику нечто особенное, в глазах Неда — идеально ему подходящее. Юношу провели в просторный беленый дом, расположенный на бульваре, обрамленном рядами деревьев. Жена Уокера пригласила Неда в гостиную, которая могла бы показаться сумрачной, если бы не три высоких арочных окна, служивших главным ее украшением.

Обязательные вентиляторы на потолке медленно вращались, в комнате приятно пахло цветами и табаком, пряностями и духами, воском и полированным деревом. От ровного тиканья величественных каминных часов Неду сразу стало спокойно, а цветочная ткань, которой были обиты диваны, и изношенный ковер под ногами, казалось, знакомы ему давно.

— Это Флора, — представил доктор супругу и просиял.

Пухлая смуглая женщина поднялась, широко улыбаясь. Нед не отличался особенно высоким ростом, но ее волосы, убранные в узел, пронизанные там и сям серебристыми нитями, все равно маячили где-то внизу. Синклеру показалось, что Флоре под шестьдесят, но благодаря приятной полноте и отсутствию морщин ей можно было дать и гораздо меньше.

— Рада вас видеть, Эдвард, — произнесла она на идеальном английском с легким индийским акцентом. — Вы, наверное, очень устали после долгого путешествия. — Женщина кивнула слуге, ожидающему приказаний, и тот протянул гостю поднос с крошечным стаканчиком. — Шерри?

Очарованный теплой улыбкой Флоры и искренней озабоченностью, прозвучавшей в ее голосе, Нед взял женщину за руку, наклонился и поцеловал в щеку.

— Огромное спасибо за добрые слова.

— Прошу, садитесь. — Она указала на широкую, прочную на вид софу с горой подушек, в которые он и погрузился.

— Выпей-ка, — сказал Уокер. — Вид у тебя такой, что глоток, думаю, не помешает.

Нед улыбнулся, провозгласил тост за хозяев и чокнулся с ними. Он мысленно ущипнул себя, чтобы удостовериться, что не спит, действительно находится в Индии, а не в каком-нибудь оригинальном салоне в Англии.

— Молодому человеку нравится, чтобы его называли Недом, дорогая, — сообщил Уокер.

— Пусть будет Нед, — согласилась Флора. — Но у тебя совершенно истощенный вид, дитя мое. Ты голоден?

— Не то слово, — признался он.

Тут Флора моментально и без усилий переключилась на одно из местных наречий.

Давая инструкции слуге, она бросила взгляд в сторону Неда.

— Сейчас я позабочусь об ужине. В этом доме никто не голодает, Нед, — сказала она, мягко и выразительно посмотрев на мужа. — Хватит пока шерри, Гарольд. Сначала мальчику надо наполнить желудок. Прошу прощения. — Женщина что-то сказала на тамильском высокому слуге, тот открыл ей дверь, и она исчезла.

При виде удивления, отобразившегося на лице Неда, Уокер рассмеялся, сделал последний глоток шерри и сказал:

— Мы женаты почти тридцать лет, и все это время она неустанно воспитывает меня, как, впрочем, и всех остальных. Не говори потом, что я тебя не предостерег.

— Буду считать себя предупрежденным, доктор Уокер.

Нед осмотрелся. Его внимание привлекли тяжелые деревянные панели и темная мебель в том же стиле. На полах насыщенного коричневого цвета лежали красивые, благородно потертые ковры. Три высоких окна выходили в чудесный сад. С улицы, подходя к дому по короткой тропинке, он его не заметил. Высокие английские деревья соседствовали там с экзотическими растениями, названий которых Нед не знал.

Комнату усеивали фотокарточки в рамках, они занимали любую плоскую поверхность, включая стены. Со своего места Синклер видел, что это по большей части групповые семейные снимки членов семьи Уокер на различных этапах их жизни. Со всех без исключения фотографий смотрели жизнерадостные и веселые лица. Нед даже позавидовал им.

Уокер стоял у большого дубового буфета и наливал себе очередную крохотную порцию шерри.

— Так, значит, ты уже в Индии... с каких пор? — поинтересовался он, поворачиваясь и предлагая стаканчик Неду.

Тот отрицательно покачал головой. После предупреждения миссис Уокер Нед не осмеливался пить.

— Все началось с Рангуна. Там я познакомился с Робби, а доктор Гренфелл и его жена взяли нас с сестрой к себе, когда мы прибыли в Индию. Это было около шести недель назад. Наверное, доктор Гренфелл описал вам нашу ситуацию.

— Да. Мы с большой печалью узнали о ваших утратах. Найти подходящие слова так...

— Их нет, доктор Уокер. Это был шок, и сейчас мы приспособливаемся к новой жизни. Здесь, в Индии, стало легче.

— Наверное, так и должно быть.

Настал момент, о котором он думал с ужасом, но обойти эту тему было невозможно.

— Вообще-то, я чувствую себя виноватым. Решение оставить сестру у этих людей далось мне нелегко. Но я знаю, что там ей хорошо, у нее стабильная жизнь. В то же время я испытываю облегчение оттого, что больше не надо тревожиться за безопасность Беллы.

— Совершенно естественно, сынок, — отозвался Уокер.

Нед нуждался в таком заверении.

— Доктор Уокер, есть особая причина, по которой я приехал в Бангалор в поисках вас. — Он глубоко вдохнул. — Я дал обещание Робби, что сделаю это.

— Прежде чем ты продолжишь Нед, позволь сказать, что ты, наверное, не принес мне добрых вестей об этом чудесном мальчике. Гренфелл был немногословен, но я читал между строк. Да и сам простой факт, что ты здесь, а Робби нет, подтверждает мои самые худшие подозрения.

Нед возненавидел сам себя за очередной прилив облегчения.

— Он умер на корабле, по пути в Индию. От холеры. Я до сих пор гадаю...

Он не закончил фразы, потому что появилась Флора и объявила, что ужин на столе.

— Еда не должна остыть, Гарольд, — предупредила она, погрозив мужу пальцем.

Уокер заговорщицки подмигнул Неду, по-дружески положил руку на его плечо и заявил:

— Пошли, старина. Будем тебя кормить и поить. Мне очень жаль, что Робби умер. Сказать по правде, мы очень мало его знали, но из того, что видели, поняли, что он очень милый мальчик, добрый, отчаянно желающий к кому-нибудь прибиться. Я ему и в самом деле говорил, что он может в любой момент приехать в Бангалор и жить у нас. Хорошо, что Робби ничего не забыл. Спасибо тебе, что приехал, проделал весь этот неблизкий путь, чтобы лично сообщить нам печальную новость.

На этом разговор закончился. Мягкие слова Уокера стали заключительной фразой в этой главе его жизни. Затем Неда провели в небольшую, но элегантно обставленную столовую с мебелью темного дерева и кружевной скатертью на столе. Там их ждала Флора с сияющей улыбкой на лице, которую тут же подхватили две служанки, готовые подавать ужин.

Нед с удовольствием предался приятному разговору и простой, сытной еде, которая выглядела как местная, но вкусом скорее походила на слегка перченного тушеного цыпленка.

— Мы не знали, насколько ты привычен к индийской пище, — объяснила Флора. — Поэтому служанка приготовила цыпленка, которым мы всегда потчуем гостей, только что прибывших из Англии. Надеюсь, ты не обидишься.

— Миссис Уокер, цыпленок великолепен. Я таких мог бы съесть сто штук.

— Ты уже начал немного привыкать к превосходной индийской кухне? — осведомился Уокер.

— Да, я люблю индийскую еду, — заулыбался Нед. — А откуда ваша семья, миссис Уокер?

— Папа — англичанин, но мама — местная девушка из Бомбея. Мы устроились здесь, а дальше просто — я познакомилась с Гарольдом и вышла за него замуж. У нас шестеро детей, сейчас все взрослые.

— Нашу младшую зовут Айрис. Вообще-то, она примерно твоего возраста и, пожалуй, самая избалованная из всех, — признался

Гарольд.

— Твоя любимица, — подхватила Флора, помогавшая айе переменять блюда.

— Не говори так, дорогая. Просто она младшая — моя маленькая принцесса! Что я могу сказать? Она чудо!

— Надеюсь с ней познакомиться, — улыбнулся Нед.

— Она сейчас в Ути, сынок, — объяснила Флора. — Преподает в приюте и пробудет там, наверное, до конца года.

— Жаль, — произнес Нед.

— Уверена, рано или поздно ты с ней познакомишься, хотя она пока мечтает о поездке в Англию. У Гарольда родственников немного, все живут в разных местах, но приезжают к нам в гости, так что, надеюсь, ты увидишься со всеми членами нашей семьи.

— Ты ведь не рвешься прочь из Бангалора? — Уокер покосился на парня.

— Я пока не решил, что буду делать.

— По словам Гренфелла, ты квалифицированный электрик.

— Это правда. Надеюсь, с моей профессией мне удастся найти работу в Мадрасе и...

— В Мадрасе? Нет, я имел в виду другое. Оставайся тут, сынок. Бангалор — центр всей здешней жизни. У нас высокий спрос на молодых мужчин с профессиональным образованием. Но послушайка, может, тебе стоит подумать о Золотых Полях Колара?

Нед задумался.

— Я никогда не слышал о таком месте.

— Золотые прииски в Коларе. Их называют Золотые Поля! Колар переживает самый настоящий бум, мой мальчик! Золото рекой течет из шахт. Следующее назначение я получил именно туда.

— В самом деле?

— Да, и я должен буду приступить к работе на новом месте к концу июня. Если хочешь, могу разузнать насчет тебя.

— Я должен учитывать интересы Беллы: что лучше для нее. — Нед колебался.

— Возьми ее с собой.

— Но она так счастлива в Мадрасе. — Складка на лбу Неда углубилась. — Мне даже немного грустно смотреть на то, какая из них троих получилась замечательная семья.

Флора Уокер наклонилась и прикоснулась к щеке Неда так, как это может сделать только мать. Синклеру на мгновение стало больно от осознания, что его собственной матери больше нет.

— Мой дорогой, как ты печален. Я понимаю, тебе хотелось бы, чтобы твоя сестричка жила неподалеку. Что ж, независимо от твоего решения в этом доме ждут вас обоих. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вам помочь.

Уокер раскуривал трубку, и вскоре комната наполнилась сладковатым ароматом табака.

— Думаю, прежде чем принимать какое-либо решение, тебе надо взглянуть на Золотые Поля, Нед. Кофе будет, дорогая?

Она ответила мужу нежным взглядом.

— Да, любовь моя.

— Все ваши дети работают на золотых приисках?

— Практически так, — ответил Уокер. — Мальчики заняты на шахтах, у каждого свое дело. Что касается дочерей, то Кристин на севере, она медсестра. Есть еще, само собой, Айрис, а наша средняя дочь Флоренс замужем за военным. Они часто переезжают, однако в сентябре должны вернуться на юг. Джеральдина — наша младшая. Когда придет время, она, наверное, выйдет замуж где-нибудь неподалеку. Мы надеемся, что все они устроятся в Бангалоре.

— Я очень за вас рад, — сказал Нед и сам уловил зависть в своем голосе.

— Нед!.. — начала Флора с необыкновенной нежностью в голосе.

Ему пришлось проглотить ком в горле и сжать волю в кулак, чтобы не позволить эмоциям взять над собой верх.

— За то короткое время, что мы знали Робби, он нас очаровал. Новость, которую ты принес, так печальна, что я едва могу говорить об этом чудесном мальчике. Вы, конечно же, быстро подружились. В этом ребенке было что-то особенное. Он словно бы обладал шестым чувством. Нет, Гарольд, это не из-за англо-индийского происхождения. Я действительно убеждена, что он избранник небес. Робби выбрал Неда и его сестру себе в друзья. — Теперь Флора смотрела на парня очень серьезно. — Добро пожаловать в этот дом, молодой человек, и в нашу жизнь. Я хочу, чтобы до тех пор, пока у тебя не появится новая собственная семья, ты был членом этой. Я вижу, что ты

высоконравственный человек. Нед, ты мне правишься, и я знаю, что все остальные члены нашей семьи будут относиться к тебе так же.

Ком в горле Неда увеличился в размерах вдвое, так что ему опять пришлось прокашляться, прежде чем удалось выдать из себя:

— Не знаю, что и сказать.

— Больше не надо ничего говорить. — Флора легко постучала маленькой ручкой по столу. — Ты должен оставаться у нас, пока не найдешь себе место, где сам захочешь жить независимо, или до тех пор, пока мы не уедем из Индии.

— Я действительно благодарен вам от всей души... — заикаясь, начал Нед, потрясенный добротой этих людей.

— Значит, договорились, — заключила Флора.

— Спасибо. — Нед улыбнулся мужу и жене. — Моей главной целью было добраться сюда и выполнить пожелание Робби о том, чтобы я встретился с вами. Он так на этом настаивал.

— Бедное дитя. — Флора покачала головой. — Надо благодарить судьбу за то, что ни ты, ни твоя сестра не заразились холерой.

— Хватит о печальном. — Гарольд выпустил дым уголком рта. — Итак, юноша, пора пойти в клуб и вывести тебя на бангалорскую сцену.

— В клуб?

— Выше нос, дружок. Нет, оставь это. Флора позаботится о том, чтобы со стола убрали. Пойдем и произведем фурор.

— Спасибо за все. — Нед подошел к Флоре и поцеловал ее в щеку.

— К тому времени, как вы вернетесь, твоя комната будет готова, — ответила она, прижимая его к себе. — Добро пожаловать в Бангалор.

* * *

Рикша высадил их неподалеку от величественного каменного одноэтажного здания, построенного в колониальном стиле и окруженного ухоженными газонами. На широких освещенных верандах расхаживали и сидели люди, по большей части мужчины. Они пили и негромко разговаривали, а индусы в белоснежных

накрахмаленных костюмах и роскошных красных тюрбанах суеились вокруг них, по первому требованию бросаясь исполнять любую прихоть.

Заплатив рикше, Гарольд провел Неда через ворота.

— Это излюбленное место времяпрепровождения англо-индийского сообщества, которое в этом городе очень велико. Уж кому и знать, как не мне. Я внес крупный вклад, целых шесть детей.

— Вы здесь познакомились с миссис Уокер?

— Именно. Я тогда служил в Ост-Индской компании, а она была такая хорошенькая и застенчивая. Сейчас не скажешь, правда?

Нед покачал головой, и они с доктором обменялись улыбками.

— Но она добрая женщина, и сейчас я люблю ее точно так же, как и тогда. Все наши дети пользовались услугами, предоставляемыми этим клубом. Я по-прежнему предпочитаю «Бангалор юнайтед сервисез», но он, на мой вкус, несколько консервативен, к тому же там не слишком жалуют детей. Здесь же двери всегда широко распахнуты для представителей англо-индийского сообщества, так что Флоре тут комфортно.

Неду казалось, что он попал в сказку.

— Я подходяще одет?

— Ты выглядишь прекрасно, сынок, — рассмеялся Уокер. — И одет достаточно хорошо даже для «Юнайтед сервисез»!

Поднявшись по ступеням, они оказались на прохладной веранде. Безмятежность атмосферы нарушалась лишь шуршанием потолочных вентиляторов да время от времени — взрывом смеха за каким-нибудь столиком.

— Давай присядем здесь. В клубе есть бильярдные столы, можно играть, если захочется, брать книги из великолепной библиотеки и читать в специальном зале, но надо, чтобы тебя привел член клуба. — (Вдалеке заиграла музыка.) — По выходным здесь балы и всякие развлечения. Людям твоего возраста есть где повеселиться. Айрис не упускала ни одной возможности нарядиться в вечерне платье.

— А там, где она сейчас, вечеринок не бывает?

— Это в горах, сынок. Там нет абсолютно ничего подобного. Поэтому-то она туда и отправилась. У этих брошенных детей нет почти ничего. Айрис повезла с собой несколько ящиков с игрушками и одеждой. Я рад, что она нашла свое призвание. Дочка всегда была

одаренной. Ей все удастся, и если она чего-то захочет, то обязательно добивается.

— А другие ваши дети?

— Все прекрасные люди, уважаемые граждане. — Он вздохнул. — Их мать страшно по ним скучает. Если ей дать волю, она собрала бы всех вместе под своим крылом, в одном большом доме. — Поднявшись, доктор похлопал Неда по плечу. — Пойду зарегистрирую нас. Закажи что-нибудь выпить. Для меня один скотч. Скажи им, пусть будет «Чивас»^[13].

— Я знаю, о чем вы, сэр. — От знакомого названия на Неда внезапно повеяло родиной.

По пути к выходу Уокер несколько раз останавливался на веранде и заговаривал с разными людьми.

Появившийся слуга негромко сказал:

— Добрый вечер, сэр.

Он поклонился, и Нед едва не ущипнул сам себя. Внезапно оказалось, что его национальность дает ему высокий статус. Этот человек, который гораздо старше его, ему кланяется! Припомнив хорошие манеры, Нед ответил официанту: «Добрый вечер» и заказал виски, а для себя шенди^[14]. Когда тот безмолвно исчез, юноша откинулся на спинку стула и, глядя на траву, погрузился в атмосферу этого вечера. Впервые за долгое время он чувствовал какое-то неясное счастье. Нед пообещал себе, что в этот же вечер напишет Белле.

Сидя за угловым столиком, он мог наслаждаться относительной тишиной, звуки слились для него в неясный приглушенный шум. Напротив, в отдалении, небольшая армия официантов тихонько накрывала столы, по-видимому для вечеринки. Кто-то включил граммофон, из него понеслись звуки популярной песенки «Для меня и моей красотки», но негромкая музыка никому не помешала. Официанты ловко скользили между гостей, убирая использованные бокалы и принося новые напитки. За соседним столиком двое мужчин тихо смеялись. Синклер пригляделся. Одному из них, по-видимому, было под тридцать, другой выглядел ровесником Неда. До него донеслись обрывки их беседы. Речь шла о путешествии из Лондона с целью начать новую жизнь в Индии. Это вселяло надежду. Очевидно, Нед — не единственный новичок в этой экзотической стране. Хорошо бы поскорее завести друзей своего возраста. Тогда Нед будет

чувствовать себя так же спокойно, как молодой человек, сидящий за соседним столиком. Он потягивает пиво и знай себе шутит с приятелем.

Синклер перестал прислушиваться и вздохнул. В какой-то момент своего путешествия он решил, что всерьез попытает счастья в Индии. Настало время по-настоящему задуматься о поиске работы. Мысль о том, что доктор Уокер обещал разузнать о возможностях трудоустройства на приисках, успокаивала Неда. В те краткие моменты, которые проводил с ним отец, он сумел убедить сына в том, что достижение финансовой независимости — важнейший шаг в жизни молодого человека. Время безответственности для Неда закончилось. Теперь он должен зарабатывать достаточно, чтобы посылать деньги в Мадрас на образование Беллы, оплачивать собственное содержание и жилье.

Уокер появился как раз в тот момент, когда подали напитки.

— Идеальная точность, — пошутил Нед, заметив, что именно в эту секунду приятели за соседним столиком встали.

— Приятного вечера, — произнес тот, что помоложе, кивая Уокеру и широко улыбаясь Неду.

— Благодарю. Я намерен выцедить этот напиток до последней капли.

Не успел Нед и слова сказать, как оба двинулись прочь. Он готов был пихнуть сам себя за нерасторопность, решив, что упустил хорошую возможность, когда эти двое растворились в толпе. Более молодой был выше, в его походке чувствовалась уверенность. Он небрежно откидывал назад гриву черных волос и походил на человека, довольного собой и окружением, даже будучи и сравнительно новым человеком в Бангалоре.

Уокер уселся и заявил:

— Ты зарегистрирован, молодой Синклер. За тебя! — С этими словами он поднял стакан.

В янтарной жидкости поблескивали искры.

— За тебя, старина.

Нед тоже поднял бокал. Его содержимое шипело и соблазнительно пускало пузырьки за замороженным стеклом.

— За вас, сэр... Спасибо еще раз.

Уокер кивком поблагодарил, а Нед исполнился решимости в следующий раз заказать настоящее пиво. Глядя на пустые кружки, оставшиеся на соседнем столике, он внезапно устыдился, что как ребенок заказывает шенди.

— Вы знаете этих двух джентльменов, доктор Уокер?

— Старший кажется мне смутно знакомым. Должно быть, я где-то видел его раньше.

— Готов поклясться, я слышал корнуэлльский акцент.

— Вполне вероятно. Здесь ты познакомишься с людьми, прибывшими со всех концов Британии.

Разговор перешел на работу и возможности, открывающиеся в Золотых Полях Колара. После пары бокалов Уокер предложил показать Неду клуб, называемый «Бауринг институт». Сначала они шли по прохладным коридорам. Уокер по пути сквозь арочные проемы показывал на тихие читальные залы. Потом, миновав еще несколько переходов поуже, они услышали звуки мужского смеха.

— Здесь бильярдная. Хочешь взглянуть?

— Почему бы и нет? — С этими словами Нед вступил в прокуренное, тускло освещенное помещение.

Множество слуг по всему помещению устанавливали на столах новые наборы шаров или разносили напитки. На противоположной стене был ряд окон, вдоль остальных выстроились сиденья для посетителей. Мужчины в закатанных по локоть рубашках пили, смеялись и делали ставки на зеленом сукне гигантских столов. Среди них Нед заметил двух своих недавних соседей. Играл только младший из них.

Нед подошел поближе. Молодой человек пристраивался, готовясь к удару, на первый взгляд невыполнимому. На кону была стопка монет.

— Флорины^[15], — тихонько произнес Нед, обращаясь к подошедшему Уокеру.

— Что тут скажешь? Валюта определенно не индийская. Целый фунт на удар? Да юноша с ума сошел!

— Или очень уверен в себе.

Они стали наблюдать, как тот готовится к удару. На Неда произвело впечатление, как молодой человек вначале замер, а вместо улыбки у него на лице появилось сосредоточенное выражение. Он плавно отвел назад правую руку — левая не шелохнется, — набрал в

грудь воздуха и затаил дыхание. Затем молниеносным движением ударил по белому шару, который с громким стуком врезался в черный, тот в свою очередь отлетел к дальнему краю стола, срикошетил и аккуратно упал в лузу. Зрители разразились аплодисментами, противники обменялись рукопожатием.

— В следующий раз я не стану так смело делать ставки, — заметил проигравший, пока победитель прятал в карман деньги.

Молодой человек энергично улыбнулся и вдруг, неожиданно для Неда, метнул на него дружелюбный взгляд и помахал рукой.

— Рад видеть тебя снова, — крикнул он. — Не желаешь испытать удачу?

— Я не умею играть, — признался Нед.

— Все равно попробуй, — ответил тот, подходя. — Добрый вечер еще раз, сэр, — произнес парень, пожимая руку Уокеру. — Я Джон Брайант. Люди зовут меня Джеком.

— Только с корабля?

— А что, так заметно?

— Вы недостаточно загорели. Я доктор Гарольд Уокер, а Эдвард Синклер — гость нашей семьи, — добавил он, кивая в сторону Неда.

— Я прибыл в Бомбей около месяца назад, а в Бангалоре всего лишь несколько дней, — сообщил Брайант, протягивая руку Неду. — Рад познакомиться, Синклер.

— Похоже, мы оба в этих краях недавно. Я несколько недель провел в Мадрасе, а в Бангалоре первый день. Кстати, меня зовут Нед.

— Это Генри Бери, — представил своего спутника Джек.

Мужчины обменялись рукопожатиями.

— Приятно познакомиться, доктор Уокер. Вы не работаете в «Леди Керзон хоспитал»?

Между доктором и Генри завязался разговор. Джек, поймав взгляд Неда, указал на стол для снукера.

— Ну что, рискнем?

— Если только тебя устраивает, что я совершенно не умею играть. Джек подал знак слуге натереть мелом кии.

— Ты из Корнуэлла? — спросил Нед.

— Да, и горжусь этим. Я тоже заметил у тебя легкий акцент.

— Надеюсь, шотландский, — с вызовом и в то же время с надеждой отозвался Нед.

— Такой он и есть?

— А если ты подумал — уэльский, то мой долг врезать тебе этим кием.

— Ну-ну, попробуй, — рассмеялся Джек.

— Я быстрый, — ухмыльнулся Нед.

— Сначала ударь по шару, а то еще заедешь себе в рот, — сказал Джек, явно получая удовольствие от этой словесной перепалки.

Так началась новая дружба. Джек был весьма общительным и уверенным в себе. У Неда поднялось настроение, потому что Брайант не только наставлял его в игре в снукер, но и укреплял в нем убеждение в том, что в Индии лежит будущее обоих.

Загнав последний черный шар в лузу, Джек подмигнул, отставил кий, расправил плечи и заявил:

— Ты мне уже задолжал больше двадцати фунтов. Но я не настаиваю.

— С тобой надо держать ухо востро, Джек. — Нед рассмеялся. — Ты, наверное, акула. В карты тоже играешь?

— У меня полный набор дурных привычек. Поэтому-то, наверное, я и очутился здесь, в колониях, — задумчиво проговорил он, возвращая кий на место. — Игра закончена, спасибо. — С этими словами он отошел от стола.

— Да и тебе спасибо за компанию. Очень хороший получился вечер. Послушай, ты всерьез думаешь отправиться на те золотые прииски?

— Я шахтер, Нед. Пора браться за работу. Тебе тоже следует воспользоваться предложением Уокера подыскать там место.

— Я думаю об этом.

— Не думай — действуй. В Коларе сейчас бум, и Генри клянется, что мужчина там может жить замечательно. Жалованье высокое!.. Он даже говорит, что можно ухитриться и устроиться на работу по договору, а это значит, что мне предоставят жилье.

— Повезло тебе.

— После всего того, что было, это для меня не лишнее.

Нед вопросительно посмотрел на Джека.

— Когда-нибудь я расскажу больше. Генри уже зевает. Поскольку я у него в гостях, мне неудобно его задерживать. Через день-другой он

уедет в Утакамунд, или Ути, как они это называют. Путь неблизкий, и Генри нужно отдохнуть перед дорогой.

— Может, встретимся когда-нибудь?

— Обязательно. Мы остановились в «Бангалор-клуб». Это недалеко отсюда. Давай ты придешь туда в пятницу и я покажу тебе Бангалор? Я уже здесь ориентируюсь. Это замечательный город. Если бы не жара, можно подумать, что находишься в Лондоне. Поразительные парки, просторные улицы.

— Я пока не видел ничего, кроме повозки рикши изнутри.

— Я прокачу тебя на джатке, — ухмыльнулся Джек.

— Что это такое?

— Повозка, запряженная лошадь. Гораздо быстрее рикши, хотя и не так удобно.

Оба заулыбались и пожали друг другу руки.

— Значит, до пятницы, — произнес Нед.

Подошли Уокер и Генри.

— Вперед, молодой Нед, — сказал доктор. — Миссис Уокер станет ворчать на меня, если я не приведу тебя домой достаточно рано, чтобы она могла пожелать тебе спокойной ночи. С тех пор как уехала Айрис, ей не над кем хлопотать. Я же не в счет.

— Приятно было познакомиться с вами обоими. — Генри рассмеялся. — Доброй ночи, Нед. Рад, что вы нашли общий язык. Теперь, когда я уеду, у Джека будет товарищ.

— Отлично. Мне это тоже подходит, потому что по выходным нас с миссис Уокер весь день не бывает дома. Спасибо, все получилось отлично. Кстати, мы уговариваем его остаться здесь, Брайант, так что покажите ему самые лучшие места в Бангалоре.

Джек заговорщицки постучал по переносице, так что все четверо рассмеялись, особенно Нед, потому что сегодня все в мире как будто начало становиться на свое место.

«Жизнь хороша», — думал он позже, когда Флора Уокер, нахлопотавшись, удалилась.

Нед лежал в просторной кровати, с колыхающимся пологом от москитов на четырех столбиках. Ножки кровати утопали в сосудах с водой, чтобы не подпускать насекомых, а в окна с распахнутыми ставнями плыл прохладный ночной ветерок. Его дыхание наполняло

комнату дивным ароматом цветка под названием «Королева ночи». Так объяснила Флора.

Это благоухание напомнило Неду ночь самоубийства матери, но он твердо решил, что никто не испортит его хорошего настроения и не развеет надежд.

— Гарольд говорил тебе о телефонном звонке сегодня утром? — спросила Флора.

— Спасибо, Сабу, — поблагодарил Нед мали^[16], который заменил его опустевшую фарфоровую чашку другой, со свежим горячим чаем.

Сидя на веранде, где Флора обожала завтракать, они пили ароматный напиток и любовались садом.

— Нет, он ничего не говорил.

— Ох, ну что за человек! — воскликнула Флора, и ее глаза потемнели от волнения. — Сабу, хозяин уже вышел на прогулку?

— Ненадолго, мадам.

Флора виновато взглянула на Неда.

— Ты, наверное, уже заметил, что Гарольд любит прогуляться по утрам. — Тут раздался хлопок входной двери. — А вот и он, уже вернулся.

Появился Уокер, на ходу возмущаясь усиливающимся движением на улицах Бангалора.

— Просто невозможно перейти дорогу — того и гляди, переедет джатка. Как будто одних рикш было недостаточно! Да еще и автомобили! Сегодня утром я насчитал не меньше десятка этих механических чудовищ! — бормотал он. — Как насчет чая, Сабу?

— Сейчас, сэр. — Мали бросился прочь, без сомнения, ставить на плиту новый чайник.

— Доброе утро, Нед, — поприветствовал гостя Гарольд.

— Доброе утро, сэр. Предвосхищая ваш вопрос, хочу сказать, что я спал как младенец. Мне кажется, я уже несколько лет не отдыхал так, как в последние три ночи.

— Это все прохладный бангалорский воздух, сынок. Еще одна причина остаться здесь. Хватит называть меня «сэр». Так ко мне обращается мой персонал.

Нед благодарно улыбнулся.

— Гарольд, расскажи ему о телефонном звонке, — с мягким упреком произнесла Флора.

— Я как раз собирался, мамочка.

— В таком случае поторопись! — воскликнула она.

Нед уже начал привыкать к певучей манере разговора, присущей Флоре, и к тому, как она прибавляла «па!» или «а!», если была эмоционально чем-то затронута.

Гарольд вздохнул и заговорил, обращаясь к Неду:

— Не знаю, радоваться тому, что у нас установлено это новомодное устройство, называемое телефоном, или, наоборот, огорчаться. Внезапно оказалось, что меня можно легко и быстро найти. Так или иначе, сегодня утром нам позвонили и спрашивали о тебе.

Нед поставил чашку на стол и спросил:

— Это был доктор Гренфелл? С Беллой все в порядке?

— Насколько мне известно, с ней все в полном порядке, сынок. Нет, это был не Гренфелл. Хотя тоже доктор. Его зовут Brent.

— Доктор Brent? — Неду внезапно стало нехорошо. — Из Рангуна?

— Именно, — с удовлетворением подтвердил Уокер. — Он, по-видимому, очень рад тому, что наконец-то попал на твой след. Brent сказал, что уже несколько месяцев тебя разыскивает.

— Нед, милый, ты так побледнел. — Флора тревожно нахмурилась.

Чувство благополучия, которое установилось у Неда за последнее время, внезапно испарилось. Он вспотел, в горле возник спазм, ему стало трудно дышать.

— Нед?! — повторила Флора и опустила на стол свою чашку. — Что с тобой, сынок?

Он собрался с мыслями и пробормотал, заикаясь:

— Э... гм... да... Простите. Просто упоминание имени Brentа вызвало много тяжелых воспоминаний.

— Конечно же!.. — Флора бросила огненный взгляд на мужа. — Извини. Это было так нечутко с нашей стороны.

— Это не ваша вина, миссис Уокер.

— Нет, моя. Пожалуйста, Нед, зови меня Флора. Зачем эти формальности?

Синклер, кажется, пробормотал какую-то благодарность, но в мыслях у него царил полный хаос.

— Что еще сказал доктор Brent? — спросил он, стараясь говорить как можно более обыкновенным тоном.

— Говорил, что едет в Бангалор и с нетерпением ждет встречи с тобой. Я так понял, он тебе что-то везет. Может быть, ваши вещи, которые хранились в отеле в Рангуне.

Нед припомнил историю, которую рассказал Уокерам. Она соответствовала позолоченной версии событий, изложенной им и Гренфеллам. Сейчас нельзя что-то менять.

— Да, наверное, — растерянно произнес он. — Я должен с ним встречаться?

— А разве ты этого не хочешь? — Лицо Уокера приняло изумленное выражение. — Мне показалось, будто Brent был искренне рад тому, что у тебя и сестры все так хорошо складывается.

— Он виделся с Гренфеллами? — Мысль об этом поразила парня.

— Да. Восхитился цветущим видом Беллы.

— Что еще он сказал? — Ледяные пальцы будто сжали Неда изнутри.

— Говорил, что находится в Бангалоре.

— Он здесь?

— Я пригласил его зайти. Что случилось, Нед? Что с тобой?

— Ничего, — поспешил разуверить доктора Синклер. — Просто разбередились воспоминания. — Молодой человек постарался дышать ровно, чтобы успокоиться. — В котором часу он должен прийти?

— Не с утра. Наверное, ближе к вечеру. Я сказал ему, что где-нибудь в районе шести он наверняка тебя застанет. Ты ведь сегодня днем собираешься на встречу с Брайантом?

Нед молча кивнул.

— К сожалению, не могу обещать, что мы с Флорой успеем вернуться к тому времени, когда он придет.

Теперь Нед вопросительно воззрился на Уокеров.

— Помнишь, у нас на сегодня запланирована поездка в Золотые Поля Колара, а туда и обратно путь неблизкий, — с тревогой в голосе объяснила Флора.

Это напоминание вернуло Синклера к реальности.

— Да, конечно. Не беспокойтесь, поезжайте. Я приму доктора Brenta, хотя у меня сегодня не очень много свободного времени. Джек пригласил меня на ужин в «Бангалор-клуб», — солгал он.

— Неплохо. — Эта новость явно произвела впечатление на доктора Уокера. — Тебе там понравится, Нед. Обязательно предложи

Бренту шерри, потом проводи его.

— Разумеется. Если позволите, пойду подготовлюсь к сегодняшнему путешествию по городу, — сказал он, изображая радость, которой больше не испытывал. — Я спущусь попрощаться.

* * *

Наверху, в своей просторной комнате, Нед постарался собрать разбегающиеся мысли. Брент выследил их. Но зачем? Для чего, ради какой цели его принесло из Рангуна в Индию?

Синклер снова ощутил себя одиноким. На этот раз у него нет союзников. Робби, при всей своей юности и хрупкости, был для него партнером по побегу. Именно он все задумал и спланировал. Теперь же, когда Нед окружен щедростью Уокеров, а Белла — огромной любовью Гренфеллов, они опять одиноки.

Синклер чувствовал, что не может рассказать ни одному из своих благодетелей правду о побеге. Все безобразные детали надо было изложить раньше, а теперь уже поздно.

— Да будет так, — заключил Нед.

Эти слова звучали убедительно, но внутреннего спокойствия ему не принесли. Желая охладить внезапно покрасневшие щеки, он ополоснул лицо и вытерся мягким полотенцем. Ему не с кем поделиться тревогой. Нет друга, с которым можно было бы обсудить положение.

Как раз в этот момент снизу донесся знакомый голос, спрашивающий Неда. У него все-таки есть союзник. Может быть, Джек Брайант сумеет подсказать ему, как лучше всего поступить.

Схватив пиджак, он бросился вниз по лестнице, при этом не забыв убрать с лица встревоженное выражение.

— Джек! Ты сегодня рано.

— Будет жаркий день, — отозвался тот.

Брайант стоял в прихожей. Рядом с ним, держа в руках топи гостя, ждал Сабу.

— Я подумал, может, лучше выйти пораньше?

— Мне подходит. — Нед пожал руку Джека. — Пойдем, познакомишься с Уокерами. Быстро попрощаемся и отправимся.

После представлений Синклер объяснил, что из-за погоды они решили выйти пораньше.

— Надень шлем, Нед, — напомнила Флора. — Надо, чтобы у тебя вошло в привычку носить его весь день. Мальчики, как вы ориентируетесь в городе?

— Я договорился с возницей джатки, он будет нашим гидом, — сообщил Джек.

— Надеюсь, не больше чем за пару рупий?

— Нет, сэр. Вообще-то, за пять.

— Пять? Грабеж.

— Он сказал, у него семья, — ответил Джек, искренне стараясь объяснить свою позицию.

— Мы вернемся после наступления темноты, сынок, — сказал Уокер.

— Я уже предупредила айю, что ужин вам не понадобится. Очень любезно с вашей стороны, мистер Брайант, пригласить Неда в «Бангалор-клуб». — Флора улыбнулась.

Джек бросил молниеносный взгляд в сторону Неда и практически не колебался с ответом:

— Я подумал, ему там понравится. Генри по моей просьбе уже зарегистрировал его.

— Отлично, — одобрил Уокер. — Что ж, веселитесь. Не забудь, Нед, про доктора Brenta. Он будет в шесть.

— Не забуду, сэр, — отозвался Нед, подталкивая Джека в сумрак холла, украшенного вазами с цветами, расставленными Флорой повсюду.

Сабу молча дожидался, пока господа выйдут.

Только когда они крайне неудобно устроились в задней части джатки, причем повозка столь угрожающе накренилась вперед, что в любую минуту, казалось, готова была опрокинуться, Джек заговорил с Недом:

— Объясни, что все это значит.

По причине, которую Нед не смог бы объяснить, он чувствовал, что Джеку можно доверить любой секрет, а потому все рассказал новому другу. Почему-то, когда он поделился своими горестями и тревогами с Джеком, у него на душе стало легче и страхи словно уменьшились.

Джек слушал внимательно. По мере продвижения повествования его лицо становилось серьезнее, а взгляд — мрачнее. Он оживился только тогда, когда Джек остановился — почти синхронно с джаткой.

— Парк Каббон, мастер, — сообщил через плечо возница.

Джек не шевельнулся, только пристально посмотрел на Синклера.

— Скажи что-нибудь. — Несмотря на мирный уличный шум, Нед внезапно ощутил тревогу.

— Давай выйдем, — Джек поставил ногу на мостовую. — Можете подождать здесь? — спросил он у возницы.

Тот покачал головой в особой индийской манере, что означало согласие.

— Пойдем-ка подышим свежим воздухом, — мрачно произнес Джек.

Нед последовал за ним. Миновав ворота парка, они свернули на тропинку и углубились в заросли.

Закурив, Джек бросил взгляд на Неда и заявил:

— У него что-то на уме.

— Ясное дело, он не за тем сюда приехал, чтобы спросить, как я поживаю. Как ты думаешь, что планирует этот тип?

Покачав головой, Джек глубоко затянулся сигаретой и ответил:

— Думаю, он станет тебе угрожать.

— Зачем ему это? Я ушел из его жизни.

— Не совсем. Ты вырвался из хватки, это верно, но в состоянии навредить ему издалека.

— Я не желаю иметь с ним ничего общего!

— Да, но он этого не знает, как и того, что ты никому ничего не рассказал о его развороте. Brent вполне может подозревать, что власти уже интересуются им и желают задать вопросы, на которые ему будет не так-то легко ответить.

— Так пусть узнает правду, — заключил Нед.

— Нет, исходя из того, что ты мне о нем рассказал, я склонен предположить, что он скорее предпримет активные шаги.

— Какие, к примеру?

— Он станет тебя пугать, это самое меньшее.

— Чем?

— Думай, Синклер! Чего ты больше всего боишься? Ему уже известно твое слабое место.

— Белл, — дыша гневом, признал Нед.

— Вот именно, ты боишься за Беллу. Это его козырная карта. Ему известно, где она живет, и он уже нанес визит семье в Мадрасе. Правильно?

Нед кивнул.

— Итак, предположим, он установил, что ты не рассказал им ничего о том, что произошло в Рангуне. Почему, кстати, ты этого не сделал?

— У меня не было доказательств. Робби погиб. Brent в Рангуне пользуется всеобщим уважением. Это было бы мое слово против его. К тому же, Джек, честно говоря, я был просто-напросто рад тому, что избавился от него. Я думал, мы навсегда от него отделались.

— Тебе обязательно надо с ним встретиться.

— Я не хочу даже видеть его...

— Нед, врагам надо смотреть в лицо так, чтобы заставить их отвести взгляд. Выясни, чего он хочет. Может, Brent приехал умолять тебя о молчании или купить его.

— Мне не нужны его деньги!

— Я знаю. Но сначала все равно выясни, каковы его намерения. Потом можно будет принять решение. Так или иначе, но ты должен встретиться с ним лицом к лицу... и быть непоколебимым.

— Меня от него тошнит. Когда я думаю о Робби...

— Не делай этого сейчас. Робби умер. Вспомни о твоей сестре и сосредоточься на том, как сделать так, чтобы Brent действительно сгинул для вас навеки.

— Ты прав, — вздохнул Нед.

— Почти как всегда.

— Ты чересчур самоуверен, Брайант.

— Слушай, у тебя впереди целый день на размышления. Чем впадать в хандру, лучше получи удовольствие! — засмеялся Джек.

Нед постарался последовать этому совету.

— Так где мы? Прекрасное место.

— Это парк Каббон. Он назван в честь одного из его основателей. Устроен британцами для британцев — небольшой кусочек дома в колонии. Здесь ты увидишь цветы, деревья, кустарники, все знакомые по родине. Просто невероятно. А теперь взгляни туда — церковь Святой Троицы. А вот эти два ориентира в каком-то смысле

обозначают территорию парка. Первый, вон там, — променада под названием Саус-Пэрейд, а дальше — озеро Ульсор. На его берегу британцы любят устраивать пикники. Кроме того, здесь есть молочные фермы, выращивают ячмень и пшеницу и в небольшом количестве виноград.

— В самом деле?

— Почему нет? — Джек состроил кривую гримасу. — Нам ведь нравится пить свежее молоко, есть наш хлеб, мы любим свое пиво. Даже офицеры слишком уважают европейское вино, чтобы терпеть местное. Ты хотел бы пить молоко козы или буйволицы?

— Парк кажется огромным. — Нед поморщил нос.

— Не меньше ста акров.

Они поприветствовали двух женщин средних лет с группой детей. Все были одеты в наряды пастельных тонов, а женщины держали зонтики — верный признак высокого статуса.

— Прямо как в Кью-Гарденз^[17].

Молодые люди стали рассказывать друг другу о себе, о своей жизни. Нед узнал, что Джек — шахтер, а тот — о том, как Синклер рос и воспитывался в Шотландии.

Внезапно Нед умолк, потом заметил:

— Чудесная музыка.

— Я вел тебя к эстраде. Сюда. — Они свернули на тропку, осененную кронами гигантских деревьев европейских видов. — Кажется, они репетируют. Это оркестр Королевских военно-воздушных сил. Они будут играть в субботу вечером. Посмотри, вот статуя королевы Виктории. А там мемориал короля Эдуарда Седьмого. — Он указал в другую сторону.

— Ах, — произнес Нед, улыбаясь, когда они вышли из зарослей на площадку. — Эстрада.

Брайант не ошибся: оркестр Королевских военно-воздушных сил репетировал. Не жалея сил, оркестранты дули в трубы, выдавая самый последний фокстрот.

— Джек, ты танцуешь?

— В Пензансе было не слишком много возможностей для этого. Но я умею танцевать.

— Я знаю, что они играют. Если хочешь, могу научить этому танцу. Он называется белый джаз, или фокстрот.

— Может, придем сюда в субботу вечером?

— Я не собираюсь на людях танцевать с тобой!

— Я с тобой тоже не буду, — расхохотался Джек. — Я подумал, можно познакомиться с девушками.

— Неплохо бы. — Глаза Неда расширились.

— Видишь, как много здесь всего интересного. Пошли. На Саус-Пэрейд есть одно местечко под названием «Три туза», там подают отличный кофе. У меня весь день распланирован!

За чашкой того, что, как Нед не мог не согласиться, оказалось превосходным кофе в европейском стиле, который подавали на серебряных приборах темнокожие люди, облаченные, как и в клубе, в крахмальную белую традиционную одежду, кроваво-красные тюрбаны и кушаки, его мысли вернулись к Бренту.

— Джек, я подумал, может, ты зашел бы сегодня вечером к Уокерам?

— Я ожидал, что ты спросишь.

— Это трусость с моей стороны?

— Нет, предусмотрительность. Но встретиться с ним ты должен наедине. Я загляну немного позже. Так у тебя будет предлог прекратить разговор. Ты сказал, он придет в шесть?

— Примерно. Хорошо бы тебе появиться в шесть двадцать.

— Договорились. — Джек осушил чашку. — А теперь я продемонстрирую тебе безумие, яркие краски и веселье Кэмершл-стрит. Там есть все, что можно купить за деньги.

— Так-таки все?

— Так-так, Синклер. — Джек приподнял брови. — Ты, я вижу, вовсе не столь наивен, да?

Нед нашел в себе силы улыбнуться. Впрочем, на душе у него стало легче, а предстоящий разговор с Брентом представлялся ему теперь не чем-то таким, из-за чего надо беспокоиться и нервничать, а обычным событием, которое придет своим чередом и так же уйдет.

Было странно оказаться в доме, когда в нем не было Уокеров, но точно без четверти шесть Сабу вежливо провел Неда на прохладную заднюю веранду. Садовник все еще трудился над грядкой с овощами.

— Напиток, сэр? — спросил Сабу. — Может быть, джимлет?^[18]

Нед не вполне себе представлял, что это такое, однако он определенно не намерен был говорить «нет» чему-то, что, судя по названию, не являлось просто прохладительным напитком. Несколько минут спустя мали вернулся с подносом, на котором красовался широкий бокал на высокой ножке, с ломтиком лайма на ободке.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Сабу, я не намерен предлагать напитки этому посетителю.

— Да, сэр.

— Как по-твоему, где мне лучше всего с ним побеседовать?

— Миссис Уокер сказала, что его надо провести в гостиную.

— Отлично. Он ненадолго.

Сабу покачал головой в той своеобразной манере, к которой Нед уже привык, потому что часто видел это, и растворился в тених дома. Синклер решил укрепить силу духа, приложившись к джимлету. Размешивая напиток соломинкой, он заметил, как в толще напитка вращаются и перетекают ручейки густой сиропообразной жидкости. Попробовав на вкус, он сразу понял, что пьет лимонный «Роуез»^[19] — совершенно точно — с хорошей порцией джина. Содовой же, по-видимому, не было вовсе, что его вполне устраивало. Он сделал еще один хороший глоток для успокоения нервов. С Брентом надо действовать решительно, сохранять спокойствие и бдительность.

Джек прав. Нужно встретиться с врагом лицом к лицу, и он это сделает. Все же мысль о том, что Брайант скоро появится и тогда, наверное, испытанию придет конец, существенно его успокаивала. Рывком расслабив воротничок, Нед отхлебнул еще. Джимлет был допит почти до конца. Юноша вдыхал мягкий вечерний воздух, по счастливому стечению обстоятельств сегодня более прохладный, чем обычно. Застрекотали сверчки — или это цикады? Как всегда, по саду плыл головокружительный аромат вечерних цветов. Вдалеке слышался чей-то голос. Неда опять пронзил страх, но он опустошил

стакан и заставил себя сидеть спокойно. Спиртное обожгло его пустой желудок.

— Мистер Brent пришел, — доложил вернувшийся Сабу.

— Какой он?

— Совсем не похож на вас и мистера Уокера, сэр.

— В каком смысле? — повернулся к слуге Нед.

— Когда я открыл дверь на его звонок, он оттолкнул меня и сказал, чтобы я на него не дышал, мистер Синклер, сэр.

— Сабу, это потому, что он самая настоящая жирная, надменная английская свинья. — Взгляд мали вспыхнул, и Нед понял, что тот разделяет его мнение. — Я презираю этого типа, поэтому мы будем вежливы только из уважения к доктору Уокеру и гостю его дома. Постараюсь как можно быстрее от него отделаться.

— Да, сэр, — в своей бесстрастной манере отозвался Сабу, но Нед заметил, как поблескивают его глаза.

— Пошли. — Поправив пиджак и галстук, Нед с удовольствием отметил, что голос у него звучит ровно.

Вслед за Сабу он приблизился к входу в гостиную, наклонил голову, глубоко вдохнул и толкнул дверь.

* * *

Джек наблюдал за событиями с противоположной стороны Шешадри-роуд. Он видел, как появился грузный Brent, что интересно, пешком. Очевидно, тот приказал себя высадить неподалеку от дома и расстояние, оставшееся до места назначения, из осторожности преодолел пешком, можно не сомневаться, запоминая обстановку. Осмотрительный, стало быть, человек. На нем был светлый льняной костюм, по всем признакам сжившийся с хозяином. По уверенной походке, по одежде, по надменности, с которой Brent тростью отвел со своего пути нищего попрошайку, Джек сразу понял, что перед ним человек, чувствующий себя в колониях как дома, успевший прожить здесь достаточно долго, чтобы полностью освоиться, приспособиться к жаркому климату, с удовольствием осознавать свое превосходство и пользоваться им.

Насколько Джек мог судить на основании рассказа Неда, Brent был доволен тем, что Синклер исчез с его пути. Однако то, что вместе с ним пропала и сестра, встревожило его. Ведь теперь Нед мог рассказывать о злодее докторе все, что только захочет. Джек подозревал, что целью визита было угрозами заставить парня молчать.

Вот Brent постучал в дверь, а когда слуга ему открыл, вдруг агрессивно толкнул того в грудь. Когда дверь закрывалась, мали заметил Джека и задержал на нем взгляд лишь на долю секунды, но в этот ничтожный промежуток времени Джек внезапно почувствовал себя раздетым. Откуда взялось это ощущение вины? Для него нет причин, но о чем думает слуга?

Джек прикусил губу. Может быть, зайти раньше, чем они с Недом договаривались? Тогда можно будет прикинуться, что он увидел гостя и решил не вторгаться в дом одновременно с ним. Немного натянуто, но Джек не сомневался, что сумеет представить это достаточно убедительно.

* * *

Brent отвернулся от камина, возле которого стоял, неестественно ухмыльнулся и сказал:

— Добрый вечер, Эдвард.

— Что вы тут делаете?

Brent предостерегающе прищелкнул языком и заявил:

— Не слишком любезное приветствие, вам не кажется, молодой человек?

— Это потому, что вам здесь нечего делать.

— Доктор Уокер пригласил меня и предложил чувствовать себя как дома.

— Вы здесь не задержитесь.

— Ты настолько негостеприимен, что не предложишь мне аперитив? Где твои манеры?

— Как вы меня разыскали?

Brent смерил его презрительным взглядом.

— Это не составило никакого труда.

— Я задал вопрос. — Тон Неда был сухим до хрупкости, будто готовым сломаться.

Веки его собеседника затрепетали, он поиграл желваками, пожал плечами, потом заметил:

— Тебя мог бы выследить и ребенок, Синклер. Я навел справки в рангунском отеле и понял, что вы попытаетесь проникнуть на какое-нибудь судно. Вскоре выяснилось, что на одном корабле произошла вспышка холеры. Сообщение об этом напечатала местная газета. В заметке говорилось, что единственной жертвой стал пятнадцатилетний подросток англо-индийского происхождения. Я был практически уверен в том, что это Робби, но надо было устранить всякую возможность ошибки. Я был терпелив. Дождавшись, когда капитан вернется из плавания, я встретился с ним и узнал, что погибший был безбилетником и путешествовал в обществе двух других юных особ, сестры и брата. — На лице Брента заиграла зловещая улыбка. — Так что, как видишь, Синклер, не было ничего проще, чем сложить куски этой головоломки. В своем отчаянном стремлении скрыться вы не слишком умело заматали следы.

— Продолжайте, — процедил Нед, сдерживая гнев.

— Да что тут рассказывать? — Брент взмахнул руками. — Вычислить местонахождение корабельного доктора также не составило труда. Мне уже сообщили, что он взял на свое попечение двух английских сирот, путешествующих без билетов. Я связался с ним и преподнес доктору прекрасно сфабрикованную историю о том, что я встревоженный директор приюта, ночами не сплю, беспокоюсь за малышку мисс Синклер. В конце концов, она ведь моя подопечная.

— Ложь!

— Кто станет разбираться? Восприятие — это все, Синклер. Тебе следует усвоить такую истину. В Рангуне я крупная фигура, облеченная ответственностью. Мне доверяют. Ты же сирота без гроша за душой, обыкновенный безбилетник... беспризорник. Твоя сестра такая же. Доктор Гренфелл был очень рад со мной познакомиться, с особой же готовностью он отреагировал на высказанное мною предложение, что ему и миссис Гренфелл надо подумать о формальном удочерении Беллы.

Нед побледнел. Такой поворот событий оказался для него совершеннейшей новостью.

— Вы не имеете никакого права, — процедил он, тыча пальцем в Брента.

Это прозвучало как угроза, но при этом Синклер, к собственному удовлетворению, сохранял спокойствие.

Со стороны же Брента его замечание вызвало лишь смех.

— Повторяю еще раз, никто не станет разбираться. Гренфелл пришел в восторг, когда узнал, что я буду проездом в Мадрасе.

— Хватит ходить вокруг да около, Брент. Говорите все, что хотите сказать, и убирайтесь.

— Однако!.. — Легко, на цыпочках, Брент переместился к креслу. — Полагаю, мне позволено сесть?

— Не стоит устраиваться поудобней. Я сейчас ухажу.

— В самом деле? Бангалор — весьма интересное место, если попасть в нужные круги. Ты, похоже, угодил в лоно уважаемого семейства.

— Брент, что вам надо? Мне больше нечего сказать вам.

Тон Брента переменился.

— Неужели? Зато у меня точно есть о чем с тобой побеседовать.

Нед бросил взгляд на часы, громко тикающие на камине.

— За мной зайдут через пятнадцать минут. Вам я даю пять.

— Каким выдержанным ты стал, Эдвард. — На лице Брента опять заиграла улыбка, масляная и зловещая. — В этой целительной обстановке ты, по-видимому, обрел уверенность в себе, которой тебе недоставало во время нашей последней встречи. Поддержка доброго семейства, наверное, действует утешительно, когда собственные родители гниют на кладбище в Рангуне...

— Желаю хорошего вечера, доктор Брент. Мали вас проводит. — Удивляясь собственному самообладанию и тому, как спокойно он говорит, хотя в душе у него пылает ярость, Нед вышел из комнаты и направился напрямиком к себе.

«Ну же, Джек», — мысленно молил он.

— Сабу! — позвал Синклер вслух.

— Не так быстро, — Брент шел за ним по пятам в темном коридоре, слегка попахивающем плесенью.

Сабу, по-видимому, не услышал Неда, потому что в виде исключения не материализовался из теней. Синклеру не оставалось

ничего иного, как продолжать двигаться в направлении своей комнаты. Brent, к его отвращению, не отставал.

— Прочь! — оскалился Нед.

— Ты и в самом деле решил, что можешь меня победить?

— Мы это сделали! — выпалил он в лицо Brentу, отступая к гардеробу и напряженно прислушиваясь, не раздастся ли стук в дверь.

— Только не Робби.

— Холера убивает случайно. Надеюсь, однажды вы сами ее подхватите.

— Ошибаешься, в смерти Робби не было ничего случайного.

Нед открыл было рот, но не издал ни звука. Внезапно похолодев, он в то же время почувствовал, что щеки у него вспыхнули.

— Что? — еле вымолвил он.

— Мой милый, разве Робби тебе не говорил?

Можно было не сомневаться в том, что ошеломленного выражения лица Неда Brentу было более чем достаточно, чтобы понять все. Тот придвинулся, и Синклера передернуло.

— Робби попытался меня убить. Он тебе об этом не рассказывал?

Нед лишь безмолвно покачал головой.

— Наверное, от радости по поводу побега, столь изобретательно, позволю себе заметить, организованного. Может быть, тебя тоже посещала мысль о том, что все прошло слишком уж гладко, просто на удивление? Ты идеально вписался в мой план. Какую прекрасную минуту я пережил, когда мне сообщили, что ты... исчез. — Он Щелкнул пальцами перед лицом Неда. — Тогда мне хотелось думать, что навсегда. Чего я не предусмотрел, так это настырности Робби. Снимаю перед ним шляпу, но все равно к тому времени, когда мальчишка покинул наш благословенный уголок, он был все равно что мертв.

Нед в явном смятении лишь качал головой.

Brent улыбнулся, и во всем его облике опять появилась угроза, так хорошо знакомая Неду.

— Я попросил его принести мне кувшин с водой. Он так нервничал, что я насторожился и заставил его выпить первым. — Brent рассмеялся, но это был скорее звук восхищения. — Робби выпил! Не колеблясь, хочется добавить. Поэтому-то я и отпустил его в то утро. Я решил, что если он выпил воду, значит, мои подозрения

насчет того, что вы с ним что-то затеваете, не имеют под собой оснований. Он исчез вместе с твоей сестрой, при этом зная, что, скорее всего, умрет, потому что, как мне известно теперь, мальчишка принес сырую воду. Змееныш задумал меня убить.

Дыхание Неда стало тяжелым и неровным. Теперь он все понял. Робби выпил зараженную воду намеренно, чтобы защитить Белл.

— Все равно вода показалась мне подозрительной, — продолжал Brent, но Нед уже не слушал.

Его охватил новый порыв ярости, развеявший все мысли, превративший их в хаотические обрывки.

Послышался удар дверного молотка, отдаленные голоса. Это помогло Неду вернуться к реальности.

— Нед? — послышался из коридора голос Джека.

Убежище... безопасность.

— Сейчас иду. — Разгневанный взгляд Неда опять остановился на Brentе. — Убирайтесь из моей комнаты и из этого дома, Brent. Если я увижу вас еще раз, то за себя не отвечаю.

Brent грубо захохотал.

— Зачем вы здесь?

— Верить или нет, но по делам. Удачное совпадение, потому что в результате мне подвернулся случай напомнить тебе о том, что у меня очень хорошие связи, особенно в Мадрасе. Случись что-нибудь с твоей драгоценной сестрицей, это было бы огромной трагедией, не правда ли? Просто помни, что если ты или кто-нибудь, связанный с тобой, вздумаете бросать тень на мое доброе имя, это очень сильно повредит Белле. Один щелчок моих пальцев, Синклер. Больше ничего не потребуется. Так что держи рот на замке.

* * *

Джек, который как раз шел по коридору и слышал финал разговора, понял, что Brent уходит, и молча вернулся в гостиную.

Бросившись к окну, он наблюдал, как этот крупный, грузный человек, тяжело ступая, преодолел короткую садовую тропинку, вышел на улицу и двинулся в сторону центра. На спине его светлого пиджака темнели пятна пота.

Всего несколько мгновений потребовалось Джеку на то, чтобы составить план. Он уже без тени сомнений знал, что это было единственным решением дилеммы Неда. Брайант решительно прошагал мимо удивленного Сабу и без стука вошел в комнату Синклера. Тот застыл на месте со сжатыми кулаками и безумным взглядом смотрел в пол.

— Нед?

— Ты был прав, Джек. Он открыто угрожал Белл.

— Я слышал. Дело в том, Нед, что она в безопасности. Во всяком случае, мы можем этого добиться. Brent вынуждает тебя молчать, чтобы продолжать заниматься тем же самым. Никакие твои утверждения и заявления не должны помешать ему в этом.

— Я не заглядывал так далеко вперед, всего лишь желал, чтобы Brent остался для меня позади. Он и я хотим одного и того же — забыть, что наши пути когда-либо пересекались.

Поразмыслив, Джек кивнул и заметил:

— Белле повезло, что она вырвалась из его хватки. Но будут другие, не столь счастливые.

Нед обратил сердитый взгляд на Джека и спросил:

— Чего ты хочешь от меня? Чтобы я рисковал жизнью Белл?

— Да пойми же наконец, Нед. Этот человек грозит впустую. Как ты себе это представляешь? Он щелкнет пальцами, и кто-то в Мадрасе запрыгает? Каким образом это будет проделано? От Рангуна до Мадраса тысячи миль.

— А если по телефону?

— Неужели? Ты полагаешь, у каждого уголовника в Индии имеется телефон, по которому эта сволочь Brent может в любой момент позвонить?

Джек, конечно, был прав.

— Наверное, нет.

— Неужели?.. Пора стать взрослым, Нед. Надо разобраться с этой свиньей сейчас.

— Как?

— Ты должен сказать ему, что разгадал блеф и можешь вывести его на чистую воду.

— Белл...

— ...недосягаема, — прервал его раздраженный Джек. — Если тебе так легче, пошли сегодня телеграмму Гренфеллу или изложи все по телефону. При условии, что будешь действовать быстро, твоей сестре ничего не грозит.

— Что ты предлагаешь сделать?

— Во-первых, пойти за Brentом. Выяснить, где он остановился. Действовать. Ненавижу таких сволочей. Этот жирный потный гад ходит пешком. Выследить его достаточно просто.

— Джек...

— У нас нет времени. Поговорим на ходу. Вперед!

На глазах у Сабу Джек схватил Неда в охапку и потащил к выходу.

На улице уже стояли сумерки, быстро приближалась ночь. Брайант со своим острым зрением успел заметить, как их жертва подзывает повозку, запряженную лошадью.

— У вас здесь есть велосипеды? — сквозь зубы проговорил Джек, не отводя глаз от Brentа.

— Что?

— Велосипеды, быстро!

— Сабу!

— Да, сэр? — Мали появился моментально.

— У Уокеров есть велосипеды? — Он изобразил езду.

— Под навесом, мастер.

— Прикатите их сюда! — приказал Джек и стал ждать.

Нед и мали отправились за велосипедами.

Brent как раз усаживался в повозку.

Синклер возвратился с двумя старыми велосипедами.

— Ты садись на девчоночий. Вперед! — воскликнул Джек, вскакивая на сиденье и отталкиваясь.

Нед последовал его примеру. Вскоре он уже катил рядом с Брайантом.

— Что ты задумал?

— Сейчас мы будем сами угрожать доктору Brentу, — отозвался Джек. — Быстрее. Нельзя его упустить!

Брент, по-видимому, остановился в «Бангалор-клуб». Друзья следовали за ним на безопасном расстоянии. Свернув с Ричмонд-серкл и проехав немного по земле, они у входа спрыгнули с велосипедов, приняли небрежный вид и прошли через вращающиеся двери, обрамленные белыми колоннами. Свет только что зажгли, и здание клуба в сгущающемся мраке заиграло огнями. Миновав арку главного, очень элегантного входа, Брент исчез в недрах клуба.

— Отлично. Теперь избавимся от велосипедов.

— Как это — избавимся? Я должен буду вернуть их Уокерам.

— Спрячь их за деревьями. Если они так тебе дороги, позже сможешь забрать.

Нед сердито посмотрел на друга, но все же исчез с велосипедами.

По дорожке по направлению к ним шел слуга. Дожидаясь, пока он подойдет, Джек небрежно достал сигарету из недавно выигранного в карты серебряного портсигара. Прежде чем сунуть ее в зубы и потянуться за спичками, он постучал ею по портсигару.

Наконец официант приблизился и сказал:

— Добрый вечер, сэр. Вы хорошо провели день?

Джек бросил взгляд на бейдж, прикрепленный на костюме этого человека.

— Вечер добрый, Рамеш. День был прекрасный, спасибо. — С этими словами он покосился на спину Неда, надеясь, что Рамеш его не заметил. — Гм, я только что видел у входа доктора Брента, так? — невинно полюбопытствовал он.

— Да, сэр. — Рамеш просиял. — Вы знаете его?

— Слышал о нем. Он, говорят, из Рангуна?

Нед замер в тени. Ему было страшно, в то же время он восторгался умением Джека изобразить равнодушие.

Рамеш в характерной индийской манере то ли покачал, то ли покрутил головой.

— Он очень важный человек в Рангуне. Дал молодому Кумару щедрые чаевые.

— Это так на него похоже.

Глаза Неда расширились в темноте.

— Я слышал, он будет произносить речь. Доктор приехал искать покровителей, чтобы открыть новые приюты на севере и юге Индии.

Он хороший человек, сэр. Если вы пойдете в бар, то обязательно встретите его там.

— В каком номере он остановился? Я хотел бы оставить ему записку, — бросил Джек через плечо.

— Номер двадцать три, мистер Брайант. А его выступление назначено на завтрашнее утро.

— Зайду послушать.

— Добрый вечер, сэр, — поприветствовал Рамеш Неда, заметив его в тени.

Он поклонился и переключился на проходящего мимо чокру, упрекая того за медлительность.

— Этот человек — просто кладезь ценной информации.

— Джек, что ты делаешь? — нервно спросил Нед.

Тот оттащил друга в сторону, так что они стали недосыгаемы для взглядов людей, стоявших у главного входа.

— Нед, я тебе уже говорил, что иногда надо выступать против зла.

— Тебе хорошо. У тебя нет...

— В свое время я так не поступил, вот в чем дело. Когда человеку понадобилось, чтобы я за него вступился, я убежал.

Нед ничего не понимал.

— Это еще одна причина, почему я здесь. Не так давно у меня на глазах мучили человека. Я, правда, был не в том положении, чтобы совершать героические поступки, Нед, но ведь даже не попытался. Вместо этого я при первой возможности убежал со всех ног. Не хотел, видишь ли, чтобы то же самое случилось со мной. Та сволочь добилась своего.

— Но...

— Хотя, кажется, ненадолго. Им занялся отец.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Это долгая история. Думаю, отец считал, что я так и не узнал правду, и, наверное, надеялся на то, что этого не случится, так как приключившееся противоречило всем его убеждениям. Но я слышал, что он разобрался с тем человеком, и больше уже никто и никогда не пострадает от его жестокости.

— Как же поступил твой отец?

Джек покачал головой и невесело рассмеялся.

— Не хочу даже думать об этом. Если бы мама знала...

— Джек, послушай...

Внезапно Нед увидел, что его пиджак зажат в кулаках Брайанта.

— Нет, это ты послушай меня. У тебя есть шанс остановить Брента. Ты сделаешь это, не станешь от него бежать. Этот человек использует власть и влияние, чтобы вредить людям. Он с удовольствием рассказывал тебе, как устроил смерть Робби. Если ты не воспротивишься Бренту, мальчишка будет не последним. Это же дети, Нед. За них некому вступиться. Теперь тебе известны его дела, и ты, по крайней мере, можешь предупредить власти. Нельзя оставлять это просто так на том основании, что ты слишком напуган или не хочешь больше всего этого касаться. Пусть это будет твое слово против его, и все же он будет знать, что теперь за ним наблюдают. К тому же грязь липнет, Нед. Пойдут слухи. Ты можешь остановить его!

Джек был так близко, что Синклер ощущал запах его одеколona. Он посмотрел по сторонам, не видит ли их кто. Рядом не было никого.

— Отпусти меня, Джек.

Тот, словно обжегшись, выпустил полы пиджака Неда и сказал:

— Прости.

— Что ты предлагаешь делать? Мне с ним не справиться.

— Ты уже напугал Брента. Почему, по-твоему, он здесь? Потому что боится твоих возможных действий! Скажи ему, чтобы не думал завтра выступать — или ты тоже выйдешь на сцену и во всеуслышание объявишь о его преступлениях.

— Но ты забываешь о самом очевидном возражении. У меня нет доказательств!

— Ты должен заставить Брента поверить, что располагаешь достаточным количеством фактов, чтобы подвергнуть риску его репутацию.

— Как я это сделаю?

— Играй по его правилам. Ты хочешь, чтобы он получил по справедливости за смерть Робби и за то, что хотел сделать Белле? Что ж, в одном он прав. Другой такой возможности у тебя не будет.

— Не слишком ли философское рассуждение для шахтера?

— Так, началось. Ты совершаешь ту же ошибку, что и многие другие. Я шахтер, это правда, но получил образование, наверное, получше твоего. Ты не знаешь меня...

— Джек, хватит. Прости меня. Я знаю, ты прав. Он на этом не остановится. Я понимаю, он убежден в том, что запугал меня так, что я не осмелюсь никому ничего рассказать.

— А теперь запугай его и пошли к черту. Если ты сейчас не овладеешь ситуацией, то никогда себе этого не простишь. Ни о чем не сожалеть, Нед. Вот что я пообещал сам себе, когда уезжал из Корнуэлла. Неплохое кредо.

— Но за тобой не гналась свинья вроде Брента.

— Не будь так в этом уверен. Я жалею, что не навел порядок сам. За меня во всем разобрался отец. Я никогда больше не допущу, чтобы такое случилось. Сейчас у тебя есть шанс спасти беспомощных детей от ужасной участи.

— Что мне ему сказать?

— Мол, ты разговаривал с сестрой по телефону. Белла уже в другом месте, а ты отправляешься напрямиком в британскую полицию в Бангалоре. Скажи, что сделаешь все возможное, чтобы его арестовали и осудили. Для начала этого достаточно.

— А потом сообщить властям все, что мне известно?

— Если он вздумает морочить тебе голову, я буду поблизости. Хотя вряд ли он решится. У людей такого типа хитрость — единственное оружие. Что бы ни случилось, но, оглядываясь назад, ты не будешь сожалеть о том, что не попытался воспротивиться. Ты будешь диктовать условия, поставишь его в положение, когда он будет вынужден опровергать обвинения.

— Верно, но я должен предоставить убедительные доказательства!

— Не факт. Твои обвинения станут известны людям. Brent примется их отрицать, но чем яростнее он будет протестовать, тем более виновным покажется. Посей семена сомнений в умах нужных людей — и дело сделано. Возможно, тогда кто-нибудь более могущественный, чем ты, поспособствует падению Брента. Но ты должен положить начало процессу. Подумай, какая отвага потребовалась Робби, чтобы выпить ту воду. Так сильно было его желание отомстить Бренту за его грехи, Нед. Так верен он был тебе и Белле.

Синклер потупил глаза. Внезапно он устыдился своего страха.

— Робби мог лишиться всего, но, с другой стороны, ему нечего было терять.

— Рискнув всем, включая собственную жизнь, он обрел самоуважение. Бросая вызов врагу, он обрел мужество и победил.

— Хорошо, я сделаю это, — кивнул Нед. — Комната двадцать три?

— Да. Я буду поблизости. Только позови! — Джек подтолкнул его. — А теперь иди! Не теряй хладнокровия, но заставь его понять, что опасаться следует ему. Скажи, чтобы убирался к чертовой матери из Бангалора и держался подальше от Мадраса. Помни, это Brent начал драку. Теперь ты должен довести ее до конца.

Нед глубоко вздохнул и почувствовал облегчение. Нервное волнение улеглось. Внезапно он до глубины души осознал, что совершенно правильно будет дать Бренту отпор, бросить ему вызов. Синклер постучал. Подождал. Постучал снова.

Дверь резко распахнулась.

— Я просил не беспоко... — Лицо Брента приняло ошеломленное выражение. — Что ты здесь делаешь, Синклер? Мне больше нечего тебе сказать.

— Зато мне есть что сказать вам. Можно поговорить наедине или в холле... а то и в баре за бокалом чего-нибудь, если вы предпочитаете такой вариант, — произнес он, поражаясь собственной дерзости.

Видимо, характер Джека обладает свойством передаваться.

Лицо Брента вспыхнуло. Он шире растворил дверь.

Переступая порог, Нед боролся с желанием бросить взгляд на Джека, который, как он знал, наблюдает за сценой на расстоянии.

— Очень хорошо. Говори, если тебе надо. Но быстро. На этот вечер у меня есть планы получше, чем трата времени на жалкое ничтожество вроде тебя.

Нед заставил себя говорить негромко, ровно.

— Вы нашли нас, потому что у вас были возможности, а мы оставляли следы, но теперь нет ничего такого, что привело бы вас к Белл. Я все устроил одним-единственным телефонным звонком в Мадрас. Что касается вас, то вам будет нелегко чего-то добиться, сидя в вонючей тюремной камере.

— Возомнил, юноша, что можешь вывести меня на чистую воду? У тебя нет ничего! Думаешь, Уокеры поверят твоей глупой истории? Где факты? Твое единственное доказательство сейчас на морском дне, раздувшаяся кормежка для рыб. — При виде страдания, выразившегося на лице Неда, Брент улыбнулся. — Это твоя единственная карта, Синклер. Я вижу. Ты жалок, как и все ваше семейство!

Нед стал сжимать и разжимать кулаки. Легкие ему словно сдавила невидимая липкая рука. Дыхание стало поверхностным, а Брент все

больше распался, явно получая удовольствие от собственных разглагольствований.

— Твой никуда не годный папаша бросил вас всех на произвол судьбы, а потом твоя слабовольная, такая же бесполезная мамаша покинула своих детей, совершив наивысший акт трусости. Оба покойники, никчемные родители.

Нед чувствовал, что шевелит губами, но не был уверен, издает ли при этом какие-либо звуки. Он не слышал ничего, только яростный шум крови в ушах и внутренний вой злости, такой громкий, что Нед уже переставал понимать, где находится.

Внезапно оказалось, что Brent навис над Недом, тыча ему в грудь мясистым пальцем. Его безобразное лицо было так близко, что Нед чувствовал отвратительный запах прогорклого чеснока и неразбавленного виски. Это его оскорбило, как и все в Brente. В ушах у Неда странно зазвенело. Казалось, он больше себе не хозяин. Глаза у него сузились, а рот скривился в злобном оскале.

— Ваша порода не из прочных, Синклер. Нет, ты пойдешь по стопам этих слабаков, безвольных нищих, твоих родителей, станешь...

Внезапно Неду показалось, что по лицу Brenta скользнуло удивление, сменившееся смятением. Потом он один раз покачнулся и навзничь рухнул на пол, выложенный плиткой.

Склонившись над ним, Нед услышал, как Brent пробормотал что-то нечленораздельное, а потом по его грузному телу прошла судорога, словно от электрического тока. Быстрый спазм сменился раскачиванием и битьем об пол. Не в силах оторваться от этого зрелища, Нед в ужасе наблюдал, как кулаки упавшего вздувались, превращаясь в шары. Это были последние схватки агонии. Потом тело расслабилось, подчинилось смерти, лицо обратилось в маску, навеки остановившийся взгляд устремился вверх, на потолочный вентилятор. А тот все вращался, издавая свой обычный негромкий стрекот, безразличный к драме, разыгравшейся внизу.

Неду казалось, что он уже целую вечность сидит на корточках возле трупа, но по часам на запястье мертвеца он видел, что прошло не больше двух минут. Покачав головой, Синклер поднял взгляд на безжизненное лицо Brenta с пятнами пота и струйкой слюны медленно ползущей к воротничку рубашки.

Не было необходимости щупать пульс, и так совершенно ясно, что Brent мертв. Оглушенный Нед оторвал взгляд от обвисшего лица покойника и, не веря собственным глазам, в ужасе воззрился на предмет, который сжимал в руке, — большое стеклянное пресс-папье. Оружие, которое он обрушил на голову Brentа, было размером с яблоко, с картой мира, выгравированной на гладкой поверхности. Он почти ожидал, что континенты будут измазаны кровью, но глобус, мягко поблескивающий в неярком свете, блестел чистотой. В полной растерянности, инстинктивно, он вытер шар о сорочку, словно пытаюсь уничтожить всякий след смерти.

Все еще почти в оцепенении, хотя уже медленно приходя в себя, Нед ощупал голову Brentа, на первый взгляд не имеющую никаких травм. Но на левом виске обнаружилась небольшая вмятина в черепе, куда пришелся удар пресс-папье, приведший к мгновенной смерти.

Отложив стеклянный предмет, Нед медленно встал и принялся озабоченно обтирать липкие руки, проводя ими сверху вниз по пиджаку. Осматриваясь, он увидел в зеркале самого себя, с безумным лицом и совершенно бескровными губами. Он едва узнавал себя, таким осунувшимся внезапно стало его лицо. Нед подумал, что так и должен выглядеть преступник... Убийца.

Ощувив позыв к рвоте, Синклер двинулся было к ванной, но понял, что не успеет дойти. Тогда он сделал два шага к окну и распахнул ставни. Сами окна, по счастью, оставались незапертыми. Ему хватило присутствия духа сделать все беззвучно, но кислота в горле жгла, словно обвиняя.

По удачному стечению обстоятельств окна комнаты Brentа выходили в замкнутый садик и были скрыты от людских глаз. Неда никто не мог увидеть, сад был пустынен. Утерев рот, он провел дрожащей рукой по липкому лбу.

Внезапно ему подумалось, что Brent может быть еще жив. Сейчас он задергается, и можно будет позвать на помощь. Но Синклер обернулся и убедился в предательской неподвижности тела Brentа.

В хаосе образов, связанных с тем, что произошло за последние минуты, возник просвет, и у Неда появилась первая здравая мысль. Джек! Нед бросился было к двери, потом остановился и сделал глубокий вдох. Не следует сообщать о том, что произошло в этой

комнате, другим гостям или персоналу. Не сейчас. Сначала надо поговорить с Джеком.

Пригладив волосы и поправив воротничок, Нед рассерженно моргнул и открыл дверь.

* * *

Джек давно утратил интерес к газете. Сложив шуршащие листы, он встал и принялся расхаживать взад и вперед по коридору. Когда мимо проходили двое слуг, Брайант отвернулся.

В конце концов он решился пройтись по небольшому саду, разбитому перед номером Брента, но и оттуда ничего не увидел. Джек направился обратно и принялся бесцельно бродить с сигаретой в руке. Проходя мимо собственной комнаты, он испытал искушение подождать там, однако прошел мимо, шагая как можно медленнее, докурил сигарету, вернулся в свой уголок и опять развернул газету. Как раз когда Брайант уже совсем смирился с тем, что сейчас будет опять просматривать знакомые страницы, дверь отворилась и выглянул Нед.

Джек, поднявшись, с улыбкой ждал его.

— Все в порядке? — негромко спросил он, думая, что Синклер сейчас прикроет дверь и подойдет к нему.

Но тот этого не сделал и жестом позвал Джека к себе. Нед был бледен и напряжен.

Джек нахмурился, двинулся к нему и спросил, подходя:

— Что случилось?

— Заходи. — Нед нервно оглядывался по сторонам, как будто проверял, не видит ли их кто.

— Зачем?

— Просто зайди и все!

Джек заметил, что голос Неда дрожит. Его друг был потрясен до глубины души. Не произнеся ни слова, Брайант переступил порог. Синклер прикрыл за ним дверь.

— Что случи... — Слова замерли в горле.

Джек увидел расprostертого на полу Брента и рванулся к телу.

— Нед! Какого черта здесь произошло?

Тот показал на стеклянное пресс-папье, лежащее рядом с телом и промямлил:

— Я его ударил.

— Ударил?.. — Не находя других слов, Джек посмотрел на Брента, потряс головой, словно отгоняя ворох вопросов, осаждающих его сознание, потом проговорил: — Но как это случилось? Почему?

Теперь настала очередь Неда трести головой.

— Я... я даже не понял, что произошло, осознал только тогда, когда он упал. Я перестал себя контролировать, Джек. Он насмеялся надо мной и угрожал. Я просто... был вне себя от ярости, как будто ничего не чувствовал. Мне кажется, я отреагировал, сам не осознавая этого.

— Он не поскользнулся, не споткнулся?..

— Я ударил его, Джек, взял это пресс-папье и врезал ему по голове! — Нед подошел и поднял стеклянный шар.

Джек встал, поднял руки в оборонительном жесте и сказал:

— Хорошо-хорошо, Нед. А теперь — ш-ш-ш! Мне надо подумать.

— Вот-вот, подумай! Ты во всем виноват! Ты уговорил меня это сделать.

— Что именно?

— Ты внушил мне, что надо пойти на открытую конфронтацию. Теперь смотри, что случилось.

— Я не советовал тебе убивать его!

— Вот, погляди, куда завели меня твои разговоры. — Нед гневно указал на труп. — Я получу пожизненный срок. В вонючей крысиной яме в Индии, где люди гниют заживо, и за что? За Брента? Все потому, что ты заставил меня бросить ему вызов.

Джек во второй раз за этот вечер схватил друга за полы пиджака и прикрикнул:

— Тихо, я сказал! Дай мне подумать!

Он отпустил руки, и Нед качнулся, как тряпичная кукла.

— Что я наделал? Что на меня нашло?

— Действительно, — тихонько пробормотал Джек себе под нос. — Тихо, Нед, я серьезно.

По счастью, тот наконец унялся, ссутулился, сел и прикрыл лицо руками. Собравшись с духом, Брайант внимательно осмотрел тело. Никаких ран или других видимых повреждений. Он ощупал череп

Брента. Кожа удивительным образом сохранила целостность. Дальнейшее обследование жирных волос погибшего не выявило никакой крови и там.

— Отлично, — медленно произнес Джек, поднимаясь. — Вот как надо поступить. Мы вызовем военную полицию. — Достав одной рукой из кармана носовой платок, он другой поднял пресс-папье. — А когда они приедут, я скажу им, что обнаружил его здесь в таком виде. — Джек тщательно стер со стекла отпечатки пальцев.

— Что? — От удивления Нед вышел из шока.

— Ты к чему-нибудь еще в комнате прикасался?

— Нет, а что? Нет. Да!

Джек строго посмотрел на Неда и потребовал:

— Вспомни все, до чего ты дотрагивался. Твои отпечатки пальцев могут стать причиной множества вопросов, которые нам совсем не нужны.

— Дверная ручка.

— Хорошо. Что еще?

— Подоконник.

Подойдя к окну, Джек проделал все необходимые действия. Генри уже сообщил ему, что в Индии на месте преступления снимают отпечатки пальцев. Наконец-то есть польза от всей той на первый взгляд бесполезной информации, которую обрушивает на него Берри. Это поможет спасти Неда от пожизненного заключения или даже от смертного приговора. При этой мысли его пронизал холод.

Нед смотрел, как Джек намеренно прикасается к подоконнику и к ручкам ставней. Он нахмурился, но ничего не сказал.

— Итак, ты уверен? — не успокаивался Брайант, окидывая взглядом комнату и избегая смотреть на Брента. — Больше ты ничего здесь не трогал?

Нед отрицательно покачал головой.

— Что ты делаешь, Джек?

— Создаю тебе алиби.

— Это ни к чему. Я скажу им правду.

— И отправишься в тюрьму за убийство человека. — Джек решил не упоминать о том, что еще может произойти с Недом, если его признают виновным, но тот все равно отступил, как будто Брайант дал ему пощечину.

— Они поймут. Я расскажу все... про приют, про Робби, про угрозы Брента...

— Все равно ты будешь убийцей и отправишься в тюрьму, Нед. Здесь, по-видимому, очень строгие порядки. Правда, Уокер и даже твои мадрасские друзья смогут за тебя заступиться, но факт все равно останется фактом: ты убил человека. В соответствии с законом это именно убийство, а не самозащита. В суде будет сказано, что ты пришел к нему в номер и, неважно по какой причине, прикончил его вот этим пресс-папье. — Голос Джека перешел в такое тихое рычание, что Неду приходилось напрягаться, чтобы расслышать. — Нужно действовать немедленно. Возможно, снаружи уже заметили движение наших теней. Нужно незамедлительно поднимать тревогу. Но тебе надо уйти. Убирайся отсюда. Сохраняй спокойствие, иди быстро, но не беги. Если побежишь, привлечешь к себе внимание. Двигайся через сад, старайся укрываться в тени деревьев и в листве. Покидай клуб через задний вход, но не забудь прихватить велосипеды. Ни с кем не разговаривай. Отправляйся домой и старайся вести себя обычно, насколько уж сможешь. Никуда больше не ходи и старайся быть на виду. Нед, ты понял меня? Ты должен создать себе алиби.

Синклер кивнул, но только потому, что суровый взгляд Джека заставил его это сделать.

Брайант продолжил:

— Мы решили не ужинать, потому что очень хорошо пообедали. Говорить буду я. Прежде чем объявляться, я выжду еще час — на случай, если тебя увидят.

— Джек, мне кажется, это не...

Тот раздраженно покачал головой и заявил:

— Нет времени, Нед. Шевелись!

— Почему ты это делаешь?

— Одному богу известно! Наверное, потому, что больше тебе некому помочь. Тяжело думать обо всем том плохом, что с тобой случилось, вместо светлого будущего, которого вполне можно было ожидать. Брент по всем меркам свинья и уголовник. Прикрывая тебя, я оказываю услугу сиротам Рангуна. Меня они ни в чем не смогут обвинить. Но ты должен сделать все в точности так, как я тебе сказал, и тогда, возможно, все останется в прошлом. — Он указал на труп. —

Ты остановил его. Если бы люди узнали, они в глубине души поблагодарили бы тебя.

— Я должен ответить за преступление, Джек. Сейчас у меня в голове прояснилось.

— Ты готов отдать жизнь за эту слизь? Пожертвовать будущим? Беллой? Ты ведь только начинаешь жить. Brent не испытывал ни малейших угрызений совести за муки и страдания, которые причинял людям. Ты оказал миру услугу, Нед. Теперь мир обязан дать тебе шанс освободиться от этого. Я обеспечу тебе его.

— Хорошо. — Взгляд Синклера вновь остановился на Бренте, потом Нед повернулся к Джеку. — Я никогда этого не забуду.

— Это будет наш секрет, — тихо отозвался Брайант.

— Как любила повторять моя мама, секреты связывают.

— Тогда мы связаны дружбой.

Нед протянул руку и сказал:

— Я твой должник.

Джек ответил на рукопожатие.

— Однажды ты поможешь мне, когда я буду нуждаться. — Он указал на окно. — Выходи через заднюю дверь. Проследи, чтобы тебя не заметили.

* * *

Джек предполагал, что военные и уж конечно кто-то, связанный со старшим офицером полиции, будут в клубе, и не ошибся. Не прошло и нескольких минут после его звонка, как в гостиной номера двадцать три столпились разнообразные официальные лица, включая представителей военной полиции, но вскоре остались только старший офицер индийской криминальной службы, его правая рука, управляющий клуба, работник морга, который помогал доктору, занятому обследованием трупа Brenta, плюс Джек. Все, кроме доктора и его ассистента, стояли спиной к телу.

— Как давно вы его обнаружили? — осведомился офицер полиции.

— Около часа назад, — отвечал Джек. — Я зашел, чтобы представиться. Мне сказали, что он остановился в этом номере.

— А зачем вам было ему представляться, мистер Брайант? —
Офицер был невысоким мужчиной плотного телосложения, таким
маленьким толстячком с белоснежными зубами, рябым лицом и
темными кругами под пронизательными глазами цвета шоколада.

Джек на мгновение нахмурился, затем ответил:

— Я не могу в точности указать, когда впервые о нем услышал.
Кажется, сразу же, как сошел на берег. Но я был осведомлен о
деятельности доктора Брента в Рангуне. В Бангалоре я познакомился с
Синклером, о котором уже говорил. Он тоже его знает. Так что я решил
зайти поздороваться.

На это офицер никак не отреагировал, во всяком случае внешне,
спросил лишь:

— Вы вошли и застали его в таком виде?

— Да, лежал он так, но не был мертв. Я уже говорил, что Brent,
по-видимому, понимал, что это конец. Бедняга хотел передать
несколько слов жене и сказал...

— Что он просит прощения, само собой.

— Верно.

— Он споткнулся. — В голосе полицейского прозвучал
отчетливый налет сарказма.

— Таковы были его слова. Я уже говорил, Brent все тянулся к
голове и твердил, что ударился, когда свалился на пол. Уже второй раз
за день он упал, споткнувшись вот об эту штуку. — Джек указал на
полинявший индийский ковер. — Я уговаривал его лежать и не
двигаться, говорил, что позову на помощь, но он не отпускал меня,
боялся. Я стоял на корточках, склонившись над ним. По его телу
прошла судорога, и он скончался. Я подумал, может быть, еще не все
потеряно, и немедленно позвал на помощь.

Коротышка-полицейский чуть покачался на носках и заметил:

— Прошу прощения, мистер Брайант, но, логически рассуждая, он
должен был удариться теменем.

— Когда это случилось, меня здесь не было, офицер Гуа, — пожал
плечами Джек. — Простите, но я могу говорить только о том, чему
был свидетелем и что видел своими глазами.

— Если хотите знать мое мнение, то бедолага, скорее всего,
ударился вот об это, — произнес доктор, сопровождая свои слова
тяжелым вздохом, которому вторил протестующий скрип колен, и

указал на стеклянное пресс-папье. — Форма этого предмета соответствует вмятине на черепе.

— Он про это не говорил. Наверное, не знал, обо что ушибся.

Доктор кивнул и продолжил:

— Вскрытие, вероятно, покажет, что у него весь череп лопнул, как яйцо. Просто трещина не до конца раскрылась. Кровь, вероятно, хлынула в полость черепа и сжала мозг. — Доктор стиснул кулак. — Да, не повезло ему. — Врач вздохнул. — Что ж, офицер Гуа, я свое дело сделал. Теперь нам точно известно, что военные не имеют отношения к этой смерти.

Сердце у Джека подпрыгнуло от доброго предчувствия. Наверное, это знак, по которому ему можно уйти.

— Мы закончили? Я могу теперь идти? Мне не помешало бы выпить чего-нибудь покрепче.

Гуа кивнул, но тут же произнес:

— Еще один вопрос, сэр, если не возражаете. Этот мистер Синклер, о котором вы упоминали...

— Да?

— Как с ним можно встретиться?

— С Недом? Зачем? Он же не имеет никакого отношения к делу.

— Просто потому, что он знал этого человека. Возможно, то, что ему известно, поможет пролить какой-то свет на случившееся. — Глядя на Джека в упор, Гуа просиял белозубой улыбкой терпеливого служаки.

— Разумеется. Он проживает в доме Уокеров на Шешадри-роуд.

— А, доктор Гарольд Уокер! — воскликнул врач, натягивая жакет. — Хороший человек. Его дом номер четыре.

Гуа не стал дожидаться, пока за доктором закроется дверь, и сказал на идеальном английском:

— Благодарю вас, мистер Брайант. Мне очень жаль, что вам пришлось пережить столь неприятный вечер в нашем чудесном городе. Надеюсь, вы не станете возражать, если мы свяжемся с вами для дополнительных вопросов?

— Конечно нет, хотя я планировал в ближайшее время уехать из Бангалора.

— Понятно, — задумчиво протянул Гуа и опять покачался на носках. — И куда вы, сэр... если мне позволено любопытствовать?

— В Золотые Поля Колара. У меня там договоренность о работе.

— Вот как. — Гуа сопроводил это замечание легким покачиванием указательного пальца.

Доктор на прощание хлопнул Джека по спине и заметил:

— Там веселая жизнь, сынок.

Брайант выдавил улыбку.

— Я ухожу, Гуа, — заключил доктор. — Прикажите, чтобы труп доставили в морг. Если понадобится, я произведу вскрытие, но думаю, уже можно утверждать, что причиной смерти послужила травма головы, вызванная падением.

Джек рискнул. Ему надо было знать.

— Кто-нибудь видел что-то необычное, наводящее на мысль о том, что это не просто трагическая случайность? — Он постарался не выдать своего нетерпения, от которого буквально затаил дыхание.

— Хороший вопрос, сэр. Ни один из людей, с которыми мы беседовали, не заметил ничего подозрительного, хотя два человека из obsługi вспомнили, что видели доктора сегодня вечером, когда он возвращался в клуб. Где он провел день — вот что нам предстоит выяснить. Следствие только начинается.

Внутри у Джека все заледенело.

* * *

— Найден мертвым? — Уокер застыл, как громом пораженный.

— Боюсь, что так, доктор, — отвечал Гуа, явно получая удовольствие от этой сцены.

— Но как это может быть? Сегодня днем, когда он был здесь, Brent выглядел крепким и бодрым. Как он тебе показался, Нед? — С этими словами доктор повернулся к Синклеру.

Тот, застыв, ждал около буфета, почти надеясь, что его не заметят, сглотнул, выпрямился и ответил:

— Как вы и описали. Он довольно грузный, сильно потел, но не говорил, что плохо себя чувствует. Я не заметил никаких признаков болезни. — Зная, что не должен слишком углубляться в детали, Нед резко умолк.

— Как долго он здесь находился, мистер Синклер? — осведомился Гуа.

Нед принялся усердно хмуриться, изображая старательное воспоминание и в то же время спокойствие, потом сказал:

— Совсем недолго. Самое большее четверть часа.

— О чем вы беседовали, сэр, осмелюсь полюбопытствовать?

— Ни о чем особенно важном. Доктор Brent хотел со мной увидеться с тех самых пор, как узнал, что я нахожусь здесь.

— Почему же, сэр?

Нед почувствовал, как щеки у него вспыхнули. Оставалось лишь надеяться, что при слабом свете ламп этого никто не заметит.

— Он хотел знать, что делать с нашим багажом, хранящимся в Рангуне.

— Понятно. Вы оставили там ваши вещи?

Уокер строго взглянул на полицейского и вмешался:

— Юноша потерял обоих родителей при трагических обстоятельствах. Brent был так добр, что предоставил Неду и его сестре кров и пищу в своем приюте, до того как они отправились в Индию.

— Похоже, вы покинули приют в трудных обстоятельствах? — не отставал Гуа.

— Мы с сестрой не хотели жить как сироты, офицер Гуа, и точно не желали, чтобы нас разлучали. Согласно букве закона, мы приплыли в Индию как безбилетные пассажиры, но очень уж боялись упустить этот корабль. Я должен сказать вам, что на самом деле мы заплатили за проезд. Команда с первого дня знала, что мы на судне.

Вся эта тирада казалась Неду ужасно натянутой.

Подражая Джеку, который недавно на ходу придумал историю, он тоже хотел было перевести разговор на другое.

— А после визита доктора Brentа в этот дом вы с ним больше не виделись? — задал очередной вопрос офицер Гуа.

Нед лишь покачал головой. Сразу отвечать отрицанием он боялся, но у него хватило присутствия духа сказать себе, что если он затаит молчание, то будет иметь виноватый вид. На предложение Гуа не спешить и собраться с мыслями Синклер сделал пару глотков шерри. Спасло его появление Флоры Уокер, сопровождающееся громкими восклицаниями и другими бурными изъятиями эмоций.

— Гарольд, это правда? — в ужасе спросила она. — Нед, в холле тебя дожидается Джек Брайант. А вот и он. Заходите, мистер Брайант.

Нед выпрямился.

— Привет, Джек, — бросил он.

Внезапно в гостиной стало тесно.

— Здравствуйте еще раз, — кратко обратился Джек к Гуа, а потом подошел к хозяину. — Доктор Уокер, простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, но я подумал, что при получении таких известий Неду может потребоваться моральная поддержка. Это был для него такой удар.

— Спасибо, что пришли, — с благодарностью отвечал Уокер. — Да, все очень печально. Офицер Гуа, это моя жена, миссис Уокер, а с Брайантом вы, очевидно, встречались.

— Миссис Уокер, прошу прощения за вторжение и за то, что принес столь печальные новости.

— Я слышала, это был несчастный случай, — сказала Флора. — Наш мали Сабу — глаза и уши этого дома.

— Ах, так! Могу я с ним побеседовать? — осведомился Гуа.

Неду захотелось что было силы крикнуть: «Нет!», а Джек побелел как мел, но Уокеры, разумеется, с готовностью согласились.

— Позови его, любовь моя, — сказал Уокер. — Джек, шерри?

Отрицательно покачав головой, Брайант приблизился к Неду.

Гуа поклонился.

— Не надо, доктор Уокер. Не стоит больше беспокоиться. Вы и так были чрезвычайно любезны. Может быть, вы позволите мне просто поговорить с Сабу?

По предостерегающему взгляду Джека Нед понял, что надо держать себя в руках.

— Я отведу вас, — предложил Нед. — Сюда, пожалуйста.

Сабу обнаружили в проходной комнате, где он болтал с аией, которая мыла посуду после запоздалого ужина Уокеров.

— Сабу, это инспектор Гуа, — неуверенно начал Нед. — Он хочет задать тебе несколько вопросов по поводу сегодняшнего дня. Ты, наверное, слышал, что доктор Брент нынче погиб от несчастного случая.

Гуа вежливо улыбнулся Неду, который заметил, что офицер вовсе не в восторге от того, что Сабу столь тщательно введен в курс дела.

Тем не менее и он, и Джек вздрогнули, когда Гуа внезапно затараторил на тамильском. Ая с расширенными глазами стояла поодаль.

Нед исподтишка бросил взгляд на Джека, но тот не отрываясь смотрел только на Сабу, которого буквально сверлил своим суровым взглядом. Мали ни разу не отвел глаз от Гуа, но Нед не сомневался, что слуга все время ощущал пронизывающий взор Джека.

Сабу ответил на несколько вопросов, сопровождая свои слова выразительной жестикуляцией и непрерывными покачиваниями головы.

В какой-то момент в разговоре зазвучали имена Неда и Джека, и парни поняли, что Гуа задает наводящие вопросы.

Синклер ощутил слабость в коленях, а Брайант заявил:

— Простите меня, Гуа. Я слышал, вы произнесли мое имя. Пожалуйста, переведите вопрос, который вы задали этому человеку. Полагаю, это справедливо.

— Разумеется. Прошу прощения, сэр. Просто разговор на родном языке помогает перейти сразу к сути дела.

Нед уловил в этих словах ноту укоризны. Возможно, Гуа принадлежал к разряду современных индусов, недовольных британским присутствием в их стране.

— Я просто спросил, слышал ли Сабу что-либо из разговора мистера Синклера и доктора Брента. — Он повернулся к мали. — Отвечай по-английски, Сабу, — добавил он, и на этот раз Нед точно услышал, что «по-английски» Гуа произнес таким тоном, словно бранился.

Сабу украдкой бросил взгляд на Неда и ответил в своей певучей манере:

— Я был в проходной комнате и не слышал ничего такого, чего не должен был.

— Что это означает? — Гуа вздернул брови.

— Доктор Уокер не любит, чтобы я — как это называется? — подслушивал.

— Тебе ничего не грозит, Сабу. Ты можешь говорить совершенно свободно.

— Я ничего не слышал, сэр. — На лице Сабу изобразилось искреннее удивление. — Когда меня попросили, я провел посетителя в гостиную, пригласил мистера Синклера и пошел заниматься своими

делами. Сначала был на кухне, потом пошел в сад, разбираться в недоразумении между садовником и чокрой.

— Как долго ты был в саду?

— Не могу точно сказать, сэр.

— А когда ты вернулся, кто находился в доме?

— Не считая слуг, только мистер Синклер, сэр.

— Понятно, — протянул Гуа, разглядывая Джека.

— Почему опять всплыло мое имя? — спросил Брайант, и Нед пожалел, что тот с такой настойчивостью поднимает этот вопрос.

— Я спросил Сабу, видел ли он здесь вас во время визита доктора Брента.

Джек повернулся к мали с выражением крайнего изумления на лице. Нед признал, что сыграно было великолепно.

— Сабу ответил, что впускал вас в дом сегодня утром, после завтрака, но в следующий раз увидел только сейчас.

Джек медленно повернулся к Гуа и заявил:

— В таком случае я не знаю, что и думать. Офицер Гуа, в этом очень печальном деле я действовал из лучших побуждений, но вы, я вижу, упорно подозреваете меня в злодейских мотивах.

— Прошу прощения, сэр. Я не хотел, чтобы вы так думали. Моя работа — находить истину, и теперь я ее получил. Пойду и составлю доклад. Меня полностью удовлетворяет объяснение, согласно которому доктор Брент умер от несчастного случая.

Нед не сразу поверил и спросил:

— Значит, все закончено?

Джек бросил на него пронзительный взгляд.

Гуа улыбнулся Неду.

— Мне очень жаль, что я отнял ваше время, но мы обязаны — как вы, британцы, выражаетесь — расставлять все точки над «i». Нет, больше я вас не побеспокою. Благодарю вас, мистер Синклер, мистер Брайант. Вашего участия больше не требуется.

— Хорошо, — отозвался Джек.

Нед заметил, что на лице друга не мелькнуло и тени облегчения.

— Потому что мы с мистером Синклером скоро покидаем Бангалор.

— Я не знал, что вы оба отправляетесь в Золотые Поля. Чем вы намерены там заниматься? — полюбопытствовал полицейский.

Нед не был готов к столь скорому принятию решения. В то же время ему больше всего хотелось как можно быстрее покинуть Бангалор.

Он расправил затекшие плечи, одновременно давая себе несколько мгновений на раздумье, желая успокоиться.

— Я слышал, там много работы. Насколько мне известно, Золотые Поля были первым местом во всем азиатском регионе, где провели электричество. Я квалифицированный электрик, так что с моей стороны вполне естественно направиться напрямик туда.

— Понятно. Когда вы уезжаете?

— Завтра, — ответил Джек за Неда. — Я договорился с людьми Джона Тейлора, прибывшими для очередного осмотра шахт. — Он обаятельно улыбнулся Гуа. — Они берут попутчиков, так что нашлось место для нас обоих.

— Полагаю, мистер Синклер, вам недолго придется паковать, — ответил Гуа, улыбаясь не менее доброжелательно. — Ведь ваш багаж все еще в Рангуне.

Нед не ответил. Джек пожал плечами, давая понять, что хотел бы ускорить прощание.

— Что ж, если это все, офицер Гуа, то я хотел бы вернуться в клуб и продолжить подготовку к отъезду.

— Разумеется. — Гуа повернулся к Неду. — Пожалуйста, передайте мою благодарность доктору и миссис Уокер. Больше я их не побеспокою.

— Я провожу вас, — предложил Синклер, жестом приглашая офицера полиции к двери в проходную комнату.

* * *

Гуа и Нед вышли, а Джек остался. Он глядел на мали. Айя посмотрела на них и тоже ушла по своим делам.

— Почему ты это сделал? — Выразить мысль более длинно необходимости не было.

Прежде чем ответить, Сабу помедлил.

— Уокеры обращаются со мной как с членом семьи. Но есть и другие — по большей части, надо признать, британцы, — которые

считают нас за попрошайек, людей низшего сорта. Я принадлежу к высокой касте, сэр. Нас называют кшатриями.

— Кша-три...

— Очень хорошо, сэр. Я из касты воинов.

— Кастовая система очень сложна.

— Так устроена наша жизнь. Я слуга, но все равно имею право на уважение. Так-то вот.

Джек сразу все понял и заявил:

— Brent обращался с тобой неуважительно. Он игнорировал тебя как личность.

— Как будто я какая-то грязь, которую можно отпихнуть.

Джек кивнул и спросил:

— Это твоя месть?

— Нет, сэр. Он плохо обращался со мной, да и с мистером Синклером, который со всеми нами вежлив и добр. Я не мстительный человек, сэр, но у меня есть гордость. Мне нисколько не жаль, что этот толстяк умер, и меня не интересует, как и отчего это случилось. А для него уже неважно, что я скажу, а что нет.

Джек помолчал, пытаясь усвоить логику Сабу. У него мелькнула мысль, не дать ли этому человеку денег за то, что обеспечил ему алиби. Но что-то в темных, глубоких глазах мали подсказало ему, что это будет оскорблением.

Тогда он протянул ему руку и произнес:

— Спасибо, Сабу. Я очень благодарен тебе за то, что ты не сказал о моем втором приходе. Я появился только для того, чтобы защитить мистера Синклера.

Сабу кивнул. Это был почти поклон, но все же не совсем.

— В таком случае я рад, что вам обоим ничего не грозит.

— Ради мистера Синклера сохраним этот секрет между нами?

Джек крепче сжал руку Сабу и едва не улыбнулся, когда тот медленно закрыл и открыл глаза, а потом ответил:

— Какой секрет, сэр?

ЧАСТЬ II

Октябрь 1926 года

Джек и Нед вернулись после ночной смены. Теперь они сидели на прохладной веранде клуба «Золотые Поля» и через ухоженные газоны смотрели на небольшую армию садовников. Подобно пчелам, те сутились над цветочными клумбами, подстригали кустарник и поливали траву. При этом все они работали с непокрытыми головами.

Для большинства людей наступало начало нового дня, однако для двоих молодых мужчин это был конец дня рабочего.

— Иногда хочется ущипнуть себя, чтобы поверить, что это не Британия, правда? — Нед поставил на стол кружку с пивом и откинулся в плетеном кресле.

Утерев рот рукавом, Джек ощутил, как холодное пиво поступило по адресу, и вздохнул.

— Не та Британия, которую я помню. Я, друг, из Пензанса! Крутые гранитные скалы, бушующее море и жестокий мороз... а не эти садово-пикниковые сценки, которые тебе, видимо, нравятся.

— Ты не перегрелся, Джек? Разве не ты на днях приглашал Гвен Дэвидсон на пикник?

— Приглашал, но не затем, чтобы есть сэндвичи с огурцом и любоваться видами.

— Ты плохой мальчик, Джек.

— Никогда не претендовал на то, чтобы быть хорошим.

Отхлебнув еще пива и помолчав, Нед задумчиво вздохнул и заметил:

— Нам повезло в Бангалоре.

Джек не нуждался в объяснениях, чтобы понять, на что намекает Нед. Помедлив, он припомнил, как они чудом избежали огромной опасности.

— Тому уже шесть лет, Нед. Пора забыть.

— Думаешь, так легко не вспоминать о том, что я совершил убийство?

— Нет, ты твердо решил испортить мне утро. — В раздражении Джек отставил кружку. — Слушай, Нед, заключение было: «смерть от

несчастливого случая». Займись своей жизнью. Я не желаю больше об этом разговаривать.

— Потому что чувствуешь себя виноватым? Но ведь это сделал я.

— Конечно, я чувствую себя виноватым! Но ты должен примириться с собственной совестью, как это сделал я. Посмотри на нас! Я вскоре стану старшим инженером. В Корнуэлле мне годами пришлось бы дожидаться такой возможности. А ты без пяти минут управляющий отделом электроснабжения. Нед, эта земля истоптана вдоль и поперек. Мы слишком часто по ней ходили. Я устал.

— Ты прав, прости. Не будем больше об этом говорить.

— Пью за это! — Джек поднял кружку.

Нед тоже взялся за пиво и негромко произнес:

— За наш секрет.

С явным чувством облегчения Джек откинулся назад, подложил ладони с переплетенными пальцами под голову и заявил:

— Жизнь хороша, Нед, особенно теперь, когда миновал сезон дождей. Но я подозреваю, что на самом-то деле ты хочешь лишь одного — иметь жену и выводок детей.

— Не вижу в этом ничего плохого.

— Конечно, если ты Синклер. Но меня зовут Брайант. Я предпочитаю думать о себе как о Пирате Пензанса. Вольном как ветер.

Нед усмехнулся и бросил в него орехом. Индусы поджарили их, приправили чили и кориандром. Орешки были очень вкусны. Он отправил в рот горсточку.

— Ты бездушный. А у Дафны Эллис разбито сердце.

— Оно останется таковым в течение нескольких часов, а затем она найдет себе новую цель.

— Не будь жестоким, Джек. Дафна — хорошая девушка.

— Так пригласи ее.

— Нет, я жду Айрис. — Нед заулыбался.

— Ах, эта ускользающая Айрис Уокер. Сколько раз она, по слухам, уже собирала вещи и была готова отбыть из Англии?

— На этот раз, думаю, точно приедет.

— Рискуя показаться тебе попугаем, все же осмелюсь еще раз предостеречь. Нет смысла встречаться с девушкой, с родителями которой ты хорошо знаком. Затея обречена.

— Гарольд и Флора знают, что мы уже несколько лет переписываемся. У меня всегда складывалось впечатление, что Флора это поощряет. Они тревожатся за Айрис. Она по натуре вольная птица.

— По-твоему, миссис Уокер усматривает в ее отношениях с надежным Эдвардом Синклером залог стабильности?

— Могло бы сложиться гораздо хуже, если бы она встречалась с тобой.

— А если у нее стеклянный глаз? — Брайант рассмеялся.

— Смейся-смейся, Джек, но у меня есть фотография. Здесь ей семнадцать. — Достав бумажник, он извлек из него небольшой семейный снимок. — Вот Айрис, — с энтузиазмом произнес он, указывая на стройную темноволосую девушку, кокетливо обнимающую отца.

— Хм, — промычал себе под нос Джек, не желая выдавать свои впечатления.

Но он был удивлен. Даже на этой зернистой фотокарточке девушка выглядела соблазнительной, весьма хорошенькой со своей широкой улыбкой и ямочками на щеках.

— Неплохо.

— Что?.. Да она роскошна, и ты это понимаешь.

— Фотография шикарная. Но все равно ты мало знаешь. В один прекрасный день она спрыгнет с подножки поезда, волоча свою деревянную ногу...

Теперь уже оба разразились хохотом, и Нед бросил в Джека целую охапку орехов.

— Ты увидишь ее достаточно скоро. Уокеры отправились в Бомбей сегодня утром. Они встретят корабль, а я вместе с другими членами семьи встречу их, когда они на поезде прибудут в Бангалор.

— Что ж, удачи тебе. Надеюсь, она найдет тебя неотразимым.

Нед улыбнулся и заявил:

— Только держись от нее подальше. Больше я ни о чем не прошу.

— Она целиком твоя. А как дела у Беллы?

— Она заметно выросла. Я вчера получил письмо. Гренфелл устроил шестинедельную поездку в Калькутту, так что последние полтора месяца она жила как самая настоящая светская бабочка!

— Ты этого для нее хотел?

— Я не смог бы обеспечить ей такую жизнь даже на четверть. Белл подходит роль светской львицы. В прошлом году я был в Мадрасе и увидел в ней такие самообладание и уверенность, которые можно встретить не у всякой женщины и вдвое старше ее. Белл совсем не такая, как я. Хочется надеяться, что мужчина, в которого она влюбится, будет богатым и сможет дать ей все, что она пожелает.

— Когда ты собираешься привезти ее сюда?

— Теперь она закончила школу, и ей почти шестнадцать. Надеюсь, в ближайшие пару месяцев.

— Хорошо. К слову, а как обстоят дела с домом для тебя?

— У меня ведь нет тех преимуществ, которыми пользуются работающие по договору, — вздохнул Нед.

— Да, и все же компания тебе платит. Нельзя сказать, что квалифицированные электрики толпами стучатся к ним в двери. А сам старик Лоусон не может даже показания счетчика снять.

Нед посмотрел на Джека с мягким упреком.

— Ты знаешь, что Лоусон — замечательный человек и хороший начальник. Я многому у него научился. У меня нет никакого желания сталкивать его с места, хотя ему точно пора, а я, конечно же, способен выполнять его работу.

— Ты чересчур скромн. Ты делаешь практически все.

— Мне всего двадцать четыре, Джек. Я не получу ни статуса, ни дома, который к нему прилагается.

— А я думаю, что тебе все дадут. Попробую выяснить.

— Нет, не надо ничего делать.

Джек поднял руку, остановив протестующие восклицания Неда.

— Я всего пару месяцев живу один, поэтому прекрасно знаю, как тебе опротивело общежитие. Я ничего не имею против итальянцев, но если бы Винче Батиста еще раз исполнил «О солие мио», я сбросил бы его в шахту Гарри.

Нед посмотрел на него. Оба знали, насколько опасна работа в этой шахте, одной из самых глубоких в мире.

— Не надо даже шутить так.

— Одним словом, я знаю, насколько меняется жизнь, когда ты получаешь собственный дом. Предлагаю тебе пожить у меня. Та гримаса, которую ты сейчас изобразил, была своеобразным ответом,

так ведь? Мол, спасибо, Джек, за заботу. Да, я буду рад пожить в Марикуппаме.

— Я благодарен за предложение, Джек, но ты лучше потомись там один, — улыбнулся Нед. — Будешь со своей новой веранды насмешливо разглядывать тех, кто осмелится пройти мимо. У меня скоро появится свое жилье. Кстати, ты придешь на пикник в Чемпион-Риф? Там ты сможешь познакомиться с Айрис.

— Я приду на танцы, но только ради того, чтобы удостовериться, что мой влюбленный друг не собирается жениться на особе, у которой задница как у слона.

Нед едва не подавился пивом, а Джек погрозил ему пальцем и посоветовал:

— Всегда смотри на мамашу!

— Прекрати! — Нед давился от хохота. — Ты безнравственный.

— Пойду посплю. — Джек поднялся. — Сегодня вечером у меня длинная смена.

Нед провожал глазами своего высокого друга. Тот покинул клуб, и Синклер осознал, что платить придется ему. Он не возражал. В отношении его Джек неизменно проявлял щедрость. Жестом подозвав официанта и дожидаясь счета, он смотрел, как Брайант шагал по дорожке, отделяющей сверкающие белизной и чистотой здания клуба от дороги. Найдет ли Джек когда-нибудь женщину, которая его устроит? Почему-то Нед в этом сомневался.

Они прожили в Коларе несколько веселых лет, и все считали, что Джек Брайант — неразборчивый волокита. Только Нед знал, как глубоко и серьезно мыслит его друг. Он просто предоставляет людям думать о нем, что им угодно, считать его таким красивым шалуном без сердца, а на самом деле Джек очень одинок. Сейчас, как и раньше, Нед чувствовал это и был убежден в том, что когда Джек наконец полюбит, это будет огненная страсть, сметающая все на своем пути.

Он потряс головой, освобождаясь от мыслей о друге, и вместо этого задумался об Айрис. Ее первое письмо, пришедшее совершенно неожиданно, воспламенило его воображение. Он никогда не получал писем от девушек, по правде сказать, ни одна из них до сих пор не обращала на него внимания, не говоря уже о том, чтобы интересоваться его жизнью. С тех пор Нед часто встречался с молодыми женщинами, мог даже считать себя популярным

действующим лицом на танцах и завсегдаем вечеринок. Но ни одна из них не обладала для него таким очарованием, какое излучала Айрис, несмотря на тот факт, что они ни разу не встречались.

В письмах она всегда задавала много вопросов и, по-видимому, ничего не имела против того, что ее родители обращаются с ним как с сыном. Айрис могла приложить к письму рисунок белки, которую увидела в Гайд-парке, кусочек только что сшитого платья, билет в Королевский театр в Брайтоне. Так все и шло. Эти письма, причем весьма частые, были своего рода окошками в ее яркую жизнь в Лондоне. Нед взял привычку не вскрывать их до тех пор, пока не останется один и не будет располагать временем, чтобы как следует ими насладиться. Часто за чтением он улыбался и всегда, проглотив вначале все письмо разом, потом пересматривал его заново, медленно, останавливаясь на особенно заинтересовавших его местах.

Она всегда проявляла тепло и нежность, но с годами их отношения углубились. Нед никогда не признавался в чувствах и все же ощущал, что Айрис ждет встречи с таким же нетерпением, как и он. Каждый раз, когда Синклер думал о ее приезде, горло у него сжималось. А вдруг она разочаруется? Что делать, если он окажется для нее недостаточно высоким, чересчур сдержанным, слишком открытым или скучным? Страхи нарастали как снежный ком, но ее последнее письмо их развеяло и убедило Неда в том, что отношения вышли на новый уровень.

Оно содержало еще и фотографию Айрис крупным планом. Она писала, что хотела послать карточку родителям, но в последний момент ей пришла мысль заказать дополнительный экземпляр для него. «Чтобы ты знал, кого искать, когда приедешь за мной». Ее слова источали надежду и уверенность в том, что он будет ее встречать и ждать. На обратной стороне снимка она изящным почерком написала: «Для Неда. Айрис. X»^[20].

В момент, когда Синклер посмотрел на фото и прочел зашифрованную подпись, сердце у него забило с удвоенной силой. А вдруг он придает этому слишком большое значение? Может быть, Айрис со всеми такая?.. Ему очень хотелось показать фото Джеку, но он воздержался. Нед желал, чтобы это была тайна, известная только ему и Айрис.

* * *

Джек ничего не имел против долгой прогулки до дома. Ходьба всегда помогала ему прояснить мысли. Если он прищуривался и не обращал внимания на красную землю и темный цвет кожи людей, окружающих его, то бывали минуты, когда ему казалось, что шахтные постройки — вращающиеся колеса, машинные залы, здания вокруг главной шахты — выглядят почти так, как в Корнуэлле. Он скучал по дому, по холоду. Благодаря неустанной ирригации Золотые Поля были необыкновенно зелеными, но за пределами садов и ухоженных участков пейзаж угнетал своей сухостью. Брайант тосковал по изумрудному морю, которым можно любоваться с корнуэльской бережьи в яркий весенний день, по полям, зеленеющим вокруг изрезанных ветром гранитных скал. Он никогда не жаловался на клубную жизнь, но бывали моменты, когда ему искренне не хватало анонимности корнуэльского паба и запаха свежееиспеченных мясных пирогов.

Джек не позволял себе подолгу предаваться воспоминаниям, поскольку от этого на него нападала тоска. Все же мысль о том, что однажды он, может быть, вернется в Пензанс, бывала приятна.

Пока, однако, его домом были Золотые Поля, где слишком многое доставляло ему удовольствие. Генри оказался во всем прав тогда, несколько лет назад. Здесь благоденствовало сообщество, составленное главным образом из британцев и европейцев. Основную часть самой тяжелой работы выполняли наемные индийцы, но стиль жизни в Золотых Полях определяли англо-индусы. Именно они принесли на поселение ту роскошь, которая всем нравилась. У них были большие семьи, благодаря смешению кровей их потомство отличалось красотой и экзотичностью облика. Густые черные волосы обрамляли лица от бледного и далее, минуя все оттенки смуглого, до почти черного. В этом обществе любили развлекаться, ходить на вечеринки, умели и работать, и отдыхать, соблюдали британский этикет, но при этом ели острый карри и наслаждались индийскими блюдами с труднопроизносимыми названиями, от которых их британских знакомых пробрала бы дрожь.

Что же касалось жилищных вопросов, то в Золотых Полях проводилась политика отчетливой сегрегации. Уже сам по себе клуб был откровенной демонстрацией этого. Ни один англо-индус не имел права въехать или войти на территорию через главный въезд. Им могли пользоваться только члены клуба. Если англо-индус хотел нанести кому-то визит, то для таких случаев существовал специальный боковой въезд. Что касается индусов, то единственной причиной их пребывания среди подстриженных газонов был уход за этими самыми лужайками или обслуживание членов клуба. Так что это низкое величавое здание с впечатляющим круговым въездом и лестницей, ведущей к обрамленным арочными колоннадами верандам, беспорядочно теснящимся на манер ласточкиных гнезд, где гости могли найти прохладу и отдых, было воплощением колониального духа. За колоннами шли живописные окна. Сверкая сотнями стеклянных панелей, они горделиво красовались под крутой крышей, выложенной шифером. Рядом с пальмами и другими тропическими растениями росли английские деревья, а фоном им всем служил роскошный зеленый газон со стильными клумбами великолепных цветов.

На ходу разглядывая все это, Джек в который раз подумал о том, как красиво содержатся Золотые Поля. В некотором отдалении от дороги располагались наполненные прохладой прекрасные дома, каждый в окружении собственного оригинального сада. Траву регулярно поливали и подстригали, так что везде, куда хватало глаз, простирался зеленый ковер. Британцам, составлявшим высший эшелон администрации шахт, предоставлялось право выбора жилища из числа домов с высокой живой изгородью и обширной прилегающей территорией. Следующими в иерархии шли фигуры покрупнее из англо-индусов. Они могли выбирать просторные дома с красивыми оградами и прекрасно ухоженными садами. На Джека производил огромное впечатление тот факт, что компания «Джон Тейлор и сыновья» обеспечивала своих работников бесплатным жильем, и не только! Она брала на себя расходы на электричество и выдавала всевозможные специальные пособия.

Стоило ли удивляться, что регион пользовался огромной популярностью? Даже индийским рабочим, составлявшим основную массу населения городка, предоставлялось отличное жилье в Майнерз-

Лайнз. Простые и прочные домики из бамбука были пределом мечтаний многих индийских семей, члены которых трудились на золотых приисках.

Когда Джек приблизился к Ургаум-бридж, над его головой загромыхали вагонетки. В них на другую сторону, на мельницу, перевозили кварц. Взглянув направо, Джек помахал рукой знакомому, который как раз заходил в библиотеку. В Полях она была одним из самых популярных мест. Именно здесь чаще всего зарождались и циркулировали сплетни. Так уж случилось, что в них часто звучало имя Джека. Но он не думал о хорошенькой девушке, с которой на этот вечер у него было назначено свидание. Перед ним вновь и вновь возникал образ Айрис Уокер. Когда он посмотрел на фотографию, его словно ударило током, тем самым, с каким он так хорошо умел управляться на шахте. Девушка на старом снимке словно смотрела ему прямо в сердце. Осознание этого потрясло его. Джек давно понял, что с чувствами Неда надо быть осторожным, потому что они хрупки. То, что друг испытывает к Айрис Уокер, — это серьезно.

Джек не мог не задаваться вопросом, в какой мере Айрис оправдывает ожидания Неда. Ему хотелось бы надеяться, что она до кончиков ногтей окажется той самой принцессой, которой ее считал Синклер. Но в ее взгляде было что-то такое, что заставляло Джека усомниться в этом.

Надежная семейная жизнь — вот все, что нужно Неду. За это Брайант не мог не питать к другу искреннего сочувствия. Как ни хотелось Джеку вновь увидеть мать, как ни мечталось иной раз произвести впечатление на отца, чтобы тот увидел, как преуспел в жизни сын, все же ему претила мысль о том, чтобы нуждаться в людях так же, как Нед, который просто не может быть один.

При мысли об отце, о том, как ему хочется произвести на того впечатление, Джек печально улыбнулся. Он представил себе, как стал бы объяснять Уильяму Брайанту, что прикрыл убийство человека — пусть дурного, но суть преступления от этого не меняется. Его совет Неду, который тогда, несколько лет назад, он давал таким суровым и убежденным тоном, сейчас утратил смысл. Сердце Джека внезапно наполнилось ненавистью к себе, чувством, которое на родине он испытывал беспрерывно. Брайант попытался представить себе, как стал бы все это описывать: «Убили одного человека... И я никому

ничего не сказал, более того, из кожи вон лез, чтобы прикрыть преступление».

Джек затряс головой. Его окутало облако сожалений. Внезапно он испытал острое желание вновь увидеть отца. Брайант уже несколько лет как не вспоминал об Уолтере Рэлли, но сейчас жестокость этого типа вновь воскресла в его памяти. Он убежал и предоставил отцу во всем разбираться.

В мрачном настроении поднимаясь на холм Фаннелла, Джек понял, что испытывает потребность попросить у отца прощения за трусость и ложь. И тогда он дал обещание самому себе. Однажды он приедет домой, найдет в себе мужество, нужные слова и расскажет отцу о своем безобразном поступке в Бангалоре. Возможно, прощения он не получит, но, по крайней мере, снимет наконец с себя эту обузу — необходимость жить, удовлетворяя высоким ожиданиям отца.

Джек не хотел ни есть, ни пить. Он очень устал, но все же свернул к скромной лавочке, которая лепилась к краю дороги. Таким одиноким, как сейчас, Джек не чувствовал себя никогда. Поэтому увидев живую душу, он испытал радость.

— Здравствуй, Чинатамби!

— Мистер Брайант, сэр! — воскликнул хозяин лавки, складывая руки, словно в молитве, и сияя белозубой улыбкой. — Я вас сегодня не ждал.

— Знаешь, я заглянул узнать, не найдется ли у тебя свежих яиц, — солгал он в ответ.

Высокий, худой, как тростник, индус то ли покачал, то ли покрутил головой и ответил глубоким певучим голосом:

— Найдутся, причем очень свежие, сэр. Снесенные сегодня утром. — Он сердито зашипел малолетнему чокре: — Маримуту, сходи принеси яйца. Джалди, джалди, — поторопил хозяин лавочки. — Как поживаете, мистер Брайант, сэр?

— Устал.

— Закончили смену и готовы, как говорится, бай-бай? — Чинатамби улыбнулся.

— Верно.

Вернулся мальчик, сын хозяина, неся полдюжины яиц. Следом за ним показалась девушка, судя по чертам лица — его сестра. Джек видел ее раньше и сейчас мгновенно узнал по особой плавной походке.

Она словно не шла, а скользила, как танцовщицы, которых он видел в Лондоне. Девушка была босая, но золотые браслеты на щиколотках позванивали так же нежно, как колокольчики, а ее ярко-желтое сари пылало вспышкой света в полумраке лавки.

— Твоя дочь?

— Да, сэр, моя дочь.

Джеку нравился индийский акцент, с которым английские слова звучали в устах этого человека. Слово «дочь» прозвучало как «дат». Брайант нисколько не сомневался в том, что если англичанин заговорит на тамильском, то для индуса это будет в равной степени забавно. Именно по этой причине он старался избегать подобных экспериментов.

— Ее зовут Канакаммал, — с гордостью представил Чинатамби.

Услышав свое имя, девушка отвела взгляд. Чинатамби сердито проговорил ей что-то. Она, словно через силу, повернулась к Джеку и кивнула из-под своего сари, которым прикрыла лицо. Джека поразил удивительный цвет ее глаз. Они были светло-серые, как голубиное крыло, и на темно-шоколадном фоне кожи производили магнетическое впечатление.

— У тебя красивые глаза, Канакам, — выпалил он, опешив от ее пронизывающего взгляда.

Еще когда Джек пытался выговорить ее имя, он уже знал, что это ему не удалось.

Хозяин лавки рассмеялся.

— Их бабушка со стороны матери персиянка. Она моя любимица, вот эта вот. Девочка тоже обожает своего папу и каждый день в это время приносит ему еду, видите, сэр? — Он прижал дочь к себе.

Джек заметил, что у девушки в руках небольшая посуда, завернутая в льняной платок. Уголки его, связанные вместе, образовывали импровизированную ручку.

— Пахнет вкусно.

— Дхал и рис, сэр, — объяснил Чинатамби, сопровождая свои слова еще одним жестом, который нравился Джеку.

Он поднял руку, словно вкручивая ее в воздух. Джек часто наблюдал, как люди делали так, и знал, что значение жеста меняется в зависимости от обстоятельств.

— Шесть анна, мистер Брайант, сэр.

В ожидании денег Чинатамби отдавал распоряжения детям. Джек не спеша отсчитывал монеты.

— Может быть, хотите что-то еще, мистер Брайант, сэр?

Тот лихорадочно выискивал повод задержаться.

— Пожалуй, да. Я как раз вспомнил, что мне нужна индийская тушь.

— У меня только черная.

— Я не знал, что бывает других цветов.

— Конечно. Есть синяя, я слышал о красной и зеленой. Но у меня никогда не было никакой, только черная.

— Отлично. — Джек представил себе, как выглядело бы письмо, написанное зеленой тушью.

Бросил взгляд на дочку. Та терпеливо ждала за прилавком. Она была неподвижна как статуя и потупила свои удивительные глаза.

— Ваши дети говорят по-английски?

— Только она, — произнес Чинатамби извиняющимся тоном. Но ей нужна практика. У остальных нет времени для школы и занятий языком. Вот. — Он вернулся. — Пять анна.

— На тот случай, если она не понимает, не мог бы ты сказать дочери, что она прекрасна как солнце?

Чинатамби заулыбался. Повернувшись к девочке, он быстро заговорил на тамильском. На мгновение ее взгляд вспыхнул, но она тут же опять потупилась и выше подняла край сари.

Выйдя из лавки на яркое утреннее солнце, Джек ощутил первые намеки на то, что лишь начиналось. К середине утра жар станет невыносимым. А ведь это октябрь, худшее позади. Он нахлобучил шлем. Джек терпеть его не мог, но с солнцем трудно спорить. Брайант ненавидел жару. Другие акклиматизировались быстро, прямо у него на глазах, но он никак не мог привыкнуть, чувствовал, что постоянная жара сильно сказывается на его настроении.

Его мысли вернулись к дамскому пикнику. Пойти? Нет. Но на танцах обязательно придется появиться, выполнить обещание. Он должен, хотя бы ради Неда.

Бросив взгляд на бутылочку с тушью, которую сжимал в руке, он решил, что это знак. Сегодня он напишет родителям. Джек уже не помнил, когда в последний раз писал им. От них тоже уже с год, а то и дольше не приходило вестей. В последнем письме говорилось, что

отец и мать здоровы, бизнес в порядке. Мама сделала короткую стрижку, а дом перекрашивают.

Джек пообещал себе сегодня же положить начало регулярной переписке и постепенно построить мост, который однажды приведет его обратно в Корнуэлл.

Нед нетерпеливо ждал на запруженной народом платформе станции Баурингпет. Он задавался вопросом, заметят ли его в гуще такого множества людей, ждущих поезда на Мадрас. Ему казалось, что шум заглушает даже его мысли, так громко говорили пассажиры и кричали носильщики, которые со своими тележками, нагруженными вещами, лавировали в толпе. Как обычно, цвета женских сари поражали, но Неда никогда не утомляла их красота.

Этот день был особым, поскольку в городе проходил праздник Карага, весьма важный для этого региона. Индианки были разряжены до кончиков ногтей, даже самые бедные выглядели великолепно в своих прославленных шелках. Нед посмотрел в сторону женщин из семьи Уокер и снова поразился разнице между британками и индианками, которые в своих колышущихся нарядах были изящными и женственными. Зато накрахмаленные одежды — кремовые, белые и цвета хаки — стилизованные под британский тропический костюм, придавали дамам из семьи Уокер жесткость и натянutosть. Зачем они копируют англичан? Нед отдал бы руку за такую экзотическую внешность.

Было решено, что вся семья соберется на этой платформе, где большинство путешественников совершает пересадку с одного поезда на другой. Руперт Уокер взял у друга на время машину и планировал после встречи отвезти родителей обратно в Золотые Поля. Всем остальным предоставлялось добираться до дома самостоятельно. Пока что Нед не имел на этот счет никаких конкретных планов, но следующий день у него был выходной, так что он не беспокоился. Если его что и волновало, то это пятнышко в самом низу его новых модных брюк с отворотами. Со слов Джека, в Британии сейчас от таких с ума сходят. Нед Синклер выругался себе под нос. Он хотел, чтобы Айрис заметила только его положительные качества, а не несовершенства.

Нед снова бросил взгляд на цветы — букетик, составленный из азалий, камелий и розовых бутонов.

— Гм, — протянула цветочница, увидев собранный им букет. — В этих цветах таится глубокий смысл.

— В самом деле? Надеюсь, только хороший?

— Если вы влюблены, то безусловно.

— Я понятия не имел. — Нед сконфузился, почувствовал, что краснеет. — Я никогда с ней не встречался, — добавил он, надеясь таким образом предотвратить лишние вопросы.

Теперь, узнав значение составленного им букета, Синклер был доволен своим выбором и скрытым смыслом, который несли в себе лепестки и ароматы. Но тронет ли все это сердце Айрис? В конце концов, они ведь всего лишь друзья по переписке.

К нему приблизился Руперт и заметил:

— Красивые цветы, Нед.

— Спасибо. Они вянут, — тихонько вздохнул тот.

— Я тоже. — Из кармана жилета Руперт извлек часы на цепочке, и как раз в этот момент в отдалении раздался свисток паровоза.

— Ага, теперь уже вот-вот. Точно по расписанию, слава богу. Честно говоря, мне никак нельзя задерживаться. У меня назначена встреча.

Руперт был старше Айрис, но, как узнал Нед, она любила его больше других братьев. Синклера радовало, что он так хорошо ладит с Рупертом. Тот был старшим клерком и недавно перевелся в отдел химического анализа фирмы «Джон Тейлор и сыновья». Нед не раз задумывался, как случилось, что Айрис и Руперт так близки друг другу. Ведь они такие разные. Она общительная и экспансивная, он спокойный и сдержанный. Руперту был не чужд своеобразный сухой юмор, что импонировало Неду. Но больше всего этот человек нравился ему за то, что был невысокого роста. В ботинках не больше пяти футов семи дюймов.

— Ты очень давно видел Айрис. Узнаешь ее? — спросил Нед, просто чтобы убить оставшиеся несколько секунд.

Чтобы ответить, Руперту пришлось перекрикивать подкатывающий поезд:

— Айрис не меняется. Она всегда была малышкой, принцессой... самой избалованной из всех. Наверное, сейчас, в лондонском наряде и со столичными замашками, она стала еще пленительнее. Так что нет, сразу я ее, наверное, не узнаю, но когда услышу голос и этот чудесный смех, то перестану сомневаться и только тогда почувствую, как скучал по своей младшей сестричке.

Люди напирали, наступали им на ноги, матери поудобнее пристраивали на руках младенцев, призывали детей, отцы упорядочивали багаж — от кур в клетках до тюков потрепанной одежды. В индийских поездах Неду приходилось путешествовать только первым классом. Он понятия не имел, какой оглушительный шум стоит в других вагонах, как там пахнет. Были и такие, которые пристроились на крыше. Нед улыбнулся сам себе, чувствуя трепетную связь между собой и этими «зайцами». Он не забыл, как сам явился в Рангун.

— Я уже сто лет не получал от нее писем, — продолжал Руперт.

Нед покраснел от удовольствия. Ему Айрис писала регулярно.

— Еще не известно, понравится ли ей моя невеста. Айрис, видишь ли, бывает ужасно ревнивой. Но сейчас ей уже почти двадцать четыре, и у нее на уме, надо полагать, есть вещи поинтереснее, чем то, на ком именно я собираюсь жениться. Однако нам пора, — заключил он, кивая в сторону путей.

Голова у Неда закружилась, когда паровоз, выпустив облако пара и засвистев, замедлил ход и остановился. Люди бросились к вагонам. Сердце у Синклера забилося. Сейчас он ее встретит. Приглаживая волосы на затылке и одергивая пиджак, он тянул шею, стараясь разглядеть что-нибудь через головы людей. Нед увидел Гарольда Уокера — тот уже высмотрел свою семью и теперь махал рукой.

И вот наконец она появилась!

Айрис Уокер, протиснувшись мимо отца, высунулась из окна и принялась с энтузиазмом размахивать руками, приветствуя братьев и сестер. Нед ревниво наблюдал, как, поискав глазами, она увидела старшего брата и уже не отрывала от него взгляда. Он очень хотел, чтобы Айрис заметила его, с другой стороны, сейчас у него появилась возможность рассмотреть это видение, выдержанное в бледно-голубых и белых тонах. Она улыбалась так, что на щеках появлялись ямочки, ее лицо сияло. Неожиданной оказалась короткая стрижка, но волосы Айрис так сияли, что к ним хотелось прикоснуться, не говоря о том, что открывалась стройная шея, опьянев от которой его взгляд, не в силах противиться соблазну, скользнул к безупречной смуглой коже над грудью.

Поезд с грохотом затормозил, двери начали открываться. Из вагонов хлынули люди, и в последующие лихорадочные минуты Нед

потерял Айрис из поля зрения. Его оттеснило от Уокеров огромное семейство с целой горой багажа, включающего козла и четырех уток, которое направлялось к вагону третьего класса. Нед отступил и встал на цыпочки. Вот опять вспыхнуло бледно-голубое сияние, и пульс у него снова зашкалил. Если бы он только был повыше! Джек, будь он неладен, возвышался бы над толпой на целую голову.

— Эй, Нед, сюда! — позвал кто-то.

Он подумал, что это Руперт, снова принялся протискиваться вперед, по пути споткнулся о рассерженного петуха и угодил в объятия какой-то старухи. Замотанная в бледно-розовое сари, она криво ухмыльнулась при виде его неловкости.

Когда он наконец восстановил равновесие, Айрис задыхалась в семейных объятиях.

Тем временем Гарольд Уокер протянул ему руку и сказал:

— Здравствуй, Нед. Боже, что за толпа. Спасибо, что приехал.

— Мог ли я пропустить такое событие? — С этими словами Нед обнял Флору Уокер. — Хорошо добрались?

Она прикоснулась к его щеке и заявила:

— Ты такой худой. Приходи сегодня к ужину.

Синклер с улыбкой кивнул. Будто по команде, братья и сестры расступились, и он увидел ее, свою мечту, в дерзновенно-коротком платье, из-под которого были даже видны колени. Оторвав взгляд от неотразимых ног Айрис, Нед, минуя соблазнительное декольте, постарался сосредоточиться на лице, которое так жаждал видеть. Оно его не разочаровало. Айрис была ослепительна и радостно ему улыбалась. Девушка подняла руки так, что свободные рукава белой атласной блузки скользнули к плечам, и отбросила от лица несколько прядей. От этого жеста сердце у него забилося, как молот. Все в ней было гораздо более изящно и красиво, чем он себе воображал.

— А ты, наверное, Нед! — воскликнула она. — Наконец-то!

Без какого-либо предупреждения он оказался в бурных объятиях и в облаке головокружительных духов.

— Так трудно поверить! — С этими словами девушка поцеловала его в обе щеки.

— Привет, Айрис, — робея, произнес он. — Ты такая хорошенькая. — Слова выскакивали из него прежде, чем он успевал их подвергнуть внутренней цензуре.

— Спасибо, — в восторге ответила она и, смутившись, сделала реверанс. — А эти цветы для меня?

Нед совершенно забыл, что держит их в руках.

— Да, для тебя. Ой, прости. Вид у них довольно жалкий.

— По-моему, они изумительны. — Она протянула руку за цветами.

Когда ее пальцы в перчатках коснулись его руки, у Синклера на мгновение закружилась голова.

— Что ж, вперед. Не стоит ждать здесь, — объявил Уокер.

Спустя некоторое время они вышли на главную улицу, где тоже бурлила жизнь. Праздник был в полном разгаре. Толпы голых по пояс молодых мужчин расхаживали по улице, демонстрируя свои мечи в честь героев прошлого.

— Я скучала по Индии, — Айрис театрально вздохнула.

Лицо ее отца просияло восторженной улыбкой, он прижал дочь к себе и произнес:

— Рад слышать это, дорогая. Итак, Руперт, каков план?

— Я беру джатку и возвращаюсь на работу, и так уже опаздываю, а Джим отвезет тебя, маму и Айрис домой. Друг дал мне на время машину. Остальные доберутся самостоятельно. Увидимся вечером.

Руперт расцеловал на прощание мать и Айрис, а прочие члены семьи наперебой подходили, чтобы тоже обняться на дорожку. Когда все разошлись, каждый в свою сторону, чтобы добраться до Золотых Полей, Нед на расстоянии, возникшем не по его собственной воле, наблюдал, как Гарольд Уокер садится в громоздкую черную машину. Джеймс махнул на прощание Неду и занял свое место водителя.

Синклер вздохнул. Айрис исчезла почти сразу, как только появилась, и ее внимание к нему было мимолетным. Он не мог не почувствовать себя самую малость заброшенным.

Отвернувшись, Нед задумался, как вернуться в Золотые Поля.

Кто-то слегка похлопал его по плечу, и он обернулся.

— Мы настаиваем, чтобы ты поехал с нами.

— Это точно? Может быть, ты хочешь побыть с...

— Нед! Я пять дней напролет провела с мамой и папой. Теперь очень хочется пообщаться с ровесниками. Если, конечно, тебе не надо давать кому-то отчет.

— Э-э... Нет. Я живу один.

— Хорошо! — Обвив его рукой, она повела Неда к машине. — Я слышала, через несколько дней будут танцы. Может, ты меня отведешь?

Тело Неда согрела стремительная волна жара. Словно в это самое мгновение сбылось все, о чем он когда-либо в жизни мечтал. Застыв на месте, Синклер смотрел в это любимое лицо, в карие глаза.

— Я не позволил бы никому другому это сделать.

— Звучит немного мелодраматично, Нед, но я вся твоя. — Айрис рассмеялась.

Он знал, что улыбается, как последний идиот.

— Пошли. Старика, когда устают, делаются ворчливыми. Но ведь ты наверняка уже знаешь моих родителей лучше меня.

— Они, по-моему, никогда не устают! — Нед следом за Айрис сел в машину, по ходу дела стараясь не пялиться на идеальный изгиб ее лодыжки или на тонкую голубоватую венку под коленом.

Этого путешествия Нед не забудет до конца дней. Часы, проведенные впритирку с Айрис Уокер на заднем сиденье, где ее левая нога прижималась к его правой, стали одними из счастливейших в жизни Эдварда Синклера. В таком положении было довольно трудно смотреть на лицо девушки, поэтому он просто наслаждался звуком ее голоса и изучал беспрестанные движения рук, пока она возбужденно рассказывала о Лондоне, о своих путешествиях по Европе в обществе очень богатого семейства Фицгиббон, которые предложили ей работу в качестве гувернантки их дочерей.

Нед изо всех сил старался не молчать, хотя он был бы вполне счастлив, если бы можно было просто слушать Айрис. Она так и искрилась энергией и весельем.

— Я никогда толком не понимала, что такое Карага, — заметила Айрис, когда в поле их зрения показалась группа голых по пояс мужчин.

Сопровождая машину, они с громкими восклицаниями подпрыгивали, после чего обогнали их и умчались вперед.

— Я знаю об этом совсем немного, — начал Нед, решив, что на эту тему он может высказаться, и питая смутную надежду вызвать интерес. — Это один из старейших индийских праздников, но его отмечают только здесь, в регионе Карнатака. Карага — это сосуд, внутри которого скрыт какой-то секрет, по-моему, как-то связанный со

здоровьем. Молодые смельчаки возвещают о появлении человека, несущего сосуд. — Он указал в окно машины. — Видите мечи у них в руках?

— Папа никогда не позволял нам смотреть эту часть ритуала.

— Ночью они ходят по огню.

Айрис открыла рот.

— Я видел это своими глазами. — Нед был в восторге оттого, что сумел произвести на нее впечатление. — А вы, Гарольд и Флора, видели?

— Да, конечно, — ответил Уокер. — На наш вкус, это зрелище немного сумасшедшее.

Нед заулыбался и продолжил:

— Если человек, несущий сосуд, уронит его, воины имеют право убить этого человека. Возможно, в прежние времена так и поступали. Эти люди ходят по раскаленным углям, не проявляя никаких признаков боли и не получая ранений, колют себя мечами, часто дырявя кожу так, что течет кровь.

— Но они ведь при этом в трансе?

— Да. Поэтому-то и не чувствуют боли.

Разговор перешел на планы празднования дня рождения Флоренс, одной из сестер, и на приближающуюся помолвку Руперта.

Нед с удовольствием молчал до того момента, когда показались зеленые холмы и шахтные строения Золотых Полей.

Машина подкатила к круглому участку, словно вырезанному из цветущего зеленого сада, — одной из главных местных достопримечательностей.

— Это место называется Пять Светильников, Айрис, — принялся объяснять Уокер. — Пять больших ламп на столбе освещают дороги, которые в этом месте пересекаются и ведут в различные точки Золотых Полей.

— Довольно романтично, правда? — С этими словами девушка посмотрела на Неда.

Может быть, она только сейчас заметила, какой он стал тихий?..

— Здесь так хорошо. Представляю себе, как чудесно по вечерам. Сколько еще?

— Мы почти приехали! — подал голос Джеймс. — Осталось самое большее десять минут.

— Прекрасно. Я умираю от голода и устала. Надеюсь, дома прохладно.

— Конечно, — успокоила ее мать тоном, по которому чувствовалось, что она снисходительно относится к нытью дочери.

Нед поймал взгляд Айрис. Синклер был уверен, что она посмотрела на него опять из-за того, что он стал слишком молчалив.

— Вообще-то, Айрис, это один из самых красивых домов в Ургауме. Я работаю не очень далеко. Отдел электрификации как раз напротив, по прямой по крайней мере. Хотя если добираться, то надо ехать на велосипеде.

— Я рада, что ты намерен навестить нас, Нед. — Айрис улыбнулась, краем глаза глядя на него, а потом прищурилась как-то чрезвычайно многозначительно.

Сердце у него опять подпрыгнуло. Чтобы не выдать себя, он уставился в окно. Нед знал, что не ошибается. Айрис определенно с ним флиртует. Они так долго сидели буквально нога об ногу, что он уже не знал, где кончается его колено и начинается ее, и не осмеливался глядеть. Айрис точно им интересуется!

— А вон школа, — указал Уокер.

— Ты разговаривал там обо мне, папа?

— Да. Разумеется, они заинтересованы в беседе и в том, чтобы предложить тебе должность. Хорошие учителя здесь всегда нужны.

— Может, прокатимся по территории? — предложил Джеймс. — Ты сможешь составить себе общее представление о Полях. Нед, ты ведь никуда не опаздываешь?

— Нет, — поспешил ответить Синклер.

— Вон там, справа, клуб и площадка для гольфа, за ней церковь Святого Михаила. Мы в нее ходим. Может быть, в ней ты будешь венчаться, — сказала Флора и рассмеялась, когда Айрис закатила глаза и застонала.

Джеймс вошел в роль экскурсовода:

— Слева отделение электрификации, где работает Нед. — Он указал на высокое белое здание. — Там шахты обеспечивают электричеством. Правильно?

— Да, здесь все очень современно, Айрис. — Синклер застенчиво улыбнулся. — Сейчас мы, в принципе, находимся в Чемпион-Риф. Вот

эта дорога ведет в Робертсонпет, симпатичный городок с государственной больницей.

— Я никогда всего этого не запомню, — заметила Айрис.

— Запомнишь, — негромко произнес Нед. — Как только начнешь ориентироваться, все покажется тебе маленьким.

Так все и шло. Джеймс рассказывал Айрис о местах, ставших уже родными Неду. Синклер постарался припомнить, как для него самого прошел первый день в Полях, но это было словно в другой жизни. Белла не хотела его обидеть, но все же предпочла остаться в Мадрасе. Нед понял ее. Он и сам изменился, да и все устройство его быта не подходило для девочки-подростка. Гренфеллы дали ей замечательную жизнь и прекрасное образование. Робби со своим планом подарил им гораздо больше, чем просто возможность бежать.

— Помнишь, я тебе рассказывал о моем друге Джеке? Он работает вот на этой шахте. Она называется шахта Уильяма, на Верхней жиле. Я знаю, Джек тебе понравится, — заключил Нед.

— Несмотря на то, что он немного бесшабашный, — заметил Уокер.

— Бесшабашный? — вопросительно повторила Айрис.

— Думаю, твой папа, как вежливый человек, смягчает факты, но он имел в виду, что Джек немного повеса, — рассмеялся Нед.

— В самом деле? В таком случае жду не дождусь встречи.

— Ты его скоро увидишь. Я уговорил Джека прийти на танцы в следующий вторник.

— Так, первый уже есть, — пробормотала мать.

Когда машина покатила по недлинной круговой подъездной дорожке, Айрис вскрикнула от удовольствия:

— Как чудесно! Мне так нравится это большое дерево!

— Оно дает прекрасную тень, дорогая. Папа любит вечером пить под ним чай.

Они выбрались из машины, потягиваясь и отдирая от кожи одежду, прилипшую в тесноте и жаре салона. Разговор зашел о доме, о слугах, которые ждали на ступеньках, чтобы поприветствовать мисс Айрис.

Нед почувствовал, что пора ретироваться.

— Джим, тебе понадобится помощь с чемоданами, когда их доставят? Потому что если нет, то я, пожалуй, пойду.

— Не спеши, — сказал доктор Уокер. — Пожалуйста, оставайся...

Нед чуть было не поддался, но все же решил, что не стоит злоупотреблять гостеприимством доктора.

— Не могу, сэр. У меня за несколько недель накопились кое-какие дела. Это мой первый выходной за долгое время. Мне было очень приятно провести его с вами, но думаю, сейчас вам лучше побыть в кругу семьи.

— Тыходишь в нее, Нед, — произнес Джеймс, удостовераясь, что в машине ничего не осталось.

Синклер кивком выразил благодарность.

— Все устали. Не беспокойтесь, я вернусь.

— Хорошо, Нед. Увидимся позже. Если будет желание, приходи на ужин. Или встретимся на пикнике.

Нед отвечал уже на ходу:

— Гарольд, пожалуйста, попрощайтесь за меня с леди. Не хочется им мешать.

Оставалось надеяться, что Айрис огорчит его уход.

Гарольд отдал ему шуточный салют и скрылся в тени дома, явно одного из лучших в округе. Нед задумался, сумеет ли Айрис после разнообразной жизни в Лондоне приспособиться к существованию здесь, в крохотном оазисе посреди индийской пустыни. Можно не сомневаться, она моментально стяжает лавры первой красавицы, благодаря своей внешности станет желанной целью для местных холостяков. Их здесь хватает, и многие в состоянии предложить гораздо больше, чем Нед.

Так что действовать надо быстро. Он сделает предложение Айрис, как только наберется мужества. Может быть, придется даже привлечь Джека. Никто лучше его не знает, как завоевать сердце женщины.

* * *

Айрис из окна смотрела, как Нед уходил по дорожке. Он в полной мере оправдал все ее ожидания. Вынося суждения о людях, она часто ошибалась, но Нед оказался тем самым застенчивым, осторожным, умным молодым человеком, каким девушка его себе и представляла. Было видно, что Синклер уже очень близок с ее семьей, очевидно, по

причине отсутствия собственной, хотя он всегда с большой нежностью упоминал о сестре.

Чего она не представляла, так это внешности Неда, которая во многом ее удивила. Она считала его более высоким, почему-то смуглым, даже несмотря на то, что однажды он заметил в письме, что в его семье все светловолосые. Айрис почему-то думала, что Нед носит очки и имеет вид человека, занятого наукой. Мужчина, который встретил ее сегодня на платформе, оказался гораздо красивее, чем она ожидала. Улыбка, озаряющая его лицо, была открытой и заразительной. Ей понравился тембр голоса Синклера, в нем чувствовалась какая-то бархатная мягкость, отчего слушать этого человека было приятно.

Нед был осторожен, но смотрел ей прямо в глаза и твердо выдерживал ее взгляд. При этом в его взоре угадывалась какая-то наивность, задумчивость, подтверждавшая ее общее впечатление о том, что он мечтатель.

Улыбнувшись, она помахала рукой, хотя Нед, наверное, этого не заметил. Лишь однажды он ненадолго обернулся, и ей понравилось жаркое волнение, которое пробудил в ней его взгляд. Отвернувшись от окна, она посмотрела на подаренные им цветы, которые по распоряжению Флоры уже поставили в ее комнату.

Они были мягкие по цвету и форме — как раз такие и должен был выбрать Нед. Невозможно себе представить, чтобы он повысил голос. После тех скандалов, на которые она насмотрелась у своих работодателей, это радовало. Внешне приличный брак за закрытыми дверями представал совсем другим. Не без причины жена в жаркую погоду сплошь и рядом ходила в платье с длинными рукавами. Однажды ночью Айрис разбудили ее приглушенные крики. Не раз ей приходилось вставать, чтобы проверить, не разбудила ли детей ссора родителей, пьяные крики отца и мужа или его грубые сексуальные домогательства.

Нет, уже в самую первую встречу Эдвард Синклер произвел на нее самое благоприятное впечатление. Она увидела, что с ним можно будет жить спокойно, безопасно, что он надежный и добрый человек. Более того, Нед, по всем признакам, влюблен. Она обхватила себя руками за плечи. Влюблен в нее! Айрис с детства привыкла быть центром внимания, самой младшей и хорошенькой, более других

подававшей надежды. По крайней мере, так это выглядело. Она покинула Индию на волне надежд, но Британия их быстро развеяла. Там девушка была просто служанкой с экзотической внешностью и забавным акцентом.

Она столь нечасто знакоилась там с мужчинами, что надежды найти любовь «за границей» быстро улетучились. А потом в ее жизни появился Нед. Однажды утром его письмо оказалось на ковре в прихожей дома, в котором она служила. Индийские почтовые марки с изображением солдат, незнакомый почерк, уверенный и четкий. Все это взволновало ее. В конверте оказалось очаровательное письмо. Нед тщательно подбирал слова, однако подробно рассказывал о том, как судьба подарила ему близость с ее родителями, о печальных подробностях того, что случилось с его семьей. Послание содержало даже предложение угостить Айрис сливочным мороженым с фруктами и взбитыми сливками у фонтана в «Фортнум энд Мейсон»^[21]. Такова была его мечта, осуществить которую он постоянно себе обещал, но до сих пор не смог этого сделать. Только с момента личного знакомства с Недом она поняла, как он был ею очарован, причем задолго до того, как они встретились.

Девушка лукаво улыбнулась. Он определенно из тех, за кого надо выходить замуж, к нему так легко хорошо относиться... Наверное, еще легче любить, учитывая, что родители уже всей душой его одобрили. Это их осчастливит.

В Лондоне она не без беспокойства задумывалась, не разочаруют ли ее Золотые Поля после знакомого дома в Бангалоре... Но милый Нед Синклер! Что за чудесный поворот событий!

Айрис напомнила себе о необходимости сдерживать чувства. В Лондоне она, соблюдая безопасную дистанцию, наблюдала, как молодые светские львы наперебой изображают перед девицами искреннее восхищение и в итоге неизменно добиваются своего.

— Пусть мужчина ревнует тебя к другому. Для нас лучше всего, чтобы он пребывал в этом состоянии, — услышала Айрис на вечеринке слова одной девушки, обращенные к другой. — Это распаляет их до невозможности, и они соглашаются на что угодно. — Собеседницы весело рассмеялись.

Айрис запало в душу это замечание, но к Неду оно не имело никакого отношения. Он хороший человек с серьезными намерениями.

Ей не терпелось получше его узнать.

— Вы проснулись, мастер Нед, сэр? — позвал чокра через дверь, представляющую собой москитную сетку на раме.

Синклер спал после ночной смены. Он знал, что для инженера по электричеству длинные смены, начинавшиеся с вечера, были самыми тяжелыми. Нед, как мог часто, вызывался работать ночью, и это не было ему в тягость, поскольку означало дополнительное дневное время, которое можно провести с Айрис. При всем доверии Уокеров, они не склонны были слишком часто разрешать своему сокровищу гулять по вечерам.

Нед любил свою работу. Обеспечение шахт электричеством было важной и чрезвычайно ответственной задачей. На родине ему никогда не доверили бы ее выполнять. Кроме того, за последнее время вполне реальной стала возможность, что он займет самую ответственную должность во всем отделении. Бывали моменты, когда ему хотелось ущипнуть себя. Джек оказался прав!.. Надо оставить прошлое ради будущего, которое представлялось для них обоих таким светлым.

— Доброе утро, Джозеф. Как дела у Уокеров?

— Мастер Нед, мадам спрашивает, не захотите ли вы помочь готовить куль-куль для танцев во вторник?

Стоя на пороге в пижаме, Нед рассмеялся и потянулся. Разумеется, он не упустит возможности побыть в обществе Айрис. Формальное приглашение принять участие в приготовлении пирожных куль-куль было честью, берегаемой обыкновенно для близких родственников.

— Передай мадам, что я скоро приду. И еще, Джозеф, пожалуйста, поблагодари ее.

Мальчик убежал. Нед не стал тянуть время. Он уже успел привыкнуть пользоваться знаменитым душем под названием «Ганг», основными деталями которого являлись ведро и кружка, быстро окатился и натянул свежую сорочку. Не прошло и нескольких минут, как Синклер покинул свое скромное обиталище, состоящее из трех маленьких комнаток. Итальянцы вряд ли будут возражать, если он позаимствует их велосипед. В конце концов, совсем недавно они позаимствовали такой же у него и вернули с погнутым колесом, так

что теперь велосипед находился в мастерской в Нандидруге. Формально Синклер даже не имел права на это жилье, предназначенное для высших должностных лиц и работников по договору. Однако откуда-то из административных недр — вероятно, не без вмешательства Джека — поступило предложение выделить ему эти три комнатки в скромном коттедже. Вместе со своими собратьями домик составлял небольшую улицу, и с тех пор Нед счастливо в нем обитал. Что касается самого Джека, то он недавно переехал в собственный дом на холме.

В доме Уокеров приготовления уже были в разгаре. Подходя, Нед почувствовал запах свежего кофе. Послышались взрывы смеха. Как обычно, Сабу не сказал ничего, но вся его манера была уважительна и исполнена достоинства.

— Доброе утро, Сабу.

Тот кивнул, но так, что это движение выглядело как вежливый поклон.

— На кухне?

— В столовой, сэр. Беспорядок там изрядный.

— Доброе утро всем! — поприветствовал Нед хозяев, отодвигая занавеску, закрепленную на дверной раме, и входя.

Поискав глазами Айрис, он ее не нашел, отчего испытал острое чувство разочарования. За столом устроились Флора Уокер и две ее дочери. Внезапно Синклер почувствовал себя глупо.

— Только не говорите мне, что я здесь единственный мужчина.

Ответом было дружное хихиканье.

— Так и есть, мой мальчик, — подтвердила Флора. — Меня расстроило, что ты не пришел вчера на ужин.

— Это время для семейного общения.

Флора подняла палец и заявила:

— Ты член семьи, Нед. Никогда не думай иначе. Айрис спит, ленивица такая, но скоро встанет.

Настроение Неда мгновенно улучшилось.

— Садись сюда, — предложила Кристин, пододвигаясь.

— А ты помнишь, как это делается? — осведомилась Флора.

— Пару лет назад, на Рождество, он наклеил с нами довольно много пирожных, мама, — ответила за него Джеральдина. — Кофе, Нед?

Улыбнувшись ей, он кивнул.

— Ты ел? — спросила Флора.

— Я не голоден, спасибо.

Флора выразительно выдула из себя воздух и сказала:

— Попроси Сабу, чтобы с кофе подали пирожки с карри.

При одном упоминании о знаменитых миниатюрных пирожках с пряностями, испеченных Флорой, у Неда заурчало в желудке.

— Ты говорила, они для танцев, — возразила было Кристина, но без особого пыла.

Они все любили Неда и рады были его побаловать.

— Да, но мужчина должен быть сытым. А вот и наша соня. Доброе утро, дорогая. — Флора встала и поцеловала свою любимицу в лоб. — Садись рядом с Недом.

Он вспыхнул, подождал, пока умолкнут всеобщие приветствия, и спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Айрис?

— Быть здесь очень странно, но в то же время удивительно.

— Хорошо. — Он встал, пропуская ее.

Когда она, едва не задев его, скользнула мимо, Нед ощутил прилив радости и поспешил сесть.

— Танцы тебе помогут, моя девочка, — заверила Флора. — Думаю, ты встретишь там и знакомые лица из Бангалора. Тебе покажется, будто ты и не покидала Индию.

— Наверное, — улыбнулась Айрис. — Так что мы тут делаем? Дайте мне вилку!

— Может быть, ты лучше будешь катать шарики, дорогая? Ты ведь уже сколько лет не лепила их.

Состроив в ответ шутливо-гневную гримасу, девушка схватила Неда за руку, в которой тот сжимал вилку.

— Ты в самом деле считаешь, что Нед Синклер лепит куль-куль лучше меня? Да ведь он даже не англо-индус!

Принесли кофе. Аромат свежее испеченных пирожков с карри привнес ощущение праздника.

Сидя напротив гостя, девушки делали из теста катышки примерно того же размера, какого были мраморные шарики, в которые Нед играл в детстве. Они работали ровно, разговор от свадебного наряда Эльзы Драммонд переходил на решение вопроса, готовит ли миссис Ирвин

лимонад такой же вкусный, как Флора, что последняя решительно отрицала.

Задача же Неда и Айрис заключалась в том, чтобы с одной стороны сдавливать эти идеальные шарики зубцами вилки. После этого кружки складывались гладким боком внутрь, а ребристым наружу.

— Нед, пирожки уже не горячие, а вот твой кофе стынет. Давай мне то, что готово. Я отнесу, чтобы обжарили во фритюре, а ты тем временем сделай перерыв. — Флора поднялась.

Девушки продолжили скатывать шарики, а Айрис занялась следующей порцией в одиночку.

Нед расслабился и, указывая на пирожки, спросил ее:

— А ты?

— Я не могу. Сыта еще со вчерашнего. Мама устраивает банкет каждый вечер, а гостей так много, что фруктовым пирогам и вадаи^[22] не видно конца!

— Ты ведь, наверное, несколько лет не ела вадаи! — сказал он, рассмеялся и подумал заодно о хрустящей, жаренной во фритюре чечевице, приправленной луком и кориандром, — блюде, характерном только для Южной Индии.

— Я не жалуясь, но в Лондоне все так озабочены своими фигурами.

Нед бросил взгляд на ее осиную талию.

— Думаю, тебе не о чем беспокоиться.

— Знаешь, в Англии есть такая поговорка, что девушке следует почаще смотреть на фигуру своей матери, а нашу вряд ли можно назвать тростинкой. — Все так и ахнули, но она не отступала: — А что, я не права? Вам-то хорошо, вы живете отдельно, а я с мамой, у нее на глазах. Она меня будет кормить, пока я не лопну, и плакаться при этом, что все ее птенцы покинули гнездо.

Сестры как одна расхохотались.

— Неужели ты не скучала по ее чудесным домашним блюдам? — спросил Нед.

Он любил пряную еду Южной Индии, но давно уже понял, что британцы видоизменили многие блюда, подогнав их под свой вкус. Так образовалась особая кухня — англо-индийская.

— Ты, конечно, прав. Я бы хоть каждый день ела мамин дхал, а не жареную говядину, но дни вот этих свободных линий сочтены, — сказала Айрис, приподнимая ткань своего бледно-розового платья с приспущенной талией, и погрозила пальцем. — Помяните мое слово, вы еще поблагодарите меня за это предупреждение, когда настанет время затянутых талий и крутых изгибов.

Девушки насмешливо зафыркали.

— Больше никаких плоских бюстов! — продолжала Айрис.

Смех усилился.

— Каждый изгиб ваших...

— Айрис! — Вошедшая Флора заметила, как дочь подпирает груди ладонями.

Айрис сдавленно пискнула и спросила:

— Я смутила тебя, Нед?

— Не обращай на меня внимания. — Говоря это, он изо всех сил старался не покраснеть.

Девушки прыснули, а Нед решил, что самое время ретироваться.

— Леди, было очень весело, но, пожалуй, я лучше разыщу Джека. Мы нарубим дров или сделаем что-нибудь еще в том же роде.

— А как поживает красавец мистер Брайант? — осведомилась Джеральдина. — Я слышала, он разбил сердце Дафны.

— Очередное в длинном ряду таковых, — вставила Кристина.

От Неда не ускользнуло, как внимательно Айрис прислушивалась к этому разговору.

— Прекрати, Джеральдина, — продолжала старшая сестра. — Ты, по-моему, сама никак не можешь забыть, что Джек Брайант не отреагировал на твои заигрывания.

— Ерунда! — Смуглое лицо Джеральдины зарделось румянцем. — Не вздумай когда-нибудь повторить это при Кене.

— Не беспокойся. Кен все равно на тебе женится. Если Джек не позволяет себя заарканить, то не из-за Неда. Любая девушка должна смотреть в оба, если она встречается с Джеком Брайантом.

— И плотно сжимать ноги, — заключила Айрис, увидела, как мать в ужасе выдохнула, и прикрыла рот рукой.

— Когда ты успела стать такой смелой, дочь моя? — Флора всплеснула руками. — Не уходи от нас из-за моей невоспитанной дочери, Нед.

— Нет. Мне пора, но я хочу попробовать эти куль-куль, когда их зажарят и обвалиют в сахаре.

— Ты получишь их, сколько захочешь, на танцах, сынок, не беспокойся. — Флора прикоснулась к его щеке. — Я провожу тебя.

— Пока, Нед! — хором воскликнули сестры.

Взгляд Синклера остановился на Айрис, она в ответ кокетливо улыbnулась, и он решил воспользоваться шансом.

— Гм, Айрис, может, сходим сегодня в... клуб, например? — Поскольку в комнате воцарилась тишина, Нед почувствовал необходимость заполнить пустоту. — Нам так много надо наверстать.

Айрис, судя по ее виду, нисколько не взволновалась. Она ответила на его взгляд. Ее глаза блестели. Девушка шевельнулась, еле заметно качнула головой и потянулась за очередным шариком из теста.

— Мне не разрешено заходить в клуб, Нед, или ты забыл? — чересчур уж беспечно заметила она.

Ему захотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила его. Он и впрямь забыл. До сегодняшнего дня Нед ни разу не сталкивался с этой проблемой. Синклер дружил главным образом с британцами, Уокеры же — включая их отца, — по-видимому, были вполне довольны пребыванием на собственной территории. Изредка Нед сталкивался с доктором в клубе «Золотые Поля». Уокер принадлежал к той категории людей, которые чувствовали себя дома в обеих частях местного сообщества.

Заикаясь, Нед пустился в извинения, а потом добавил, стараясь смягчить впечатление:

— Вообще-то, я думаю, будет вполне нормально, если член клуба приведет тебя как гостя.

— Спасибо, но я, наверное, не смогу. Сегодня вечером я встречаюсь с Айвен Чалмерсом.

— Чалмерс? Из шахтерского госпиталя?

— Он самый. Мы вместе ходили в школу в Бангалоре. Сегодня, мы, наверное, пойдем играть в бинго. Я планирую взять главный приз.

Нед смотрел на Айрис так, словно хотел запечатлеть в памяти черты ее лица. По правде сказать, он с трудом верил собственным ушами. Айвен Чалмерс, черт его побери, стал первым! Осознав, что все взгляды устремлены на него, Синклер поспешил взять себя в руки.

— Что ж, желаю хорошо провести время и обязательно выиграть приз, — слишком уж жизнерадостно заключил он. — Увидимся на танцах.

Она улыбнулась и ранила ему сердце. Следом за Флорой Нед вышел за дверь. Его чувства представляли собой смесь гнева и жалости к себе. Очевидно, он ошибся и принял желаемое за действительное.

— Спасибо, что пришел сегодня, Нед, — начала Флора.

— Не знаю, был ли от меня какой-нибудь толк. — Он тужился, стараясь сделать так, чтобы его слова звучали весело и скромно. — Но я приятно провел время, — солгал Синклер. — Не могу себе представить, насколько хорошими получатся именно мои куль-куль, но...

— Нед, дорогой, — произнесла она, прерывая его на полуслове. — Я пригласила тебя вовсе не ради куль-куль, а чтобы моя дочь не упустила лучшую партию в Золотых Полях.

Нед не сразу понял, что имеет в виду Флора, потом спросил:

— Вы знаете?

— Это очевидно.

— И одобряете?

— Всей душой.

— В самом деле? А Гарольд? — Обняв Флору, Синклер громко чмокнул ее в щеку.

— О лучшем зяте он не может даже мечтать.

Нед не находил слов.

— А Айрис знает?

— Думаю, что да, но ты недостаточно долго знаком с ней. Еще маленькой девочкой она привыкла быть в центре внимания. Дочка любит, чтобы ею восторгались, баловали ее, радовались каждому слову. Она, конечно, почувствовала, что ты от нее без ума. — Флора постучала себя по носу. — Но мне также известно, что Эдвард Синклер — единственный человек, о котором она говорила в течение всего путешествия из Бомбея, да и вчера вечером тоже. И уж точно не об Айвене Чалмерсе. — В ее темных глазах замерцали искорки.

— Вы это говорите не для того, чтобы сделать мне приятное?

— Она нам все уши прожужжала. — Флора засмеялась.

— Но по ее поведению не скажешь, что она обо мне думает.

Флора задумчиво посмотрела на него.

— Что ж, значит, я хорошо ее воспитала. Ни одна из моих дочерей не должна быть цветком, который легко сорвать. Сейчас все решаешь ты, Нед. Я обманула бы тебя, если бы не сказала, что есть несколько молодых людей, которые очень интересуются Айрис. Некоторые из них уже не первый год.

— Боже!.. — У него упало сердце.

— Не беспокойся. У Айрис голова на месте.

Нед безутешно кивнул, Флора легонько похлопала его по руке и посоветовала:

— Просто напоминай ей снова и снова, почему ты лучше всех остальных. Я надеюсь на тебя... и помогу, когда смогу.

— Я буду держаться неподалеку и сохранять терпение. — Его лицо просветлело.

— Хороший мальчик. А теперь отправляйся-ка домой и постарайся поспать еще пару часов. Прости, что разбудила тебя ради каких-то куль-куль, но это была возможность. Я не хотела, чтобы ты ее упустил.

— Оно того стоило. — С этими словами он не спрыгнул, а словно слетел со ступенек на землю.

— Еще кое-что, Нед! Я хотела тебя предупредить. Не надо так много разговаривать о твоём друге Джеке Брайанте.

— Почему?

— Он опасен для женщин. Айрис всегда испытывала слепую тягу к людям, непохожим на других. Именно поэтому тебе не стоит опасаться Айвена Чалмерса. Он предсказуем, как муссон.

— А Джек совсем наоборот, — выдохнул Нед.

— Вот именно.

«Интересно, что же она обо мне говорила?» — гадал Синклер.

* * *

Джек устал до предела, но приказание начальника зайти в его кабинет после смены игнорировать было нельзя. Он постарался припомнить несколько последних рабочих дней и не обнаружил ничего необычного, ни ошибок, ни жалоб. Да и свиданий за последние

пару недель у него было лишь несколько — все несерьезные и прошли мирно, в этом Брайант не сомневался.

Хотя он привык держаться особняком, но недавно помог на празднике устроить площадку для соревнований, поменял колесо в автомашине доктора Уокера, когда старик застрял неподалеку от Нандидруга, и не обращал никакого внимания на Джеральдину Уокер, когда та стреляла в него глазами. Это не составило особого труда — ни одна из дочерей Уокера не поражала красотой. Что касается Айрис, то он составит себе представление о ней при встрече.

Ему было неловко оттого, что за последние два дня он даже не повидал Неда, чтобы узнать у него, как прошла встреча на вокзале.

Повесив комбинезон и переодевшись, Брайант подошел к зеркалу, висевшему в раздевалке. Вряд ли Джек представлял собой образец аккуратности, но в то же время он не был и растрепанным. Брайант осознал, что небрит, когда провел ладонью по подбородку и ощутил прикосновение щетины, но с этим сейчас ничего не поделаешь. Попрощавшись с новой сменой, которая как раз заступала на дежурство, он подавил зевок.

Миновав машинный зал, Джек по внутреннему двору быстрым шагом направился к кирпичному зданию, расположенному на изрядном расстоянии от шахты. По лестнице, на ходу приглаживая волосы, он поднялся на затененную веранду. Пробежав взглядом по всем дверям, Брайант нашел табличку с надписью, обозначающей кабинет начальника шахты.

— Войдите, — ответил тот на его стук.

Джек вошел в кабинет.

— А, Брайант, отлично. Хорошо, что это ты. Садись. — С этими словами Дрю извлек из кармана большой носовой платок и вытер им лицо.

Этот человек сильно потел, и создавалось впечатление, что утренняя жара была не единственной причиной этого. Дрю был огромный, в ширину такой же, как в высоту, и Джек задался вопросом, когда этот человек в последний раз видел ногти у себя на ногах. Но, невзирая на размеры, Дрю не без изящества потягивал черный чай с лимоном.

— Как дела, Джек?

Это был очень общий вопрос. Джек не знал, о чем именно этот человек хочет узнать.

— Все отлично, мистер Дрю. Есть проблемы?

— Проблемы? Никаких. Почему ты так решил?

— Не совсем понимаю, зачем я здесь.

— Я просто хотел узнать, как у тебя дела, хорошо ли идет работа. Я заметил, что ты переехал из коттеджа.

— Да, сэр. На холме прохладнее и уединеннее. Мне очень нравится дом. Я уже начал там приживаться. Я... э-э... одним словом, спросил в правлении шахты, можно ли мне арендовать этот дом у компании «Тейлор и сыновья». Он, по всей видимости, никому больше не был нужен.

— Но ты ведь можешь бесплатно жить в доме, предоставляемом компанией.

Джек кивнул, еле заметно пожав плечами.

— Это не большие траты. У меня есть кое-какие семейные деньги, и это мой единственный крупный расход. Вопрос стоял так: дом или машина. Меня, по правде сказать, вполне устроит мотоцикл, а за спокойствие стоит заплатить.

— Что ж, полагаю, мы сможем частично возместить этот расход.

— Каким образом?

— Тебе предлагается повышение, Брайант. Ты хорошо и надежно работал, а старик Том решил, что пора ему отправиться в Англию, пока его кости еще могут приспособиться к холоду. Он хочет уйти на пенсию раньше. Ты молод, но мы считаем, что у тебя есть все качества, необходимые для старшего инженера.

Джек не мог поверить своим ушам. Он никогда даже не мечтал о том, чтобы занять место Тома. Дрю улыбался, жал Джеку руку.

Тот, совершенно ошеломленный, ответил на рукопожатие и уточнил:

— Вы сказали «старший инженер»? Это точно, сэр?

Начальник хлопнул Джека по спине и заявил:

— Работа очень ответственная, но ты, конечно, это понимаешь. Ты будешь отвечать конкретно за подъем и спуск, в то же время вместе с Томом руководить техническим отделом до того момента, когда он в конце года уйдет и окончательно передаст тебе бразды правления. Мы считаем, что настало время взять на должность старшего инженера

человека помоложе, чтобы он естественным образом дорос до этой роли и потом задержался на длительный срок. По нашему мнению, ты как раз такой и есть. Честно говоря, на сегодняшний день ты самый высококвалифицированный специалист в Полях. Мы рассчитываем на тебя, так что не подведи.

— Не подведу, сэр. Я начинаю прямо сейчас, да?

— С завтрашней смены.

— Благодарю вас, мистер Дрю. Кажется, я должен убедиться, что это не сон.

Дрю рассмеялся.

— Что ж, в таком случае я пойду, — сказал Джек.

— Черт возьми, послушай! А деньги тебя не интересуют?

— Деньги?

— Вступающим в эту должность положено существенное повышение жалованья. Что же касается дома, который ты снял, то тебе разрешено жить в нем бесплатно. Теперь отправляйся туда и выпишись.

— Да, мистер Дрю.

— Брайант!..

— Сэр?

— Побрейся! Теперь ты должен быть примером.

Джек заулыбался и направил свои стопы прямо к «Крессвеллу» за новыми лезвиями.

* * *

В магазине он повстречался с Недом, который зашел за обувным кремом. Джеку не повезло — лезвия кончились. Друзья обменялись новостями. Нед с восторгом узнал о продвижении друга, после чего рассказал о заговоре между ним и Флорой с целью завоевать сердце Айрис. Джек хлопнул его по спине, и они вместе вышли на яркий солнечный свет.

— Так ты точно придешь на танцы?

Брайант медлил с ответом.

— Даже не думай меня подводить, Джек. Мне нужна твоя помощь.

— Говорить Айрис, насколько ты изумителен и какой прекрасный из тебя получится муж? Не смейся меня, Синклер.

— Никогда в жизни я не хотел ничего так, как этого. В ней мое будущее счастье. Если не получится с Айрис, то все последующее будет уже не то.

— К чему этот драматизм? Она всего лишь девушка. Их десятки в Полях, не говоря уже о Бангалоре. Чем Айрис такая особенная?

— Она та самая, Джек.

— Ладно-ладно. — Притворно сдаваясь, Брайант поднял руки. — Помогу, но не говори, что я не предупреждал, если потом все приобретет форму груши.

— Не буду, — рассмеялся Нед. — Увидимся на танцах.

Они разошлись. Джек направил свои стопы на холм Фуннелла и заглянул в магазин Чинатамби.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал его хозяин. — Чем могу помочь?

— Лезвия, пожалуйста. Для «Пелл Мелл».

Глаза торговца расширились от почтения.

— «Меч Уилкинсона», — пробормотал он и принялся разыскивать по ящикам нужный товар.

— Как твоя семья? — поинтересовался Джек.

— Все хорошо, сэр, благодарю вас.

— Сколько, ты сказал, у тебя детей?

— Девять по последним подсчетам. — Он рассмеялся собственной шутке. — Еще один поспекает.

— Девять? Как же вы всех их кормите?

Чинатамби помотал головой.

— Канакаммал, моя старшая, теперь может работать. Если она получит место в каком-нибудь доме, то младшая сестра сможет ей помогать. Посмотрим. Бог даст.

— Так ты христианин? — удивился Джек.

— Да, мистер Брайант, сэр. Я был обращен в католики в возрасте Канакаммал семьей миссионеров из нашей деревни.

— Канакаммал, — медленно повторил Джек.

Слоги этого странно ритмичного имени словно скатывались с языка.

Джек припомнил его изящную дочь с ее поразительно светлыми глазами. В ней была какая-то тайна. Кроме того, несмотря на языковой барьер, он видел, что в ее взоре пляшут смешинки, когда она поднимала на него глаза. Может быть, стоит помочь семье? Дать ей лучший шанс в жизни? Наверное, такое настроение нашло на него под влиянием хороших новостей, полученных в управлении шахты.

— Чинатамби, приведи сегодня свою дочь к дому на холме, что около Марикуппама. Бледно-голубые ставни. Можешь ты это сделать?

— Да, сэр. Я знаю тот дом. Но зачем, могу я поинтересоваться?

— Она умеет готовить? Убирать? Если так, то я бы ее нанял.

— Она прекрасно готовит, сэр. Мать хорошо ее обучила. Дочка с радостью станет убирать ваш дом. А ее сестра Наматеви будет ей помогать, если вы не против взять обеих, сэр.

— Твои дочери не знают английского так хорошо, как ты.

— Канакаммал бегло говорит, сэр. Она все ловит на лету. Ее сестра тоже учится, но у нее не так хорошо получается. — Он заметил удивление на лице Джека. — Меня заставляли учить английский. Большинство современных детей не рвется отказываться от родного языка.

Джек не хотел политических дискуссий, заплатил за лезвия и сказал:

— Похоже, теперь у меня будет меньше свободного времени, Чинатамби, и мне понадобятся слуги. Приводи своих дочерей сегодня днем, и мы все решим.

Хозяин лавки от радости разве что не плясал на прилавке. Он схватил ладонь Джека, потом воздел руки к небесам и простонал:

— Спасибо вам, сэр, спасибо. Жена будет очень рада.

— До встречи, — улыбнулся Джек.

— Да, я сделаю так, как вы говорите, сэр. — Лавочник захлопал в ладоши, к вящему изумлению двух покупательниц, только что переступивших порог его лавки.

— Доброе утро, леди, — вежливо поприветствовал их Джек, проталкиваясь к выходу.

Он слишком поздно понял, что одна из дам — мать Дафны.

Та поджала губы, но в это утро Брайанту ничто не могло испортить настроение.

* * *

В этот же день, но гораздо позже Джек, с расстегнутым воротником, небритый и недавно проснувшийся, сидел на веранде своего дома и наблюдал заход солнца. Вверх по холму поднимались три фигуры. Они обязательно должны были идти к нему, потому что другого жилья на этом холме не было. Поэтому-то ему и нравилось расположение дома. Отсюда открывался прекрасный вид.

Само собой, постройка для него чересчур велика. Эхо, гулявшее по комнатам, подчеркивало одиночество Брайанта, но он ничего не имел против. Ему нравилось молчание. Передняя часть сада нуждалась в уходе, но мали посредством регулярных стрижек достаточно скоро превратит траву в ворсистый зеленый ковер. Сад с задней стороны дома окружали высокие деревья, в том числе несколько фруктовых. Если дочь Чинатамби захочет, можно будет устроить грядки для выращивания трав, пряностей и овощей. Кроме того, он населил курятник четырьмя курами и задавакой-петухом.

Вся жизнь Джека протекала в двух передних помещениях — его собственной спальне и гостиной. К спальне примыкала ванная комната, так что вся задняя часть дома оставалась практически не использованной. Может быть, если в доме будет женщина, то здесь станет уютнее.

Брайант нуждался в помощи. Возможно даже, что он, как учила мать, скоро начнет принимать гостей. Дым от сигареты попал ему в глаз, отчего Джек слегка прищурился. Он не мог вспомнить имя старшей девочки. Она была высока ростом и двигалась с плавной грациозностью, обратившей на себя его внимание еще в первую их встречу. Ее младшая сестра вприпрыжку бежала рядом, оживленно болтая. При виде счастливого семейства Джек улыбнулся. Хорошо, что он может сделать это для них.

Сам Чинатамби укрывался от солнечных лучей под зонтиком, в то время как его дочери шли просто так, но жара им, казалось, была нипочем. Джек поднял руку в приветственном жесте. Недавно он нанял дворецкого. Кроме того, был еще приходящий мали. Он являлся пару раз в неделю, чтобы выполнить кое-какие поручения. Но иметь в

доме персонал на полный рабочий день для приготовления еды и уборки стало бы настоящей роскошью.

Его мысли переместились к миссис Шанд в его родном доме в Пендине. Живя там, Джек все принимал как должное — чистое постельное белье, сменяемое каждую неделю, постиранные и выглаженные сорочки, заштопанные носки, горячую еду в любой момент, от которой он еще иной раз отказывался. Брайант пожалел, что не может прямо сейчас оказаться дома, чтобы отблагодарить ее как следует, возможно, посидеть с ней, поговорить, расспросить о жизни и здоровье. Только сейчас, вдали, он почувствовал, как хорошо было ему в Корнуэлле. Джек с радостью рассказал бы отцу о своем продвижении, о новом доме и слугах, о том, каким ответственным мужчиной он стал. Старик будет доволен, а мама придет в восторг.

Сегодня он написал им письмо и рассказал о новостях, но, может быть, следует запланировать поездку домой. Ему полагается отпуск на шесть, а то и восемь недель. Как только Джек освоится в своей новой роли, он обсудит с боссом этот вопрос.

Брайант не мог припомнить, когда он был счастливее и спокойнее, чем сейчас.

— Добрый день, Чинатамби.

— Добрый день, сэр, — ответил хозяин лавки, подходя.

Он улыбался и при этом что-то держал в руках.

— Жена просила передать вам это. — И он протянул Джеку небольшую посудину.

— Что за запах! У меня слюнки потекли. — Брайант вдохнул соблазнительный аромат пряного чечевичного дхала, главного местного блюда, которое ему никогда не надоедало. — Спасибо.

Дворецкий Гангаи подошел и принял горшок.

— Свари риса. Я съем это на ужин.

Гангаи кивнул и исчез. Джек повернулся к девочкам. Младшая в упор смотрела на него. У нее тоже были прекрасные светлые глаза, но обаяния сестры она была лишена. Он перевел взгляд на старшую сестру. Та стояла потупившись. На этот раз в ее облике читалась уважительность, но отнюдь не раболепие. Брайант заметил и оценил это.

— Я привел Канакаммал, как вы просили, сэр. А это Наматеви. Ей девять.

Джек не отводил взгляда от старшей.

— Канакаммал, значит, — сказал он, опять пробуя на вкус это знакомое, но труднопроизносимое имя. — Добро пожаловать.

Он заметил, что отец что-то бормочет, обращаясь к старшей дочери.

Та наконец подняла глаза и кивнула Джеку.

Потом девушка произнесла по-тамилски несколько слов, которые он не надеялся понять, и вдруг, к его удивлению, то же самое повторила по-английски:

— Спасибо за работу, мистер Брайант, сэ. Теперь при вас я буду говорить только на вашем родном языке.

В ней было что-то вызывающее, хорошо скрытое за почтительностью, но тем не менее определенно присутствующее.

Он улыбнулся.

— Заходите, осмотрите дом и кухню, а я тем временем поговорю с вашим отцом.

Девочки немедленно двинулись вверх по ступенькам. Тут появился дворецкий.

— Гангаи, покажи, пожалуйста...

— Канакаммал, — подсказала она.

— Спасибо. Покажи, пожалуйста, Кан-нака-мал, — медленно произнес Джек, вызвав смех Наматевы, — и ее хихикающей сестре дом, особенно их комнаты в задней части.

— Да, сэ.

Сопровождаемые дворецким, они вошли в дом.

— Чинатамби, она довольна? — поинтересовался Джек.

Чинатамби один раз качнул головой, просиял и ответил:

— Очень довольна, сэ. Как и мы. Девочка хочет работать, помочь семье.

— Она такая юная.

— Зато сильная и... — Он запнулся. — Ага, и независимая, — добавил отец, довольный тем, что вспомнил подходящее слово.

— А младшая?

— Она молится на свою старшую сестру, сэ. Кроме того, если она останется рядом, то Канакаммал будет кем командовать. Она сразу же почувствует себя как дома. — Он рассмеялся. — Вы сможете на нее положиться, обещаю вам, сэ.

— Что ж, если она будет мне готовить и помогать Гангаи по дому, думаю, мы отлично поладим. Что скажете насчет двадцати пяти рупий в месяц? Само собой, еда, жилье и два новых сари ежегодно каждой девочке за мой счет.

— Это очень хорошо, сэр, — произнес Чинатамби.

На этом они пожали друг другу руки и распрощались. У Джека внезапно появились новая работа, трое слуг и целый дом, который он мог назвать своим.

Танцы были в полном разгаре, когда явился Джек. В зале теснились возбужденные гости, главным образом англо-индусы, но часто попадались и настоящие британцы. Едва он прошел в двойные двери, как на него устремились десятки ожесточенных женских взглядов. Брайант щелчками отгонял насекомых, бившихся о лампу у него над головой.

Джуни Эванс подтолкнула под локоть Дафну Эллис и прошептала: — Вот он! Дафна, как ты могла его упустить!

Дафна не хотела смотреть на Джека Брайанта. Она дала себе обещание быть сильной, даже поклялась, что не прольет больше ни слезинки, не признается, что чувствует себя так, будто сердце у нее разрывается надвое. При виде этого мужчины у нее перехватило дыхание, так великолепен он был в своем смокинге.

Джек в этот вечер выглядел ни дать ни взять богом. Высокий, широкоплечий, с темными вьющимися волосами! Дафна решила, что он вполне сойдет за сына Зевса. Но на него смотрела не только она.

Дафна почувствовала, что слабеет, и попросила небеса дать ей возможность не подвести саму себя. Она должна пройти это испытание. Всего пару месяцев назад подруги ей завидовали, теперь же она низведена до роли еще одного разбитого сердца в числе многих. Каждая девица считала, что сумеет приручить Джека Брайанта и завоевать его любовь.

Она наблюдала, как он идет по танцзалу. Вопреки утверждениям некоторых, в нем не было никакой развязности. Нет, Джек имел характерную походку. Если бы он был животным, то тигром. Не испытывая страха перед другими хищниками, он шел медленно, высоко подняв голову, на ходу играя мышцами, гордо и бдительно осматриваясь. Дафна забыла обо всем, когда Джек чмокнул ее в губы. Даже сейчас она внутренне краснела, думая о том, как далеко позволила бы ему зайти, если бы время было на их стороне.

Брайант будто кого-то искал.

— Не понимаю, зачем он здесь, — простонала она.

Ее преследовало воспоминание о губах Джека.

— Наверное, Нед Синклер пригласил его встретиться с Уокерами. — Это был новый голос, в котором звучало легкое пренебрежение.

— Привет, Джойс, — хором сказали девушки.

Джойс Кент была на семь лет старше их и до сих пор не нашла мужа. Дафна знала, что Джойс тоже пару раз встречалась с Джеком. При мысли о том, что Джойс, наверное, зашла гораздо дальше, не только танцевала с ним щека к щеке, лицо у Дафны запылало. Она задумчиво вздохнула.

«Неужели так никто и не завлек Джека Брайанта?» — подумала она.

— Он, наверное, прямой наводкой направится к этой Айрис Уокер, только что приехавшей из Англии и полной улыбок и историй, — бросила Джойс.

«Пожалуй, она права. Что ж, наверное, настала очередь Айрис Уокер попробовать, что такое этот Брайант».

Дафна усмехнулась, рисуя себе, как Джек разбивает сердце дочери Уокеров, и находя в этом жестокое удовольствие.

— Это только вопрос времени, — заговорщицки, через плечо произнесла Джойс и кивком указала на Айрис.

* * *

Оркестр Вспомогательных войск Индии очень неплохо исполнял «А я все выдуваю пузыри». Эта песня пользовалась необыкновенной популярностью среди детей и подростков, явившихся в составе своих семей. Двое-трое даже прихватили с собой тазики с мылом, проволочные рамки и обдавали пузырями кружащих по залу танцоров. Стены зала украшали бумажные банты, создававшие праздничную атмосферу.

При мысли о том, что нечто подобное могло бы иметь место в Пендине в субботу вечером, Джек улыбнулся. Здесь же, в крошечном поселке в Южной Индии, девушки разряжены как картинки, а кавалеры с напомаженными волосами и в смокингах поражают воображение. Некоторые из них к завтрашнему утру уже будут

работать в нескольких тысячах футов под поверхностью земли, но пока что кругом блеск и веселье.

Столы и стулья сдвинули в одну сторону. Завтра, во время розыгрыша бинго они послужат другой цели, пока же за ними сидели те, кто постарше, главным образом матери семейств и их приспешники, объединившиеся ради общей цели и развлечения. Как часовые на посту, они следили за своими юными дочерьми и племянницами, кружащимися в танце. Их задача заключалась в том, чтобы не допустить задержки руки какого-нибудь джентльмена на скромно обнаженном плече или спине. Что касается пар, решивших прибегнуть к оригинальному предлогу пойти подышать свежим воздухом, то на такой случай бдительные стражи тут же посылали вслед чьего-нибудь папашу или дядюшку, каковые, притворно любуясь красотами, тащились следом и расстраивали планы. Женщины постарше обменивались новостями, главным образом замечаниями по поводу нарядов и холостяков, но больше всего сплетничали по поводу друг друга.

Джека не часто приглашали на эти танцы, но он получал удовольствие от их посещения, когда приходил с кем-нибудь, обычно по просьбе Неда или в качестве гостя семьи Уокер. К сожалению, сегодня Брайант не был уверен в том, насколько желательно его присутствие. Он знал, что утратил расположение Джеральдины, и чувствовал себя смутно обиженным. Джек встречался с ней всего дважды. Первый раз, когда Нед уговорил его сопровождать ее на танцевальную вечеринку на шахте, а второй — просто в составе большой компании, решившей сходить в кино. То, что Джеральдина его пригласила, сложилось само собой. Отказать ей было бы неучтиво. Он не реагировал на дальнейшее проявление интереса с ее стороны, с симпатией относился к Гарольду Уокеру, уважал доктора и не имел намерения поступать плохо ни с одной из его дочерей.

Джек вздохнул и поискал глазами стол Уокеров. Можно не сомневаться, тот будет одним из самых больших. Ах, вот. Брайант двинулся к столу, стараясь не задевать танцующих. Больше всего ему хотелось перейти в тот угол зала, где мужчины постарше курили, отдыхали от женских сплетен и любовались хорошенькими девушками, выделяющимися замысловатыми па на полу, натертым для

скользкости мелом. Вместо этого Брайант искал Флору Уокер, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение.

* * *

С момента прихода в зал Айрис и Нед кружились практически непрерывно.

— Но должна же я потанцевать с Айвенгом, — простонала она.

— Пожалуйста, не поощряй его, — отвечал Нед, разворачивая ее и в танце уводя от того места, где стоял Айвен Чалмерс и в упор смотрел на них. — Айрис, я готов танцевать с тобой весь вечер.

— Ты привлекаешь к нам внимание, — хихикнула она.

— Ну и пусть. Я хочу, чтобы все мужчины в этом зале уразумели, что на танцах в следующую пятницу им не на что надеяться.

Теперь девушка рассмеялась уже открыто.

— Нед, ты едва знаком со мной.

— Я знаю тебя, Айрис. Мне известно, что ты самая...

Внезапно она отвлеклась, посмотрела через его плечо и промурлыкала, не отводя взгляда от кого-то:

— Кто это?

Нед повернулся и безошибочно распознал фигуру Джека.

— Почему мой смокинг не смотрится на мне так же? — простонал он и улыбнулся.

— У него он белый, для крутых. А вы в своих черных отстали от времени. Кто это?

— Джек.

— Пойдем познакомимся, — предложила она.

Нед не был готов отпустить ее. Он знал, что невинные танцы с ней — максимальная близость, которая будет ему доступна до того момента, когда он сделает предложение, и вот Джек уже прерывал первую попытку.

— Может, после этого танца?

— Да уж, — протянула она непонятно. — Люди правы. Вы с ним составляете странную пару.

— У нас гораздо больше общего, чем ты можешь себе представить, — заявил Синклер, отчаянно отгоняя образ мертвого

Брента, лежащего на полу.

— Ты это уже не в первый раз говоришь.

Он театрально вздохнул и выпалил, поражаясь собственной дерзости:

— Мы оба — потрясающие любовники!

— Придется поверить тебе на слово, Эдвард Синклер! — Айрис посмотрела на него, и ее глаза расширились в поддельном ужасе.

Музыка закончилась. Девушка обвила его руку своей и потребовала:

— Пошли! Представь меня. Я заинтригована.

Нед покорно повел Айрис к Джеку. Его друг беседовал с Гарольдом, и Синклер внутренне взмолился, чтобы Брайант обращался с ней в своей обычной бесцеремонной манере. Более того, внезапно ему захотелось, чтобы Джек пребывал сейчас в самом дурном настроении.

* * *

Внезапно внимание Уокера было отвлечено.

— Ага, вот и они, — сказал он.

Джек повернулся. Слова застряли в него в горле, когда восхитительная темноволосая, темноглазая красавица подплыла к ним рука об руку с Недом.

Гарольд Уокер поцеловал ее в затылок.

— Ты так чудно танцуешь шейк, дорогая.

— Спасибо, папа. До чарльстона нам обязательно надо выпить. Здесь сегодня так тепло.

Зачарованный Джек смотрел, как она театрально обмахивается ладонями.

— Привет, — произнесла девушка, поражая его своей веселой улыбкой.

На мгновение ему почудилось, будто он исчез. Она и не заметит, что Брайант смотрит на нее во все глаза.

— Кто-нибудь нас все-таки познакомит?

— Привет, Джек, — сказал Нед. — Позволь представить тебе Айрис Уокер. Айрис, это Джек Брайант, мой очень хороший друг.

— Наконец-то, — произнесла она, протягивая руку. — Я так много слышала о вас, мистер Брайант. Enchantée^[23].

Джек взял девушку за руку. Он несколько не сомневался в том, что уставился на нее неприлично откровенным образом. Внезапно у него сбилось дыхание. Все вокруг как будто исчезло в каком-то тумане. Время остановилось. Внутри пузыря этого мгновения были лишь он и Айрис, ее лицо в форме сердца, с ямочками на щеках и ослепительной улыбкой, глаза, сверкающие озорством и кокетством.

Пузырь лопнул, когда Нед произнес:

— Это по-французски, Джек. Айрис выучила его в Лондоне.

Джек быстро собрался с мыслями, прокашлялся, тоже улыбнулся ей, даже наклонился и поцеловал руку.

— Взаимно, мисс Уокер. По правде сказать, Нед мне все уши прожужжал о вас.

Все рассмеялись.

Не заметил ли кто-нибудь, что ее рука задержалась в его и что он не спешит ее отпустить? Джек не осмеливался посмотреть на Неда.

— Возможно, позже вы потанцуете со мной? — поинтересовался Брайант.

— Почему бы не сейчас? — спросила она.

— Э-э, Нед, ты не возражаешь?

— Спрашивайте не Неда, а меня, — поправила Айрис.

Джек бросил взгляд на друга, глаза которого сузились в щелку, и почувствовал, что попал в ловушку. Или он позволит девчонке принизить его, или рискует навлечь на себя гнев Неда.

— Не желаете ли потанцевать, Айрис? — улыбнувшись, произнес Брайант с театральным поклоном, призванным убедить Неда и всю семью Уокер в том, что он просто ведет себя как рыцарь.

— Спасибо, Джек. Похоже, начинается вальс. Мой любимый танец.

Через несколько секунд она оказалась в его бережных объятиях и плавно закружилась в танце. Айрис была миниатюрная и изящная. Он чувствовал себя медведем, держащим в руках фарфоровую куколку, и как ни старался не смотреть на нее во все глаза, но был абсолютно околдован. Ее шелковистая кожа оказалась безукоризненной. У многих девушек англо-индийского происхождения она отличалась смуглостью, у Айрис же была лишь мягко-золотистой, не бледной, но

и не желтоватой, без веснушек или родинок. Девушка была совершенна, с легкими движениями, мягким голосом.

Джек вдруг с внезапным ужасом осознал, что она ждет от него ответа на какой-то вопрос, и промямлил:

— Прошу прощения?

— Джек, вы даже не слушаете. Меня предупреждали, но я не думала, что вы отвлечетесь настолько быстро.

— Простите. Я просто дивился вашей удивительной красоте, — ляпнул он, хотя и не намеревался говорить это вслух.

— Что ж, в таком случае можете молчать и отвлекаться сколько вам угодно, — хихикнула она.

Брайант нахмурился.

— Джек, вы косноязычны?

— Наверное. Я не привык к такой прямоте.

— Насколько я слышала, вы привыкли к одному только восхищению.

Он пожал плечами. К нему отчасти вернулось душевное равновесие.

— Я так не сказал бы.

— А многие говорят.

Он решил переместиться на не столь опасную территорию и спросил:

— Как вы себя чувствуете после возвращения?

— Странно, удивительно, утомительно, весело.

— Все сразу?

— Именно так! Золотые Поля для меня загадка. Бангалор я знаю, но это место — нет, так что мне, пожалуй, немного неуютно, но в то же время и интересно. Конечно, я рада вернуться домой, к семье, но в Лондоне было великолепно.

— В самом деле? Мне Лондон запомнился вовсе не таким.

— Вы были там?

— Я оттуда! — с негодованием произнес он.

— У меня сложилось впечатление, что вы из Корнуэлла.

— Так оно и есть. Но прежде чем отплыть в Индию, я провел много времени в Лондоне. Мне он показался грязным, дорогим и бездушным городом, где очень одиноко.

В первый раз с момента знакомства Джек заметил, что Айрис утратила спокойствие.

— В самом деле? — Ее вид внезапно стал несчастным.

— Я там был отверженным — кузен Джек, отнимающий работу у лондонца. Мой акцент выдавал меня. Я просто не вошел в тамошнее общество, ни в какую его часть. Завидую вам, что вы так легко вписались.

Она закусила губу, внимательно глядя ему в лицо, и тихо выпалила:

— Я не вписалась.

Он с удивлением посмотрел на нее, но ничего не сказал, ожидая продолжения. Глаза девушки внезапно повлажнели.

— Я никогда не чувствовала, что мне действительно рады. Я поехала туда гувернанткой, но со мной обращались как со служанкой. Я посылала домой веселые письма, потому что не хотела расстраивать родителей и чувствовала, что сама во всем виновата, но, Джек, Лондон был для меня кошмаром. Честно говоря, я не могла дождаться, когда вернусь домой.

Было видно, что она вот-вот расплчется. В ее прекрасных глазах блеснули слезы.

Джек был поражен. Он не ожидал, что завяжется такой серьезный разговор. Окинув взглядом танцевальную площадку, Брайант заметил, что Нед вальсирует с Элеанор Джонс.

— Айрис, может быть, вы хотите подышать свежим воздухом?

Она кивнула. Джек же намеренно не повел ее к выходу, а подошел к бару, остановился у стойки, где подавали лимонад и откуда она могла проскользнуть в боковую дверь. Джек не сомневался, что кто-то непременно их заметит — так бывает всегда, — поэтому намеренно держался от нее на расстоянии. Демонстративно закуривая, он извлек из нагрудного кармана платок и протянул ей.

— Нет, не надо, — шмыгая носом, попыталась возразить она. — Вы испортите свой идеальный вид.

Презрительно фыркнув, он выпустил облако дыма и прислонился к стенке.

— Вы хорошо себя чувствуете?

Кивая, она быстро промокнула глаза его носовым платком и пролепетала:

— Простите. Об этом никто не знает.

— Даже Нед? Мне казалось, вы очень близки.

— Да, но я хотела, чтобы все считали, что у меня там все было как нельзя лучше. — Она вздохнула. — Знаете, здесь все мечтают о поездке в Англию. Не хотелось рассеивать их иллюзии.

— Точно. Я никак не могу взять этого в толк. Они родились здесь, а ведь говорят, что место, где человек появился на свет, навсегда остается у него в сердце. Что касается меня, то я мечтаю вновь увидеть Корнуэлл просто потому, что там мой дом. Если же моя нога ни разу в жизни больше не ступит на лондонскую землю, то это я переживу совершенно спокойно. Наверно, я буду сильнее тосковать по Золотым Полям, чем по Лондону. — Брайант с облегчением заметил, что Айрис осушила свои слезы.

— Простите, Джек. Не знаю, что на меня нашло. Просто-напросто я очень рада вернуться домой. А Англию пускай оставят себе. — В ее тоне зазвучала горечь. — Я получила самое лучшее образование в частной школе в Бангалоре, закончила ее на «отлично». Я говорю по-английски лучше многих лондонцев, одеваюсь у частного портного, имею сбережения — и все равно на меня смотрели свысока, как на какую-то бедную иммигрантку.

— Не понимаю, — с удивлением заметил он.

— Я тоже не понимала. Я поступила на работу в качестве гувернантки, но в семье, где жила, ко мне относились с полным презрением. Мама с нашими айя никогда не разговаривает так, как общались со мной в семье Фицгиббон. Я слышала, как во время беседы со знакомыми она называла меня цветной и индийской девушкой, насмехалась над моей манерой говорить. Из-за этого некоторые их гости обращались ко мне на пиджин-инглиш, так как считали, что нормальный английский я не пойму. Последней каплей стало, когда хозяйка попросила меня не учить Луизу и Милли стихам, чтобы они не переняли мой акцент. Я до сих пор не могу спокойно об этом думать! — Девушка в ярости топнула ногой.

— А как же вечеринки в высшем обществе, о которых рассказывал Нед, и... Париж?

— К сожалению, тоже вранье. Да, я побывала в Париже, но спала при этом на полу в комнате девочек, а они — на кроватях, на атласных простынях. Это было так унижительно. Сама не знаю, зачем я это

рассказываю, Джек. Мы едва знаем друг друга, и ты не заслужил привилегии быть в курсе моих тайн.

— Тогда почему?

— Потому что ты лучший друг Неда. Он доверяет тебе, а я — ему, целиком и полностью.

— Очевидно, не настолько, чтобы рассказать то, что я только что услышал.

— Не будь жестоким. — Она мгновенно почувствовала себя пристыженной. — Я обязательно ему расскажу. Просто мне хотелось забыть обо всем плохом, что там произошло.

— Я тебя не виню. Я рад, что ты вернулась домой.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Почему?

Чтобы скрыть внезапную неловкость, он пожал плечами.

— Прежде всего, это делает Неда счастливым.

— А-а! — протянула она, как ему показалось, слегка разочарованно. — Это так мило с твоей стороны.

— Айрис, — мягко прозвучало в наступившем молчании.

Неловкость Джека усилилась.

— Нед!..

— Все в порядке?

Брайант чувствовал, как воздух между ними все еще искрится от откровенного разговора, и спрашивал себя, уловил ли это Нед.

— Я вышел перекурить, — сказал он, благодаря свою счастливую звезду за дымящуюся в руке сигарету.

— Мы разговаривали о Лондоне, — жизнерадостно начала Айрис. — Джек прожил там некоторое время, прежде чем приехать в Индию.

— Зарабатывал на проезд, — солгал тот.

— Ты никогда не рассказывал подробно о том времени, Джек. — Нед улыбнулся. — Не игрой ли в карты ты заработал на билет, а?

— Что-то вроде того, — протянул Джек, бросая на пол окурков и затаптывая его каблуком. — Что ж, пойду, пожалуй.

— Так скоро? — спросила Айрис.

— Я не надеялся, что он вообще придет, не то что останется на танец, — со знанием дела сообщил Нед. — Джек появился здесь

только потому, что я хотел, чтобы он познакомился с тобой, — сказал он, робко беря ее за руку.

— Да, — Джек подмигнул. — Я должен был рассказать тебе, сколько сердец оказались разбиты из-за того, что ты явилась из Лондона и похитила самого завидного жениха в Полях. — За улыбкой он скрывал смущение, но хотя бы выполнил обещание, данное Неду, и постарался помочь.

— Понятно. — В глазах девушки, устремленных на Джека, заискрился смех. — Разве тебе не доставляет удовольствия надевать смокинг и ходить на танцы?

— Да, здесь забавно, — отвечал он.

— Не трать зря энергии, Айрис. Он к своей внешности безразличен.

— Как же ты познакомишься с симпатичной девушкой, Джек, если не будешь никуда ходить? — рассмеялась она.

Нед фыркнул.

Видимо, от Айрис не укрылось выражение, с которым Джек на него посмотрел.

— А это что означает?

— Ничего, — ответил Джек. — Доброй ночи, Айрис. Спасибо за танец. Было очень приятно наконец-то с тобой познакомиться. Вы с Недом — чудесная пара.

Он взял ее руку, поцеловал и пошел прочь, проталкиваясь через запруженный народом зал к входной двери.

Нед и Айрис смотрели ему вслед. Ни один из них не знал, как бешено колотится его сердце.

* * *

Канакаммал слышала, как хлопнула дверь. Она сделала мысленную заметку попросить работника ее починить. Мастер Брайант вернулся и с шумом расхаживал по главной части дома. Ее с Наматеви поселили сзади, в комнатухе. Там не стояло ничего, кроме двух железных кроватей и простого комода с выдвигаемыми ящиками, но по сравнению с местом, которое она только что покинула, это был дворец. Девушка привыкла делить крошечный закуток с целой толпой

братьев и сестер, не говоря уже о двух бабушках, дедушке и ее собственных родителях.

Сейчас, когда Наматеви спала у себя в кровати, Канакаммал будто слышала собственные мысли. Тишина была для нее совершенно новым, изумительным явлением, хотя и быстро проходящим, судя по шуму, который поднял хозяин. Необходимость внезапно покинуть дом стала для Канакаммал шоком, а то, что ее отдали этому гиганту в служанки, поразило вдвойне, но Гангаи уже успокоил ее. Он сказал, что хозяин потребует от нее очень немного: лишь один раз в день приготовить еду и сделать нетрудную уборку. Она знала, что родители рассчитывают на ее заработок, и была исполнена решимости удержаться на этом месте.

Канакаммал встала с постели. Все равно ей не хотелось спать. Напряжение от внезапной перемены не давало ей успокоиться, и девушке очень хотелось произвести хорошее впечатление на англичанина, чтобы родители могли ею гордиться. Быстро закутавшись в сари, она черпнула воды из миски, стоявшей на комод, ополоснула лицо, спешно заплела и повязала косынкой длинные волосы.

Все еще было слышно, как кто-то топает вокруг, явно не находя того, что ему надо. Теперь шум приблизился к комнате сестер, так что Канакаммал выбежала в коридор, пошла на звук шагов и оказалась на кухне.

— Добрый вечер, сэ. — Она поколебалась в дверях, беспокоясь, не нарушает ли его уединения.

Брайант резко повернулся. На его лице она прочла смешанное выражение недоумения и, возможно, какой-то сердитости.

Девушка подождала, не скажет ли он что-нибудь, потом набралась мужества и спросила:

— Могу я чем-нибудь помочь? — Она очень хорошо говорила по-английски, но сейчас на нервной почве стала заикаться.

— Мне нужен стакан.

Молча кивнув, Канакаммал неуверенно показала на шкафчик для посуды, стоявший у него за спиной, и внутренне порадовалась тому, что потратила последние несколько часов, наводя порядок в кухне и устраивая в ней все по своему разумению.

— Принеси его мне, хорошо? Я собираюсь приговорить бутылку скотча.

Неподвижная, как статуя, опустив глаза, она лишь смутно восприняла очертания его фигуры, когда он двинулся к выходу. В дверном проеме Брайант вдруг показался ей совсем огромным, и в это мгновение девушка уловила аромат крема, который прежде заметила на его туалетном столике. Она не хотела, но не смогла удержаться и вдохнула этот мужской запах. Отец бранил ее за такие вещи. Бросившись за стаканом для скотча, Канакаммал принялась мысленно ругать себя за то, что поддалась соблазну. Чтобы найти нужный стакан, она нуждалась в помощи Гангаи, но у того как раз оказался выходной. Два вечера в неделю Брайант отпускал его домой, к семье. Девушка уже знала, что в такие вечера обслуживать хозяина придется ей. Гангаи заверял, что от нее ничего не потребуется, всячески убеждал, что Брайант тихий человек, ведущий уединенную жизнь. Это была ее первая ночь в доме, и уже понадобилось прислуживать англичанину в неурочный час. Выбрав стакан, она поднесла его к свету, проверяя, чистый ли, поставила на маленький поднос и бросилась в гостиную.

Когда Канакаммал босиком, двигаясь как можно тише, явилась туда, хозяина в комнате не оказалось. Не отходя от дверного проема, она осторожно огляделась. Его нигде не было видно. Тут раздалось покашливание — Брайант находился на веранде. Она двинулась к выходу, и поскрипывание половицы выдало ее появление прежде позванивающих на щиколотках колокольчиков.

Он сидел на стуле, у самой стены, откинувшись назад. Кресло и хозяина заливал яркий лунный свет, придававший его фигуре странную призрачность. Канакаммал замерла. Он был полуголый, снял смокинг, свисавший теперь с перил веранды, подтяжки падали с талии, а галстук-бабочка небрежно болтался на голой шее. Брайант расстегнул рубашку до пояса. Его прекрасная кожа, казавшаяся еще белее в мягком свете ночи, была очень чувственной, безупречной. Канакаммал отвела взгляд, но уже было поздно. За эти несколько мгновений она впитала все, что можно было узнать о его скульптурном теле. У нее мелькнула мысль, что мускулы у него на животе такие твердые из-за бокса. Гангаи рассказывал, что мастер Брайант участвует в шахтерских соревнованиях по боксу и в этом году рассчитывает выиграть главный приз.

Она инстинктивно перевела взгляд на костяшки его пальцев, но в слабом свете разглядела мало, разве что огромные руки. Девушка не сомневалась в том, что эти большие ладони вполне могут обхватить ее талию...

— Принеси стакан сюда, — бросил он. — Я тебя не съем.

— Прошу прощения, сэр.

— Кан... Кана... — Он издал звук, явно выражающий отчаяние.

— Канакаммал, сэр, — негромко подсказала она, ставя стакан на стол.

Метнувшись назад, девушка инстинктивно подняла паллу — конец сари, прикрыла волосы, хотела было спрятать и лицо, но удержалась. Стоя в тени, она оставалась для него почти неразличимой.

— Я каждый раз мучаюсь с твоим именем. А покороче варианта нет?

Канакаммал смотрела на него, не понимая, что он имеет в виду.

— Ну, какого-нибудь семейного имени или прозвища?

— Я не понимаю, сэр.

Его улыбка была печальна. Он провел рукой по волосам. Прядь упала на лоб и чуть прикрыла один глаз. Так вид у него стал еще более лихой.

— Значит, мы оба не понимаем. Не обращай внимания. Ты привыкнешь к тому, что я искажаю твое имя. А может, мы придумаем для тебя новое.

— Да, сэр, — сказала она, отступая еще дальше в тень и наблюдая за тем, как он наливает щедрую порцию виски и тут же, не останавливаясь, чтобы вдохнуть, опрокидывает ее.

Когда напиток дошел по адресу, Джек издал болезненный звук, вздохнул и принялся наливать следующую порцию.

— Больше ничего не нужно, мистер Брайант, сэр? — Она понимала, что сейчас будет, сотни раз видела, как это происходит с мужчинами, когда они топят свои печали или просто реальность в вине.

— Нужно. Поговори со мной, — к ее удивлению, ответил он. — Побудь здесь несколько минут, по крайней мере пока я не напьюсь.

Девушка растерялась, не знала, что говорить или делать. Больше всего ей хотелось убежать, но она не могла в первый же вечер подвести родителей.

— Напьетесь? — повторила Канакаммал, чувствуя себя глупо, не зная, какое поведение в этом случае будет правильным.

— Я намерен прикончить эту бутылку, — сообщил он.

Некоторым утешением служило то, что в ней оставалось не больше четверти.

«Интересно, сколько времени ему на это понадобится?» — подумала она. Можно было полагать, что при таком темпе не очень много. Раз хозяин требует, чтобы служанка с ним разговаривала, надо попытаться завести беседу.

— Что хорошего в том, чтобы напиться?

— Это притупляет чувства.

Стоя неподвижно, девушка осторожно наблюдала, как Брайант отправил в глотку следующую порцию огненной жидкости.

Он повернулся к ней. Она поняла, что спиртное начинает действовать. Этот остекленевший взгляд был ей знаком, и Канакаммал не нравилось то, что порой за этим следовало. Слишком часто ей приходилось отбиваться от навязчивых рук знакомых отца, приложившихся к местной араке. Но хозяин вполне спокойно сидел на стуле, стоявшем лишь на двух ножках, и, прищуриваясь, глядел на нее.

— Я придумал тебе имя, — сказал он, улыбаясь какой-то мысли, и махнул рукой со стаканом. — Я буду называть тебя Элизабет в честь моей матери. Что скажешь?

Удержав естественную реакцию — пожать плечами, она выпрямилась, сделала короткий вдох и ответила:

— Меня зовут Канакаммал. Но вы мой работодатель и можете называть меня так, как пожелаете.

— Хорошо сказано, — промычал он. — Я желаю называть тебя Элизабет, потому что это имя могу выговорить. Оно любимо моим отцом и мной, и я давно его не слышал.

В конце Джек бормотал почти неразборчиво. Еще немного — и он заснет. Девушка продолжала изображать видимость разговора.

— Танцы были чудесные, сэр?

— Айрис была чудесная. — Прислонившись к стене, он прикрыл глаза. — Айрис была красивая и хрупкая.

Она видела, что он едва удерживает пальцами стакан. Скоро тот упадет. Канакаммал на цыпочках двинулась вперед так тихо, что даже

приглушенный звон колокольчиков не побеспокоил хозяина, и осторожно высвободила стакан из его пальцев.

— Кто такая Айрис, сэр? — спросила она, скорее чтобы произнести что-нибудь успокоительное, чем из интереса.

— Айрис — женщина, которую я люблю.

Она сморгнула. Гангаи, поджимая губы, со знающим видом рассказывал ей, что у хозяина много подруг, хотя всерьез нет ни одной. Но сейчас хозяин говорил о любви.

— Рада за вас, — пробормотала она, стараясь не смотреть на его голую грудь.

— Не радуйся. — Эти слова прозвучали как приглушенное, смазанное рычание.

Теперь его глаза были закрыты. Она не могла вспомнить, какого они цвета.

— Почему, сэр? — Осторожно убрав у него с коленей бутылку, Канакамал беззвучно поставила ее рядом со стаканом.

— Потому что она принадлежит Неду Синклеру, но станет моей. — Он облизал сухие губы. — Это будет концом нашей дружбы.

После танцев прошла неделя, а Нед до сих пор не повидался с Джеком. Ему не терпелось узнать мнение друга об Айрис. Она, в свою очередь, явно его одобрила. Однако на этой неделе Синклер часто встречался с девушкой и создавал для этого все условия, то предлагая устроить игру в карты с участием всей семьи, то приглашая ее в кино или даже на розыгрыш бинго в Майсор-холл. На общение с другими молодыми людьми — потенциальными женихами у нее просто не оставалось времени. Вот и сейчас он уговорил Айрис отправиться на велосипедную прогулку до самых Пяти Светильников. Нед надеялся, что она согласится выпить сильно разведенный молоком кофе в небольшом заведении неподалеку, что даст ему время собраться с духом и задать свой великий вопрос.

Они неторопливо катили бок о бок. Приближались сумерки, но все еще было достаточно светло, чтобы хорошо видеть.

— Я слышала, Джек получил повышение, — нарушила молчание Айрис.

— Да, теперь он старший инженер. Блестяще, да?

— Нет ничего удивительного в том, что твой друг может себе позволить жить в одиночестве в этом большом старом доме. Наверное, он наслаждается спокойствием.

Нед улыбнулся. Лучшего поворота разговора нельзя было и ожидать.

— А у вас в доме тесновато, правда, Айрис?

Она покосилась на него и вздохнула.

— Дома хорошо, но я больше не маленькая девочка, а чувствую себя так, словно должна спрашивать разрешение всякий раз, как хочу выйти погулять. Когда я высказываю желание съездить в Бангалор, мама хмурится. Мне двадцать четыре! Я жила в Лондоне. Бангалор меня не пугает. — Нед сделал успокаивающий жест, но она не обратила на это внимания и продолжила: — А какой поток гостей устремляется к нам каждый день!

Политика открытых дверей, проводимая Уокерами, была слишком хорошо известна Синклеру, так что он не нуждался в объяснениях.

Айрис еще предстояло свыкнуться с распространенной в Полях манерой заходить в гости без предупреждения.

— Но они ведь всегда такие были?

— Наверное, да. — Она застонала. — В детстве я этого не замечала, а сейчас чувствую себя так, будто обязана находиться в доме, где нет никакого уединения. Если я сижу у себя в комнате, тетушки считают это проявлением невоспитанности. Если я спускаюсь вниз, но молчу, они думают, что со мной что-то произошло. Если иду гулять, значит, быстрая не по годам. Если не хожу, то, стало быть, копаюсь в себе. — В раздражении она встряхнула волосами, и от этого сердце Неда затрепетало в груди.

Ему хотелось пробежать пальцами по этим прядям. Еще он мечтал, что поцелует ее сегодня, но она была раздражена и думала о другом.

— Чего ты хочешь, Айрис? Что сделало бы тебя счастливой?

Привстав на педалях и вглядываясь в темнеющую даль, она покачала головой.

— Не знаю, Нед. Просто хочу иметь возможность побыть одна.

— Одна?

— Ты ведь знаешь, что я имею в виду.

Он знал. Если бы у него хватило духу, то Нед мог бы одной фразой разрешить ее дилемму. Но эти слова застревали у него в горле, так велик был страх оказаться отвергнутым.

— Джек не единственный, кто получил повышение, — вместо этого заметил он.

— Нед, давай пригласим Джека и съездим на денек в Бангалор.

Синклер растерянно замигал. Слышала ли она его?

Не дожидаясь ответа, Айрис продолжала:

— В этом городе можно прекрасно провести время. Там гораздо прохладнее и много развлечений. Можно поехать на озеро Ульсор, устроить пикник с мороженым. Ну пожалуйста, скажи «да». Родители не станут возражать, если я поеду с тобой. Было бы хорошо увидеться с Джеком. — Внезапно ощутив неловкость, она отвела взгляд. — Тогда, на танцах, мы едва обменялись парой слов.

У Неда сохранились иные воспоминания о том вечере, но он не хотел проявлять неучтивость.

— Ты виделся с ним? — не отставала она.

Синклер кашлянул. Его все больше раздражало, что главной темой разговора, который, как он надеялся, пойдет о нем самом и об Айрис, становится Джек.

— Нед, что случилось?

— Айрис, ты совершенно меня не слушаешь.

— Не глупи. Разумеется, слушаю.

— Тогда почему задаешь вопрос, на который я уже ответил?

Он намеренно не произносил имени друга, словно одно его звучание вселяло в него тревогу по поводу Айрис и ее чувств.

Ее лицо смягчилось. Ведя велосипед, она приблизилась к остановившемуся Синклеру и взяла его за руку.

— Прости, Нед. Я была груба. Я слушаю, просто сейчас у меня в голове какая-то путаница. У тебя хорошие новости?

Он улыбнулся. Облегчение ударило как молния и пронизало теплом все тело. Айрис мгновенно получила прощение.

— Меня готовят к должности управляющего по электроснабжению.

Ее вид стал потрясенным, благоговейным, и это привело его в восторг.

— Но это немыслимо. — Девушка шлепнула его по руке, изображая недоверие. — Ты такой молодой.

— Да, но теперь я учусь, причем совершенно официально. Если сдам все экзамены, то меньше чем через два месяца стану управляющим по электроснабжению шахт. Босс уходит на пенсию. Более того, мне предоставят домик рядом с офисом.

Взвизгнув от радости, она обняла его. Это было так спонтанно и неожиданно, что Нед едва не опрокинулся навзничь. Он смеялся, был в восторге от ее эмоциональности и ощущения телесной близости. В краткое мгновение, когда Айрис прижалась к нему грудью, голова у него закружилась от предвкушения.

— Спасибо. Я так и подумал, что ты будешь довольна.

— Довольна? Да я горжусь тобой до невозможности. Управляющий в двадцать четыре года! Ну разве вы оба не будете гвоздем программы в Полях?!

— Ты о Джеке и обо мне. — По лицу Неда скользнула тень.

— Ну конечно. Сногшибательно красивый Джек Брайант и спокойный, таинственный Эдвард Синклер — какой великолепный

дуэт.

Нед ощутил какую-то внутреннюю боль, и его мозг не сработал достаточно быстро, чтобы помешать ему произнести слова, соскользнувшие с языка.

— Так я, значит, некрасивый?

— Я не то имела в виду. — Улыбка исчезла с ее лица.

Он посмотрел на землю, потом опять на девушку. Его лицо было серьезно.

— Но именно так это прозвучало и уж точно выглядело на прошлой неделе.

Вот оно и выскочило! Синклер даже не сразу понял, какую мысль сформулировал.

Айрис не отрываясь смотрела на него. Выражение ее лица было трудно понять. Напряжение натянулось между ними, как резиновая лента.

— О чем ты?

Мгновенно смутившись, Нед почесал в затылке. Но он уже ступил на этот путь, хотя и в результате собственной ошибки. Синклер буквально заставил Джека прийти на танцы и разве что не силой свел их нос к носу. В глубине души он чувствовал, что поступает неразумно, но ему так хотелось, чтобы эти двое самых важных для него людей подружились. Айрис ждала с обиженным видом.

— Не знаю. Некоторые посмеивались надо мной из-за того, что вы с Джеком вышли из зала.

Теперь ее взгляд стал уже откровенно гневным.

— Айрис, как бы это ни выглядело, я...

— А как это выглядело? — парировала она.

Ему захотелось, чтобы время пошло вспять и они вернулись на пять минут назад. Нед перевел дыхание, но жесткое выражение на лице девушки не смягчалось. Правда лучше всего.

— Ты знаешь, какова репутация Джека.

— Да, понятно. Ты думаешь, я легко попадусь на его удочку, так? Джек Брайант разок покружится со мной по танцзалу, я от этого так размякну, что пойду с ним на улицу и он сделает со мной, что только захочет? Таково, значит, твое мнение обо мне, Нед?

— Нет, Айрис. Нет.

— Я готова с ума сойти! Типичная сплетня маленького городка. Нед, именно поэтому Бангалор для меня лучше.

Синклер впал в отчаяние. Вечер был испорчен, и никакими своими словами или действиями он его не исправит.

— Айрис, прости. Я правда очень жалею, что так сорвался. Я просто хотел сказать, что...

Внезапно почва под ними поколебалась, отвечая на звук взрыва, расколовшего вечернюю тишину. Это походило на землетрясение. Велосипеды упали на дорогу, а Нед и Айрис инстинктивно прильнули друг к другу. Казалось, прошла вечность, но смещение земли, от которого дрожали дома, длилось всего несколько секунд, а потом воцарилась мертвая тишина, даже птицы прекратили петь.

Но это мертвое спокойствие почти сразу стали прорывать крики и вопли, доносившиеся из домиков работников-индусов на окраинах поселка. Из множества крошечных жилищ, которые Неду всегда казались похожими на кукольные, хлынули женщины и дети. Их крики слились в общий, какой-то нездешний вопль. К нему присоединился еще более оглушительный вой сирены.

— Что случилось? — На лице Айрис отобразился шок.

Нед, не веря своим глазам, стоял с открытым ртом, сердце у него забилось тяжело и громко. Все шесть лет, в течение которых он здесь работал, проводились специальные учения именно на такой случай, но он никогда и подумать не мог, что все произойдет в реальности. Синклер знал, что это не учения. Они слышали звук, внушающий ужас всем обитателям Полей.

— Нед! Что это?

Проклятие, которое он исторг, потонуло в шуме и внезапной бешеной активности, разыгравшейся вокруг них.

— Авария на шахте, Айрис. Наверное, взрыв породы под поверхностью.

— Взрыв породы? — повторила она, лихорадочно ища ответ в его глазах.

— Внезапное обрушение в одной из шахт во время экскавации, — разъяснил он, перекрикивая вопли жителей деревни, бегущих по направлению к шахте.

— На какой шахте? — крикнула девушка.

— Наверное, на шахте Вильямса.

Она ответила взглядом, исполненным такого ужаса, и столь отчаянно прикрыла рот руками, что Нед не знал, как на это реагировать.

— Не пугайся, Айрис. Я отведу тебя прямо домой.

— Руперт! — воскликнула она с расширенными от ужаса глазами.

Вырвавшись из рук Неда, она бросилась по дороге. Тот в смятении кинулся вдогонку.

— Айрис, подожди! — Догнать ее не составило труда. — Что ты сказала насчет Руперта?

— Он сегодня проводит хронометраж как раз на шахте Вильямса. Брат там, внизу, Нед. Он в шахте!

Это был шок, но еще со времен истории с Брентом Нед усвоил простую истину. Предаваться панике — самое неразумное, что можно сделать в трудной ситуации. Ему было приятно, что в эти минуты он мог взять на себя руководство и вывести девушку из состояния страха, пригвоздившего ее к месту.

— Айрис, надо идти. В шахте понадобятся все здоровые мужчины. Не исключено, что мое присутствие потребуется и в отделе электроснабжения.

— Ты можешь оставить меня, Нед.

— Я доставлю тебя к шахте, знаю, что твоя семья будет там. Но у меня есть свои обязанности. Так нас учили. Возьми меня за руку. Пошли. Надо идти. — Он заметил, что она осматривается. — Я подобрал твою сумочку. О велосипедах не беспокойся. Пойдем, Айрис. Надо бежать.

Они пустились в путь и то шли крупным шагом, то бежали, пока не оказались в густой толпе плачущих индийских женщин. Все они поднимались по холму, ожидая худшего и моля своего бога, чтобы он их от него избавил.

* * *

Эту неделю Джек работал в раннюю утреннюю смену, в полную меру наслаждался свободным временем и учился играть в гольф, по его мнению, истинно джентльменский вид спорта. Мастерство Брайанта в области бильярда и карт у многих вызывало зависть, но не

давало ничего, не считая статуса кутилы. До сих пор это его не слишком волновало, но в былые времена он ни на кого не хотел произвести впечатление.

Природа одарила его мощным замахом, поэтому посланный им мяч катился далеко по фервею^[24]. Ему еще многому следовало научиться, но его кедди^[25] давал ему множество полезных советов, и он поражался, как, оказывается, увлекательна игра, которой он раньше пренебрегал.

Джек пребывал в приятном состоянии довольства собой, поскольку счастливо избежал всех бункеров и чипом отправил мяч в дальний край грина^[26], когда земля под ним заходила ходуном, а затем раздался оглушительный взрыв. Земля все еще дрожала, когда он рывком вытащил из бункера своего партнера.

— Взрыв породы! — крикнул он.

Джек не в первый раз слышал этот ужасный звук.

Один кедди трясся от ужаса, стоя на коленях, другой рухнул навзничь на песок и сам не знал, как это случилось. Но Брайант не медлил. Громко отдав несколько приказов кедди, он переключился на партнеров:

— Вперед. Сейчас понадобятся все!

Они со всех ног пустились бежать по направлению к шахте Вильямса.

Джек был первым, кто явился в эпицентр столпотворения. Основная спасательная команда, организованная только в прошлом году, запаздывала, и обеспокоенные мужчины самостоятельно формировали группы, поскольку никто не хотел ждать. В нарушение нового спасательного протокола на помощь призывали добровольцев, однако принимали только тех, кто обладал опытом работы на большой глубине.

Джек не колебался.

— Мистер Коллинз! — обратился он к распорядителю. — Пустите меня туда. Я много раз участвовал в спасательных работах во время аварий в Пензансе.

— Не так глубоко, парень. По нашим подсчетам, это произошло на уровне семисот футов.

— Не беспокойтесь. В свое время я на собственной спине вынес из шахты немало народу. Разрешите мне пойти.

— Приготовься. Спуск через несколько минут, — кивнул Коллинз.

Джек бросился туда, где человек пятнадцать облачались в то небольшое страховочное снаряжение, которое осталось после того, как основную его часть выдали специальной спасательной команде.

— Сколько их внизу? — спросил он.

— Человек двадцать пять или тридцать, из них один белый и один англо-индус.

Джек знал, что последнее замечание излишне, но в этом сплоченном сообществе оно было исключительно важно. На шахту прибыла первая волна индийских семей, чьи мужья и братья, дяди и отцы были, возможно, погребены под смертоубийственными обломками на глубине сотен футов под землей. Чтобы помешать посторонним людям проникнуть в зону спасательных работ, уже установили кордон, и пронзительный вопль усилился, когда женщины принялись бить себя в грудь и оплакивать своих мужчин.

— Мы что, должны ждать, пока придут спасатели? — громко осведомился Джек.

— Ты можешь стоять и ждать? Взгляни на страх, написанный на их лицах. Надо что-то делать.

— Согласен.

— Двигайте! — крикнул Коллинз. — Разделитесь на группы по три. Спасательная команда придет с минуты на минуту. К тому времени, надеюсь, мы сумеем раздобыть ценную информацию, которая им поможет.

Группу Джека кроме него составили два человека, которых он знал, — Арнольд де Суза и Чарли Джонс. Вскоре их уже спускали в клетки с двумя уровнями, способной поднять до двадцати шести человек. Брайант прежде посетил несколько шахт в Полях, главным образом из любопытства, желая узнать, чем добыча золота отличается от разработки олова, но еще и для того, чтобы ощутить, что он по-прежнему член подземного братства. Те, кто, как Джек, трудились на поверхности, часто становились объектом насмешек со стороны других, выполняющих «настоящую работу».

Сейчас Брайант хотел быть одним из тех, кто доставит этих людей в безопасное место, но в глубине души знал, что это пустая надежда. Судя по звуку, грохнуло с такой силой, что гибель шахтеров была

предрешена. В клетке чувствовалось напряжение оттого, что все спасатели думали о том же.

— Там есть кто-нибудь, кого мы знаем? — спросил Джек мужчину, стоявшего рядом.

Тот кивнул и спросил:

— Ты ведь водишь знакомство с Уокерами?

Джек нахмурился.

— Боюсь, один из их парней там.

— Наверное, это ошибка. — Брайант похолодел.

— Никаких ошибок. Руперта недавно перевели в отдел тестирования. С ним должен быть Джон Дрейк.

— Я знаю Дрейка. Он уже пожилой.

— И хороший человек. Он с субботы в отпуске. Имел полное право паковать чемодан, а не спускаться в шахту.

Джек скрипнул зубами, противясь натиску воспоминаний о трагедии, случившейся в Леванте.

— Мы найдем их.

— Будем надеяться.

Клеть, загромыхав, остановилась, и людей окатило пылью. Те, у кого с собой были респираторы, поблагодарили за это судьбу. Джек подумал о том, как этот ужас повлияет на Уокеров, особенно на Айрис. На мгновение в его памяти всплыл образ Билли с озорной улыбкой. Он не сумел спасти его, но был исполнен решимости доставить Уокерам их сына... живым. В глубине шахты много и других сыновей, у каждого семья, которая молится за них, нуждается в них. Он не хотел думать об этих людях меньше, чем раньше, но узнал о Руперте и будто услышал голос судьбы.

«Попробуй еще раз, — говорили Брайанту небеса. — Теперь не дай ему умереть».

Несмотря на лампы «петромакс» у них в руках, мрак стоял почти беспросветный. Было очень жарко. Джек уже плавал в собственном поту. Он успел позабыть, что такое жара в шахте, а температура породы на этой глубине была очень высокой. К тому же Брайант теперь понял, что электричество отключено. Взрывом, должно быть, выбило и фонари у тех, кто их имел.

Когда тишину разорвал голос Арнольда де Сузы, его слова были проникнуты негодованием:

— У меня отец погиб при таком же взрыве породы. Но за десять лет ничего не переменялось. Компания все так же жадна и безжалостна, как и прежде. Техника безопасности...

Коллинз прервал его:

— Все понятно, де Суза. У нас есть дело, мы должны спасти людей. — Он повернулся к Джеку. — Брайант! Ты, де Суза и Джонс берете туннель девять «А». Нам известно, что тестирование проводят там. — Он распределил остальных по другим туннелям. — Теперь слушайте внимательно. Всех выживших необходимо бегом доставлять сюда, где я поставлю человека. Но только выживших. Это понятно? Семьи ждут, спасатели будут работать вместе с нами. Сейчас мы ничего не можем сделать для мертвых, так что сосредоточимся на живых. Там есть и двое наших, оба хорошие люди. Давайте доставим их живыми.

Мужчины неразборчиво выразили свою решимость.

— Значит, три тройки берутся за дело. Остальные — за мной.

Де Суза решительно повел их маленькую группу. В устье туннеля высилась металлическая арка, укреплявшая вход. Джек еще раз подивился устройству южноиндийских шахт, по своим инженерным решениям на много лет обогнавших корнуэлльские. Компания «Тейлор и сыновья» потратила на современную технологию немалые средства, чтобы сделать шахты в Золотых Полях самыми передовыми в мире.

«Но несчастные случаи все равно происходят», — подумал Джек.

— Как они смогут дышать? — спросил он.

— За счет воздушных карманов. Не везде будет так, как здесь, — объяснил Джонс. — Когда я только начал, то попал в такую же аварию. Все было отлично — у тех, кому повезло. Нам хватило воздуха, но восемнадцать человек погибли.

— Хватит о смертях, — мрачно прервал его де Суза.

— Я не поднимусь на поверхность, пока у кого-то из нас не появятся хорошие новости для Уокеров, — сказал Джек. — Пошли.

Следуя по рельсам для вагонеток с рудой, похожим на миниатюрные железнодорожные пути, — еще одно технологическое чудо, о котором корнуэлльские шахтеры могли только мечтать, — они вступили в темную печь.

Проходя под укрепленной железом аркой перед входом в туннель номер девять, Джек почувствовал себя так, словно проходил сквозь

ворота ада.

* * *

Нед прибыл на шахту. Вокруг кипела бешеная деятельность. Основная спасательная команда была на месте. Люди облачались в новые защитные костюмы, проверяли снаряжение. Распорядители выкрикивали приказы.

Он повернулся к Айрис.

— Они, похоже, знают, что делают.

Девушка закусил губу, лицо у нее было в пятнах от слез, одежда запылилась, ремешок туфельки оторвался. Женщины рядом рыдали, другие стояли молча, в шоке. Люди, собравшись небольшими группами, негромко переговаривались, с напряженным выражением лиц бормотали что-то, указывали на шахту, многие сдерживали слезы. Атмосфера была такая напряженная, что Неду показалось, что люди от горя и отчаяния начнут бросаться в шахту.

От этих мыслей его оторвало прибытие Уокеров. Когда Айрис кинулась к семье, он придал лицу спокойное выражение и постарался настроиться на хорошие новости.

У него на глазах Айрис бросилась на грудь отцу. Руперт в шахте, это совершенно точно. Ругнувшись про себя, Нед быстро успокоился и приготовился к встрече с семьей Уокер, которая в полном составе собралась у входа в шахту.

Он пробирался через разноцветное море. С наступлением сумерек окраска сари обрела приглушенность. Небо походило на слоеное желе, которое мама готовила ему на дни рождения и подавала с мороженым. Темно-фиолетовый вечер еще не поглотил ультрамариновую синеву, та боролась с ночью и не подпускала ее к смугло-розовым и огненно-оранжевым облакам рядом с солнцем. Мрачающее небо покрывало Поля, мало-помалу окутывая сцену трагедии приглушенными тенями и мягко-серебристым лунным сиянием.

Нед поспешил к Уокерам. Его встретила непроницаемая стена тревоги.

— Это правда? — спросил он, целуя Флору.

— Мой Руперт там, внизу, Нед. — Она плакала.

— Они спасут его, вот увидите. — Нед сглотнул и повернулся к Айрис, рыдающей на груди отца. — Мне надо идти помогать.

— Что ты можешь сделать? — спросил Гарольд.

— Хорошо бы соорудить дополнительное освещение. Наверняка это поможет.

Начальник спасательной команды словно каким-то магическим образом услышал это замечание, подбежал и крикнул:

— Синклер! Пыль такая, что ребята почти ничего не видят.

— Я немедленно отправляюсь в отдел электроснабжения.

— Молодец.

— Сколько пропавших без вести? — спросил Гарольд у начальника команды.

— Пока, по нашим подсчетам, выходит двадцать восемь. Мне очень жаль, мистер Уокер.

Тот кивнул, словно давая понять, что извинения излишни.

— Нам сообщили, что человек десять уже спустились вниз, не стали ждать профессионалов.

— Что? — переспросил Нед. — Они с ума сошли? У вас лучшее снаряжение в стране. План спасения должен соблюдаться буквально.

— Они хотели сделать, что в их силах. Очень смело с их стороны. Я ими восхищаюсь. К слову, среди них и твой друг — вызвался в числе первых.

— Джек внизу? — выпалила Айрис.

— Он ведь работает не под землей. Снимаю перед ним шляпу. Я до сих пор считал, что он из тех, кто больше разрабатывает карьеру, а не шахту.

— Брайант в безопасности? — дрожащим голосом спросила Айрис.

Нед покосился на нее. Его точила ревность.

— Там никто не в безопасности, мисс Уокер. Но они на пятнадцать минут опередили нас. Может быть, им повезет и они найдут вашего брата. Мы рассчитываем, что ребята сотворят чудо.

— Джек найдет Руперта, мама. Он достаточно сильный, сможет вынести его из шахты.

Нед нахмурился. Айрис говорила так, словно знала Джека всю жизнь.

— Что ж, скажу спасибо за дополнительное освещение. Чем скорее оно заработает, тем лучше, — заключил начальник команды спасателей.

Нед бросился по холму вниз. К моменту его возвращения толпа выросла вдвое. Англо-индианки устроили походные столы, с которых мужчинам, активным участникам спасательных работ, передавали чай, кофе и даже закуски.

Синклер действовал быстро, и вскоре у входа в шахту возникло скелетообразное сооружение из проводов и переключателей. Когда Нед повернул рубильник, все близлежащее пространство залило светом. Люди захлопали, но быстро утихли, потому что начальник спасателей потребовал тишины, необходимой для того, чтобы слышать новости от коллег, находящихся внизу, или крики о помощи.

Нед отступил в толпу, довольный тем, что у него все прошло так гладко.

— Прощу прощения, мастер Синклер, — раздался чей-то голос.

Услышав свое имя и повернувшись, он встретился с вопросительным взглядом молодой индианки.

— Да?

Она немедленно прикрыла лицо краем сари и спросила:

— Вы ведь хороший друг мистера Брайанта, сэр?

— Верно.

— Я новая... Работаю в доме мастера Брайанта, и мы беспокоимся, потому что он не вернулся домой. Мы слышали сирену, сэр, и...

Загипнотизированный магнетическим взглядом серых глаз, он кивнул.

— Прости, как, ты сказала, тебя зовут?

— Он зовет меня Элизабет, но мое имя Канакаммал.

— Что ж, Канакаммал, не хочу тебя огорчать, но мастер Брайант занят в спасательных работах.

— От него не поступало известий, сэр?

— Боюсь, что нет. Пока. Мы надеемся, что скоро будут.

Девушка, по-видимому, поняла его.

— Благодарю вас, мастер Синклер. Я сообщу всем дома.

— Надо надеяться, что на наши молитвы будет ответ, — поддержал он.

Нед смотрел, как она уходит длинными, грациозными шагами. Ее светло-серое сари под луной отливало серебром. Двигаясь легко, словно светлый ангел, девушка взлетела по холму. Она была прекрасна.

— Кто это? — спросила сзади Айрис.

Синклер оглянулся и ответил:

— Женщина, которая работает у Джека. Кажется, он зовет ее Элизабет.

— Да? — Айрис прищурилась, стараясь разглядеть. — Кажется, исчезла.

— Да она и была как видение, — заметил Нед.

* * *

Они двигались сквозь тьму, почти непроницаемую, если не считать скудного света их ламп. Пыль начала оседать, но все равно Джек ничего не видел на расстоянии вытянутой руки.

— Мы знаем, что впереди? — спросил он, внезапно осознав, что и они тоже могут угодить прямоком в природную ловушку.

— Я неплохо знаю этот туннель, — ответил де Суза. — Но кто может сказать, не поврежден ли он? Пожалуй, лучше одному из нас идти впереди как разведчику.

— Хорошо, — сказал Джек. — Я пойду.

— Нет, ты сильнее меня, Брайант. Если понадобится кого-нибудь выносить, то сделать это придется тебе. Что с тобой, Чарли? Ты тяжело дышишь. — Де Суза остановился.

Джек тоже это заметил.

— Пыль перебивает дыхание, — вздохнул Чарли Джонс.

— Возвращайся, — немедленно сказал Джек. — Это слишком опасно. У тебя астма?

— С детства не было, — с присвистом выдыхая, произнес он, потом согнулся в три погибели и зашелся в кашле. — Простите, ребята.

Джонс работал не под землей, но никогда не производил впечатление человека с ослабленными легкими. Он солировал в хоре

Золотых Полей и громче всех кричал во время игры в футбол или в хоккей на траве.

— Тебе нельзя идти дальше, — предостерег де Суза. — Ты должен вернуться.

Оглянувшись, все посмотрели во мрак, царящий позади них. В этот момент оба — Джек и де Суза — поняли, что еще не известно, что для Чарли опаснее — идти вперед или возвращаться одному.

Джек скрипнул зубами.

— Я отведу его на место встречи. Вернись скоро.

— Будь осторожен, — предупредил де Суза.

— Ты тоже. Жди здесь. Только без героизма, договорились? Если мы будем держаться вместе, то наши шансы выбраться отсюда повысятся. На всякий случай — у тебя есть спички?

Де Суза, порывшись в карманах, вытащил коробок и потряс им.

Джек и Чарли пустились по безлюдному туннелю в обратный путь. На то, чтобы доставить Джонса на место встречи, у Брайанта ушло по меньшей мере пятнадцать минут. Сделав это, он сразу двинулся обратно, вновь прошел под укрепленной металлом аркой и на этот раз заметил гигантские железные пожарные двери. Сейчас Джек уже лучше ориентировался и быстрее двигался по мрачному туннелю. Его лампа отбрасывала странные отблески, в воздухе плясали частицы пыли. Джек поднял лампу повыше. Продолжительные участки туннеля были укреплены сосновыми стволами, для прочности усиленными металлом.

Его внимание привлек блеск золотой жилы приблизительно на уровне его плеч. Лишь однажды ему доводилось видеть такое раньше, и сейчас он опять с невольным изумлением рассматривал поблескивающую линию, манившую людей в недра земли. Брайант, охваченный безмолвным почтением, прикоснулся к желтоватому металлу. Все шахты Полей, вместе взятые, производили ежемесячно приблизительно два массивных золотых блока. «Если сумеешь поднять, можешь взять себе!» — гласила надпись в плавильной, где изготовлялись невероятно тяжелые болванки драгоценного металла.

Примерно на середине пути послышался громкий рокот. Джек инстинктивно опустился на корточки и, прикрывая голову руками, стал ждать каменного обвала. Его не последовало. Он сидел во мраке и тишине.

— Арнольд!

Единственным ответом было эхо его собственного голоса, отдающееся в пустынном туннеле. Он предпринял еще одну попытку. Джек знал, что де Суза должен быть достаточно близко, чтобы услышать зов и ответить на него. От дурного предчувствия у него скрутило желудок. Выпрямившись в темноте, он осторожно двинулся вперед. Через пять минут мучительно медленного продвижения Брайанту стало ясно, что он достиг места, где раньше оставил де Сузу.

— Арнольд, ты здесь? — прокричал Джек и опять услышал лишь собственный голос, многократным эхом отзывавшийся от темных стен.

Это была насмешка над его страхами.

Брайант разрывался на части. Разум говорил ему, что надо вернуться, предупредить спасателей, дать знать, что, по всем признакам, произошел еще один обвал. Спасательной команде пригодится любая информация. Но сердце кричало громче разума. Он чувствовал, что с де Сузой беда, повернуть сейчас равносильно тому, чтобы бросить его. Тут послышался приглушенный стон. Затаив дыхание, Джек стал ждать, напряженно прислушиваясь в надежде различить хоть какой-нибудь звук, лишь бы получить любой дополнительный ориентир. Он уже начал думать, что это было биение собственного сердца, но тут опять раздался голос.

Брайант услышал свое имя и крикнул:

— Арнольд! Арнольд, где ты?

— Джек, — прозвучало чуть громче, чем прежде.

— Постучи по чему-нибудь. Направь меня к тебе.

— Назад! — раздалось предостерегающее. — Впереди тебя ничего нет.

— Хорошо, — стараясь рассеять страх де Сузы, с нарочитым спокойствием ответил Джек. — Ты ранен?

— Меня придавило, — ответил Суза. — Я ничего не чувствую.

— Твой фонарь работает? Можешь осветить перед собой? Я сделаю то же самое.

— Нет. Я его, наверное, уронил.

— Тогда постучи по чему-нибудь.

Раздался слабый стук, похожий на удар камешка о стену.

— Кажется, я понял, где ты. Пока что не шевелись. — Он высоко поднял лампу, все увидел и ужаснулся.

Джек до крови прикусил губу, когда разглядел гигантский валун, придавивший Арнольда де Сузу. Виден был только торс. Бедро и ноги, наверное, размозжили сотни фунтов твердой породы. Кроме того, он лежал в таком положении, что ему было трудно поворачивать голову, и не мог смотреть на Джека.

— Я вижу тебя, Арнольд. — Брайант не знал, что сказать, поэтому констатировал очевидное. — Тебе очень больно?

— Вообще не больно. Не чувствую ничего, — с трудом отвечал тот. — Тела как будто нет, но у меня есть глаза. Да и руки говорят мне, что сверху лежит чертовски огромный камень, — произнес он и вдруг рассмеялся, приведя Джека в шок.

— Арнольд, ш-ш, побереги...

— Нет, молчи. Я все равно что покойник. Мы оба это знаем. Но, Джек, я слышал голоса, это точно. Здесь есть живые. — У де Сузы начались позывы на рвоту. — Дай мне умереть. Тебе не сдвинуть эту глыбу, мне тоже. Никто уже не успеет это сделать.

— Обожди, — сказал Джек, отчаянно пытаюсь задержать неминуемое. — Я вижу, как можно до тебя добраться.

Он стал осторожно прокладывать себе путь среди осколков. Сейчас было важно лишь одно — взять умирающего за руку. Джек вовремя успел это сделать.

— Брайант, — прохрипел де Суза. — Передай Эми, что я люблю ее и детей. Скажи, мне очень жаль, что приходится ее оставлять.

— Я передам, Арнольд. — Джек крепче сжал руку умирающего. — Она будет тобой гордиться.

Де Суза улыбнулся. Во взгляде его было такое сияние, что Брайанта резанула душевная боль. В следующую секунду Арнольд умер. Его ладонь в руке Джека внезапно обмякла.

Глядя в лицо товарища, Брайант вознес молчаливую молитву за его душу, достал из кармана носовой платок и прикрыл им лицо де Сузы. Так ему показалось правильным. Он сморгнул слезы, выпрямился, с гневной решимостью поднял лампу и углубился в туннель.

Брайант намерен был выяснить, откуда доносились те голоса. Ради Арнольда и в память о нем.

Нед заметил, как товарищи помогали Чарльзу Джонсу выбраться из шахты. Гарольд Уокер уже оказывал помощь первым пострадавшим. Он дал указания, чтобы Джонса уложили на носилки.

Все Уокеры затаили дыхание, когда к ним подошел посыльный от Гарольда.

— Я должен передать вам, мадам, что о мистере Руперте новостей пока нет, — произнес тот с резким индийским акцентом.

Флора не дрогнула, лишь сильнее сжала губы и продолжила наводить порядок на складном столике. Она передвигала чашки, наполняла сахарницы.

— Мистер Джонс пошел с первой спасательной командой. Мистер Брайант отослал его обратно. — Он то ли покачал, то ли покрутил головой.

— С мистером Брайантом все в порядке? — с тревогой спросила Айрис.

— Я не знаю, мисс Уокер. — Посыльный спешно ретировался.

Нед повернулся к Айрис и резко произнес:

— С Джеком все будет в порядке. Пойду поговорю с другими семьями. Они тоже нуждаются в том, чтобы их успокоили.

Девушка надула губы и заявила:

— Эти люди живут так каждый день. Нельзя сказать, что опасность для них является чем-то неожиданным.

— Немного немилосердно, тебе не кажется?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, Нед. Эти люди знают, что такое шахтерская жизнь. Они принимают последствия.

— «Эти люди»? Айрис, британцы и англо-индусы...

— Почему ты разделяешь их? Ты забыл, что мой отец такой же британец, как и ты?

Синклер так поразился, что мог лишь смотреть на нее, потом сказал:

— Нет, вовсе нет. Мы все равны, Айрис, включая индийцев.

— Да, ты прав. — Ее лицо смягчилось. — Пожалуй, мы чересчур разнервничались, эмоции разгулялись. Прости.

Нед положил руку ей на талию. Несмотря на жару, ощущение теплоты ее тела было ему приятно. Внезапно все опять стало неважно, кроме его любви к ней и желания сделать ее счастливейшей женщиной в Полях.

— Айрис, давай вместе пойдем и поговорим с индийскими семьями, попытаемся по мере сил успокоить их.

— Нед, я не...

— Ты сможешь. — Он взял ее за руку. — Они запомнят твою доброту — и я тоже.

Айрис позволила ему подвести себя к людям. Приняв бодрый вид, она беседовала с индийскими женщинами, даже говорила на ломаном тамильском. Нед, довольно неплохо освоивший язык, часто удивлялся тому, сколь немногие из британцев брали на себя этот труд.

С момента прибытия в Поля они с Джеком практиковались в языке при любой возможности, развлекали посыльных и чокр, требуя, чтобы те разговаривали с ними только на тамильском. Ему понравилось, что Айрис последовала его примеру. При этом Синклера беспокоила лишь одна мысль. Было заметно, что на этом языке ей привычнее давать указания, чем спрашивать о состоянии здоровья и благополучии.

По мере того как они углублялись в толпу индианок, их окутывал все более насыщенный аромат пряностей и сандалового дерева. Когда загрубевшие ладони обхватывали его руку, многочисленные стеклянные и золотые браслеты еле слышно позванивали. Он исполнялся смирением от мягких благодарных поклонов и приглушенных голосов, в которых звучала не только тревога, но и надежда.

Внезапно ему захотелось очутиться внизу, рядом с Джеком. Тот, по крайней мере, что-то делает. Нед бросил взгляд на вершину холма. Там, эфемерная в лунном сиянии, стояла Канакаммал, одинокая и отчужденная.

Айрис ее тоже заметила.

— Опять та женщина. Ты говорил, у нее кто-то пропал?

— Нет. Канакаммал пришла, чтобы разузнать про Джека.

— Она ведь его почти не знает?

— Да, но взгляни на ее лицо. Девушка тревожится за него не меньше, чем мы. Пойду с ней поговорю.

— Подожди меня, — сказала Айрис.

Высокая женщина смотрела, как они поднимаются к вершине. В своем бледном сари, держась в стороне от света прожекторов, заливающего окрестности, она казалась видением.

— Еще раз здравствуйте, Канакаммал, — поприветствовал Нед.

Она поклонилась им обоим. При этом ее большие светлые глаза смотрели прямо, не мигая, а лицо не выдавало чувств.

— Канакаммал, это мисс Айрис Уокер. Ее семья живет в Ургауме.

— Рада познакомиться с вами, мисс Уокер, — сказала Канакаммал.

— Я слышала, ты работаешь на мистера Брайанта? — с ноткой высокомерия осведомилась Айрис.

Девушка смиренно потупилась.

— Да, мадам. Мы с сестрой живем в его доме.

— Вот как? Гм! Весьма современно.

На лице Синклера изобразилась досада.

— Что? — колко отозвалась Айрис. — Он холостяк, Нед.

Канакаммал посмотрела куда-то поверх их голов и сказала, явно испытывая облегчение от возможности сменить тему:

— Там что-то случилось, сэр.

Он круто повернулся. У входа в шахту суетились люди.

— Что ж, будем надеяться, что мистер Брайант очень скоро вернется домой.

— До свидания, сэр, мадам. — Канакаммал добавила к этим словам благодарный взгляд, в своей обычной призрачной манере отплыла в сторону и смешалась с толпой, где люди напирали друг на друга, надеясь услышать хорошие вести.

— Это было не слишком деликатно, — с неодобрением произнес Синклер, отводя Айрис обратно к семье.

— Не притворяйся, Нед. И не говори, что не обратил внимания на ее внешность.

— Да, по-моему, она невероятно красива и обладает поразительным самообладанием. — Он почувствовал, что своими словами раздражает Айрис. — Но я не понимаю, к чему ты.

— К тому, что Канакаммал очень молодая и одинокая. А Джек — холостяк, который бросается, кажется, на всех.

— Не «кажется», Айрис, а просто на всех! Но он ведь тоже одинок и может проводить время с кем пожелает, будь то британка, англоиндианка или местная. По-моему, ты придаешь этому чересчур большое значение.

— Нед! Я беспокоилась за нее, вот и все.

Он не выпустил на волю слова, которые вертелись у него на языке, по поводу ее очевидной озабоченности Джеком Брайантом, взял девушку за руку.

— Айрис, сейчас самое главное — спасти Руперта. Это все, что волнует меня. Чтобы он и Джек вернулись к нам живыми и здоровыми.

Она улыбнулась и кивнула, но это не слишком обнадежило Синклера. Прежде голоса у него в голове лишь шептали, а теперь заговорили так громко, что их нельзя было больше игнорировать.

* * *

Джек горел. Каждый раз, когда он втягивал раскаленный воздух, его легкие словно опаляло огнем. Он знал, что обращает слишком много внимания на процесс дыхания. Отец как-то рассказывал ему об этом феномене, поражающем людей на глубине.

— Дыхание происходит само по себе, о нем не надо думать. Твое тело знает, как это делается, — объяснял отец.

Теперь Джек старался перестать думать об этом.

— Соберись, — бормотал он себе.

После примерно десяти минут, в течение которых он медленно, дюйм за дюймом, продвигался вперед, Брайант опять усомнился в своих возможностях. Джек слепо углублялся в недра земли, двигался по неизвестному туннелю в поисках людей, хотя даже не знал, здесь они или нет.

Остановившись, он сполз по стенке и обхватил руками голову. Она болела от жары, в горле пересохло, а фляжка с водой давным-давно была опустошена. Повернуть обратно?

Именно в этот момент сомнения Джек услышал голоса, ясно и отчетливо. Теперь он разрывался. Вернуться и сообщить об этом спасательной команде или прорываться туда, где, как он теперь точно знал, томились в смертельной ловушке Руперт и его спутники?

Недолго думая, Джек принял решение двигаться вперед. Брайант знал, что никогда не сможет себя уважать, если ему придется, глядя в глаза Айрис, признаться, что он отвернулся от ее брата. Эта мысль поддерживала его.

* * *

Когда Джек обнаружил Руперта, тот выглядел оглушенным. Сознание то возвращалось к нему, то вновь его покидало.

— Руперт, поговори со мной! Ну же, я слышал, как ты кричал.

Голова у бедняги свесилась и болталась из стороны в сторону.

На ней зияла рана, на вид очень нехорошая. Часть волосяного покрова была содрана, кровь залила лицо. Он походил на солдата, только что выбравшегося из окопа. Джек пожалел, что не прихватил нюхательной соли. Он напомнил себе, что спасатели явятся с минуты на минуту. Его задача до их появления — разговаривать с Рупертом, который, по-видимому, начал приходить в себя.

— Боже, как болит, — простонал тот. — Брайант, это правда ты?

— Боюсь, что да. — Он сжал руку Руперта. — Главное — сохраняй спокойствие, оставайся в сознании. Из-за раны на голове садиться тебе не стоит. — Джек не стал упоминать об искалеченной правой руке Руперта.

Чем дольше он глядел на нее, тем больше она ему не нравилась.

— За мной идет спасательная команда. Они тебя вынесут на поверхность. Где Дрейк?

— Пропал. — Руперт зарыдал.

— Ушел на поиски помощи?

— Нет, пропал! Вон в той большой черной дыре. Стена рухнула целиком, увлекла за собой его и еще, кажется, мою руку. Я дополз досюда, но дальше уже не мог. Я, наверное, потерял сознание. — По его лицу потекли слезы.

— Слушай меня. Твоя рука здесь, на своем месте, — заверил Джек, убедив сам себя в том, что это ложь во спасение, к тому же, кто знает, руку, может быть, еще удастся спасти.

В нескольких шагах от того места, где он только что стоял, опять раздался низкий рокот.

— Боже. Опять начинается, Джек. Мы здесь погибнем.

— Лежи спокойно, Руперт. Такое бывает после основного толчка. Почва просаживается.

Руперт, невзирая на боль, презрительно фыркнул и заявил:

— Начинай молиться, Брайант. Именно такой звук мы слышали перед толчком. Говорю тебе, сейчас опять грохнет!

Джек не стал отвечать, поскольку с огромным облегчением услышал звуки, знаменующие приближение спасательной команды. Скоро они получают помощь. Он постарался не думать о Джоне Дрейке и Арнольде де Суза, о десятках мужчин, чьи имена не были ему известны, которые сейчас, раненые, погибали в подземных капканах, а может быть, уже расстались с жизнью. У них тоже есть любящие семьи, но шахта не станет заботиться о них так, как о женах и детях де Сузы и Дрейка. Они не получают ни компенсаций, ни специальных пособий, ни психологической помощи и тому подобного. Индийская семья сможет лишь кремировать мертвое тело, если, конечно, повезет и оно будет извлечено из-под завала.

Он посмотрел на Руперта. Тот затих.

— Руперт, ну-ка, давай приходи в себя. Скоро ты будешь на поверхности. Вся семья собралась и ждет тебя. Ты должен увидеть родных и быть в сознании, чтобы их успокоить, да?

Тот что-то пробормотал. Джек был доволен, что привел его в чувство.

— Идут! — крикнул он.

Голоса уже были ясно различимы.

— Брайант?

— Вон там! Осторожно.

Больше он не успел ничего сказать. Низкий грозный рокот почти мгновенно сменился пронзительным визжащим звуком. Джек инстинктивно притянул к себе Руперта, заслонил его своим телом и прикрыл собственную голову руками. А потом разверзлась гигантская расщелина, из которой стали выпадать куски породы размером с небольшую хижину. Наступил непроглядный мрак. Джек прильнул к Руперту, ожидая смертельного удара из недр земли.

Вскоре он понял, что пронзительный звук был его собственным криком, почти заглушенным могучим голосом природы. Голова у него ныла, а тело получало свою долю наказания, когда на плечи и спину

ему падали осколки и камни. Но он прижимал к себе Руперта, а перед глазами у него проносились образы родителей и Айрис. Брайант увидел Неда, лицо которого было исполнено осуждения. Синклер склонился над мертвым телом Брента с проломленной головой. Джек увидел Арнольда де Сузу, который тянулся к нему, а потом Брайанту показалось, что к нему явился ангел. Тот приветствовал его, манил к себе, но вскоре Джеку стало ясно, что это его новая служанка Канакаммал. На ней было развевающееся сари, серое с серебристой нитью, которое посверкивало посреди этого апокалипсиса, и она велела ему выжить.

Когда он изменил положение тела, его пронзила острая боль, но Джек был не в претензии. Боль означала, что он все еще жив. Пощупав затылок, Брайант почувствовал предательскую влажность, а лицо у него стало липким от крови.

— Руперт... Руперт!

Уокер под ним застонал. В это мгновение Джек ощутил прилив благодарности судьбе за то, что они оба выжили во время оползня. Пора связаться с людьми из спасательной команды.

— Эй! — крикнул он в темноту.

Зов вернулся к нему расторопным эхом. Только в этот момент он понял, что они отрезаны. Брайант не осмеливался пошевелинуться. В этом мраке можно шагнуть в дыру и пропасть в ней навсегда.

На Джека опять навалился страх. Он заперт в туннеле номер девять, раненый, истекающий кровью, с человеком, пострадавшим так серьезно, что тот умрет, если ему не оказать срочную медицинскую помощь. Брайант искал лампу, но вовремя сообразил, что зажигать ее рискованно. Со всеми этими газами, которыми насыщен воздух, открытое пламя чересчур опасно. Ему показалось, что хуже уже быть не может, но из бездны отчаяния его вывели стоны Руперта.

— Уокер!.. Руперт! Тебе больно?

— А ты как думаешь? — огрызнулся тот.

Джек не обиделся. Эти слова хотя бы показывали, что у Руперта еще остался какой-то порох в пороховницах, который поможет ему спастись. Брайант предпочел бы умереть в пути, прорываясь к поверхности, чем сидеть тут.

— Спасательной команды, стало быть, больше нет. Ты можешь встать?

Руперт вздохнул. Сознание целиком к нему вернулось.

— Сомневаюсь. Весь мой правый бок ушибло еще во время первого удара.

— Давай попробуем, хорошо?

— Почему бы и нет? По крайней мере развлечемся.

Джек поднялся, тщательно следя за тем, куда ставит ногу. Сначала у него закружилась голова, но, несмотря на боль, он быстро пришел в себя, вздохнул и наклонился.

— Твоя очередь. — Брайант подхватил Руперта. — Постарайся оттолкнуться здоровой ногой.

— Да, спасибо. Это я уж как-нибудь и сам бы сообразил.

— Тогда за дело, старина.

Невероятно, но Руперт засмеялся. Джек присоединился к нему, но смех длился недолго. Едва перенеся вес тела на правую ногу, Руперт закричал, и Брайант поторопился опустить его на землю.

— Сломанная лодыжка? — вежливо осведомился он.

— Как минимум, — ответил Руперт, дыша слабо и поверхностно.

— Так!.. — Джек утер кровь, стекающую со лба на глаза.

Да, голова у него кровоточила, а плечо горело, но на данный момент это были самые незначительные их проблемы.

— Нужно двигаться, пока ты в сознании.

— Что ж, если это можно рассматривать как утешение, то боль определенно привела меня в сознание. Я соображаю даже лучше, чем обычно.

— Хорошо, Руперт. Просто отлично. Итак, я готов выслушать любые предложения.

Руперт задышал глубже и медленнее. Джек молчал. Он надеялся на что-то невероятное. Если чудеса случались раньше, то почему бы одному из них не произойти и сейчас?

— Если память мне не изменяет, отсюда есть выход, — начал Руперт. — Туннель девять «А» дальше сходится с «С», но, к сожалению, не на том же уровне. Будем надеяться, лестницы на месте.

— А дальше как?

— Если старые лестницы не повреждены, то мы сможем перебраться на более высокие уровни и привлечь к себе внимание или самостоятельно найдем путь к клетки из относительно безопасных уровней.

Весьма разумно. Руперт произвел на Джека впечатление.

— Слушай, даже если все сойдется неудачно, я протащу тебя по этим лестницам хоть пятьсот футов.

— Знаешь, Джек, без меня ты сможешь двигаться гораздо быстрее.

Тот фыркнул и заявил:

— Ты не особенно нравишься мне, Уокер, но я лучше рискну головой, таща тебя по этим чертовым лестницам, чем в одиночку взгляну в лицо твоей матери.

— Значит, в туннель «С». Может, мне попытаться допрыгать?

— Лучше я тебя понесу. Не видно по-прежнему ни зги, так что придется идти на ощупь и надеяться на удачу.

— Не забывай следовать вдоль рельсов для вагонеток. Они приведут тебя напрямиком к цели.

— Хорошо. Но прежде чем пуститься в путь, мы наложим тебе на руку жгут.

Не прошло и минуты, как Джек разорвал свою рубаху на полосы, крепко затянул импровизированную повязку, после чего закинул Руперта на спину.

Пошатываясь, Брайант двинулся во мрак. Тяжесть оказалась невелика. Руперт был маленький и щуплый, но в темноте Джек задел его за руку, что вызвало новый поток стонов.

Вскоре он утратил всякое представление о времени и расстоянии, все силы и внимание уходили на то, чтобы безопасно шагнуть одной ногой, потом другой. Мыслей почти никаких не было. Брайант даже не был уверен в том, что Руперт в сознании. Вполне возможно, что наложенный жгут усилил его острую боль.

К нему пришли мысли о доме, о родном поселке и о церковном дворе, где похоронили Билли и всех сыновей Пендина, погибших во время катастрофы в Леванте. Это не должно повториться. Не должно!

— Брайант! — внезапно подал голос Руперт.

— Что?

— Пора начать искать место, где туннели сходятся. Я считал.

— Что?

— Твои шаги. Шахтеров этому учат, как раз на такой случай. Кажется, мы уже рядом.

— Что надо делать?

— Постараться нащупать вход. Прости, что от меня не слишком много помощи.

— Может, я тебя усажу и потом смогу быстрее двигаться?

Это нелегко далось обоим, но в итоге Руперт сидел, прислонившись к горячей сухой стене туннеля, а Джек жадно вдыхал воздух.

— У тебя, наверное, нет фляжки с водой? — спросил он.

— Есть! По крайней мере, должна быть. Вот. — Руперт направил в темноте руку Джека. — На пояс.

— Пожалуйста, скажи, что там осталась вода.

— Осталась. Ты нашел фляжку?

— Да. — Джек запрокинул голову.

Он мог бы выпить все, но остановился после первых двух глотков.

— На, глотни ты.

— Спасибо, — ответил Руперт, принял фляжку и хлебнул воды. — Больше не осталось, Джек.

— Нам и не понадобится. В следующий раз мы будем пить на открытом воздухе.

— Смотри, сдержи свое обещание, — предостерег Руперт.

— А потом мы оба напьемся уже не воды.

— Я сделаю это.

* * *

Тем временем клеть доставила на поверхность первых пострадавших. Нед с отчаянием смотрел, как женщины начали бить себя в грудь и разрывать одежду. Трое уже были объявлены мертвыми, еще три человека умерли в течение нескольких минут после того, как их доставили на поверхность, пятеро получили тяжелые повреждения.

Гарольд осторожно переходил от пациента к пациенту, осуществляя сортировку. Из шахтерского госпиталя в Чемпион-Риф и городской больницы Робертсонпета вызвали врачей и медсестер. Нед не знал, к чему приложить руки. Он предложил сесть за руль машины с ранеными, но в данный момент в добровольцах не было нужды. Более того, у шахты вообще скопилось слишком много людей, что затрудняло доступ к пострадавшим.

— Нед, будь добр, проследи, чтобы посторонние держались на расстоянии, — попросил Уокер. — Они мешают работе.

Так Синклер оказался начальником крошечного пяточка земли, заставляя людей соблюдать дистанцию. Он не знал, где Айрис, но видел Канакаммал. Девушка не мигая смотрела на вход в шахту.

Гарольд Уокер только что сообщил ему, что одна из спасательных команд слышала Джека, но утратила с ним связь после второго сотрясения. Больше он ничего не знал.

— Арнольда де Сузу нашли мертвым, — вздохнул Уокер. — Он был с Джеком, когда они отослали Чарли обратно на поверхность.

— Мертвым?

— Раздавленным. Джек пошел дальше. Не спрашивай меня почему. Я должен надеяться, что он услышал голос моего сына, потому что ни от кого больше не поступало известий о Руперте.

Они молча смотрели друг на друга.

— Что ж, — начал Нед. — В таком случае надо молиться.

— Наверное. Ни слова моей жене. Кроме того, это только догадки. Так или иначе, но хороших новостей пока нет. Продолжай удерживать людей на расстоянии, хорошо? Иначе будет только хуже.

— Если Джек с Рупертом, то он вынесет его, Гарольд.

Печально улыбнувшись, старик возвратился в свой импровизированный центр скорой помощи.

Джек не мог сдержать радости.

— Я нашел, Руперт! Ты был прав!

— Видишь! Голова у меня работает!

Джек давно уважал Руперта Уокера, и это невольное чувство со временем только углублялось.

— Ты можешь без особых затруднений проникнуть в следующий туннель?

— Лестница на месте! — Джек даже захолопал в ладоши, о чем немедленно пожалел, поскольку волны боли прокатились вверх по руке до самого плеча.

— Отлично, — произнес Руперт, но Джек сразу почувствовал в его голосе фальшивую ноту. — Послушай, я не уверен, что дотяну. Я хочу, чтобы ты отправился один и...

— Не дури! Самое главное мы преодолели. Теперь перед нами прямая дорога домой.

Внезапно Руперт ослабел и почти перестал дышать. Возможно, возобновилось кровотечение.

— Я тебя здесь не брошу.

— Без меня у тебя есть шанс...

— Я не брошу тебя, — произнес Джек медленно и твердо, опускаясь на корточки рядом со своим спутником. — А теперь приходи в чувство! Соберись, стань таким, каким тебя хотел бы видеть твой отец. Давай устроим тебя у меня на спине. У нас впереди много лестниц.

— Хочешь знать, сколько именно? — чуть слышно пробормотал Руперт.

— Заткнись, Уокер. Теперь хватай меня за плечи, я тебя подсажу. Страсть как хочется пива.

На них напал смех. Это была нервная реакция людей, у которых остался один путь. Они вернулись к прежнему положению, только на этот раз Джек подsunул руки под колени Руперта, таким образом создав ему опору, и прочно сцепил ладони. Он не рассчитывал, что тот удержится, если потеряет сознание.

* * *

Айрис принесла Неду чашку кофе со сгущенным молоком.

— Не знаю, откуда твоя мама берет силы держаться, — произнес он и вздохнул, почувствовав знакомый сладкий вкус.

— Это помогает ей не впасть в панику. Но она уже на грани...
Прошло больше восьми часов после взрыва.

— Ты должна надеяться на лучшее. Да и мы все.

— У каждого второго такие ужасные травмы. Или он мертв, — произнесла она и не выдержала, расплакалась. — Я не знаю, как буду жить, если никогда больше не увижу Руперта.

Неду страшно хотелось вселить в нее надежду. Ее слезы надрывали ему сердце.

— Послушай, только обещай, что ничего не скажешь Флоре. Есть шанс, что Джек пробился к Руперту и Джону Дрейку.

Выражение ее лица представляло собой смесь смятения и восторга. Закусив губу, он решил рассказать ей все, что знает.

— Но, Айрис, это пока лишь догадки, — предостерег Синклер, видя, как ее улыбка делается все шире.

— Джек вынесет его, Нед. Я знаю. Он меня не подведет.

Она крепко обняла Неда, а потом, вдохновленная новой надеждой, повернулась и пошла к отцу, помогать ему ухаживать за ранеными.

Нед смотрел ей вслед, и в животе у него расширялась пустота. Айрис без ума от Джека. Синклер не проявил достаточного проворства и не удержал ее... А теперь слишком поздно.

* * *

Джек опять опустошил сознание. Руперт нашел в себе какой-то последний резерв силы и держался. Медленно, мучительно преодолевая одну убийственную перекладину за другой, они поднимались наверх.

Брайант вспомнил, что многие корнуэлльские горняки погибли именно от изнеможения. Сейчас ему грозила та же участь. Он был изнурен, все тело у него ныло, раны кровоточили, его одолевала

тревога. Но он не мог сказать об этом Руперту и сам лишь краем сознания воспринимал происходящее, поэтому решил сосредоточиться на пиве, которое пообещал себе, и на представляемой сцене радости Уокеров при виде Руперта.

Тот опять умолк, но Джек слышал его неровное дыхание.

Брайант помолчал, потом сказал:

— Понятия не имею, насколько мы продвинулись.

— Немногим больше двухсот ступенек. Впереди по крайней мере столько же, а то и больше.

— Мне не обязательно было это знать. — У Джека вырвался стон.

Он опять тронулся с места. Первые двадцать — тридцать шагов, пока не вошел в ритм, дались ему труднее всего.

— Спой со мной, Руперт.

— Ты что, с ума сошел?

— Да ладно, все равно никто не слышит, даже я! Слишком громко бьется сердце.

— Нет сил. — Руперт невесело рассмеялся. — А заказы здесь принимают?

— За деньги?

— Заплачу рупию, если ты исполнишь любимую песню моей матери.

— Говори, — ответил Джек, заранее содрогаясь при мысли, что это будет какой-нибудь хит Эла Джолсона^[27], которого он терпеть не мог.

— «Что я буду делать», — отвечал Руперт.

Джек знал эту песню, она ему нравилась.

— «Что я буду делать...», — неровно затянул он.

Вряд ли это можно было принять за вокал, но в данной ситуации сходило. К его изумлению, Руперт, несмотря на упадок сил, подхватил песню.

Так, под мотив Ирвинга Берлина^[28], двое раненых солдат преодолели еще двести сорок пять перекладин и из мрачного, унылого места, где произошло побоище, выбрались к спасению, озаренному бледным сиянием.

Вокруг семьи Уокер сгустилось непроницаемое и непроглядное, как туман, облако отчаяния. Нед так остро чувствовал душевную боль этой семьи, что у него заболели челюсти, так крепко он их сжал. Давным-давно уже никто не произносил ни слова. Просто нечего было больше сказать. Если раньше члены семьи подходили один к другому, обнимались, поддерживали надежду на то, что Руперт будет спасен, возносили молитвы, то теперь все они оставались здесь, но при этом каждый словно по отдельности, как пришибленный.

Айрис была безутешна. Она отдалилась от Неда, не отходила от брата Джима и матери, молчание которой, пожалуй, было самым душераздирающим. Флора продолжала суетиться над чашками и сахарницами, но любому было ясно, что она не замечает, что делает. Уголки ее губ были непривычно опущены. Гладкие волосы, неизменно аккуратно уложенные в тугий узел, сейчас растрепались, из прически выпадали седые нити. За эту ночь она постарела на десять лет.

При всей своей близости с семьей Уокер, Нед чувствовал себя наблюдателем, который смотрит со стороны и не является их частью. Одиночество, от которого Синклер страдал большую часть жизни, опять взмахнуло над ним своим крылом. Всего несколько футов отделяли его от дорогих людей, но он точно знал, что они не любят его так, как друг друга. Он всем чужой.

Многие подходили выразить свое сочувствие. Это были слова уже не столько поддержки, сколько соболезнования. Практически никто уже ни на что не надеялся. Нед видел, как на лице Уокера застыло непроницаемое выражение, которым так гордятся британцы. Несмотря на отчаяние, он продолжал работать, оказывать помощь нуждающимся. Однако его дети были более откровенны в проявлениях чувств. Джим открыто рыдал.

Все шахтеры-индусы были уже обнаружены. Их семьи разошлись — одни ухаживать за раненым, другие молиться за умирающего или скорбеть о мертвом. Только тело Арнольда де Сузы еще не достали. Чтобы извлечь его из-под гигантского валуна, требовалось специальное тяжелое оборудование.

Брайант был жив, когда его видели в последний раз, но о Руперте или Дрейке не поступало никаких сведений. У людей не поворачивался язык сказать вслух, что эти трое погибли. Все

предпочитали более умеренную формулировку «пропали без вести», но для Неда и семьи Уокер это было одно и то же.

Синклер был разбит, так же раздавлен безнадежностью, как и остальные, скорбящие о пропавших. Вдобавок он был один, чувствовал себя отчужденным, отделенным от остальных. Подавленный таким печальным осознанием, Нед вспомнил еще об одном человеке, который переживал сейчас за Джека. Он бросил взгляд туда, где, неподвижная, как мраморная статуя, стояла девушка-служанка. Ему на память пришли мифические истории, чтением которых он так увлекался в детстве. Богини наблюдали за смертными со своих высот и частенько соизволяли снизойти к их делам. Образ Канакаммал поразил его. Она находилась здесь, но в то же время оставалась вне сцены. Ее лицо было почти лишено выражения, даже пристальный взгляд не смог бы проникнуть в глубину этих светлых глаз. Однако за спокойным фасадом поблескивало какое-то тайное пламя. Нед подумал, что ее страсти пылают, но она умеет их контролировать.

Начинало светать. Лишь все члены семьи Уокер оставались на месте, надеясь вопреки всему. Синклер в последний раз бросил взгляд в сторону Канакаммал. Когда она прекратит свое одинокое бдение и примирится с тем, что ее работодателя больше нет и надежды на постоянный доход пока что нужно оставить? Наверное, семья рассчитывает на нее. Ничего удивительного, что она хочет, чтобы Джек Брайант уцелел.

Вдруг девушка резко повернула голову влево, прочь от него и от главного ствола, в сторону одной из трех штолен, небольших дополнительных стволов, соединенных с главным. Почему-то Неду показался невыносимым вид того, как она отказывается от надежды на спасение Джека, и он намеренно отвернулся.

* * *

Канакаммал увидела их первой. Какое-то движение привлекло ее взгляд к отдельному стволу, представляющему собой запасной вход в шахту. Со своего наблюдательного поста на вершине холма, где она простояла перед этим долгие часы, девушка безошибочно распознала в

призрачном рассветном полумраке силуэт Джека Брайанта. Он полз на четвереньках, другой мужчина лежал навзничь рядом с ним. Она видела, как человек — она точно знала, что это был Джек Брайант, — рухнул на землю. Он был в полном изнурении. Его сосед не шевелился.

Оба были с головы до ног в крови. Канакаммал помедлила, глядя на Брайанта. Всю эту ночь она взывала к нему в своих молитвах, мысленно представляла себе, что движется к нему, находит его, призывает держаться, следовать за ней в безопасное место.

И вот он здесь. Она нашла его, а он — ее.

Канакаммал закричала, подняла тревогу, размахивая руками. Она знала, что Уокеры уже перестали надеяться. Им следовало бы иметь больше веры.

Она не сомневалась в том, что человек, лежащий рядом с ее хозяином, — пропавший сын Уокеров. Дрейк гораздо старше, мужчина же, замерший возле Брайанта, молод.

Начали сбегаться люди.

Симпатичный молодой Эдвард Синклер одним из первых отреагировал на ее крики. Посреди разыгравшейся истерии он бросился к выходу из шахты, на который она указывала, помедлил мгновение и многозначительно посмотрел на нее. Канакаммал кивнула ему один раз, выражая их общее облегчение, потом повернулась и двинулась вниз по холму.

В дальнейшем Флора Уокер описывала это событие как воскрешение из мертвых. Первым до спасенных добежал Нед, сразу за ним нагрянула семья Уокер, испуская радостные вопли. Лишь через некоторое время до них дошло, как тяжелы ранения Руперта.

Джек из этого мало что запомнил. Как только они выбрались на поверхность, он моментально потерял сознание. Воспринял лишь ласкающее прикосновение ветерка к коже, заметил, что закончился мрак. Еще Брайант не забыл, как уже на подходе к поверхности призывал Руперта сохранять сознание, держаться и смотреть наверх. Он хотел, чтобы бедняга увидел свет, струящийся из узкого запасного ствола. Ему самому казалось, что это взгляд Бога, с улыбкой взирающего на них. Они застали рассвет, успели пробиться к нему прежде, чем их настигла вечная ночь.

Сейчас Джек сидел на госпитальной койке, рука на перевязи, весь в бинтах. Каждый сантиметр его тела ныл от боли.

Гарольд Уокер, который перед этим лично занимался его ранами, присел на край кровати.

— Как ты себя чувствуешь?

— Болит, — прохрипел Джек голосом, наводящим на мысль о наждачной бумаге, которой отдирают засохшую краску.

Доктор кивнул, по-доброму улыбнулся и сказал:

— Позволь мне привести перечень твоих повреждений. Он впечатляет.

— Я, наверное, и сам смогу догадаться. — Джек скривил губы. — Ребра?

— Сломаны несколько. Растяжение плеча, если судить по тому, как ты кричал, когда мы тебя переворачивали. Спина сплошь в ушибах.

— От оползня во время последующих толчков.

— У Руперта таких синяков нет. Ты прикрывал его собой?

— Не помню, — отвечал Брайант.

Глаза Уокера сузились. Он понял, что Джек скромничает.

— У тебя серьезная дегидратация. Мы поставили тебе капельницу. Потерпи. Я представления не имею, как ты все это

выдержал, пока нес моего сына. Чудо, что вы оба уцелели.

— Как Руперт?

— Не в таком цветущем состоянии, как ты, но он боец, Джек. Сын выкарабкается.

— А как его рука? — проскрипел Брайант, с тревогой ожидая ответа.

— Мы ампутировали ее несколько часов назад. — Стараясь скрыть дрожь в губах, доктор Уокер отвернулся и кашлянул. — Теперь рана очень чистая. Он научится жить с одной здоровой рукой.

— Он в сознании? — Джек предвидел это, но все же новость резанула его.

— Пока еще нет. Руперту понадобится время, чтобы приспособиться.

— А как его нога?

— Лодыжка была раздроблена. Ее удалось сохранить, но, думаю, он будет хромать. Впрочем, когда потеряна рука, что такое хромота? — Эта попытка философского подхода не удалась, слова прозвучали глухо и печально.

— Он потерял много крови?..

— Да, много. Наложив жгут, ты спас ему жизнь, Джек.

— Любой сделал бы это.

Уокер помолчал, потом заметил:

— Не уверен, что это так. Руперт для тебя был человек более или менее посторонний, да и наша семья тоже не слишком любезно обходилась с тобой. Мы всегда считали, что твое влияние опасно для Неда, дорогого для нас человека... А недавнее проявление интереса к тебе со стороны Джеральдины лишь усугубило эту холодность.

— Доктор Уокер, она...

— Джек, ты не должен объяснять. Я знаю, ты ничего не добивался. Это ее проблема, не твоя. Мы многим обязаны тебе за мужество, силу, стойкость и силу воли.

— Доктор Уокер, мы поддерживали друг друга. Там ничего не было видно, но Руперт даже в полном мраке знал, как найти вход в другой туннель.

— Он внимателен к деталям, — кивнул Уокер. — Но суть в том, что ты решил остаться с ним, рискнул своей жизнью ради нашего сына. Я хочу понять, почему ты это сделал.

Джек сглотнул. Горло у него горело. Мысли метались.

— Ради Неда, — солгал он. — Вы для него семья. Я знаю, как он вас любит. Я не мог бы посмотреть ему в глаза. Ближе его у меня друга никогда не было.

Уокер задумался.

— Что ж, я благодарен тебе, Джек. Хочу, чтобы ты знал: двери нашего дома открыты для тебя всегда, в любое время дня и ночи.

— Спасибо, доктор Уокер. Признателен за то, что заштопали меня.

— Не стоит. — Он протянул руку, и Джеку пришлось неловко пожать ее своей левой. — За дверью ждет Нед. Вообще-то, к тебе целая очередь посетителей, и все Уокеры! — Он опять улыбнулся. Тепло разлилась по его лицу, переполнила глаза.

В этой улыбке Джек узнал Айрис.

Вошел Нед, почти сияющий, свежесбрированный, с еще влажными, но аккуратно причесанными волосами. В вытянутой руке он победоносно держал бутылку скотча.

— Мне не разрешили оставить это здесь, — произнес он. — Но когда ты выйдешь отсюда, мы ее разопьем.

— Тебе это стоило, наверное, недельного жалованья, — присвистнул Джек.

— Больше!

Они пожали друг другу руки.

— Я думал, мы тебя потеряли, Джек.

— От меня так легко не отделаешься.

Друзья рассмеялись.

— Черт подери, как пить хочется, — пожаловался Джек.

— У тебя легкие, наверное, обожжены.

Брайант облизал растрескавшиеся губы.

— Никто пока мне не сказал, сколько человек уцелело.

— Погибли семеро, среди них Арнольд де Суза и Джон Дрейк.

Двое все еще борются за жизнь.

Джек кивнул и припомнил:

— Я держал Арнольда за руку, когда он умирал.

— Я понятия не имел. — Неда поразило это сообщение.

— Если бы он не подсказал мне, где Уокер, я повернул бы назад.

— А про Руперта тебе рассказали?

— Да. Он проявил настоящее мужество. — Брайант думал, что сумеет удержаться и не коснется этой темы, но столь волновавший его вопрос преодолел сопротивление и ворвался в сознание.

— Как Айрис все это воспринимает?

— Ей тяжело. Они очень близки. Ее тревожит, как травма скажется на духовном состоянии Руперта. Он честолобив, а теперь его карьера застопорится.

— Вовсе не обязательно.

— Попробуй это ему объяснить.

— Попробую. И Айрис объясню тоже.

— Если тебя слушать, все кажется таким легким, Джек. Ты всегда получаешь что хочешь, и тебе кажется, что и у других дела обстоят так же.

Джек не ответил, изобразил улыбку и заявил:

— Знаешь, чего мне больше всего хочется? Мотоцикл.

— Что? — Нед посмотрел на друга так, словно тот под воздействием неземного озарения внезапно заговорил на неведомом языке.

— Я пообещал себе, что если выберусь из этой чертовой дыры, то подарю себе мотоцикл. — Джек улыбнулся, с трудом растягивая потрескавшиеся губы. — Теперь я собираюсь купить «Францис-Барнет 292».

— Ты с ума сошел. У тебя даже рука не работает.

— Заработает.

— Тебя точно не ушибло в голову, Джек?

Ответный смех друга убедил Неда в обратном.

— Тебе понравится, когда мы прокатимся на нем в Бангалор.

— Может, тебе что-нибудь надо? Принести что-то из дома?

— Еду, — не колеблясь ответил Джек. — Приличную!.. Здесь все похоже на кашу — одна водянистая чечевица. Я хочу пряностей, мяса. Передай Гангаи, чтобы купил говядину, а девушка пусть приготовит ее с карри.

— Ты о Канакаммал?

— Откуда ты ее знаешь и как тебе удалось запомнить ее имя?

— Она всю ночь ждала у шахты, первая увидела вас, когда вы выбрались, и подняла тревогу.

— Это точно? — опешил Джек.

— Говорю тебе, она была здесь всю ночь. Не сдвинулась с места. В своем серебристо-белом сари девушка походила на ангела-хранителя.

На краю сознания Джека пробудилось воспоминание. Он тихо смущенно фыркнул и пробубнил:

— Пусть приготовит мне карри.

— Иду сейчас же. Кстати, мне дали повышение. — Он рассмеялся при виде просиявшего лица Джека. — Все, что можешь ты, я могу еще лучше.

— Отличная новость, Нед. Ты заслуживаешь этого. Стал, значит, управляющим отделом электроснабжения? Теперь, похоже, мы оба должны остепениться.

— И не только. Теперь я могу жениться.

Это замечание Неда вызвало напряжение, наличие которого оба предпочли бы отрицать.

Джек прокашлялся.

— В самом деле? Ты уже сделал предложение?

— Нет, но собираюсь.

Чувства Джека внезапно так смешались, что он не находил слов, понимал, что надо поздравить друга, но не мог из-за прилива ревности.

— Какое радостное время, — только и сумел выжать из себя Брайант, стараясь, чтобы это не прозвучало фальшиво, и уронил голову на подушку, как будто от изнеможения.

— До встречи, Джек. Поправляйся. — Нед погрозил пальцем. — И не торопись.

Джек не знал, что думать и как быть со своими чувствами. Айрис — девушка Неда. Здесь не может быть никакой неясности. Но как изгнать из памяти воспоминание о ее лице? Ему ничего не показалось. Айрис флиртовала с ним и всеми возможными способами, неосознанно и намеренно, сигнализировала ему, что не полностью принадлежит Неду Синклеру.

Какая запутанная ситуация. Может быть, лучше просто избегать Айрис, игнорировать ее, и тогда чувство пройдет? Или же ему станет легче отогнать мысли об этой девушке после ее помолвки с Недом?

Веки Брайанта отяжелели, и он, на волне между сознанием и забвением, поплыл в другой мир.

Айрис на цыпочках проникла в палату Джека. Муслиновые занавески приглушали яркий солнечный свет, вливающийся с улицы, так что постель тонула в мягком золотистом сиянии. Избегая Неда, она с явным чувством вины наблюдала за ним с длинной больничной веранды и дождалась момента, когда тот покинул территорию и прогулочным шагом двинулся мимо прекрасного ухоженного сада к главной дороге. Удостоверившись, что ни Синклера, ни членов ее семьи нет поблизости, она прошла к тихой палате Джека, расположенной в самом конце коридора.

Безмолвно переступив порог, девушка на мгновение перестала дышать, захваченная зрелищем тела Брайанта, обнаженного до бедер, с простыней, небрежно брошенной поверх нижней части живота.

Айрис упивалась видом лежащего Джека, столь же прекрасного и неподвижного, как те мраморные статуи, на которые она любовалась в музеях Лондона. Часть его торса была туго забинтована. Отец упоминал о сломанных ребрах. Но вид этого тела, словно вышедшего из-под резца скульптора, загорелого, с темными сосками на возвышениях мышц на широкой безволосой груди, рельефно очерченные кости таза, впадина живота, над которой образовалось затененное пространство между кожей и простыней, — от всего этого сердце у нее забилось быстрее. Она с трудом отвела взгляд.

После этого Айрис обратила внимание на бесчисленные ушибы и ссадины, посмотрела на покалеченную руку Джека, зафиксированную перевязью и подпертую подушкой. Она едва не поддавалась соблазну пригладить прядь волос, упавшую ему на глаза, но заметила, что темные ресницы подрагивают, а брови слегка хмурятся, как будто он напряженно думает даже во сне. Брайант спал почти беззвучно. С его губ слетали лишь чуть слышные выдохи, грудь слегка поднималась и опускалась.

Не удержавшись, она позволила своему жадному взгляду еще раз пройтись по его телу. Девушка знала, что это неправильно, но ничего не могла с собой поделать. Она покраснела, когда представила себе, что наклоняется и прикасается губами к его губам, полуоткрытым и таким манящим. Айрис негромко кашлянула, почти надеясь, что это

его разбудит и тогда у нее будет повод поцеловать его открыто, прикрывая свои истинные мотивы порывом благодарности за спасение жизни брата.

Айрис осмотрелась. В палате и за ее пределами царила тишина. Набрав побольше воздуха, она рискнула, сняла перчатку, очень нежно дотронулась кончиками пальцев до его груди, потом медленно, нежно приложила руку к теплему телу Джека. В тех местах, где ее ладонь касалась повязок, кожа начинала слегка гореть, напоминая ей, что она на запретной территории. Еще несколько секунд Айрис держала руку, чувствуя, как сердце Брайанта бьется в унисон с ее собственным, потом отняла ладонь и вновь заключила ее в безопасную тюрьму перчатки.

Чувствуя, как на щеках пылает предательский румянец, и неровно дыша, она безмолвно опустилась на стул у кровати, на котором всего несколько минут назад сидел мужчина, так любящий ее.

Айрис ждала.

* * *

Джек проснулся от сильной боли, бешеной жажды и отчаянной потребности помочиться.

В поисках медсестры он покрутил головой и обнаружил вместе этого Айрис Уокер, скромно сидящую на стуле у кровати, похожую на свежий весенний бутон в своем платье цвета масла с белой отделкой. Она была очень красива. Уже от одного этого зрелища ему стало лучше.

— Привет, Джек, — произнесла Айрис с какой-то манерной скромностью, как будто ее застали за чем-то неприличным.

Он не мог говорить и взглядом указал на поильник с водой.

— Позволь мне. — Она наклонилась, осторожно приподняла ему голову над подушкой и придерживала, пока он пил.

Джека окутал сладкий аромат фиалок, а его взгляд, привлеченный магическим видом, мгновенно сорвал цветок впечатляющего зрелища атласного лифчика, прикрывающего изгибы груди.

Эффект, произведенный этим, был мгновенным. Желая прикрыться, Джек вздернул колени.

— О, прости! Я сделала тебе больно?

— Просто спазм. — Он потянулся за поильником и выговорил: — Спасибо.

— Если захочешь еще, только скажи. — Она ласково улыбнулась.

Воцарилась краткая, напряженная пауза, потом Брайант спросил:

— Ты давно здесь?

— Наверное, с полчаса. Я не хотела тебя будить. Но ты спал беспокойно.

— Видел сны.

— Понятно. Все равно было приятно наблюдать, как ты спишь, отдыхаешь после всего того, через что прошел. — Она говорила как-то нервно и все поглядывала на его обнаженную грудь. — Джек, я не знаю, как благодарить тебя за то, что ты сделал для Руперта, для всей нашей семьи.

— Очень просто, Айрис. Оставь для меня один танец.

— Такая ничтожная плата, — рассмеялась она.

— Получив ее, я почувствую себя богачом, — ответил он, предостерегаемый собственной интуицией насчет того, что ступил на опасную территорию.

— В таком случае, Джек Брайант, я вся твоя при ближайшей возможности потанцевать. Ты это заслужил.

Улыбаясь, она поднялась. Пульс у Джека участился при мысли о том, что он опять будет держать ее в своих объятиях.

Айрис подняла с пола какую-то посудину, завязанную в салфетку, подмигнула и сказала:

— Мама готовила. Исцеляет все.

— Отлично. Спасибо.

— Я приду опять, — произнесла девушка, наклонилась и легко прикоснулась губами к его щеке, чем немало удивила Брайанта.

— Я хочу, чтобы этот танец был в Бангалоре, Айрис. — Он схватил ее за руку. — У оркестровой эстрады в парке Каббон.

— В Бангалоре?

— Пообещай мне. — Несмотря на то что она стала встревоженно осматриваться, Брайант не отпускал ее ладонь, затянутую в перчатку. — Я хочу потанцевать с тобой без того, чтобы над душой висела вся твоя семья.

Она посерьезнела.

— Я... я вряд ли смогу это сделать.
— Да ладно. Ведь ты же мне должна?
— Я не люблю иметь долги. Один танец?..
— Один танец, в Бангалоре, без семьи.
— Хорошо, — наконец уступила она. — Обещаю, но после этого долг будет считаться заплаченным.

* * *

Две недели спустя, с гораздо более подвижным плечом и существенно лучше себя чувствуя, Джек вернулся к себе в дом на холме у Марикуппама. Слуги украсили веранду гирляндами из свежих ароматных цветов. Брайанта окутало головокругительное благоухание. Много было и других цветов, которые позже разместят по небольшим алтарям, воздав таким образом благодарность небесным силам за выздоровление и возвращение Джека.

По инициативе Гангаи все домашние — мали, мальчик-чокра, новый садовник, две служанки и он сам — выстроились на веранде и приветствовали хозяина. Все они захлопали, когда он показался из автомобиля Гарольда Уокера, а следом за ним вышел Нед.

Джек пожал руку каждому. Канакаммал смотрела вниз, когда он легонько взял ее за руку и тут же отпустил. Простое розовое сари с густо-алым чоли^[29] не слишком скрывало ее великолепную фигуру. Джек сознательно отвел глаза, чтобы не смотреть на молочную смуглость ее талии.

— Спасибо за прекрасную еду, Элизабет, — сказал он. — Каждый раз я с нетерпением ждал нового блюда. Не сомневаюсь, именно из-за этого мои силы так быстро восстановились.

— На здоровье, сэр. — Она кивнула, но не подняла на него взгляда.

Вскоре друзья уже беседовали наедине на веранде.

— Значит, завтра на работу, Джек?

— Жду не дождусь.

— А как же перевязь?

— Справлюсь, я ведь только руковожу людьми. К тому же плечо сейчас гораздо лучше. Я даже планирую на выходные съездить в

Бангалор.

— Зачем? — Нед пригубил крепкого сладкого кофе с молоком, поданного Гангаи.

Джек потянулся за приготовленной Элизабет горячей острой закуской — шариками из картошки и лука, тут же почувствовал пожар во рту и неразборчиво произнес:

— За мотоциклом.

— Боже, так ты серьезно! Я думал, это было в бреду. Или от морфия.

— Нет, отныне я намерен только ездить, — рассмеялся Джек. — В один прекрасный день я куплю машину, но начну с мотоцикла. — Он вытер губы крахмаленной салфеткой.

На него произвело впечатление, до какой степени его слуги обо всем позаботились.

— Как обстоят дела с Беллой? Вот-вот приедет?

— Я поеду встречать ее завтра. Очень хочу ее увидеть. Трудно поверить, что она в самом деле будет здесь и познакомится с людьми, которые для меня так много значат.

— У меня сложилось впечатление, что ты надеешься уговорить ее остаться.

— Надеюсь, Джек. Таков мой план. Так что я призываю на помощь всех. Гренфеллы очень щедры и благородны, но она для меня единственный родной человек. Я хочу, чтобы сестра полюбила Айрис, а та — ее, и надеюсь, что Белла захочет остаться с нами.

— А она, само собой, не имеет представления о твоих лукавых замыслах.

— Выбирать все равно ей, понравится мне ее решение или нет. После всех тревог, связанных с Рупертом, она станет глотком свежего воздуха.

— Он поправится.

— Я слышал, ты был очень добр к нему в больнице, навещал каждый день, вселял бодрость духа.

— Я обрадовался, когда стало ясно, что он пошел на поправку. — Джек вспомнил, как тщательно уходил от случайных встреч с Айрис и Недом, заходившими в палату Руперта.

Не ускользнуло от него и то, как Гарольд Уокер во время своих обходов всегда находил способ вмешаться в разговор, едва Айрис

упоминала о брате. Брайант понял, что Уокеры манипулируют им, делая так, чтобы он держался подальше от Айрис, ну да ладно. Это ему только на руку.

— Как дела с Айрис? — спросил он, отводя взгляд.

— Выздоровление Руперта затмило все, но мы видимся каждый день.

— Ты поднял вопрос? — произнес Брайант ровным голосом.

— Нет, — фыркнул Нед, словно сердясь на самого себя. — Но мы близки, и думаю, она не удивится.

— В каком смысле? — осторожно осведомился Джек и потянулся за кофе, чтобы скрыть тот факт, что он скрипит челюстью.

— Ты знаешь. Я не так быстро продвигаюсь, как ты, но мы определенно становимся ближе.

— Рад за тебя, — выдавил Джек, чувствуя, как все внутри у него перекручивается. — А как новая должность?

— Все идет своим чередом. На следующей неделе я собираюсь в инспекционную поездку по шахтам. Буду обсуждать с управляющими вопросы электроснабжения, планировать возможные усовершенствования, говорить о способах улучшения обслуживания. Мне известно, что некоторые хитроумные жители деревень, чаще всего собственники магазинов, пытаются воровать электричество, которое мы направляем от водопадов Шиванасамудра, но они должны прекратить это делать. Такое занятие для них — чистое самоубийство. Один уже погиб.

— Как изобретательно с их стороны.

— Всем известно, что за электричеством будущее, Джек. Многие разбогатеют благодаря ему. Одним словом, на следующей неделе я буду в поездке.

Джек кивнул, припрятав эту информацию на соответствующую полку сознания, потом спросил:

— А как же Белла? Ты же не предоставишь ее самой себе?

— С ней все будет хорошо. — На лице Неда появилось выражение обиды. — Я оставлю ее с Уокерами.

— Может, мне с ней погулять денек?

— Ты серьезно?

— Совершенно. Почему нет? Я мог бы свозить ее в Бангалор. Переставлю смены. Угощу ее содовой, можно сходить в кино. Я мог

бы даже организовать для нее экскурсию.

— Замечательно, Джек, спасибо. Ей это понравится, я знаю.

— Значит, договорились. Когда ты уезжаешь?

— В понедельник утром.

— Отлично. Скажи ей, чтобы была готова к этому времени, а я за ней заеду. Только договорись с Уокерами, хорошо?

— А почему бы тебе самому ее не пригласить? Мы же, наверное, встретимся до того?

— Ты прав. Вот что: приходите ко мне завтра вечером. У меня теперь есть кому готовить, и я могу принимать дам из высшего общества.

* * *

Уокер предоставил Неду свою машину, чтобы тот встретил Беллу в Бангалоре. Не было никаких причин, мешающих Айрис составить ему компанию. Они катили по бугристому, заезженному шоссе, Синклер в каком-то упоении блаженства взял ее за руку.

— Ты счастлива, Айрис? — спросил он, нарушая приятное молчание, воцарившееся после того, как девушка поведала ему длинную историю о посещении фабрик на Редхилл-стрит в Манчестере, на севере Англии, где имела счастье лицезреть замечательные ткани, торговлей которыми занималась семья ее работодателей.

По правде сказать, Нед никак не мог взять в толк, зачем Айрис вообще вернулась, если она с таким неизменным восторгом живописала время, проведенное в Англии.

— Ты же знаешь, что да.

— Я имею в виду — со мной. Тебе хорошо?

— Конечно. Почему ты спрашиваешь?

Этот момент не хуже любого другого. Он глубоко вдохнул и выпалил:

— Потому что я хочу, чтобы ты стала моей женой!

— Нед! Сейчас не самое подходящее время делать предложение!

— Почему? Мы одни, держимся за руки, я счастлив. Сказать по правде, я никогда не был счастливее, чем сейчас... И я влюблен,

Айрис. Влюблен в тебя. — Нед затормозил так резко, что автомобиль подпрыгнул и забуксовал в облаке пыли, чем привел в полное недоумение вола, тащившегося со своей тяжелой поклажей им навстречу.

Синклер выскочил из машины, поднял руку, извиняясь перед возницей, бросился к пассажирскому месту, распахнул дверцу и опустился на одно колено.

— Нед, к чему?.. — рассмеялась Айрис.

У него на сердце было так легко, словно он летел на крыльях, парил в высоте над облаками.

— Я люблю тебя, Айрис, — начал Нед, беспомощно улыбаясь. — Для меня не будет существовать никого, кроме тебя. Я никогда ни к кому не буду чувствовать то, что к тебе здесь и сейчас. Это самое подходящее время и место, чтобы сказать. — Синклер поцеловал ей руку и посмотрел в темные глаза. — Выходи за меня, Айрис. Скажи «да» — и ты сделаешь меня самым счастливым человеком на земле.

Несколько долгих мгновений они смотрели друг другу в глаза. Она прикоснулась к его щеке, он прикрыл ее руку ладонью.

— Пожалуйста, Айрис.

— Мне нужно подумать, Нед. — По ее лицу скользнуло облачко.

— Сколько? Час? До вечера?

— Нед!.. — Она рассмеялась.

— Скажи мне.

— До следующих танцев.

Он произвел в уме быстрый подсчет и спросил:

— Девять дней?

— Да.

Сначала он совсем пал духом, но потом подумал, что все не так уж плохо. Она ведь его не отвергла, хотя Нед обрушил на нее вопрос без всякого предупреждения. Айрис собирается подумать. На практике это, наверное, значит, что ей надо поговорить с родителями, а Синклер знал, что они на его стороне. Усаживаясь на свое место за рулем, он исполнился уверенности в том, что Айрис примет предложение.

Когда они остановились у «Бауринг инстительют», он уже разве что не пел. Они с Джеком были членами этого клуба и «Бангалор-клуб», так что в случае необходимости или желания посетить город у них всегда было где переночевать. Он не замечал, что Айрис впала в

задумчивость, а разговор почти иссяк. Медленно руля среди ухоженных клумб, Нед отказывался верить в то, что Айрис в скором времени может и не разделить его восторга. Он убедил себя, что она просто проявляет здравомыслие, ожидая официального одобрения родителей.

Подавая ей руку при выходе из машины, Нед не удержался и решил еще чуть-чуть подтолкнуть ход событий.

— Айрис, я разговаривал об этом с твоим отцом. — Заметив ее пронзительный взгляд, он помедлил, потом продолжил: — Мне казалось, это надо сделать... получить разрешение.

— Да! И что сказал папа?

Нед приподнял и опустил плечо, потом ответил:

— Мол, решать тебе, не ему, но он и твоя мама будут очень рады нашей с тобой помолвке.

— Это очень чутко с твоей стороны, Нед, — кивнула Айрис, но давай сейчас не будем больше об этом говорить. Все случилось так неожиданно... — Она улыбнулась, чем успокоила тревогу, внезапно овладевшую им, но он не мог не почувствовать, что улыбка немного запоздала.

Отогнав эту мысль, Синклер позволил себе отвлечься от обдумывания темы женитьбы, их общего будущего и прекратил разговоры на эту тему.

— Не пора ли нам на станцию? — бодро спросила Айрис. — Когда прибывает поезд Беллы?

— Через целых два часа.

— Вот как! Зачем же тогда мы так рано приехали?

Нед напомнил самому себе, что это счастливый день, нежно поцеловал ее в щечку и ответил:

— Я хочу отвести тебя на Кэмершл-стрит и что-нибудь купить. Подарок. Какой захочешь.

От ее ответного смеха у него опять заныло сердце.

— Ты с ума сошел, — с укором произнесла она.

— Сошел. Без ума от любви. Да, офицер, я определенно виноват. — Синклер улыбнулся, и они взялись за руки. — Пойдем. Погуляем по магазинчикам.

Неду всегда доставляло удовольствие толкаться среди крохотных лавочек. Беспорядочный базар расползлся далеко за пределы

Торговой улицы. Он решил в ближайшем будущем посетить своего портного, у которого здесь постоянная мастерская. Тут имелась целая улица подобных заведений, но его мастер, которого нашел и рекомендовал Джек, превзошел всех. Он мог скроить человеку костюм, просто посмотрев на него. Тем не менее господин Рау всегда настаивал на том, чтобы снять детальные мерки, а первая прикидка одежды происходила уже через семь часов. Он был волшебником, Нед в этом не сомневался! Он указал Айрис на мастерскую Рау.

— Костюм нужен вам сегодня, мастер Синклер? — осведомился портной, выходя из тенистого внутреннего помещения на открытый дворик.

Четверо работников сидели здесь на крошечных стульчиках и строчили на маленьких швейных машинах.

— Не сегодня, благодарю вас. Я хочу купить подарок мисс Уокер.

— Ах, сэр!.. — Он в унисон закачал головой и жирным пальцем. — Загляните в магазин шелка Рамеша, это за углом. Я слышал, у него сейчас есть восхитительные палантины. Настоящая пашмина, сэр, из Кашмира. Очень красивые. Есть еще из настоящей ангорской шерсти, сэр. Ему можно доверять, сэр. Он мой троюродный брат. — Портной добродушно улыбнулся.

— Мы посмотрим.

— Попросите показать двуцветные шали. От них захватывает Дух.

Кивнув, они двинулись дальше. Нед намеренно направлял Айрис в сторону улочки, где продавались драгоценности, поскольку предполагал, что задуманного достигнуть будет легко. Ведь женщины и драгоценные камни подобны магнитам, непреодолимо притягивающимся друг к другу.

Он весело болтал, притворяясь, что отвлекся от главной темы, и надеясь, что вскорости что-нибудь подвернется. Ему стало почти неловко от предсказуемости Айрис, когда он ощутил, как она дернула его за руку. Одновременно с этим Синклер услышал слабый восторженный вопль. Притяжение состоялось.

— Нед, взгляни на это роскошное кольцо!

— Гм, — протянул он чересчур уж неопределенно.

— Посмотри, — указала она. — Я люблю сапфиры.

— В самом деле? Я скорее принял бы тебя за любительницу бриллиантов.

— Бриллианты мне тоже, конечно, нравятся. Какая девушка их не любит? Но тут такая красота! Этому камню цены не было бы, будь он в два раза крупнее. — Она вздохнула.

— Пошли, Айрис. — Он повлек ее за собой, примечая место расположения магазинчика. — Взглянем на те кашмирские пашмины.

Девушка кое-как позволила ему увести себя от витрины и еще более неохотно разрешила купить великолепный розово-серый палантин, который можно было носить розовой или дымчато-серой стороной вверх. Однако когда Нед преподнес ей эту вещицу, она едва не дрожала от восторга. Айрис обняла его, радостно и быстро поцеловала в губы. Ему показалось, что если он взмахнет руками, то взлетит под потолок магазина, такая восторженная легкость разлилась у него во всем теле.

— Нед, это чересчур.

— Пустяки. Мне нравится баловать тебя. Ты прелестна, Айрис, и я хочу, чтобы у тебя были красивые вещи. Мне больше не на кого расточать мои заработки.

— У тебя есть Белла, — напомнила она.

— У Беллы всего довольно. Она моя сестра, а ты — вторая половина моей души.

В ответ на это нелепое утверждение она опять со смехом расцеловала его и заявила:

— Я люблю тебя, Нед. Спасибо.

Прежде он слышал, как мужчины описывали состояние влюбленности, при котором сердце настолько переполнено, что вот-вот разорвется. Теперь Нед понимал, что стояло за этими словами. Сердце у него так разбухло от счастья, что готово было лопнуть.

— Отлично. А теперь поехали на станцию, а то я начну страстно целовать тебя прямо здесь, посреди улицы.

Она притворно расширила глаза и сказала:

— Родители убьют нас. Пойдем. Не будем опаздывать.

Высокая золотоволосая юная девушка легко спрыгнула с подножки и немедленно узнала Неда. Улыбаясь во весь рот, она принялась бешено размахивать руками. Если бы не эта улыбка, болезненно напомнившая ему отца, он не узнал бы Беллу. Девочки больше не было, вместо нее появилась очаровательная молодая девушка.

Он бросился к ней, подхватил и закрутил в воздухе. Она была тоненькая и легкая как пушинка, с голосом точь-в-точь как у их матери. От этого у него на глаза навернулись слезы.

— Белл! — воскликнул он голосом, сдавленным от нахлынувшего чувства, и сжал ее еще крепче. — Не могу поверить, что это ты.

— Это я, Нед, но посмотри на себя! Мне всегда казалось, что ты с ног до головы вылитая мама, а сейчас определенно стал как папа. Во всяком случае, насколько я его помню. — По ее щекам заструились слезы.

— А в тебе как будто соединились они оба. Ты просто картинка!

— Спасибо. — С этими словами она исполнила для него пируэт, демонстрируя, какой взрослой стала.

Он схватил ее за руку.

— Пойдем. Я хочу тебя познакомить с кем-то совсем особенным.

Его спутница держалась в стороне, не желая мешать встрече брата и сестры.

— Айрис! — едва дыша, произнес Нед с таким видом, как будто вот-вот лопнет от гордости. — Это моя сестра, Арабелла Синклер.

Айрис взяла инициативу на себя.

Нед предупредил ее, что Белла может стесняться, поэтому она заключила ее в ласковые объятия и сказала:

— Добро пожаловать, прекрасная Белла. Нед очень много о тебе рассказывал. Я Айрис Уокер, друг твоего брата.

— Белл! — вмешался Нед с притворным ужасом. — Айрис не просто друг. Она та самая девушка, которая, надеюсь, скоро согласится выйти за меня замуж.

От восторга глаза Беллы расширились. Она взвизгнула и принялась обнимать обоих.

— Замечательно! Я очень рада за вас. Нед так много писал о тебе, Айрис. Мне кажется, я тебя уже знаю. Когда свадьба?

Айрис и Нед неловко засмеялись.

— Вообще-то он только сегодня сделал предложение, — ответила Айрис, выручая всех из неловкого положения.

— Так чего же ты ждешь? Он хорошая партия. — Белла потрепала Неда по щеке. — Я щипаю тебя, чтобы убедиться, что это мне не снится, я и в самом деле здесь.

— Он и вправду хорошая партия, — вполголоса произнесла Айрис, обращаясь более к себе, чем к оживленно болтающим Белле и Неду. — Сама не знаю, отчего я медлю. — Она чуть слышно вздохнула.

Нед позаботился, чтобы два больших сундука Беллы были погружены на повозку, запряженную лошадей, и отдельно доставлены в Поля. Сам же он с двумя девушками в другом экипаже отправился в клуб.

— Прежде чем ехать по пыльной дороге в Колар, надо освежиться. — Посмотрев на Айрис, Синклер одобрительно и благодарно улыбнулся ей. — Во всей Индии нелегко было бы найти двух таких красавиц.

* * *

Позже, потягивая охлажденный лимонад, Айрис слушала, как разговор брата и сестры предсказуемо обращается к прошлому.

— Я часто думала о том, чтобы посетить приют, может быть, сделать что-нибудь.

Нед вопросительно нахмурился.

— И закрыть в душе некоторые двери, — добавила Белла.

— Самое лучшее для тебя, наверное, не возвращаться к этому, — мягко заметила Айрис. — Для маленькой девочки это были не слишком счастливые времена.

Нед поблагодарил ее взглядом.

— Айрис права, Белл. Ни к чему вспоминать об этом.

— Я не согласна. Ведь этот приют — причина, по которой мы здесь, в Индии. Я смирилась с утратой мамы и папы, по правде

сказать, часто сама стыжусь того, что не скучаю по ним. Гренфеллы играют такую огромную роль в моей жизни. Больше шести лет они со мной каждый день. Эта семья дала мне прекрасную жизнь. В Англии или в Рангуне я этого не имела бы, даже если бы мама не умерла.

Айрис заметила, что Синклеру стало больно.

— Я чувствую себя таким виноватым, — сказал он.

— Не надо, Нед, пожалуйста, — принялась успокаивать его Белла.

— Как поживает Артур?

— Ты простишь меня, если я скажу, что он для меня стал больше отцом, чем был наш родной?

— Конечно, — Неда как будто ударили кинжалом, так грустно стало ему за отца.

Белла нежно поцеловала Неда в щеку.

— Я знаю, что ты его любил. Нет, вы только послушайте нас. Мы ведь должны праздновать встречу. — Она улыбнулась сквозь слезы. — Прости меня, Айрис. Обещаю, что с этой минуты буду только радоваться и смеяться.

Айрис в ответ улыбнулась.

— Так, значит, тебе нравится там, Белла? Мадрас тебе подходит?

— Ой, там замечательно. Я не слишком надрывалась с учебой, но школой довольна. У меня там хорошие подруги. Может быть, я смогу навестить их семьи в Британии.

Айрис сразу почувствовала, что жизнь Беллы в Англии будет совсем не такой, какая была у нее. Арабелла Синклер — сирота, но родилась на той стороне мира, откуда приходят победители. Таких принимают везде.

— Я, наверное, стану гувернанткой и буду что-нибудь преподавать. Может быть, французский. Я уже неплохо его знаю.

— Французский?

— Меня научила одна дама. Она и ее муж трагически потеряли дочь, и эта женщина очень хорошо относилась ко мне.

— Ты определенно хорошо экипирована, — протянула Айрис, стараясь скрыть зависть.

— Знаю! Недостает лишь симпатичного англичанина, и все станет просто идеально.

Все трое рассмеялись. Это было сказано в абсолютно шутовском и легкомысленном тоне, но Айрис по какой-то причине обратила

внимание лишь на циничную сторону замечания.

* * *

По дороге в Поля Нед с Беллой трещали не переставая. Если Синклер и заметил, что Айрис примолкла, то это его, по-видимому, не беспокоило.

— Видишь деревья вдоль дороги, Белл? Это шелковица.

— Я знаю. У нас дома росла одна. Мама все возмущалась, что у нас руки в пятнах.

— Хорошее воспоминание.

— У меня их совсем мало, но те, которые есть, очень живые.

— Многие мили этих деревьев, а все потому, что эта область славится своим шелком.

— В самом деле?

— На юге Индии невеста на свадьбу наряжается в шелк. Не все могут себе это позволить, но в большинстве семей стараются запастись к свадьбе дочери, чтобы у нее было сари из чистого шелка.

— Удивительно.

— А бедный старичок шелкопряд должен погибнуть, чтобы кокон остался целым. Их протыкают иглами или бросают в кипяток.

Айрис и Белла в унисон издали возглас отвращения.

— Так когда я познакомлюсь с великим Джеком Брайантом, Нед?

— Скоро. Он пригласил нас на ужин. Надеюсь, ты не против?

— Конечно нет! Ты тоже придешь, Айрис?

Та отвела взгляд, слегка покраснела и ответила:

— Нет. Меня ведь не приглашали, правда, Нед?

Тот посмотрел на дорогу и заметил:

— Не в этом дело. Думаю, Джек просто хотел сделать доброе дело и принять Беллу. Меня на следующей неделе здесь не будет.

Айрис почувствовала укор ревности из-за того, что Белле достанется безраздельное внимание Джека, но она не дала этим предательским мыслям выйти из-под контроля и оборвала их ход. Не прошло и нескольких часов, как Нед просил ее стать его женой.

— Пока я не забыл, Белла!.. Джек предложил развлечь тебя в следующий понедельник. Боюсь, вам придется опять прокатиться в

Бангалор, но не сомневайся, он сделает так, что ты прекрасно проведешь время.

— Чудесно! — воскликнула Белла, явно привыкшая к вниманию и к тому, чтобы ее баловали. — Надеюсь, он красив, — со смехом добавила она, но ни брат, ни Айрис не поддержали ее.

* * *

Джек с нетерпением ожидал дня, когда сможет принять гостей. Гангаи с Канакаммал накрыли стол новой красивой скатертью из камчатного полотна, купленного Джеком в Бангалоре. Обустройство обходилось Джеку недешево, но, в одночасье став обеспеченным человеком, он не считался с расходами.

Дом заново покрасили снаружи и внутри, сад привели в порядок. Неухоженное жильё преобразилось в роскошную обитель истинного джентльмена. В стороне от пыльного шоссе, снабженный круговой подъездной дорожкой, дом притягивал взгляд. Сидя на просторной веранде и созерцая сверху вниз поля, Джек чувствовал себя местным сквайром.

Он удивился еще в больнице, когда получил письмо от их семейного адвоката в Корнуэлле, в котором сообщалось, что отец выделил для него специальный фонд, предназначение которого — помочь Джеку обосноваться в колониях. После шести лет вежливой, но довольно формальной переписки такой шаг со стороны отца заставил его задуматься. Первая и неожиданно щедрая сумма была переведена на счет Брайанта в Английском банке в Бангалоре. Джек подозревал, что внезапное расположение отца объясняется возрастом и недомоганиями. Со слов матери, ничего серьезного, но Джек думал, что старик, может быть, начал смягчаться. Не исключено, он даже хочет, чтобы семья снова воссоединилась вокруг него.

Так или иначе, Джек уже знал, как потратит деньги. Лежа в больнице и имея массу времени на размышления, он решил, что стоит испытать себя в бизнесе, в некотором смысле пойти по стопам отца. По зрелом размышлении, Брайант заключил, что бывший магазин на вершине холма Фуннела мог бы приносить неплохой доход, если инвестировать в него некоторую сумму. У Джека не было в мыслях

оставлять ради этого свою новую должность, но можно найти хорошего управляющего и пожинать плоды обоих миров, оставаться на шахте и в то же время быть бизнесменом. Помещение уже год как пустовало и медленно приходило в негодность. Между тем не было лучшего места для универсального магазина, своего рода увеличенной версии лавочки Чинатамби. От покупателей не будет отбоя, если обеспечить надежную поставку английских товаров, начиная от джема и кончая бумажными выкройками. Придется найти управляющего, нанять кое-какой персонал, но вокруг так много англо-индийских семей, и вовсе не каждый жаждет работать на шахте. Не желая зря тратить время, он под шумок отправил предложение собственнику магазина и к моменту выписки из госпиталя был уже полноправным хозяином помещения.

Это было не все. Он намеревался приобрести дом и точно знал, где именно — чуть в стороне от Сент-Марк-роуд, в самом сердце Бангалора. Там, не привлекая к себе излишнего внимания, располагался анклав элегантных домов в английском стиле. Джек был убежден, что по мере развития города эти зеленые тихие улицы станут чрезвычайно популярны среди англичан и европейцев, в особенности учитывая близость района к частному женскому колледжу и его спутнику, элитной мужской школе Бишоп-Коттон.

Медленно одеваясь — иначе не позволяло плечо, — он попросил Гангаи приготовить джин с тоником, чтобы наедине с собой поднять тост за свою деловую смекалку и щедрость отца. Повышение, новый бизнес, дом, магазин, мотоцикл... Жизнь поворачивалась к нему хорошей стороной. Для полноты не хватало лишь жены, но здесь его видения заканчивались, поскольку в этой роли он на данный момент представлял себе лишь одну женщину.

Опрокинув стакан, он мрачно уставился в пол, потому что при мысли о том, что Айрис сейчас, может быть, целует Неда, а скоро станет его женой и будет спать с ним в одной постели, настроение у него вконец испортилось. Он знал, что не имеет никакого права таким вот образом воцелеть Айрис, но его чувство к ней отличалось такой силой, что он не мог его побороть.

В коридоре мелькнула тень.

— Это ты, Гангаи? — крикнул Брайант.

После короткой паузы на пороге неуверенно появилась Канакаммал.

— Это я, мастер Брайант.

— Что ж, ты справишься. Никак не могу повязать галстук, а гости вот-вот придут. Помоги, пожалуйста.

Она стояла почти лицом к лицу с ним, что вселяло в него некоторое беспокойство. Он привык кланяться любой женщине, с которой встречался. Джек заметил, как она нервно вытирает руки о свое бледно-голубое сари.

— Надеюсь, ты одобряешь мой выбор, — произнес он, узнав свою недавнюю покупку.

Ее сестре досталось два: ярко-зеленое и темно-красное. Гангаи, мали и даже чокра тоже получили новую одежду.

Она все возилась с его шелковым галстуком и согласилась:

— Да, сэ. Я не стала бы носить это сари, если бы оно мне не нравилось.

Джек вздохнул. Он подозревал, что, при всей ее внешней смиренности, никому не под силу заставить ее делать то, чего она не хочет.

— А знаешь, ты ведь являлась мне в видении.

Канакаммал отступила с непроницаемым лицом. Он сам не знал, почему вдруг решил рассказать ей.

— В самые трудные минуты в этом туннеле, когда мне казалось, что я уже не выберусь. Усталость, боль, страх... все навалилось сразу. — Джек повернулся к зеркалу и заметил, что галстук был завязан идеально. — Я думал, это галлюцинация, но в видении ко мне пришла ты.

— Вам это помогло, сэ? — негромко спросила она.

— Да, еще как. Девушка меня поддерживала, вселяла силы, заставляла бороться. Слушая ее, я успокаивался. — Выпалив это признание, он почувствовал себя обнаженным.

— В таком случае неважно, кто именно приходил к вам в этом видении. Главное, что вы обрели мужество.

Он хмуро кивнул. Канакаммал не исполнилось и семнадцати, но благодаря серьезной, достойной манере держаться, а также беглому английскому она производила впечатление гораздо более зрелой личности, чем это обычно бывает в таком возрасте.

— Какие именно миссионеры обратили твою семью? — полюбопытствовал он.

— Это были миссионеры католической церкви, сэр. Мы католики.

— Так, значит, ты веришь в общение душ и прочую чепуху? — Джек вовсе этого не хотел, но вопрос прозвучал как оскорбление, и он попытался смягчить впечатление: — Может, поэтому ты так хорошо говоришь по-английски?

— А вдруг я и в самом деле приходила к вам в шахте, когда вы готовы были сдать, сэр? — Ее лицо оставалось непроницаемым, слова прозвучали ровно и безобидно, но все же содержащийся в них вызов казался почти открытым. — Могу я идти?

— Конечно. — Он смущенно кивнул. — К ужину все готово?

— Да, сэр. — Она ушла, и звон колокольчиков на браслетах затих в глубине коридора.

* * *

Джек ждал гостей на веранде. Когда на подъездной дорожке показался автомобиль Уокера, в очередной раз предоставленный Неду, Брайант снова подумал о том, какие тесные отношения связывают его друга с этой семьей. Рядом с Синклером на месте пассажира сидела белокурая девушка с ослепительной улыбкой. Ей явно не терпелось выйти. Нед лишь пожал плечами, когда Белла легко взбежала по ступенькам и бросилась в объятия Джека.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Мне кажется, я уже с вами знакома.

Джек поставил ее на пол и спросил:

— Долорес, если не ошибаюсь?

— Что? — Девушка замерла. — Нет, меня зовут... — Тут она заметила улыбку у него на губах и рассмеялась. — Хулиган!

В то время как Нед был сама сдержанность, его сестра являлась воплощением экспансивности. Все в ней — голос, волосы, улыбка — лучилось, как солнце.

— Прощу прощения. Конечно, Белла, — произнес он, взял ее руку и с театральным поклоном поцеловал. — Для меня большая честь с вами познакомиться.

— А для меня с вами, мистер Брайант.

— От такого обращения я начинаю себе казаться собственным отцом. Зовите меня Джек. Привет, Нед, — произнес он, здоровой рукой обнимая сияющего друга. — Стало быть, свершилось. Она здесь.

— Да уж. Ну разве не картинка?

Белла удостоила их исполнением танцевального па. Она упивалась восхищением.

— Советую тебе держать ее под замком.

— Я так и собираюсь поступить, — шутливо предостерег сестру Нед.

— Я подумал, что для начала неплохо выпить пиммса^[30], — предложил Джек. — Если, конечно, мисс Белле это позволено.

— Еще как! — отвечала Белла. — Мне разрешено пить «Чинзано rosso». Кампари я тоже пробовала!

— Вот увидите, это идеальный аперитив, — заметил Джек, когда появился Гангаи с подносом и кувшином пиммса на нем.

В прозрачном сосуде вперемешку с кусочками льда плавали дольки лимона и апельсина, несколько листиков мяты и палочка корицы.

— Как красиво. — От удовольствия Белла слегка прихлопнула в ладоши. — Просто идеально сочетается с роскошным закатом. С вашей веранды открывается самый красивый вид во всех Полях, Джек.

— Мне и самому очень нравится здесь жить. Нед, я тебе рассказывал о собственности, которую приобретаю?

— Что? — Синклер едва не подавился. — Так, значит, слухи о том, что ты нашел клад, правдивы?

Погрозив ему пальцем, Джек рассказал об отцовском фонде с планируемыми ежегодными выплатами, о купленном магазине и о доме, который намеревался приобрести.

Ему как-то странно было вслух признавать, что его родители богаты, но сегодня Брайант не хотел скрытничать.

— Не припомню, чтобы ты раньше об этом упоминал.

— Не о чем было говорить. Все эти годы я был, так сказать, отчужденным сыном.

— Почему?

— Никаких зловещих тайн! Просто мне кажется, что я должен был найти свою дорогу. Не сомневаюсь, отцу такая независимость по душе. Ладно, это не для публичного обсуждения, — заключил он, потирая руки. — Милая Белла, из сказанного следует, что, когда мы поедем в Бангалор, вы сможете помочь мне выбрать дом.

— Обожаю тратить чужие деньги! — Она даже слегка взвизгнула от восторга.

— Кто бы сомневался, — негромко простонал Нед. — Сколько платьев может понадобиться молодой девушке, Белл?

— Купи ей еще одно, — вставил Джек.

— Джек, у нее полно...

— Я настаиваю. Отсюда надо непременно отвезти одно домой. В Бангалоре лучшие портные.

— Жду не дождусь! — воскликнула Белла. — Спасибо, Джек.

Оба посмотрели на Неда, но тот лишь пожал плечами и заметил:

— Лишь бы ей было хорошо.

Девушка поцеловала брата.

— Что ж, пора начинать, — сказал Брайант. — Надеюсь, вы сегодня нагуляли себе хороший аппетит, потому что для вас наготовлены горы.

* * *

— Нандри, — произнес Нед, обращаясь к Канакаммал и надеясь, что его произношение не слишком неправильно. — Как замечательно вы готовите.

Она негромко, без улыбки, выразила свою признательность и продолжила ловко, умело обслуживать обедающих. Синклер заметил, что девушка чуть помедлила возле Джека.

Когда гулаб джамунс, очень сладкий местный десерт, был съеден, а тарелки убраны, все трое удовлетворенно откинулись на спинки стульев.

— Самые вкусные пышки из всех, какие я когда-либо ела, — призналась Белла.

— Обычно такими угощаются на свадьбах или по большим праздникам, — объяснил Нед. — Тебе повезло, Джек. Твоя служанка

отлично готовит.

— Элизабет, твои пышки очень вкусны, — произнесла Белла чуть громче, чем следовало бы.

«Что за покровительственный тон! — с отвращением подумал Нед. — У Джека есть все основания над ней посмеяться».

Синклер заметил, как Канакаммал метнула взгляд в сторону Брайанта, увидел ее разочарование, остро почувствовал обиду девушки, заметил, как она прячется в своей раковине.

— Что такое? — Белла огляделась. — Мне казалось, я проявляю любезность.

— Это было скорее высокомерно и чуть снисходительно, — возразил Нед. — Мне не кажется, что с такими людьми, как Канакаммал, можно обращаться...

— Как со слугами? — беспечно закончила его сестра.

— Белл, когда ты успела научиться этому высокомерию?

Джек счел нужным вмешаться:

— Полно, Нед. По-моему, она вовсе не...

— Минутку, Джек. Пока Белл нет двадцати одного года, я ее законный опекун и имею право наставлять ее в том, как ей следует себя вести.

— Нед, ты хочешь сказать, что я не оправдываю твоих надежд?

— Во все нет. Просто мне непонятно, с какой стати ты разговариваешь с Канакаммал так высокомерно, как будто она чем-то ниже любого из тех, кто сидит за этим столом.

— Не ниже, Нед, но она ведь индийская служанка, нанятая для того, чтобы обслуживать Джека и его гостей. — На лице Беллы отобразилось недоумение. — Мне казалось, я вполне любезно ее похвалила.

— Дело не в том, что ты сказала, Белл. Ты сделала это неправильно.

— Прощу прощения, но в Мадрасе мои манеры всех устраивают.

— К сожалению, похоже на то.

— Хватит вам, — примирительно произнес Джек. — Элизабет, наверное, даже ничего не заметила.

— Скорее это ты ничего не заметил, — возразил Нед.

— Теперь ты на меня напустился. Я-то что плохого сделал?

— Скорее, чего ты не сделал. — Синклер заводился все сильнее.

Он не хотел ссоры, но с той самой ночи, когда стал свидетелем одинокого бдения Канакаммал на вершине холма, Нед чувствовал, что она заслуживает лучшего обращения со стороны Брайанта. Впрочем, это не его дело.

— Прости, Джек. Наверное, я устал или просто не в форме. Ужин и правда был великолепный. Прости и ты, старушка. Я не хотел быть неучтивым.

— Забыто. — Она сделала жест, которым брат и сестра пользовались в детстве, как бы отбрасывая резкое слово.

Он любил в Белле это ее умение наслаждаться жизнью, не слишком задумываясь. Девушка чересчур четко усвоила разницу между англичанином и индийцем, но все же не утратила своего прежнего детского очарования.

— Только мне кажется, что она могла бы улыбаться побольше, — добавила Белла.

— Не понял? — вскинулся Нед.

— У нее чересчур торжественное выражение лица. Если бы она улыбалась, то была бы очень милой.

— Довольно, — поставил точку Джек. — Кофе на веранде, а потом Белле надо будет вздремнуть, чтобы выглядеть еще очаровательней.

Джек запланировал ехать в Бангалор поездом. Он отправил письмо Уокерам, в котором сообщал Белле, когда именно заедет за ней. Никто, кроме Канакаммал, которой, вместе с сестрой, было поручено доставить конверт, не знал, что писем было два, а не одно. Во втором Джек, обращаясь к мисс Уокер, вежливо предлагал ей составить компанию Арабелле, которая ей может потребоваться в связи с отсутствием Неда — учитывая планы Синклера на этот день.

Он знал, что Айрис прочтет все между строк.

Та собирала цветы в саду, когда появились Канакаммал с сестрой. Высокая служанка подтолкнула вперед Наматеви, сама же предпочла остаться за воротами. Айрис приняла письма, потом подняла голову и, прикрывая глаза от солнца, взглянула на Канакаммал.

Лицо той оставалось непроницаемым. Взяв сестренку за руку, она пошла прочь, притворяясь, что не замечает хорошенькую англоиндианку.

— Мама!

— Я здесь, — отозвалась Флора из гостиной.

Она никому не позволяла стирать пыль с драгоценных лиможских орнаментов — подарка мужа на тридцатилетие свадьбы.

— Что стряслось?

— Письмо. Кажется, от мистера Брайанта.

Вскрыв конверт, Флора быстро пробежала глазами записку.

— Что он пишет? — спросила Айрис, сердце которой громко колотилось.

— Предлагает нам послать кого-нибудь в Бангалор вместе с Арабеллой.

Сердце Айрис пропустило удар, но она попыталась отвечать небрежно.

— Наверное, неплохая идея, учитывая, какие страсти вы о нем рассказываете.

— Нет, Белла для него слишком молода! Не в его вкусе.

— Если Нед ничего не имеет против, то с какой стати нам возражать?

Флора нахмурилась.

— Все же она такая юная!.. Кстати, Джек в моих глазах полностью оправдан. Мне даже кажется, что в ближайшее время я должна пригласить его.

— К чему ты клонишь, мама?

— Независимо от того, как мы теперь относимся к Джеку Брайанту, в глазах других людей будет выглядеть совершенно естественно, если Белла поедет с провожатым.

— Как скажешь, — беспечно отвечала Айрис. — Пойду отнесу ей цветы.

Она намеренно исчезла, не дав матери закончить, и в дверях чуть не столкнулась с Беллой, такой же свежей, как маргаритки в руках Айрис, готовой к большому дню. Она не переставая говорила о замечательном Джеке Брайанте, и Айрис подозревала, что та уже влюбилась на полную катушку. Но разве можно ее за это винить?

— Он заедет за мной в десять. Меньше чем через полчаса, Айрис!

— Ну и что? Ты ведь уже готова?

— Вроде бы да. Как, по-твоему, я выгляжу?

— Великолепно, Белл. Эти юбка и блузка просто прелесть.

— Спасибо. Папа выписал их мне из Англии.

Айрис промолчала. Если Белла относится к Гренфеллам как к родителям, то Неду останется лишь принять это.

— Кстати, Джек прислал записку. Он считает, что тебе может понадобиться компания.

— Но почему?

— А ты не догадываешься! — Айрис рассмеялась.

— У меня складываются очень хорошие отношения с Джеком. Я жду не дождусь, когда мы отправимся.

«Кто бы сомневался, — со смутным раздражением подумала Айрис. — Может ли эта юная впечатлительная девушка из Мадраса, с прекрасной розовой кожей англичанки и идеальными зубами, не вызвать интерес Джека?»

— Дело не в том, что тебе действительно нужна защита, Белла. Важно, как это выглядит со стороны.

Появилась Флора.

— Белла, Айрис сказала тебе о предложении мистера Брайанта?

Та кисло-ватно кивнула.

— По-моему, вполне разумно, — заметила мать. — Айрис, милая, кроме тебя, никому.

Сердце девушки опять на миг замерло.

— Мама, я сегодня планировала помочь в школе, — запротестовала она, но не слишком рьяно.

— Пожалуйста, дорогая. Ты ведь им не гарантировала, что придешь?

Айрис пожала плечами и обратилась к Белле:

— Тебе, видимо, от меня никуда не деться.

Лицо Беллы просветлело, она вспомнила о своих хороших манерах, довольная, наверное, хотя бы тем, что в сопровождающие ей дали Айрис, а не Флору Уокер. В последнем случае день уж точно был бы безнадежно испорчен.

— Пойду переоденусь. — С этими словами Айрис удалилась в свою комнату.

Ее переполняло победоносное чувство. Она и сама не понимала, почему оно такое сильное. Если все, чего Джек от нее хочет, это единственный танец среди бела дня, то долг будет заплачен, она сдержит обещание и сможет с чистой совестью заняться подготовкой к свадьбе. И все же, все же...

Айрис ведь даже не дала Неду своего согласия... во всяком случае официально. Она, конечно, намерена это сделать, потому что влюбилась в Синклера задолго до их первой встречи.

Он присылал ей рисунки, описывал жизнь в Золотых Полях Колара. С каждым его письмом в жизнь Айрис входила радость.

Она очень легко подпала под обаяние его мягкого, ласкового обращения. Но где чувство, захватывающее дух? В книгах пишут, что человек испытывает его, когда влюбляется. Ей хотелось, чтобы всякий раз при виде Неда в небесах пел ангельский хор. Синклер обращается с ней как с принцессой, обожает ее так же, как Руперт или отец. С Недом она чувствует себя в полной безопасности. Так отчего же не поют ангелы?

Вчера вечером Синклер поразил ее. Явившись после ужина, он увлек ее на веранду, заявив, что у него для нее сюрприз.

— Ничего не могу поделать. Я люблю вашу дочь, — произнес он, обращаясь к ее родителям, и посмотрел на Айрис взглядом, в котором

читалось что-то близкое к мольбе. — Скажи «да». Сделай меня счастливейшим мужчиной в мире.

Айрис вспомнила, как Нед сунул руку в карман, а у нее перехватило дыхание. Только не это! Не собирается же он!.. Да, ее страхи подтвердились. Синклер преподнес ей бархатный темно-синий футлярчик.

— Стань моей женой, Айрис, — сказал он, открывая крышечку.

Ее взору предстал сапфир, тот самый, привлечший ее внимание на прошлой неделе в Бангалоре. В футляре он казался таким маленьким.

— В магазине на нем не было бриллиантов, — только и могла выговорить она, поддавшись панике.

Нед приподнял уголки губ, и ей стало больно видеть эту улыбку, исполненную любви. Почему она не падает ему в объятия, рыдая от счастья? Ну почему?

— Тут бриллианты вставлены с обеих сторон... Означают нас с тобой.

— Нед!.. — Ей казалось, что она смотрит эту сцену со стороны, как фильм, снятый в режиме замедленной съемки.

От невыносимого напряжения Айрис перестала дышать, прикоснулась к крохотному изящному колечку, но тут же отдернула руку и поднесла ее к сердцу, отягощенному чувством вины.

— Я потрясена, — вымолвила она, и это была правда.

Девушка не успела и глазом моргнуть, как Нед взял ее левую руку в свою и надел колечко.

— Мы отдадим его подогнуть под твой размер, дорогая.

Она долго смотрела на кольцо и наконец-то выдохнула.

Нед поцеловал ей руку с колечком.

— Я люблю тебя, Айрис. Обещаю сделать все, от меня зависящее, чтобы ты была счастлива.

Она знала, что он говорит правду. Нед будет верным, надежным, замечательным мужем. И все же. С той минуты, когда ее взгляд впервые встретился с взором Джека Брайанта, при виде его сердце у нее начинало колотиться быстрее. Между Джеком и ней будто проскакивал электрический ток — невидимый, возбуждающий, опасный. Он вызывал в ней такое волнение, которого Нед никогда не в состоянии будет вызвать. Это связано не с мужественной внешностью или могучим телосложением Брайанта. Тут крылось что-то темное,

более таинственное, какой-то взаимный магнетизм. Она не могла объяснить, почему это так, но чувствовала, что должна станцевать с ним прощальный танец, побыть в его объятиях еще хотя бы раз. Воспоминания о том, как он лежал в больнице... Эти несколько мгновений наедине с ним казались ей вечностью.

Внутренне, для себя, она нашла бы способ отделить это от основного течения своей жизни, оправдать танец хотя бы потому, что официально все еще свободна, но Нед со своим предложением и этим синим футлярчиком осложнил все.

— Такое красивое. Спасибо тебе, — услышала Айрис собственный голос, а потом последовало еще худшее: — Конечно, я согласна на помолвку, Нед. Но давай сначала отдадим кольцо подогнать, а то я его потеряю.

На задворках сознания Айрис зародилась спасительная мысль о том, что, пока она не носит кольцо, помолвка еще не настоящая. Выразив свое согласие столь осторожным образом, девушка выгадала крохотную толику времени. Пока кольца Неда нет у нее на руке, Айрис будет считать, что еще никому ничего не обещала.

При воспоминании об этой хитрой предательской мысли щеки у нее пылали, а сама она тем временем рылась в шкафу, выискивая для встречи с Джеком самое красивое платье.

Джек Брайант стоял в дверном проеме. На нем были темносерые брюки, скроенные по последней моде. Айрис видела такие только в журналах. Комплект завершали светлый льняной пиджак, такой же жилет, белая сорочка и серебристо-серый галстук. В здоровой руке он держал мягкую фетровую шляпу и, несмотря на свою перевязь, выглядел так сногшибательно, что одного взгляда на него было достаточно, чтобы перехватило дыхание. Белла, разумеется, не стала сдерживать чувств. Испустив вопль счастья, она бегом преодолела коридор и беззаботно бросилась Джеку на шею.

Ему стало неловко и смешно. Он осторожно отстранил ее, не подпуская к травмированному плечу.

Айрис немного утешило лишь то, что взгляд Джека устремился поверх золотых кудрей Беллы прямо ей в глаза.

— Хватит, хватит, Белла, дорогая, — мягко упрекнула Флора.

Та отступила и без тени смущения похвалила гостя:

— Ты выглядишь потрясающе, с этой бандитской перевязью — прямо настоящий герой.

Айрис попыталась скрыть раздражение.

— А ты похожа на чудесный бутон, — в тон Белле ответил Джек.

Флора выразительно взглянула на Джека и заявила:

— Может быть, стоит поберечь это красноречие, мистер Брайант?

— Пожалуйста, называйте меня Джек, миссис Уокер. Привет, Айрис, — любезно произнес он, чуть поклонился и тут же вновь заговорил с ее матерью: — Как Руперт?

— Мы очень рады, что он поправляется. Сын мужествен и исполнен решимости, следует всем советам Гарольда и тщательно выполняет упражнения.

— Рад это слышать. Я предполагал навестить его завтра. Вы не против?

— Разумеется. Мы хотели бы, чтобы в ближайшем будущем вы пришли к нам на ужин. Теперь ведь у нас есть повод для праздника. — Тут Айрис бросила на мать испепеляющий взгляд, но та абсолютно ничего не заметила и продолжала: — Да, мы с Гарольдом очень счастливы, что...

— Ты слышал новости, Джек? — вмешалась Белла. — Нед с Айрис помолвлены. Со вчерашнего вечера. Айрис, я очень надеюсь, что ты возьмешь меня в подружки невесты. Только, пожалуйста, не одевай нас в розовое. В этом цвете я делаюсь похожей на привидение.

Джек бросил на Айрис холодный, но беспредельно выразительный взгляд.

— Белла, дорогая, тебе действительно надо слегка остыть, — предостерегающе заметила Флора. — Да, такие вот у нас новости. Все мы, как вы можете догадаться, в восторге.

— Поздравляю, — сказал Джек, обращаясь к Флоре. — Особенно тебя, Айрис. Какое быстрое решение, — загадочно добавил он.

— Для меня это было полной неожиданностью, — осторожно ответила она.

— Джек, я сочла разумным ваше сегодняшнее предложение и посылаю вместе с вами Айрис, — произнесла Флора.

— Надеюсь, мы не разрушили твои планы? — серьезно осведомился Брайант.

— Нет, нисколько. Надеюсь приятно провести время. — Айрис захотелось вlepить оплеуху в его красивое лицо.

— Очень хорошо. В таком случае вперед, леди? — Джек предложил руки обеим дамам.

Белла с готовностью взяла его со своей стороны, Айрис же отказалась и, пока они спускались по лестнице, старалась держаться поодаль, чтобы не задеть его раненое плечо.

— Я привезу их обратно самое позднее к семи, миссис Уокер.

* * *

Пока они ехали на поезде в Бангалор, Джек всюду развлекал своих спутниц разговорами, при этом ни одним словом не касаясь темы, мысль о которой, казалось, вот-вот пробурит у него в мозгу дыру.

Он поведал девушкам забавные истории о жизни в Пензансе, о контрабандистах и пиратах, о торговых кораблях, а затем описал план, который разработал на сегодняшний день.

— Я приготовил для тебя кое-что очень интересное, Белла.

— В самом деле? — Она прикрыла его руку своей ладошкой, затянутой в перчатку.

В каждом взмахе шелковистых ресниц Беллы Айрис видела откровенное заигрывание. Белла ей нравилась, но эта девушка, кажется, слишком начиталась любовных романов.

Однако Джек с апломбом отбрасывал все ее вылазки.

— Да, в самом деле. Тебя будут катать по Бангалору, как принцессу из сказки, и на каждой таинственной остановке ты будешь получать ключ^[31].

— Ключ? От чего?

— От твоего сокровища.

Айрис едва удержалась, чтобы не закусить губу. Разве Белла усвоит когда-нибудь, что мир не вращается вокруг нее, если Нед и Джек будут вот так портить ее? Айрис стала смотреть в окно. Мимо неслись пыльные пространства, изредка перемежающиеся деревушкой или городком, кишачими людьми. Вот переезд, перед ним вытянулась огромная очередь из нагруженных под завязку повозок, запряженных волами, велосипедистов, даже одной машины и множества пешеходов, которые терпеливо ждали и потом махали вслед поезду. Машинист дал долгий свисток, дети побежали вслед за вагонами.

— Верно, Айрис?

— Что? — опомнилась она.

Взгляд зеленоватых глаз Джека был пронизывающим. Все утро она ни разу не взглянула на него в упор, и вот теперь он словно пригвоздил ее к месту, пока Белла рылась в сумочке, выискивая что-то.

— Я сказал, что мы наилучшим образом воспользуемся временем, пока Белла будет занята. Она займется охотой за сокровищами, а тебе, Айрис, придется заниматься со мной скучным делом. Осматривать дом.

— Мне немного обидно, что я не буду выбирать дом вместе с тобой. Мы ведь так договаривались, — надулась Белла.

— Я знаю, милая, но, право же, это совсем скучно. А тебе будет интересно, обещаю. Мы встретим тебя на противоположной стороне парка Каббон.

Вот оно! Сигнал. Поняв, что он все спланировал до тонкости, Айрис вспыхнула и принялась поправлять оборку своего бледно-голубого платья.

Джек обезоруживающе улыбнулся.

— Я надеюсь купить этот дом, Айрис, если он мне подойдет.

— Джек получил наследство или что-то в этом роде, — объяснила Белла. — Это его вторая покупка. Первая — магазин.

Айрис заметила, как по лицу Джека скользнула тень раздражения.

— Это всего лишь рента, — пояснил он.

Айрис лишь кивнула с мягкой улыбкой. Что за темная лошадка! Кто бы мог подумать, что он из семьи, в которой могут себе позволить вкладывать деньги под проценты?

Поезд замедлил ход и остановился. Причину этого никто не объяснял, оставалось только мириться с такими неприятностями, как с неотъемлемой частью путешествия. Рядом с вагоном Айрис увидела палатку и в ней продавца, а кругом толпился народ.

— Вон там, кажется, торгуют нарезанной гуавой, да? Сто лет ее не ела.

Джек быстро встал и исчез. Через несколько минут он появился, неся на ладони, как на блюде, свежую гуаву, разрезанную на четыре части.

— Ой, с чили и с солью! — У Айрис потекли слюнки. — Обожаю!

Они медленно ели, смакуя соленый фрукт с обжигающей нотой острого перца. Айрис чувствовала, как Джек впитывает каждое ее движение. Стараясь отвлечься от этого ощущения и избежать неловкости, она заговорила с Беллой.

— Ты ведь в курсе, что Нед надеется уговорить тебя остаться? — ухватила Айрис за подходящую тему, стараясь игнорировать взгляды Джека со скамьи напротив.

Белла посерьезнела.

— Да, знаю, но мне хорошо и в Мадрасе. Полей для меня недостаточно. Честно говоря, не понимаю, как ты можешь выносить жизнь здесь. Нет, это, конечно, прелестное местечко, но, Айрис, ты ведь жила в Лондоне! — произнесла она на едином дыхании. — К тому же Гренфеллы не вынесут такого удара, если я их покину. С Недом все будет хорошо, особенно теперь, когда у него есть ты. После свадьбы он будет занят устройством семейной жизни.

Айрис заметила, что Джек беспокойно сменил позу и уставился в окно, и сказала Белле:

— В таком случае тебе стоит заблаговременно дать знать брату о своих планах, чтобы он не питал иллюзий.

— Я приеду на свадьбу, обещаю, — кивнула Белла.

Айрис раздражало, что Белла то и дело заводила разговор о свадьбе. С каждым новым упоминанием этого события она чувствовала прилив вины.

— Ты взяла с собой кольцо? Его можно было бы сегодня отдать подогнуть, — продолжала Белла к вящему отчаянию Айрис.

— Нет, оно у Неда.

— Джек, ты должен его видеть! — восторженно воскликнула Белла. — Посередине изумительный сапфир, а по обе стороны от него бриллианты. — Она приложила руки к сердцу. — Это так романтично. Бриллианты означают жениха и невесту.

— Белла, не наводи скуку, — остановила ее Айрис. — Мужчин не интересуют разговоры о свадьбах.

— Но он ведь, наверное, отдал за кольцо все свои сбережения. А ведь Нед не то чтобы богач...

К счастью, ее речь была прервана появлением кондуктора, вследствие чего разговор умер естественной смертью, а новый начался уже перед самым Бангалором, и весь он был посвящен предстоящему дню.

* * *

Джек сдержал слово. Прежде всего он повез Беллу в открытом экипаже в кофейню «Три туза» на Саус-Пэрейд. Крепкий кофе подавали официанты в накрахмаленных белых униформах с тюрбанами цвета ярких драгоценных камней. Клиентура была разнообразная — вот одна из причин, по которой Джек любил это заведение. Его посещали писатели, музыканты, политики, дипломаты, солдаты в мундирах цвета хаки, даже академики, а также путешественники и местные вроде них.

Джек заказал три порции доса — хрустящих блинчиков из рисовой и чечевичной муки. На Айрис произвело впечатление его знакомство с индийской кухней. Они принялись с энтузиазмом уничтожать великолепные пряные блинчики с начинкой из картошки и

лука, с идеальным количеством кислой кокосовой чатни^[32]. Проглотив последний кусочек, девушка вздохнула. Это было так же вкусно, как у мамы.

— Следующим номером программы — кафе-мороженое, — объявил Джек.

Белла рассмеялась.

— А где же мы найдем место для этого лакомства?

— Освободим. Небольшая прогулка в окрестностях парка Каббон — и мы опять готовы, на этот раз к ледяным деликатесам.

На ходу Джек рассказывал Белле все, что знал об этом зеленом, наполненном садами районе города. Он разве что не игнорировал Айрис, от чего та начала чувствовать, как у нее по коже бегут мурашки. В своих высказываниях Брайант был очень осторожен, но Айрис не сомневалось, что несправедливо будет винить одну только Беллу в том, что она с головой влюбилась в Джека. Наконец он привел девушек обратно к месту, где их поджидал прелестный маленький экипаж.

— Для вас, моя леди, — произнес Джек, подсаживая Беллу.

— Вы точно не поедете? — спросила та.

— Это путешествие для тебя, Белл. — Айрис покачала головой.

— Итак, следи за ключами, — предупредил Джек. — Твой сегодняшний экскурсовод — один мой друг. Его зовут Уилли Бургесс.

— Дамы! — приветствовал девушек мужчина среднего возраста. — Добро пожаловать на борт. Я знаю Неда Синклера. Он однажды попытался перепить меня и проиграл вдрызг.

— Я тоже не смог его победить! — ухмыльнулся Джек. — Белла, сегодня Уилли покажет тебе все достопримечательности.

— Буду очень рад это сделать. — Уилли поклонился. — Я привезу ее обратно через два часа, Джек.

— Мы будем ждать.

— Желаю повеселиться! — крикнула Айрис вслед отъезжающему экипажу.

— Пока, Белла. Скоро увидимся. — Джек помахал рукой.

Белла оглянулась и махала до тех пор, пока экипаж не исчез из виду, растворившись в толпе на Саус-Пэрейд.

Джек глубоко вздохнул.

— Наконец-то. Еще минута — и у меня из ушей пошла бы кровь.

Айрис рассмеялась. Было немного страшно и в то же время волнующе быть с ним наедине.

— По-моему, ты неплохо справился.

— Тот человек, которого ты видела сегодня утром, был не совсем я.

— Ну, не знаю. У тебя репутация покорителя сердец, и с Беллой ты, безусловно, преуспел.

— Я просто вежливо себя веду.

Айрис посерьезнела, остановилась и повернулась к Брайанту, который не смотрел на нее.

— А я невеста Неда. Прости, Джек. — Она покачала головой. — Я не знаю даже, зачем нахожусь здесь. Мне казалось, чтобы отдать долг, но...

— Забудь про долг! — оборвал он ее. — Ты мне ничего не должна.

— Может, просто пройдемся?

— Давай. Пошли в обратную сторону по парку.

Они шли рука об руку, по-приятельски. Какое-то время это было ново, приятно и невинно, неловкость исчезла.

— Ты любишь его, Айрис? — внезапно спросил Джек.

Щеки у нее начали гореть. Ей следовало ответить быстрее.

— Да.

— Достаточно сильно, чтобы провести в его обществе всю оставшуюся жизнь?

— Разве на такой вопрос можно ответить?

— Между вами есть страсть?

— Джек, не надо...

— Не надо что? Говорить правду? Я, по крайней мере, не лгу. А ты собираешься построить семейную жизнь на фундаменте лжи.

— Не говори так. — До этого момента она держала его под руку, а тут убрала ладонь. — Ты не имеешь права. Ты его лучший друг. Как ты можешь так с ним поступать?

Джек остановился, посмотрел ей в глаза, в самую глубину, и спросил:

— А почему еще ты можешь здесь быть, Айрис, если не потому, что хочешь быть со мной?

Она дала ему пощечину. Шок от этого инстинктивного поступка был так силен, что она в ужасе прикрыла рот ладонью.

— Прости, Джек. Я... Я...

Челюсть у него заходила взад-вперед.

— Наверное, я это заслужил. — Он потянул ее к скамейке. — Давай присядем.

Двигаясь словно в тумане, она позволила усадить себя. Ей не верилось, что она только что это сделала, причем среди бела дня. Айрис повернулась к нему. Ее почти тошнило.

— Джек, у тебя на щеке отпечаток моей руки.

— Что ж, хоть это у меня есть.

— Перестань, пожалуйста. Нельзя разгуливать в таком виде.

— Я буду носить это как почетную медаль.

— Белла увидит и...

— Меня волнует не Белла, а только ты! Пошли.

— Куда?

— Куда-нибудь, где мне помогут избавиться от этой отметины.

Он подозвал экипаж, дал вознице адрес и попросил ехать быстро. Прошло всего несколько минут, и Айрис узнала район, иногда называемый Вестуорд-Хо.

— Здесь моя старая школа, — рассеянно заметила она, оглядываясь на высокие ворота женского учебного заведения.

Заплатив вознице, Джек провел девушку в сад перед большим красивым домом.

— Господи! Я знаю людей, которые раньше здесь жили, хорошо помню мостки, лесенки и ворота. Мне знакомо это крыльцо!

— В самом деле?

— Да. Хозяин был военный. Кажется, тоже доктор.

— Входи. — Он протянул руку, помогая ей войти. — Я попросил агента по продаже оставить дом открытым, чтобы можно было осмотреть его. — Брайант ввел Айрис внутрь.

— Ой, Джек! — произнесла она, оказавшись в помещении. — Посмотри, какой чудесный терракотовый пол. Здесь так прохладно.

— Позволь показать тебе дом, хотя, возможно, это ты должна была бы знакомить меня с ним. Из гостиной через эти двойные двери можно попасть в просторную столовую. На той стороне холла еще

одна прихожая, дальше уединенная комнатка для отдыха, — объяснил он.

Стоя посреди коридора, она любовалась симметричными помещениями, отходящими от него.

Дом остался в точности таким, каким его помнила Айрис. Панели темного дерева и терракотовые паркетные полы.

— Здесь еще должны быть мозаичные окна...

— Они есть, но только в небольших проемах. Я люблю приглушенную элегантность.

— Чувствую запах трубочного табака.

Джек указал в сторону гостиной, и Айрис последовала за ним.

— Не хочу тебя огорчать, но доктор умер года два назад.

— Как жаль, — пробормотала она.

Застекленные створчатые двери вели на просторную заднюю веранду, что в свое время безусловно считалось оригинальным и роскошным. Джеку это подходило. Айрис позавидовала тому, что у него есть возможность приобрести дом.

— Так ты собираешься купить его?

— Уже купил, — сказал он.

Впервые за все время ей показалось, что Джек Брайант выглядит чуть глуповато.

— Ты шутишь.

— Я не мог ждать. Он мой.

— А как же вся эта мебель?

Джек неуверенно осмотрелся.

— Очевидно, продавец в ней не нуждается.

Айрис ошеломленно воззрилась на него.

— Но здесь есть чудесные вещи — диван, вон тот прекрасный сервант, хотя он больше подойдет, наверное, для столовой. Еще эта чудесная этажерка.

— Я знаю. Что тут скажешь? Мебель разбросана там и сям. Тебе нравится этот дом?

— Джек, безумно! Какой ты везучий! Я отдала бы все за то, чтобы жить в таком прекрасном доме!

— Все? — Джек взглянул на нее так, что у Айрис перехватило дыхание.

Его лицо было очень серьезно.

— Он может быть твоим, если ты захочешь, — тихо произнес он.

Прищурившись, Айрис ответила притворно-разгневанной миной и двинулась перед Джеком в направлении центрального холла. Они шли по истертому ковру с великолепным индийским узором. В свое время он, наверное, стоил небольшого состояния, но теперь местами истрепался.

— Если память меня не обманывает, при этом доме должен быть чудесный сад, — легко, словно летя на какой-то волне, произнесла девушка. — В нем росло высокое хлебное дерево.

— Пойдем взглянем.

Сперва он провел ее в уединенную комнату отдыха, оттуда, через еще одни двойные двери, — на веранду, с которой открывался вид на густой запущенный сад. Там и в самом деле росло хлебное дерево с крупными тяжелыми плодами.

Айрис издала негромкое восклицание. Она его узнала!

— Мы бросали плоды, кто дальше, — со смехом сказала девушка.

— Здесь надо немного приложить руку, — задумчиво произнес Брайант, окидывая взглядом буйную зелень.

— Все можно сделать быстро, — ответила она. — Взгляни на это огромное дерево манго. Какой великолепный дом с чудесным садом. Ты молодец, что купил его, я тебе завидую.

— Рад, что ты одобряешь, — улыбнулся Джек.

— Так что же ты намерен с этим делать?

— Пока не знаю. Сначала я хотел просто вложить во что-нибудь деньги. Военные ведь снимут дом в мгновение ока, поэтому я не слишком волнуюсь, что потратился. Но, поглядев на это сегодня с тобой, я подумал, что, наверное, стоит сохранить особняк для себя. Может, ты сможешь мне заново его отделать, вернуть ему былую красоту. Кто знает, возможно, он станет местом, которое я смогу назвать своим домом?

Он присел у низкой стены веранды, и в этот момент Айрис ощутила, как уязвим Джек Брайант. Он пользовался популярностью, но не имел близких друзей, не считая Неда, был одним из самых красивых и завидных женихов во всей Южной Индии, но при этом жил тихой жизнью в удаленном поселке. А кутил он, как однажды обмолвился Нед, по большей части в Бангалоре, подальше от злых языков, которых хватало в Полях.

— Ты одинокий остров, Джек.

— Мама, бывало, обвиняла меня в том же недостатке.

— Не знаю, недостаток ли это. Просто факт. — Девушку с непреодолимой силой тянуло к нему, и она прикоснулась к его щеке. — Прости. Теперь пятно гораздо бледнее.

Он накрыл ее руку своей, большой, перевернул ладонь и нежно поцеловал. То же самое всего несколько дней назад делал Нед, но действия Джека были гораздо более чувственными, губы несравненно мягче. Его нежность и эта неожиданная хрупкость растопили ее сопротивление. Последние остатки здравого смысла зывали к ней, требуя, чтобы она отшатнулась от него. Вместо этого Айрис придвинулась ближе, а он уже был готов, раскрывал объятия. Притянув ее к себе так, что она оказалась у него между коленями, Джек зарылся лицом ей в грудь и обхватил ее талию здоровой рукой.

Девушка не могла сопротивляться. Роня слезы вины, она все же не в состоянии была разорвать эту связь, начала гладить его густые волосы, наклонилась еще ближе. Его тело пришло в движение, заскользило вверх, он встал, высвободил руку из перевязи и обхватил ее лицо своими большими ладонями.

Джек не сделал паузы, не стал ждать разрешающего взгляда, Просто наклонился и очень нежно коснулся ее губ своими. В этом не было никакого колебания. Он не торопился, но и не останавливался, чтобы убедиться, что можно продолжать. Брайант просто обнял ее еще крепче, и Айрис почувствовала, как в ней воспламеняется страсть. Начиная с этого момента она была уже не в силах остановиться, даже если бы захотела.

Они целовались и целовались, пока Айрис не утратила всякое ощущение времени и места. Она чувствовала мужские руки. Они гладили, сжимали Айрис, но центром ее существа стали теперь его губы, язык, дыхание. Она сходила с ума. Прикосновения Джека вызывали головокружение, делали ее почти невменяемой от желания.

Если бы Брайант в конце концов не разорвал объятия, она вряд ли смогла бы это сделать. Внезапно его губы отдалились, и она остро ощутила эту потерю. Айрис дышала отрывисто и поверхностно. Ее губы распухли, но она не слышала ни пения птиц, ни человеческих голосов, ни случайных сигналов автомобилей. Ни один из этих

обычных, привычных звуков не отражался в ее сознании, до нее доходил только его голос.

— Не могу сказать, что сожалею, — хрипло произнес Джек и прижался к ней лбом. — Но еще немного, и я уже за себя не отвечал бы.

Когда она наконец ответила, ее голос прозвучал так же хрипло:

— Ненавижу себя.

— Не надо. Это я виноват во всем.

— Нет. Я считала себя сильной, а на самом деле так же слаба, как любая другая женщина, на которую ты положил взгляд. — Она издала сдержанное рыдание, полное бесконечной горечи.

Брайант притянул девушку к себе, прижал к широкой груди, словно чтобы утишить ее гнев и горе. Она предпочла бы, чтобы Джек на нее рассердился, но он был мил и ласков. Именно эта нежность обезоруживала ее. Айрис не сомневалась в том, что с легкостью отвергла бы его, прояви он хоть толику грубости, нетерпеливость в страсти. Но только не это. Не мягкую, уязвимую его сторону.

Он целовал ей волосы, прикасался губами к ушам, а потом зарылся лицом в шею и пробормотал:

— Я, наверное, влюбился в тебя еще до того, как мы встретились.

— Что? Как?

— Нед показал мне твою фотографию. — Тихонько засмеявшись, Джек опять обхватил ее лицо ладонями и нежно, быстро поцеловал. — На ней ты еще ребенок. Лет, наверное, четырнадцать. Нечеткое семейное фото, на котором ты обнимаешь отца за шею.

— Я помню этот снимок. — Она улыбнулась.

— В твоем взгляде на этой фотографии было что-то такое, что привлекло мое внимание и не отпускало. Я в первый раз увидел тебя на танцах и утонул в твоих темных глазах, а понял, что люблю тебя, когда ты рассказала мне свою тайну. А Неду уже известна правда?

Она печально покачала головой.

— Мне кажется, это необязательно.

— Почему же ты тогда мне рассказала?

— Потому что ты словно смотришь в мою душу, Джек. — Она отвернулась, но он вновь привлек ее к себе.

— Нужно это прекратить, — покачала головой Айрис.

— Так ли?

— Пока не стало слишком поздно.

Он издал хриплый невеселый смешок.

— Слишком поздно для чего? Чтобы влюбиться? В таком случае, Айрис, я уже упустил свой шанс.

— Джек!.. — Ее сердце переполняли боль, чувство вины, вместе с тем любовь и желание. — Нельзя так поступать с Недом. Мы его самые близкие друзья.

— Можно уехать в Бомбей или в Австралию. Я слышал, там можно неплохо устроиться. Горная промышленность процветает. Или я мог бы отвезти тебя в Британию. В Пензанс. Мы...

— Хватит, — заявила Айрис, прикрыла его рот ладонью, и на глаза ей навернулись слезы. — Прошу тебя. У нас с тобой нет будущего, Джек. То, что мы сделали сегодня, непростительно, но еще не поздно все исправить. — Она подняла левую руку. — Я, как ты понимаешь, специально не надела это кольцо. Я сказала ему, что, пока его не подогнали по размеру, помолвка не считается действительной. Так что сейчас, Джек, наша совесть — по крайней мере, твоя — может снова стать чистой.

— Не обманывай себя, Айрис, — покачал головой он. — Мы оба предали Неда. Совесть у нас такая же чистая, какой она была бы если бы он зашел сейчас и застал нас в постели...

Она опять заставила его замолчать, как будто, прикрывая ему рот рукой, могла избавиться от чувства вины. Джек не пытался закончить фразу. Просто его вид стал беспредельно печальным.

— Почему ты достаешься ему? — спросил он.

— Потому что ты можешь иметь любую женщину в Полях, в Бангалоре... да во всей Индии или других колониях. Ты никогда не будешь испытывать недостатка в особах, которые тебя желают, Джек.

— Я не хочу других женщин.

— У Неда нет этой роскоши, зато есть какая-то хрупкость. Подозреваю, это имеет отношение к внезапной потере родителей, а потом ко всей этой истории с его другом в Рангуне. Не знаю, рассказал ли он мне все, но...

— А ты однажды добейся, чтобы он изложил тебе все... целиком. — Внезапно в лице Джека появилось что-то жестокое.

Она не обратила на это внимания и сказала:

— Мне известно лишь, что он каким-то образом от всего этого пострадал. Если я сейчас обману Неда, то могу сломать его.

— Ты готова отдать ему свою жизнь... чтобы защитить его от себя самого? — Джек был ошеломлен.

— Ты заставляешь меня усомниться в себе. Мне казалось, что я люблю Неда, могу быть с ним счастлива.

— А теперь?

— Да, если ты будешь держаться от меня подальше.

— Это свыше моих сил.

— Джек, ты действительно меня любишь?

— Я действительно тебя люблю. — Он не мигая посмотрел ей в глаза. — Я не говорил этого ни одной женщине.

Она не пожелала улыбнуться и спросила:

— Настолько, чтобы остаться в Индии — скажем, в Бангалоре — на всю жизнь и навсегда отказаться от Британии или от приключений?

— Я...

— Будь честен.

— Сейчас голова у меня полна только тобой. Но почему нельзя быть вместе и предоставить будущему приходить естественным образом? Почему сейчас надо непременно определяться с местом жительства на всю оставшуюся жизнь?

— Потому что только тогда ты поймешь, что означает истинная преданность мне. Она должна относиться не только к моей персоне, но и к семье, к англо-индийскому образу жизни.

Он горестно покачал головой и спросил:

— А как же моя семья? Мой образ жизни, привязанность к Корнуэллу?

— О том-то и речь. Нед готов пожертвовать всем.

— Ему нечего терять.

— С Недом я буду как за каменной стеной, Джек. Дело не только в том, что он станет хорошим мужем, но еще и в том, что я для него все. Нед в полном смысле слова мне поклоняется.

— Айрис, Нед поклоняется всему, что за тобой стоит. То, что ты красива, — лишь дополнительный бонус. Но нуждается он в стабильности, семье и месте, где можно чувствовать себя дома. Ты способна дать ему все это.

Джек был прав, но данное обстоятельство нисколько не умаляло того факта, что внутренне она все равно считала Неда подходящей партией.

— А ты любишь его? — спросила Айрис.

— Он для меня брат, которого я никогда не имел.

— Тогда ради счастья двух людей, которых ты любишь больше всего на свете, откажись от меня. Без твоей помощи мне не хватит сил.

Джек встал, неловко стащил с себя пиджак, швырнул его на пол, расстегнул жилет, словно ему не хватало воздуха, и двинулся прочь. Она следила, как он уходит, впитывала каждую деталь этого образа, запоминала любую черточку высокого, сильного тела.

Айрис автоматически подобрала пиджак Джека, стряхнула с него пыль и прижала к себе. Джек, прислонившись к стене дома, смотрел в сад. Он издал какой-то звук, похожий на стон больного животного. Потом Брайант повернулся, и на лице у него было такое страдание, что она едва не бросилась к нему в объятия. Что было силы сжимая в руках пиджак, девушка скрипнула зубами. Его боль пронзила ее с такой силой, словно он выразил ее криком. Однако Джек переносил свою беду молча. Теперь это была скорбная покорность судьбе.

Не в состоянии больше выносить зрелища этой горестной капитуляции, она взглянула вниз и заметила на полу часики.

— Что это? — Айрис наклонилась и подобрала их.

Джек подошел, протянул руку, и она положила часики ему в ладонь.

— Они принадлежали моей матери, — глухо объяснил он.

— Какие красивые. — Айрис рассматривала крошечный синий циферблат, бриллианты, сверкающие по ободку и вдоль изящных изгибов по обе стороны циферблата, прикоснулась к серебряной застежке в виде двух миниатюрных ручек, соединенных вместе. — Никогда не видела таких изумительных. Разве она не хочет получить их обратно?

Джек пожал плечами.

— Ты носишь их с собой?

— Всегда и везде. Попробуй, надень.

Она попятилась, разрываемая противоречивыми чувствами.

— Нет, не могу, — возразила Айрис, но ее горящие глаза свидетельствовали об обратном.

— Ну же, померь. Мне приятно будет опять увидеть их на тонком женском запястье. — Расстегнув изящную застежку, он надел часы ей на руку.

У Айрис перехватило дыхание. При попадании солнечных лучей на бриллианты те запылали огненными красками.

— Джек, это божественно. Как твоя мама могла с ними расстаться?

— Она хотела, чтобы у меня что-нибудь было на память о ней. — На его лице изобразилось смущение.

— Но они драгоценны. Если бы у меня были такие, я не выпускала бы их из поля зрения.

— Они со мной постоянно. В них для меня семья, Корнуэлл, моя прежняя жизнь.

— Ты говоришь грустно.

— Именно поэтому я не так уж часто на них смотрю. — Джек вздохнул. — Просто по мере необходимости перекладываю из одного кармана в другой. Теперь это стало привычкой.

— Что ж, если когда-нибудь тебе понадобится кто-то, готовый носить их на руке, а ты согласишься смотреть на это со стороны, то знаешь, к кому обратиться, — игриво заметила она, но расстегнула застежку и протянула ему часики.

— Я хочу отдать их своей жене. — Брайант смотрел на нее, пока она не отвела взгляд.

— Ну давай же, Джек. Покажи мне остальную часть дома. — Не давая ему шанса ответить, она повернулась и через двойные двери прошла в гостиную.

Айрис не стала оглядываться, но услышала, как заскрипел у него под ногами песок на неметеной веранде.

Вот он пошел вслед за ней. Момент безумия миновал. По крайней мере, она на это надеялась. Но ее сердце все еще тяжело билось в груди, а горло сжималось от напряжения. Ей казалось, что стоит Джеку прикоснуться к ней — и кожа у нее зашипит от жара, который он создал вокруг нее, в глубине ее существа. Обмахиваясь рукой, Айрис продолжала идти вперед и лишь с большим запозданием осознала свою ошибку.

От коридора отходили несколько больших спален, и она почти слепо, просто лишь бы куда-нибудь идти и не думать о том, как

внезапно отяжелели груди и набухли соски, ступила в одну из них.

В этот момент Джек возник в дверном проеме. Ей уже не выйти, не прикоснувшись к нему, не желая этого! Айрис двинулась в глубь комнаты, чувствуя себе приговоренной собственным слабоволием и еще более того видом огромной кровати с пологом на четырех столбиках. Вылинявшие занавески были наполовину задернуты, через большое окно виднелся куст камелии, скорее даже дерево, отчего создавалась атмосфера интимности и уединения.

Айрис почувствовала, как запылала у нее щеки. Иногда она даже сомневалась в том, что дышит. Внезапно девушка повернулась к нему. Джек стоял в дверях, прислонившись к косяку, неподвижный как статуя, заполняя собой проем, и неотступно смотрел на нее пронизывающим взглядом потемневших глаз.

Джек оторвался от дверного проема, не позволяя ей отвести от себя взгляд. Айрис вздрогнула, испуганная, но возбужденная. Нет, она не из таких! Но внутри ее тела словно внезапно пробудилась отдельная личность, беспомощная, как марионетка, пляшущая по прихоти нитей желания.

— Айрис, — произнес он низко и хрипло.

— Джек, мы не должны. — По крайней мере, слова правильные.

Именно их и надлежало произнести, несмотря даже на то, что грань, до которой это имело смысл, уже была перейдена.

Возможность, уединение и желание... все идеально сошлось. Выбор теперь был целиком и полностью за ней. Джек ждал, по-прежнему не прикасаясь к ней, но стоя так близко, что она чувствовала жар, исходящий от его тела.

Выбор был за ней. Он не хотел решать за нее.

Айрис выбрала.

Преодолев несколько дюймов, разделяющие их, она прижалась щекой к его груди, в следующее мгновение уже была в сильных, всеохватывающих объятиях... и растворилась в них.

Айрис не сопротивлялась, когда Джек взял ее на руки и положил на кровать, не осознавала даже, как он ее раздевал, хотя позже ей припоминался один момент. Тогда девушке показалось, что она вышла из собственного тела и наблюдала со стороны, как Брайант снимает с нее одежду. Из-за травмированной руки он был неловок, но она не стала ему помогать. Айрис просто смотрела, загипнотизированная

зрелищем его тела, могучего в своей обнаженной мужественности. В Джеке не было округлостей, вообще ничего, напоминающего плавные линии. Он весь состоял из твердых мышц и четких углов.

Когда он стал целовать ее, сначала нежно, ласково, из глаз у нее брызнули горько-сладкие слезы печали за Неда и потекли к волосам. Но эти капельки растворились в волне древнего как мир восторга, в руках мужчины, которого она желала больше всего на свете.

Оба тяжело дышали, были готовы. Джек задал вопрос, она кивнула, он осторожно и бережно вошел в нее. Была боль, но Айрис ее приветствовала. Она задохнулась так, что он замер, но это было от удовлетворения и облегчения.

Айрис инстинктивно привлекла Джека к себе. Его поцелуи стали долгими и требовательными. Она отдалась полностью, подчинилась ритму. Ее предательские пальцы ощупывали каждый дюйм мужского тела, запоминая его. Ведь Айрис знала, что этот раз — первый и единственный, когда они с Джеком переживают страсть, куда более сильную, чем здравый смысл и совесть.

* * *

Они лежали обнявшись, медлили, окутанные густым облаком тишины и чего-то еще. Айрис не сказала бы, что это было глубокое сожаление, но все же ощущала какую-то неуверенность и знала, что уже не сможет стряхнуть ее. При этом каким-то странным изгибом чувств она испытывала и ревность. Зная, что никогда не допустит, чтобы подобное повторилось еще раз, Айрис в то же время сгорала от ненависти к женщине, которая будет чувствовать его внутри себя, поцелуи на своей коже, руки на теле.

Простого «да» было бы достаточно, чтобы они с Джеком соединились, но надолго ли? При всей головокружительности любовных переживаний, связанных с ним, в глубине души она знала, что Брайант — завянутый сердцеяд. Айрис подозревала, что его предприимчивая, склонная к романтизму, почти героизму, натура, делавшая Джека столь привлекательным в глазах женщин, означала и то, что он не может быть верным мужем. В Неде нет ничего потрясающего или сногшибательного, но он верен и надежен, на него

можно положиться. Что-то подсказывало ей, что Синклер из тех, кто любит однажды в жизни. Он выбрал ее.

Это было ужасное решение, но его следовало принять с холодной головой, не поддаваясь истерии страсти и желания. Между ней и Брайантом есть та самая химия. Ее тело без вмешательства ума, не спрашивая его позволения, абсолютно инстинктивно реагирует на Джека. Является ли это оправданием? Или сопротивляться в их ситуации было просто невозможно? Ей казалось, что так, хотя Нед никогда бы с этим не согласился... и ее родители тоже. Образы нахмурившегося, разочарованного отца и матери с сердито поджатыми губами, мелькнувшие в сознании Айрис, побудили ее к действию.

— Сколько у нас времени? — спросила она, когда пузырь страсти неприметно и неслышно для обоих лопнул и освободил их от своих чар.

— Достаточно для обещанного танца, — ответил он, глядя ее груди.

— Мне надо одеться и накраситься.

— Терпеть не могу губную помаду.

— Почти все мужчины ее не любят, но без нее мы чувствуем себя раздетыми.

— Мне ты всегда будешь больше нравиться раздетой.

Оба печально улыбнулись этой горькой случайной шутке.

Джек и Айрис вернулись в парк Каббон. Брайант бросил взгляд на часы. До появления Беллы оставалось двадцать минут. Он не мог себе представить, как сумеет сохранить тот самый вид, который поддерживал при ней все утро. Его ужасала перспектива вновь иметь дело с ее эмоциональностью и беззастенчивым заигрыванием.

Показалась восьмиугольная эстрада. В свете послеполуденного солнца литое кружево ограды, стоявшей по периметру, казалось особенно красивым. Вокруг уже собралось много гуляющих и любителей музыки. Одни устраивались на стульях вокруг сцены, другие останавливались послушать пару песен, пары элегантно порхали под танцевальные мелодии военного оркестра. Когда Джек с Айрис подошли ближе, энергичная музыка сменилась нежным вальсом.

Брайант нашел в себе силы улыбнуться.

— Исполняют нашу мелодию.

— Мамина любимая, — сообщила Айрис.

— Я знаю. Мы с Рупертом пели ее, чтобы поддержать бодрость духа в самые трудные минуты. Это помогало ему сохранять сознание. Можно почти без натяжки утверждать, что эта песня спасла нам жизнь.

— В таком случае она тем более подходит для нашего прощального танца.

— Ты знаешь, Айрис, что он не должен стать таким.

— Нет, должен, Джек.

— Просто потанцуй со мной. — Он повел ее на площадку и привлек к себе.

Их тела вновь слились. В этом было глубинное узнавание, признание другого человека как близкого.

— Ты уверен, что сможешь танцевать... с твоим плечом?

— После того, что мы недавно сделали?

Лицо Айрис мгновенно вспыхнуло, и Джек почувствовал, что этот укол с его стороны был несправедлив. Она такого не заслужила.

Его голос смягчился.

— Я готов терпеть любую боль, лишь бы держать тебя в объятиях.

Айрис печально улыбнулась и с явным беспокойством спросила:

— Ты здесь кого-нибудь знаешь?

Джек окинул площадку беспечным взглядом.

— Нет. А если бы и знал, мне было бы все равно.

Они стали танцевать. Не прошло и нескольких секунд, как Брайант утратил всякое представление об окружающем мире, о других танцующих — были только Айрис, он сам и музыка. Джек притягивал ее все ближе и ближе, их шаги укорачивались, пока они почти не замерли на месте. Окруженные другими парами, Джек и Айрис, щека к щеке, вновь растворились друг в друге.

* * *

Белла Синклер, сидя в экипаже, сжимала в руках кипу письменных подсказок, или ключей, которые получала на каждой остановке во время тура по городу.

— Это платье, Уилли! Он подарит мне платье!

— Ага. Вы, похоже, разгадали загадку, мисс Белла.

— Это была прекрасная поездка, Уилли, благодарю вас. Какой красивый город!

— Я обещал подождать вместе с вами. Они скоро появятся. Мы прибыли на несколько минут раньше.

— Я слышу музыку! — воскликнула она, когда он помог ей выйти из экипажа.

— Наверное, оркестр Королевских военно-воздушных сил репетирует перед сегодняшним выступлением. Будут даже танцы.

— Танцы! Как чудесно. Я просто должна это увидеть.

— Я не могу позволить вам идти одной, мисс Белла.

— Так пойдете вместе, Уилли. Мы не пропустим Джека и Айрис. Они ведь в любом случае придут по этой дорожке?

— Наверное. — Он привязал коня и пристроил ему торбу с кормом.

На прощание она похлопала лошадь по холке и заявила:

— Пойдете же, Уилли. Очень хочется взглянуть на танцоров. Я люблю эту мелодию — она такая печальная и романтическая. — Тихонько напевая хит Ирвинга Берлина, Белла быстро пошла к эстраде.

Уилли двинулся вдогонку, когда девушка остановилась столь внезапно, что он едва не врезался в нее.

— Мисс Белла, с вами все в порядке?

Она молчала, пригвожденная к месту. Уилли поискал взглядом, что же ее так поразило. Вряд ли он удивился, но не мог не почувствовать юной девушке, только что изливавшей свои восторги по поводу Джека Брайанта. Она увидела его в объятиях другой, и ее губы теперь дрожали.

— Да уж, лучше бы мы подождали возле лошади, — только и сказал он.

* * *

Игнорируя неодобрительные взгляды представителей старшего поколения, Джек через силу оторвался от Айрис. В ее глазах он тоже читал внутреннюю борьбу.

— Нам пора, — заявила она.

— У нас есть еще несколько минут, — ответил он, желая поцелуем оживить воспоминание о недавних часах.

Она не сопротивлялась, наоборот, льнула к нему, пока они шли прочь от эстрады. Наверное, ей тоже хотелось на прощание испытать момент близости.

— Айрис, я...

— Джек Брайант, это ты?

Оба вдруг почувствовали себя виноватыми и закрутили головами. Джек не сразу узнал стоящего перед ним человека.

— Ты, плутишка!

— Генри! Провалиться на месте! Откуда ты взялся? — Он пожал руку Берри.

— Ты, я вижу, не получил моего письма. Что ж, ничего удивительного, такова индийская почта. Впрочем, я все равно передал бы тебе весточку через дирекцию шахты. Я приехал только сегодня утром, так что не стоит переживать, — добавил Генри, снял шляпу и обратился к Айрис: — Простите его, но мой очень невоспитанный друг не представляет нас. Я Генри Берри. — Он коротко поклонился.

Джек заколебался, но от этого нельзя было уйти. Придется сказать ее имя.

— Прощу прощения. Э-э, Генри, это мисс Айрис Уокер из Золотых Полей Колара.

— Рада познакомиться. — Она позволила Генри мягко взять ее за руку. — Вам нравится эта музыка?

— Безусловно. Люблю здесь бывать. Вы, я вижу, тоже получали удовольствие.

Джек почувствовал, как девушка напряглась, и произнес:

— Айрис недавно вернулась из Лондона и решительно желала, чтобы я станцевал с ней этот хит. Генри, помнишь Эдварда Синклера? Айрис — дочь того доктора, Гарольда Уокера, с которым ты познакомился через Неда.

— Понятно. Да, я его помню.

— Эдвард Синклер — мой жених, — твердо заявила Айрис.

Джек видел, что она исполнена решимости самостоятельно все исправить.

— Ого! — Генри замялся. — Отлично. Круче не бывает. Поздравляю.

У Джека сложилось впечатление, что Айрис несколько не улучшила ситуацию, но было уже поздно. Он лишь внутренне вздохнул, когда она продолжила. Дополнительные и абсолютно лишние сведения, которые сообщала девушка, лишь способствовали сгущению вокруг них атмосферы вины.

— Я сопровождаю Арабеллу, сестру Неда, потому что Джек обещал показать ей Бангалор.

— Отлично, — повторил Генри, явно смущенный.

— Так ты здесь надолго? — поинтересовался Джек, переводя разговор на другую тему.

— Остановлюсь на какое-то время, но иногда буду наведываться в Мадрас. Тебе по-прежнему нравится в Полях, с работой все в порядке?

Джек кивнул и сообщил:

— Старший инженер.

— Не сомневался ни секунды, Джек, — ответил Генри, нервически улыбаясь и посматривая на Айрис. — Одним словом, пока я в клубе. Надеюсь встречаться с тобой постоянно, приятель.

— Как обстоят дела с Евгенией Росс?

Генри мгновенно вспыхнул. Его нервный тик возобновился.

— С глубокой скорбью извещаю, что она вышла замуж за краснолицего угольного магната из Австралии. Они отталкивающе счастливы, чудовищно богаты, живут, кажется, в Мельбурне и в придачу имеют двоих детей. — Он издал звук притворного отчаяния. — А меня дома даже волнистый попугайчик не встречает.

— Сочувствую, Генри. — Джек не выдержал и рассмеялся.

— Не стоит. Мы с Евгенией часто обмениваемся письмами. Сказать по правде, мы близкие друзья, и это почти так же хорошо.

— Джек! — послышался недовольный голос.

Все оглянулись.

— Белла! — воскликнула Айрис. — Прости, пожалуйста. Мы опоздали?

— По-моему, вам обоим было не до того.

В ее тоне Джек уловил гнев.

— Белла, это мой хороший друг, мистер Генри Берри.

На лице Генри мгновенно появилось выражение восторга.

— Я очарован, — сказал он, беря ее за ручку и склоняясь над ней. — Не знал, что в парк Каббон наведываются ангелы.

Джек внутренне застонал, но это замечание хотя бы вызвало улыбку на лице надутой Беллы.

— Слышал, вы приехали в гости? — продолжал Генри.

— Да, из Мадраса. — Несколько овладев собой, она вспомнила о хороших манерах.

— Что ж, замечательно, мисс Синклер. В течение ближайших нескольких недель я буду бывать в Мадрасе. Могу я пригласить вас на чай или, может быть, на пикник у озера? В моем распоряжении будет машина с шофером. Приветствуются любые сопровождающие. — Он стрельнул взглядом в Айрис.

— Это было бы чудесно, мистер Берри. По-видимому, я вернусь в Мадрас скорее, чем планировала. — (От внимания Джека не ускользнула эта явная колкость.) — Мой приемный отец — доктор Артур Гренфелл, он женат на Амелии... на Милли. Мы живем в Джорджтауне, и наша семья с радостью вас примет.

— Замечательно! Это свидание, мисс Синклер, — добавил он и осмелился даже поцеловать ее ручку, затянутую в перчатку. — Что ж, если позволите, я продолжу прогулку, — завершил Генри, на прощание

снимая перед дамами шляпу и, без сомнения, ощущая напряжение. — Не пропадай, Джек. Звони в клуб.

Пробормотав прощальные слова, все провожали взглядами Берри, пока тот не исчез за поворотом дорожки.

— Все прошло гладко, Уилли? — осведомился Джек.

— Думаю, я показал мисс Белле все, что ей нужно было увидеть, и кое-что из такого, что не нужно. — Это было произнесено с беспечностью, от которой у Джека упало сердце.

— Отлично. Настал момент открыть тайну твоего сокровища, — с притворной веселостью провозгласил он.

— Джек, я не слишком хорошо себя чувствую и хотела бы, если можно, поехать домой. — Рот Беллы скривился.

— Домой? В молочном баре «Лейкленд» нас ждет мороженое трех видов... К тому же ты, не сомневаюсь, догадалась, что мой портной хочет сегодня снять с тебя мерки, чтобы сшить красивое платье.

— Наверное, блинчики доса плохо на меня подействовали. — Ее кислая мина не исчезала. — Я серьезно думаю, что лучше будет вернуться. Но утро было замечательное, — сказала она и добавила не слишком искренне: — Очень тебе благодарна.

Им не оставалось ничего, кроме как вернуться на вокзал и отправиться домой двухчасовым поездом. Почти всю дорогу они молчали. Джек много чего хотел сказать Айрис, но сохранял ледяное спокойствие в вагоне и даже в повозке, исполнявшей роль такси, которую он подозревал, чтобы доставить дам обратно в Ургаум. Когда Брайант помог Белле выйти из экипажа, она почти на бегу шепотком попрощалась с ним и устремилась в дом Уокеров.

— Она знает. — Айрис сошла с подножки.

— Что именно? — Джека сердило детское поведение Беллы. — Она лишь видела, как мы танцуем.

— Совершенно верно, щека к щеке.

— Так что? — Джек заплатил вознице и жестом приказал ему отъезжать.

— Будет ее слово против нашего. Не говори ничего, Айрис. Пусть ее обвинения задохнутся. Отвечай на них лишь презрением. Ты взрослая. Вот и веди себя соответственно.

— Я удивлена, — кивнула Айрис. — Похоже, тебя все-таки волнует, что думают другие люди.

— Разумеется, волнует! Послушай, Айрис, если ты выберешь меня, то именно потому, что любишь. Но если нет, то я не намерен что-то сообщать Неду или создавать ему неприятности. Так я не хочу.

— А как же Генри?

— Берри — светский человек, — ответил он таким тоном, как будто это все объясняло. — Перестань тревожиться. Мы ничего не сделали.

— Джек! Как ты можешь так говорить? — произнесла она, явно ошеломленная, но проявила благоразумие и повернулась спиной к дому на тот случай, если мать смотрит из окна. — Я вижу, тот факт, что ты лишил меня девственности, ничего для тебя не значит. — От гнева ее лицо побледнело.

Брайант страшно хотел приласкать, успокоить ее, но знал, что этого делать нельзя.

— Я имел в виду лишь одно. То, что было, останется между нами, — произнес он тихо и твердо. — Я никогда не забуду минут, которые мы провели вместе. Никогда!

Айрис боролась со слезами.

Вежливо взяв девушку за руку, он наклонился, чтобы поцеловать ее, и при этом тихо произнес:

— Выбирай, Айрис. Не думай о других, о том, как это будет выглядеть со стороны. Сделай эгоистичный выбор. Речь идет обо всей твоей жизни. Нет ничего хорошего в том, чтобы жить во лжи. — Он еще раз пристально посмотрел на нее. — Знай, что я никогда не полюблю другую женщину так, как тебя.

Джек повернулся и покинул ее у ворот.

* * *

Айрис постучалась к Белле, но ответа не последовало. Тогда она открыла дверь.

— Белла?

— Уходи.

Войдя в комнату, она прикрыла за собой дверь. Белла лежала на кровати и сквозь полог от москитов смотрела в потолок.

— Так что все это значит? — осведомилась Айрис.

— Как будто сама не знаешь.

— Не знаю, иначе не спрашивала бы.

— Зачем ты изображаешь невинность, Айрис?

Настало время проявить твердость.

— Я и в самом деле не понимаю, о чем ты, юная леди.

— О тебе и Джеке, о том, что вы делаете у меня за спиной, но самое худшее — за спиной Неда.

Айрис почувствовала, как тревога в ней взмыла стаей птиц, но не потеряла самообладания и сумела изобразить недоумение. Выбора не было. Выдать себя нельзя. Она не готова потерять Неда.

— Что за дикие идеи?

— Айрис, думаешь, я не видела, как ты танцевала с Джеком щека к щеке?

Несмотря на накотивший леденящий страх, та насмешливо рассмеялась и заявила:

— Щека к щеке? Ты бредишь. Бедняжка Белла. Желая убить время, пока мы ждали тебя, я согласилась станцевать с мистером Брайантом один вальс, это все.

— С мистером Брайантом, говоришь? С того места, где я в тот момент стояла, это выглядело вовсе не таким формальным, — Белла разве что не кричала.

— Девочки, что за шум?! — воскликнула Флора, врываясь в комнату.

— Прости, мама. Если хочешь знать мое мнение, то расстройство произошло не столько в желудке Беллы, сколько у нее в голове, — сказала Айрис. — Она вбила себе в голову, что мы с Джеком Брайантом — любовники.

Шок, читавшийся на лице ее матери, поразил обеих девушек.

— Белла, надеюсь, у тебя есть основания для таких злых обвинений?

Айрис с удовольствием отметила, что самоуверенности у девицы поубавилось.

— Что ж. — Она замялась. — Я знаю, что видела. — Отодвинув москитную сетку, Белла села, свесив ноги с кровати. — Айрис и Джек

танцевали так, как будто это они помолвлены.

С выражением испепеляющего презрения отвернувшись от указующего перста Беллы, Айрис заговорила с матерью:

— Да, мы танцевали. С каких пор это стало грехом? Мама, Белла, может быть, и видела меня танцующей вальс у эстрады, среди бела дня, когда кругом было полно людей, но это не делает нас любовниками. Ее утверждение столь же нелепо, сколь и оскорбительно. Это чистой воды интриганство.

— Что? — взвизгнула Белла. — Для чего мне интриговать?

— Послушай-ка меня, избалованная малышка, — продолжала Айрис. — С тех пор как увидела Джека, ты ведешь себя так, будто тебе вдвое меньше лет, чем на самом деле. От твоих сегодняшних заигрываний с ним тошнило, поверь, не только меня. Могу заверить, твое детское поведение вызывало у него сильную неловкость. Весь сегодняшний день был ради тебя. Такие поступки непростительны. Так что чем скорее ты вернешься в Мадрас, тем лучше для всех, особенно для Неда, если это твой способ вознаградить его за любовь.

Вылетев из комнаты, Айрис бросилась к себе. Она часто дышала и почти не верила, что сказала и сделала все это. Девушка заперлась и только тогда позволила излиться слезам стыда. Струясь потоками по лицу, они смывали с щек нежные поцелуи Джека.

На следующий день Нед возвратился с работы довольно рано и обнаружил, что вещи сестры упакованы в сундук, а над домом нависло тяжелое облако напряжения. Белла первой увидела его на дорожке, мгновенно оказалась во дворе и бросилась ему навстречу, прежде чем Айрис успела выйти из гостиной, где она поджидала Синклера.

Он казался таким счастливым, как будто ничто в мире его не беспокоило. Было и еще кое-что. Наверное, эти фокусы разыгрывала с Айрис память, но теперь он казался ей выше, даже шире в плечах. После многочасовых попыток разобраться в себе девушке хватило одного-единственного взгляда, чтобы очень быстро выяснить важную вещь, тревожащую ее. Она его любит. В этом у нее больше не было сомнений, и все же с того мгновения, как ее губы встретились с губами Джека, она не очень-то верила самой себе. Темная истина заключалась в том, что и Брайанта Айрис тоже любила.

Как жаль, что невозможно разделить на две половины и отдать их каждому из них. Тогда она стала бы целой.

Любовь Неда сулила безопасность, надежность, неизменное восхищение и обожание. Джек всегда будет страстным, неуравновешенным и, вероятно, опасным. Она желала иметь под ногами твердый камень, опору, предлагаемую Недом, но любила также и бушующие моря Джека.

Тот предложил ей выбирать, и она знала, что он не шутит. Ни один из них не станет ждать — оба слишком горды для этого, и каждый по-своему раним. Она не совсем понимала, что точит Джека, но чувствовала, что это как-то связано с событиями, произошедшими когда-то дома. Иначе с какой стати ему зарабатывать кусок хлеба в колониях, если в семье, очевидно, водятся деньги?

Стоило ей прикрыть глаза, и оживали ощущения, связанные с Джеком, — как он прикасается к ней, целует, движется внутри ее. Ей пришлось прекратить это, потому что внезапно вполне реальная перспектива потерять Неда показалась Айрис немислимой. Синклер считал себя счастливейшим мужчиной на свете из-за того, что у него есть она. Джек полагал, что имеет полное право получить кого захочет... и выбрал ее. Теперь, когда он украл у Неда девственность

Айрис, быть может, его страсть остынет? Ни с чем не считаясь, Джек пожелал ее и победил. Уйдет ли он теперь на поиски новых приключений? Если верить Синклеру и многим другим в Полях, то Брайант ненадолго останется при ней. Готова ли она рискнуть любовью Неда? Разбить ему сердце? Стоит ли Джек такой жертвы?

Из гостиной она наблюдала, как Белла устраивает сцену, бросается Неду на шею, изливает потоки слез и слов, портит ему настроение. Раньше Айрис возненавидела бы ее за это, однако за прошедшие день и ночь успела примириться с подростковым буйством. Белла страдает — это так понятно.

Айрис услышала, как слуга открывает дверь, приветствует Неда. Затем раздался негромкий голос Синклера. Обращаясь к Белле, он просил оставить его на некоторое время одного.

— Здравствуй, Нед, дорогой, — послышался голос матери. — Я страшно из-за всего этого переживаю. Айрис ждет тебя в гостиной. Вам подадут чай.

Шаги матери постепенно затихли в коридоре.

Он остановился у двери и негромко позвал:

— Айрис!..

— Я здесь, Нед, — ответила девушка, чуть не плача.

Как она могла так с ним поступить? Внезапно ей захотелось, чтобы время повернуло вспять. Ее сердце с недавних пор стало разрываться между двумя мужчинами, но в этот момент оно кровоточило только от боли за Неда, за те страдания, которые она ему причинила, за непоправимый ущерб, нанесенный их отношениям, за горечь, которая обязательно отразится на его печальном лице. Надо как-то все это исправить. Джек выживет. Она тоже. Синклер — самый хрупкий из них. Они должны защитить его.

Нед переступил порог и осторожно произнес:

— Привет. Ты, наверное, знаешь, что мне рассказали.

— Да. Белла меня обвиняет. Ее стараниями в глазах родителей я превратилась в шлюху.

Он вздрогнул от грубого слова.

— Сестра хочет вернуться в Мадрас.

Айрис встала, желая поцеловать его, но остановилась, скованная приступом вины, и заметила:

— Видимо, ей стоит это сделать, Нед. Она отравляет здесь атмосферу. Наверное, ей скучно, или же Белла тоскует по Гренфеллам. Она недовольна всем, сколько мы ни стараемся.

— Но сестра здесь всего несколько дней! — воззвал он, по-прежнему сохраняя дистанцию.

Очень большую. Если она хочет, чтобы у них с Недом было будущее, необходимо найти способ преодолеть это расстояние. Именно завтрашний день вдруг стал для нее важнее всего на свете.

— Я знаю. Но она недовольна и выплескивает свое раздражение на нас.

— Можно услышать твой рассказ?

Не надо было переспрашивать, чтобы понять, о чем он.

— Ты хочешь знать, стали ли мы с Джеком любовниками, причем ни с того ни с сего?

— Я вовсе не про это спрашиваю. Я хочу услышать твою версию, вот и все.

— Ты знаешь, что, когда Руперт и Джек лежали в больнице, я навещала их обоих. К Брайанту я заглянула, чтобы поблагодарить его.

Нед кивнул.

— Помню, я сказала, что не знаю, как смогу отблагодарить его за спасение жизни брата. Джек был как в тумане от морфия, но произнес какую-то дурацкую фразу насчет того, что оплату он примет в форме одного вальса. Это была попытка избавить всю нашу семью от ощущения неоплатного долга.

— Так ты его заплатила? — Эти слова Неда прозвучали цинично, и ей это не понравилось.

Только не от него. Не от этого романтического, идеализирующего ее Эдварда Синклера, для которого она — само солнце.

— Да, — устало ответила Айрис. — Но ты сейчас сказал это так безобразно... точь-в-точь как твоя сестра. Во-первых, Нед, это мама в тот день заставила меня тащиться с ними, чтобы Беллу кто-нибудь сопровождал. Неужели ты всерьез считаешь, что в этой ситуации я могла бы подставить мою семью таким образом, на который намекает Белла? — Айрис так остро ощущала собственную неискренность, что была противна самой себе.

Но другого пути, кроме как продолжать в том же духе, не было.

— Джек потратил целый день на то, чтобы доставить Белле удовольствие, и она швырнула его ему обратно в лицо.

Нед попытался пригладить волосы цвета песка, но они тут же опять встали торчком. Она заметила, что он начал отращивать усы, может быть, чтобы избавиться от того мальчишеского, чего еще так много оставалось в его облике. Это задело самые чувствительные струны ее сердца.

— Разве ты не видишь сам, Нед? Белла убедила себя, что влюблена в Джека. Она заигрывала с ним самым вопиющим образом. Честно говоря, мне за нее было стыдно.

Нед со вздохом посмотрел в окно и сказал:

— Она такая юная и впечатлительная. Мне следовало предполагать, что знакомить ее с Джеком будет все равно что поднести спичку к сухому пороху. — Это прозвучало очень грустно и с долей покорности.

Он по-прежнему винил себя. Никогда в жизни Айрис не казалась себе такой низкой, как сейчас, однако продолжила:

— Она увидела, как мы танцуем. — Девушка в упор посмотрела на Неда. Именно в этот момент ей требовалось проявить наибольшую убедительность. — Середина дня, половина второго, кругом люди. Когда заиграли знакомую мелодию, я случайно заметила, что это любимая песня мамы. Джек, как и полагается вежливому человеку, спросил меня, не желаю ли я потанцевать. Я небрежно ответила что-то вроде того, что ведь должна ему танец. Это увидела Белла и тут же придумала нелепейшую историю. На самом деле все объясняется тем, что малышка заревновала и, вероятно, почувствовала себя оскорбленной пренебрежением. Мне очень жаль Нед, что тебе приходится это выслушивать. Я знаю, ты хотел, чтобы все мы жили одной большой счастливой семьей, но Беллу всю жизнь баловали, и теперь она думает, что так будет продолжаться всегда. Ты заметил, каким тоном девочка разговаривает со слугами?

Последнее замечание, по-видимому, попало в цель.

Глубоко дыша, она придвинулась на несколько шагов и заговорила уже мягче:

— Послушай, мне кажется, Белле еще надо подрасти, но эти ее обвинения многое портят.

— Белла не лгунья, Айрис, — спокойно ответил Нед.

— Значит, лгу я? — Этого она не ожидала.

— Я этого не говорил. Но ведь после всего того, что ты мне рассказала, она продолжает твердить свое. Это значит, что ее что-то всерьез расстраивает. Я не могу этого объяснить.

— Я тоже. Но, Нед, при всем моем уважении, ты ведь видишь ее впервые за очень долгое время.

— Мы с Беллой многое пережили вместе, говорили о разном, всегда общались. Думаю, я знаю мою сестру. Леопард не меняет своих пятен. Помни об этом, — сказал он, давая ей ясное предупреждение.

— Но страдает не только моя репутация, но и Джека.

У него на лице появилась тень улыбки, и Айрис ощутила, как от Синклера дохнуло цинизмом.

— Плечи у Джека достаточно широки. Кроме того, он привык к таким вещам.

— Что ж, я не обладаю широкими плечами, Нед Синклер, и отказываюсь принимать даже один бросок грязью. — Теперь она тяжело дышала.

Гнев девушки был неподдельным, но чувство вины давило на нее тяжелым грузом.

— Айрис, мы больше не будем спорить. — На лице Неда появилось такое выражение, словно он со всем согласился. — Это, как ты сказала, безобразно. Слово одного человека против слова другого. У меня нет никакого желания продолжать в том же духе. Я поговорю с Беллой. Если это ничего не изменит, она вернется домой. Возможно, мне удастся сделать так, чтобы сестра приехала на свадьбу... если она состоится.

Айрис, до этого момента слушавшая Неда со склоненной головой, гневно посмотрела на него и спросила:

— Что все это означает?

— Очень просто, Айрис. Носи мое кольцо. Докажи, что выбрала меня. А если нет, то прекрати колебаться и прими решение. Больше я ничего не могу сделать. Я люблю тебя. Я говорил это тебе, доказывал всеми возможными способами с того дня, как ты приехала. Я не герой, Айрис, а самый обыкновенный человек. Не особенно красивый, высокий, сильный или богатый. Кроме того, я не дурак, но и не слишком терпелив. Решай!

Его слова, напитанные осуждением, ужалили ее. Айрис решила, что Нед все знает, но дает ей возможность выйти из положения и при этом не роняет собственного достоинства.

Развернувшись на каблуках, он вышел. Она не делала попыток его остановить.

Из холла до нее донеслись голоса сестры и брата, потом шаги, новые разговоры, шумное движение. Айрис поняла, что сейчас ей надо быть сильной, осушила слезы и вышла в коридор.

— До свиданья, Белла, — произнесла она, наблюдая, как Джозеф выносит наружу сундук девушки. — Мне очень жаль, что твое путешествие завершилось так неудачно.

Тут Айрис заметила, что по лицу Неда скользнуло выражение благодарности. На него хотя бы произвело впечатление ее великодушие, чем его сестра в данный момент отнюдь не блистала.

— Мне не нравится, когда меня называют лгуньей. — Белла шмыгнула носом.

Флора заламывала руки, но молчала, что было на нее абсолютно непохоже.

— Возникло недоразумение, вот и все, — произнесла Айрис. — Но мне опять же очень жаль, что это тебя настолько огорчило и ты уезжаешь.

— Извиняться надо не передо мной, а перед моим братом.

Белла покинула дом, не оглядываясь. В репертуаре Айрис просто не хватало уничижительных слов, которые она внутренне швыряла вслед избалованной девице. Белла не сказала Флоре ни одного доброго слова, даже элементарного «спасибо» за гостеприимство.

Нед замялся, бросил извиняющийся взгляд на Флору, потом заговорил с Айрис:

— Белла отправляется ко мне. Думаю, так будет лучше всего. Она в самом деле хочет поехать домой. Так что я отправлюсь с ней в Бангалор и найду для нее попутчика в Мадрас. Не хочу, чтобы сестра ехала в такую даль одна.

Не рискуя что-нибудь сказать, Айрис ограничилась кивком.

В следующий момент Синклер тоже исчез, оставив ей ультиматум. Точно так же поступил и Брайант. Айрис почувствовала себя опустошенной. Решение уже было принято. Это произошло в Бангалоре, на веранде пустого дома, где она не нашла в себе сил

противиться Джеку. Ничего похожего на удовлетворение осознание этого, однако, не принесло. Мысль о том, что Айрис упадет в глазах собственной семьи, казалась ей невыносимой и не позволяла отказаться от Неда.

Вместо этого придется лишиться Джека. Слов не потребуется. Айрис станет его избегать, и он поймет, какое решение она приняла. Это единственный способ — избегать всякого контакта, не давать ходу предательским мыслям, залавливать их в ту минуту, когда они зарождаются. Смыть с кожи следы его ласк и никогда не надевать то бледно-голубое платье, чтобы не вспоминать, как он одну за одной расстегивал на нем пуговицы, а потом снимал его.

* * *

Джек хандрил. Он поменял смены на ночные — нарочно, чтобы днем ни с кем не встречаться. Так Гангаи будет иметь основания говорить визитерам, что господин спит. Но разве это был сон! Одно название. Джек пытался забыться, но никак не мог. Закрыв ставни и задернув занавески, он смотрел в темный потолок. Чтобы не мешать ему отдыхать, слуги соблюдали тишину, и если бы не тиканье больших часов на камине, то вообще можно было бы подумать, что в доме не осталось ни одной живой души.

Заводила эти часы Наматевы. Для этого она каждый день приходила в одно и то же время, и он узнавал о ее появлении по легкому звону. Как и старшая сестра, она носила на щиколотках золотые браслеты с колокольчиками. У нее была солнечная улыбка и приятный певучий голос, но обаянием сестры девчонка не обладала.

Элизабет была им недовольна. Он видел это, но не реагировал. Ей не нравилось, что он ходит небритым и неопрятным, работает по ночам и почти не прикасается к приготовленным ею блюдам. Но она ничего не говорила. Обо всем как нельзя эмоциональнее сообщали ее выразительные серые глаза.

Раньше у него в спальне распоряжался только Гангаи, теперь же во всем ощущалась рука женщины. В вазах стояли свежие цветы, которые менялись каждые несколько дней. Вещи, нуждающиеся в штопке и ремонте, таинственным образом исчезали и появлялись уже

починенными. Джек заметил, что дхоби стал являться за бельем для стирки не раз в неделю, как прежде, а дважды или трижды. В воздухе плавал аромат сандалового масла. Это вполне могло быть сделано и ради того, чтобы заглушить запах пота, алкоголя и тоника, но Брайант был убежден, что Элизабет таким образом хотела облегчить его состояние. Местные жители растирали кору сандалового дерева с какой-то пастой и мазали этой смесью лоб и виски обращенного, чтобы помочь ему преодолеть страх.

Было что-то смутно трогательное в том, что при всем своем осуждении она не переставала заботиться о его здоровье. Джек задавался вопросом, известна ли ей причина его плохого настроения. Почему-то ему казалось, что Элизабет видит и понимает все.

Все приятные чувства, связанные с приобретением дома, даже с известием о том, что на днях будет доставлен мотоцикл, поблекли перед отчаянием из-за Айрис. Он уже две недели не приближался к ее дому и был даже рад, что теперь его и Неда смены не совпадают, хотя для Брайанта это значило полную неизвестность. Он лелеял надежду на то, что она каким-то образом вступит с ним в контакт, хотя бы пришлет письмо. Но молчание было ужасно.

Он не соблазнял, не принуждал ее. Она отдалась ему по собственной воле. Брайант знал, что Айрис была бы его, если бы не Нед. Но по мере того как дни проходили, а известий от нее все не было, он падал духом.

Джек не в силах был больше лежать и в сотый раз передумывать эти мрачные мысли, поэтому встал. Слишком рано, учитывая, что он всего лишь несколько часов как вернулся со смены, но, может быть, удастся доспать позже. Сейчас Брайант был бодр как никогда и так злился, что не мог даже задремать. Распахнув ставни, он прищурился, прикрывая глаза от яркого утреннего солнца, и заметил чашу со свежей смесью ароматных лепестков. Он не мог понять, раздражен или тронут таким вторжением Элизабет в его частную жизнь.

Джек отправился по коридору в поисках Гангаи. Ему хотелось чаю. В кухне он обнаружил Элизабет. Скрестив ноги, она сидела на полу перед гранитной плитой. На ней лежали какие-то кусочки, чувствовался запах чеснока, лука, имбиря. Она приготавливала зеленую пасту, наверное, из кориандра. Вторым, маленьким и гораздо более гладким, куском гранита она водила по первому, и в результате этих

ритмичных движений трава очень быстро превращалась в ароматную массу.

Ошеломленная девушка подняла на него глаза. Джек редко заглядывал в кухню. Сейчас, прокравшись незаметно, он стоял в дверном проеме, полураздетый, небритый, с мутными глазами.

— Я ищу Гангаи.

— Он и Наматеве пошли на рынок, сэр. Мы не ожидали, что вы проснетесь так рано.

— Я тоже не ожидал.

Она грациозно сменила позу. Джек сравнил ее движения с извивами сильной змеи. Пальцы у нее блестели от сока кориандра, но золотистое сари сохраняло безукоризненную чистоту.

— Могу я подать вам чаю, сэр? Может быть, завтрак?

— Спасибо. Пожалуй, овсянку. Пойду умоюсь.

Она хмуро, не мигая глядела на него, пока он не повернулся и не пошел по коридору, остро ощутив свою неопрятность и почему-то чувствуя себя мальчишкой, которого отругали.

Когда Джек принял душ и побрился — впервые за три дня, — ему стало лучше. Дело шло к полудню, но на веранде, обращенной на запад, было достаточно прохладно. Он любил это время года. После муссонных месяцев ноябрь приносил с собой относительно прохладные дни и сухость. Так будет до сентября, когда дождь идет почти каждый день.

Появилась Элизабет с овсянкой и чайничком. В кашу она добавила измельченные бананы, сбрызнула ее золотистым сиропом.

— Я вам приготовила и доса. Вы недоедаете.

— Ты как мать, — кисло улыбнулся он.

— Если вы сляжете и погибнете от недоедания, я лишусь работы.

Доса пахли соблазнительно. С наслаждением откусив хрустящий блинчик, он ощутил бархатистый вкус картофельной начинки. Язык Джека воспринял остроту ароматного кокосового чатни, пряный взрыв словно вернул его из страны мертвых.

После возвращения из Бангалора питание Брайанта в основном составлял джин, изредка — какая-нибудь закуска, кушанья же, приготовленные Элизабет, по большей части возвращались на кухню нетронутыми.

— Меня удивляет, что мои отказы тебя не останавливают, Элизабет.

— Моя еда победит вашу волю, сэр.

— Овсянка по сравнению с этим определенно кажется безвкусной, — рассмеялся он.

На ее лице мелькнула краткая, неуверенная улыбка.

— Я купил дом в Бангалоре. Ты не отказалась бы поехать со мной туда?

— Вы покидаете Поля, сэр? — В ее словах прозвучало разочарование.

— Не знаю. Думаю... что обстоятельства потребуют. — Он знал, что говорит непонятно, и вздохнул. — Не уверен. Может быть, я даже уеду из Индии.

— Вернетесь в Англию?

— В Корнуэлл, на родину. — Ему было приятно произносить это слово. — Я скучаю по ней.

— Вы это сказали о месте, где родились, или о женщине?

Он застыл с вилкой, не донесенной до рта, и сказал:

— От тебя, как я посмотрю, трудно что-то скрыть.

— Я внимательная.

— У тебя есть ухажеры, Элизабет? Ты обещана кому-нибудь? Здесь у вас ведь так принято?

— В нашей семье так не принято, сэр. — Она нахмурилась. — Какая-нибудь семья может вести переговоры с моими родителями, но решение остается за мной.

Джек поднес к губам чашку свежесваренного чая.

— Рад за тебя. Восхищаюсь таким подходом. Меня всегда смущало, что браки у вас часто заключаются по меркантильным соображениям, а не по любви.

— На Западе многие женятся и выходят замуж просто ради удобства и денег. В Индии, по крайней мере, семьи вначале серьезно обдумывают, смогут ли поладить друг с другом. Деньги принимаются в расчет, но не только они. Я каждый день встречаю здесь белых женщин, сэр, которые готовы выйти замуж ради одного только статуса.

— Ты права. Что касается меня, то я женился бы только по любви.

— А вдруг эта женщина не предназначена вам, несмотря на ваши чувства?

Он швырнул чашку на поднос. Она разбилась, чай залил доса, вилка упала на доски веранды.

— Кто ты такая, чтобы задавать мне вопросы?

Она вздрогнула, но не отступила, стояла на прежнем месте, довольно далеко, если на то пошло, как можно дальше от него. Но девушка по-прежнему возвышалась над ним, сидящим в камышовом кресле и задыхающимся от ярости.

— Я никто, сэр.

— Вот это верно. Никто. — Он встал. — Кто дал тебе право?

— Наверное, это то же самое право, по которому вы высказываете замечания по поводу моей жизни, сэр.

— Ты моя служанка!

— Но не ваша рабыня, — поправила она, и ее глаза приобрели цвет туч, насыщенных дождем. — Я служу у вас. Работа мне нравится. Но вы, британцы, считаете себя намного лучше, умнее нас. Кстати, я с легкостью говорю на вашем языке, а вы не в состоянии произнести даже мое имя.

— Чего ты от меня хочешь? — внезапно взревел Джек. — Я все время чувствую, что ты чего-то ждешь.

Она покачала головой и молча потупилась.

— Скажи это! Как твой работодатель я требую, чтобы ты сказала, что бы это ни было. Какой огонь горит в твоём осуждающем взгляде?

Она подняла глаза. Дождевые облака разразились грозой, но голос, как и раньше, звучал спокойно.

— Она не сделает вас счастливым, как и вы ее. Вы слишком похожи друг на друга, оба чересчур жадные, привычные к тому, чтобы все шло по-вашему. Вам нужен кто-то, кто будет все время давать, и ей требуется то же самое, потому что вы оба из тех, кто берет.

Джек молчал, он просто остолбенел. Ее слова были сильнее его гнева. Они прорезались сквозь боль и решимость заполучить Айрис во что бы то ни стало, проникли туда, где еще оставались остатки разумной мысли, и там нашли отклик. Он хотел отмахнуться от истины, швырнуть в девчонку поднос. Вместо этого Брайант лишь сжимал и разжимал кулаки, сгорая от ненависти за то, что она видит его насквозь.

— Нед Синклер, по-твоему, может дать ей все, в чем она нуждается?

— Не мне об этом судить.

— С чего бы вдруг не тебе? Договаривай. Ответь мне. Нед Синклер — то, что ей надо?

— Он ваш лучший друг, сэр. Загляните в собственное сердце.

— Убирайся прочь. Вон из моего дома!

Звон колокольчиков сказал ему, что она ушла.

Наверное, девушка отправилась на рынок за сестрой и рассказала ей обо всем, потому что позже Гангаи вернулся с покупками один. Кто-то на велосипеде ехал вверх по холму, но Джек был слишком рассержен, чтобы обратить на это внимание.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать, сэр.

Джек рассеянно кивнул.

— Ты слышал, что я избавился от нашей служанки?

— Да, сэр.

— Не надо смотреть на меня таким взглядом, Гангаи. Подыщи другую.

— Да, сэр.

Не успел кто-либо произнести и слово, как появился гость. Это был Нед.

Брайант внутренне вздохнул.

— Джек, можно поговорить с тобой? Недолго, наедине.

Ни к чему было гадать, о чем пойдет разговор. В последний раз они виделись много дней назад, — если быть более точным, тогда, когда Синклер приходил сюда со своей приставучей сестрицей. Но одного взгляда на искривленные губы Неда было достаточно, чтобы понять, о чем пойдет речь. Он предоставит Неду играть в разговоре первую скрипку.

— Хорошо, пошли. Нам подадут кофе. Я сегодня выхожу в ночь, так что...

— Я не задержу. Не беспокойтесь о кофе, Гангаи, — неловко произнес Нед. — Разговор будет короткий.

— Хорошо. — Джек жестом пригласил Синклера на веранду. — Так в чем дело?

— Уверен, ты догадываешься, — начал Нед. Он прислонил велосипед к нижней ступеньке, но не стал подниматься, а лишь прижался к столбику. — Белла уехала.

— Вот как?

— Я посадил ее на вечерний поезд на Мадрас почти неделю тому назад.

— Очень жаль.

— Они с Айрис рассорились.

Джек кашлянул.

— Жаль, конечно, но женщины, в особенности молодые и хорошенькие, частенько бывают стервозными, Нед.

Тот проигнорировал это замечание.

— Знаешь, из-за чего?

— Представления не имею.

Друг неуверенно посмотрел на него.

— Из-за тебя.

— Из-за меня? — Брайант пытался говорить с искренним удивлением.

— Не надо. Пожалуйста!.. Все думают, что я ни о чем не догадываюсь, слеп и глух.

— Нед, послушай...

— Нет, Джек, это ты послушай. Я любил тебя, восхищался тобой. Ты был моим единственным настоящим другом, и когда-то я не колеблясь доверил бы тебе свою жизнь. Но что касается моей будущей жены, то тут я тебе не доверяю. Держись подальше от Айрис.

Накипевшие чувства Джека выплеснулись наружу.

— Какой бы яд ни пускала твоя сестра, у которой вместо мозгов мыло, все это...

— Вероятно, соответствует действительности, — холодно завершил за него Нед. — У меня нет доказательств, я не стану обвинять Айрис во лжи, но жизнь научила меня тому, что дыма без огня не бывает. Джек, я вижу, как в тебе пылает страсть. С тех самых пор, как ты познакомился с моей невестой.

Брайант понял, что больше нет смысла притворяться перед кем-либо, особенно перед самим собой.

— Я не вижу у нее на пальце кольца, Нед. Ты, случайно, не опережаешь события?

— А я вижу, что ты не отрицаешь.

— Я не обязан отдавать отчет в своих поступках ни тебе, ни кому-либо другому. С какой стати все воображают, что могут учить меня, как надо жить?

— Все? Я ничему не учу тебя, просто прошу держаться подальше от Айрис.

— Почему? Опасаешься, что лучший не победит? — Джек тут же возненавидел себя за то, что обидел Неда.

— Совсем наоборот. — Синклер печально посмотрел на Брайанта. — Меня ужасает перспектива того, что лучший победит. Ты просто вбил себе в голову, что она тебе нужна. Если ты действительно любишь Айрис, то оставь ее в покое. — Он поставил ногу на педаль.

— Небольшое предостережение, — холодно произнес Джек, задетый истиной, содержащейся в словах Неда. — Почему бы вам с Айрис не прекратить морочить друг другу голову и начать говорить правду?

— О чем ты?

— Мне известны о ней такие вещи, которых ты не знаешь, — загадочно произнес Брайант, увидел, как побелели губы Неда, и продолжил: — А между мною и тобой есть тайна, которая могла бы очень повлиять на мнение Айрис, если бы она ее знала...

— Не смей.

— Это ты не смей говорить так со мной, Нед.

— Я предупреждаю тебя. Это должно остаться похороненным.

— Или что? Придешь в ярость и убьешь меня?

— Замолчи, Джек!

— Я не боюсь тебя, Синклер. Не знаю, с чего ты решил, что имеешь на нее какие-то права. Она даже не носит твое дешевое кольцо. Ты спросил бы ее почему. Ты можешь продолжать обманывать себя, притворяясь, что оно велико, или взглянуть в глаза истине. Айрис не уверена, хочет ли она быть с тобой или с кем-то, кто бросит к ее ногам целый мир. Ты не способен на это. У тебя ничего нет.

Нед не сразу пришел в себя.

— Я не богат. Но моя любовь к ней...

— Только не заводи эту волынку, Нед! Одной любви недостаточно! — проревел Джек. — Взгляни на Айрис. Ты в самом деле считаешь, что она может удовлетвориться жизнью в домике, предоставленном компанией? Шить сама себе платья, рожать детишек, сидеть по понедельникам за лото ради выигрыша в двадцать рупий, чтобы заплатить дхоби?

Глаза Неда убийственно сверкали, но Джек не останавливался. Разговор пошел начистоту. Ему было все равно, пострадает ли от этого Айрис. Пусть! Почему бы ей и не помучиться, если он сходит с ума? Она должна была с ним связаться.

Голос Неда дышал лютым холодом.

— Всего этого хватало, пока ты не включил свои чары.

— Она желала встречи со мной, Нед. С того момента, когда мы протанцевали с ней в Ургаум-Холле, Айрис не переставала ко мне стремиться. Она была у меня в больнице одна. Тебе это известно?

— Она говорила мне.

— А о том, что прикасалась ко мне, приложила руку к моей груди, как будто хотела почувствовать, как у меня бьется сердце? Это было как электрический ток. Между Айрис и мной существует связь, какой между вами не будет никогда. Прими тот факт, что за обладание ею надо бороться, и веди себя как мужчина! Нед, завоюй ее по-честному. Без угроз, ультиматумов и жалких уговоров в надежде, что я отступлюсь просто потому, что ты попросил. Не принимай как должное, что имеешь право на ней жениться, слабак. Заслужи этот шанс.

Синклер качал головой, не веря своим ушам. Их дружба лежала в развалинах. Он дал волю собственному отчаянию.

— Я не выносил ее брата из недр земли и не спасал ему жизнь. У меня нет денег, которые я мог бы швырять направо и налево и производить на нее впечатление. Я не обладаю твоим обаянием и дерзостью в обращении с дамами, чтобы заставить ее хотя бы на шаг отдалиться от твоего ослепительного блеска. Но одно я знаю!.. Я останусь рядом и через много лет, буду верен, стану заботиться о ней, любить и давать все, что только могу. А ты? Кто знает! Начнешь разъезжать по Индии на своем мотоцикле, заводя на каждом шагу романы, пока тебе не надоедят и она сама, и ее семья. Тогда ты разобьешь ей сердце и умрешь от алкогольного отравления. Выбери. Что говорят тебе карты?

— Хорошо уже то, что ты дерешься.

— Как мы дошли до этого? — Нед тяжело дышал, имея вид человека, страдающего от глубокой душевной раны. — Мы были лучшими друзьями. Почему все должно так измениться? Ты можешь получить кого угодно. Даже служанка готова ради тебя костями лечь, я

уже не говорю обо всех тех девушках, включая мою собственную сестру, которые вздыхают о твоей персоне.

— Но я хочу Айрис.

— Точное слово. Ты хочешь ее так же, как мотоцикл или дом. Я заслужил ее, Джек. Я полюбил ее давно, еще до личного знакомства.

— Этого недостаточно. Пока она сама не выбрала, у тебя ровно столько же прав, сколько у любого другого, не меньше, но и не больше.

— В таком случае я сделаю так, что она предпочтет меня, — решительно заключил Синклер.

— Такой тон мне нравится, Нед.

— Если она выберет меня?..

— Я приму это.

— И больше не приблизишься к ней?

— Даю слово.

— Пожми. — Нед протянул руку. — В конце недели, на танцах в Нандидруге, ты получишь ответ.

— Так скоро? Однако! А если я ее завоюю? — спросил Джек. — Успех тебе не гарантирован.

— Тогда я навсегда покину Поля, — без колебаний ответил Нед.

Брайант пожал руку Синклера, и в этот момент оба почувствовали, что их дружба испустила дух. Джек не испытывал гордости оттого, что загнал Неда в угол. Сейчас он был ближе к обладанию Айрис, чем мог себе вообразить с той минуты, когда они холодно распрощались у ворот дома Уокеров. Все же, провожая взглядом удаляющуюся фигуру Неда, он не чувствовал радости победы.

Мотоцикл Джека, марки, прозванной «Весельчак Би», прибыл пару дней спустя. Несмотря на мрачное настроение, Брайант улыбался во весь рот, стоя рядом с Гангаи и мали, восхищенно покачивающими головами.

— Он очень-очень славный, сэра, — произнес мали, и вид его заношенного дхоти напомнил Джеку, что он и новый садовник нуждаются не только в двух набедренных повязках на каждого.

— У вас будет очень представительный вид, когда вы станете ездить по Полям на вашей красивой новой машине, сэра, — добавил Гангаи.

Джек кивнул. Слово «красивая» было здесь более чем уместно. Мотоцикл был снабжен двухскоростной коробкой передач в алюминиевом корпусе, выкрашенном в ярко-алый цвет. Он принадлежал к числу первых образцов этой модели, снабженных подножками с ограничителями для обуви. Как хорошо было бы разделить эту радость с Недом, но сейчас рядом не оказалось никого, кто действительно интересовался бы его делами. Джеку страшно недоставало спокойного присутствия Элизабет. Со времени ее ухода еда стала невкусной, домашняя работа встала. Гангаи старался как мог, но множество незаметных дел вроде завода часов, натирания полов, проветривания комнат, выбивания ковров и даже регулярного кормления кур оставалось несделанным.

Джек с удивлением обнаружил, что скучает также по свежим цветам и сандаловым благовониям. Часто ему вдруг начинал слышаться звон колокольчиков, он поворачивал голову на звук, думая, что увидит Элизабет, но обнаруживал, что все это одно лишь воображение. Дому определенно не хватало аромата блюд, поджаренных с пряностями, и только что натертых трав, даже чай опять стал едва теплым.

Только сейчас Брайант осознал, до какой степени принимал как должное гладкое течение дел в доме под спокойным, твердым управлением Элизабет. Ему было нелегко себе в этом признаться, но он опять принял бы ее на работу, если бы она вернулась. Но Элизабет, наверное, слишком для этого горда, а что касается него, то скорее ад

замерзнет, чем Брайант унижится до того, чтобы умолять ее возвратиться.

— Прокатитесь, как говорится, с ветерком? — В темных глазах Гангаи плясали искры возбуждения.

— Конечно!

Он проигнорировал кожаный шлем, но надел защитные очки. Его новая игрушка завелась с мягким урчанием, и Джек намеренно поддал газу, чтобы насладиться всеобщим восхищением. Число зрителей увеличилось с появлением трех сыновей мали и чокры. Когда мотоцикл плавно тронулся с места, четверо мальчишек побежали рядом, но вскоре остановились, задыхаясь в облаке пыли. Брайант же с ревом взмыл по холму вверх, создавая оглушительный грохот, ставший первым явлением, развеселившим его за последние несколько недель.

Поравнявшись с домами для руководящих работников в Марикуппаме, он круто повернул налево, миновал дом начальника шахты Топ-Риф и выехал на главную улицу, ведущую к холму Фаннелл. Мужчины с веранды шахтной больницы приветственно размахивали руками. Здесь, поворачивая на Робертсонпет, Джек снизил скорость. Ему доставляло мрачное удовольствие создавать как можно больше шума, когда, при въезде в Ургаум, он проезжал между офисом отдела электроснабжения и домом Уокеров.

Два человека в клубе, только что завершивших утреннюю партию в гольф, услышали его, наверное, за милю и сейчас вышли посмотреть, из-за чего такой шум. Но он затормозил только возле магазина, где навел страх на женщин, явившихся за покупками. Скорость была такая, что позволяла пронестись мимо Пяти Светильников и заскрипеть шинами на впечатляющем развороте. Не останавливаясь, Джек устремился обратно по тому же пути и остановился только на гравийной дорожке у собственного дома, к вящему восторгу аудитории.

Возбуждение от поездки помогло отбросить возникшие сложности. Перед работой Джек принял душ. Теперь он чувствовал себя и выглядел лучше, чем когда-либо за последнее время. Позже это весьма обнадежило его босса, который уже начал сомневаться, было ли так уж разумно делать Джека в его возрасте старшим инженером.

Брайант с пылом отдался работе. Неделя была напряженная, из главного офиса в Британии приехали посетители. Днями он трудился,

и голова у него была занята, вечером же мыслям о Неде мешала усталость. На него была возложена роль экскурсовода.

Прежде всего Джек продемонстрировал гостям свой отдел. Он с удовольствием видел, какое впечатление произвели на них две динамомашин, вырабатывающие электроэнергию, питающую моторы, которые приводили в движение ворот для подъема и спуска людей и руды. Джек предварительно проследил, чтобы пол, выложенный черно-белой плиткой, выскоблили дочиста, а также отмыли каждый дюйм генераторов, выкрашенных черной краской, чтобы они сияли, как пара начищенных сапог. Здания в викторианском стиле, возведенные в Полях компанией Тейлора, были одними из самых красивых, которые он видел в жизни. Громадные дома красного кирпича с готическими окнами и потолками, такими высокими, что казалось, будто они тают где-то над головой, вызвали со стороны гостей замечания, от которых он испытал гордость.

Брайант представил им различных людей, играющих ту или иную ключевую роль в функционировании шахт: охранников-пенджабцев, англо-индусов, наземных работников, обязанности которых заключались в регистрировании каждой поднимающейся или опускающейся клетки, в особенности же вагонеток с кварцем, направляемых по рельсам к дробилке. Там гигантские молоты разбивали куски породы и стоял такой грохот, что невозможно было говорить. Экскурсанты просто в изумлении смотрели на все это, а потом вслед за Джеком двинулись дальше, по другим помещениям и залам, в которых осуществлялись различные стадии технологического процесса выработки золота из руды.

Вход рабочим-индийцам сюда был строго запрещен, в основном функционирование этого участка шахты осуществлялось усилиями англо-индусов. Экскурсия завершилась на обогатительной станции, где золото после всех операций выгружали на «джеймсы», вибрирующие столы, где металл освобождался от примесей и грязи. Такой стол имел волнистую поверхность и был снабжен небольшими отверстиями. При тряске тяжелое золото выпадало сквозь них, грязь же оставалась на поверхности и удалялась.

Визит закончился в плавильной, где жидкое золото разливалось по формам. Охлажденные слитки клеймили и отправляли из Золотых Полей.

На всю экскурсию ушло почти три часа, но на следующий день Джека очень и очень за нее похвалили. Для него же это было не более чем развлечение. Он любил свое дело, гордился им и все это время практически не думал об Айрис.

Плечо уже болело меньше. Еще пара недель — и Джек будет как огурчик. Как-то в выходной он посвятил вторую половину дня организационным делам, связанным с новым магазином. Сначала надо переоборудовать заднюю часть дома. Брайант также приступил к переговорам, связанным с будущим снабжением, и остался ими чрезвычайно доволен, так что к вечеру, куря на веранде, он уже был спокоен, хотя и не в полном ладу с самим собой, однако с нетерпением ожидал субботних танцев. Джек не получил формального приглашения, и партнерши у него тоже не было. Он собирался туда отправиться просто потому, что знал: там будут Уокеры. Ему необходимо увидеть Айрис. С того дня в Бангалоре миновало почти четыре недели.

Новый смокинг доставили, белоснежную сорочку выгладили, а туфли отполировали так, что Брайант мог видеть в них собственное отражение. В этом Гангаи преуспел, чего нельзя было сказать о его попытках найти новую служанку.

— Как это — никого нет? — раздраженно осведомился Джек, когда понял, что ужин его дворецкий опять готовил сам.

— Я старался, сэр. Прямо сейчас нет подходящей девушки, но на следующей неделе служанка, которая умеет готовить, у вас будет. Обещаю.

Джек по опыту знал, что готовить Гангаи не умеет.

— Отнеси это своей семье. Я, пожалуй, перехвачу что-нибудь в клубе.

* * *

Подъезжая к клубу, на этот раз гораздо тише, он заметил, что в окнах дома Уокеров горит яркий свет, оттуда доносятся голоса, женский смех и время от времени — раскаты мужского хохота. Он медленно катил на своем мотоцикле, пока не остановился вовсе, укрывшись в тених на противоположной стороне улицы. Брайант

представил себе Неда среди этих людей и в то же мгновение почувствовал себя отрезанным от жизни большинства обитателей Полей. Самыми активными членами сообщества были англо-индусы, но он не чувствовал себя среди них своим, редко показывался на вечеринках и втайне завидовал Неду, умевшему найти подход к самым разным людям. Несмотря на свойственную ему спокойную манеру поведения, Синклер пользовался популярностью и уважением, его любили как британцы, так и индусы. В жизнь англо-индусов он тоже вписался.

Нед никого не задевал и обладал завидной способностью добиваться от местных чего угодно таким образом, что человек даже не ощущал, что ему что-то приказывают. Именно этим качеством своего старого друга Джек больше всего восхищался, но сам так не мог. Он подумал о том, как обращался с Элизабет. Она заслуживала лучшего отношения, но, как это бывало и с другими женщинами, Брайант опять продемонстрировал незавидную тенденцию портить отношения своим поведением, разрушающим его самого. Он знал, что она была одним из немногих людей в его жизни, которые проявляли искреннюю заботу о нем, несмотря на, казалось бы, непоколебимую решимость Джека сделать так, чтобы относиться к нему с симпатией было невозможно.

Нед намекал, что отношение девушки — не просто симпатия, но Брайант не был согласен с таким мнением. Когда он видел ее в Доме, на лице Элизабет почти не бывало другого выражения, кроме неодобрения. Он вспомнил, как Нед заступился за нее за ужином, и понял, что друг был прав. Пожалуй, Джек и в самом деле регулярно обижал ее своим пренебрежительным отношением. Она часто осуждала его, но внутренний голос напомнил, что ведь по справедливости.

У Уокеров, похоже, была вечеринка. Может быть, Джеральдина знакомила с семьей своего нового кавалера или, что вероятнее Руперт наконец-то стал покидать пределы своей комнаты и пригласил невесту в дом познакомиться с Айрис. Джек почувствовал укор совести за то, что со дня выхода из больницы не навещал Руперта. Вряд ли теперь его когда-нибудь будут привечать у Уокеров. Ну и пусть. Благодаря одиночеству он силен и независим или же просто убедил себя в этом.

Плавню заведя мотор, Джек отъехал в темноте и включил фару только тогда, когда оказался на изрядном расстоянии от дома Уокеров.

* * *

В субботу утром Айрис, разбирая чемодан, обнаружила вечернее платье, о котором совершенно забыла. Тщательно упакованное в атласный чехол, оно выпало во всем своем бледно-розовом великолепии. Глубокое декольте и короткие рукава были в прошлое лето последним пискон лондонской моды, и Айрис провела много вечеров за шитьем, усвоенным ею от матери.

Отличная память позволяла Айрис копировать покрой платьев, увиденных в витринах или журналах хозяйки. Не имея возможности особенно роскошествовать на свои жалкие заработки, она никогда не отказывалась от старого шелкового платья или шарфа, брошенных ей хозяйкой как милость. В результате Айрис создала небольшой, но блестящий гардероб, в котором все было сшито по последней моде.

Наряд, надо полагать, произведет на танцах фурор, такой он дерзкий. Молодые женщины в Полях все еще носили кружевные хлопчатобумажные платья, далеко не такие облегающие, как это. Силуэт платья, не подчеркивающий талию, подходил Айрис с ее мальчишеской фигурой. На память ей пришли долгие часы, посвященные нашивке бисера, от которого теперь платье магически посверкивало. Но громче всего говорили цвет и богатая шелковая ткань, из которой оно было сшито. Айрис переделала его из роскошного китайского халата, подарка хозяйки, и ни разу не надевала, опасаясь, что почтенная дама увидит, как повезло ее домашнему наряду в новой реинкарнации, и потребует его обратно.

Порывшись в чемодане в поисках подходящего шарфа, Айрис извлекла длинный, почти прозрачный отрез дымчатого шелка. Она свободно обернет его вокруг шеи, выпустив концы сзади так, чтобы они ниспадали по спине. Для довершения комплекта понадобится длинная нить жемчуга и такие же сережки — все это она позаимствует у матери.

Как будто прочтя ее мысли, появилась Флора Уокер и заявила:

— Айрис, дорогая, я обещала твоему брату приготовить дхал и перечную воду с рисом, а асафетида кончилась. Все меня сегодня покинули. — В ее лице и в голосе была мольба.

— Хорошо, я схожу в магазин, если ты повесишь вот это проветриваться. — С этими словами Айрис продемонстрировала матери платье.

— Только не говори, что собираешься надевать его! Это какая-то полоска.

— Мама, в Лондоне от этого с ума сходят.

— Вот в Лондоне пусть и носят такое. В нем ты будешь выглядеть голой.

— Нет, ослепительной.

С улыбкой Флора вздохнула, словно говоря: «Конечно же, будешь». Но пауза затянулась, и момент был испорчен. Айрис заметила, как губы матери подергиваются, словно она набирается решимости что-то сказать, и поняла, что сейчас прозвучит нечто важное.

— Айрис, прошу тебя, не тяни дольше. Ты еще не приняла решение?

— Я обещала Неду, что дам ответ сегодня вечером. Но, мама, не дави на меня. Я должна разобраться в себе, а не совершать столь важный поступок, исходя только из того, что ты и папа — да и все остальные, если на то пошло — в восторге от Неда.

— Такая любовь, как у него, большая редкость, дочка. Не стоит этим бросаться.

— Я знаю. Но все не так просто, как было у тебя. Ты вышла за папу, когда тебе было шестнадцать. Он был первым мужчиной, с которым ты поцеловалась.

— Что-то мне не очень нравится такой разговор. Надеюсь, обвинения Беллы и в самом деле беспочвенны.

— Хватит. Я просто хочу сказать, что в наше время все сложнее. Сейчас уже не надо выходить замуж за первого, кто этого пожелает, просто потому, что его одобрили родители. Я должна быть уверена в том, что хочу оставаться с Недом всю жизнь. Теперь, пока не передумала, давай я лучше пойду за асафетидой.

— Зайти в лавочку в Марикуппаме.

— Хорошо, но тогда одолжи мне на сегодняшний вечер нитку жемчуга.

— Договорились. Пожалуйста, сходи сейчас, не задерживайся.

Утро было чудесное. На улице царила такая восхитительная прохлада, что в воздухе будто пахло Рождеством. Айрис задумалась о том, придет ли Джек еще. Вчера вечером она его видела. Он не мог знать, что она находится в саду, вполголоса разговаривая с Джимом о предстоящем решении.

— Вон мотоцикл. — Сквозь ветки тамаринда Джим заметил в отдалении свет фар.

У Айрис скрутило живот. Был только один человек в Полях, который, как ей было известно, грозился завести мотоцикл. Так что они внимательно наблюдали, как Джек притормаживает, останавливается и смотрит на дом.

— Отличный мотоцикл, — шепнул Джим.

Только он один, кажется, не осуждал Джека.

— Надо же, как он по тебе чахнет, — поддразнил ее брат, и она в темноте ущипнула его.

Сейчас, подъезжая на велосипеде к магазину, девушка припомнила порыв желания, отравленного чувством вины, которое ощутила вчера. Она не забыла пылкие объятия Брайанта, поразительный момент триумфа, когда они слились в апофеозе близости. Каждый раз, когда Айрис поддавалась этим мучительным воспоминаниям, она словно заново ощущала Джека. Но с каждым проходящим днем эти чувства бледнели, а на их место заступали недавние — о том, что она пережила, когда поняла, что и в самом деле рискует потерять Неда.

Вчера, перед дневной сменой, Синклер зашел к ним. Он не стал задерживаться, просто осведомился, пойдет ли она на танцы в Нандидруге.

Она хотела поцеловать Неда, но в его манере было что-то такое, что не позволило ей это сделать. Айрис сказала, что планирует пойти с семьей. Он ответил, что его смена заканчивается в десять вечера. Он надеется встретиться с ней после работы и услышать ее ответ. Айрис сейчас вспомнила, как молча кивнула. Потом Нед исчез, а она занялась приготовлениями к ужину, на который ждали братьев и сестер с семьями. Ей предстояло познакомиться с давнишней подругой

Руперта, по всей вероятности, его будущей женой. У Айрис возникла к Дженнифер мгновенная симпатия. Несмотря на то что Руперт теперь стал инвалидом, чувства славной молодой женщины не изменились.

Появление Джека разворошило костер, начавший уже было угасать. Невозможно отрицать, что ее к нему тянет, но его любовь слишком велика, глубока, чересчур интенсивна.

Вчера, после того как он отъехал, она осознала, что все это время не дышала, и молча выдохнула.

Джим в темноте улыбнулся и спросил:

— Так что же будет, сестричка?

— Не твое дело, — отмахнулась она тогда, но сейчас, накручивая педали, уже все знала.

Ей недоставало лишь небольшого дополнительного знамения, подтверждающего правильность выбора.

* * *

Айрис удивилась, когда увидела в магазине служанку Джека, и не могла вспомнить, как ее зовут. Девушка наводила порядок на полках, из чего Айрис заключила, что магазинчик, вероятно, принадлежит ее семье.

Айрис оказалась единственной покупательницей, так что невозможно было притвориться, что она не замечает девушку, которая повернулась и устремила на нее серьезный взгляд.

— Гм, здравствуйте. Мы встречались во время несчастного случая.

— Здравствуйте, мисс Уокер. Я помню.

Айрис стало неловко оттого, что высокая женщина помнит ее имя и говорит на беглом английском. Она поколебалась.

— Чем могу вам помочь?

— Я... я думала, вы работаете у мистера Брайанта.

— Работала.

Прямой взгляд этой особы выводил Айрис из равновесия. Поразительные светлые глаза смотрели, казалось, сквозь нее, видели все.

— Прошу прощения, — пробормотала Айрис и на мгновение утратила дар речи.

— Вам нужно что-то конкретное?

От раздражающе спокойного тона, с которым это было произнесено, Айрис почувствовала себя еще более неловко.

— Да, — ответила она, унимая бурю в душе. — Асафетида.

— У меня есть, — кивнула женщина.

Айрис последовала за ней. Только сейчас она заметила, что до сих пор разговор шел в крохотном отделе письменных принадлежностей.

Айрис испытала неловкость еще в первую встречу с этой женщиной, когда та вот так же смотрела на нее, и с тех пор ничего не изменилось.

— Вот, — произнесла девушка. — Самого высокого качества.

Она протянула Айрис бледный порошок, важное дополнение к блюдам из чечевицы или овощей, облегчающее пищеварение.

— Спасибо. Мне маленькую ложку, пожалуйста.

Айрис приблизилась к прилавку следом за продавщицей. Та, изящно двигаясь и позванивая золотыми браслетами, положила пряность в пакетик и тщательно запечатала.

— Вы скучаете по нему? — спросила Айрис.

— По кому, мадам? — В серых глазах мелькнула вспышка.

— По вашему хозяину, мистеру Брайанту.

— Может быть, он скучает по мне.

— С какой стати ему скучать? — Айрис так опешила, что эти слова соскочили у нее с языка, прежде чем она успела подумать.

— А с какой стати, по-вашему, мне по нему скучать?

— Я... я просто хотела поддержать разговор, э-э...

Женщина кивнула и представилась:

— Меня зовут Канакаммал, мисс Уокер. С вас две анны.

Доставая деньги из кошелька, Айрис придумывала резкий ответ.

Когда Канакаммал вручила ей пакет, она выпустила когти:

— Сомневаюсь, что мне стоит запоминать ваше имя, юная леди, потому что у меня нет никаких причин когда-либо сюда возвращаться. В будущем, пожалуйста, не обращайтесь ко мне. Нам нечего друг другу сказать.

Канакаммал одарила ее улыбкой, и Айрис внезапно почувдилось, что этой девушке все известно о ней и Джеке... и что она их осуждает.

Вне себя от гнева, Айрис покатила по главной дороге, не тормозя до самого холма Фаннелла и надеясь, что ветер охладит ее пылающие щеки. К тому времени, когда она вернулась домой, ее тошнило. Вскоре Флора хлопотала над ней с намоченным полотенцем.

— Что с тобой происходит? — спросила она.

— Нервы, наверное.

— По какому случаю?

— Разве можно винить меня за это, когда мне надо принять такое важное решение?

Флора прикоснулась к щеке дочери и сказала:

— Милая, это нетрудно. Загляни в свое сердце. Оно тебе сразу даст ответ. Но если хочешь моего совета, Айрис Синклер звучит совсем неплохо.

* * *

Джек опоздал на танцы. Народу собралось больше, чем он ожидал. На этот раз сюда стеклось едва ли не все англо-индийское сообщество. Вскоре ему стало ясно, почему так случилось. В этот вечер играли Джеффри Мэтью и его биг-бэнд, так что музыка ожидалась хорошая. Даже сейчас, когда они еще только настраивали свои инструменты, звук был отточенный.

Брайант припарковал мотоцикл под деревом, и тот мгновенно стал центром всеобщего внимания. Молодые люди, подростки присвистывали и влюбленно смотрели на машину.

— Можно посидеть? — спросил один из них.

Джек кивнул.

— Только не поцарапай! А то я приду перемолвиться парой слов с твоим отцом.

Паренек ухмыльнулся и поспешил взгромоздиться на кожаное сиденье. Пока он издавал звуки, долженствующие изображать заводящийся мотор, его товарищи обступили мотоцикл.

Сунув ключ в карман смокинга, Джек вошел в зал. Он знал, что на него смотрят многие: одни с подозрением, другие с вожелением, третьи — с завистью. Брайант к этому привык и обводил глазами помещение, ни на ком их не останавливая. Ему была нужна только она.

Он увидел ее прежде, чем Айрис заметила его.

Она выглядела сногшибательно в своем простом платье, скрывающем миниатюрную фигурку, но подчеркивавшим гладкую кремовую кожу и грациозность шеи. Он вспомнил, как целовал эту шею, и опять почувствовал, как пульсирует под губами ее горло.

У Джека перехватило дыхание, когда она оглянулась и увидела его. Он заметил, что Айрис старается не выдавать волнения, сохранять невозмутимость, но между ними в ту же секунду возникло напряжение.

Ее внимание отвлекли припоздавшие знакомые и друзья. Джек бросил взгляд на часы. Без нескольких минут девять. У Неда осталось три часа и эти вот мгновения на то, чтобы сотворить чудо. В начале недели он очень уверенно заявил, что не позже чем к полуночи субботы завоюет ее руку. Джек так сильно в этом сомневался, что из благородства предоставил в его распоряжение всю неделю. Но вечер субботы настал, время «Ч» стремительно приближалось, терпеть или тянуть дольше Джек не собирался.

Он будет с Айрис... если она захочет. Нед, Уокеры и, конечно, его индийская служанка нисколько им не помешают.

— Не желаешь нацарапать что-нибудь на моей бальной карточке, Джек? — раздался голос.

— Извини меня, Шейла. Плечо все еще причиняет мне ужасную боль. Не обманывайся видом моего пиджака. Чтобы натянуть его, потребовались усилия нескольких человек и пачка болеутоляющего.

— Серьезно?

— Не получится у меня сегодня танцевать, — мягко произнес он, удивляясь, что взял на себя труд придать отказу такой убедительный и необходимый вид.

— Так, значит, в следующий раз?

— Я буду первым в очереди.

Негромко засмеявшись, она отошла в поисках другого партнера. Джек искренне почувствовал некоторое сожаление. От одного танца он не умер бы.

Брайант опять посмотрел на часы. Без четырех девять. Он покачал головой. Может, просто подойти к ней, пригласить на танец или осведомиться, не желает ли она прогуляться? Но это вызовет пересуды.

Нет, Джек не станет так поступать. У него на глазах еще один молодой человек отверг Шейлу Холл. Брайант почувствовал укор совести. Элизабет сказала, что он из тех, кто только берет! Джек не хотел верить, что она права. Чертова девчонка! Он пошел через зал к Шейле.

— Я передумал, — начал Брайант на глазах щербатого Мелвина Фернандеса, который был достаточно неучтив, чтобы также отвергнуть Шейлу.

Мелвин начинал толстеть, и ему следовало поторопиться, пока эти симпатичные англо-индианки не начали, в свою очередь, отвергать его. Все свое внимание Джек сосредоточил на трепещущей Шейле, которая выглядела так, словно сделает сейчас реверанс... или упадет в обморок.

— Ты такая хорошенькая, что я не в силах упустить возможность покружиться с тобой в танце. — С этими словами он протянул руку, и она, почти не веря, что это не сон, подала ему свою. — Пошли. Мне нравится эта мелодия, — добавил Джек.

В следующее мгновение они уже летели по залу. Сияя улыбкой, девица то и дело находила взглядом кого-нибудь из подруг и истерически смеялась. Джек кружился в полную силу. Шейла тоже хорошо танцевала, и Брайанту это нравилось.

— Шейла, ты можешь найти себе кого-нибудь много лучше Мелвина Фернандеса. Чтобы я больше не видел, как ты приглашаешь кавалеров на танец. Пусть они подходят к тебе.

Она вспыхнула.

— Просто я тоже люблю эту мелодию, а некоторые ребята никогда ни с кем не танцуют. Вот я и подумала, что Мэл, может быть, мечтает о танце.

— Мечтает, говоришь? Поэтому ты и пригласила меня? — ухмыльнулся Джек.

— Нет! Тебя я пригласила на пари.

— Вот как?

— Это скорее был спор, но на деньги.

— Отлично! Теперь, значит, ты получишь выигрыш?

Такой поворот искренне развеселил Джека. Он подмигнул и завершил танец эффектным пируэтом, покрутив партнершу и затем

наклонив ее назад. Чтобы окончательно потрясти подруг Шейлы, Брайант поклонился и поцеловал ей руку.

На обратном пути он бросил взгляд на Айрис. Та повела бровью и отвернулась. Чтобы вдохнуть свежего воздуха и посмотреть, что происходит с мотоциклом, Джек занял позицию у двери. Кроме всего прочего, отсюда было очень удобно и приятно наблюдать за Айрис.

У нее есть время до девяти, после чего начнутся медленные танцы. Джек пообещал себе, что тогда-то он и пригласит ее.

Осталось ждать тридцать одну секунду.

Дирижер оркестра постучал по микрофону и заявил:

— Леди и джентльмены, могу я попросить минуту вашего внимания?

Разговоры стали стихать, некоторые стучали по бокалам вилками, призывая к молчанию, которое постепенно и наступило.

— А теперь позвольте мне спросить, кто здесь прекрасная Айрис Уокер, только что из Лондона, возвратившаяся в лоно семьи и Золотых Полей, где все ее ждали и очень любят?

Поднялся шум. Уокеры озадаченно переглядывались.

— Ага, вот она. Не будете ли так любезны встать, юная леди?

Айрис, явно смущенная, поднялась, оглядываясь и гадая, что бы это значило. Глаза Джека сузились, он выпрямился.

— Итак, Айрис, у меня для вас специальное сообщение, — сказал дирижер.

Не понимая, что происходит, та легонько потрясла головой. Затаив дыхание, Джек искал взглядом Синклера. Может, Нед здесь? Хотя говорят, что бедолага сегодня на службе.

— Леди и джентльмены, могу ли я вас попросить по моему сигналу громко и внятно посчитать от десяти в обратном порядке? Итак — десять!

Толпа послушно принялась считать. Айрис смеялась, глядя на родственников, которые тоже выкрикивали цифры, но не лучше других понимали почему и зачем. Так что же все это значит?

— Четыре... Три... Два... Один!

Когда прозвучало последнее слово, погасли огни в зале и в Марикуппаме, все светильники и фонари в Золотых Полях. Мир на мгновение погрузился во мрак, но тут же опять вспыхнул светом и красками.

Люди смеялись, аплодировали и веселились, возбужденно спрашивая друг друга, что это было.

— Успокойтесь, господа, — с улыбкой произнес дирижер оркестра. — Все это устроил Нед Синклер, как многие из вас знают, новый управляющий отделом электроснабжения и возлюбленный Айрис Уокер. — (Тут Джек замер.) — Айрис, Нед попросил меня кое-что передать вам. Мистер Синклер очень сожалеет, что не смог быть сегодня здесь, но это именно он погасил огни в Золотых Полях, потому что вы для него сияете ярче, чем все звезды на небе.

Все женщины в зале испустили восторженный вздох, а многие мужчины усмехнулись и покачали головами, оценив столь умный ход Синклера.

— Нед говорит, что это мигание в девять часов стало его способом сказать вам, что он любит вас всем сердцем. Если вы согласитесь сегодня выйти за него замуж, то это будет повторяться каждый вечер в то же время, всю его жизнь, чтобы все вокруг знали, как он вас любит.

На глазах у Джека зал словно взорвался. Уокеры повскакали, Айрис сдерживала слезы счастья, кто хлопал, кто свистел. Не было ни одной девушки, на глаза которой не навернулись бы слезы. От юных особ прямо-таки исходило свечение, выразительно говорящее о том, как невероятно повезло Айрис Уокер, что мужчина так романтически за ней ухаживает.

Джек почувствовал, что скрипит зубами. Этот звук эхом прокатывался в его голове, заглушая громовые аплодисменты. Смеясь и плача, Айрис вырвалась из объятий доброжелателей, засыпающих ее пожеланиями счастья, но взгляд девушки искал Джека и вскоре нашел его. Брайант смотрел на нее.

Улыбаясь и отвечая на поздравления, она приблизилась к нему и встала совсем рядом с дверью. Он привлек ее ближе, на порог, ради мгновения уединения, хотя и не знал, что сказать. По печальной улыбке, от которой на щеках у Айрис все равно появились ямочки, Брайант понял, что жребий уже брошен.

— Прости, Джек.

Это был самый неподходящий ответ на чувства, которые он в этот момент испытывал.

— Почему его любовь значит больше? — спросил Брайант.

— Потому что ты сильнее, — ответила она. — Он нуждается во мне. Ты — нет. Я пришла сегодня на танцы и все еще мучилась, не зная, что решить, но потом увидела, как ты танцуешь с Шейлой, как от твоих слов она смеется, краснеет. Мне стало ясно, что без женщины ты никогда не останешься. — Она покачала головой. — А у Неда, боюсь, есть только я.

— Значит, ты его жалеешь?

— Нет, я не то имела в виду. Я хотела сказать, что Нед во мне нуждается, поэтому он всегда будет рядом. Я хочу иметь детей, Джек, и быть с моей семьей. Здесь мой дом. Очень важно, что Нед любит мою семью. Англо-индусы всегда держатся вместе. Я знаю, что тебе это не подойдет, оттолкнет тебя.

— Откуда ты знаешь?..

— Знаю. — Она подняла руку, демонстрируя Джеку сапфир. — Теперь я обручена с Недом. Я выйду за него замуж. Я люблю этого человека и в то же время нахожусь на грани того, чтобы потерять его — из-за этого безумия с тобой. Благодаря сегодняшней выходке Неда я поняла, как сильно люблю его и чем рискую. Оставь нас, Джек. Сохрани наш секрет в тайне. Я прошу тебя и надеюсь, что в этом вопросе ты будешь джентльменом. Иди своей дорогой и не делай прощание еще труднее. Я могу отказаться от тебя, но только с твоей помощью.

Он было запротестовал, но она не дала ему договорить:

— Держись от меня подальше, Джек, прошу тебя. Если любишь, отпусти.

Ей казалось, что мучительный разговор длился очень долго, но она прошептала все это на одном дыхании. Подружки Айрис, желающие полюбоваться сапфировым кольцом и расцеловать ее, уже начали отталкивать Джека.

Он помедлил еще мгновение, не зная, что сказать. Тут Брайант окончательно понял, что Нед, благодаря своему потрясающему романтическому жесту, победил.

Джек развернулся и ушел.

Вскоре Брайант напился до умопомрачения. Ему было все равно, чем накачиваться, лишь бы содержание алкоголя в отраве было достаточным, чтобы быстро притупить чувства. Прикончив бутылку скотча, он отправил вслед за ним остатки джина и пару стаканов белого рома.

Коктейль сработал. Не прошло и часа после его дикого, со скрипом шин, возвращения домой, как он уже, заметно пошатываясь, бродил по комнатам, наталкиваясь на предметы обстановки и шикая сам на себя. Джек забыл, что дома нет никого, кроме Гангаи. Тот, не выходя из тени, молча и недовольно следил за передвижениями господина, намереваясь вмешаться только в том случае, если тот как-то себе навредит.

Сквозь мутный водоворот, который представляли собой его мысли, Джек все-таки заметил время: чуть больше полуночи. На него напал смех. Сначала он смеялся тихо, а потом все громче и громче, пока смех не превратился в безумный хохот одержимого.

Внезапно, к немалой тревоге Гангаи, Джек вскочил с кресла в гостиной, в которое совсем недавно рухнул. Неровной походкой пройдя по коридору, Брайант миновал крыльцо и вышел на веранду, где порылся в карманах и нашел то, что искал. Он издал победоносный вопль, пошатнулся, едва не упав с лестницы, и на мгновение пропал из поля зрения Гангаи. Через пару минут заурчал мотор — Джек на мотоцикле набирал скорость, не зная, что дворецкий у него за спиной размахивает руками и кричит. Брайант взял на себя важную миссию.

Гангаи смотрел ему вслед до тех пор, пока свет габаритных огней внезапно не исчез — Джек свернул налево и покатил по направлению к холму Фаннелла.

* * *

В доме Уокеров царил веселье, звучали поздравления. Задолго до того, как закончилась рабочая смена, Нед узнал, что его затея, которой

предстояло навеки остаться под именем «девятичасовое мигание», сработала и он завоевал сердце Айрис Уокер.

Она бросилась к нему в объятия, как только увидела, что Синклер идет по дорожке к дому. На ней все еще был великолепный танцевальный наряд. Он никогда прежде не видел ее такой красивой, как сейчас, во мраке, с лицом, озаренным лишь лунным светом, когда она осыпала его поцелуями. В этих проявлениях нежности было что-то горячее, словно Айрис старалась убедить себя в том, что все это на самом деле.

Ему было все равно, что ею двигает. Нед мог лишь упиваться зрелищем ее красоты, радуясь, что она счастлива, влюблена, что на пальце у нее его кольцо. Он изгнал из сердца все сомнения, для которых больше не было места. Айрис приняла его. Что бы ни произошло в тот день в Бангалоре, Нед никогда этого не узнает, да он и не хотел знать, потому что Айрис в его объятиях, с его кольцом на пальце, шепчет его имя.

Все остальное неважно.

На веранде расположилась большая семья, которая его тоже любит. Все улыбались. Даже Руперт припрыгал из своей комнаты, опираясь на костыль, которым учился управлять уцелевшей рукой.

— Что ж, полагаю, событие можно считать официальным, — произнес Уокер на веранде. — По моему мнению, сегодняшние танцы превратились в помолвку. Поздравляем нашу любимую Айрис и ее прекрасного жениха Эдварда Синклера.

Все захлопали, зазвучали поздравления. Нед даже не покраснел. Он был слишком счастлив, переполнен чувствами, чтобы испытывать смущение.

Когда все двинулись в дом, Уокер на ходу отдавал распоряжения о напитках и закусках.

Нед на мгновение удержал Айрис и спросил:

— Я слышал, там был Джек, да?

Она кивнула.

— Как он себя повел?

— Спокойно. Согласился, — сказала она.

— Брайант говорил мне, что примет твое решение.

— Ты с ним разговаривал?

— Да. Мы решили предоставить выбор тебе.

— Ты беседовал с ним и не сердишься? Что он сказал?

— То, что я и думал. Я, по его мнению, не могу дать тебе той жизни, которую ты заслуживаешь. Возможно, в этом он прав.

— Нед!..

— Айрис, он может дать тебе больше в материальном плане, но я знаю, что эмоционально, духовно, физически... никто никогда не будет любить и поддерживать тебя так, как я.

— Знаю, Нед, знаю. Решение не было трудным.

У Синклера не хватило мужества сказать, что эта фраза подтверждает тот факт, что сомнения все-таки были.

Вместо этого он с облегчением улыбнулся.

— Я рад. Надеюсь, «мигание» было для тебя достаточно романтичным.

Она в ответ улыбнулась, и ямочки у нее на щеках выявились еще отчетливее. Нед сказал себе, что ее любовь к нему очевидна.

— Очень театрально! — Она слегка шлепнула его по руке. — Все девушки умирают от зависти. — Внезапно лицо Айрис исказилось, она стала хватать ртом воздух. — Ой, Нед, прости меня. — С этими словами девушка бросилась в кусты.

У нее начались позывы на рвоту.

— Айрис, как ты себя чувствуешь? — Встревоженный Синклер взял ее за плечи.

Она вздохнула, провела дрожащей рукой по лбу и сказала:

— Мне так жаль. Дай мне, пожалуйста, твой носовой платок.

Он дал, Айрис промокнула губы и вытерла лицо.

— Что с тобой?

— Это уже второй раз. — Она покачала головой. — Кажется, я заболела.

— У тебя температура? Может, поговорим с твоим отцом?

— Нет-нет. Пожалуйста. Пойдем. У них праздничное настроение. Давай не будем его портить. Мне уже лучше. Все прошло. Знаешь, наверное, это от нервов. Этот месяц мне нелегко дался.

— Знаю, моя дорогая. Я соблюдал дистанцию, но...

— Ш-ш! — Она приложила пальцы к его губам. — Давай не будем об этом.

— Почему?

В ответ Айрис привлекла его к себе и обняла.

— Давай не будем ждать, Нед.

— О чем ты?

— О том, что не надо откладывать свадьбу. Я не хочу долгой, растянутой помолвки. Сегодня мы обручились. Давай поженимся на Рождество.

— Но ведь до Рождества меньше четырех недель! — предостерег он, опешив от такого пыла, но восторгаясь в глубине души. — Айрис, я женился бы хоть завтра, но думаю о тебе, о твоей семье. Невестам ведь всегда надо так много времени!

— Только не мне. Давай поженимся до начала праздников, и тогда отмечать Рождество мы будем уже как мистер и миссис Синклер.

— Если ты этого хочешь, да будет так. — Он осыпал ее руки поцелуями. — Я договорюсь в церкви Святого Майкла на эту дату. Уверен, там нет очереди!

Они рассмеялись.

— Пойдемте, голубки, — послышался голос Джима. — Папа разыскал какую-то древнюю бутылку шампанского, которую собирается открыть. Он хочет, чтобы все выпили за ваше здоровье.

* * *

Выписывая кренделя, Джек въехал на дорожку, ведущую к дому Уокеров. Он едва ли заметил, что мотоцикл завалился набок, когда Брайант попытался сбить стойку, но промахнулся.

Свет пылал во всех окнах. В одном он увидел Неда рядом с Айрис. Они прямо светились от счастья. Все семейство было в сборе, каждый держал в руках полный бокал.

— За Айрис и Неда! — провозгласил Гарольд Уокер.

— За Айрис и Неда! — громко повторили все и подняли бокалы.

Брайант постоял, покачиваясь, понаблюдал, как члены семьи церемонно пригубливали бокалы. Затем Айрис с Недом, глядя друг на друга, как два влюбленных кролика, сделали то же самое. У Джека желчь подкатила к горлу. Он давно уже был без смокинга, в рубашке и модных брюках. Сорочка с одного бока выбилась наружу, а галстук-бабочка хлопал его по шее, поскольку попытка снять эту штуку не увенчалась успехом. Брайант сумел лишь расслабить ее.

Он крикнул в окно:

— Нед Синклер!

Не услышать этого было невозможно, и вся семья замерла на месте. Нед потупился, извинился и вышел.

Джек ждал. Он немного протрезвел и теперь мог понять, что очень-очень пьян.

На крыльце появился Синклер.

— Привет, Джек.

— А, победитель явился!

Айрис тоже вышла. Брайант не был уверен, но ему показалось, что Нед попросил ее оставаться на месте, а сам двинулся вниз по ступенькам.

— Ты пьян.

— Чин-чин! — воскликнул Джек и рыгнул.

— Джек, тебе не следовало приходить.

— Привет, Айрис, предательница! Будь осторожен, Нед, с этой искусительницей. У нее в сердце вероломство.

— Поосторожнее, Джек. Ты говоришь о моей невесте, и я прошу тебя проявлять уважение.

— Уважение? — повторил Джек. — Что вы можете знать про... это самое, когда оба лжете друг другу?.. — Он попытался подавить отрывку, но не смог этого сделать, поглядел в окно и заметил, что число гостей увеличилось. — Вам всем надо это услышать. Эй, Айрис! Говорил ли тебе Нед когда-нибудь о человеке по имени Brent, который использовал его друга, и в отнест... в омест... — Нужное слово не приходило ему на ум. — Одним словом, Brent умер, Айрис. Как удобно, правда?

— Прекрати, Джек, — тихо предупредил Нед.

Брайант посмотрел на своего старого друга. Качаясь, он был противен сам себе за то, что дал такую слабину из-за женщины.

— Ты дал слово, — вполголоса продолжал Синклер. — Мы предоставили выбор ей. Она предпочла меня. Теперь уходи, возвращайся в Корнуэлл и купи себе на отцовские деньги жену.

Никто этого не ожидал. Даже сам Джек удивился, глядя на свой кулак, недоумевая по поводу того, почему Нед вдруг оказался на земле с окровавленным лицом. Послышались крики. Джим, слуги, Айрис и,

кажется, еще пара сестер навалились на незваного гостя и оттащили его в сторону.

Появился Уокер. Лицо у него было суровое.

— По-моему, ты излил душу, Джек. Отправляйся домой и проспись.

— Иди, Джек, — процедил сквозь зубы Джим. — Конец игре.

Брайант как во сне смотрел на Неда, хватаящегося за челюсть. Его голова лежала на коленях Айрис. Она плакала, а Синклер залил кровью все ее чудесное платье. Глазами, полными мольбы, девушка смотрела на него.

— Уходи, Джек, и оставь нашу семью в покое.

— Айрис! — начал он, раскаиваясь в своем гневе, сожалея, что напился, страдая оттого, что потерял не только любимую, которая ушла к Неду, но и его самого, единственного друга, который у него был в жизни.

Но Айрис отвела взгляд, а заговорил ее отец:

— Я должен осмотреть Неда. Джим, проводи Джека до ворот, пожалуйста, и помоги ему с мотоциклом. Хотя его плечо еще не вполне зажило, и ему, наверное, не стоит сегодня ехать самому. Утром он может прислать кого-нибудь за мотоциклом.

Все засуетились, помогая Неду встать, и гуськом направились в дом.

Джеку оставалось лишь смотреть на все это мутными глазами.

— Я не хотел никого обидеть...

— Но обидел. Хватит, Джек. Тебе здесь правда не место, — добродушно, но твердо заметил Джим.

Брайант сбросил с себя его руки и заявил:

— Не прикасайся ко мне.

— Хорошо-хорошо. — Джим попятился, не опуская рук. — Но тебе надо уйти.

Джек предпринял попытку поднять с земли мотоцикл.

— Не думаю, что тебе сегодня стоит садиться за руль.

— Да мне плевать, что ты думаешь! — Брайант оскалился и наконец-то перекинул ногу через сиденье.

Машина завелась мгновенно. Для закрепления эффекта он наградил Джима еще одним тяжелым взглядом и скрылся во мраке ночи, чуть рассеиваемом лишь неярким светом фары.

Почти во всех домах к этому часу уже спали, погасив свет, что лишало Брайанта ориентиров. Но вместо того, чтобы ехать осторожно, он подбавил газу. Джек был почти дома, на углу, дорога от которого вела к вершине холма.

Он уже совсем плохо соображал, что делает. Мотоцикл забуксовал, потом накренился и стал падать вбок, одновременно скользя к обочине. Но первым в канаву свалился Джек, а уже на него рухнул мотоцикл.

Чуть раньше Гангаи видел, как хозяин приближается на высокой скорости. Джек не заметил его, проехав на ревущем мотоцикле мимо. Затем дворецкий услышал в отдалении визг шин и тяжелые звуки падения. Задолго до того, как он нашел Джека, умолкнувшие на время сверчки возобновили свою песню.

* * *

Придя в сознание, Брайант едва сумел открыть глаза и понятия не имел, где находится. Он слегка пошевелил головой, в результате все содержимое желудка подступило ему к горлу как следствие боли в шее, вызванной этим движением, или из-за похмелья.

Кто-то находился рядом и оказался достаточно предусмотрителен, чтобы предупредить извержение. Затем лицо ему вытерли, а лоб охладили куском влажной фланели. Все у него ныло. В голове словно стучал молот, бок горел, а в плече будто опять что-то сместилось.

Если когда-либо в жизни он был близок к слезам, то именно в эти мгновения, когда на память живо пришли события вечера и ночи. Он попытался заговорить, но вместо разборчивых слов получилось какое-то скрипение, хотел сесть, но его пронзила боль.

Через некоторое время Джек пришел в чувство и понял, что был без сознания.

— Вам лучше не шевелиться, — произнес голос, показавшийся ему знакомым, но он все же не мог точно сказать, кому тот принадлежит.

— Где? — выдавил Брайант.

— Вы дома.

Он попробовал сглотнуть. Горло пересохло.

— Кто это?

— Канакаммал, сэр. Гангаи настаивал, чтобы я пришла. Если желаете, я могу уйти.

— Нет. Остайся.

Она промолчала.

Прошли часы, может быть, даже сутки, в течение которых он засыпал и просыпался, находясь почти без движения, но все время ощущая утешительное присутствие. Девушка хранила молчание, неподвижная, как изображение на картине, пока не возникла необходимость подать ему воды или утереть губы.

Она задернула занавески, поэтому он не имел представления о времени, но в какой-то момент — наверное, это было уже на следующий день — почувствовал, что в голове у него прояснилось.

— Как долго я?..

— Сейчас понедельник.

Почти два дня. Работа.

Канакаммал словно прочла его мысли.

— Доктор Уокер поговорил с вашим начальником. Тот сказал, чтобы вы взяли пару недель отпуска — они вам все равно должны.

— Уокер?

— Мы должны были кого-то позвать.

— Что со мной?

— Ушиб головы. Сотрясение мозга. Сбоку у вас большая ссадина, и надо регулярно менять повязку.

— Моя рука?

— Просто открылась старая рана.

Джек кивнул, ненавидя себя, весь мир и в особенности Канакаммал за то, что она нашла в себе силы простить его, когда он этого вовсе не заслуживает. В последовавшие за этим долгие дни и еще более затяжные ночи он пребывал в мрачном настроении.

Канакаммал иногда дремала в кресле напротив. Временами она исчезала, и тогда из кухни приносились волны соблазнительных запахов. Джек не очень-то был расположен это признавать, однако все же понимал, что если бы не Канакаммал, то его выздоровление было бы отнюдь не таким быстрым.

Чтобы ежедневно наблюдать за состоянием Брайанта, Уокер прислал своего молодого коллегу, который вскоре объявил, что

пациент пошел на поправку. В числе рекомендаций были отдых, обильное питье, солнечные ванны в области спины и нетрудные физические упражнения. Через неделю Джек уже опять был на ногах. Говорил он немного, но выполнял все, что от него требовалось, чтобы полностью поправиться. Час в день Брайант проводил за письменным столом, отдавая распоряжения по поводу магазина и нового дома, так что в итоге работа кипела и там. Он решил, что магазину лучше всего быть универсальным. Учитывая расположение здания на вершине холма, было бы логично назвать заведение «Фаннелл».

Он научился опустошать ум, изгнал все мысли насчет того, что коллеги могут подумать по поводу его поведения в пьяном виде и последующего несчастного случая, исключил все нежелательные мысли об Айрис и Неде. Если образ кого-либо из них грозил привлечь его внимание, он отвлекался, раскладывая пасьянс или делая что-нибудь по дому. Джек старался дать себе время, необходимое для того, чтобы полностью дистанцироваться от воспоминаний о том ужасном субботнем вечере, в особенности же стереть воспоминания о том, как он двигался внутри Айрис, целовал, хотел ее.

Но разумеется, полностью закрыться от людей было невозможно. Однажды, когда молодой медик был на срочном вызове, навестить больного явился Гарольд Уокер. С Джеком он вел себя сугубо по деловому, разговор шел только о ранениях Брайанта.

— Мне кажется, вы сейчас уже в достаточно хорошем состоянии, чтобы полностью вернуться к работе, Джек. Уверен, вы можете выполнять свои обязанности в машинном зале.

— Благодарю вас, — ответил тот.

— Что ж, всего доброго. Мне больше нет необходимости вас навещать. — С этими словами Гарольд двинулся к выходу.

Джек, рука которого для пущей безопасности все еще находилась на перевязи, вышел проводить его на веранду.

— Доктор Уокер?

Старик обернулся.

— Я хотел бы извиниться за свое поведение.

— Думаю, для всех будет лучше, если мы больше не станем об этом вспоминать. Наша семья желает забыть об этом.

— Разумеется, но, видите ли, я не могу забыть, а потому хотел бы, чтобы вы знали, что я действительно раскаиваюсь в своем безобразном

поведении. — Он слабо, невесело улыбнулся. — Более того, со всей честностью могу сказать, что я очень жалею о том, что познакомился с вашей дочерью, сэр. Она пробила у меня в сердце темную дыру. — Он не собирался этого говорить, но было уже поздно, слова выскочили.

Уокер изучающе посмотрел на него.

— Джек, совсем недавно вы спасли жизнь моего любимого сына, за что наша семья перед вами в неоплатном долгу. Но мне не кажется, что мы — и менее всех моя дочь — обязаны теперь пожизненно демонстрировать вам свою благодарность. Что сделано, то сделано. Вы действовали как герой. В результате вы оба выжили и смогли обо всем рассказать.

Джек кивнул.

— Моя дочь скоро должна выйти замуж за Эдварда Синклера. Если на то пошло, очень скоро. Они предпочли короткую помолвку, о чем я очень жалею, поскольку это лишает мою жену удовольствия побаловать дочь во время подготовки к свадьбе. Они должны были бы в полной мере насладиться этим. Тем не менее решение принято, и свадьба состоится через две недели. У меня возникло отчетливое ощущение, что эта прекрасная молодая пара вынуждена поступить так. Причина, по которой я говорю это вам, Джек, заключается в том, что достаточно на них взглянуть, чтобы увидеть их взаимную преданность. Я хочу, чтобы вы не омрачали своим присутствием наш семейный праздник и не создавали Айрис и Неду дополнительных проблем. Это ясно?

Джек не сдержался, оцетинился и спросил:

— Или что?

— Или вы будете иметь дело со мной, сэр! Не знаю, чего вы добивались, раскапывая этот старый случай с мистером Брентом из Рангуна. Но все поняли, что, по вашему мнению, Нед должен за что-то ответить. Меня это не интересует. Говоря откровенно, все в прошлом, сколько ни копайся, того человека к жизни все равно не вернешь. Но можете смело поставить свою последнюю рупию на то, что я кое-что предприму, если вы будете упорствовать в своем желании привлечь внимание к этому событию.

— В самом деле? И что же?

— Вы, может быть, забыли, что Сабу служит у меня уже много лет. Он был с нами, когда родился наш первый ребенок, надеюсь,

первого нашего внука мы тоже обнимем при нем. То, что произошло между вами и Сабу, — ваше дело... но также и мое, поскольку оно приключилось в моем доме, а слуга должен быть верен мне. Я знаю, что он солгал, чтобы спасти вас, о вашем визите в дом, несмотря на то что в разговоре с полицией вы изобразили события иначе. Я предпочел все эти годы молчать, поскольку не видел смысла мутить воду, если полиция решила, что все чисто, и еще потому, что с Неда все подозрения были сняты. Но если вы опять вздумаете создавать проблемы для этого прекрасного молодого человека, то я подниму старый случай. На этот раз прозвучит ваше имя. — Голос Уокера упал до яростного хрипа, а лицо побагровело. — Держитесь как можно дальше от моей Айрис и ее будущего мужа, Джек Брайант.

Он повернулся, сел в машину и отъехал, не взглянув в сторону Джека, который словно примерз к веранде. Все его физические недомогания отступили перед дикой яростью.

Пытаясь отвлечься от эмоционального смятения, Джек погрузился в работу и в течение следующей недели демонстрировал такое усердие и квалификацию, что управляющий шахтой упомянул об этом в докладе, отправленном в главный офис. Все сходились во мнении, что в назначении его старшим инженером содержался элемент риска. Джек хотел, чтобы все удостоверились, что оно того стоило.

Его дневная работа постепенно вошла в свое русло, зато ночи тянулись уныло, и его настроение колебалось между мрачной яростью и отчаянием.

Все это время Канакаммал неизменно была рядом. Чаще всего она молчала, лишь передвигалась по дому подобно видению и не спала ночами, приглядывая за ним. Девушка готовила кушанья, к которым он едва притрагивался, приносила чай и кофе, которые остывали, и убирала за ним, когда Брайант, измученный бессонницей, сбрасывал наконец одежду и ложился в кровать, на свежее белье, только что постеленное ею. В комнате вновь появились цветы, опять пахло сандаловым маслом, хотя Джеку не удавалось обнаружить источник этого аромата.

За все это время Брайант ни разу не видел Айрис или Неда, ограничив свои передвижения Марикуппамом. Он лишь время от времени посещал магазин на холме, чтобы проверить, как идут работы. Пил Джек только дома... в одиночестве.

Двенадцатого декабря в Золотых Полях стали появляться рождественские украшения. Каждая шахта ставила гигантскую ель с массивными огнями. Джек проследил, чтобы его люди вложили свою лепту в украшение ели у Топ-Риф, чтобы семьи работников шахты могли повеселиться, но только благодаря Канакаммал дом самого Брайанта, в котором царило унылое настроение, снаружи выглядел таким же нарядным, как и его соседи.

Дни ползли один за другим, звучали гимны, шахты приступили к подготовке к рождественским празднованиям, самой радостной части года в Золотых Полях. При мысли о приближающемся веселье Джека бросало в дрожь. Каждый вечер, когда крыши города окрашивались

цветами заката, он думал о том, что до свадьбы осталось еще на день меньше.

В тот день, когда Уокер сказал ему, что Айрис и Нед поженятся, решимость Брайанта поколебалась. Дело лишь усугубилось тем, что следующие два дня были выходными и он мог в досталь подумать о счастливой паре. В своем саморазрушении Джек дошел до того, что его даже посещали мысли явиться посмотреть, как все будет происходить.

Пил он, однако, сравнительно умеренно и не сомневался в том, что Канакаммал пригрозила Гангаи чем-то худшим, чем смерть, потому что тот не спешил восстанавливать запасы алкоголя.

— Гангаи! Ты принес джин?

— Я... я принесу завтра, сэр.

— Нет, сегодня. Отправляйся в Робертсонпет, купи мне по бутылке джина и скотча и не придумывай оправданий, почему ты их не принес. — Он отсчитал купюры. — Вот. Если будет сдача, оставь себе на бутылку араки.

Гангаи заулыбался и поспешил на велосипеде за джином. Через несколько минут явилась Канакаммал с тарелкой лукового бхали.

— Подать вам сегодня ужин раньше, мистер Брайант?

— Пожалуй, сначала схожу прогуляюсь.

— Если вы еще не поднимались на холм, сэр, то знайте, что там очень красиво. С вершины открывается чудесный вид.

Джек внутренне улыбнулся. Ее настойчивость вызывала в нем восхищение. Как и Гангаи, она целыми днями не сводила с него глаз, отслеживая любые изменения в его стойко-угнетенном состоянии. Теперь девушка поняла, что момент настал, и надеялась помешать ему оказаться сегодня в окрестностях церкви Святого Михаила.

— Я ненадолго, — нарочито легкомысленно произнес он, безуспешно пытаясь затянуться.

Она не мигая наблюдала, как он выплевывает дым и подергивается под ее строгим взглядом.

— Я вижу тебя насквозь, Элизабет, знаю, о чем ты думаешь. К сожалению, спасти меня от себя самого ты не можешь. Это никому не под силу. — Джек бросил сигарету, погасил окурок каблуком и опять взглянул на нее. — Почему ты еще не замужем? — Когда она не ответила, он покачал головой и заметил: — Местные мужчины,

наверное, с радостью отправили бы такую женщину, как ты, просить милостыню.

— Я не стану просить милостыню ради любого мужчины, сэр.

— Кто бы сомневался. — Брайант удрученно вздохнул. — Но я сказал это как комплимент. Ты действительно очень необычная девушка, и Нед прав. Я принимал тебя и все, что ты делаешь, без благодарности. Так что позволь мне сказать это, пока я еще не напился. Я рад, что ты вернулась и находишься здесь.

— Я тоже рада, сэр. Мне не нравится обслуживать покупателей в магазине отца.

— Почему?

— Они разговаривают со мной свысока. Особенно полукровки. Для них я всегда только служанка.

Услышав использованный ею оскорбительный термин, Джек добродушно крикнул и поинтересовался:

— Ты не любишь англо-индианок?

— Я не люблю всех, кто думает, что они лучше меня. Моя кровь красная, такая же, как и у них. Девять месяцев назад в больнице открыли станцию переливания крови. Мой отец был первым в очереди сдавать кровь, я — следующей. Можно не сомневаться, что, когда дело доходит до спасения жизни драгоценного сына или дочери, никто уже не думает о том, чью кровь им перельют, и индийская их вполне устроит. — Девушка говорила негромко и внешне спокойно, но Джек ощутил ее гнев.

— Поэтому ты не хочешь больше работать в магазине?

— Может быть, я открою собственный магазин, сэр. Тогда никто не будет смотреть на меня свысока.

— Молодец.

— Пойду приготовлю вам поесть. — Она исчезла.

Джек попытался подложить руку под голову, но плечо запротестовало так бурно, что это напомнило ему о тех минутах на веранде, когда Айрис сумела прогнать всю его боль.

Айрис.

Сегодня она выйдет замуж. Вечером ляжет спать в одну постель с Недом. При мысли об этом Брайант закрипел зубами. В его воображении возникла праздничная суета, хлопоты по украшению церкви, подготовке к венчанию — можно не сомневаться, в Ургаум-

Холле. Куда Нед поедет с ней на медовый месяц? Какое путешествие он может себе позволить?

Сам Джек отвез бы ее в Шринагар, в летнюю столицу Кашмира, о которой ему рассказывал Генри, в один из тех величественных плавучих домов, когда-то принадлежащих махарадже, на спокойном и прозрачном как кристалл озере Дал. Они задернули бы занавески, и он любил бы ее медленно, нежно. Возникший образ был таким живым, что Брайант едва не застонал. К реальности его вернул отдаленный колокольный звон. В субботу он может означать только одно — свадьбу.

Не зная, что делать, Джек встал, автоматически вышел из сада и пошел... вниз по холму, к главной дороге в Полях, которая приведет его в Ургаум.

* * *

Айрис в одном белье смотрела на себя в зеркало. Сзади стояла мать с маленьким горшочком в руке.

— Неужели ты правда это сделаешь? — со смехом спросила Айрис.

— Моя мама и бабушка сделали для меня то же самое, — отвечала Флора. — Это традиция. Поэтому я хранила эту чудесную пудру, которую папа привез из Англии именно для такого случая. Это весенняя фиалка, Айрис. — Она рассмеялась. — Знаю, кажется, что в этом есть какое-то противоречие, но фиалковый аромат — один из самых нежных, и он тебе подходит. Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. — Айрис улыбнулась.

— Но ведь тебя тошнило.

— Всего лишь нервы, не более того.

— Напряженная подготовка к свадьбе тебя переутомила.

— Просто мне не хочется дополнительных конфликтов с Джеком, — пожала плечами Айрис.

— У него нет никаких прав!

— Перестань, мама. Это в прошлом.

— В таком случае будем надеяться, что он усвоил урок, — заключила Флора.

— Давай начнем ритуал, — сказала Айрис.

Мать отступила на пару шагов, набрала из горшочка хорошую щепоть пудры и мягким движением подбросила. Душистое облако каскадом заструилось вниз вдоль спины Айрис, частично оседая на коже. Флора повторила это действие несколько раз, медленно обходя вокруг дочери, пока все ее тело, начиная от шеи, не оказалось слегка припудренным.

— Теперь я чувствую себя батоном хлеба, — усмехнулась Айрис.

— Но пахнешь ты совсем иначе. Сегодня вечером кожа у тебя будет шелковистой и ароматной — твоему мужу понравится.

— Мы не будем вести такие разговоры, хорошо? — вспыхнула Айрис.

— Если не хочешь, не будем.

— Мы с Недом сами разберемся.

— Ты такое прекрасное дитя. — Мать нежно прикоснулась к ее щеке. — Приняв решение выйти за Неда, ты поступила очень мудро. Он никогда не перестанет любить тебя, Айрис. Это стоит дороже всех богатств и любого статуса в мире. Ты богата, если имеешь мужчину, который носит тебя на руках.

— Я знаю, мама.

Флора улыбнулась, остановила на дочери долгий взгляд, потом внезапно вышла из задумчивости и произнесла:

— Так, теперь духи. Не говори папе, но я заказала флакон. Он стоит бешеных денег, дочь моя!

Айрис смотрела, как мать, покопавшись в верхнем ящике колода, достала оттуда крошечную коробочку. Внутри оказался еще более миниатюрный пузырек. С помощью пробки мать нанесла ничтожные количества ароматной жидкости на запястья дочери туда, где бился пульс.

— Вот. Ты пахнешь божественно.

— Ой, как чудесно, мама. Спасибо.

— Это твое. — Флора вложила крошечный флакон в ладонь Айрис. — Свадебные духи. Надо будет найти что-нибудь и для твоих сестер тоже.

Айрис поцеловала мать.

— Спасибо, что сделала все это за такой короткий срок.

Флора обняла ее.

— Просто мы хотим, чтобы ты была счастлива и довольна.

— Так я себя и чувствую.

— Пора заняться платьем.

Следующие пятнадцать минут протекли почти в полном молчании. Флора и Айрис принялись застегивать все крючки и петли туго прилегающего корсажа с отделкой из жемчуга и стекла. Ниже он превращался в юбку, напоминающую морскую пену, под стать настоящей принцессе. Когда последние крючки были застегнуты, Айрис почувствовала, как атласный край врежется в талию, и внутренне застонала.

Флора в восхищенном молчании лишь смотрела и смахивала невидимые пылинки.

— Милая, у тебя ведь сегодня не должно начаться?..

— Нет, мама, — поспешила ответить Айрис.

Флора просияла.

— Замечательно, меньше будет хлопот. Мне хотелось бы внука побыстрее — так скоро, как у вас получится.

Не зная, что сказать, Айрис лишь молча смотрела на мать. Флору это, по-видимому, ничуть не беспокоило.

Отступив на шаг, она опять погрузилась в восхищенное созерцание дочери, потом заметила:

— Мне понадобится помощь с вуалью. Я не очень-то высокая.

Словно в ответ на эту фразу, раздался стук в дверь. Это были две сестры Айрис.

— Мы готовы, — сказала Джеральдина. — Две твои маленькие принцессы тоже.

— Заходите, заходите. Покажитесь, — сказала Айрис, после чего все разразились восторженными воплями при виде ослепительной невесты. — Вы выглядите как картинки. Я рада, что бледно-розовые платья вам подошли. Они прелестные.

— Цветы внизу, — заметила одна маленькая кузина. — Мой пучок как раз подходит к нимбу.

Все рассмеялись.

— Букет, дорогая, — поправила тетя, но не стала мешать племяннице считать свой венок нимбом.

* * *

В другом доме мужчины — тоже главные участники торжества — уже несколько часов как были готовы.

— Отлично выглядишь, Рупи, — заметил Нед.

— Для человека с одной рукой и на костыле, думаю, я здорово смахиваю на обычного шафера, — заметил тот.

Нед чрезвычайно восхищался Рупертом. Тот принял решение жить, и сухой юмор служил для него орудием защиты от грусти. Синклер часто задавался вопросом, смог бы он сам вести себя так же мужественно. Ему казалось совершенно естественным, что без Джека, самой подходящей кандидатуры на должность шафера, надо предложить эту роль Руперту Уокеру.

— Ты пригласил его? — спросил тот.

Неду не потребовалось разъяснений, чтобы понять, о ком идет речь.

— Нет. Но я ничуть не сомневаюсь, что Джек явится.

— Он с ума сошел.

— Брайант без ума от твоей сестры, это правда. Именно поэтому, подозреваю, она и захотела поспешить со свадьбой. Чем скорее он смирится с тем, что она моя, тем быстрее мы сможем зажить своей жизнью.

— Жаль. Вы были такими хорошими друзьями.

— Были. Но и как враги мы ничуть не хуже.

— Может, вы сумеете как-то?..

Поправляя черный галстук-бабочку, Нед покачал головой, а Руперт продолжил:

— Впрочем, это больше не твоя проблема. Пойдем. Пора в церковь. Тебе надо потренироваться брать у меня кольцо, потому что...

— Я все понял, — произнес Нед, заметив на лице Руперта выражение беспомощности. — Как-нибудь разберемся.

* * *

Явившись в англиканскую церковь, Джек увидел, как множество людей в праздничных одеждах, теснясь, пробиваются в двойные двери. Он подумал, что, учитывая поспешность бракосочетания, вряд ли Белла успела за это время побороть обиду. Скорее всего, она не явится на церемонию. Нед, конечно, от этого страдает, но даже собственная драгоценная сестра не мешает ему жениться на Айрис и навсегда расстаться с другом.

В открытом саду приходского священника он ждал, стоя под шелковицей. Брайант убедил сам себя в том, что Айрис для него не потеряна, пока он не увидел ее в свадебном наряде. Джек пообещал себе, что оставит ее навсегда, когда это произойдет.

Прибыли первые участники церемонии. Это были Нед и братья Уокеры. Передернувшись, Джек отступил в тень. Было видно, что Синклера так и распирает от нетерпения и гордости, с таким выражением он, входя в церковь, принимал похлопывания по спине и рукопожатия. Брайант должен был бы находиться рядом, помогать ему праздновать самое большое событие в жизни. Ни сестры, ни лучшего друга. Нед многим пожертвовал. Но зато ведь ему достался главный приз, перед которым все остальное бледнеет, — Айрис.

Следующей явилась Флора со своими двумя сестрами, сразу за ними — подружки невесты, приехавшие в машине одного из управляющих. Сестры Уокер, пара маленьких принцесс и даже совсем малыш — паж в шортиках и изящном галстук-бабочке — болтая, высыпали из машины, но тоже ждали снаружи, не заходя в церковь. Взрослые поправляли наряды и шикали на малышей, которые взяли друг друга за крохотные ручки.

Заходя, Джек помедлил в приемной. Холл был щедро декорирован розовыми и серебристыми лентами, перемежающимися загнутыми тут и там весело раскрашенными подковами, символами удачи. Англо-индийские свадьбы обыкновенно бывали щедрыми и шумными мероприятиями, и эта обещала стать точно такой же. С изобилием еды, вином, текущим рекой, и веселой музыкой, которая будет играть ночь напролет, долго после того, как молодые удалятся под громкие аплодисменты собравшихся.

Ургаум-Холл тонул в облаке вкусных ароматов. Кто-то из гостей заметил Джека, и он поспешил скрыться, чувствуя себя никому не нужным чужаком. Что же, ничего нового в этом нет.

От этих мыслей его оторвало прибытие Гарольда Уокера. Тот вел машину, а на заднем сиденье, в пене кружев, расположилась Айрис. При виде нее сердце у Джека заколотилось, как молот. Когда она выходила из машины — чудо красоты в брачном наряде, — дыхание у Джека стало неровным. Он считал, что ему хватит сил пережить эту минуту утраты, но мужество покинуло его.

Ему захотелось закричать, обращаясь к ней, наброситься на кого-нибудь за эту несправедливость — за то, что она выходит замуж за мужчину, которого, как он знал в глубине души, недостаточно любит.

Джек напомнил себе, что Айрис первому отдалась ему.

— Подержанный товар, Нед, — усмехнулся он.

Но от этого ему стало лишь хуже, и в этот момент Брайант возненавидел себя сильнее, чем когда-либо прежде. Он навсегда останется в их жизни невидимым шипом.

Подружки невесты столпились вокруг Айрис, взбивая юбку, возясь с букетом и расправляя шлейф. В следующий момент она повернулась, и Джек отчетливо разглядел ее.

Даже вуаль не помешала ему увидеть свою темноволосую красавицу. От нее исходило такое сияние счастья, что ему от этого стало больше, чем от любых сказанных ею слов. Она улыбалась так широко, что ямочки на щеках стали еще заметнее. Он видел, что Айрис сдерживается, чтобы не расплакаться от радости. Когда гордый отец предложил ей руку, чтобы провести по проходу, подбородок у нее слегка дрожал.

Джек услышал, как зазвучало «Се, невеста грядет».

Перед тем как им двинуться в лад с музыкой, Джек заметил что Гарольд Уокер похлопал дочь по руке, которой она обхватила его за локоть, потом наклонился и поцеловал ее в макушку. После этого церковные тени поглотили Айрис, и она исчезла из его поля зрения.

У Джека вырвалось рыдание, но теперь он знал, что все кончено. Брайант не стал дожидаться службы, смотреть на истерическое забрасывание жениха и невесты рисом и лепестками роз. Вместо этого он пустился бежать. Джек несся как одержимый вверх по холму Фаннелла, до самого Марикуппама — туда, где его ждали две непечатые бутылки утешения, чтобы заглушить звуки победоносного свадебного марша.

* * *

Несмотря на то что торжество готовилось ускоренными темпами, прием получился блестящим. Золотые Поля давно такого не видели. Женщины и друзья семейства Уокеров накрыли стол, за который не стыдно было бы посадить королевское семейство. Золоченые листья поблескивали на вершинах тарелок с традиционным праздничным угощением — цветным рисом бириани. Волны бледно-оранжевого и желтого переслаивались белым. Предлагался широкий ассортимент мясных и овощных карри, а для гурманов, предпочитающих европейскую кухню, — великолепное разнообразие блюд из жареного мяса с гарнирами.

Когда все приступили к четырехслойному фруктовому торту, залитому густым марципаном и покрытому толстым слоем сахарной глазури, многие уже постанывали от переедания и с нетерпением ждали возможности потанцевать.

Никогда прежде Неду не приходилось быть центром всеобщего внимания. Мысль об этом пришла ему в голову, когда он с привилегированного места жениха окидывал взглядом ряды столов и думал о своей жизни. Он — один из двух самых выдающихся людей в Золотых Полях. Рядом с ним молодая жена, первая красавица в Полях... да что там, в целой Индии! Нед стал обладателем нового просторного дома, в котором его семья сможет жить, пока он будет работать в качестве управляющего отделом электроснабжения. При этом Синклер ведь так молод. Он посмотрел вокруг. Люди поднимали бокалы, улыбались, провозглашали тосты за него. Вот Айрис. Она светится счастьем, хотя и кажется чуть-чуть усталой от всего этого празднования и долгого танца молодых, составленного сразу из нескольких мелодий.

Может, пора? При мысли о том, что скоро они окажутся одни, он задрожал от возбуждения. Нед задался вопросом, волнуется ли Айрис. Он не был девственником — об этом позаботился Джек. Он брал его с собой в Бангалор и водил там в соответствующие заведения, в первый раз даже заплатил за него.

— Давай снимем эту обезьяну с твоей спины, — смеялся Брайант.

В результате Нед не стал бонвиваном, однако знал, что сможет стать для Айрис нежным, любящим руководителем, так что она не разочаруется, отдав ему свою девственность.

— Пойдем? — шепнул он ей на ухо, внезапно вспыхнув желанием.

Айрис, улыбаясь, повернулась к нему, кивнула и спросила:

— Ты знаешь, что мое семейство побывало в доме?

— Не сомневаюсь, Руперт проследил, чтобы нам устроили царское ложе.

Она издала смешок.

— Нет, я запретила ему портить нам эту ночь.

— В таком случае пойдемте, миссис Синклер. Жду не дождусь, когда смогу снять с вас этот прекрасный наряд. — Поднявшись, он предложил Айрис руку.

Весь зал сразу заметил этот жест, взорвался аплодисментами и веселыми восклицаниями.

— Ты знаешь, что нас заставят пройти по туннелю добрых пожеланий?

— Я удивился бы, если бы они этого не сделали, — ответил он, целуя ее в щечку.

И вот, под бешеные аплодисменты и свист, Нед с Айрис прошли под аркой из соединенных рук. К их головам прикасались на удачу, на них сыпалась лавина жемчужно-белого риса и сухих розовых лепестков, их целовали и обнимали.

Махая руками родителям Айрис, они наконец-то удалились, причем пешком. Айрис казалось, что было что-то сказочное в том, чтобы перебежать через дорогу на территорию отдела электроснабжения и пройти к участку, где проживали сотрудники. Здесь ее ждал новый дом.

Отперев дверь, Нед повернулся к ней и предложил:

— Давай сделаем это как следует, хорошо? — Под негромкие взвизгивания и смех он поднял ее на руки, перенес через порог нового дома, зарылся лицом в шею и поцеловал. — Я люблю тебя, Айрис. Спасибо, что вышла за меня.

— Ой, Нед, — начала она и разразилась слезами. — Не благодари меня.

— Я хочу, чтобы ты знала, что сделала меня счастливейшим мужчиной в мире. Ничто больше нас не разъединит. Я люблю тебя больше жизни. Знаю, это звучит мелодраматично, но то, что происходит сейчас, для меня самое главное.

— Мне очень жаль, что Беллы сегодня не было с нами.

— Беллы и Джека. Может быть, однажды мы сумеем починить то, что сломалось, но сейчас для меня существуешь только ты... и наши дети.

Она громко сглотнула — это рыдание, смешанное с возгласом отчаяния.

— Не надо плакать в нашу первую ночь. Я хочу, чтобы она прошла для тебя идеально. Никаких слез, только счастье.

— Может быть, мы сделаем сегодня ребеночка, Нед, — неуверенно произнесла она.

Теперь уже дыхание перехватило у него.

— Ничто в мире не могло бы осчастливить меня больше.

Они почти не замечали разбросанную по полу лаванду, источающую аромат, когда на нее наступали. Им не было дела до того, что ее запах смешивался с благоуханием свежих розовых лепестков, рассыпанных на новых белоснежных простынях — подарке Руперта. В комнате стояли вазы с цветами. По букетам были рассованы юмористические записочки на разнообразные темы, от указаний по раздеванию женщины до советов по содержанию птиц и пчел. Типичный образчик суховатого остроумия Руперта.

Нед видел только Айрис. Когда она наконец освободилась из своей великолепной тюрьмы свадебного наряда и оказалась перед ним в шелковом кружевном белье, он внезапно ощутил такой страх, что не сразу смог нарушить безмолвие.

* * *

Несмотря на красивое новое белье, Айрис казалось, что она голая. Такой виноватой ощущала себя молодая жена. Нед смотрел на нее, в самую душу. Она молилась, чтобы муж никогда не догадался о правде, скрытой под этой кожей, которой он так неотрывно любит.

У нее болело сердце из-за Джека. Она не разделяла радужные надежды Неда по поводу возможного восстановления отношений с ним.

Честно говоря, Айрис предпочла бы, чтобы Джек просто уехал из Полей и тем самым облегчил жизнь всем. На данный момент его присутствие представляло собой постоянную угрозу. Она уговаривала сама себя перестать думать о Джеке, освободиться от него, наслаждаться общением с Недом и его ласками.

* * *

Нед был нежным и щедрым, не торопился, заботился об удовольствии Айрис. Но когда внутри, начиная от кончиков пальцев, зародился и произошел этот взрыв, ему показалось, что он длится вечно.

Хорошо бы, если бы такое было возможно.

Никогда прежде это не происходило так поразительно. Но ведь Нед ни разу не занимался любовью с женщиной, к которой испытывал бы искренние чувства. В этом переплетении рук и ног он понял, что в красивых романах пишут правду. Любовь все меняет.

— Я никогда не был так счастлив, — шепнул он.

— Я рада, — отвечала она.

Ее голос прозвучал приглушенно из-за того, что она глубоко зарылась лицом ему в шею.

— Как... как тебе было? Все хорошо?

— Именно так, как я себе и представляла, Нед, — отвечала она, приподнимаясь и опираясь на локоть. — Это было чудесно.

— Я не хотел сделать тебе больно. — Он улыбнулся.

— Ты и не сделал.

— Раз так, давай повторим, — ответил он, вызвав у молодой жены взрыв смеха.

Нед хотел бы, чтобы этот смех звучал всегда.

* * *

От душевной боли сжимало горло, поэтому Джеку пришлось прокашляться, прежде чем говорить.

— Поставь это сюда, а мне принеси еще льда и чистый стакан, — приказал он.

Гангаи, на лице которого ясно читалось выражение тревоги, опустил на стол вторую бутылку и отправился выполнять приказание. Вскоре он вернулся с небольшой чашей для льда и хрустальным стаканом.

— Гангаи, на сегодня можешь быть свободен. Больше ты мне не понадобишься.

— Да, сэр, — неуверенно отвечал тот.

— Отправляйся наслаждаться аракой, я же приложусь к своему яду.

Проигнорировав кушанья Канакаммал, Брайант в качестве основного блюда употребил скотч со льдом. На закуску пошел джин с тоником и несколькими дольками лимона. Напиться было легко, труднее оказалось добиться пустоты в мозгу. Иррациональные, своевольные мысли теперь уже вышли из-под всякого контроля. Образ обнаженной Айрис, лежащей в постели с Недом, рисовался так живо, что ему казалось, будто он сойдет с ума от ярости и ревности.

Бродя по гостиной, Джек принялся громко говорить сам с собой. Он даже не заметил, как с веранды перешел в дом, где все, словно нарочно, попадалось ему на пути. Брайант услышат звон бьющегося фарфора и стекла и понял, что сам налетел на столик, где стояли блюда.

«К черту еду», — подумал Джек.

— Гангаи!

Он забыл, что слуга ушел, но, когда на его хриплый зов явилась Канакаммал, не задался вопросом, почему так вышло. Брайант криво улыбнулся. Она была единственной, у кого хватало духу перечить ему, когда он пребывал в таком настроении.

— Мне нужен стакан! — заревел Джек.

— Вам не следует больше пить, сэр.

— Неси стакан, женщина!

Она повернулась, вышла и вскоре вернулась с чистым стаканом, а также метлой и тряпкой. Тяжело рухнув на диван, он налил себе джина.

— Оставь это, — Брайант помахал неверной рукой, показывая на опрокинутую еду и разбитую посуду.

— Нет, — ровно ответила девушка. — Вы можете наступить.

Прежде чем опуститься на колени и приступить к наведению порядка, она элегантно подобрала сари. Джек любовался изгибами ее тела, которые сейчас, когда свободная одежда натянулась сзади, обрисовывались весьма отчетливо. Движения длинных рук были грациозны и отточенны.

— Осуждаешь меня?

Канакаммал поднялась характерным для себя образом, словно перелилась из одной позы в другую, и ответила:

— Мое мнение не имеет значения.

— Но я хочу его услышать, — потребовал он.

— В последний раз, когда я сказала то, что думала, вы меня прогнали.

— Больше я этого не сделаю. Мне слишком тебя недоставало. — Под воздействием алкоголя Джек говорил то, чего обычно не сказал бы. — Я желаю знать твое мнение.

Она повернулась к нему лицом, воззрилась немилостивым взглядом и заявила:

— Это всего лишь краткое забвение ваших горестей. Завтра утром они опять будут здесь. Эта женщина по-прежнему останется замужем за мистером Синклером.

— Знаю, — печально отозвался он.

Ей, по-видимому, известно про него все.

— Вам так важно жениться?

Он рассмеялся, помахал бутылкой и ответил:

— Нет, но любому мужчине нужна жена.

— Тогда найдите себе другую.

— Я хочу Айрис.

— Думаю, вы слишком привыкли получать то, что хотите.

Неуверенно, с бутылкой в одной руке и стаканом в другой, Джек поднялся с дивана и развел руки в стороны. Джин из стакана выплеснулся на стену, но он не заметил этого.

— Так кто же? Кто захочет жить со мной?

Она потупилась.

— Насколько я могу судить, большинство одиноких женщин в Полях были бы рады вашему вниманию, сэр.

— Откуда тебе это известно?

— От покупателей. Они говорят при нас все, потому что считают индийцев глупыми.

— Нет уж, ты далеко не глупа. Более того, осмелюсь утверждать, что ты самая умная, раздражающе мудрая женщина из всех, которых я когда-либо встречал. Хотя и совсем простая! Я пьяница и, само собой, распутник. Я ни на что не годен, и скоро это станет очевидным для любой девушки.

Канакаммал обратила к нему лицо, и даже сквозь тяжелый хмель этот ледяной взгляд обжег его. Такое презрение ранит. Неужели он не имеет права на то, чтобы его не унижали хотя бы в собственном доме? Но в глубине ее глаз было что-то еще, непонятное для него.

— В таком состоянии вы никому не нужны, — произнесла девушка, поразив его своей смелостью.

— Выпьем за это. — С этими словами Джек залил в глотку то, что осталось в бутылке, и не подумав о бокале. — Знаешь, а мы ведь с тобой друг другу подходим.

Она молча следила за его жестами.

Он ткнул в нее пустой бутылкой и рыгнул.

— Для тебя никто не хорош, а я ни для кого. — Джек рассмеялся, довольный собственной словесной игрой. — Давай поженимся. Тогда я хотя бы буду хорошо питаться!

Она сохраняла полную неподвижность. Даже браслеты не позванивали.

Довольный Брайант кивнул.

— Точно, так и сделаем. Поженимся. Покажем Айрис Уокер и этой сволочи — ее мужу, что ни один из них мне не нужен. — Его взгляд затуманили утешительные видения. — Так как, ты говоришь, тебя зовут?

— Канакаммал.

Он предпринял очередную жалкую попытку произнести это имя и сдался:

— Нет, язык не поворачивается. Пускай останется Элизабет. Элизабет Брайант — звучит хорошо. Ну, пошли же, одевайся.

— Давайте я отведу вас в постель. — Она поставила метлу на пол.

— Э-э, нет, лиса, еще не время. — Джек шутливо погрозил ей пальцем. — Это будет позже. Сперва надо поговорить с твоим отцом.

— Вы не...

— Не указывай, что мне делать, а что нет. Я тебе противен?

Он не был уверен, что она поняла слово, но значение вопроса девушка точно уловила и покачала головой.

— Странно! Я себе противен.

— Я отказываюсь выходить за вас замуж, — твердо произнесла она.

— Ага, понятно. Даже собственная служанка, когда я предлагаю ей все мое земное достояние... даже она не желает выходить за меня замуж.

— Я отказываюсь выходить за вас замуж сегодня, когда вы в таком состоянии. Завтра утром, если вы не забудете, можете снова задать этот вопрос.

Девушка не стала дожидаться ответа. Она оставила его одного. Брайант покачивался посреди гостиной и не понимал, что сейчас произошло.

* * *

Джека разбудила громкая ссора попугаев на дереве за окном. Он приготовился к тошноте и мучительной головной боли, с трудом поднялся с постели, принял холодный душ и с удивлением обнаружил, что чувствует себя весьма неплохо.

«Странно», — подумал Брайант, приглаживая перед зеркалом волосы.

На нем были серые «оксфордские» свободные брюки и простая белая сорочка с открытой шеей. Он выглядел абсолютно нормально, но внутренне чувствовал себя так, словно его вот-вот опять повлечет за собой лавина горя. Джек не знал, как прогнать отчаяние.

Внутри зазвучал голос отца: «Возьми себя в руки, Джон! Ты ведь Брайант! Вот и веди себя как Брайант. Будь хозяином своей жизни. Найди себе хорошую женщину, на этот раз такую, которая будет любить тебя».

Повернувшись на легкий позванивающий звук, он увидел Канакаммал с подносом.

— Я принесла вам кофе, сэр.

— Гм, хорошо, спасибо, хотя для того, чтобы протрезветь, мне, пожалуй, понадобится гораздо больше. Я много вчера выпил?

Она набралась смелости и ответила:

— Не так много, как вам кажется.

Он нахмурился.

— Большую часть я вылила, а остаток разводила водой.

— Что?

— Простите меня. Я не хотела, чтобы вы заболели, сэр. Последнее время вы не слишком хорошо себя чувствовали и не были счастливы. От джина вам стало бы только хуже.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Когда ты вылила мой джин?

— Вы пошли в туалет, сэр. Скотч я тоже вылила. Вы лишь слегка опьянели. Остальное доделали ваши печали.

— Прости за вчерашнюю ночь, за некоторые вещи, которые я сказал. — Джек взирал на нее со смешанным чувством восхищения и недоверия.

— Вы всегда говорите гадости, когда напиваетесь.

Он оставил это замечание без ответа.

— Послушай, припоминаю, мы говорили о женитьбе.

— Я думала, вы не вспомните. — Девушка потупилась.

— Боюсь, благодаря твоему хитрому фокусу я помню все.

— Это неважно, — отвечала она. — Сегодня я ухожу.

— Уходишь?

— Я не могу так больше продолжать. Вы пугаете меня. Ваша привязанность к миссис Синклер разрушительна, а свою ярость вы обрушиваете на меня. Гангаи вы отослали домой, но я должна оставаться здесь, в этом доме, не зная, убьете ли вы меня или себя. Я не могу рисковать Наматеви. — Она помолчала. — Простите меня. Я ваша служанка, но решила, что лучше буду работать у отца. Надеюсь, вы найдете себе кого-нибудь, кто будет вам готовить.

— Я не хочу видеть здесь никого другого, — сердито отвечал он.

— Тогда вам придется есть то, что подаст Гангаи, или научиться готовить самому.

— Я хочу, чтобы ты была здесь, готовила мне и присматривала за мной.

Канакаммал улыбнулась.

— Мне кажется, вам надо жениться. Очень жаль, что ваши женщины вас отвергают, мистер Брайант. Смотрите, чтобы кофе не остыл. Я уже собралась. Ухожу сейчас. До свидания, сэр. — Она повернулась.

— Кенкакамал! Подожди!

И она рассмеялась. Чисто и заразительно. С тех пор как она появилась в его доме, он ни разу не слышал, чтобы она смеялась, и никогда не видел, чтобы в ее взгляде мелькало что-то похожее на радость. Поэтому сейчас этот смех глубоко его тронул.

— Прости. Ну не получается у меня. Язык закручивается сам за себя.

— Мне приятно, что вы наконец сделали попытку.

— Не оставляй меня.

— Почему?

— Послушай, — начал он, пораженный и смущенный тем, что, как он внезапно ясно почувствовал, собирался сказать.

Брайант в смятении пробежал пальцами по волосам и промямлил:

— Я, наверное, никакую женщину больше не смогу полюбить так, как она заслуживает. Чувства, которые я испытываю... испытывал... нет, все еще испытываю к Айрис, не подлежат моему контролю.

— Не надо ничего объяснять...

Он поднял руку, и она умолкла.

Джек продолжал. Его голос был хриплым как из-за вчерашней ночи, так и из-за того, что говорить столь откровенно ему было трудно. Но, выражая мысли вслух, он видел все в более реалистичной перспективе.

— Свои чувства я в состоянии контролировать не больше, чем сердцебиение. Мое тело делает все это само по себе. Но я в состоянии оценивать собственное поведение. Вчера в церкви она была такой счастливой! Я думаю, проблема у меня. Айрис приняла решение и оставила позади те чувства, которые испытывала ко мне. Я тоже должен определять собственное поведение, а чувства держать при себе. — Он издал долгий вздох. — Кенкакамал!.. — На случай, если она опять вот-вот рассмеется, он не стал смотреть в ее сторону. — Дело

вот в чем. Я хочу, чтобы у меня был дом, а не просто место для ночлега. Наверное, для этого нужна миссис Брайант. Мне требуется утвердиться здесь. Если я останусь холостяком, то буду только катиться вниз, а не вести тот стабильный образ жизни, которым смогли бы восхищаться мои работодатели, даже родители. — Брайант умолк и посмотрел на нее.

Он поразил сам себя тем, что произнес все это, стоял здесь сейчас с этим вопросом на устах. Но рассудок говорил ему, что все правильно. Какова бы ни была та невидимая сила, которая его к этому подтолкнула, все верно.

Девушка сморгнула, не зная, что ответить. По ее лицу Джек видел, что она вспоминает все, что он только что сказал, словно желая удостовериться в том, что вопрос и в самом деле задан.

— Я вот что имею в виду. — Брайант вздохнул. — Почему бы нам не пожениться? Я не влюблен в тебя, ты, само собой, — в меня, но я не хочу, чтобы ты уходила. Мне известно, что ты терпеть не можешь работать в лавке отца. Если записать все это на листке бумаги, то получится, что задумка совершенно логичная. Можно сказать, брак будет очень удобным.

— Удобным, — повторила она.

— Ну да. Это когда для обеих сторон выходят плюсы.

— Я знаю, что такое удобный брак, сэр, просто не уверена, что хочу в него вступать.

— Ты предпочла бы выйти за индуса? В этом дело?

— Я хотела бы найти человека, который меня любит.

Он в смущении почесал в затылке.

— Что ж, в таком случае, я тебя, Элизабет, пожалуй, люблю. Просто не так, как Айрис.

— Как именно вы меня любите, сэр?

Он поразмыслил и ответил:

— Я люблю твой ум и образ мысли, грациозные движения, еду, то, как ты обо мне заботишься, звон твоих браслетов и колокольчиков. Когда тебя не было, мне всего этого страшно не хватало. Люблю, что все встает на свои места, когда ты в доме. Люблю твои сари. Я очень хотел бы увидеть твои волосы расплетенными и рассыпавшимися по плечам. Больше всего мне нравятся твои глаза и то, что ты видишь

меня насквозь. Наверное, этого достаточно, чтобы тебе было не так уж трудно за меня выйти.

— Что скажут люди? — шепнула она.

— Тебя это волнует?

Помолчав, девушка отрицательно покачала головой. Вызов в ее взгляде заставил его улыбнуться.

— Меня тоже.

— Надо будет поговорить с моим отцом.

Он кивнул.

— Я по-прежнему останусь вашей служанкой?

Джек рассмеялся.

— Конечно же, нет! Ты станешь миссис Элизабет Брайант. Боюсь, я все же не в состоянии научиться произносить твое имя.

— Я не буду носить ту одежду, какую любят полукровки.

— Меня очень огорчило бы, если бы ты стала ее носить. Ты великолепна в своих сари, и я куплю тебе по одному всех возможных расцветок.

— Я не вписываюсь в общество, в котором вы возвращаетесь, сэр.

— Я на это и не рассчитываю. Ничего не переменится. Мы продолжим жить так, как жили до сих пор, и ругаться будем по-прежнему. В этом можно не сомневаться. Но ты станешь моей женой и обретешь статус, которого никто не сможет тебя лишить.

— Я буду указывать Гангаи, что делать?

— А разве ты им уже не командуешь?

Девушка неуверенно улыбнулась, и его опять поразило, как от тепла, тронувшего ее глаза, что-то в них словно растаяло.

— Надо будет взять сюда моих сестер и брата.

— Отлично. Э-э, а в каком именно количестве?

— Наматеви, ее брата-близнеца и еще младшую сестру.

— Дети?

— Да. Их надо учить.

— Уладим. Только пускай живут в задних комнатах и не трогают мой граммофон.

— У вас нет граммофона, сэр.

— Скоро будет. Не обращай ко мне больше на «вы» и «сэр». Тебе надо научиться называть меня просто Джеком.

— Но вы ведь не можете произнести «Канакамал»?

— Я коверкаю твое имя, а ты этого не заслуживаешь. Но имя которым я тебя называю, очень-очень любимо там, откуда я родом. Это комплимент. Так мы помолвлены, Элизабет?

— Да. — Он видел, что она произнесла это не колеблясь.

— Тогда пошли. Поговорим с твоим отцом и поженимся без проволочек.

Она рассмеялась низким горловым смехом, ничуть не похожим на смех Айрис.

* * *

Ближе к вечеру, после того как Джек отправился на смену, Канакаммал, оставшись наедине с отцом в задней комнате магазина, обняла его.

— Я не в силах была ему отказать, но почему? — сказала она на тамильском и печально улыбнулась сама себе. — Поверил бы ты, если бы я заявила, что люблю его?

Он в изумлении уставился на нее и спросил:

— В самом деле?

— С первого мгновения, как его увидела.

— Но ты ни разу об этом не говорила.

— Я была не в том положении. Он был мне только работодателем — до сегодняшнего дня.

— А он тебя любит?

— Да, но по-своему.

— Тебе этого достаточно?

— Я сделаю так, что будет достаточно. Я хочу быть его женой, больше ничьей.

— Брак с англичанином чреват своими проблемами.

— Я к ним готова.

— Он сказал, что обеспечит нас всех. Он щедрый.

— Правда. Нам повезло.

— Я никогда не попросил бы тебя об этом.

— Знаю... Ты и не просил. Не сомневайся, я принимаю это решение добровольно. Я люблю его, папа. Я не смогла бы быть с другим мужчиной.

— Твоя уверенность должна быть непоколебимой, потому что сейчас я расскажу все маме и начнутся рыдания.

Она с улыбкой прикоснулась к щеке отца.

— Ты моя любимица и знаешь это. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я люблю его не потому, что он англичанин, а потому, что это Джек. Я хочу быть с ним. Я стану Элизабет Брайант.

Когда он взял ее за руку, его улыбка была печальной и озабоченной.

— Пошли. Мы закрываемся на сегодня. Надо заняться подготовкой к свадьбе.

* * *

Свадьбу отпраздновали две недели спустя. Джек пожелал, чтобы торжество прошло в узком кругу. Учитывая, что брак был смешанным, соблюдения этого условия оказалось нетрудно. Супружеские клятвы были принесены, брак благословлен тихо, без фанфар в местной католической часовне после воскресной службы, когда жители Полей разошлись по домам.

Джек не стремился к таинственности, просто не хотел лишнего шума, Канакаммал же, в свою очередь, тоже была полна решимости справить свадьбу по возможности тихо. Тем не менее в церковь явилось много индусов. За отсутствием шафера Джек сам извлек из жилетного кармана пару толстых золотых колец и положил их на открытую Библию.

Невеста, великолепная в своем расшитом бисером, белоснежном с серебряной нитью сари, произнесла клятву твердо и отчетливо.

Позже, в саду у него дома, подальше от любопытных глаз, прошел скромный праздник с участием семьи и друзей Канакаммал, чтобы, согласно традиции, благословить молодых и их дом. Поскольку почти все гости были обращенными католиками, ритуалов оказалось меньше, чем ожидал Джек. Еда же, приготовленная Канчаной, матерью Канакаммал, и целым сонмом тетушек, была превосходна.

Еще позже, когда праздник закончился и Джек наконец остался наедине с молодой женой, он извлек из кармана материнские часики.

Сегодня он ощущал их присутствие острее, чем когда-либо, и ему показалось естественным именно в этот день подарить эту драгоценность Элизабет. В церкви во время бракосочетания Брайант почувствовал, что в океане недовольства, в котором с недавнего времени протекала его жизнь, эта женщина стала спасательным кругом. Она выручит его, станет источником равновесия и стабильности. Он подозревал, что жена полюбит его так, как он ее не сможет. Ему было жаль, что между ними стоит Айрис, но Элизабет знала, на что идет. Джек сделает все, что в его силах, чтобы дать ей хорошую жизнь.

— Иди сюда, — позвал он ее, похлопав по стеганому одеялу.

Она робко села рядом.

— Ты сегодня была очень хороша.

— Спасибо. Даже при том, сколько внимания на меня обращали, я чувствовала себя богиней.

— Ты и похожа на богиню.

— Спасибо, что был так гостеприимен с моей семьей и друзьями.

— Я не сделал ничего. Все организовали они.

— Ты позволил им войти в твой дом.

— В наш дом.

Она улыбнулась и спросила:

— Принести тебе что-нибудь?

— Нет. Но я хочу вручить тебе свадебный подарок. Это моя самая большая драгоценность, не из-за денежной стоимости, а из-за того, что она для меня значит.

Канакаммал внимательно посмотрела на необыкновенные часики, лежащие у него на ладони.

— Если ты не захочешь их носить, это ничего. Я знаю, они не очень-то подходят к...

— Я буду носить их с гордостью. Ведь часы, которые для тебя так много значат, подарил мне ты. Они принадлежали твоей матери?

— Да.

— Такие изящные!

Джек надел браслет ей на руку и соединил крошечные ручки застежки. Рядом с золотыми браслетами часики казались инородным телом. Под светом лампы засверкали бриллианты.

Она взглянула на него.

— Мне тебе нечего дать.

— Придется мне самому взять что хочу.

Он лукаво улыбнулся, заключил ее в объятия и с наслаждением услышал чистый, звонкий смех молодой жены.

— Ты ведь знаешь, что мы можем позволить себе айю.

— Знаю. — Айрис поставила перед Недом яичницу с беконом, погладила его по голове, поцеловала в макушку и мечтательно добавила: — Просто пока что мне нравится самой готовить для тебя. Не очень хочется пускать в свой дом чужого человека.

— Если бы он был наш, — ответил он, протыкая вилкой желток.

— Гм. — Она присела рядом с ним. — Я всегда оставляю желтки напоследок.

Синклер глотнул чая.

— Послушай, ты говорила, что хочешь работать в школе, где скоро, возможно, откроется вакансия. Я знаю, что это для тебя важно, так, может, стоит все-таки начать подыскивать кого-то, кто станет помогать по дому?

— Обещаю заняться этим. — Айрис отпила из своей чашки. — Мне так скучно, когда ты уходишь.

— Вот и я о том же. С айей у тебя будет компания. — Внезапно его лицо стало серьезным. — Скажи, ты счастлива, Айрис?

— Конечно же. — Она негромко рассмеялась. — А почему ты спрашиваешь?

— Просто хочу быть уверенным. Мне очень жаль, что не получилось устроить настоящий медовый месяц, но я работаю над этим. Ты, кажется, говорила, что хотела бы еще раз побывать в Ути?

Она кивнула.

— Так вот, я подумываю о том, чтобы нам с тобой туда съездить на пару недель, когда у меня наберутся отгулы.

— Идеально. Проведем еще какое-то время наедине. — Айрис поцеловала его.

Он взглянул на нее с вожделием, отчего она опять рассмеялась, и осторожно произнес:

— У меня есть для тебя новость.

— Да? Ты, кажется, колеблешься.

— Вовсе нет. Просто не знаю, как ты отреагируешь. Я, честно говоря, в восторге. — Он помолчал.

— Ну? — подтолкнула она.

— Это связано с Джеком Брайантом.

Нед наблюдал, как она медленно отхлебывает чай, молча ставит чашку на стол, облизывает губы.

— И?..

— Пару недель назад он женился.

Айрис посмотрела на него с таким выражением, словно он внезапно заговорил по-арабски, и тихо сказала:

— Женился? На англо-индианке? Не верю.

— Нет, — принялся объяснять Синклер, испытывая облегчение.

Он наконец-то сделал то, что откладывал две недели.

— Она не из вашей компании. — Это было произнесено с нежностью.

— Но в Полях нет ни одной англичанки.

— Припоминаю, что ее семья приехала из Тумкура.

Айрис посмотрела на него так, словно он шутил.

— Насколько мне известно, это грязная деревушка! Ты, наверное, ошибаешься. Нед, скажи мне, кто это.

— Канакаммал, — ровным голосом ответил он.

Она застыла на месте, потом ошарашенно поморгала.

— Ты хочешь сказать, что Джек Брайант женился на своей служанке?

— Теперь она официально миссис Элизабет Брайант.

— Эта ведьма!

— Айрис, прошу тебя...

— Нед, о чем ты говоришь!.. Он женился на деревенщине. Она, наверное, приворожила его. Это нелепо. Полная ерун...

— Довольно, — предостерег он.

Айрис проглотила то, что собиралась сказать.

— У Канакаммал очень счастливый вид.

— Еще бы не счастливый!

— Джек Брайант имеет право делать то, что хочет. — Нед положил вилку на стол и встал. — Лично мне кажется, что ты очень несправедлива по отношению к его жене. По-моему, она любит и, по-видимому, понимает Джека. Возможно, он отвечает ей взаимностью, Айрис. Так или иначе, брак заключен, и я не горю желанием продолжать обсуждение этого вопроса.

— Я разговаривала с ней, Нед, и она была со мной очень груба. Эта особа, очевидно, давно уже вынашивала план захомутать его, потому что была очень высокого мнения о себе и...

— Что бы там ни было, нас это не касается. До вечера. — Он небрежно поцеловал ее, расстроенный и сердитый оттого, что одного упоминания имени Джека оказалось достаточно, чтобы они мгновенно начали ссориться.

— Нед, подожди! — Айрис бросилась за ним.

— Нет. Не желаю больше никаких разговоров о Джеке. — Он бросил на нее гневный взгляд.

— Это не о Джеке. Это о нас.

— О нас?

— Не сердись. У меня тоже есть новость.

Он поморгал и сказал:

— Ладно, извини. Скажи, что за новость.

Набрав полную грудь воздуха, она улыбнулась и заявила:

— У нас будет ребенок, Нед.

Он не был уверен, что расслышал правильно.

Должно быть, это отразилось у него на лице, потому что она подтвердила:

— Да. Беби Синклер.

Нед возвратился к ней, инстинктивно поглядел сначала на живот Айрис, потом ей в глаза и спросил:

— Так скоро?

— У нас в семье всегда так.

— Но это точно?

Она лукаво кивнула и улыбнулась.

— Ребенок, — пробормотал он. — Мой сын!

— Наш ребенок, вполне возможно, дочь.

Мгновенно повеселев, Нед расцеловал ее. От радости он так и светился.

— Я собираюсь кричать об этом с крыш!

— Не вздумай! Надо обождать. Кроме того, первыми должны узнать мама с папой.

Синклер еще раз расцеловал ее и обнял.

— Я люблю тебя, Айрис. Прости, что рассердился на тебя. Это самая лучшая новость, которую ты только могла мне рассказать.

— Теперь отправляйся на работу и думай о деле. — Она засмеялась.

Послав ей воздушный поцелуй, он пошел по улице. Зная, что жена смотрит на него, Нед подпрыгнул от радости.

Все еще с улыбкой на лице, но с тяжело бьющимся сердцем Айрис прислонилась к двери и положила руку на живот.

— Прости меня, мой дорогой, — шепнула она, обращаясь к ребенку.

Потом на нее накатила знакомая тошнота, и Айрис бросилась в ванную.

* * *

В этот день судьба свела двух этих женщин. Канакаммал направлялась в больницу. До нее дошло известие, что одна из младших сестренек упала с мангового дерева и сломала запястье. Она знала, что матери понадобится помощь в уходе за девочкой, и надеялась перехватить их где-нибудь на пути в Робертсонпет.

Айрис же решила навестить кузину. Та по несерьезному поводу находилась в шахтерском госпитале. Кроме того, это была возможность увидеться с отцом. Айрис очень хотелось отвлечься от своих дел и поговорить с ним.

Внезапная женитьба Джека задела ее глубже, чем она ожидала. Айрис знала, что не имеет никакого права на недовольство, но ей просто казалось непостижимым, что после всех своих заявлений Джек развернулся и женился на индианке... на собственной айе!

То, что за последние семь недель она ни разу не видела Брайанта, облегчило ей приспособление к ситуации и к обману, в котором протекала ее жизнь. Бывали даже моменты, когда ей удавалось убедить себя в том, что в тот день в Бангалоре ничего особенного не произошло. Используя любимое выражение ее отца, они с Недом «точь-в-точь как кролики».

Ей нравилось быть замужем за Синклером, доставляло удовольствие превращать дом, выделенный отделом электроснабжения, в настоящий семейный очаг. Родители подарили им мебельный гарнитур, прибавив к этому множество разнообразных

хозяйственных мелочей. Друзья, семья — все сделали прекрасные свадебные подарки, так что для молодой пары они были очень неплохо обустроены.

Чувство Неда было всепобеждающим, а любовь заразной. Айрис надеялась, что ее чувства к Джеку со временем побледнеют, и страшно разозлилась на себя, обнаружив, что новость до такой степени вывела ее из равновесия. У нее нет никаких причин расстраиваться, а она явно нервничает! Это ревность? Задела ли ее быстрота, с которой Брайант отошел от якобы бессмертной любви к ней? Может, это из-за беременности? Дают себя знать гормональные изменения? Или главным раздражителем является женщина, которую он выбрал?

От злости Айрис готова была закричать, но вместо этого, полная решимости не повредить своей внешности, взяла зонтик от солнца и зашагала вверх по холму. Она как раз проходила мимо нового магазина, когда увидела знакомую фигуру. Не узнать ее было нельзя. Высокая женщина шла широкими, грациозными шагами и в своем фиолетовом с серебром сари выглядела потрясающе на фоне пыльного, бурого и оливкового ландшафта.

Чем ближе она подходила, тем сильнее у Айрис закипала кровь от ревности и гнева. Игнорировать Канакаммал не получилось, потому что та в упор посмотрела на нее.

— Доброе утро, миссис Синклер, — произнесла Канакаммал, чем окончательно разъярила Айрис, потому что лишила ее права преимущественного выбора: возможности замечать или не замечать.

Однако она попыталась не сдавать позиций.

— Прошу прощения. Не припоминаю вашего имени... — начала Айрис.

— Теперь я пользуюсь именем Элизабет. Так легче для моего мужа.

Это прозвучало как пощечина, данная изо всех сил, однако в выражении лица Канакаммал не было ничего, что наводило бы на мысль о намеренной обиде.

— Так, значит, это правда? Ты вышла замуж за Джека Брайанта? — со смешком осведомилась Айрис, приглядываясь к прекрасным украшениям Канакаммал: десятки браслетов чистого золота, три больших бриллианта на роскошном обручальном кольце и золотая цепочка тонкой работы с тяжелыми соферами на ней.

Все это на фоне смуглой кожи смотрелось очень красиво. Броскость украшений была под стать ее высокому росту. Тут Айрис заметила часики. Те самые, принадлежащие матери Джека, которые так много для него значат! Часики, вызвавшие ее восхищение. Он в шутку соблазнял ее ими. У Айрис желчь поднялась к горлу, и ей пришлось приложить всю силу воли, чтобы овладеть собой. Она не должна выказать слабость на глазах у этой женщины.

— Это правда, — спокойно ответила та.

— Это ты так шутишь... чтобы отомстить мне? — Айрис ненавидела сама себя за волнение, которое выдавала визгливость у нее в голосе.

— Нет, миссис Синклер. Я не стала бы шутить таким образом и не вышла бы замуж по каким-либо иным соображениям, кроме любви.

— Ты его служанка!

— Я его жена. Наше бракосочетание состоялось в церкви, перед Богом, так же как и ваше.

— Он не мог получить ту женщину, которую хотел, и решил жениться на первой встречной! Вот она, жалкая истина.

— Мне очень жаль, что наш брак так вас огорчает.

— Огорчает меня? Да как ты смеешь, несчастная! Это меня не огорчает... а оскорбляет. Потому что вы превратили брак в посмешище. Джек не в состоянии даже произнести твое имя! Я вижу у тебя на руке часы его матери, но тебе следует знать, что первой он предлагал их мне. — Тирада была безобразная, но слова уже выскочили.

— Я пойду, миссис Синклер. — Спокойное выражение лица Канакаммал ничуть не изменилось. — Не желаю смотреть на вас в таком состоянии.

— Не смей отворачиваться от меня! Помни свое место!

В Айрис словно вселился какой-то бес. Она никогда не разговаривала с местными жителями так высокомерно, вела себя в сто раз хуже Беллы.

Канакаммал повернулась, пронзила ее взглядом, от которого у Айрис прошел мороз по коже, и заявила:

— Мое место рядом с мужем, мистером Джеком Брайантом. А ваше — нет. У вас была возможность. Теперь вам следует оставить его

в покое и заняться собственной семьей. Ваш муж хороший человек, заслуживающий любви.

Зеленоглазый демон, захвативший волю Айрис, занес ее руку, чтобы нанести удар, но Канакаммал оказалась проворнее. Ей ничего не стоило перехватить руку соперницы. Канакаммал была выше, сильнее, в хватке, сжимающей руку Айрис, чувствовалась ярость.

Та, смущенная и униженная, вырвалась, в бешенстве на себя за то, что проявила такую слабость. Вдруг это дойдет до Неда?

— Это было неправильно с моей стороны, — произнесла она, пытаясь совладать с собой.

— Совершенно верно.

— Больше мне нечего тебе сказать. Ты — обыкновенная интриганка, и если все это ради денег, то советую подумать дважды, потому что Брайант не дурак. Более того, вы превратили себя в отщепенцев. Передай Джеку, чтобы не вздумал обращаться ко мне и Неду, когда все начнет разваливаться. Мы не желаем иметь ничего общего с тобой или с ним.

— Я передам ему и запомню ваше предупреждение, — вежливо отозвалась Канакаммал. — Желаю хорошего дня, миссис Синклер. — Она удалилась, оставив Айрис в одиночестве, задыхающейся от злости и отвращения к себе.

* * *

Жизнь Джека вошла в непривычно безмятежное русло. Дни тянулись за днями, складывались в недели. Женитьба, столь стремительная и неожиданная, послужила чем-то вроде ножа, отрезавшего все, что его точило. Жена не предъявляла к нему никаких требований. Он приходил и уходил, когда желал, веселился в клубе, играл в снукер, иногда проводил день-другой в Бангалоре в обществе Генри.

Элизабет по-прежнему трудилась на кухне, теперь с двумя сестрами. Она учила их делать покупки, готовить специи, готовить и подавать пищу. Девчонки целиком отвечали за обед, время которого менялось в зависимости от смен, в которые работал Джек.

Они относились к своим обязанностям очень серьезно, но для молодых супругов это было источником постоянных шуток.

— Ты пугаешь их своим строгим видом, — говорил он.

— Я сделаю из девочек хороших хозяек.

— Да, я знаю! Но мне кажется, что мальчик должен работать с Гангаи. Весельчак...

— Маримуту...

— Он должен войти в мир мужчин.

— Я попрошу Гангаи, чтобы он давал младшему брату поручения.

Джек был доволен и предложил:

— Почему бы тебе не сесть и не составить мне компанию?

— Мне нравится смотреть, как ты ешь.

— С порога. Мне это очень странно.

— Пусть, но мое дело — заботиться о тебе.

— Элизабет, ты это делаешь очень хорошо. Для меня ты больше не служанка.

— Но мне кажется, что некоторые смотрят на это иначе.

— Какие такие некоторые? Тебе кто-то что-то сказал?

— Нет. Но я переживаю не за себя. Меня беспокоит другое.

Однажды ты можешь пожалеть, что согласился на этот брак.

Он перестал есть, встал, подошел к ней, взял за руки и спросил:

— Почему ты вдруг говоришь такие вещи?

Она не ответила, лишь слегка покачала головой.

— Во-первых, не надо считать, что я согласился на тебе жениться.

Я просил тебя выйти за меня замуж, и ты приняла предложение. Кроме того — и это куда важнее, — мне безразлично, что думают другие. Я доволен.

— Меня волнует только то, что думаешь ты. Я знаю, ты предупреждал, что никогда не сможешь меня любить, но...

— Я не так сказал, Элизабет. Я честно признался, что мое сердце принадлежит другой, но тебе не следует сомневаться в моей преданности тебе. — Он взял ее за подбородок. — Ты ведь не чувствуешь себя несчастной?

— Я вовсе не несчастна, — покачала она головой.

— Тогда не грусти. Младшие спят?

— Да.

— Тогда пошли в постель. Займемся изготовлением самых младших.

Она улыбнулась, но звук шагов на тропинке заставил ее нахмуриться. Джек тоже услышал их и принялся спешно застегивать рубашку. Элизабет открыла дверь.

— Добрый вечер, Канакаммал!

— Мистер Синклер, сэ. Пожалуйста, заходите.

— Прошу прощения, что беспокою вас так поздно. Я не буду заходить, спасибо. Ваш муж дома?

— Да. Я его позову.

Услышав голос Неда, Джек на мгновение застыл. Заметив на лице жены испуганное выражение, он поспешил заправить рубашку в брюки.

Брайант вышел на веранду и заявил как-то напряженно и формально:

— Нед, я не ждал еще когда-нибудь увидеть тебя у моего порога.

— Прости, что беспокою, Джек, — отвечал тот, в равной степени страдающий от неловкости.

Потянулась неловкая пауза. Ее нарушил Джек — удивив сам себя, он внезапно решил проявить благородство. За несколько последних недель, спокойных и трезвых, Брайант много думал. Один из выводов, к которым он пришел, заключался в том, что его ненависть обращена не столько на Неда, сколько на самого себя. Всю ситуацию Джек создал сам, потому что намеренно добивался Айрис, зная, какой это вызовет раскол. К тому же он скучал по Неду. Глядя сейчас на его встревоженное лицо, Брайант подумал, что может сделать так, чтобы они перестали быть врагами. Ему показалось, что жена, стоя за спиной, молчаливо поддерживает его в этом.

— Что случилось? Айрис?..

— Нет, с ней все в порядке, спасибо. На третьем месяце беременности и прекрасно себя чувствует.

Джек сглотнул, радуясь тому, что на веранде тень.

— Так зачем ты пришел?

— Мне нужно поговорить с тобой наедине.

Джек посмотрел на Элизабет, стоявшую в дверном проеме.

— Кофе? — Если Нед настроен мириться, то он не станет противиться налаживанию по крайней мере вежливых отношений.

Не нуждаясь в том, чтобы ее просили, Элизабет исчезла.

— Садись, — предложил Джек, указывая на стул.

— Спасибо. — Нед провел ладонью по волосам.

Небритый, неухоженный, он не походил сам на себя.

— Не думал, что мы с тобой еще когда-нибудь станем разговаривать. — Судя по лицу Синклера, эта фраза причинила ему боль. — Очень жаль, что все так получилось.

— Теперь я понял, что внутренне никогда не спорил с тобой, Нед.

— Но я с тобой спорил, — печально улыбнулся тот.

— Тогда какого черта ты здесь? Хочешь, чтобы я порадовался беременности твоей жены?

— Не говори ерунды! — Нед стал нервозно сжимать и разжимать руки. — Об этом мне больше не с кем поговорить, Джек.

— О чем?

— О письме от начальника полиции Бангалора. Ты ведь тоже получил?

Джек похолодел и ответил:

— Нет, но, наверное, просто потому, что Элизабет не вынула почту. Ты получил вчера?

— Да. Его не спутаешь ни с одним другим. — Нед издал короткий беспомощный смешок. — Жена Брента настаивает на возобновлении расследования.

— Что? Зачем? После всех этих лет?

— Гарольд говорит, что она добивалась этого годами. Прежде у нее ничего не получалось, но сейчас она добыла себе индийского адвоката из Дели, который жаждет славы, денег и уже популярен у истеблишмента. Теперь она в Бангалоре, роет копытом землю, утверждает, что у нее есть новые улики. — Он задрожал.

— Тебя оправдали, и никаких новых улик быть не может.

Появилась Канакамал с кофейниками и чашками на подносе.

— Кофе должен настояться, — предупредила она, бросая взгляд на Неда. — Может быть, бренди?

Джек благодарно кивнул. Оба молчали. Нед встал и смотрел теперь на холмы, а Брайант расхаживал по веранде, обдумывая новый, шокирующий поворот событий.

Элизабет вновь появилась, на этот раз с напитками.

— Приятного вечера, мистер Синклер.

Он круто повернулся.

— Спасибо, Канакаммал. Простите, что не поздравил вас обоих со свадьбой.

Джек надеялся, что в темноте Нед не заметил его усмешки.

— Спасибо, — сказала она.

— Не жди меня, — заявил ей муж, когда она уходила.

— Тебе повезло, Джек.

— Ты считаешь? — Брайант произнес эту фразу сухо, протягивая Неду бокал.

Тот залпом опрокинул бренди и застонал. Джек невольно ощутил сочувствие к нему. Несмотря на гневные тирады, которые он обрушивал на Синклера во время своих припадков ярости, Брайант понимал, что причина его страданий вовсе не в друге. Джек был несчастлив из-за Айрис, недоволен сам собой. Нед на протяжении всей истории действовал исключительно благородно.

— Тебе надо сохранять спокойствие. Паникой делу не поможешь.

— Спокойствие? Я убил человека, Джек. Ты хочешь, чтобы я сохранял спокойствие, когда они возобновят следствие и начнут выискивать новые улики?

— Никаких улик нет, и взяться им неоткуда. В крайнем случае, если тебя загонят в угол, ты всегда можешь сказать, что он начал делать пассы, может быть, даже прикоснулся к тебе. Ты оттолкнул его и вышел. У них нет свидетелей, способных подтвердить, что ты находился в комнате в момент смерти.

— Что-то у них есть, Джек, иначе не вызывали бы. У меня жена... будущий ребенок, — простонал Нед, тяжело садясь и обхватывая голову руками.

— Если ты послушаешь меня, с ними все будет в порядке.

— Тебя я уже слушал. — Нед говорил глухим голосом безумного.

— Но больше-то тебе слушать все равно некого. Есть только я.

— Джек-спаситель?

— Что ты сказал семье?

— Ничего! Айрис не в курсе.

— Может быть, ей следует узнать.

— Не сейчас.

— Нед, она сильнее, чем ты думаешь. Не следует это от нее скрывать.

— В общих чертах я рассказал родителям жены.

— Зачем? Что на тебя нашло?

— Мне может понадобится их поддержка. Я лишь сказал им, что расследование могут возобновить и в этом случае мне придется поехать в Бангалор.

— Гарольду известно, что я в тот вечер был в доме, даже несмотря на то, что Сабу это отрицает.

Нед был явно шокирован, а Брайант заметил:

— Он ничего не скажет, так что паниковать не стоит.

— Так что же мне делать?

— Не стоит бросаться в Бангалор до получения формальной повестки. Письмо — это что-то вроде символического жеста. Вполне возможно, что им все и ограничится.

— Я в этом не уверен. Надо как-то подправить нашу версию.

— История не меняется, Нед. В этом-то и дело. Не прибавляй ничего к уже сказанному и не убавляй от него.

Нед вздохнул, допил кофе и сказал:

— Я пойду. Спасибо, что выслушал. Если надумаешь что-нибудь еще, то знай, что следующие две недели я работаю в утреннюю смену.

* * *

Джек не пошел спать. Вскоре он уже подъехал к клубу. На нем не было соответствующего костюма, но Брайант объяснил, что случай неотложный, и его пропустили к телефону.

Генри Берри, находящийся в «Бангалор-клубе», ответил быстро.

— Что случилось, Джек? Не похоже на тебя звонить на ночь глядя.

Избегая говорить правду, Брайант объяснил ситуацию:

— В тот день я был в клубе и обнаружил Брента, который скончался у меня на руках. Все думают, что он, вероятно, оступился о ковер, упал и ударился головой. Brent успел произнести лишь несколько прощальных слов, так что от меня как от свидетеля не было особой пользы, но я все равно оказался замешан.

— Ты хочешь, чтобы я выяснил, что им известно?

— Мне не хочется без крайней необходимости ехать разбираться в Бангалор. Придется не выходить на работу, выслушивать ворчание жены. — Он старался придать своему голосу как можно более небрежные интонации. — Я к тому, что это касается меня только боком. Зря я тогда ввязался и поднял тревогу.

— Понятно, дружище. Посмотрим, что удастся выяснить. Позвоню через несколько дней.

— Спасибо, Генри.

— Да не за что. До связи.

Джек положил трубку. На обратном пути он притормозил, когда проезжал мимо нового магазина. Его можно будет открыть через месяц. В связи с этим у Брайанта зародилась одна идея, которую он хотел бы обсудить с Элизабет. Ей этот план придется по вкусу. История с Брентом совершенно некстати. Только ему стало казаться, что он взял жизнь в свои руки, как эта самая жизнь стала мешать осуществлению его планов.

Джек знал, что жена ждет. Она никогда не засыпала, пока он не придет и не ляжет рядом. Даже после самых тяжелых смен, когда Брайант приходил совсем рано и, усталый, забирался под одеяло, она бывала менее сонной, чем он. Какие бы благожелательные боги ни послали ему Элизабет, Джек знал, что должен благодарить их каждый день, потому что она стала для него ангелом.

— Ты меня слушаешь, Джек? — Генри постучал по трубке. — Проклятье, связь прервалась.

— Я здесь, Генри. — Брайант был настолько потрясен, что с трудом заставил себя произнести это, но быстро собрался с мыслями и овладел собой. — Как я и думал, ничего серьезного. По-моему, надо просто подождать и посмотреть, что будет дальше. Еще раз спасибо тебе, Генри.

— Да ерунда. Я так понимаю, ты приедешь, когда начнется следствие?

— Когда появлюсь, обещаю позвонить.

— Звони. Теперь моя очередь. Обещаю ужин в «Бомбейском утенке».

— Заметано. До встречи.

Джек повесил трубку. Губы у него онемели, лицо стало липким от пота. Надо поставить в известность Неда, но сперва выпить.

Приняв несколько порций виски, он нашел в себе мужество поговорить с Синклером. Часовая стрелка приближалась к двум. Смена Неда как раз заканчивалась. Можно успеть встретить его на выходе. Брайант подъехал на мотоцикле к отделу электроснабжения и стал ждать на улице, стараясь не думать о новости, которую сообщил Генри. Последствия могли быть серьезными.

Если Джек сумеет выкрутиться, найдет способ вытащить их обоих из той ямы, в которой они оказались и которая с каждым днем углубляется, то начнет новую жизнь.

Первое, что он сделает, это в полном смысле создаст семью с Канакамал. Брайант улыбнулся про себя. Мысленно, если не слишком напрягаться, можно произнести ее имя. Да, он отвезет ее в Бангалор и покажет их новый дом, купит ей еще драгоценностей и продемонстрирует магазин, которым, как Джек надеялся, она согласится управлять. Чем большее участие она станет принимать в его жизни, тем меньше он будет думать об Айрис.

Теперь у него появилась идея открыть еще один магазин в Робертсонпете, и другой, скорее всего, в Нандидруге. Ему уже рисовалась целая сеть таких заведений, возможно, с барами, которые

станут излюбленным местом встреч. Люди будут приходить туда, чтобы вкусно поесть, выпить хороший кофе. Разумеется, не обойдется без мороженого и тортов. Размышлять об этом было приятно, и ему хотелось превратить мечту в реальность. Но сперва надо отделаться от призрака Брента, который вернулся и начал преследовать их.

Если небеса даруют ему это последнее избавление, то он навсегда оставит Айрис в прошлом. Джек принес эту клятву молча, моля, чтобы молитва была услышана.

На выходе из отдела электроснабжения показался Нед. У Брайанта сдавило горло. Как ему сказать? Какой способ защиты придумать? Последнее куда важнее.

— Джек!..

— Надо поговорить. — Брайант запустил мотор. — Садись.

— Айрис...

— Это важно.

Нед понял.

— Я могу побыть с тобой лишь недолго. Подбрось меня до магазина, я куплю ей что-нибудь и скажу, что из-за этого задержался.

— Похоже, она держит тебя на коротком поводке.

— Я сам себя так держу.

Джек поддал газу. Позже, когда Нед купил коробку мармелада и баночку какао, они медленно пошли вдоль железнодорожных путей. Здесь было тихо.

— Я выяснил то, что мы хотели знать. Ситуация действительно осложняется.

— Объясни.

Собравшись с духом, Джек обрисовал положение, от которого его бросало в холодный пот с того самого момента, когда он впервые обо всем узнал:

— Похоже, рьяный адвокат и его исполненная решимости клиентка раскопали-таки свидетеля, который подтверждает, что в тот день мы с тобой были в клубе и искали Брента.

— Что? — Синклер побелел как мел.

— Дыши глубже, Нед.

— Не может быть.

— К сожалению, может. Я проглядел, забыл подмазать это колесо. Проклятье! — Джек ударил кулаком одной руки в ладонь другой. —

Идиот!

— Кто этот свидетель? — Нед плохо соображал.

— Его зовут Рамеш.

— Рамеш?

— Официант, с которым я говорил, когда пришел. Чтоб ему пусто было! Как и адвокату этой женщины, который нашел его.

— Они доверяют его показаниям? — Неда охватило смятение.

— Мы можем отрицать, что все было так, как он говорит, но тогда они зададутся вопросом, кому верить. Нет, нужно придумать что-то такое, что дискредитирует в их глазах этого Рамеша и его показания. Я подумаю. Пока нам остается держать паузу.

— И надеяться, что все растворится само собой?

— Нед, это старое, закрытое дело. Рассуди сам. Полиции страсть как не хочется затевать новое расследование... поскольку оно будет означать, что в первый раз они схалтурили. Нам тоже не нужно, чтобы старое чудище выползло из болота, так что мы отнюдь не кинемся им помогать сломя голову. В итоге вдова Брента со своим высокооплачиваемым адвокатом останутся без всякой поддержки. Они должны будут представить неопровержимые доказательства, которых, надо полагать, у них нет. Сейчас самая лучшая тактика — постараться сохранять спокойствие и не поддаваться на провокацию. Пусть инициативу берут на себя другие.

— Я не понимаю, в какую игру ты играешь.

— В старую, любимую. Она называется «Спаси Неда Синклера».

Живи как жил.

— И все?

— Если не хочешь, чтобы жена порвала тебя в клочки. Я знаю, какими собственницами бывают эти англо-индианки.

Нед утомленно качнул головой.

— Оставь ее в покое.

— Я так и сделал.

Провожая взглядом Неда, который, ссутулившись, тащился вниз по склону, Джек видел, что в таком состоянии от него можно ожидать чего угодно. Не факт, что последние новости не добьют Синклера. Джеку совершенно этого не хотелось, и он решил, что, пожалуй, придется побеседовать с Айрис.

* * *

Канакаммал, как всегда спокойная, ждала мужа дома. Если у нее и возникли вопросы, то она держала их при себе.

Вместо приветствия Брайант поцеловал ее.

— Пойдем, я покажу тебе магазин. Он почти готов.

— У меня есть новость. — Она произнесла это с непривычной настойчивостью.

— Скажи. — Он уселся и привлек ее к себе.

— Я ношу нашего ребенка.

Джек на какое-то время утратил дар речи, потом опомнился и пробубнил:

— Ребенка?

Она кивнула.

— Ребенка! — Джек вскочил как подброшенный.

— Это иной раз случается. — Канакаммал рассмеялась своим гортанным смехом.

Брайант схватил ее за руки, притянул к себе, поцеловал и заявил:

— Это самая лучшая новость за всю мою жизнь.

— Правда?

— Конечно! — вскричал он. — Да! У нас может быть сын. Новое поколение Брайантов. Мы назовем его Хауэл, в честь древнего корнуэлльского короля.

— А может родиться и девочка. Мы назовем ее Мутулакшми. — Заметив выражение его лица, она разразилась смехом. — Английское имя — это хорошо, но и индийское ей тоже понадобится.

— Согласен, главное — дать хорошие корнуэлльские имена при крещении. — Он заулыбался. — Ты умница.

— Учусь у тебя.

Джек опять нежно поцеловал жену.

— Спасибо за нашего ребенка. Это знамение.

— Знамение чего?

— Что ты — благословение моей жизни.

Она улыбнулась, но у нее в глазах мелькнула тревога.

Всего на мгновение, но Брайант это заметил.

— Что такое?

Жена покачала головой, делая вид, что не понимает, о чем он.

— Что-то не так?

— Нет, ничего.

— Пожалуйста, скажи.

— Просто у меня странное чувство, как будто тебе придется меня покинуть.

— Не говори глупостей. Теперь тебе от меня не отделаться. Впереди нас ждет только хорошее.

Канакаммал кивнула, но Джек видел, что легкое беспокойство у нее все равно осталось.

Сообщив, что недавно принятый на работу чокра отправился обедать, Айрис уперла руки в боки, склонила голову и с укором посмотрела на мужа.

— Нед, ты ведь не слышал ни слова из того, что я только что сказала!

— Что? — рассеянно переспросил он.

— Наверное, мне следует быть благодарной и за то, что ты, по крайней мере, опять брешься. Что на тебя нашло?

— О чем ты?

— Ты как будто все время пребываешь где-то вдали. До тебя не достучишься. Я что-то не так сделала?

Застегнув верхнюю пуговицу сорочки, он потянулся к ней. Нед и сам понимал, что производит странное впечатление, но тревога снала его. Синклера хватало лишь на то, чтобы один за другим переживать полные тревоги дни.

— Не говори глупостей.

— Ты ведешь себя ужасно странно, Нед.

— Прости. Очень много забот.

— Каких, к примеру?

— Да всяких. Управлять отделом электроснабжения — не легкая прогулка, Айрис. На мне теперь большая ответственность, и компания хочет получить свое.

— Понимаю, но ты перестал есть, почти не говоришь и вообще ведешь себя так, как будто все происходящее вокруг не имеет к тебе никакого отношения.

— Прости, пожалуйста. — Он чмокнул жену в щеку. — Очень много дел, вот и все. Деревенские крадут электричество. В последнее время они прямо как с цепи сорвались. Раньше это делали лишь некоторые, а теперь словно возник какой-то заговор.

— Но при чем здесь дом, семья? Довольно и того, что у тебя длинный рабочий день. Когда ты здесь, я хочу видеть тебя рядом со мной. Скоро появится ребенок, и его нельзя будет игнорировать так, как меня.

— Я тебя не игнорирую!

— Игнорируешь. Ты уже даже не спишь со мной. Как, по-твоему, я должна себя чувствовать? Скажу тебе!.. Я ощущаю себя непривлекательной, нежеланной и, уж конечно, нелюбимой.

— Ой, Айрис, только, пожалуйста, не начинай. — Он попытался поцеловать ее в кривящиеся губы, но она отдернула голову и заявила:

— Нет, не отмахивайся, Нед. Я хочу, чтобы мы больше времени проводили вместе. Ты не водишь меня на танцы. Мы так и не поехали никуда на наш медовый месяц, хотя ты обещал. Мне нужны новые туфли, но...

— Деньги не растут на деревьях, — начал он.

Ему вспомнилось предупреждение Джека. Потребности Айрис превысят то, что он может ей дать.

— Не надо говорить со мной таким тоном. Мне известно, что мы можем себе позволить, а что — нет. Ты напоминаешь мне об этом достаточно часто.

— В таком случае тебе, наверное, лучше было выйти за другого. — Он хотел сказать это легко, как шутку, но фраза, заряженная напряжением внутреннего состояния, прозвучала как вызов.

Айрис отступила, словно получив пощечину.

— Это ты к чему?

Слово не воробей. Он понял, что назад пути нет.

— Очевидно, я не в состоянии дать тебе то, в чем ты нуждаешься.

— Очевидно, ты даже к этому и не стремишься, — парировала она. — Большая часть того, в чем я нуждаюсь, ничего не стоит.

— Я не желаю ссориться, Айрис.

— То, что ты не хочешь что-то обсуждать, — не основание игнорировать мои слова.

— Что именно? — повысил голос Нед.

— Что с тобой творится. Из-за чего ты так беспокоишься.

Синклер понял, что Айрис взяла след, и попытался сбить ее с него:

— Наверное, моих возможностей тебе не хватает. Видимо, Джек Брайант дал бы тебе больше.

Она расплакалась, а он почувствовал себя свиньей. У него не было никакого права сомневаться в ее верности. Со дня свадьбы Айрис была ему любящей и преданной женой.

— Прости. — Синклер уже хотел смягчить ситуацию.

— Отправляйся на работу, Нед. Уходи.

Он не стал задерживаться и пулей вылетел из дома, чувствуя себя сильно пострадавшим от такой перебранки. Общее настроение у него от всего этого отнюдь не улучшилось. Внезапно мир, сиявший яркими красками, поблек, а Синклер стал бесконечно одиноким в равнодушной толпе. Так же он чувствовал себя в Рангуне. Теперь весь тот ужас опять потянулся к нему своими щупальцами. Он отнял у него родителей, друга и, похоже, не желает останавливаться, хотя Белла вроде бы в безопасности. Зловещая тень Брента витает над ним, желая засадить за решетку.

Если его обвинят в убийстве, как это скажется на Айрис, на семье Уокеров, на их нерожденном ребенке? Синклер будет гнить в тюрьме, зная, что его сын или дочь растет без убийцы-отца, отсидживающего срок за решеткой на Шешадри-роуд. Он хрипло, невесело рассмеялся, сообразив, что ведь тогда круг замкнется, потому что тюрьма находится всего в сотне ярдов от того места, где он провел свою первую ночь в Бангалоре.

Нед не желал умирать в индийской тюрьме, предпочитая покончить счеты с жизнью на своих собственных условиях. Постаравшись отбросить невеселые мысли, он свернул на территорию шахты, надеясь, что работа не оставит ему времени на размышления.

* * *

Джек опять начал работать по ночам, Нед же, как выяснилось, теперь выходил в дневную смену. Вчера Брайант ненадолго пересекся с ним во время пересменки и поразился тому, насколько тот осунулся. Нед был небрит, взгляд у него блуждал. Он как безумный твердил, что скорее покончит с собой, чем согласится сидеть в индийской тюрьме. Джеку это показалось полным бредом. Он был абсолютно убежден в том, что Неду не в чем оправдываться. Единственная причина, по которой полиция прислала им эти письма, заключалась в желании стражей порядка умиловить разгневанную вдову.

Полиция располагала лишь показаниями слуги из «Бангалор-клаба», представляющими собой воспоминания семилетней давности.

Джек не считал, что этого будет достаточно, чтобы убедить власти в необходимости заново открыть дело. Даже если они на это пойдут, все равно это будет слово Неда против слова Рамеша.

Брайант справился бы, да вот только Синклер, похоже, не в состоянии выдержать паузу. Нед вот-вот сорвется с катушек, так что необходима помощь.

«Будь я проклят, если позволю засадить себя как соучастника убийства», — думал Джек.

Он желал избавить Неда от тюремного приговора, но руководствовался также и собственными интересами.

Брайант поспешил в Ургаум. Приблизившись к границам участка Синклеров, он спрятал мотоцикл в кустах. Дом Неда, выделенный ему компанией, располагался чуть в стороне от прочих, занимая небольшую, но отделенную от других территорию. Перемахнув через невысокое ограждение, Джек приблизился к дому со стороны заднего крыльца, распугав кур и вызвав панику у кормившего их чокры.

— Мадам дома? — осведомился он.

Мальчик, по-видимому, понял и указал в сторону кухни. Дверь была открыта. Из радиоприемника доносилась негромкая музыка. Женщина, тихонько подпевая, мела пол.

— Можно? — спросил он и вошел.

Появилась Айрис, откидывая от покрасневшего лица прядь волос, в фартуке поверх старого домашнего платья. Она была гораздо красивее, чем рисовало ему воображение.

— Дже-ек!

— Прости, что пришел без предупреждения, — коротко сказал он.

Отставив веник, Айрис торопливо сняла фартук и стала приглаживать волосы. Для него это ничего не меняло. Она была прекрасна.

— Что ты здесь делаешь? — Айрис бросила взгляд назад, в комнаты. — Почему пришел с черного хода?

— Мне надо поговорить с тобой наедине.

— Джек, я...

— Насчет Неда.

— Неда?

— Он меня беспокоит.

Она поразила его, разразившись слезами, которые, по-видимому, подступили раньше. Двумя широкими шагами Брайант пересек кухню и приблизился к ней.

— Мне очень жаль. Я не хотел...

— Дело не в тебе, — прорыдала Айрис. — Дело в... — Она не смогла закончить.

Джек обещал себе, что будет держаться от Айрис на безопасной дистанции, но сейчас она сама упала ему в руки. Он успокаивал ее, бормоча бессвязные слова. Лицо Айрис оказалось так близко, что можно было почувствовать сандаловый аромат шампуня.

— Джек, он стал таким странным. Но со мной Нед ничего не обсуждает. Не знаю, в чем дело, но он несчастен.

Брайант провел ее в небольшую комнату, служившую гостиной. Там было темно и прохладно.

Усадив Айрис на диван, он осторожно опустился рядом с ней.

— Знаю, — сказал он.

— Откуда? Вы опять общаетесь?

— Не скажу, что топор войны зарыт, но мы начали разговаривать. Друзьями нас не назовешь, но и врагами тоже.

— Я рада. — Айрис коснулась его руки, но он отдернул ее, словно обожженный. Она как будто не заметила этого и добавила: — Потому что ты единственный, кто у него есть.

Брайант поднялся, обеспокоенный тем, что могла бы спровоцировать такая близость. Чтобы создать дистанцию, Джек отошел к камину. Ему было трудно на нее смотреть, еще труднее — подавить естественную реакцию, когда она к нему прикоснулась. Чтобы восстановить равновесие, он кашлянул. Она смотрела на него.

— Айрис, сейчас тебе надо быть с Недом очень чуткой. У него на душе тяжело.

— Но почему? Если он может сказать тебе, то почему не мне?

— Нед должен сам с тобой поговорить, — вздохнул Джек. — Я пришел просто для того, чтобы попросить тебя поддержать его, быть опорой. Не дай демонам взять над ним верх.

— Демонам? — Ее рот вытянулся в нитку. — Пожалуйста, Джек, расскажи мне, что тебе известно.

— Не мое дело...

— Ты пришел, значит, это стало твоим делом. Я не удовлетворюсь туманными высказываниями. Мне надо знать, что происходит. У него неприятности?

— Это тянется еще с того времени, когда он не знал тебя, Айрис. Не знаю, рассказывал ли Нед тебе что-нибудь о том времени, когда он был в Рангуне, но, наверное, ему стоит это сделать. Тогда для тебя многое прояснится.

— Я знаю, что после смерти родителей они с сестрой тайно проникли на корабль и бежали.

— Это верно, но было еще кое-что.

— Так расскажи мне.

Джек вздохнул и начал ходить взад-вперед. Он чувствовал неотступный взгляд Айрис. Магнетизм опять срабатывал, и это напряжение не имело ничего общего с затруднительной ситуацией, в которой оказался Нед. Брайант обещал своей жене, что не обманет ее доверия. Если он рассчитывает оправдать ожидания отца и быть верным мужем, то вот и первый шаг к этому. Собравшись с духом, он начал:

— В приюте был человек по имени Brent, по-видимому, доктор. Вскоре выяснилось, что этот Brent — любитель детишек. — (Тут лицо Айрис изменилось.) — Нед бежал из приюта, чтобы защитить Беллу. Одним словом, Brent нашел Синклера в Бангалоре, и так уж получилось, что в тот же вечер доктор умер.

— Обвинили Неда? — У Айрис пресеклось дыхание.

— Его оправдали. Тело Brentа обнаружил я.

Вот она, ложь. Джек выложил ее Айрис, и она звучала так убедительно, что он и сам готов был в нее поверить.

— Он умер в результате несчастного случая. Вскрытие подтвердило, что от раны на голове, полученной при падении. Разумеется, нас обоих допрашивали. Меня, потому что я обнаружил тело и поднял тревогу, Неда, потому что он был одним из последних людей, с которыми Brent разговаривал. Они беседовали в доме твоих родителей.

— Почему ты сейчас мне это рассказываешь? В чем причина огорчения Неда?

— Не исключено, что следствие возобновят. Вдова Brentа убеждена, что выводы о смерти от несчастного случая нуждаются в

перепроверке, но у нее нет веских доводов, и она хватается за соломинку.

— Из-за этого Нед в таком состоянии?

— Да. Ему кажется, что открылся ящик Пандоры. Все страхи и угрызения, от которых он бежал, когда покинул Рангун, теперь вернулись. Ведь он ненавидел Брента. Наверное, эту карту и разыгрывает вдова, пытаюсь доказать причастность Неда.

Лицо Айрис приняло озадаченное выражение, а Брайант продолжал:

— Знаю, это нелепо, но для него сейчас ожили прежние переживания. Все мы по-разному справляемся с эмоциональными бурями. Ты и твоя семья дали Неду новую жизнь. Золотые Поля были к нему добры. Но когда я познакомился с ним в Мадрасе, он был в очень плохом состоянии.

Для Джека стало неожиданностью, когда Айрис встала и обняла его.

— Что бы тебе ни казалось, но ты настоящий друг Неда. Я сожалею обо всем, что произошло между нами. — Она отстранилась. — Действительно сожалею.

Брайант улыбнулся, не в силах объяснить ей, насколько трудна для него эта ситуация. Он восхищался Элизабет, нуждался в ней, но одного прикосновения Айрис было почти достаточно, чтобы заставить его забыть все обещания.

— Есть еще кое-что, что я хотела бы рассказать... — начала было Айрис, но Джек оборвал ее на полуслове. Нельзя было допускать возникновения близости.

— Я не сожалею о том, что произошло между нами, — печально произнес он. — Я уважаю твое решение. Но вот это только осложняет дело. — Брайант убрал ее руки со своих плеч.

* * *

Неду стоило большого труда собраться с мыслями, но надо было мириться.

— Уже идешь? — спросил его один из сотрудников.

— Пожалуй, поем дома с женой.

— Значит, у молодоженов теперь это так называется?

Нед почувствовал, что краснеет от гнева, но сдержался. Он знал, что надо рассмеяться, прекратить так болезненно реагировать на все, что имеет хоть какое-то отношение к сложностям его жизни.

Он покинул двухэтажное здание. Изначально такой же красно-кирпичный, как и все главные здания, отдел электроснабжения после недавней побелки отчетливо выделялся на фоне остальных. Он был хорошо виден из любого места в Ургауме. Дом, выделенный Синклерам, не белили. Он был выложен из местного камня и оставался неприметно-серым. Его окружал сад, со стеной из такого же камня. Нед любил высокие деревья, окружавшие участок, потому что они создавали ощущение уединения, хотя между ветвями и виднелась черепичная крыша.

Внезапно Синклер почувствовал, что теряет почву под ногами, как тогда, много лет назад в Рангуне. Неда опять преследовала коварная мысль о том, что все, кого он любил, покинули его. Теперь даже Белла бросила брата, предпочла приемных родителей и приятную жизнь в Мадрасе.

Голосок в глубине сознания не унимался: «А теперь ты уже и Айрис надоел. Замечаешь утомление у нее в голосе? Кстати, ты не считал? Уверен, что ребенок твой?»

Нед прогнал эти низкие мысли и заставил себя сосредоточиться на Айрис. До дома уже рукой подать. Он извинится за свое поведение, и она сразу же его простит. Ему не следует сомневаться в Айрис. Она выбрала его и никогда не покинет. Жизнь сейчас полна счастья. Когда будет покончено с полицейскими формальностями, Нед отвезет ее куда-нибудь. Они устроят настоящий медовый месяц, станут заниматься любовью под звездами, обсуждать планы на будущее и придумают имя для ребенка.

Ему не о чем беспокоиться. Не о чем!

Нед вошел через парадную дверь, но не стал звать жену. Решил сделать сюрприз.

* * *

Айрис опять обняла Джека, зарылась головой ему в грудь.

— Спасибо, что пришел. Если бы ты знал, как мне это было нужно...

Вдруг она почувствовала, что Брайант застыл. Слова замерли у нее в горле, когда Айрис обернулась и увидела мужа в дверном проеме.

— Нед, — придушенно произнесла она. — Это не то, что ты думаешь!

Джек вздохнул. Он даже не прикасался к Айрис, но Нед все равно увидит то, что захочет.

Загнанное лицо Синклера на глазах осунулось. В нем больше не читалось гнева, лишь глубокая горечь и печальное смирение.

— Я думал провести перерыв с тобой, — глухо произнес он, обращаясь к Айрис. — Но ты, похоже, уже получила то, что хотела.

— Нет-нет! — Она рванулась к нему, но Нед уже исчез.

Хлопнула дверь, Айрис издала сдавленное рыдание и сползла по стенке на пол. Джек поднял ее, стал утешать и искал взглядом, куда ее можно отнести, чтобы уложить в постель. Из-за рыданий она не могла произнести ни слова. Джек отнес Айрис в спальню, маленькую, скупо обставленную. Совсем не так, как у него дома. Синклеры жили скромно.

«Достаточно одной любви», — как-то сказал ему Нед.

Джек знал, что тот в самом деле так считал, но сам он не разделял этого мнения.

Уложив сотрясающуюся от рыданий Айрис в постель, Брайант накрыл ее шалью и отправился на поиски чокеры.

Он дал мальчику немногословные инструкции, бросил ему пару монет и поторопил:

— Джалди!

После этого Джек сел на ступеньку лестницы и стал ждать. Примерно через полчаса показалась Канакаммал.

Увидев ее, он как можно более простодушно пожал плечами и постарался объяснить ситуацию:

— Мы с Недом вовлечены в одно старое полицейское расследование. Тебе беспокоиться не о чем, но Синклер опасается, что это разрушит его брак, да и всю жизнь.

Элизабет, похоже, не интересовали подробности. На ее лице читалось, что она хочет знать лишь одно — почему Джек оказался в этом доме, наедине с чужой женой.

— Мне нужно было заручиться помощью Айрис, — сказал Брайант и отбросил непослушную прядь волос. — Но похоже, мое присутствие здесь только еще больше все запутало. — Шок от того, что произошло, еще не оставил Джека. — Айрис плакала, я ее утешал, и в этот момент вошел Нед. Можно было подумать что угодно, но на самом деле все происходило совершенно невинно. — Он взял ее за руку. — Ты ведь мне веришь?

Она серьезно посмотрела на него и ответила:

— Ты мой муж.

— Элизабет, клянусь, я пришел сюда помочь Неду, а вовсе не ради встречи с Айрис. Подумай сама! Если бы я хотел встретиться с ней в том смысле, в каком подумал Нед, разве явился бы среди бела дня к нему в дом, расположенный в двух шагах от места его работы, когда входная дверь открыта нараспашку, а рядом слуги?

— Я знаю, — кивнула она.

— Так ты веришь мне?

— Я же здесь, — ответила она, и в ее устах очевидное прозвучало особенно веско и убедительно.

— Побудь с ней.

— Миссис Синклер это не понравится. Она меня презирает.

— Что ты говоришь? Айрис ведь даже не знает тебя.

— Ей известно, за кем я замужем.

— Ты придумываешь.

— Нет. Она предупредила меня, чтобы я не переступала порог ее дома!

— Что? — Джек посмотрел на жену, и она не дрогнула.

Брайант просто разрывался.

— Тогда, пожалуйста, просто проследи, чтобы здесь все было спокойно. Ее родители в Коларе, поэтому-то я и послал за тобой, но они довольно скоро вернутся. Мне нужно поговорить с Недом, объяснить ему все.

— Хорошо, ради тебя и миссис Синклер, я останусь.

— Спасибо. — Джек поцеловал ее в щеку. — Я скоро.

Он бросился за Недом, но опоздал. В отделе электроснабжения ему сообщили, что Синклер уже уехал.

— Куда?

— В район Бангарапета. Там деревенские воруют электричество. Нед решил своими глазами посмотреть, что происходит.

— Хорошо. Тогда я поговорю с ним позже.

А что Джеку еще оставалось сказать? Он уже сомневался в том, что ему вообще когда-либо доведется разговаривать с Недом.

Вернувшись к дому Синклеров, он застал Канакаммал снаружи.

— Нед уехал из Полей и вернется позже. Может быть, только вечером. Что тут происходит?

— Как только Айрис пришла в себя и зашевелилась, я вышла на улицу. Она больше не плачет, швыряет вещи — наверное, сердится.

— Хорошо. Гнев лучше, чем отчаяние. — Брайант бросил взгляд на часы. — Мне пора собираться на работу. Можешь побыть здесь еще немного?

— Я уйду тогда, когда придет кто-нибудь из членов ее семьи.

— Ты ангел, — на бегу бросил Джек, направляясь к мотоциклу.

Он так и не попал к Уокерам. По пути его остановил почтальон.

— Мистер Брайант, сэр?

Джек притормозил.

— Что-нибудь для меня?

— Да, сэр, телеграмма. Срочная! Я направлялся прямиком к вам.

— Тогда хорошо, что мы встретились. — Джек улыбнулся, хотя телеграммы, как показывал его опыт, неизменно означали дурные известия.

Вскрывая конверт, он затаил дыхание. Может быть, в нем содержится полицейская повестка?.. Но новости оказались гораздо хуже, чем он ожидал.

Джек, дорогой, твой любимый отец скончался вчера. Сердечный приступ. Его последние слова были о тебе. Нам не хватает тебя больше, чем когда-либо. Твоя любящая мама.

Скомкав телеграмму в кулаке, он издал стон сердечной муки, от которого содрогнулись Золотые Поля.

Вернувшись, Канакаммал сразу почувствовала, что что-то не так. Дом утопал в тишине, которая даже снаружи казалась удушающей. Во дворе, прижимая палец к губам, показался Гангаи и поспешил к ней.

Они заговорили на тамильском.

— Он пьет?

— Все, что только может найти. Я отослал твоих сестер и брата к моей семье. Это недалеко, за углом.

— Спасибо.

— По-моему, он плачет.

Этого Канакаммал не ожидала, однако сдержалась, благодарно пожала заломленные руки Гангаи и ничем не выдала своих чувств.

Джека она обнаружила в углу гостиной. Он сидел, ссутулившись и сжимая в руках засаленный клочок бумаги. Небритый и растрепанный, он показался ей красивым как никогда. Кругом валялись бутылки всевозможных цветов и форм. Канакаммал знала, что последние недели муж не прикасался к спиртному, и это пошло на пользу всему — его здоровью, семейной жизни, работе.

Работа! Она бросила взгляд на часы. Через несколько часов ему пора на смену. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что Джеку этого не потянуть.

— Элизабет, — пробормотал он.

Глаза у него покраснели, а лицо осунулось от горя.

— Я здесь, — негромко отозвалась она. — Чем я могу тебе помочь?

— Его больше нет.

— Кого нет, Джек?

— Я так с ним и не попрощался, не поблагодарил, не сказал, как его люблю.

Приблизившись на цыпочках, она присела рядом с ним.

— Кого ты потерял? — спросила Канакаммал, глядя его по волосам, по спине, понимая, что вся эта сцена — от горя, а не от гнева.

— Отца, — глухо произнес он. — Пятьдесят четыре года. Слишком рано. Мне следовало писать ему чаще. Я хотел, чтобы он

узнал о нас, о нашем ребенке. Отец не должен был умереть, не узнав, что род Брайантов продолжается. Я не...

— Ш-ш. — Она хотела его обнять, но он отмахнулся от утешения.

— Нет! Я никуда не гожусь. Вся моя жизнь — одно сплошное сожаление.

Канакаммал запретила себе воспринимать это лично.

— Тогда плачь. Я буду неподалеку. — Она встала, впервые почувствовав, что делать это стало тяжелее.

Живот у нее оставался плоским и тугим как барабан, но внутри происходили едва заметные перемены, что-то созревало, набухала грудь.

— Я пошлю Гангаи с запиской в Топ-Риф.

— Нет!

— Тебе нельзя сейчас работать.

— Не твое дело указывать, что мне можно, а что нельзя.

Канакаммал вздохнула и пошла к выходу. Продолжать разговор, когда он в таком состоянии, не имело смысла.

Но на пороге, повинувшись внезапному побуждению, она оглянулась и в последний раз предупредила его:

— Если ты планируешь выйти в свою смену, то тебе надо протрезветь. Я приготовлю кофе.

— Оставь меня! — приказал он, и она вышла.

В какой-то момент Брайант ушел из дома. Канакаммал этого не слышала, но Гангаи прибежал и сообщил, что Джек уехал на мотоцикле.

— Он был одет как на работу?

Дворецкий лишь покачал головой.

— Сказал, куда отправляется?

— В Андерсонпет.

Она вздохнула.

Существовала только одна причина, по которой муж мог отправиться в Андерсонпет. Он решил посетить местную забегаловку, где варили самогон, и напиться там мерзкой араки без цвета и запаха, сгубившей не одного жителя деревни.

Когда Джек наконец вернулся домой, брюки на нем были разорваны, нога кровоточила, а в глазах горел странный огонь, которого Канакаммал никогда прежде не замечала. Она держалась на расстоянии. Из опыта ей было известно, что муж никогда ее не ударит, однако в дурном настроении он мог говорить злые вещи и совершать самые дикие поступки.

— Принести тебе что-нибудь? — спросила Канакаммал, когда Джек сорвал с себя одежду.

Теперь, когда он снял брюки, она увидела, что на ноге у него длинная, глубокая рана.

— Мне надо протрезветь. — Брайант погрозил ей пальцем.

Канакаммал занялась приготовлением кофе и чапати, пресных лепешек. Наевшись, он должен уснуть. Однако Брайант явился к столу с влажными волосами, бритый, хотя и с порезами, и одетый как на работу. Его взгляд блуждал и никак не мог сфокусироваться. С красными кругами вокруг глаз, Джек дышал так тяжело и хрипло, что жена это слышала.

— Я приготовила тебе завтрак, — осторожно произнесла она.

— Только черный кофе. — Он произносил слова слегка неразборчиво.

Огорчение резануло ее, как ножом. Канакаммал налила мужу чашку горячего кофе, тихо опустилась на стул напротив и произнесла что-то на тамильском.

— Ты о чем? — нахмурился он.

— Мне было легче сказать это на родном языке.

— Сказать что?

— Что я тебе сочувствую.

— Мы все умрем, — пожал он плечами.

— Скорбь — это нормально. — Канакаммал поняла, что Джек опять закрылся в броню.

— Отец не хотел бы, чтобы я тратил время, оплакивая его. — Джек говорил медленно, словно сосредоточивался на каждом слове. — Я помню, как умерла наша собака. Мне тогда было семь. Я проплакал ночь напролет, а отец рассердился. Он взял ее щенком и очень любил, но сказал, что ее жизнь закончилась и нет никакого смысла поднимать из-за этого шум. Отец заявил, что когда она была жива, то знала, что ее любят, а теперь ей наши рыдания не помогут.

— Хороший совет, — осторожно произнесла Канакаммал.

— Да, старушка Розы и правда знала, что ее любят. Но известно ли было отцу, что я его обожаю? Я не показывал своих чувств.

— Он знал.

— Откуда ему было знать, черт возьми? — Джек ударил кулаком об стол. — Как?

— То, что ты сейчас так оплакиваешь отца, означает, что ты его любил. Он не мог этого не понимать.

Брайант безнадежно покачал головой.

— Я был никуда не годным сыном. Если на то пошло, настолько негодным, что мать, наверное, уже похоронила отца. Очевидно, она не считала, что стоит дожидаться меня.

— Пей кофе. Наверное, твоя мать сочла за лучшее не заставлять тебя приезжать только на похороны.

Проигнорировав ее слова, он осушил чашку.

Канакаммал налила еще.

— Какие-нибудь новости от Синклеров? От Айрис? — осведомился он.

Она удивилась, что Джек вспомнил.

— Когда появилась миссис Уокер, я ушла.

— Черт возьми Неда с его ревностью. — Внезапно Брайант поднялся, держась за стол, Канакаммал тоже встала. — Не суетись, женщина. Я иду на работу.

— Разумно ли это делать? У тебя горе. Как же Нед?

— Он дурак, а отец мертв. Я не в силах изменить ни то ни другое, — произнес он со свирепой интонацией.

Джек вышел в коридор, потянулся за рабочей фуражкой, нацепил ее, кинул на жену прощальный загнанный взгляд и исчез.

Канакаммал бросилась на веранду, но он уже шагал по дороге. В отдалении, за холмистой землей, на фоне закатного неба вырисовывался одинокий силуэт шахты Топ-Риф с гигантским маховым колесом и скелетом подъемника. Провожая взглядом мужа, она положила руку на живот. Беременность была в самом начале, но Канакаммал могла поклясться, что ребенок плачет. Она чувствовала, что у нее будет мальчик, и теперь рыдала вместе с сыном, прощаясь с его отцом и своим мужем, который их покидал.

Это был чрезвычайно просторный кабинет с выстроившимися вдоль стен книжными полками темного дерева, на одной из которых торжественно отмеряли время старинные часы. Прочее их содержание составляли грамоты в рамках, кубки, книги и разнообразные безделушки, а также снимки человека, восседающего в этот момент за громадным письменным столом в самой середине кабинета. Стены украшали фотографии прежних старших инспекторов. Придет время, и он вот так же строго будет взирать на того, кто его сменит.

Однако в данный момент Дрэвид, старший инспектор полиции Индии в Бангалоре, размешивал в чае пальмовый сахар и смотрел на Маргарет Brent. Чай еще слегка пенился. Помощник налил его с некоторой высоты, чтобы слегка остудить.

— По-индийски, — объяснил старший инспектор.

— Как необычно, — отозвалась миссис Brent, несколько, как ему показалось, язвительно, хотя, с другой стороны, именно такого тона и следовало ожидать от женщины с белыми тонкими губами и странным мертвым взглядом.

Оглядывая офис, она всем своим видом выражала неодобрение. Несмотря на то что старший инспектор при ее появлении любезно увеличил скорость вращения потолочного вентилятора, дама беспрестанно обмахивалась веером.

— Как вы можете тут дышать? — ворчливо осведомилась она. — Здесь же нет кислорода.

— Я привык, — спокойно отозвался он, продолжая помешивать чай.

Дрэвид знал, что это ее раздражает. Англичанка ему не нравилась. Она явилась из Рангуна, чтобы дискредитировать его работников. Смерть доктора Brentа была необычной, но скорее странной, чем подозрительной. Насколько он составил себе представление, она наступила от несчастного случая.

Старший инспектор беседовал с ней уже дважды. Во время первого разговора — телефонного — он чрезвычайно вежливо осведомился, зачем она добивается возобновления следствия. Она коротко ответила, что желает установить истину, но Дрэвид без

особого труда догадался, что настоящая причина ее настойчивости заключается в том, что гибель Брента стала, по сути дела, смертным приговором приюту и комфортному существованию его жены в Рангуне.

В ходе второй беседы, уже в Бангалоре, всплыли подробности очень краткого пребывания Эдварда Синклера в приюте.

— Вы изучили этот вопрос полностью, как я настаивала, инспектор? — не унималась Маргарет Брент.

— Старший инспектор, мадам, — вежливо поправил он. — Да, мистер Синклер рассказал нам об этом, но между ними состоялся только один короткий разговор в доме Уокеров, а не в клубе.

— Его обнаружил друг мистера Синклера. Вам не кажется это странным, старший инспектор?

— Нет, миссис Брент. Нашему офицеру полиции этот факт показался совпадением, чем он и являлся. Это отражено в его отчете. Знаю, вы неоднократно просили нас найти мотив, миссис Брент, но я могу лишь в очередной раз заверить вас, что не было обнаружено никаких следов насильственного вторжения или борьбы, необъяснимых отпечатков пальцев или характерных признаков убийства, таких как оружие, кровь или подозреваемый.

Даму снабдили полным докладом, и старший инспектор надеялся, что этого будет достаточно. Однако нет, она опять сидит здесь, на этот раз вооруженная показаниями доселе неизвестного свидетеля.

«Причем весьма ненадежного, — подумал Дрэвид. — Никто не поверит его слову против слова англичанина».

Испутив долгий вздох, страж порядка согласился на третий и, как он надеялся, последний разговор с этой особой. Он хотел объяснить ей, почему лучше всего оставить это дело в покое... а тайны похоронить.

* * *

Нед, пребывающий в угрюмом настроении, предпринял это путешествие под предлогом, что оно необходимо компании, но истина заключалась в том, что ему просто надо было отвлечься. Вид Айрис в

объятиях Джека Брайанта сначала вызвал у него отвращение, но вскоре это чувство уступило место мрачной, холодной ярости.

Он посмотрел на путаницу проводов и скорчил гримасу. Его коллега Верне, англо-индус, гораздо старше Неда, прибыл на встречу с ним из Бангалора. Они встретились неподалеку от города, посреди поля, в том самом месте, где хитроумные жители деревни решили отвести часть электроэнергии, предназначенной для Бангалора, прежде чем она достигнет Полей.

Нед стоял на верхней перекладине лестницы.

— На моей памяти по городу каждый вечер ходили толпы керосинщиков. Они наполняли лампы, поправляли фитили. Так освещался город. — Пожилой мужчина вздохнул. — Теперь же мгновенное включение ламп воспринимается как что-то само собой разумеющееся.

Нед был не в настроении предаваться воспоминаниям, а потому указал на мешанину проводов и заявил:

— Но слишком многие затейники представления не имеют, как работает электричество и насколько оно опасно.

— Если мы разберемся с этим, вскоре то же самое появится в другом месте.

— Согласен. — Нед осмотрелся.

Он был рад, что можно занять ум каким-то делом. Синклер ненавидел Джека, но сейчас, после того как увидел их вместе, он больше ненавидел Айрис. Она носила ребенка Неда, их браку не больше трех месяцев, тем не менее его жена опять оказалась в объятиях Брайанта.

Всего три месяца. Эта мысль преследовала Синклера. С того самого момента, как он сел за руль автомобиля, насмешливые голоса шептали у него в голове, смеялись над верой Неда, издевались над убежденностью в том, что Айрис и впрямь могла так быстро забеременеть именно от мужа.

Чтобы прогнать демонов, Синклер на мгновение прикрыл глаза и опять заговорил с Верне:

— Я над этим думал. На выходе из электростанций надо устанавливать трансформаторы и повышать напряжение до такого, чтобы деревенские не могли пользоваться током, а в месте назначения понижать его до исходного уровня.

Пожилой мужчина поскреб в затылке. Его лицо медленно расплылось в улыбке.

— Это так просто. Странно, что мы раньше до этого не додумались.

Для Неда было бы естественно ликовать — так чертовски хороша была задумка, — но он ощущал лишь странную пустоту, как будто ни из-за чего на свете больше не стоило улыбаться.

Он сумел лишь изобразить серьезность и ответственность, а потом заявил:

— Простота — самое главное. Нам необходимо что-то сделать. На карте — человеческие жизни.

— Согласен. Отлично. Ты составишь доклад. По-моему, никто не должен претендовать на твои трофеи.

— Я предпочел бы, чтобы это сделал ты. Так будет лучше, чем если я начну сам себя расхваливать. — Нед знал, что рассуждает как-то чересчур уж скромно.

— Может, и так, но если будет стоять твоя подпись, то вся честь достанется тебе.

— Мне она не нужна.

— Но это важно, сынок. Нам требуется грамотная молодежь, которая вносит в дело самые передовые усовершенствования.

Нед лишь мрачно кивнул.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — забеспокоился Верне.

Синклер вздохнул.

— Сейчас меня тревожит вот эта опасность. Давай распутаем провода!

Его коллега попятился.

— Нет, по-моему, это не наша работа.

— Но кто-то же должен это сделать.

— Не я, да и не ты тоже. Я знаю, ты разбираешься в таких вещах, но это слишком опасно. Посмотри, как там все перекручено. Ты не можешь знать, какой провод под током. Нужно вызвать команду и все детально обсудить, прежде чем они приступят к работе.

— Команду электриков? Я сам по этой части, Верне. Вполне квалифицированный специалист, способный в этом разобраться.

— Уже темнеет, Нед. Лучше дождаться завтрашнего дня... если ты не хочешь умереть, возься в темноте с проводами под высоким

напряжением.

«А кто по мне заплачет?» — с горечью подумал Синклер.

Верне ждал, глядя наверх, туда, где стоял Нед.

— Нет, я не могу уйти с таким грузом на совести, — заявил тот. — Если я ничего не сделаю сегодня, то кто знает, вдруг завтра здесь убьет ребенка. Пожалуйста, принеси из машины мое снаряжение. Может, мне удастся по крайней мере уменьшить опасность, а окончательно уже разберется команда.

Такое предложение, по-видимому, пришлось Верне по душе. Он зашагал прочь, ворча что-то на тему того, что медалями надо награждать и за мужество на рабочем месте.

Наблюдая, как он удаляется, медленно прокладывая себе путь между стволами тамариндов, Нед вскоре опять задумался о собственных проблемах, внезапно ставших неразрешимыми. Призрак Брента восстал из мертвых, и Нед не видел выхода из ситуации даже при том, что в игру опять вступил Джек со своим хитроумием. В первый раз, когда лгать пришлось одному только Брайанту, им удалось выпутаться, но Синклер не верил, что этот фокус можно повторить. Он знал, что признается, обязательно расскажет правду, если полиция станет его допрашивать.

Нед с самого начала хотел, чтобы истина открылась. Пусть его назовут преступником, но по крайней мере посадят как человека, устранившего насильника детей и убийцу. Утешение чисто умственное, однако Синклер верил в правду. Именно поэтому вид Айрис в объятиях Джека стал последней соломинкой. Как можно было так с ним поступить? Вдруг они все это время встречались у него за спиной? Может статься, Нед уже давно стал посмешищем Золотых Полей? Ведь Айрис очень уж спешила сыграть свадьбу.

Единственным островком стабильности оставалась работа. Она стала для Неда опорой, а теперь могла забрать у него жизнь. Предостережение Верне внезапно подсказало ему выход из критической ситуации. Он сам ужасался этих мыслей, но не в силах был прервать их ход.

Если Нед лишится жизни на работе, то об Айрис позаботятся. Она получит от шахты пенсию плюс разнообразную помощь и поддержку. С ней и с ребенком все будет в порядке. Им не придется стать свидетелями суда или увидеть, как его посадят за убийство. Если Джек

— тот мужчина, которого Айрис в самом деле хочет, то таким способом она сможет быть с ним и не мучиться чувством вины.

Переплетенные провода перед ним походили на его собственные мысли... безнадежно запутанные, неконтролируемые, чреватые опасностью.

* * *

По пути к машине, из которой он собирался забрать сумку Неда с инструментами, Верне остановился поболтать с местным жителем. На обратном пути он только-только вступил в тамариндовую рощу, как в отдалении раздался приглушенный взрыв.

Верне узнал этот звук и ужаснулся. Бросив сумку, он закричал через плечо прохожему, чтобы тот позвал на помощь, сам же пустился бежать, моля Бога, чтобы не опоздать.

Тяжело дыша, Верне вылетел на поляну и издал стон отчаяния, потому что молодой электрик лежал, беспомощно распростершись на спине, рядом валялась лестница, а провода сверху предательски пощелкивали, разбрызгивая искры.

Верне воззвал к небесам, чтобы Синклер просто упал. Пара сломанных костей через месяц срастется. Он схватил Неда за руку, чтобы оттащить в безопасное место, и увидел, что его остекленевшие глаза смотрят в одну точку, рот открыт, а язык глубоко запал за щеку.

Не замечая, что плачет, Верне стал мерно надавливать на грудь Синклера, вопреки очевидному надеясь оживить его с помощью этого современного метода, которому их всех обучали на курсах оказания первой помощи. Однако краем глаза он заметил, что обе руки Неда обожжены почти по локоть — верный признак удара электрическим током.

Верне все равно продолжал делать искусственное дыхание, с ужасом вспомнив, что Синклер совсем недавно женился.

Прибежал житель деревни, резко остановился и стал молча наблюдать, как Верне выбивается из сил, стараясь вернуть Неда Синклера к жизни.

Наконец, после долгих десяти минут, когда Верне начал задыхаться, индус присел на корточки рядом с пожилым мужчиной,

осмелился слегка тронуть его за плечо и сказал:

— Слишком поздно для молодого господина, сэр.

На фоне ярких белков его глаз четко выделялись шоколадные радужки.

— Он сейчас у Бога.

* * *

— Итак, миссис Brent, ваш адвокат объяснил вам нашу позицию? — начал Дрэвид, потягивая охлажденный чай.

— Да, старший инспектор, но это меня не разубедило. При всей своей грузности мой муж отнюдь не страдал неуклюжестью.

Полицейский поставил чашку, поднял руки и заявил:

— Несчастный случай может произойти с кем угодно, мадам. — Дрэвид видел, что дама готова разразиться закипающей тирадой, и помешал ей, покачав указательным пальцем. — Видите ли, миссис Brent, прошу прощения, но я не в состоянии понять, зачем вам понадобилось это многолетнее расследование. Чего вы добиваетесь? Позвольте мне кратко сформулировать вашу позицию. Семь лет назад ваш муж умер в Бангалоре. Как военный, так и гражданский врач подтвердили, что вмятина в черепе стала, вероятнее всего, последствием падения. Он ударился головой, получил серьезную контузию и сотрясение мозга, что привело к внутреннему кровотечению и затем к смерти.

— Мне известно содержание протоколов, старший инспектор.

Дрэвид знал, что она считает себя выше его. Надо думать, дамочка привыкла командовать несчастными, обездоленными бирманцами. Но Индия уже меняется, как и вся Азия. Не за горами день, когда таких особ, как миссис Brent, «всех достанут», решил он, смакуя модную английскую фразу.

— Но, мадам, чего вы желаете добиться?

— Старший инспектор, у нас есть свидетель, согласно показаниям которого Эдвард Синклер в вечер смерти моего мужа находился в «Бангалор-клубе». Это противоречит собственным словам Синклера, из чего следует, что его необходимо дополнительно допросить.

— Несомненно. У мистера Синклера тоже есть свидетель, который утверждает, что во время смерти вашего мужа тот находился в доме доктора Гарольда Уокера. Единственным человеком, который видел вашего мужа мертвым, был мистер Джон Брайант, известный как Джек.

— Друг мистера Синклера!

— Они познакомились всего за неделю до известных событий. Кроме того, все англичане, посещающие «Бангалор-клуб», находятся между собой во вполне дружеских отношениях. Можно, вероятно, назвать половину членов клуба, знакомых с Синклером, Уокером, Брайантом или, если на то пошло, с вашим мужем.

— То есть вы не намерены мне помочь?

— Прошу вас, миссис Брент. Именно этим я и занимаюсь. Не сомневаюсь, ваш адвокат, проживающий в Дели, взимает за свое время весьма щедрую плату. Я подозреваю, что он единственный, кому выгодно возобновление расследования. Свидетель, на которого вы ссылаетесь, вероятнее всего, будет отвергнут как не заслуживающий доверия. — Он еще раз поднял руку, чтобы не дать ей разбушеваться. — Показания в пользу мистера Синклера суд сочтет более надежными, чем слова человека, который семь лет спустя припомнил, что видел в темноте мужчину, напоминающего Эдварда Синклера. Под описание мистера Рамеша подходит половина молодых британцев, живущих в Бангалоре. Кроме того, у Синклера нет мотива.

— Говорю вам, они крупно поссорились. Мальчишка был недоволен и вел себя вызывающе. Он сразу ушел из приюта, выкрал сестру и потом обманом проник на корабль, идущий в Индию.

Дрэвид мягко улыбнулся.

— По тому, как вы это рассказываете, можно подумать, что речь идет о закоренелом преступнике. Но не следует забывать, что мистеру Синклеру в ту пору было восемнадцать, речь шла о его родной сестре, которая пошла с ним добровольно.

— Я не согласна.

— Никакими своими действиями вы не вернете мужа, даже если преуспеете.

— Если я преуспею, старший инспектор, то подам в суд на доктора Уокера, доктора Гренфелла, Эдварда Синклера, Джека Брайанта, судоходную компанию, которая перевозила Синклеров,

«Бангалор-клуб» за халатность, на полицию за небрежную работу и на всех прочих, замешанных, по моему мнению, в смерти моего мужа.

Он вздохнул. Теперь все понятно. Маргарет Brent желает возмещения убытков.

— Ясно.

— Я оправдаю его имя.

Дрэвид слегка улыбнулся. Эта женщина дала ему идеальный повод высказаться.

— Боюсь, у вас не получится.

— Что?

— Видите ли!.. — Чтобы вывести ее из себя, он сделал паузу и отпил чаю. — Имеются дополнительные обстоятельства.

— Сомневаюсь, что какими-либо словами вы можете заставить меня изменить мою точку зрения.

Старший инспектор легко улыбнулся.

— Миссис Brent, когда ваш муж умер в Бангалоре, мы должны были изучить его прошлое, чтобы убедиться в том, что у него не было врагов. Пусть вы и полагаете, что наше решение считать его смерть несчастным случаем было верхоглядством, но должен вас информировать, что на самом деле полиция провела серьезную работу. Вероятно, вы припоминаете, как наши коллеги пару раз навещали вас в Рангуне?

— И что?

— В процессе расследования всплыли кое-какие подробности, из которых следует, что ваш муж замешан в... — Он помолчал.

— В чем?! — с раздражением воскликнула она.

— Полагаю, будет лучше, если вы сами ознакомитесь с отчетом. Не спешите. — Дрэвид пододвинул к ней папку из манильской бумаги, которая лежала перед ним на столе, встал и подошел к окну.

Когда инспектор вернулся, лицо женщины посерело.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, миссис Brent? — любезно осведомился он.

— Воды, пожалуйста, — просипела она.

Дрэвид удовлетворил ее желание и спросил:

— Вам лучше?

Она кивнула. Когда дама ставила стакан на стол, страж порядка заметил, что рука у нее дрожит.

— Как понимаете, вряд ли с вашей стороны будет разумно добиваться возобновления расследования. Убежден, что никакой новой информации касательно смерти мистера Брента добыть не удастся, зато имеются данные относительно его жизни, которые неизбежно придется поднять. Полиция Рангуна может связаться с несколькими бывшими обитателями приюта, которые готовы дать показания, — добавил он.

— Откуда вы получили эту информацию?

Старшему инспектору приятно было слышать, каким придушенным и слабеньким стал ее голосок.

— Наша полиция работает вовсе не так небрежно, как вы думаете, мадам. Но уверяю вас, что те материалы, которые вы видели, никуда не пойдут, если таково будет ваше желание. Не вижу никакого смысла марать имя вашего мужа. Я предпочел бы, чтобы имя Брента ассоциировалось с добрыми делами, с заботой о рангунских сиротах, которым вы лично отдаете все силы. — Он придал своему голосу должную убедительность, приправив ее толикой поощрительности.

— Да-да, разумеется. — Теперь она говорила совершенно растерянно.

— Так я закрываю дело, миссис Брент? Убираю в архив навсегда?

— Пожалуйста, сделайте это, старший инспектор. — Она даже выдавила кривую полуулыбку. — Вы проявили такую чуткость.

Он пожал плечами, демонстрируя само великодушие.

— Позвольте нашему шоферу доставить вас в отель. — Дрэвид протянул ей руку, с удовольствием наблюдая, как в свете настольной лампы на мизинце поблескивает золотое кольцо в двадцать четыре карата.

Она пожала инспектору руку и поблагодарила его.

Дрэвид попросил помощника прислать секретаря.

— Скажите ему, что надо послать две телеграммы в Золотые Поля.

Джек явился в машинный зал за тридцать минут до начала своей смены, которая должна была длиться до двух часов ночи. Ему необходимо было уйти из дома. Неодобрительное, даже огорченное выражение лица жены невозможно было выносить.

Он знал, что, оставшись наедине с Айрис, обидел Канакаммал. Брайант ни в чем не был виноват и все же чувствовал себя совершенно опустошенным. Неда он тоже подвел, но главной его раной было горе из-за потери отца.

По крайней мере Джек сегодня не слишком напился. Можно не сомневаться, жена решила, что он отправился в забегаловку, где подают араку, но Брайант сидел в андерсонпетской пивной, один за угловым столиком. Ни с кем не делаясь своими переживаниями, он очень медленно пил пиво, настолько разбавленное, что к данному моменту алкоголь из него успел выветриться почти целиком.

Да, Джек еще не совсем протрезвел, однако в целом чувствовал себя отлично. Новости из Корнуэлла пока надо было отложить в дальний ящик сознания. Впереди смена, которая будет длиться девять часов. Натягивая комбинезон, Брайант зевнул.

Это заметил один из его работников.

— С тобой все в порядке, Джек?

— Важный день, — ответил тот нарочито шуточно. — Моя жена беременна. По этому поводу мы устроили праздник.

— Надеюсь, ты отмечал его не слишком усердно?

Эти слова прозвучали как предостережение, и раздражение Джека вспыхнуло огнем. Этот парень ему ровесник, но Брайант здесь босс.

— Занимайся своим делом, Роберт, а о своем я позабочусь сам. — Он хлопнул дверцей шкафчика. — И никогда больше не пытайся сомневаться в моей способности выполнять свою работу.

Испытывая неловкость под мрачным взглядом Джека, Роберт нервно кивнул и отвернулся. То же сделал и Брайант, чтобы скрыть новый зевок. Напившись воды и освежившись, он уселся за письменный стол и принялся распределять работу на смену.

Десять минут спустя, потягиваясь, чтобы подбодриться, Джек приблизился к платформе, осуществлявшей подъем и спуск. Он

справлялся с этой работой в одиночку. Сперва Брайант будет транспортировать людей, потом перейдет к другим клетям, большего размера, в которых на поверхность поднимаются вагонетки с рудой. Все это были рутинные задачи, которые он знал вдоль и поперек. Нельзя сказать, что ему совсем не нужно было думать, но именно эту часть работы он в значительной мере выполнял автоматически. Руки и мозг сами знали, что делать, глаза и уши реагировали на сигналы, и ему не было нужды сознательно контролировать свои действия. Джек знал, что в данной ситуации может положиться на собственные инстинкты.

— Привет, Дон, — обратился он к человеку, чья смена только что закончилась. — Все спокойно?

— Гладко, как шелк, Джек. Сейчас сменяется рукоятчик^[33]. Ты будешь работать с Марти.

Джек опять зевнул, прикрывая это потягиванием.

— Хорошо. На Марти можно положиться.

Он говорил о человеке, который будет следить за подъемом и спуском всех клеток, как с людьми, так и с рудой. С помощью системы звонков тот будет сигнализировать Джеку, когда опускать и поднимать клеть.

Брайант шагнул на платформу, и его взгляд инстинктивно привлекли два огромных черных указателя, показывающие глубину, на которую опущены клетки.

— Ладно, Джек. Я пошел.

— До встречи, Дон.

Прощально помахав рукой, Брайант вновь сосредоточил внимание на счетчиках. Он был бы не против сейчас вздремнуть, но бригада уже почти собралась.

«Черт бы побрал эту их пунктуальность», — недружелюбно подумал Джек и решил, что можно пройтись еще разок.

Вскоре раздастся звонок. Потянувшись и с удовольствием ощутив, как в спине что-то с щелчком разомкнулось, он плеснул в лицо холодной водой, от чего сразу приободрился.

Проходя мимо открытого окна, Джек почувствовал запах свежескошенной травы. Рабочие приводили в порядок газоны. В отдалении звучали мужские голоса. Собиралась следующая смена, по

большей части индусы, но разговор, наверное, был такой же, как у любых мужчин: долги, жалованье, семья.

Облегчаясь в туалете, он опять зевнул. Баррелл, немолодой горняк, заметил это, но, видимо, счел за лучшее не комментировать.

— Джек! — сказал он вместо приветствия.

Тот вымыл руки и спросил:

— Как ты, Стэн?

— Отлично.

Под грохот вагонеток, заглушающий все остальные звуки, они вышли из туалета.

Джек вынужден был кричать:

— Из-за чего задержка? Обычно Неду Синклеру надо чуть ли не руки связывать, чтобы помешать ему раньше времени щелкнуть рубильником.

Баррелл пожал плечами.

— В отделе электроснабжения какая-то суета. Я видел толпу перед домом Уокеров.

— Что? — Джек нахмурился.

— По-моему, жене твоего приятеля стало плохо, и ее увели в дом.

— Ты уверен?

— Не знаю. Было темно, но мне показалось, это она. Но нам пора, вот-вот дадут сигнал.

Джек кивнул. Странная новость пробудила его тревогу за Айрис и Неда, разбередила душевную рану.

* * *

Как раз в тот момент, когда Брайант вернулся на платформу и ждал сигнала к началу подъема, отец давал Айрис седативный препарат.

— Двух капсул веронала должно хватить, — сказал Уокер, высыпал белый порошок из капсул в чашку с теплым молоком, быстро помешал все это и сказал жене: — Дай ей.

— Стоит ли поить ее сильным лекарством? А как же ребенок? — спросила Флора, беспомощно утирая слезы, струящиеся по лицу.

— Флора, она близка к истерике. Ей надо успокоиться. Я думаю об этом ребенке и стараюсь обеспечить безопасность нашего внука. Айрис быстро успокоится и отдохнет.

Собравшись с духом, Флора вошла в спальню дочери, где Руперт и Джеральдина пытались унять рыдания младшей сестры.

— Пожалуйста, дорогая, — ласково уговаривал Руперт. — Я буду с тобой, обещаю. Я не оставлю тебя.

В последний раз, когда Флора видела Айрис, та кричала так, что теперешние судорожные всхлипывания были уже заметным прогрессом. Но не одна только Айрис была травмирована. Вся семья пребывала в шоке. К счастью, когда пришло ужасное известие, Флора была рядом с дочерью. Сейчас она смотрела на Айрис, и ей казалось, что ужасные недавние часы проигрываются заново.

Сначала за Флорой прибежал чокра от той молчаливой, задумчивой женщины, которая вышла замуж за Джека. Тот факт, что в доме дочери находилась именно миссис Брайант, уже в достаточной мере озадачивал сам по себе. То обстоятельство, что Флора понадобилась, чтобы побыть с Айрис, было уже совсем таинственным. Но Айрис и в самом деле пребывала в возбуждении и твердила, что Нед увидел ее с Джеком. Большого выяснить не удавалось.

Видимо, произошло какое-то недоразумение, но из неразборчивого бормотания дочери ничего нельзя было понять. Потом, едва только матери удалось отправить Айрис в душ, кто-то постучал в дверь.

Отворив, Флора увидела двух мрачных мужчин. Женщина узнала их — это были коллеги зятя по работе.

— Здравствуйте, Берни, Рон, — хмуро произнесла она. — Нед на работе.

Мужчины переглянулись. В воздухе повисло напряжение.

— Что происходит? — Флора инстинктивно поднесла руку к груди и посмотрела, не вышла ли Айрис.

Судя по шуму воды, та еще была в душе.

— Что-то случилось?

Берни потупился и спросил:

— Флора, можно нам войти?

Она приоткрыла дверь пошире и заявила:

— Изложите все мне, прежде чем выйдет моя беременная дочь. На сегодня она достаточно расстроена.

— Мы должны сказать ей лично... — Берни покачал головой.

— Даже не думай, Берни Моллой! Я с твоим отцом за одной партой сидела! Проявляй уважение к старшим. Я уже сказала, что на сегодня моей дочери хватает расстройств. Что, по-вашему, я здесь делаю? Яйца сосу? — Это была старая англо-индийская поговорка, которую мужчины, можно не сомневаться, не раз слышали от собственных матерей.

К тому же Флора Уокер была не из тех, с которыми стоит препираться. Оба в унисон затрясли головами.

— Не расстраивайте Айрис, — предупредила она.

Первым мужества набрался Рон и проговорил:

— От этого не уйти, миссис Уокер.

Флора почувствовала, как кровь отхлынула у нее от лица, и стала нащупывать стул, стоявший сзади.

Они помогли ей, усадили в маленькой гостиной.

Берни, подталкиваемый спутником, проговорил:

— Произошел несчастный случай, миссис Уокер. С... с Недом.

Она лишь смотрела на них. Насколько все серьезно? Флора не хотела спрашивать, не желала ничего знать. Ее снедала тревога за Айрис и за то, как жуткое известие скажется на ней.

Ужасное молчание нарушил голосок дочери:

— Мама? Рон, почему ты здесь? Я... простите. Я была...

Берни кашлянул, а Флора заставила себя быть решительной. Дочь в ней нуждается. Неду, очевидно, понадобится помощь, и они поддержат его всей семьей.

Собравшись с духом, она пересекла комнату, взяла дочь за руку.

— Айрис, доченька, ты должна быть сильной, дорогая. Произошел несчастный случай.

Мужчины закивали.

— Это серьезно? — хрипло спросила молодая женщина.

Рон посмотрел на нее, не в силах сдержать слезы, навернувшиеся на глаза.

— Айрис, мне очень жаль. Он умер.

Флора слышала последнее слово, но его смысл не доходил до нее. Оно повисло между ними как болезнь, зловещая, нежеланная,

смертельная. Никто из них не хотел его признавать. Чтобы понять, что это слово имело отношение к молодому, полному жизни Эдварду Синклеру, отцу ее неродившегося внука, Флоре понадобилось не раз внутренне повторить его.

— Умер? — простонала Айрис. — Это точно?

Безумный вопрос. Вряд ли на него мог последовать отрицательный ответ.

Но Айрис была не в состоянии признать истину.

— Как?

Флора видела, как дочь качала головой, словно услышала что-то совершенно невозможное.

— Ведь Нед вышел из дома несколько часов назад, совершенно здоровый. Как это он мог умереть? — Айрис внезапно бросилась через комнату к Рону и стала колотить его в грудь. — Как это он умер? — снова закричала она.

Флора потянулась к дочери, но ту невозможно было ни утешить, ни успокоить.

В шоке, под крики Айрис, мать нашла в себе силы сориентироваться и распорядилась:

— Берни, беги в больницу за моим мужем. Быстро! Мы должны подумать о ребенке.

Потом она обняла дочь своими маленькими руками и так крепко ее держала, что Айрис могла лишь плакать и время от времени восклицать, что это неправда. Мать не отпускала ее. Вместе с ней в этом одиноком холодном доме, держа в объятиях Айрис, на софе сидели три поколения ее семьи.

Сейчас, по-прежнему игнорируя крики и протесты дочери, она мягко, но уверенно влила в нее теплое молоко. Эта жидкость и сама по себе могла успокоить, но утомление в комбинации с быстродействующим барбитуратом сработали так, что Айрис уснула почти сразу.

Руперт облегченно вздохнул. Он был измучен.

Джеральдина плакала и сразу ушла.

Только в этот момент Флора позволила себе расплакаться. Она бросилась в объятия мужа.

— Гарольд, что мы будем делать?

Он погладил ее по шее.

— Будем держаться вместе и поможем Айрис это пережить.

— Ты узнал подробности? — Отступив от него, она пошарила в рукаве в поисках носового платка.

— Это был несчастный случай, неподалеку от Баурингпета. — Гарольд тяжело вздохнул. — Нед пытался распутать провода в опасном месте.

Она подавила рыдание. Какая ужасная ирония.

— Его предупреждали, что этого не надо делать. Не знаю, что на него нашло. Он всегда был так осторожен. Очевидно, произошла трагическая случайность, в которой никто не виноват.

— Кому-нибудь это известно? — спросил Руперт. — Джеку Брайанту сообщили?

Отец покачал головой.

— Пока никто не знает. Я попросил, чтобы никому не сообщали, по крайней мере до тех пор, пока Айрис не придет в себя. — Гарольд прижал жену к себе. — Сейчас надо думать прежде всего об Айрис и о том, чтобы она благополучно родила. Тогда дочь будет сильнее. Когда у нее появится ребенок, она опять увидит будущее, пусть сейчас ей и трудно в это поверить.

— Лучше перевезти ее вещи домой. Ей не разрешат здесь оставаться. — Сказав так, Руперт лишь пожал плечами в ответ на возмущенный взгляд матери. — До нее сейчас не дойдет, но такова уж правда. Давай избавим Айрис от лишних травм и начнем паковать сразу. Я могу заняться этим — больше-то мало на что годен.

— Не говори так, сынок, — сказала мать.

— Руперт прав. Ей придется съехать, — поддержал Гарольд. — Так и действуйте, а я пока вас покидаю. Айрис в любом случае дома будет лучше.

Сирены на разных шахтах завывали почти одновременно, сигнализируя о начале следующей смены. Этот звук словно разрушил чары. Все зашевелились. Гарольд с Рупертом вышли, Флора же устроилась в кресле и следила за состоянием дочери. Она будет рядом, когда та проснется и поймет, что все произошедшее — не кошмарный сон, а правда. Эдвард Синклер умер.

Оглушительный вой сирены перекрывал громкий гул моторов. Этот шум был таким постоянным, что инженерная бригада привыкла жить под нескончаемый аккомпанемент и при разговоре просто его перекрикивать. Но Джек работал один, в перчатках, углубившись в собственные мысли, проверяя шкалы, рычаги, готовясь к процессу, результатом которого станет подъем клетей с усталыми, в пыли, шахтерами дневной смены и спуск вместо них пока еще чистых, которым предстоит долгая ночь работы в чреве земли.

Марти подал сигнал, звонок над головой Джека закачался и зазвенел. Не имея необходимости смотреть на рычаг, Джек устремил взгляд на показатели счетчика и прислушался. Мотор вздохнул, транспортировка началась.

Отвечая на действия Брайанта, двигатель негромко застонал. Гигантский барабан начал свое вращение. Генераторы загудели чуть громче обычного, когда, повинаясь команде Джека, туго натянутые черные тросы без усилий стали наматываться, и первая клеть с горняками прибыла на поверхность.

— Там что, двойная нагрузка? — осведомился Баррелл за спиной Джека.

— С чего ты взял?

— Он сегодня чем-то недоволен, — ответил тот, говоря о двигателе.

— Такой у него характер, Стэн. Они не осмелятся посадить ни одним человеком больше, чем положено по инструкции, не спросив заранее. Нет, все в порядке.

Баррелл пошел было прочь, но тут мотор опять заскрипел.

Роберт тоже это услышал и заметил, когда звук утих:

— Дурной знак.

— Брайант знает, что делает, — пожал плечами Баррелл. — Он с двигателем знаком лучше любого из нас.

Роберт бросил на старшего коллегу косой взгляд, из которого ясно следовало, что он в этом сильно сомневается.

— Займись своим делом, — продолжал Баррелл, вернулся к Джеку и спросил: — Нужна помощь?

Тот посмотрел на него и поинтересовался:

— Что за суета? Сперва этот чертов Роберт Пауэлл, теперь ты?

— У тебя утомленный вид, Джек, и глаза налиты кровью.

— Стэн, на этот раз я оставлю твое замечание без ответа, но меня не устраивают проверки со стороны подчиненных. — Опустив рычаг, он заставил барабан вращаться в противоположную сторону. — Пауэлл при любой возможности под меня подкапывается. Он не может смириться с тем, что меня повысили в должности, и тебе это известно.

— Ну да. Но из-за того несчастного случая на шахте Уильяма все немного нервничают.

— Там взорвалась порода, Стэн. Никакого отношения к оборудованию это не имело.

— Да, ты прав. Прости.

— Ты тоже. Сегодня я, наверное, немного раздражен. Лучше оставить меня в покое.

— Хорошо, Джек. Пойду проверю насосы.

— Отлично. Не забудь удостовериться, что желоба для спуска руды чистые. А то на нас опять собак навесят. Стэн!..

Тот оглянулся.

— Сделай так, чтобы Пауэлл не попадался мне на глаза, будь добр. Отправь его проверять рычаги.

— Сделаю.

Когда Баррелл удалился, Джек подавил еще один зевок и потряс головой, пытаясь разогнать туман, стоявший перед глазами. Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что смерть отца, наверное, повергла его в шок. Брайант не ощущал ничего, кроме внутреннего онемения. Он не в силах был думать об этом — только не сейчас. Джек чувствовал, что при малейшем воспоминании об уходе отца его ум пустел и в ужасе шарахался от реальности. Работа! В ней спасение. Это то, что он умеет делать.

Он ждал отмашки человека, находящегося внизу. Клеть опустела, потом ее наполнили новые рабочие-индусы. Высота этой конструкции составляла около двадцати футов. Люди располагались на двух уровнях, до тридцати человек на каждом.

Джек сверился со счетчиком. Все шло своим чередом. На спуск уйдет примерно три минуты. Он ждал, чтобы Марти отметил, сколько человек вошло в очередную клеть. Все готово.

Рукоятчик подал сигнал. Колокольчик над головой зазвенел. Пора начинать спуск. Брайант уже начал думать о более вместительных клетях, в которых кварц всю ночь будет подниматься на поверхность.

Клетки для руды недавно чинили, так что можно рассчитывать на беспроблемную смену.

Он бросил взгляд на указатель счетчика. Люди уже на глубине трех тысяч футов. Это произошло скорее, чем ему подсказывали инстинкты. Кофе не совершил ожидаемого волшебства. Надо было сохранять бодрость и бдительность. Брайант подозревал крошечного индуса, работавшего неподалеку. Этот Бабу всегда находился рядом, мгновенно узнаваемый в своих мешковатых черных брюках и темно-серой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Он заулыбался во весь рот так, что у него разошлись усы. Индус неизменно радовался, когда его звали.

— Да, сэр, мистер Брайант?

— Принеси-ка воды. Очень хочется пить.

Тот кивнул и заспешил прочь. Джеку подумалось, что хорошо было бы, если бы все работники имели такой же нрав, как маленький Бабу, почитавший, по-видимому, верхом счастья ходить в посыльных у инженера.

Тот вернулся в мгновение ока.

— Вот, сэр.

Джек принял эмалированную кружку и осушил ее с громким хлопаньем.

— Мне это было надо, — со вздохом произнес он, устремив взгляд на указатель глубины.

Ему это кажется или же клеть в самом деле снижается быстрее обычного? Люди уже на глубине семи тысяч футов. Джек вновь сосредоточил внимание на указателе. Пожалуй, стоит снизить скорость. Орудя рычагом, он замедлил ход. Механизм откликнулся мгновенно, и Брайант не только ощутил, но и услышал это.

Отчаянно заморгав, он ощутил внезапную и непреодолимую усталость.

«Когда опустим людей, все пойдет как по маслу, почти само собой, — сказал он себе. — Тогда можно будет перепоручить работу кому-нибудь из подчиненных».

Сам же он займется с Барреллом проверкой, напомнит ему, кто здесь начальник.

Он задумался о Неде, о том, как ему помириться с другом. Затем мысли естественным образом повернулись к Айрис, к ее сообщению о

том, что у них в доме творится что-то непонятное. Если уж на то пошло, то девятичасового «мигания», донельзя раздражавшего Джека, сегодня тоже не было. Очень странно.

Раздался тошнотворный хруст. Механизм затрещал сверху донизу. Гигантский барабан резко встряхнулся. Это содрогание передалось Джеку через рычаги, он ощутил его сквозь перчатки. В эту долю секунды ему показалось, что его перебросило на несколько лет назад, в ледяное зимнее утро в Пензансе. Потрясением словно распоролось Брайанта надвое, несколько мгновений он не мог дышать, взглянул на барабан и увидел, что тот цел, а тросы подрагивают от неведомого толчка.

У него хватило присутствия духа нажать на тормоза и перевести мотор на холостой ход. В голове Брайанта помутилось. Он решил, что произошла поломка механизмов, но все оставалось в целости и работало отменно.

Ворвался Баррелл. Он кричал, Марти тоже вопил что-то со своего места у устья шахты. Колокольчик над головой резко звонил, неподалеку яростно надрывался телефон.

Но на суть дела Джеку указал Бабу.

С глазами, расширенными от страха, подрагивая усами, он призывал босса:

— Указатель, мистер Брайант, сэр. Посмотрите на него. — Индус тыкал тонким пальцем в прибор.

Джек метнул взгляд туда же, и цифры как нельзя более ясно сказали ему, что люди опустили на девять тысяч футов.

Девять тысяч.

Чересчур глубоко!

Рабочие заперты в клетях, закрытых снаружи на прочные замки. Их опустили на дно шахты, где естественным образом скапливается вода.

— Они захлебываются! — закричал Баррелл, прыгая на платформу. — Насосы не работают, помнишь?

— Что? — медленно, как в дурмане, переспросил Джек.

— Поднимай их! — завопил откуда ни возьмись взявшийся Пауэлл, от страха белый как бумага.

Вокруг царило знакомое ему столпотворение, но Джек чувствовал себя как во сне. Он был оглушен. Пауэлл оттолкнул его и стал

оперировать подъемником. Мгновенно переключив механизмы, он вытащил клеть из воды. Но она пробыла там больше трех минут.

Завыла сирена — на этот раз другая, та, которой страшились все женщины в Полях.

Потом рядом возник Баррелл и прорычал:

— Убирайся отсюда, Джек! Отправляйся куда-нибудь и протрезвись.

— Протрезвиться? — повторил тот, словно не понимая.

— Я чувствовал запах. Надо же быть таким дураком!.. Теперь тебя обвинят!

— О чем ты?

— Убирайся! — Баррелл вытолкнул его из машинного зала.

Джек хотел огрызнуться, но силы внезапно покинули его. Он уже слышал крики, вопли и знал, что будет дальше.

Ему не дали шанса подумать. Баррелл затолкал его в фургон и дал рабочему-индусу приказание доставить мастера Брайанта домой. Джек хотел что-то сказать, но слова застывали у него в горле.

Перед ним маячил образ отца, мрачно покачивающего головой, недовольного сыном. В фургоне Джек окончательно сдался. Он скорчился и молча глубоко, тяжело дышал. Его эмоциональные плотины прорвались. Из берегов вышла скорбь за людей, в гибели которых он виновен, за Неда и Айрис, за Канакаммал, за позор, в котором предстоит расти его ребенку, когда тот узнает правду, и, самое главное, как всегда, за отца, ожиданий которого Джек так и не сумел оправдать.

* * *

Когда Канакаммал услышала долгий вой сирены, у нее замерло сердце. Надо бежать вверх по холму, вместе с толпой других жен, матерей и сестер. Охваченные паникой, они стремятся быстрее добраться до главной шахты, как будто тем, что будут физически ближе, сумеют спасти своих мужчин.

Но что-то подсказывало женщине, что на этот раз ее присутствия не требуется. Джек не под землей. Муж здесь, его уже везут домой в шахтном фургоне. Он отбивается, отказывается от всякой помощи, то и

дело порывается вскочить с пассажирского места и, конечно же, пребывает в глубоком шоке.

Канакаммал крепилась, готовясь к предстоящему. Преодолев несколько ступенек лестницы, ведущей на веранду, муж рухнул ей в объятия и расплакался, как ребенок.

Нельзя сообщать ему о Неде. Она и сама с трудом верила, что это правда. Отправившись в лавку навестить отца, Канакаммал обнаружила там чокру Синклеров. Мистер Руперт Уокер уволил мальчишку, сказал, что в его услугах больше не нуждаются. Он заплатил ему даже сверх положенного и обмолвился, что господин и мадам больше не вернутся в дом. Кроме этого, чокра ничего не знал. Чтобы выведать побольше, Канакаммал вышла на центральную улицу.

Ей встретилась подруга, санитарка из больницы, и сообщила на тамильском:

— Сегодня погиб человек. Ужасное несчастье. Его убило током.

— Ты знаешь, кто это был?

— Он был женат на дочери мистера Уокера. — Она по-индийски покачала головой. — Бедный доктор.

Канакаммал молча смотрела на подругу. Та была не виновата в том, что так неделикатно сообщила жуткую новость. Откуда ей было знать, что Канакаммал лично знакома с Недом Синклером!

От боли и потрясения у нее сдавило горло, и она поспешила распрощаться. Бегом добравшись до дома и очутившись в саду, женщина обхватила себя руками, словно спасаясь от холода. Обезьяны скакали по деревьям и кричали, выпрашивая кусочки фруктов, но Канакаммал оставалась глуха к их призывам.

Нет, она не станет рассказывать Джеку о Неде. На данный момент у него хватает своего горя.

— Не понимаю, — простонал он, когда объятия разомкнулись и они двинулись в комнаты. — Я все сделал правильно.

Почти в то же мгновение у дома затормозила машина. Канакаммал оглянулась.

— Это люди с шахты, — сказала она, и ее пронзило острое, тревожное предчувствие.

Отворив дверь, Канакаммал впустила пришедших. Она не знала, что именно случилось, но ощутила беду. Оба гостя были британцами. Один шотландец, которого она как-то видела в обществе Джека,

второй — незнакомый ей англичанин. Жестом пригласив их в гостиную, Канакаммал помедлила в дверях.

— Джек!.. — нарушил молчание шотландец. — Как ты, парень?

Брайант встал. Он казался трезвым, но в глазах еще оставалась какая-то оглушенность.

— Я потрясен, мистер Маккензи. Я хотел остаться и помочь, но Стэн Баррелл...

— Поступил совершенно правильно, отправив вас домой, — произнес англичанин.

— Мистер Джонс, не знаю, что сказать и думать. Я ни в чем не виноват.

Джонс кивнул, но Канакаммал почувствовала, что это было сделано не искренне, а просто для того, чтобы заставить Джека замолчать, заодно и высмеять его. Она вошла и встала рядом с мужем.

— Это Элизабет, моя жена.

— Ваша жена? — Джонс не сумел скрыть удивления, но спохватился и отвесил ей равнодушный поклон.

— Миссис Брайант! — Маккензи был гораздо любезнее.

— Может быть, ваша жена приготовит нам чай? — Джонс произнес это с легким упором на «жена».

Канакаммал не сомневалась в том, что таким способом он хочет от нее отделаться. Кроме того, этот господин, конечно же, решил, что она не знает английского.

— Вы предпочитаете с молоком или с лимоном, мистер Джонс? — осведомилась женщина.

Он бросил на нее ехидный взгляд и ответил:

— Неважно, миссис Брайант. Мы хотели бы побеседовать с вашим мужем наедине.

Джек смотрел на этих людей. Его мысли походили на утопающих, которые пытаются удержаться на плаву в шторм, но им это не удастся. Ему казалось, что он сам тонет. Горести в комбинации с тревогой и тяжелой усталостью тащили его все глубже и глубже.

Джонс был в Полях человеком сравнительно новым. Только что из главного офиса, он лопался от служебного рвения и пыжился, изображая деловитость и твердость. При других обстоятельствах Джек показал бы ему, где раки зимуют, — плевать, что он начальник, — за колкости в адрес жены. Но сейчас Брайант лишь глянул на Элизабет и

слегка кивнул. Она вышла без лишних слов, хотя, прежде чем исчезнуть, бросила ему взгляд, в котором читалась поддержка.

— Твоя жена просто красавица, Джек, — заметил Маккензи.

— Благодарю вас, сэр.

Маккензи был инженером-распорядителем и пользовался всеобщей любовью.

— Что ж, Брайант. Пилюлю подсластить невозможно, так что я просто сообщу вам в точности, с чем мы имеем дело. — Не дожидаясь приглашения, Джонс уселся. — Подтверждена смерть семнадцати человек.

Джек обхватил голову руками, наклонился вперед и глубоко задышал. Иначе его вырвало бы.

— Еще двое в коме, — безжалостно продолжал Джонс. — Вы опустили их не просто на максимальную глубину, Брайант, а окунули в запертой клетки в воду. На десять футов. На нижнем уровне погибли все тринадцать человек.

— Мак!.. — взмолился Джек сдавленным голосом, и его дыхание стало жестким, поверхностным. — Я не понимаю, почему это произошло. Все было нормально.

— Не все, Брайант, — зловеще возразил Джонс, не дав коллеге ответить. — Поговаривают, что вы явились на смену, как говорится, под мухой.

Джек поднял голову. В глазах Мака читалось искреннее сочувствие, Джонс же сверлил его горящим взглядом.

— О чем вы? — не понял Джек.

— Несколько человек заметили, что вы зеваете. Один готов официально засвидетельствовать, что вы в тот день пили.

— Найдите мне в этом городе шахтера, который не пьет, мистер Джонс. — Этого говорить не следовало.

— Но вы не просто шахтер, мистер Брайант. Вы старший инженер на шахте Топ-Риф. Назначая вас на эту должность, компания шла на риск, и вы не оправдали доверия.

Джек встал, сжимая кулаки. Он надеялся, что при этом не качнулся.

— Сядь, — произнес Мак негромко, но твердо.

Брайант повиновался.

— Дело в том, что сейчас уже не важно, почему это произошло. Теперь наша забота — твоя безопасность.

Джек нахмурился.

— Да, компания за нее в ответе. — Джонс скривился. — Гибель этих людей последовала почти сразу за ужасной трагедией на шахте Вильямс. Тогда расстались с жизнью многие рабочие-индийцы, а сейчас то же повторилось на Топ-Риф. Зреет серьезное недовольство, Брайант. Наемные рабочие из местных постоянно ропщут по поводу техники безопасности и снаряжения. Случившееся может подтолкнуть их к тому, чтобы занять откровенно воинственную позицию. На этот раз погибли одни только индийцы.

Мак перешел к сути вопроса:

— Дело вот в чем, Джек. Если они пронюхают, что кто-то из британцев был в нетрезвом виде, то их уже не удастся урезонить. Черт побери, парень, они просто разорвут тебя в клочки.

— Вы серьезно? — Джек переводил взгляд с одного на другого.

— Абсолютно, — подтвердил Джонс. — Вам грозит опасность.

— Но я не...

— Неважно, Джек, — мягко прервал его Мак. — Им надо на кого-то свалить вину. Они станут обвинять того, кто оперировал подъемником. Не могу передать тебе, насколько агрессивны настроены рабочие. Время поджигает.

— Что вы предлагаете?

Джонс пронзил его пристальным взглядом.

— Вы покинете Поля, причем незамедлительно.

— Покину? А потом?

— Я отвезу вас в Бангалор. Оттуда мы организуем ваш отъезд на родину.

— Подождите! Покинуть Индию? Нет, я...

— Мистер Брайант, компания вас не просит, она вам приказывает. Это обговорено в контракте. «Если» и «но» исключаются. Компания имеет право — особенно в обстоятельствах, когда под угрозу поставлена ваша безопасность, — отправить вас из Индии в страну происхождения.

Мак пересел поближе к Джеку, положил руку ему на плечо и сказал:

— Мистер Джонс прав. У всех нас в контрактах есть такой пункт. При малейшем намеке на проблему нас отсылают домой.

Джек покачал головой и начал:

— Индийские рабочие...

На этот раз его прервал Мак:

— Времена меняются, Индия тоже. Они больше не бессловесные крестьяне, с которыми мы имели дело десять лет назад. Движение за независимость и освобождение от власти Британии набирает силу. Слышал о человеке по имени Ганди?

Джек покачал головой. Мысль о необходимости покинуть Поля привела его в такое смятение, что о политике не думалось.

— На данный момент индийцы воспользуются любой возможностью отомстить британцам. Две катастрофы за такое короткое время способны стать катализатором серьезного бунта. Я не утверждаю, что если мы устраним тебя, то этим обязательно остановим неминуемое, но...

Джонс оборвал его речь:

— Компании ни к чему ваша кровь, мистер Брайант. Это понятно? Фирма не желает больше нести за вас какую бы то ни было ответственность. Она удостоверится, что вы возвратились в Британию, и в дальнейшем не будет нуждаться в ваших услугах... нигде. А сейчас у вас есть десять минут на сборы. Время истекает.

Мир Джека опрокинулся. Все было всерьез. Сегодня вечером его уже здесь не будет. Они убеждены, что своей халатностью он погубил семнадцать человек. Голос в голове с интонациями Стэна Баррелла подтвердил это. Канакаммал уговаривала его не ходить на работу. Она так же, как в глубине души и он, знала, что слишком многое обрушилось на него в тот день. Джек тогда залил все это чересчур большим количеством спиртного. Погибли семнадцать человек, за которых он отвечал, потому что Брайант не уследил за счетчиком глубины. Этот прибор — ось существования человека, оперирующего подъемником! Надо было послушаться Элизабет.

Когда он заговорил, это был голос человека, находящегося в глубоком отчаянии:

— Моя жена...

— Только вы, мистер Брайант. — Джонс покачал головой. — За вашей женой вы можете прислать кого-нибудь позже. Ей ничего не

грозит. Она индианка. — Может, он и хотел сдержать ухмылку, но Джек все равно ее заметил.

Мак, должно быть, тоже.

— Давай, Джек, — заявил он. — Надо торопиться. Возьми необходимую одежду, бритву... побросай в чемодан, что тебе понадобится прежде всего, и вперед, в Бангалор. У тебя там есть знакомые?

С трудом соображая, Джек потер лицо и ответил:

— Да-да. Генри Берри. Он правительственный служащий.

— Отлично. Значит, он может посадить тебя на корабль. — Мак подтолкнул Джека в направлении спальни, в дверях которой Канакаммал слушала разговор.

— Элизабет!.. — начал Брайант.

— Тебе надо ехать, — сказала она. — Твоя безопасность — самое главное. Мистер Маккензи хочет тебя защитить. Сегодня люди не станут прислушиваться к доводам рассудка. — Она принялась упаковывать пожитки Джека в кожаный портплед.

Маккензи неловко стоял рядом.

— Остальное мы пришлем, обещаю. Сейчас возьми только то, что понадобится в дороге.

Не прошло и нескольких минут, как Канакаммал упаковала его вещи.

— Поехали со мной, — глухо произнес Джек, не вкладывая смысла в эти слова.

Оба знали, что это невозможно.

— Я не могу, — ответила она.

— Тогда я вернусь за тобой, когда все утихнет.

Канакаммал потупилась и кивнула.

Мак поднял портплед, схватил Джека за руку.

— Пошли.

Тут Джонс поднял тревогу:

— Я слышу, они рядом. Поторопитесь!

Невнятные, но громкие и возмущенные голоса и вправду приближались, как волна, стекающая с холма.

— Джек! — начала Канакаммал.

Им так многое оставалось сказать друг другу.

Он вырвался из хватки Мака, крепко обнял жену и шепнул:

— Я не хотел. Честное слово. — У него в глазах стояли слезы.

— Знаю, — ответила она и нежно его поцеловала. — Наан вууни насикиран.

Джек не нуждался в переводе.

— Я тоже тебя люблю, Канакаммал. — К собственному изумлению, он произнес это от всего сердца.

Боль пронзила его, как кинжал, потому что Брайант понял, что они, скорее всего, больше никогда не увидятся.

Канакаммал тоже это знала.

— Тогда расстояние ничего не изменит, — сказала она по-английски, и ее лицо озарилось такой чистой, ласковой улыбкой, что сердце Джека, в котором царили холод и страх, согрелось.

На холме замелькали фонари — толпа приближалась.

Джонс уже ждал в машине и крикнул оттуда:

— Мистер Брайант, еще секунда — и я не смогу вас защитить!

— В машину, Джек, — приказал Мак и заговорил с Канакаммал: — Мне очень жаль. Мы пришлем вам весточку.

Рассеянно прижимая руку к животу, она кивнула сперва ему, потом Джеку.

Потом они исчезли. Джонс дал полный газ. Машина с выключенными фарами скрылась во мраке, таком же непроглядном, какой царил у Джека в сердце.

Несколько минут спустя Брайант, все еще оглушенный и словно онемевший, заметил, что приближается Ургаум.

Он подался вперед, постучал Мака по плечу и сказал:

— Мне надо сообщить Неду Синклеру, что я уезжаю.

Джонс не сбавил ходу.

— Мак, прошу тебя, ты должен позволить мне попрощаться. Нед... — настаивал Джек.

Джонс оглянулся и начал:

— Эдвард Синклер... — Фраза осталась незавершенной, потому что Мак бросил на него выразительный угрожающий взгляд и мягко произнес:

— Синклеров нет дома, Джек.

От внимания Брайанта не ускользнуло, какую вспышку напряжения вызвало упоминание имени Неда. Случилось что-то очень плохое — он это знал.

— Тогда я поговорю с Уокерами! — Джек схватился за ручку, распахнул дверцу, вывалился наружу и покатился по пыли.

Машина ехала не слишком быстро, так что к тому моменту, когда Джонс резко затормозил, Брайант уже вскочил и бежал к дому Уокеров, в котором, несмотря на неурочный час, горели все огни.

Стуча в дверь, он оглянулся. Мак медленно приближался по гравийной подъездной дорожке. Свет из окна упал на его лицо, и Джек увидел, какое страдальческое выражение застыло на нем. Джонс остановился у ворот и переключил двигатель на холостой ход. Странное молчание окутывало дом, в котором, казалось, все бодрствовали.

Джек опять принялся стучать и не успел закончить, как дверь отворили.

— Сабу!

— Мистер Брайант, сэр. Сейчас не самое удачное время для визита.

Джек нахмурился.

— Нед здесь?

Из дальней комнаты вышел Гарольд. Джеку показалось, что он постарел на десять лет.

— Доктор Уокер! — обратился к нему Брайант.

Следом за отцом показался Руперт на костылях.

— Джек! — Доктор Уокер покачал головой. — Прошу вас, уходите.

— Что происходит? Что-то случилось, а мне не говорят. Беда с ребенком? Айрис...

— Это не с Айрис, Джек, — ответил Руперт.

В дом вошел Мак. Он смотрел на Уокера, словно извиняясь.

— На Топ-Риф произошла авария, — сообщил Брайант, не желая, чтобы Мак делал это за него. — Похоже на то, что сегодня я должен уехать из Полей. Вас еще не вызывали на шахту, доктор Уокер?

Гарольд отрицательно покачал головой и хрипло произнес:

— Для докторов там работы почти нет, зато морг будет забит.

Джеку так сдавило горло, что он почти утратил способность глотать.

— Погибли семнадцать человек, — просто произнес он. — Ответственность возлагают на меня, хотя...

— Честно говоря, Джек, мне все равно, — прервал его Уокер. — Сегодня у меня есть заботы поважнее.

Джек почувствовал на плече руку Мака, нахмурился, высвободился.

— Руперт, в чем дело?

Тот взглянул на Мака.

— Почему ему не сообщили?

— Не сообщили мне что? — проревел Джек, врываясь в дом. — Айрис!

Его пытались остановить, но это было все равно что удерживать корнуэльскую бурю в зимнюю ночь.

— Айрис! — вновь воззвал он.

Выбежала Флора и закричала:

— Держись от нее подальше, Брайант!

Мак обхватил Джека мощными руками, но остановила его Флора. Эта маленькая женщина, защищая дочь, превратилась в яростную тигрицу.

— Я всего лишь хочу с ней поговорить.

Она перегородила ему дорогу.

— Нельзя. Мы дали ей лекарство. Она спит. — Уокер взял ситуацию в свои руки, вздохнул и продолжил: — Мне очень жаль, что тебе приходится узнавать это сейчас, после всего, что уже случилось, но сегодня произошел еще один несчастный случай, с Недом.

Брайант хотел что-то сказать, но издал лишь тихий стон.

— Он умер, Джек, — произнес Руперт, бросив взгляд на отца.

Брайант услышал, понял смысл, но не мог взять в толк, каким образом это слово связано с Недом. Он оглянулся, посмотрел на Мака, но у того было такое же несчастное лицо, как у всех остальных.

— Убит током, — продолжал Уокер. — Его тело тоже в морге.

Голова у Джека пошла кругом. Слишком много смертей.

— Айрис...

— Знает. Поэтому мы дали ей лекарство, — зачем-то счел нужным уточнить Руперт.

— Я хочу ее увидеть, — начал Брайант.

— Нет! — одновременно воскликнули Гарольд и Флора.

Руперт положил руку Джеку на плечо.

— Мы только-только ее успокоили, дружище. Можешь себе представить ее состояние. Надо подумать о ребенке. Пожалуйста.

— Но...

— Нам надо идти. — Мак потянул его за рукав.

— Нет! Я не могу так ее оставить.

— Если ты можешь оставить свою жену, Джек, то нашу дочь и подавно. — Губы Флоры превратились в нитку, глаза метали яростные молнии. — У нее есть семья. Мы поможем ей пережить горе.

— Джонс не будет долго ждать. — Мак снова потянул Брайанта за руку. — Нам ни к чему нападения и тому подобное. Для одного дня трагедий достаточно.

— Джек, прошу тебя, отправляйся. Я скажу Айрис, что ты пришел. — Руперт пристально посмотрел на него.

Брайант лишь беспомощно кивнул и позволил увести себя в машину. Он больше не владел ситуацией. Когда автомобиль тронулся, Джек все тянул шею, чтобы бросить прощальный взгляд, но Уокеры уже закрыли дверь и сомкнули ряды.

Он молча смотрел в окно с заднего сиденья машины, а по щекам его катились слезы. Брайант уже и сам не знал, кого оплакивает.

* * *

Впереди Пять Светильников. Ургаум и люди, ставшие ему близкими, остались позади. Джек рассеянно отметил, что за окном темным смазанным пятном промелькнула хоккейная площадка. Джонс включил фары и нажал на акселератор. Машина стала набирать скорость, и вскоре впереди замаячили высокая башня с зажженными огнями и перекресток пяти дорог. Через несколько мгновений за спиной останутся даже окрестности Золотых Полей Колара. Жизнь, к которой он привык, исчезнет... навсегда.

Дорога до Бангалора прошла почти в полном молчании. Мак лишь предупредил его, чтобы он здесь не задерживался.

— Отнесись к этому со всей серьезностью. Компания хочет, чтобы ты покинул Индию. Если вернешься по собственной инициативе, то помни: «Тейлор и сыновья» тебе не защита. Отправляйся на родину, хорошенько отдохни и подумай.

— Но как же мое честное имя? Я не хочу, чтобы люди думали, будто я убежал, потому что признал вину.

— Это неважно. Имела место халатность или нет, но подъемником оперировали вы. Также не подлежит сомнению, что вы сегодня употребляли спиртное. В обоих случаях вы приговорены, — вмешался Джонс.

Джек едва сдержался, чтобы не вцепиться ему в горло и не начать душиТЬ.

— У моей жены будет ребенок, — глухо проговорил он.

— Дружище, я тебе всей душой сочувствую. — Мак вздохнул. — Может быть, когда пыль осядет, администрация шахты составит доклад, компания «Тейлор и сыновья» восстановит твою репутацию и ты опять будешь ходить с высоко поднятой головой. Наверное, уже через год сможешь вернуться. — Последние слова он добавил по доброте душевной.

Оба в глубине души знали, что вряд ли Джеку стоит рассчитывать на то, что его репутация будет восстановлена.

По пути Брайант снова и снова прокручивал в уме события последних часов. Под каким бы углом он на них ни смотрел, один факт оставался неизменным — за спуск отвечал он. Если только не подтвердится неисправность счетчика — Джек на это сильно рассчитывал, — то получается, что вина за гибель под водой индийских рабочих лежит исключительно на нем. Это непростительно для любого инженера, ответственного за спуск, в особенности для опытного, знакомого с тонкостями и опасностями работы. Буррел занимался текущим обслуживанием — проверял насосы. Идиот, идиот, идиот! Из-за предшествующих событий Брайант утратил душевное равновесие и способность здраво мыслить.

Сейчас Джек радовался, что отец не дожил до этого дня. Ему не придется стать свидетелем того, как сын возвращается в Корнуэлл с таким грузом на совести.

— Из героев в злодеи, а, Брайант? — ухмыльнулся Джонс, сворачивая на подъездную дорожку «Бангалор-клаба». — Будем надеяться, ваш друг еще не спит.

* * *

Канакаммал была на заднем крыльце, совсем одна. С этой высокой точки перед ней открывался прекрасный вид на Золотые Поля. Занимался рассвет. Вот-вот петух, купленный Джеком, закукарекает, возвещая восход солнца. По небу еще ползли темные облака, но на востоке уже заблестали золотисто-розовые отсветы. Новый день почти начался, но сегодня ему порадуются лишь немногие.

«А вот и он», — мелькнуло у нее, когда петух вскочил на свой пост на заборе.

Он изогнулся, поднял клюв и возвестил о наступлении утра и о том, что это его территория. Петух молод, красив и дерзок, все куры от него без ума. Точь-в-точь Джек!

Он сейчас уже, наверное, в Бангалоре. Потом ему надо будет разыскать корабль, где найдутся свободные места. Она предполагала, что Брайант на поезде доберется до Бомбея, а оттуда поплывет морем и вскоре окажется в родных краях.

Когда палитра неба ярко просияла красками рассвета, Канакаммал сняла великолепную цепочку, увешанную соверенами, — подарок Джека — и положила ее на вуаль от сари, расстеленную на земле. Она один за другим сняла десятки подаренных им золотых браслетов. Зная, что индийцы судят о богатстве человека по золоту, которое тот носит, он хотел, чтобы люди видели, что она замужем за преуспевающим человеком. Канакаммал расстегнула серьги и положила их рядом с прочими украшениями. В последнюю очередь она сняла часики, которые Джек подарил ей, но их место было не рядом с золотом. Эту вещь она отложила в сторону.

Обручальное кольцо Канакаммал снимать не стала. Джек навсегда для нее потерян, но он все равно остается ей мужем, и другого у нее не будет. Ножные браслеты, столь его забавлявшие, были уже сняты. Она тайком упаковала их с его вещами. Пусть у него останется от нее что-то особенное на память.

В конце, сложив и увязав в вуаль драгоценности, чтобы больше уже никогда их не надевать, Канакаммал посмотрела на восходящее солнце — символ начала всего нового — и позволила себе разрыдаться. Она плакала о своей утраченной любви и будущем ребенке, которому не доведется узнать отца.

Генри Берри смотрел на сломленного человека, сидящего перед ним. Он выслушал ужасную историю целиком, взял на себя ответственность за Джека и забронировал тому комнату в клубе.

В этой комнате они и устроились за графином бренди. Бокалы с золотистой жидкостью оставались нетронутыми. Брайант закрыл лицо руками, уперся локтями в колени. Он будто находился на грани потери рассудка. Генри терялся. Как на долю одного человека может выпасть столько травм, потерь и отчаяния?

Он настаивал на прагматическом подходе:

— «Тейлор и сыновья» покроет все расходы на дорогу, дружище. Я распорядился, чтобы в клубе начали собирать информацию. Сейчас поздно, но, полагаю, можно и разбудить кого-нибудь в Бомбее, чтобы разузнали о том, какие суда отправляются в Британию. На «Налдере» должны быть места. Хороший корабль, к тому же знакомый тебе. — Помолчав, он понаблюдал за реакцией друга и понял, о чем тот думает. — Ты должен уехать, Джек. Тебе нельзя оставаться.

— Разве они смогут найти меня в Бангалоре, Генри? Это ведь простые деревенские жители!

— Дело не в этом. Ты подписал контракт. Для тебя не станут делать исключений. Они хотят, чтобы ты покинул страну в соответствии с правилами. Не навлекай на себя их ярости неповиновением, особенно если рассчитываешь когда-нибудь вернуться в Индию.

Джек поднял голову. Теперь настала его очередь долго смотреть на Генри.

— Мы оба знаем, что если я сейчас уеду, то никогда уже не вернусь.

— Не говори так. Ты не можешь знать.

— Счетчик, наверное, был неисправен. Я... я не понимаю, как иначе...

— Джек, установить это — их забота.

— Я не смогу защищаться!

Генри заговорил еще более успокоительным тоном:

— Механизмы все скажут сами за себя.

— Указатели были неисправны. Готов поставить на это собственную жизнь.

— Не надо. Компания сама все докажет.

Джек невесело рассмеялся.

— Ты доверяешь этой компании, Генри? Ей есть дело только до своего имени, репутации. Вряд ли она признает тот факт, что использовалось негодное оборудование. Гораздо проще свалить вину на одного человека!

— Джек, пока что ты — часть компании, поэтому она защищает свое имя, помогая тебе. Прошу, внемли здравому совету. Сейчас ты не в состоянии воспринимать вещи ясно, и винить тебя за это нельзя. Убежден, Джек, никто не должен переносить столько, сколько терпишь ты. Не стесняйся плакать, дай себе время на восстановление. Вернуться в Британию — правильное решение, единственно верное. — Он вздохнул. — Послушай, я планировал отправиться в Мадрас, но лучше поеду с тобой в Бомбей. Сядем завтра на первый утренний поезд.

Джек зарычал как раненое животное и услышал:

— Не спорь.

— Сегодня я получил телеграмму. Мне сообщили, что умер отец. Может, и правильно будет поехать домой и поддержать мать.

Тик Генри усилился. Это навалилось на Брайанта кроме всего остального!

— Джек, я тебе очень сочувствую.

— Знаю. Прежде чем ты ляжешь спать, хочу попросить тебя еще кое-что для меня сделать.

— Само собой. Что именно?

— Главным образом речь идет о собственности.

— Ты уверен, что мыслишь сейчас ясно?

— Собственность, впрочем, довольно скромная, но это следует сделать. Отец всегда учил меня, что эмоции не должны мешать бизнесу. Наверное, это мой способ почтить его память.

Генри подумал, что у его друга довольно странная логика, но кто такой Берри, чтобы судить?

— Считай, что дело сделано, — мягко произнес он. — Но, может, тебе лучше подумать об этом позже? Ты приедешь домой и там, в

тишине и спокойствию, все обмозгуешь. В конце концов, ты ведь можешь...

— Я не вернусь, Генри. Я увидел это в глазах моей жены. Она все знает. Мне кажется, Индия с самого начала желала от меня избавиться.

— Не говори глупостей, старина.

— Слишком много всего произошло, — покачал головой Джек.

— Но что станет с твоей семьей в Полях?

— Не знаю. Я их обеспечу. Элизабет не слабая женщина. Сильнее меня, нас всех, вместе взятых. У нее тоже есть семья. Я хочу о ней позаботиться, так, на всякий случай.

— На какой случай?

— Кто знает, что ждет нас впереди. Сейчас я хочу завершить все мои здешние дела.

— Секундочку. Возьму записную книжку. Давай по порядку.

* * *

На следующее утро Джек, сопровождаемый своим хорошим другом Генри Берри, сел на поезд в Бомбей. Через три дня после их прибытия в бомбейском порту совершила остановку «Налдера», и Генри зарезервировал Брайанту каюту.

Без малого четыре недели на борту он провел почти в полном одиночестве, ни с кем не общаясь, не посещая вечеринок, тихо проводя время в самом неприметном месте верхней палубы. Эти дни ушли у Джека на то, чтобы привыкнуть к новому повороту судьбы.

Другие пассажиры вскоре перестали проявлять любопытство к высокому красивому джентльмену с корнуэлльским акцентом и с уважением отнеслись к его очевидному желанию проводить время в одиночестве. Джек был рад, что подмазал судового эконома и нескольких официантов, чтобы те незаметно распустили слух, что он оплакивает смерть двух близких людей.

Какое-то время Брайант предавался сожалениям. Сейчас, оглядываясь на последние бурные месяцы, он понимал, что винить должен только себя. Своей страстью к Айрис он подталкивал ее и друга к поступкам, итогом которых стала гибель Неда. Сейчас Джек со всей ясностью осознал, что если бы он держался от Айрис на

расстоянии, то Нед остался бы в живых. Может быть, ему не следовало жениться на Элизабет... А теперь он разбил жизнь и ей тоже. Она никогда ничего у него не просила. Теперь она носит его ребенка. Брайант задумался о том, сын это или дочь. Хотелось верить, что сын. Он сделает так, что тот будет ходить с гордо поднятой головой, несмотря на то что растет без отца.

Ненавидел ли он себя? Да.

Собирался ли когда-нибудь вернуться к жене и ребенку? Вряд ли. У него в Полях больше не было будущего, а черную женщину и ее сына-полукровку точно не примут в Корнуэлле. Может быть, они могли бы устроиться в Бангалоре, но близость Айрис, к тому же овдовевшей, стала бы чересчур сильным соблазном. Джек знал, что против этого ему не устоять. Можно себе представить реакцию ее семьи, если он вновь появится на ее горизонте. Нет, Айрис всегда принадлежала Неду. Лишь после его гибели Джек окончательно понял, что им с Айрис не суждено быть вместе.

В Индии можно было бы жить в каком-нибудь другом городе, к примеру в Мадрасе или Бомбее, но оторвать Элизабет от семьи, которую она любила всем сердцем, было бы еще большей жестокостью, чем покинуть ее. Она с глубокой серьезностью занималась воспитанием братьев и сестер, заботилась о родителях. Такова роль старшей дочери. Кроме того, если говорить начистоту, Брайант не испытывал никакого желания возвращаться в Индию. Сейчас, оказавшись на корабле, в столь любимом им море, он испытывал смутное радостное волнение от того, что возвращается домой.

Джек стосковался по Корнуэллу.

* * *

Корнуэлл, как видно, тоже соскучился по нему. В Пендине его встречали как блудного сына. Когда поезд из Лондона подкатил к Пензансу, на платформе ждала мать с небольшой свитой.

Во время долгого путешествия на запад, глядя на знакомую линию побережья, Джек часами вдыхал соленый воздух. Внезапно оказалось, что вид аквамариновой корнуэлльской воды, крутых скал и зеленых

холмов наполняет его радостью. Он не хотел позволять себе восторгов, но уже от одних только знакомых пейзажей настроение Брайанта улучшалось.

Истинным же катализатором внутреннего выздоровления стала встреча с матерью. У нее дрожали губы, так счастлива была она увидеть своего драгоценного мальчика как раз тогда, когда больше всего в нем нуждалась.

— Только посмотри на себя, дорогой! Такой загорелый и сильный!

— Когда ты успела настолько ослабеть, что тебе нужно кресло на колесах? — Джек улыбнулся, но тут же нахмурился при виде медсестры, сопровождающей мать в числе прочих.

— Просто небольшая предосторожность, дорогой. Я не слишком хорошо себя чувствовала...

— Больше тебе не о чем тревожиться. — Он снова ее обнял. — Я дома и не собираюсь никуда уезжать.

Джек всю дорогу держал мать за руку, пока они заднем сиденье нового отцовского автомобиля ехали в дом, отремонтированный и переделанный. К нему было пристроено новое крыло.

Элизабет Брайант, рука об руку с сыном, показывала ему комнаты, слегка приподняла бровь, улыбнулась и спросила:

— Одобряешь?

— Все великолепно, но по какому случаю переделки?

— Все для тебя.

— Для меня?

— Отец хотел, чтобы тебе здесь было удобно и ты захотел бы остаться, когда вернешься домой. Он говорил, что у нас есть все основания для воссоединения.

— Отец так сказал? — У Джека перехватило дыхание.

— Он тебя любил. — Мать с улыбкой кивнула. — Просто не умел сказать. Эта перестройка стала его способом выказать тебе свои чувства. Мне очень грустно, что вы с ним так больше и не увиделись, он не узнал, что тебе понравилось.

— Что ж, теперь я здесь.

— Ты вернулся ради нас, Джек?

Он напрягся.

— Не надо, дорогой, не отвечай. Я благодарна, что моря возвратили мне моего сына. Ты, конечно, продолжаешь вспоминать

прошлое, но я уже писала, что тебя полностью оправдали. — Мать подняла руку, словно говоря «довольно», и продолжала таким тоном, как будто сын возразил, хотя он не открывал рта: — Было с абсолютной точностью доказано, что ты не только действовал быстро и решительно, с соблюдением всех протоколов, но к тому же показал себя героем в спасательных операциях. — Она бросила на него выразительный взгляд, словно запрещая ему всякую попытку опровергнуть эти твердо сказанные слова.

— Я не чувствую себя героем, — с некоторым вызовом, но без особого пыла буркнул Джек.

— Твой отец был сложным человеком. — Мать вздохнула и покачала головой. — Он считал себя скромным, хотя этот дом и все, в нем содержащееся, вопиет об обратном, но при этом решил, что не стоит поднимать шум из-за письма с шахты или визитов людей, которые приходили отовсюду принести извинения за напраслину, хотя бы даже и мысленную.

Джек искоса посмотрел на нее и недоверчиво уточнил:

— Они извинялись?

— Безоговорочно. Первой в очереди была семья Билли. — Тон ее голоса лишь еле заметно окрасился сарказмом. — Впрочем, вру. Первой, кто выразил свои глубочайшие сожаления за несправедливое обращение с тобой, была миссис Шанд. При всем моем восхищении ею, она, по-видимому, готова винить за гибель сына любого живого молодого человека. Впрочем, прости, я знаю, это звучит жестоко. Джек, милый, я вижу, как ты потрясен. Твой отец был неправ, решив ничего тебе не сообщать. Он говорил, что для тебя это неважно.

— В Индии это и в самом деле было бы неважно, но теперь, когда я дома, — очень даже, — заметил Джек.

— Ходи с высоко поднятой головой, сынок. Таково было последнее желание твоего отца. Он взял с меня обещание, что я тебе это передам.

Не в силах говорить от нахлынувших чувств, он лишь молча, благодарно поцеловал ее в затылок.

— Пойдем. Мне холодно. Миссис Шанд разожгла камин. Будем пить чай с пышками.

Пораженный тем, какими мгновенно узнаваемыми оказались мельчайшие подробности прежней жизни и как ему их не доставало, он

покачал головой.

Позже, когда они сидели перед камином, в окна бился ветер, а над Пендином опускалась корнуэлльская ночь, Джек смотрел на языки пламени и тщетно пытался найти в своем сердце чувство вины, которое должен был бы испытывать. Странно, но это оказалось единственным, за что упрекала его совесть.

— Ты это серьезно, Джек? — спросила мать, вглядываясь ему в глаза. — Ты правда останешься? Возьмешь бразды правления в свои руки?

Джек сел, остановил на ней долгий проникновенный взгляд и ответил:

— Мама, никакими силами меня не вытащить больше из Корнуэлла. Да, я вернулся домой навсегда, займусь бизнесом и буду жить так, чтобы отец мной гордился.

Довольная женщина откинулась на спинку кресла и взялась за колокольчик, лежащий рядом. Когда раздался звонок, Брайант на какое-то мгновение почувствовал себя так, словно его забросили обратно в ту ужасную ночь в Полях, когда вот такой же звук возвестил о приближении трагедии.

На призыв матери в гостиную явилась хорошенькая молодая женщина. Своим появлением она милосердно вернула его к действительности. Звали ее, очевидно, Глория, но она весьма вызывающе представилась как Глори.

— Так меня все называют, — заявила девушка, и Джек был уверен в том, что она хотела ему подмигнуть.

* * *

Глория Пейни была родом из Редрута. Она только что получила диплом медсестры и была нанята ухаживать за миссис Брайант. Та не особо нуждалась в сложной медицинской помощи, просто после смерти мужа стала эмоционально хрупкой.

Роль Глории заключалась в том, чтобы помочь Элизабет Брайант пережить этот трудный период, следить, чтобы та аккуратно принимала на ночь снотворное, сопровождать ее во время прогулок да изредка выполнять поручения. Глорию не слишком беспокоило, что

она не применяет своих медицинских навыков. Гораздо важнее, что девушка теперь жила не в крошечном родительском домике на Нокс-стрит, а в самом роскошном особняке Пендина. Она пользовалась всеми преимуществами статуса, который влек за собой уход за такой уважаемой дамой, как миссис Брайант.

Но теперь жизнь совершила новый поворот, и Глория с трудом сдерживала радость. Возвращение домой легендарного красавца, сына миссис Брайант, о котором она так много слышала, сделало ее работу еще более приятной.

«Глория Брайант. Звучит неплохо. Просто шикарно», — думала она, улыбаясь Джеку.

Ей понравилось, как он встал при ее появлении. Его крупная, представительная фигура была так хороша, что у девушки перехватило дыхание.

— Здравствуйте, Глория. — Джек широко улыбнулся, и по контрасту с бронзовой кожей его белые зубы показались ей еще более ослепительными.

У Глории слегка подогнулись колени, она тоже улыбнулась как можно более очаровательно и ответила:

— Добрый вечер, мистер Брайант.

— Вы собираетесь отвести маму вздремнуть?

— Принять ванну, а потом переодеться к ужину. Миссис Шанд приготовила для вас целый пир, мистер Брайант.

Джек улыбнулся матери, которая вздохнула и заметила:

— Так хорошо, что в доме опять есть мужчина, которого надо кормить.

— Послушайте, Глори, зовите меня Джеком, а то я начинаю чувствовать себя собственным отцом. Его ведь никто не заменит, верно?

— Я вернусь за подносом и посудой, — произнесла Глори, открывая дверь миссис Брайант.

При этом она выразительно стрельнула взглядом.

* * *

Джек не рассказал матери, что назвал в ее честь молодую женщину из Индии. Более того, он ни разу даже не упомянул о женитьбе и о том, что далеко, за океаном, эта женщина носит его ребенка.

По мере того как недели превращались в месяцы, он вновь привыкал к Корнуэллу, особенно к удовольствию ощущать на щеках жгучие поцелуи морозного ветра, есть теплые свежеспеченные корнуэлльские пироги, смакуя каждый кусок и глядя на суровую гору Сент-Майкл. Внезапно Джек понял, что именно эти домашние радости, кажущиеся такими незаметными, делаются самыми важными, когда человек их лишается.

Бывали минуты, когда ему казалось, что он скучает по ярким краскам Индии — сверкающим, как драгоценные камни, сари на девушках, странным, удивительным фруктам... и серым, как голубиное крыло, глазам жены. Да, ему недоставало этих цветов, но он по ним не томился. Это следовало признать.

Оказалось, что мозг Джека буквально фонтанирует идеями по поводу того, как расширить диапазон деловых операций отца, не в последнюю очередь за счет недвижимости. Он начнет с пабов и гостиниц. Джек не сомневался, что, вложив деньги в подобные предприятия, выиграет в любые времена, как хорошие, так и плохие.

Лишь в очень редкие моменты полной честности Брайант признавался сам себе в том, что наслаждался ролью молодого сквайра. Люди смотрели на него снизу вверх. Он только начинал, но мужчины старше его — из тех, что трепали мальчишку Джека по затылку — теперь спрашивали разрешения нанести ему визит. Да, Брайант в общем-то с легкостью влился в корнуэлльскую жизнь, разъезжал на машине отца, даже планировал приобрести дома — один в Лондоне, другой где-нибудь на севере, возможно в Манчестере, — где можно было бы останавливаться, совершая деловые поездки.

Жизнь в Индии и развернувшиеся там события постепенно отдалялись, бледнели, превращались для него в сновидение. Воспоминания о пыльной дороге и ухоженном поселке в английском стиле, раскинувшемся по обе стороны от нее, казались фантазией, в особенности теперь, когда он гулял по знакомым склонам Сент-Джаста, а рядом вприпрыжку бежал Конан, его новый терьер.

Эта жизнь была настоящей. Именно такую он выбрал. Сейчас Брайант осознал, что всегда хотел именно этого.

Порой он ненавидел себя за черствость, но это чувство было давнишним спутником Джека, похожим на удобное ношеное пальто, хорошо известным, мгновенно узнаваемым и, самое главное, дающим безопасность. Последнее было крайне важно, потому что стоило ему открыть кому-то сердце, как это неизменно приводило к боли.

Самый лучший тому пример — Айрис. Она ассоциировалась у него только с болью. Когда он позволял себе о ней думать, воспоминания все еще причиняли ему тупой зуд. Мучительное отчаяние, вызванное смертью Неда, не покидало его никогда. Они расстались плохо, так и не разрешив разногласий. Синклер умер, не зная, что дело Брента закрыли. Генри прислал восторженную телеграмму, в которой сообщал о победе, теперь не имевшей смысла. Джек убедил себя, что именно мысли о возобновлении следствия, а не подозрения, связанные с Айрис, толкнули Неда в бездну тревоги, из-за которой он так глупо рискнул жизнью.

А Элизабет — черт побери! Ему больше не выговорить и первых двух слогов ее настоящего имени. Одна сплошная боль! Эта женщина такая верная, не сомневающаяся в нем, терпеливая. Чувство вины изводило его как старая рана, поэтому Джек избавился от него, просто запретив себе думать о ней или о собственном ребенке, которому предстояло появиться на свет не позднее чем через месяц.

По правде сказать, он дважды хотел написать ей, но оба раза комкал страницу, задаваясь вопросом — зачем? Может ли он сказать хоть что-то такое, что не будет дышать предательством? Лучше никогда не говорить об Элизабет Брайант, живущей в Индии. Так легче притвориться, считать, будто она никогда не существовала.

Сентябрь 1927 года

Генри любил юг. Здесь было гораздо прохладнее, чем в Бомбее, куда он недавно получил постоянное назначение. Сейчас он занимался тем, что обставлял дом, в который переехал с молодой женой, Арабеллой Берри. Получив последнюю должность, Генри совершил огромный скачок по карьерной лестнице и превратился в крупную фигуру на местной политической арене. Новое положение означало ежегодные путешествия в Лондон, а также значительное увеличение сумм, выделяемых на обустройство, слуг, развлечения. Разве могла мисс Синклер его отвергнуть? Генри нравилось говорить себе, что Белла вышла за него потому, что поддалась его чарам. Иногда мерзкие внутренние бесенята нашептывали ему, что он обманывается, но Берри любовался красавицей женой, нежился в лучах ее солнечной улыбки и напоминал себе, что неважно, почему она это сделала. Главное в том, что Белла принадлежала ему. Он занимал ее светской жизнью. Довольству молодой жены немало способствовали пышный дом и армия слуг. Наряды, драгоценности, путешествия и статус! Берри знал, что это нужно Белле для счастья, без которого он теперь не мыслил самого себя.

Теперь ему хотелось написать своему старому другу, Джеку Брайанту, и ввести того в курс событий. Он знал, что Джек порадует, узнав, что Генри, невзирая на охи и вздохи, нашел-таки девушку своей мечты.

Но прежде ему предстояло завершить одно дело. До этого момента у него не было возможности выполнить все просьбы Джека. Только теперь, восемь месяцев спустя, оказавшись опять в Бангалоре, он смог это сделать.

Берри побеседовал с адвокатами и сделал все, что было возможно до этого момента. Теперь, очутившись в Полях, он должен был завершить начатое.

Шофер затормозил у магазинчика, принадлежащего человеку по имени Чинатамби, переключил двигатель на холостой ход и стал ждать. Генри, щеголеватый в своем белом полотняном костюме,

прищурился, вышел на солнце, поправил очки и шагнул в тень лавочки.

— Добрый день, сэр! — хором приветствовали его двое детей.

— Гм, добрый день, — с улыбкой отозвался он, впечатленный вежливостью и бойкостью малышей. — Это, гм, магазин Чин-а-тамби? — спросил Берри, предварительно заглянув в записную книжку.

Они рассмеялись. Его произношение их развеселило.

— Папа! — опять закричали дети хором, и из задней комнаты показался пожилой мужчина.

— Прошу прощения, сэр, прошу прощения. Мне как раз доставили рис.

— Никаких проблем. Что за чудесная парочка. Ваши внуки?

— Дети, сэр. — Чинатамби рассмеялся.

— Вот это да! Поздравляю!

— У меня много детей, сэр. Когда я состарюсь, они будут обо мне заботиться.

— Полагаю, я ищу одну из ваших дочерей. Старшую, если не ошибаюсь. Она ведь пользуется именем Элизабет Брайант?

— А, это Канакаммал.

— Совершенно верно. Очень красивое имя. Как я могу найти, гм, миссис Брайант? Ее муж, Джек Брайант, просил меня связаться с ней.

Мужчина кивнул.

— Сейчас ее можно найти на рынке, сэр.

— Что ж, хорошо. В таком случае я, пожалуй, подожду.

— Это не обязательно. Она не будет возражать, если вы ее отвлечете.

— Отлично. Тогда поеду на рынок. Как я ее узнаю?

— Я пошлю с вами ее младшего брата, Маримуту. Он любит машины, сэр. — Чинатамби в своеобразной индийской манере то ли покачал, то ли покрутил головой и с гордостью подтолкнул вперед мальчугана лет восьми.

— Замечательно. В таком случае, вперед, мастер М.

Получив от отца краткие наставления, мальчик с сияющими от восторга глазами забрался на заднее сиденье автомобиля.

До Андерсонпета они добрались довольно быстро. На Генри произвело большое впечатление, насколько здесь развита

инфраструктура, несмотря на отдаленность от центра. Он пару раз приезжал в Поля еще до того, как познакомился с Джеком, но странно — почему-то после этого ему не довелось бывать здесь ни разу.

Мальчик привлек внимание шофера:

— Сюда, сэр. Здесь рынок.

— Чертовски хорошо. Ну что, пройдемся?

На улицах было не протолкнуться от людей, животных, повозок и прилавков.

— Боже милостивый! — заявил Генри. — От всей этой еды и вкусных запахов у меня слюнки текут.

Мальчик заулыбался и сказал, поглаживая живот:

— Я приведу вас к Канакаммал, сэр, если вы купите мне ладу.

— Я куплю вам два, молодой человек. — Генри рассмеялся.

Маримуту схватил его за руку и предложил:

— Пойдемте, сэр.

Загипнотизированный обилием впечатлений, которые рынок обрушил на все его чувства, Генри последовал за мальчиком. Благодаря своей работе, положению, а теперь еще и высокому статусу он передвигался все больше в очищенной атмосфере автомобиля, в котором шофер, являющийся по первому зову, возил его из дома в офис и обратно. Очутиться в гуще индийской толпы, где люди снуют по своим делам, было для него в новинку.

Когда, по прихотливой кривой рассекая толпу, мимо прошел вол, Генри посторонился. Здесь это животное имеет право ходить там, где ему вздумается. Под ногами в поисках объедков сновали поджарые собачонки.

Продавцы расхваливали товар, покупатели интересовались ценой, нюхали, пробовали и щупали разнообразные предметы. Многоцветные сари спорили яркостью с фруктами. Никто и бровью не повел при виде невысокого белого человека в очках, которого мальчик быстро вел мимо бесчисленных прилавков с горшками, кастрюлями, хозяйственными товарами, точильщика ножей, обувщика, плетельщика корзин и лавки со скобяными изделиями к той части рынка, где торговали овощами, фруктами и прочей свежей зеленью.

Здесь Генри привлек цветочный аромат. Остановившись, он залюбовался девочками, делающими гирлянды. Сидя рядом с матерями и тетями, они работали в окружении больших корзин с

орхидеями, бугенвиллеями и множеством других цветов, названий которых Генри не знал. Краски были потрясающими. Темнокрасные и кремово-белые бутоны живописно контрастировали с шафрановыми и солнечно-желтыми.

Пьянея от густого аромата, Берри побродил под готовыми гирляндами, подвешенными к потолку, и спросил:

— Сколько, мастер М.?

Мальчик заулыбался, поговорил с продавщицей и перевел:

— Для вас две рупии, сэр.

— Для меня, значит, в два раза дороже? — пошутил Генри.

Впрочем, он не возражал. Две рупии — ничтожные деньги.

— Пожалуйста, попроси ее выбрать для меня покрасивей. — С этими словами Берри вручил женщине деньги.

Та предложила повесить гирлянду Генри на шею.

— Нет-нет, благодарю вас. Это не для меня.

Они перешли к прилавкам с овощами.

— Что это? — спросил удивленный Берри, указывая на нелепо длинный темно-зеленый трубчатый овощ.

— Это боб, сэр.

— Он должен быть двух футов в длину!

— С дхалом очень вкусно, — заверил его Маримуту.

— А это что? — Генри указал на пирамиду безобразных на вид, отдаленно смахивающих на тыкву овощей, узловатых и перекрученных.

— По-вашему это, кажется, называется тыква.

Такая осведомленность поразила Берри.

— Ты отлично говоришь по-английски. Пожалуй, возьмем тебе три ладу, что бы это ни было!

— Это сладость, сэр. Пойдемте, я покажу.

Они очутились среди прилавков, заваленных предметами, слегка похожими на бисквиты и, пожалуй, на сливочные помадки, но Генри не видел ничего, что могло бы понравиться англичанину так, как крошечное пирожное, шарик кокосового мороженого или ириска. Более того, на вкус Берри все сладости с их аляповатыми, вульгарными красками были откровенно малоприятными, но у мальчугана разве что слюнки не текли.

— Покажи мне, — сказал Генри.

— Вот, сэр. — Маримуту поднялся на кончики пальцев и ткнул рукой, едва дотягиваясь головой до прилавка. — Ладу!

Берри взглянул на золотистые сферы размером с мячи для гольфа.

— Ясно. Из чего же они?

— Не знаю. — Маримуту рассмеялся и обратился к продавцу с фразой, которой Генри не понял, но тот с готовностью ответил.

Мальчик оглянулся на Берри и пояснил:

— Рис, орехи кешью, много сахара, растительное масло, кардамон. Остальное я не запомнил.

— Судя по составу, что-то ужасное, но давай возьмем три, хорошо?

Маримуту восторженно кивнул и сказал несколько слов продавцу, после чего сладости, завернутые, как полагается, в газету, вручили ему, а Генри протянул продавцу рупию, гадая, хватит ли этого.

Тот вернул горсть мелочи, которую Берри поспешил отдать мальчику.

— Угощайся, — сказал он. — Теперь разыщем твою сестру.

— Пойдемте, сэр. Она, наверное, покупает специи.

Генри последовал за ним. Но еще до того, как они вошли в темноватое крытое помещение, где торговали пряностями, в нос ему ударил терпкий аромат. Здесь сновали мужчины с небольшими повозками, груженными мешками с яркими разноцветными порошками, семенами коричневого или серовато-зеленого цвета. От приятного, но чрезмерно сильного запаха у Генри запершило в носу. Более того, острые ароматы черного и красного перца, шафрана и корицы вызвали у него настоящий приступ громкого чихания.

Когда Маримуту в радостном возбуждении указал пальцем и потянул его к высокой женщине, которая стояла спиной к ним, он как раз доставал из кармана носовой платок.

Индианка, по спине которой спускалась длинная черная коса, оглянулась и остановила на нем пристальный взгляд темно-серых глаз. Генри почувствовал себя так, словно внезапно очутился в невесомости, и мгновенно перестал чихать.

Через какое-то время он отдал себе отчет в том, что стоит с открытым ртом, и опять громко чихнул, вызвав хохот Маримуту. Потом тот быстро сказал что-то сестре. Она нахмурилась и жестом пригласила Генри следовать за собой.

Они вышли из помещения и оказались с внешней стороны рынка, где женщина указала Берри на лохань с водой. Тот поплескал в лицо, тщательно избегая попадания воды в рот. Пока он утирался платком и приходил в себя, брат с сестрой терпеливо ждали.

Наконец англичанин вздохнул, протянул руку и спросил:

— Миссис Элизабет Брайант?

Она сдержанно кивнула.

— Я Генри Берри, друг вашего мужа. Эта гирлянда — для вас.

Женщина промолчала, не сводя с него серьезного взгляда.

— Прошу, примите этот небольшой подарок. — Он чувствовал себя неловко с цветами в руке.

— Благодарю вас, — негромко произнесла она и взяла гирлянду, но надевать не стала.

Стараясь не мигать под этим неподвижным взглядом, Генри поспешил объяснить:

— Э-э, я должен обсудить с вами некоторые важные дела, миссис Брайант, если позволите. Джек, то есть ваш муж, просил меня выполнить от его имени кое-какие формальности.

Женщина молчала. Только сейчас Генри заметил, что она на последних сроках беременности.

— Гм, миссис Брайант, я на машине. Может быть, вы позволите отвезти вас домой? Я ужасно долго не был в Полях и, если вы не против...

— Спасибо, — сказала индианка, отдала корзину с покупками брату и повела их обратно примерно по тому же маршруту, по которому они прибыли сюда.

Маримуту показал пальцем на машину. Женщина поколебалась. Она явно никогда прежде не ездила на автомобиле, но при виде энтузиазма брата последовала его примеру.

— Удобно? — спросил Генри.

— Вполне, — ответила Элизабет, пожалуй, немного напряженно, глядя на людей, снующих за окном.

— Мы доставим вас очень быстро. В каком направлении ехать? Может быть, вы подскажете шоферу?

Она поговорила с водителем, и вскоре Генри уже узнавал Поля. Канакаммал объяснила, что надо подняться на холм, и через несколько

минут они уже сворачивали на подъездную дорожку красивого особняка, одиноко возвышающегося на вершине.

— Это дом моего мужа. Джек, наверное, захочет продать его. Когда ребенок родится, я отсюда съеду, — спокойно произнесла она.

Не дожидаясь, пока шофер распахнет дверь, женщина, несмотря на живот, проворно вышла из машины, поднялась на веранду и пригласила Генри войти.

Внутри царили идеальные чистота и порядок. Пахло сандаловым деревом и льняным маслом. Его провели в гостиную, тишину в которой нарушало лишь зловещее, как показалось Генри, тиканье часов. Обстановка была в полном смысле слова английская, вплоть до кружевных салфеток на столах и спинках стульев.

— Выпьете чаю, мистер Берри?

— Было бы замечательно. — Внезапно у Генри запершило в горле.

Элизабет кивнула и велела Маримуту возвращаться в магазин отца.

— Э-э, подождите, мастер М., — сказал Генри, когда понял, что мальчик уходит, сжимая в руках свои драгоценные сладости. — Спасибо, что так замечательно указывал дорогу. — Он вручил мальчугану три рупии.

Берри знал, что для того это целое состояние, но ему понравился мальчик, да и вся семья.

Глаза Маримуту загорелись. Он бросил на сестру быстрый вопросительный взгляд, опасаясь, что она велит вернуть деньги, но убедился, что та не возражает, и сунул монеты в карман рубашки.

— Спасибо, мистер Берри.

Оставшись один, Генри принялся осматриваться в комнате. Он готов был поклясться, что здесь все еще витает запах сигарет Джека. Вскоре возвратилась Канакаммал с подносом и всем необходимым для чая.

В этот момент Генри как раз стоял у камина, любуясь двумя зернистыми фотографиями Джека. На одной тот был в костюме, выглядел весьма торжественно, хоть и щеголевато, на другой, в рубашке, без пиджака, стоял, широко улыбаясь и беспечно положив руку на плечо человека, в котором Берри узнал Эдварда Синклера.

— Нед!.. Я чувствую себя почти ответственным за их знакомство. Мы с Джеком как раз сидели в моем клубе, когда Гарольд Уокер привел Синклера, только что приехавшего из Рангуна. Гм, вы, наверное, не слышали, что я в этом году женился на его сестре Арабелле?

— Надеюсь, вы очень счастливы.

Он дернулся.

— Благодарю вас. Так оно и есть.

Канакаммал кивнула, но ничего не сказала.

— Конечно, меня очень огорчило известие о гибели Неда. Белла еще не оправилась от потери.

Он видел, что она трижды перевернула заварочный чайник. Наверное, об этой старинной примете говорил ей Джек.

— Это был ужасный день для всех нас, — произнесла женщина. — Он погиб в тот самый день, когда мой муж уехал. Тогда произошла трагедия на Топ-Риф... и Джек получил телеграмму из Англии.

— Я знаю. Он рассказал мне обо всем накануне отъезда. Джек тогда еще был в шоке.

— Муж не писал мне, мистер Берри, а я сама не могу связаться с ним, потому что не знаю, где он.

— Понятно. Может быть, дать вам его адрес? — Генри стало невыносимо грустно за эту прекрасную женщину.

— Прошло уже много времени. Если он захочет, то знает, как меня найти, — сказала она, и Берри понял, что это упрек, хотя в ее тоне не было ни тени недоброжелательности.

Без слов было ясно, что Джек, очевидно, не намерен общаться непосредственно с ней.

— Когда должен родиться ваш ребенок, миссис Брайант?

— Через девять дней. Это будет мальчик. Вы можете сказать Джеку, что я назову сына Чарльзом Эдвардом Брайантом и сделаю так, что образ отца будет для него живым и ярким.

Генри сглотнул. Сложилась весьма грустная ситуация.

— Э-э, я передам ему.

— С молоком и сахаром, мистер Берри?

— Только с молоком, пожалуйста. Я должен перед вами извиниться. Джек дал мне это поручение вечером накануне своего

отъезда из Бангалора, а на следующее утро мы вместе посетили адвоката, чтобы подвести итоги его финансовым и имущественным делам в Индии.

— Похоже, он знал, что не вернется, — бесстрастно произнесла она.

— Не могу сказать, миссис Брайант. В тот момент Джек был очень расстроен. Мысленно он совершенно точно находился с вами и ребенком. Уверен, он оценит имя, которое вы выбрали.

Канакаммал кивнула и ожидала продолжения.

— Однако, к делу, — произнес он, нарочитой бодростью прикрывая неловкость за Джека, и достал документы. — Все довольно просто, миссис Брайант. Джек оставил все свои деньги и имущество в Индии вам и вашему ребенку. — Она по-прежнему молчала, поэтому Генри нервно отхлебнул крепкий, удивительно вкусный чай и продолжил: — Гм, позвольте вкратце изложить, о чем именно идет речь. Во-первых, разумеется, этот дом. Во-вторых, очень большой и красивый особняк в Бангалоре, который стоит целое состояние. Джек очень удачно приобрел его год назад. Также имеется недвижимость в Полях. Говорят, дом расположен на холме Фаннелла. Надеюсь, вы представляете, что и как, поскольку я не в курсе.

— Да, я знаю, где это.

— Хорошо. Недвижимость включает в себя магазин, полностью отремонтированный и обставленный. — Генри сверился с записями. — Он готов распахнуть свои двери, как только поступит товар. Сзади расположен небольшой дом с тремя спальнями, садом и дворовыми постройками. К нему пристроены новая кухня и ванная комната. Эта недвижимость полностью готова к использованию. Ее можно продать или сдать в аренду.

Женщина по-прежнему хранила молчание.

— Разумеется, имеются и деньги. — Генри прокашлялся. — Ощутимая сумма, миссис Брайант. Я записал точную цифру. Счет открыт в Бангалоре. Если вы пожелаете, я распоряжусь, чтобы эти средства перевели вам сюда. — Он вручил ей листок.

Канакаммал взяла бумажку, взглянула на нее, но не проявила никакой внешней реакции. Генри задался вопросом, полностью ли она поняла то, что он ей только что сказал. Эта индианка стала очень богатой женщиной.

— Благодарю вас, мистер Берри.

— Пожалуйста, зовите меня Генри. Уверен, если бы мы познакомились, когда Джек был здесь, то стали бы очень добрыми друзьями.

Она коротко улыбнулась, и ее лицо вдруг преобразилось.

— Мне не нужны такие деньги или имущество, — сказала Канакаммал.

Генри добродушно улыбнулся, отпил чаю и заявил:

— Так или иначе, все это принадлежит вам. Вы вправе поступать с данным имуществом по своему усмотрению.

— Могу я попросить вас помочь мне так же, как вы помогли мужу?

— Разумеется. Я с радостью окажу вам любое возможное содействие.

— Спасибо, Генри. Я хотела бы попросить вас продать этот дом. — Она одним жестом охватила всю комнату.

— В самом деле? Но где же вы будете жить?

— Мы с ребенком поселимся в доме за магазином. Я хотела бы открыть собственное заведение.

— Миссис Брайант, не слишком ли это поспешное решение? Может быть, стоит немного обождать?

Она покачала головой и сказала:

— Я не хочу оставаться здесь. Как только ребенок родится, я сразу перееду. Подготовку к продаже дома вы можете начать уже сейчас. Джек всегда говорил, что угледобывающая компания даст за него отличную цену.

«Ага, — подумал Генри. — Голова у миссис Брайант работает».

— Хорошо, я поговорю с представителями «Тейлор и сыновья». Следует ли мне после совершения продажи положить вырученную сумму на банковский счет, открытый на ваше имя?

— Нет. На эти деньги мы откроем в Полях новую школу для местных детей. Кроме того, я хочу, чтобы семьи всех погибших в той аварии получили определенную сумму. Предоставляю вам решить, как именно это организовать. Я не желаю, чтобы кто-то узнал, что эти деньги поступили от меня, но это не должно быть воспринято и как благотворительность шахты. Людям надо сообщить, что помощь им

оказал Джек Брайант — не потому, что считает себя виноватым, а просто из желания поддержать.

Генри опешил. Не находя слов, он лишь кивнул.

— Вы сделаете это для меня?

— Да, — пролепетал Берри. — Разумеется, я смогу все устроить.

— В таком случае я очень вам благодарна. Теперь последнее дело.

— Да?

— Оно связано с тем домом в Бангалоре, о котором вы говорили.

При мысли о том, что может за этим последовать, Генри ужаснулся. Джек так гордился этим домом.

— Только не говорите, что я должен его продать, — воскликнул он, удивляясь сам себе.

Она улыбнулась, прикоснулась к его груди, там, где сердце.

— Продавать не надо. Но у меня нет ни потребности, ни желания в нем жить. А мой сын хорошо обеспечен.

— Нет никакой необходимости решать сейчас...

— Я знаю совершенно точно, как хочу поступить с этим домом.

— А-а! — Он уже больше ничему не удивлялся.

— Я хочу отписать его миссис Айрис Синклер. Вдове Неда.

Это было уже чересчур.

— Вы шутите! Ведь...

— Я настаиваю. Хотя сейчас не надо ни о чем рассказывать Джеку, но я уверена, муж был бы очень доволен, если бы знал, что она там живет.

— Понять это свыше моих сил.

— Это... как принято говорить, сложно. — Канакаммал аккуратно сложила руки на раздутом животе. — Вам, наверное, известно, что мой муж был влюблен в эту женщину?

Тик Генри возобновился. Он забормотал что-то неразборчивое.

— Не стоит так переживать. Я всегда это знала. После смерти мужа она может жить только у родителей, к тому же, полагаю, лишь на скромную пенсию. У меня же есть больше, чем мне надо.

— Откуда вам известно ее положение?

Канакаммал опять улыбнулась.

— Я интересуюсь судьбой этой женщины лишь потому, что она много значила для Джека. Но мне приходится это делать на расстоянии, потому что она меня презирает.

Генри откинулся на спинку стула и спросил:

— Вы хотите отдать ей часть своего состояния?

— Джек любил ее. Ему следовало бы о ней позаботиться.

Генри не в состоянии был этого постичь. Жена Брайанта — неземное явление? Она была абсолютно лишена черт, к которым он привык в женщинах. С его собственной женой, наверное, случится припадок, когда он расскажет ей новости, в особенности учитывая, что она сама эту миссис Синклер терпеть не может. Ведь с ее слов выходит, что Айрис, будучи помолвленной с Недом, почти наверняка имела связь с Джеком Брайантом.

Он покачал головой.

— Полагаю, разубедить вас мне не удастся.

— У нее маленький ребенок, и она живет с родителями. Я часто вижу ее издалека, и у Айрис не самый счастливый вид. Мне кажется, что здесь ее окружают воспоминания. Она в один день лишилась всего, что наполняло ее жизнь смыслом. Мне большой дом в Бангалоре ни к чему, но миссис Синклер, возможно, там будет процветать. Она ведь, я так понимаю, родилась в Бангалоре и там же получила образование.

— Полагаю, мне не будет позволено сказать ей, от кого получен подарок?

— Она ни при каких обстоятельствах не должна узнать, что этот дом отдала ей я. — Взгляд Канакаммал сверкнул как стальной клинок. — Говорите ей что хотите, но мое имя не упоминайте.

Смирившись со всем, Берри кивнул, снял очки, протер, вновь надел и заявил:

— Хорошо. Это все?

— Осталась лишь одна деталь.

— Да?

Канакаммал поднялась, вышла из комнаты и быстро вернулась с каким-то предметом, завернутым в носовой платок, на уголке которого была вышита монограмма Джека. Она вручила ему эту вещицу.

— Пожалуйста, передайте ей.

Развернув платок, Генри увидел женские часики необыкновенной красоты.

— Это он вам подарил?

Она улыбнулась.

— Я больше не ношу украшений, мистер Берри. Они мне ни к чему. Она их будет любить. Но, пожалуйста, скажите ей, что это подарок Джека.

Он снова не поверил собственным ушам.

— Я выполню ваши инструкции до последней буквы, но, если позволите, сообщу Джеку эти подробности.

— Вы сказали, что деньги и имущество мои, я могу поступить с ними, как мне заблагорассудится?

— Совершенно верно.

— В таком случае моего мужа не следует ставить в известность ни о чем, кроме имени нашего сына.

Он кивнул. Она абсолютно права.

— Как хотите. В таком случае я немедленно встречу с Айрис Синклер и сообщу ей о подарке.

— Спасибо. — Канакаммал улыбнулась, но на этот раз в ее улыбке мелькнула какая-то странность, заставшая его врасплох. — Деньги на банковском счету я, само собой, оставлю себе.

После короткой паузы она рассмеялась грудным смехом, от которого Генри и самому стало весело.

Эта женщина прекрасно поняла все, в особенности то, что стала теперь очень богатой.

Айрис Синклер сидела напротив правительственного служащего, прибывшего из Бомбея. Она слегка нахмурилась, потому что ей показалось, что у него тик. Поймав себя на том, что чересчур внимательно на него смотрит, она испытала облегчение, когда ее отвлекла служанка со спящим ребенком на руках.

— Все в порядке? — спросила Айрис.

— Да, мадам, — ответила молодая женщина и исчезла.

Устраивая кудрявого темноволосого младенца на изгибе локтя, Айрис бросила робкий взгляд на Генри.

Он откровенно любовался ею. Во время первой их встречи она, казалось, думала о другом, даже испытывала замешательство, и теперь Берри понимал, почему так было. Раньше он не слишком доверял заявлениям Беллы по поводу того, что Джек и Айрис были любовниками, но неотразимая Канакаммал все подтвердила. Она говорила об этом очень просто. Генри восторгался ее умением держать себя в руках и душевной щедростью. Сейчас перед ним была другая женщина, много значившая для Джека, Айрис, исхудавшая до прозрачности, необычайно хрупкая и при всем том мучительно-прекрасная.

Во всем ее облике ощущалась печаль, она даже улыбалась как-то грустно, а в больших темных глазах читалась глубокая скорбь.

— Мои родители были так добры, что наняли няню для ребенка.

— Это мальчик или девочка? — любезно осведомился Генри.

— Девочка. Я назвала ее Лили.

— Ирис и лилия... миниатюрный букет, — произнес Генри, довольный собственной изящной шуткой.

Одарив его вежливой улыбкой, Айрис кашлянула и начала:

— Итак, мистер Берри...

— Генри, прошу вас.

— Генри, — кивнула она. — Позвольте организовать для вас угощение. У меня так редко бывают посетители.

— В это невозможно поверить, — жизнерадостно возразил он, но ее лицо оставалось задумчивым.

Айрис закусил губу и сказала:

— Мне следовало бы выразиться иначе: я редко принимаю посетителей. Наверное, дело в том, что мне трудно заставить себя вести светскую беседу. — Она покачала головой. — Чай, кофе — или вы, может быть, предпочтете бренди?

— Чай было бы чудесно, — ответил он, мысленно призывая тик уняться и надеясь, что справится с еще одной чашкой чаю.

— Сабу!.. — Она повернулась к двери.

— Я все сделаю, мадам, — отозвался высокий индеец, который до этого момента как страж дежурил у входа.

— Благодарю вас. Будьте так добры, прикройте дверь. — Айрис заговорщицки улыбнулась Генри. — Мама использует Сабу в качестве шпиона. Ей, видите ли, страсть как захочется узнать, зачем вы пришли, а так это останется между нами.

Он улыбнулся и спросил:

— Могу я полюбопытствовать, почему вы согласились поговорить со мной, если обычно не принимаете посетителей?

— Потому что вы сослались на Джека.

— Уже одно только имя этого человека открывает двери женских сердец, — пошутил Генри, но тут же об этом пожалел.

Выражение лица Айрис стало таким, что он испугался, как бы она не расплакалась, и мягко произнес:

— Простите.

Она слегка покачала головой и с явным опасением в голосе спросила:

— Так с Джеком все в порядке, Генри?

— Да-да, в полном. Насколько мне известно, у него все прекрасно.

— Мы, видите ли, так и не попрощались.

— Знаю. Но он ведь пытался с вами увидеться.

— Да. Это было тяжелое время для всех нас. Родители и брат хотели как лучше. Я это знаю и все же до сих пор еще не простила их за то, что они не позволили ему зайти попрощаться.

— Все это, наверное, было ужасно тяжело.

— С тех пор Джек ни разу не писал, не пытался связаться, так что ваше появление меня удивило.

— Он уезжал, находясь в очень угнетенном состоянии.

— Тогда почему вы здесь? — Она пристально посмотрела на него.

Берри достал из портфеля тонкую пачку бумаг и поинтересовался:

— Помните дом в Бангалоре, который Джек купил в прошлом году?

— Да, я помню его очень хорошо, — ответила Айрис спокойно, но от его внимания не ускользнуло, что она слегка покраснела.

Генри вздохнул. Ему это было не по душе, но он не мог пойти против желания Канакаммал.

— Джек хочет, чтобы этот дом стал вашим. Вот бумаги.

С полминуты она смотрела на него не шевелясь. Генри показалось, что протекла вечность.

— Правильно ли я поняла? Вы утверждаете, что Джек Брайант попросил вас устроить так, чтобы этот дом в Бангалоре был передан мне?

— Он ведь понимает, что с гибелью мужа жизнь для вас, с ребенком на руках, станет трудной. — Берри был не мастер врать.

Айрис покачала головой. Генри невыносимо было видеть, как на глазах у нее выступили слезы.

— Но почему же он это сделал? — Внезапно силы словно покинули ее. — Этот дом великолепен, Генри. Мне кажется, Джек хотел превратить его в домашний очаг, в котором звучат детские голоса. По-моему, это была его тайна, но он решил посвятить меня в нее. В тот день между нами возникла близость...

— Понимаю.

— Сестра Неда так и не поняла, — грустно отозвалась она.

— Айрис, я должен вам кое-что сообщить. Помните, я сказал Белле Синклер, что навещу ее в Мадрасе?

— Помню.

— Так вот, должен вам сказать, что эта Арабелла Синклер теперь — миссис Генри Берри.

— Что? Правда? Вот это да, Генри! От вашей новости у меня прямо дух захватило.

— Иной раз мне и самому с трудом в это верится. — Он рассмеялся. — Прелестная молодая женщина с поразительной легкостью вписалась в бомбейскую жизнь.

— Мне хотелось бы когда-нибудь с ней повидаться.

— За год она сильно повзрослела, Айрис. Гибель брата стала для нее огромной потерей. Мне кажется, ей полезно будет знать, что у нее есть новая сестра и большая семья, в которой к ней хорошо относятся.

— Конечно, так оно и есть.

— Тогда мне надо будет как-нибудь привезти вас к нам в Бомбей в гости. Берите с собой Лили. Белла ее полюбит.

Айрис с улыбкой кивнула и сказала:

— Это порадовало бы Неда. — При упоминании его имени глаза молодой женщины увлажнились. — Простите. Все это еще свежо.

— Не надо извиняться, я все понимаю.

Появился Сабу с подносом.

— Я сама все сделаю, — сказала ему Айрис.

Слуга покачал головой из стороны в сторону, молча удалился и прикрыл за собой дверь.

Когда она наклонилась, чтобы налить ему чаю, Генри выпрямился и спросил:

— Так я могу считать, что вы довольны подарком?

— Почему Джек не продал дом и не оставил деньги себе? — Айрис нахмурилась и придвинула к нему чашку с блюдцем.

— Его отец был богатым человеком. Насколько мне известно, Джеку денег хватает. В любом случае, так он пожелал.

— Вы хотите сказать, что Брайант еще в прошлом году запланировал, что сделает этот подарок?

— По-видимому, да, — осторожно произнес Берри.

— А как же она?

— Кто?

— Его хваткая индийская жена. — В ее голосе проскользнула внезапная жестокость.

— Э-э, вы о миссис Брайант? — Генри опешил.

— Терпеть не могу, когда ее так называют.

— Почему?

— Я всегда считала, что Джек женился на ней назло мне.

— Вот как?

Пожалев, что высказалась, и желая это скрыть, Айрис завозилась с прической.

— Из-за нашей помолвки Джек с Недом рассорились.

— Как жаль.

— Джеку было трудно принять мое решение выйти замуж за Неда.

— Он не из тех, кто легко смиряется с неудачей.

— Нет. — Она вдруг вперилась взглядом в пространство. — Жаль, что у нас не было возможности поговорить перед его отъездом.

— Вы считаете, он любил жену? — поинтересовался Генри, стараясь говорить добродушно.

— Что? Она работала у него служанкой! Джек женился на ней под влиянием минуты.

— Вы сердитесь на миссис Брайант?

— Да, сержусь. Но печальная истина заключается в том, что я ужасно ей завидую, Генри. Видите ли, я лгала сама себе, семье... и даже Неду, что хуже всего. Я любила мужа. Мне страшно произносить это, но я признаюсь вам — и только вам, — что даже сейчас мечтаю о Джеке. Я вижу его лицо, когда засыпаю. Если мне делается грустно и жалко себя, то в голову приходит его имя, а не Неда. Я любила Джека, хотя и понимала, как это опасно, — произнесла она так внезапно и открыто, что очки Генри, повинувшись отчаянному желанию хозяина предотвратить дальнейшие откровения, сползли у него с носа.

— Я... По-моему, вам не следует говорить ничего такого, что...

— Я должна. Пора быть честной. Мое горе... Больше всего в нем чувства вины. Я совершила настоящее предательство и ненавижу себя, Генри. До вашего появления у меня не было никого, с кем я могла бы поговорить. Семья не поймет.

— Прошу вас, Айрис. Я совсем не тот, кому...

Тут женщина внезапно встала, и Берри умолк. Девочка захныкала, но не проснулась. Айрис поцеловала ее в лоб.

— Бедняжка Лили. Знаете, почему я так ее назвала?

Генри не хотел знать, но уже смирился с тем, что сейчас услышит. Он лишь испуганно качнул головой.

— Потому что Джек любил полевую лилию, эмблему городка, где добывают олово, неподалеку от его родного Пензанса. Это любимый цветок его матери. Он сказал мне об этом в тот день в Бангалоре.

Генри сглотнул слюну. Он чувствовал, к чему идет дело.

В горящих глазах Айрис сверкнула вспышка воспоминания и радости, смешанной с виной.

— Видите ли, Генри, Нед — не отец Лили.

Тут горло Берри сжалось от страха и глубокого сожаления.

— Она — результат того дня с Джеком в Бангалоре. В моих устах это звучит грязно, но на самом деле все было чисто и прекрасно. Мы

любили друг друга, хотя и понимали, что нам не следует этого делать.

— Нед знал?

— Возможно, он догадывался о том, что было между мной и Джеком, хотя я не уверена, а о ребенке — нет. — Вдруг она как будто в один миг похудела. — Я так считаю. Ради него мне хочется думать, что не знал.

— Так, значит, Белла говорила правду.

Айрис кивнула и подтвердила:

— Да. Я лгала ей, Неду, моей семье и самой себе. Я заподозрила, что беременна, когда была уже формально помолвлена. Меня беспрерывно тошнило. Я поняла, что надо сыграть свадьбу как можно скорее.

— Джек знает? — На лице Генри, наверное, отразился ужас.

— Нет!

— Но почему же вы ему не сказали?

Айрис ходила по комнате, убаюкивая ребенка.

— Сама не знаю. — Она покачала головой, со смешанным выражением гнева и сожаления. — Так много было людей, которых все это касалось. Я испугалась. Бедный Нед! — Айрис заплакала, прижимая Лили к груди. — Он был такой чудесный человек. Он так меня любил, Генри, что я просто не в силах была причинить ему боль. Нед так радовался, когда узнал о ребенке. А я понимала, что Джека любить опасно. С ним нельзя было быть уверенной в том, что он меня не покинет.

— Он так и сделал, — тихо, словно разговаривал сам с собой, произнес Берри. — Бросил вас обеих, беременных, без помощи и поддержки.

— Может быть, стоит сообщить ему. — Она достала из кармашка платок, высморкалась и с любовью взглянула на Лили. — Он должен узнать о ней. Я знаю, что Джек не вернется. Если бы он хотел, чтобы я была с ним, то написал бы или нашел другой способ со мной связаться. Несмотря на все мои доводы в пользу обратного решения, которые мне пришлось однажды ему высказать, я вернулась бы, бросилась бы к нему в объятия в Корнуэлле, но... — Айрис устало посмотрела на него. — Просто скажите ему про Лили, вот и все.

— Я напишу ему в самое ближайшее время, обещаю. Так вы принимаете дом?

— Да, ради дочери. Она будет расти в прекрасном месте, благодаря этому дому станет думать об отце. Кроме того, я буду вынуждена рассказать правду о Лили моей семье. Жизнь в Бангалоре нам обеим пойдет на пользу. Я смогу устроиться на работу учительницей, может быть, даже в моей старой школе. Она через дорогу от этого дома.

— Я рад. — Берри испытал огромное облегчение.

— Я очень благодарна вам за то, что отнеслись с пониманием.

— Есть еще кое-что! — воскликнул он, надеясь, что сможет не добавлять к длинному печальному списку еще одну ложь. — Я должен передать вам вот это. Может быть, Лили станет носить это, когда подрастет. — Он протянул ей часики.

Айрис задохнулась.

— Я думала, он отдал их служанке.

Ему невыносимо было слушать, как Айрис чернит Канакаммал.

Несколько секунд Генри не мог говорить, затем, чтобы скрыть смущение, пожал плечами.

— Возможно, его жена некоторое время их носила. Так или иначе, это подарок вам.

Она приняла часы. Берри испытал немалое облегчение от того, что сделал наконец все, что от него требовалось. Он едва не вздохнул.

— Я сберегу их для Лили. Для меня очень много значит, что он вспомнил об этом и захотел, чтобы часы были у меня.

Генри встал. Ему хотелось поскорей откланяться.

— Что ж, мне пора. Если у вас появятся вопросы, то я пробуду в «Бангалор-клабе» еще пару дней. Но мне кажется, сейчас все в порядке. Еще раз приношу вам мои глубокие соболезнования.

Айрис печально улыбнулась.

— Благодарю вас. Все вокруг напоминает мне о том, что его нет. Он больше не вернется.

Берри не знал, относится это к Неду или Джеку, Айрис, наверное, тоже. Генри отвесил ей легкий поклон. Больше ему нечего было сказать. Женщина проводила его до дверей и махала, пока он садился в машину.

Никогда в жизни вид собственного шофера не вызывал у Генри такого облегчения.

— Увезите меня отсюда, Джордж.

Когда они проезжали место пересечения пяти дорог и поравнялись с высоким деревом, он увидел в тени ветвей жену Джека. Ослепительное сари цвета слоновой кости грациозно облегалo ее большой живот. При виде этой женщины ему на память мгновенно пришло ритмичное имя: Канакаммал. Она водила пальцем по коре.

— Остановите, пожалуйста, — попросил он.

Генри вышел из машины, поднялся по пологому склону, приблизился к Канакаммал.

— Все сделано.

— Я рада. — Она кивнула.

— Может быть, мне все-таки что-нибудь передать Джеку?

Женщина задумалась, помолчала, потом сказала:

— Пожалуйста, передайте мужу, что мы с сыном будем каждый день молиться за то, чтобы он был счастлив. Я заметила, как в ночь своего отъезда он назвал меня моим настоящим именем... И мне это было приятно.

Потом она повернулась и пошла босиком к дороге, ведущей в Поля.

Генри растерялся, посмотрел на дерево и заметил инициалы — «Дж. Б.». Было видно, что надпись старая, вырезанная, возможно, тогда, когда Джек только что приехал в Поля и принял решение остаться здесь. Рядом были другие буквы — «Э. С.», и Берри стало больно.

Он повернулся туда, где шла Канакаммал, надеясь, что она остановится, оглянется и добавит несколько слов, но этого не случилось.

Глория из окна наблюдала, как Джек в одиночестве читал в саду письмо, которое она утром получила на почте. Письмо было заказное и, очевидно, очень важное.

Она рассматривала конверт на просвет, пытаясь разобрать, что там внутри, но ничего не получилось. Из обратного адреса, написанного аккуратным почерком, следовало, что письмо от человека по имени Генри Берри, а на почтовой марке значилось «Бомбей». Глория как-то читала в журнале о Бомбее, но не испытывала никакого интереса к экзотическим местам, где живут цветные люди, а по улицам бродят дикие звери. Нет, ее вполне устраивала жизнь в Корнуэлле, оставалось лишь найти себе хорошего мужа.

Девушка бросила взгляд назад, где в туалетной комнате одевалась миссис Брайант, но тут же вновь посмотрела на ее сына и вздохнула, залюбовавшись его густыми темными волосами. За возможность пробежать по ним пальцами она отдала бы все! Лицо Джека было скрыто, но в своих мечтах она уже хорошо его знала.

В том, как он ссутулился, чувствовалось напряжение. У нее на глазах он перечитал письмо несколько раз, тщательно изучая каждую строчку.

— Глория, дорогая! — Голос миссис Брайант заставил ее вздрогнуть. — Вы не видели моего сына?

— Он в саду. Ему пришло письмо из Индии, — осторожно ответила она.

— Вот как?

— Да.

— Хорошо. Я надеялась его поймать. — С этими словами Элизабет надела на шею нитку жемчуга.

— Как вы думаете, он когда-нибудь туда вернется? — уголком глаза следя за Джеком, спросила Глория.

Тот смотрел в пространство.

— В Индию? Через мой труп! Нет, сын вернулся ко мне. Теперь всем известно, что в трагедии в Леванте нет никакой его вины. Он останется в Корнуэлле. В Индии его ничего не ждет.

— Желаете, чтобы я позвала его, миссис Брайант?

— Благодарю вас, дорогая.

Преодолевая два лестничных пролета, Глория едва ли не летела и лишь у выхода в сад заставила себя перейти с бега на шаг. После этого она разгладила платье и глубоко вздохнула.

По тропинке, огибающей великолепную розовую беседку, девушка медленно двинулась к скамейке, стоявшей под яблоней, вышла из-за беседки и поняла, что там пусто. Джек только что покинул сад и как раз закрывал ворота снаружи.

— Простите, что беспокою вас, мистер Брайант, — произнесла она.

Джек оглянулся и посмотрел на нее с таким видом, как будто мысленно был на другом конце земли.

— Надеюсь, новости не дурные. — Глория кивком указала на конверт.

— Друг сообщает последние сплетни, вот и все.

— Вы скучаете по Индии? — робко спросила она.

— Иногда. — Джек колебался, словно решая, сказать или нет, потом покачал головой. — Я вам зачем-то нужен?

— Меня послала миссис Брайант. Она спрашивает, зайдете ли вы к ней.

— Само собой, — ответил он.

Глория решила воспользоваться моментом. Они так редко оказывались наедине.

— Не хочу показаться выскочкой, мистер Брайант, но своим возвращением вы сделали ее по-настоящему счастливой. Мы все очень рады, что вы здесь.

— Спасибо на добром слове, Глори. Но не забывайте называть меня Джеком.

Она улыбнулась.

— Джек, мне кажется, вам надо начать выходить.

— Выходить?..

— Да, на танцы или на какое-нибудь шоу. По-моему, вам надо немного взбодриться.

Под его пристальным взглядом она едва не поежилась. Было еще достаточно тепло, и Джек ходил без пиджака, в рубашке с закатанным рукавом. Глория заметила, что загар на его могучих руках уже давно

сошел. Ей хотелось думать, что так же побледнеют и воспоминания об Индии.

— Может, вы меня взбодрите? — внезапно произнес он.

Она почувствовала, как сердце у нее забилось быстрее, готова была ответить, но Джек уже повернулся к ней спиной. Может быть, он просто пошутил.

— Пошли, Конан, — негромко сказал Брайант, подзывая маленького терьера, и пробормотал через плечо: — Скажите маме, что я скоро вернусь.

Не успела Глория ответить, как он зашагал прочь.

* * *

Джек не желал общества Глории и не в состоянии был сейчас разговаривать с матерью. Письмо взволновало его, расшевелило скрытые чувства. Он думал, что достаточно надежно и далеко упрятал воспоминания об Индии. Но Генри со своей лаконичной прозой отворил двери прошлого и вновь окунул Джека в тот мир.

Брайант не собирался заходить так далеко, но в итоге оказался на вершине скалы, откуда открывался вид на церковь. Это место приобрело для него особую важность. Джек часто приходил сюда, где в последний раз встретился с отцом. Ему казалось, что, бывая здесь, он общается с Чарльзом Брайантом, чувствует его близость.

Джек снова перечитал письмо, не в силах поверить, что стал отцом двоих детей. Айрис родила от него дочь и назвала ее Лили. Генри писал, что Айрис хотела, чтобы он знал, что девочку назвали так ради него.

Больше Генри об Айрис не распространялся, что обрадовало Джека. Он понимал, что она тогда оказалась права. Их связь была обречена с самого начала. Теперь Брайант ясно это видел. Воспоминания об Айрис все еще воспаляли в нем желание, но можно ли сказать, что он в самом деле ее любил? Сейчас, оглядываясь назад, Джек подозревал, что принял страсть, даже похоть, за любовь. Молодого мужчину слегка точило чувство вины, но если игнорировать его достаточно долго, то оно останется в прошлом точно так же, как две женщины в Индии, жизни которых он бесповоротно изменил. У

Айрис никогда не будет недостатка в кавалерах. Со временем ее грусть пройдет, и она будет готова к новым встречам. Генри уверял, что вдова Неда выглядит похудевшей, однако готовится к новому будущему в Бангалоре.

К дочери же Джек испытывал совсем иные чувства. Известие о Лили заставило его сердце забиться быстрее. Он дал себе торжественную молчаливую клятву, что будет выделять на нее деньги, оплатит хорошее образование и обеспечит всем, в чем она будет нуждаться. Джек даже представлял себе, как в один прекрасный день они встретятся. Вот девушка сходит с корабля в Саутгемптоне, темноволосая красавица, вылитая мать. Он подозревал, что мгновенно и по-настоящему влюбится в дочь.

Но если при новости о Лили сердце у него забилося быстрее, то при известии о сыне оно едва не выскочило из груди. Генри, уже находясь в Бомбее, получил весточку от Канакаммал. Она сообщала, что, как и обещала, родила здорового крепкого мальчика и назвала его Чарльзом в честь корнуэлльского дедушки. Перечитывая строчки, написанные мелким почерком Генри с идеально закрученными петлями, Джек плакал.

У меня сложилось впечатление, что Канакаммал сделает все возможное, чтобы сын тебя знал. Она надеется, что когда-нибудь вы встретитесь, а до тех пор будет хранить твой образ в его сознании. Никакое расстояние не помешает ему вырасти, почитая тебя так, как ты любил собственного отца.

Джек смял письмо в кулаке. Жена показывала, что прощает ему все горести, которые он на нее навлек. Она сохранит самую большую его драгоценность — сына. В этом мальчике продолжится род Брайантов. Ему обязательно надо будет привезти ребенка в Корнуэлл и познакомить с родиной его предшественников, мужчин рода Брайантов.

Джека поразила мучительная ирония, скрывавшаяся в том факте, что его отца и сына не только одинаково зовут. Они вызывали в нем одни и те же мучительные чувства. Полюбит ли его юный Чарльз?

Задумываясь об отце, Джек тоже всегда спрашивал себя, как тот к нему относился. Что более важно, сумеет ли Джек оправдать то уважение, которое ему будет оказываться? Он постарается. Канакаммал делает так, что Брайант сможет построить взаимоотношения с сыном. Жена ни о чем не просит Джека, но позволит ли она ему забрать Чарльза? Никакая мать добровольно не отдаст сына. Брайанту было все равно. Желание, чтобы этот мальчик был рядом, оказалось сильнее всех остальных. Мечта ввести сына в бизнес-империю, на счет которой Джек строил такие большие планы, была не просто томлением, игрой воображения. Идея представлялась ему реальной и достижимой. Может быть, он наконец-то сумеет сделать что-то такое, что вызвало бы одобрение старшего Чарльза, — хорошо воспитать сына. Когда Джек представил себе, как приятно было бы, если бы отец стал им гордиться, ему на глаза опять навернулись слезы, но от доброго, волнующего чувства. Ему стало легко, тяжесть, угнетавшая его весь последний год, растворилась.

Джек смотрел на море. Легкий летний бриз осушал слезы у него на щеках. Вид изумрудной воды и безоблачного неба на мгновение пробудил в нем мечту о том, чтобы опять уплыть в экзотическую страну, в Золотые Поля, где осталось его прошлое и ждет будущее.

От автора

Истории о двух моих дедушках, оказавшихся в двадцатых годах в Рангуне, пылились в семейных архивах так долго, что их романтический потенциал мог быть оценен только писателем. Один из них был корнуэлльским горняком, второй — шотландцем, потерявшим мать, когда его семья приехала в Бирму. Мой дед по матери действительно женился на очаровательной англо-индианке по имени Мей Айрис, дочери врача. У них было семеро детей, и они жили счастливо, пока он не скончался внезапно в возрасте сорока двух лет. Джеймс Паттон — прототип Неда в моем повествовании. Он в самом деле бежал из Бирмы, стал электриком и на момент смерти работал управляющим отделом электроснабжения Золотых Полей Колара. Второй мой дедушка, по отцу, Джон Ричардс, в жизни называемый Джеком, любил ездить на мотоциклах, обладал недвижимым имуществом и абсолютно точно женился на прекрасной индийской служанке, чем, не сомневаюсь, до крайности изумил окружающих. Ее имя было Канакаммал, но он называл ее Элизабет.

Я единственная внучка, получившаяся от этого квартета. Оба моих деда умерли задолго до того, как я появилась на свет, но у меня сложились необыкновенно нежные, полные любви отношения с бабушкой Мей, которая переехала в Англию, где родилась я. Подростком, в 1973 году, я познакомилась с Канакаммал и за то краткое время, что мы провели с ней в Индии, влюбилась в нее. Она умерла несколько месяцев спустя.

Насколько мне известно, мои дедушки, а также бабушки были знакомы друг с другом лишь мимолетно, но никогда в жизни я не испорчу правдой хорошую историю!

Эта книга — художественное произведение. Я сплошь и рядом заимствовала факты из реальности, однако не стремилась к исторической точности, поэтому вольно обращалась с прошлым и даже придумала несуществующую шахту. Любое несовпадение с реальными фактами информированному читателю следует, скорее всего, воспринимать как намеренное. Если такое произошло случайно, то вина в этой недоработке именно моя, а не блестящей группы щедрых и энергичных помощников, рассеянных по всему миру.

Я хотела, чтобы роман был динамичным и легко читался, поэтому сознательно избегала воспроизведения оборотов речи, диалектов или манеры говорить, характерных для того времени. При написании книги я стремилась только к тому, чтобы развлечь читателя. Надеюсь, мне это удалось. Спасибо за то, что прочли ее.

Благодарности

С кого начать, говоря о небольшой армии людей, способствовавших превращению этого проекта в реальность?

Думаю, с одного из самых популярных в Австралии рассказчиков. Десять лет назад Брюс Куртни убедил меня написать книгу и тем самым положил начало моей новой карьере. «Золотые Поля» — мой шестнадцатый роман, тот самый, который я всегда мечтала написать. Спасибо тебе, Брюс, за то, что настоял, чтобы я в конце концов это сделала. Благодарю Боба Сешшенса из «Penguin Books» за неустанную поддержку этого проекта и за то, что дал мне в качестве редактора удивительного Али Уотса. Али, работать с тобой — одно удовольствие. Спасибо, Белинда Бирн, за блестящую работу, направленную на то, чтобы полностью раскрыть потенциал этой истории. Разумеется, громкого «ура» заслуживают все мои новые друзья из «Penguin Books» — Габриелл, Пег, Питер, Луи, Салли, Дан, Мэри. Спасибо за поддержку и профессиональный подход к делу.

Очень многие люди помогали мне добывать документальный материал. В этом смысле прежде всего следует отдать должное Иану Макинтошу, который прочел огромное количество книг на всевозможные темы — от жизни при раджах до судебных деклараций двадцатых годов. Он съездил со мной в Индию, чтобы пройти по следам дедушек и увидеться с членами семьи, живущими в Бангалоре, о существовании которых я знала лишь понаслышке. Спасибо также Николь Ленуар Джордан и всем работникам «Индия туризм» за поддержку, благодаря которой Бангалор, Золотые Поля Колара и Тумкур стали для нас доступными, что чрезвычайно облегчило исследовательскую работу. Благодарю фантастический коллектив «Визит Бритн» за то, что помогли навестить Корнуэлл и в течение четырех дней любоваться великолепным побережьем. Моя искренняя признательность Питу Джозефу, куратору «Тривитик сэсайети», который бескорыстно отдавал свое время и знания, просвещая меня по любым вопросам — от истории региона Сент-Джаст до того, где в Пензансе пекут самые лучшие корнуэлльские пирожки. Благодарю Кэрл Хискоут из «Чейзвотер сэсайети» Корнуэлла за непреклонную

решимость помочь мне разыскать место рождения и крещения моего деда.

Малькольм Лонгстафф, спасибо за твои, по-видимому, неисчерпаемые знания о пассажирском судоходстве. Удивительно спокойная Кристин Стаммер, благодарю за своевременную помощь.

Корректоры — Пип Климент, Соня Кэдци, Джуди Даунз — благодарю вас! Спасибо австралийским книготорговцам за то, что позволяли мне экспериментировать с жанрами и с энтузиазмом помогали читателям находить на книжных полках мои книги.

Моя благодарность разбросанной по миру семье за то, что дала основу этой истории. Спасибо моему собственному трио — Иану, Уиллу и Джеку за бесконечное терпение и поддержку, благодаря которым я имела возможность исчезать на многие часы, чтобы заняться написанием этой книги.

notes

1

Белое перо у англичан символизирует трусость. Наличие таковых в хвосте боевого петуха считается признаком плохой породы. (Прим, ред.)

2

Одеколон «4711» — знаменитая марка, выпускаемая в Германии.
(Прим. ред.).

3

Чокра — мальчик-слуга; дхоби — прачка (как мужчина, так и женщина). (Прим. перев.)

4

Дхал — карри с чечевицей. (Прим. перев.)

5

Айя — няня, служанка из местных жителей в Индии или других бывших британских территориях. (Прим. перев.)

6

Анна — индийская монета, составляющая $1/16$ рупии. (Прим. перев.)

Так у автора. На самом деле экватор проходит много южнее описываемых мест. (Прим. ред.)

8

Джентри — нетитулованное английское мелкопоместное дворянство. (Прим. перев.)

9

«Ли энд Перринз» — фирма по производству различных соусов, в том числе вустерского. (Прим. перев.)

10

Горная станция — городок в невысоких горах Индии, популярный в качестве курорта в период жары. (Прим. перев.)

11

Сент-Панкрас — крупная железнодорожная станция в Лондоне; станция метро. (Прим. перев.)

12

Стоун — мера веса; равен 14 фунтам или 6,34 кг. (Прим. перев.)

«Чивас ригал» — название дорогого шотландского виски двенадцатилетней выдержки компании «Чивас бразерс». (Прим. перев.)

14

Шенди — смесь простого пива с имбирным или с лимонадом.
(Прим. перев.)

Флорин — монета, равная двум шиллингам. Вышла из обращения в 1971 г. (Прим. перев.)

Мали (на языке хинди означает «садовник») — одна из индийских каст. (Прим. ред.)

Кью-Гарденз — Королевский ботанический сад, расположенный на юго-западе Лондона. Основан в 1759 г. (Прим. перев.)

Джимлет («буравчик») — коктейль из джина или водки и сока лайма, иногда с добавлением содовой. (Прим. перев.)

«Роузез» — фирменное название лимонного и фруктовых соков, а также лимонного конфитюра компании «Кадбери Швейцария». (Прим. перев.)

«X», поставленное в конце письма, обозначает поцелуй. (Прим. перев.)

«Фортнум энд Мейсон» — знаменитый лондонский универсальный магазин, поставщик королевского двора, прославившийся главным образом своими пищевыми продуктами высшего качества. (Прим. перев.)

Вадаи — пресные пончики из нутовой муки, подаются с другими блюдами. (Прим. перев.)

23

Очарована, восхищена (фр.).

Фервей — основная зона игры на площадке для гольфа. (Прим. перев.)

Кедди — мальчик, подносящий клюшки и мячи при игре в гольф.
(Прим. перев.)

Бункер — песчаная ловушка, ров с песком, препятствие на поле для гольфа. Чип — невысокий короткий удар, после которого мяч прокатывается на относительно большое расстояние. Грин — площадка с идеальной травой, по которой мяч может без препятствий докатиться в лунку. (Прим. перев.)

Эл Джолсон (1886–1950) — американский артист, стоявший у истоков популярной музыки США. (Прим. ред.)

Ирвинг Берлин (1888–1989) — американский композитор, который написал более 900 песен, 19 мюзиклов и музыку к 18 кинофильмам. (Прим. ред.)

Чоли — той с короткими рукавами — деталь костюма индийской женщины. (Прим. перев.)

Пиммс — традиционный английский напиток с фруктами и пряностями, чаще всего на основе джина. (Прим. ред.)

Игра слов: «кеу» означает одновременно «ключ» и «подсказка, разгадка». (Прим. перев.)

Чатни — индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа.
(Прим. перев.)

Рукоятчик — рабочий у устья шахты, который ведет учет шахтеров, спускающихся под землю и поднимающихся на поверхность. (Прим. перев.)

Table of Contents

Фиона Макинтош «Золотые поля»

ЧАСТЬ I

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

ЧАСТЬ II

24

25

26

27

28

29

30

31

32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49

От автора
Благодарности

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)